

Ольга Кузьмичева-Дробышевская

**ВСЁ — НИЧТО!
— БЕЗ ЛЮБВИ**

Ольга Кузьмичева-
Дробышевская

**ВСЁ — НИЧТО!
— БЕЗ ЛЮБВИ**

ББК 63.3
УДК 94(47)

Издание книги осуществлено при финансовой поддержке
Агентства по привлечению инвестиций
города Набережные Челны

К89 О. В. Кузьмичева-Дробышевская
Всё — ничто! — без любви. — Набережные Челны, 2015. — 496 с. + цв.
вкл. 16 с.

«Всё — ничто! — без любви» – книга Ольги Кузьмичевой-Дробышевской об Учителях с большой буквы. Главный герой Евгений Андреевич Черепов с первых страниц предстаёт увлечённым человеком с крепкими убеждениями, способным повести за собой, и не отпускает читателя до самого финала. К этому человеку невольно проникаешься симпатией и доверием. Его спутница жизни Татьяна Корнеевна под стать супругу – разумная, хрупкая и сильная женщина, помощница во всех делах. Действие, охватывая временной период от Великой Отечественной войны до наших дней, происходит во многих уголках СССР, но большей частью в молодом городе Набережные Челны. Подробно рассказывается и об участниках судьбы Череповых – родителях, друзьях, сыне, коллегах, учениках и воспитанниках; и о том, как увлечённость географией и походами переросла в крепкую дружбу, о преодолении себя, любви и прощении, убеждённости и воле, силе человеческих чувств.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978–5–85247–799–6

© О. Кузьмичева-Дробышевская, текст
© О. Белова-Недовизий, иллюстрации

КАССИОПЕЯ СТАЛА БЛИЖЕ

Несколько слов об авторе. В городе Набережные Челны, где живёт Ольга, и за его пределами её знают больше как исполнительницу романсов, песен на стихи собственные, местных и российских поэтов, также классиков. В её стихах — тонкий лиризм, в пении — тяга к бельканто, душевному исполнению. В 2009 году О. Кузьмичева-Дробышевская попробовала себя и в прозе: книга «Одноклассники. Письма в будущее» основана на документальных материалах и рассказывает о выпускниках 10 «А» класса набережночелнинской школы № 20. Опыт удался: книга признана одной из лучших изданных в Татарстане в 2009 году и в 2010-м принесла автору звание лауреата республиканского конкурса «Хрустальное перо». О том, что книга состоялась, свидетельствуют и многочисленные положительные отклики читателей не только Набережных Челнов, но и многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья, куда «дошли» «Одноклассники. Письма в будущее» как в печатном виде, так и в электронном посредством Интернета.

И вот новая встреча с героями. Но теперь ракурс другой — перед нами широкое повествование об учителе географии Евгении Андреевиче Черепове — человеке талантливом, неординарном. Название книги «Всё — ничто! — без любви» на первый взгляд может показаться необычным, но тот, кто её прочтёт, поймёт, что это наиболее верный вариант.

Книга построена своеобразно. Первая большая часть, давшая название всему произведению, написана как увлекательный роман. Здесь присутствует художественный вымысел, порой автор вводит вымышленных персонажей, чтобы ярче оттенить те или иные черты главных героев или глубже копнуть возможную ситуацию. Главная сюжетная линия начинается с истоков, со времён Великой Отечественной, рассказывает об условиях, правилах и возможностях жизни семьи кадрового военного — отца

главного героя, о детстве самого героя, его первых шагах и становлении в избранной профессии учителя. Плавно, а не вдруг появляется любовная часть романа, где невеста под стать жениху, хоть и другого роду-племени, где семейный союз длится всю жизнь без особых коллизий, условностей, но не без испытаний.

Ярко и достаточно полно рассказано в книге о «чёрном» времени для государства — времени перемен. О тех трагедиях, которые пришлось пережить и городу: после того нравственного подъёма, с которым победным маршем совсем недавно шла великая стройка, вдруг окунуться в разброд, крушение идеалов, разгул бандитизма и бесовщины — это выдержали не все...

Не могла не отразиться на повествовании первая профессия автора, выбранная ещё в молодости, — учитель (она и сегодня преподаёт, имея соответствующее образование). В книге особо проступает любовь самой Ольги к детям, глубокое понимание их психологии: одни из лучших страниц, порой трогающих до слёз, — о них — детях, обездоленных детдомовцах. За понятной сдержанностью автора проглядывает глубокое чувство сопричастности к горю маленьких людей. Неизвестно, есть ли в этой теме авторский вымысел, да и не важно, потому как жизнь сильнее и больше любых фантазий.

Вторая часть книги «Время итогов» — документальная. Она написана в другом ключе и не просто дополняет первую, а углубляет её, делает более убедительным всё произведение, потому и читается с тем же неослабевающим интересом. А может... может быть, читателю уже не захочется расставаться с главным героем, коль около него так хорошо думать, анализировать, осмысливать происходившее и происходящее. Захочется больше узнать, ещё побыть с этим учителем, с этим географом: он ведь не нынешний географ (из нашумевшего недавно фильма), который пропил глобус; он противоположно другой — устойчивый и крепкий, он — опора. И вот оно, доказательство. Это десятки воспоминаний — персонифицированных, детальных, эмоциональных и сдержанных; десятки признаний учительской одарённости, любви и уважения; десятки живых картин из той, не такой уж и давней прошлой жизни, которая всем нам дорога, поскольку в ней мы были и наказаны ею же (переломный период!), но и счастливы.

О главном герое книги рассказали его ученики, коллеги, друзья, родные, просто близкие по духу люди. Невольно подумаешь: как же много их, кому запал в душу этот человек... Нет, он не был идеальным, были свои промахи и слабости у героя, как у любого самого достойного человека, и об этом написано, но всё же надо признать, что он — один из многих — родился истинным педагогом. Это уж дар Божий. К тому же не закопанный в землю

(все знают, случается такое!), а состоявшийся на этой земле, одухотворённый тем, что воспринят как долг.

Не могу не привести отрывок из разговора с автором, а говорили мы о первой части книги — художественной, допускающей некоторое домысливание.

— Ваши несуществующие образы и собирательные прототипы органично вписались в ткань повествования, — сказала я Ольге. — И даже придуманный ночной урок астрономии на крыше воспринимается хоть и экстравагантным явлением, но вполне возможным для такого интересного учителя.

— Но ночной урок не придуманный.

— Ну как... Родители не отпустили бы детей!

— А географ всем заранее позвонил, объяснил, что с ребятами ничего не случится, что всё продумано. Ему родители доверяли детей...

Вот так! Но скажите, знаете вы такого учителя, который поздним вечером с телескопом полезет на крышу, да ещё и ребят за собой потащит? Я не знаю. Но ребятам этим светло позавидовала и порадовалась: Кассиопея стала к ним ближе. На всю жизнь. Да-а, всё — ничто! — без любви. Не правда ли?

«ПУСКАЙ КНИГА ИДЁТ В МИР»

Прочитал книгу. Увлекает, заставляет переживать. Книга интересна исторически — жизнь нескольких поколений, неотделимых от судьбы страны, охвачена; ярко и понятно описано, откуда взялись корни главных героев, откуда их дух борцовский и терпение — у всего есть истоки. Я знал главных героев в жизни, но не знал, сколько их сёмьи, их родные пережили, у Татьяны особенно, с детства натерпелась она, в ней это видно было, а теперь ясно, почему она всю жизнь как стальная пружинка. И Евгению досталось...

Подвиг родительский героев книги тоже понятен: что ни говори, но родного ребёнка легче принять, воспитать, а чужого? — ведь не от того дерева кустик, — конфликты и трения неизбежны. Непростой мальчик рос. Татьяне доставалось: мир между мужем и сыном налаживать, покой семейный оберегать, дипломатом быть, и всё равно, как на женщину, больше «шишек» падало на неё. Но, слава Богу, вырос мальчишка, и я думаю, добрую память о родителях пронесёт по жизни.

Главный герой — его характер, его путь — раскрыт достойно, может быть, где-то идеализировано, но суть сохранена, и другим герой романа не может и не должен быть. Хотя в жизни где плюс, там и минус. Порой чем положительней человек, тем больше в нём и отрицательного, яркая личность — она со всех сторон яркая. Да, Евгений каялся, исповедовался, как и многие другие, с проблемами в церковь пришёл, но сумел найти в себе силы не растерять дух, хоть и тяжело ему было, хоть и не сразу душа его раскрывалась и мягчала. Он ведь, несмотря на то, что воцерковился, долго держался как бы в сторонке, долго свою независимость сохранял. И школу воскресную организовал по-своему, со своими традициями, которые до сих пор остаются. Бог многое дал ему, и за ним люди шли, и учителя за ним сюда пришли, и ученики. И слава Богу за всё.

Когда человек умеет переживать радость, когда к природе ближе становится, тогда он болезнь побеждает; как начинает он грустить, скорбеть, тут его болезнь и дожирает, по-другому не скажешь. Только радостью жизни все болезни можно победить, да они и не пристают к радостным людям — нет оснований напасть. Кто в жизни к чему-то стремится, не для себя живёт, а ради чего-то и кого-то, мобилизуется и идёт, тому и умирать раньше времени не хочется, того Дух и направляет. И чудесами нашу жизнь наполняют Дух и вера.

Большая книга — большая работа. Считаю, очень нужны такие книги — о действительной жизни, о настоящих событиях — они настолько драматичны, извините, круче всяких бразильских сериалов. Это наша жизнь. Ценно то, что книга написана о реальных людях, о тех, кто был рядом с нами. Что говорить, мы привыкли: герои — это что-то далёкое, недостижимое. А на самом деле подвиг — он тут, рядом, в моём городе, в каждом его обыденном дне. Пускай книга идёт в мир, пусть живёт, пусть люди читают и думают.

Спаси, Господи!

«НО СЕРДЦЕ ВЕРИТ В ЧУДЕСА...»

Наше знакомство с учителем географии набережночелнинской школы № 20 Евгением Андреевичем Череповым началось с телефонного разговора, когда я приступила к работе над книгой «Одноклассники. Письма в будущее». Увы, мой звонок не привёл меня к встрече с одним из главных героев будущего произведения.

Тогда, в 2008-м, наш разговор по телефону был коротким. Я попросила учителя рассказать о школе, в которой он проработал 27 лет, о его легендарном 10 «А» классе 1980 года выпуска, и задала вопрос: когда и где удобно встретиться. Ответ прозвучал следующий: «Ольга, ничего вам рассказывать не буду, вы всё равно правды не напишете, прошу вас больше меня не беспокоить». Это было произнесено бархатистым тихим голосом, но сухим и жёстким тоном. Я попыталась возразить, мол, *что* расскажете, *как* расскажете, *так* и напишу; но Евгений Андреевич не оставил никакого шанса: «Не звоните мне больше. Всего вам доброго». И я, прежде чем он положил трубку, только успела извиниться и пообещать, что беспокоить не буду. И сдержала слово...

Теперь понимаю — так бывает: главного «героя моего романа» в лицо не видела, общалась с ним, как ныне модно выражаться, виртуально, всматриваясь в старые видеокассеты, изучая документы, встречаясь с его учениками, коллегами, родными...

Спустя полтора года, когда из печати вышла книга «Одноклассники. Письма в будущее», Евгений Андреевич позвонил мне сам:

— Оля, большое вам спасибо за книгу... Всё так и было!..

Что говорить? Оценка учителя, чьи уроки красной нитью прошли через книжное повествование и реальные судьбы ребят — его учеников, для меня, автора, самая дорогая и высокая.

На этот раз мы разговорились. В голосе собеседника уже чувствовалось тепло. Условились о встрече, правда, её пришлось на время отложить, потому что я тогда жила и училась в Москве.

Когда вернулась в родной город, Евгения Андреевича уже не стало.

Случайно или неслучайно (по жизни всё больше уверяюсь в том, что все наши встречи и жизненные пути — промысел судьбы и, как сказал бы Евгений Андреевич, — Божий промысел), в 2012-м судьба вернула меня к продолжению знакомства с одним из главных героев книги «Одноклассники. Письма в будущее». Ученики Евгения Андреевича, благодарные выпускники разных лет 20-й школы города Набережные Челны в лице Сергея Майорова и Рамиля Якупова, обратились с просьбой изучить и описать биографию учителя, и я приступила к работе над новой книгой. Она, дорогой читатель, у тебя в руках.

Признаюсь, продолжение «общения» с Евгением Андреевичем Череповым стало для меня незабываемым большим путешествием в его жизнь и жизни тех, кто был ему близок или прошёл по краешку судьбы. Исследование биографии началось с поездки в Геленджик — город, где в 60-е жила семья Евгения Андреевича, посёлок Ильский Северского района Краснодарского края, где мне посчастливилось встретиться с его мамой Екатериной Михайловной и сестрой Тамарой Андреевной... Потом у меня были и другие поездки, впечатления о них — в книге.

Однажды мне попался в руки двенадцатый том «Ради жизни на земле» из серии книг «Венок славы», выпущенных в Москве издательством «Современник» в 1987 году. Именно этот том — последний — я случайно вытянула из ряда книг и попросила разрешения у владелицы взять с собой, когда Людмила Павловна Чахирева, мама одного из учеников Евгения Андреевича, во время интервью рассказала, что учитель подарил им это собрание сочинений. Позже узнала: Евгений Андреевич раздарил много книг из своей домашней библиотеки... Но сейчас — не об этом, а о Чуде, что я пережила, принеся домой увесистый том в бордово-красном переплёте.

Усевшись поудобней на диван, положила книгу на колени, открыла её — не с начала, а просто так, наудачу. И... между желтоватых страниц с газетным бисерным текстом лежит маленький розовый листочек бумаги (такие используют для заметок в современных офисах). Записка. Читаю, разбираю мелкий, немного колючий почерк:

«Дорогая Людмила Павловна. Я хочу подарить Володе и Вам 12 томов книги «Венок славы» о нашей стране в годы войны. Если согласны, то передайте через Бориса¹. Остальные тома передам позже через Боря.

¹ Борис Петрович Удасов — общий знакомый Е. А. Черепова и семьи Чахиревых (прим. автора).

Книги исторические, литературные, может быть, и внукам для уроков пригодятся».

И подпись: «Брат Евгений и сестра Татиана с поклоном Вам». Даты нет.

Так я первый раз познакомилась с почерком Евгения Андреевича. Потом, гораздо позже, это маленькое Чудо потянуло за собой другое: мне в руки попали некоторые личные письма Евгения Андреевича и его супруги Татьяны Корнеевны. Как я благодарна за это провидению и тем, кто поделился письмами! Убористые строки поведали многое из того, что могли бы рассказать сами герои моего романа. Не знаю, захотели бы они со мной делиться этим, но раз уж я прочитала «живые» письменные откровения, то и это неслучайно: мне предоставилась возможность прикоснуться к миру мыслей, переживаний и Евгения Андреевича, и Татьяны Корнеевны.

Но это ещё только часть Чуда. Книга открылась на странице, где начинается рассказ Юрия Гейко «Банка варенья». Пережив первое волнение от «полученной» записки, я из любопытства начала читать документальный рассказ. И вновь, как током, сознание прошли строки: «Живут пока ещё рядом с нами люди, биографии которых по-настоящему мы будем изучать, наверное, потом. По крохам, с чужих слов, из пожелтевших бумаг. Потому что человек всегда расточителен к тому, что имеет...»

Вот мне и «домашнее задание» свыше — изучай биографию и пиши. И укор Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны — с ней тоже мне не довелось увидаться, а ведь наверняка ещё в 2008-м была возможность... Вот оно, расточительство!.. И я «по крохам», «из пожелтевших бумаг» собрала, исследовала биографию Евгения Андреевича Черепова и написала книгу «Всё — ничто! — без любви». Какое интересное слово «исследование»! Слышу его так: «пройтись по оставленным следам, и из следов увиденных, из следования по ним сложить представление, сделать вывод, оставить новый след»...

Чудеса на этом не закончились. В общей сложности работа над книгой продолжалась три года. За это время, погружаясь в обстоятельства жизни моих героев, в их характеры, доверяясь интуиции и перестав сопротивляться тем моментам, когда герои лишали меня собственной воли и начинали «диктовать» своё поведение, я пережила не одно озарение в виде снов, догадок, «видений». Многие из них потом подтвердились наяву. Дабы не быть голословной, приведу только один пример.

Сутки ехала в поезде в Сыктывкар на встречу с мамой Татьяны Корнеевны и её братом. Уснула. Во сне увидела незнакомого высокого человека, он возил меня в машине по незнакомому городу, устроив что-то вроде экскурсии. Подвёз к часовне, сказал: «Она построена в память о репрессированных... Там, если спуститься, — махнул рукой, — наша река...» Мы по

довольно крутой тропе спустились к реке, я увидела тёмную воду с плавающими небольшими льдинами и комьями снега. Герой моего сна сказал: «Однажды мне довелось выкупаться в этой воде, в проруби...» Я стояла на чём-то немного шатком, скрипучем... Разглядела под ногами деревянные, усыпанные снегом мостки, подумала, что раньше такие строили для полоскания белья в реке... Постояв на ночном берегу, мы вновь начали подниматься по белой от снега тропе... Я проснулась.

В Сыктывкаре на железнодорожной станции меня встретил Сергей Корнеевич Харюков, родной брат Татьяны Корнеевны. Когда я его увидела, сердце так и ухнуло: он — герой моего сна. Решила ничего об этом ему не рассказывать. Сначала мы поехали в гостеприимный дом Сергея Корнеевича, его милая жена Ольга Николаевна накормила меня вкуснейшей рыбой с овощами, напоила горячим чаем. Я отогрелась, ведь случилось так, что из осеннего тепла средней полосы я попала в заснеженный город, и уличный термометр показывал минус 29.

После ужина Сергей Корнеевич проводил меня к своей маме Ольге Петровне — она мне поведала много интересного о Евгении Андреевиче, о его большой любви к Татьяне... Наша беседа завершилась после того, как Ольга Петровна призналась, что очень устала: тяжело вспоминать о детях, которых нет в живых. А я бы, конечно, ещё расспрашивала и расспрашивала, но увы... Несмотря на темноту, до ночи оставалось время, и Сергей Корнеевич предложил мне экскурсию по Сыктывкару. Он возил меня в машине по незнакомому городу, делился впечатлениями из детства. Мы подъехали к часовне, и он мне сказал, что она воздвигнута в память о репрессированных... Тут я не выдержала и спросила: «А спуск к реке там?» — указала рукой направление. Он: «Да, а как вы догадались?» И я поведала о своём сне. «Действительно, — подтвердил Сергей Корнеевич, — там течёт наша Сьёсола, и в детстве я чуть не утонул в проруби... Там до сих пор живы деревянные мостки, к которым полгорода приходило полоскать бельё...»

Уезжала я из Сыктывкара окрылённая — именно в этой поездке сложилась концепция будущей книги.

Дорогой читатель, не могу не сказать о своей печали: ни Екатерина Михайловна — мама Евгения Андреевича, ни Ольга Петровна — мама Татьяны Корнеевны, выхода книги в свет не дождалась. Время неумолимо... Но я благодарна судьбе, что успела встретиться, поговорить, хоть и не наговориться, с этими удивительными, хрупкими и стойкими, словно оловянные солдатики, женщинами, которые сумели пронести через испытания и беды любовь к жизни, передать её детям.

Книга состоит из двух частей: художественной — «Всё — ничто! — без любви» и документальной — «Время итогов». Художественная часть, по

закону жанра, допускает художественный вымысел, не претендует на то, чтобы быть истинной, но и не является ложью. В ней, ради свободы изложения, я изменила имена прототипов (конечно же, кроме главных героев). Присутствуют и вымышленные образы, и персонажи собирательные, прообразами которым послужили несколько реальных человек. Поэтому, пожалуйста, прими героев художественного повествования насколько возможно отстранённо.

Вторая часть составлена на основе свидетельств и документов, а также встреч-интервью с теми, кто поделился воспоминаниями о Евгении Андреевиче и Татьяне Корнеевне — его верной спутнице жизни, сыгравшей в судьбе героя романа важную роль.

Итак, дорогой друг, предлагаю тебе вместе со мной проследить судьбу обычного человека, просто любившего жизнь и отдававшего её избранному делу, людям, миру, Богу.

В добрый путь.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВСЁ — НИЧТО! — БЕЗ ЛЮБВИ

ЕВГЕНИЙ И ЕГО СЕМЬЯ

«Будешь сча-а-астлив», — мелодично говорит огромное, в полнеба, солнце. Оно сдержанно поднимается над спокойным простором Чёрного моря и жарким светом вливается в изумрудно-лиловую воду. Евгений замер на берегу, у самого обрыва высокой кручи, развёл руки в стороны: вот-вот они превратятся в крылья и...

Молодой мужчина, шурясь, вглядывается в горизонт. Солнце будто дразнит его, зовёт к себе — только шагни! Но тут же и удерживает плотным потоком света: «Когда найдё-о-ошь пу-у-уть...» И влечёт, и удерживает. Радужный свет разливается музыкой, она проникает в сердце, до ломоты распирает грудь, щемит душу непостижимой тоской по открывшемуся вольному простору. И чем выше поднимается солнце, тем ярче звучит мелодия. Сначала — два высоких женских голоса, потом три, четыре... А вот слышны и низкие виолончельные, будто загудели глубинные тягучие воды, что сдерживают таинственные силы морской стихии. И снова — пронзительно тонкие, словно солнечные блики заскользили по звенящим, устремлённым ввысь скрипичным струнам. «Там, под говор моря...» — «Там, под знойным небом...» — «Улетай на крыльях ветра...»

Вместе с музыкой и светом Евгений плавно и легко, став невесомым, поднялся над берегом. Ощущение высоты восхитило, и он вдруг понял: для того, чтобы лететь, не надо махать руками, как птица

крыльями, не надо никакой суеты — только мысль! — она поднимает тебя над привычной твердью...

Евгений проснулся, открыл глаза. Яркое солнце настёрно проникает в глубь небольшой комнаты сквозь короткие бязевые занавески, закрывающие нижнюю половину окна. Длинные лучи, падая на чистый деревянный пол, собрались в неровном, слепящем глаза, квадрате. Одним краем солнечное пятно выхватывает из тени пёстрый самотканый половичок, другим тянется к толстым ножкам старого платяного шкафа, третьим — к свежывыбеленной стене, где вместо ковра висит географическая карта мира, а четвёртым вот-вот скользя с пола к подушке и озорно защекочет в носу проснувшегося. Женя повернулся на бок. В зеркале шкафа увидел привычную картину: круглый стол, на нём — лампа, похожая на старую керосинку, рядом лежит раскрытая книга.

«На чём я вчера остановился? — напряг память Евгений. — Ах, да! «Женщины любят только тех, которых не знают»... Да уж, загадка разжигает ум и сердце».

Из «Спидолы», приютившейся между грубыми верёвками, на которых висят над столом самодельные книжные полки, донёсся бодрый голос диктора радиостанции «Маяк»: «Прозвучал отрывок из оперы «Князь Игорь» Бородина. А теперь, дорогие слушатели, предлагаем вашему вниманию...»

— Понятно-а-а!.. — сладко зевнул и потянулся хозяин комнаты, осезая мягкость удобной постели. Только волшебная музыка может навеять волшебные видения. Он давно не летал во сне и всё ещё переживал увиденное, услышанное и — подумать только! — сказанное самим Солнцем: «Будешь счастлив, когда найдёшь путь...»

А что его искать? Евгений — уже — в пути к своему счастью: позади — годы учёбы в педучилище и первый опыт работы в школе, впереди — новая жизнь. Она начинается прямо сейчас: тут — в Геленджике, на Черноморском побережье Кавказа; тут — в новой квартире родителей. Ну и что с того, что пока придётся жить с отцом и матерью? Зато не мотаться по общежитиям. Эта комната теперь полностью в его распоряжении: сестра вышла замуж и выпорхнула из родного гнезда. Её мечта сбылась, теперь она не носит страшную фамилию Черепова, теперь она Тамара Андреевна Никифорова. Звучит! Другая фамилия — другая жизнь; и у Жени — пора перемен: новое место работы в санаторно-лесной школе и знакомство с Валей, молодой учительницей. Работа обещает быть интересной, а знакомство, возможно, перерастёт во что-то большее...

Не желая покидать ещё дышащую сном постель, он снова потянулся, запрокинул руки за голову и мечтательно уставился в потолок: «А не сходить ли к морю, к этой круче, что приснилась? Войти в прозрачную, как воздух,

воду, лечь на спину, раскинуть руки — чем не крылья? — и парить, парить, глядя в небо... А что, если пригласить Валю? Лучшего повода рассмотреть её фигурку и не придумаешь, наверняка она согласится окунуться в прохладные волны... А потом, — его сердце сладко затрепетало, — может быть и поцелуй...»

С Валентиной он познакомился недавно, когда устраивался на работу. Подписав заявление у директора, решил неспешно прогуляться по пустынной школе — она словно сил набиралась перед новым учебным годом. Евгений уверенно ступал по чистому деревянному полу, выкрашенному к новому учебному году, и с улыбкой слушал, как мягкое эхо шагов гулко летит по длинному коридору. Звуки по несколько раз ударялись о высокие стены и потолок, и не успевал утихнуть один, как его тут же настигал другой. Этот весёлый «канон шагов» привёл экскурсанта к одной-единственной открытой двери, на которой красовалась новенькая табличка «Учительская». Евгений смело вошёл в просторный светлый кабинет с книжными шкапами, выстроенными вдоль стен, да несколькими письменными столами у больших окон без штор. За одним из столов сидела девушка и что-то писала на развёрнутом двойном листке, вырванном из тетради.

— Здравствуйте, уважаемая.

— Здравствуйте, — девушка хотела было встать, но Евгений жестом остановил её.

Он быстро сориентировался в обстановке, взял стул и сел за тот же стол, только напротив, по-ученически сложил руки и, как озорной мальчишка, стал рассматривать юную особу. На ней было тёмно-синее платье с белым в горошек воротником; из-под него пунктиром сбегали мелкие пуговики и упирались в такой же цветом, как воротник, широкий пояс. По-девичьи пухлое, совсем не загорелое лицо обрамляла тёмная плотная коса, уложенная корзинкой. Тонкий остренький носик и карие, чуть раскосые глаза, от волнения не знающие, куда смотреть, придавали девушке особое очарование.

Она передёрнула плечами, будто хотела сбросить с себя беззастенчивый взгляд незнакомца. Евгений понял: слишком увлёкся; и, чтобы снять возникшее напряжение, широко улыбнулся:

— Меня зовут Евгений Андреевич. А вас?

— Валентина... — её голос дрогнул, она откашлялась и сказала решительней, — Валентина Константиновна.

— Я думал, вы старшеклассница. А вы, Валентина Константиновна, новая наша учительница? — для солидности более низким, чем обычно, голосом спросил Евгений.

От слуха Вали не ускользнуло: в вопросе по-особому прозвучало слово «наша».

— Да, — ответила она и потупила взгляд, быстро поправила зажатую в пальцах ручку, провела ею по написанным строчкам, делая вид, что проверяет их.

— О, у вас шариковая ручка? Да вы модница!.. — игриво заметил Евгений и вновь сменил тон на «начальственный». — А знаете, что в школе запрещено работать такими «орудиями труда»? Научно доказано: они портят почерк.

— Знаю, — Валя перешла к обороне, — но ведь я не тетрадки проверяю и не документы заполняю...

— А позвольте полюбопытствовать, что?.. — Евгений подхватил стул и быстро пересел на сторону учительницы.

— Список адресов учащихся моего будущего класса, — она, не вставая, чуть отодвинулась и зачем-то прикрыла листок лежащим на столе журналом.

— Не может быть! — его изумление было явно показным. — Вам уже и класс доверили?.. Как можно? Вы же сама ещё ребёнок!

— Я учительница начальных классов, — её щёки вспыхнули, и она добавила: — В этом году закончила училище...

— Не может быть! — повторился он.

— Может, — твёрдо сказала она.

— Значит, Валентина Константиновна, мы с вами коллеги! — радостно воскликнул Евгений и, как бы утверждая свою мысль, слегка хлопнул по столу ладонью. Потом, выдержав небольшую паузу, исподтишка любуясь смущением девушки, вкрадчиво добавил: — Я тоже учитель начальных классов. Правда, здесь пока воспитатель — когда устраивался на работу, не оказалось вакансии.

— А вы, Евгений Андреевич, давно здесь работаете? — она искоса глянула на нечаянного собеседника.

— Давно. Очень давно, — уверенно ответил тот и с нескрываемым удовольствием вздёнул рукав светлого летнего пиджака, посмотрел на «Командирские» часы, подаренные отцом на день рождения. — Уже... целый час! Да, ровно час.

Она прыснула со смеху, но тут же взяла себя в руки и, осмелев, возмущённо подняла чёрные брови.

— Значит, новенький-то вы, а не я! Я здесь работаю уже больше двух часов.

— А-а, так это вы заняли последнюю вакансию?! — он подался вперёд и, наклонив голову, заглянул девушке в глаза.

— Я устроилась по распределению, меня ждали, а вот вы, похоже, самозванец, — она гордо выпрямила спину, с важным видом положила ручку на стол, скрестила на груди руки, поджала губки и укоризненно покачала головой, мол, да-да.

Евгений вскочил с места, почтительно расшаркался в поклоне:

— Простите, миледи, но нежность вашего голоса смягчает жестокость ваших слов.

Девушка улыбнулась.

— Любите Дюма-отца? Похвально, — теперь в её голосе зазвучали учительские нотки.

— Люблю! — решительно выдохнул Евгений, — и Дюма... и отца! — он упал на одно колено и приложил обе руки к сердцу.

Юная учительница звонко рассмеялась...

Из школы вышли вместе. Евгений предложил Валентине проводить её. Она, указав рукой на жёлтое высокое здание общежития, что виднелось между деревьями за школьным каменным забором, скромно отказалась:

— Тут недалеко.

— И всё же разрешите, — настаивал Евгений, сделав гусарский поклон, и если бы у него были железные шпоры, он обязательно ими звонко щёлкнул.

— Ну что ж, разрешаю, — весело ответила Валя, глядя на высокого, стройного молодого человека.

В непринуждённом разговоре они быстро перешли на «ты». Девушка поведала о том, что приехала в Геленджик из далёкого города Сыктывкара, что пока не привыкла к жаркой влаге здешнего воздуха, но надеется скоро привыкнуть, ведь морской климат целебен, недаром именно в Геленджике для детей открыли санаторную школу.

— Считаю, нам с подругой крупно повезло с распределением, — радостно тараторила Валентина, — мне безумно нравится город, и я бы хотела остаться тут навсегда. Здесь удивительно пахнет морем и хвоей, а ещё — чувствуешь? — будто расплавленным кварцем: так пахнет солнечный свет. Люблю этот запах, у нас на Севере он появляется, когда приходит весна, когда тает снег... А какие чудесные здесь сосны, у них такие пушистые, длинные, почти в ладонь, иголки!.. У нас там не такие деревья, угрюмые, что ли, и пахнут не такпряно. А тут их разморило солнце, оно здесь будто ближе к земле, и деревья плавятся под ним, как зажжённые свечи.

— Стихов случайно не пишешь? — Евгений внимательно посмотрел на девушку. — Так складно говоришь.

— Пробовала... ерунда получается, — дёрнув плечиком, откровенно отвила Валя. — Зато мы с подружкой наизусть много знаем. У нас в училище

был хороший преподаватель литературы. Между прочим, — хвастливо сказала она, — мы его сами себе назначили.

— Как это?

— А так! Сначала у нас был скучный-скучный учитель, на его уроках только и хотелось спать или в окно смотреть. И как такие идут в учителя?.. Мы группой терпели-терпели, а потом устроили бойкот. Сговорились и в один прекрасный день пришли на занятие с вязанием, нам как раз по труду задали варежки. Представь: заходит он в класс, а мы даже не встали, все как одна сидим и вяжем; он здоровается, а мы глаз не поднимаем, вяжем; он возмущается: что это такое?! — а мы знай себе вяжем. Тогда он побежал к директору. А мы директору сказали прямо: хотим другого учителя, у этого учиться не будем! И нам дали другого, да такого, что мы на литературу потом как на праздник бежали. Даже запрещённого Есенина, Ахматову учили!.. «Глупое сердце, не бойся! Все мы обмануты счастьем, нищий лишь просит участия... Глупое сердце, не бойся»... или: «Сердце к сердцу не приковано, если хочешь — уходи. Много счастья уготовано тем, кто волен на пути...» Как перекликаются! Читал?

— Что-то...

— «Что-то!..» — не дослушав, передразнила Валя. — Мы так полюбили стихи, что стали соревноваться, кто больше выучит. И теперь иногда даже разговариваем стихами. Подруга прочтёт несколько строк, а я пытаюсь угадать, чьи они, вспомнить и продолжить. Игра такая получается, вот например...

Валя ненадолго задумалась, потом, чуть растягивая слова, шагая в такт стиха, начала читать:

*— Светает — вьётся дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Ещё у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна...*

Евгений обрадовался, что может поддержать тему, подхватил:

*— Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!*

Он остановился, ожидая, что девушка тоже остановится, восхитится, что и он знает эти стихи, но она вдруг побежала и, оглянувшись, задорно бросила:

— Ты пропустил строфу!..

Он догнал её:

— А чего побежала?

— Ничего... — не глядя на Евгения, ответила она и снова пошла шагом.
— Любишь Лермонтова? — коснувшись её локтя, спросил он. — Я тоже...
— Подруга любит, — отдёргнув руку, деловито сказала она, — мне больше современные поэты нравятся. Вот смотрю на тебя и понимаю: «Людей интересных в мире нет, их судьбы, как истории планет».

— Спасибо... Неожиданно... — сказал Евгений, а про себя подумал: звучит как признание, но почему-то не трогает. — Что-то не узнаю, чьё это?

— Молодого поэта, в Москве он уже очень известен, — Валя произнесла это с такой гордостью, словно только вчера вернулась из столицы, где лично общалась с большим человеком. — А зовут его, как и тебя, Евгений. И фамилия на «Ев»... Полистаешь «Юность» — узнаешь...

Слова девушки неприятно кольнули душу, Женя решил немного помолчать.

Подошли к общежитию. Валя окинула взглядом горизонт: на тонких длинных облаках уже появились оранжево-малиновые блики, а высокая гора, обрамляющая бухту, вдруг потемнела, и море на самом деле стало казаться чёрным-чёрным, загадочным и даже пугающим. Девушку охватила необъяснимая тревога...

Ещё в педучилище она каждый день мечтала об окончании учёбы, хотелось как можно скорей начать самостоятельную жизнь, в которой представлялись и новая школа, и увлекательная работа, и, конечно же, знакомство с интересным молодым человеком. Но всё это казалось каким-то далёким. И сейчас, когда Валя поняла, что мечта как-то вдруг нечаянно начала прорисовываться явными штрихами, ей стало страшно, и в душу вместе с восторгом закралось какое-то предательски зудящее неверие: так не бывает.

Она украдкой посмотрела на Евгения: тёмный волнистый чуб аккуратно зачёсан, в лице — приятная смешинка... симпатичный; несмотря на его шутки, от него веет какой-то надёжностью и добротой.

— Завтра будет хороший день, — Евгений нарушил молчание. Остановился у подъезда общежития.

— Почему ты так решил? — она повернулась и с любопытством заглянула в его карие, но в этот момент чёрные, как море, глаза.

— Это не я решил, это небо рассказывает. Видишь? Солнце садится из-под тучи — хорошая примета, — он улыбнулся и с лёгкой иронией добавил: — Разве ты не знаешь об этом?..

Валя не показала смущения, лишь гордо дёрнула плечом:

— Нет.

— Тогда смотри, — он повернулся к закату и жестом художника вскинул руку, будто взял кисть и приготовился накладывать на холст мазки: — Цвет солнца не серdito багряный, что обычно предвещает сильный ветер, а ро-

зовый, ровный и ласковый, так и кажется, что оно говорит нам: «Спите спокойно, ночь будет ясной, и день завтрашний тоже ясным и добрым».

— Ты уверен?

Евгений уловил в голосе девушки лёгкую грусть.

— Да, — он внимательно посмотрел ей в глаза. — Ведь мы сегодня познакомились... и я надеюсь, завтра увидимся.

Взял её за руку. Валя резко отстранилась, словно чего-то испугалась, сухо сказала:

— Будет день — будет пища, так моя бабушка всегда говорила. Так что не загадывай, — и уже мягче добавила: — А знакомству я тоже рада... Спасибо за приятный вечер.

— Тебе спасибо... И всё же до завтра?

— Возможно, — её лицо вновь стало озорным. — Пока!

Девушка синей бабочкой впрхнула в подъезд...

«Нельзя упускать последние деньки лета», — подумал Евгений, потянувшись и, хлопнув ладонями по простыне, которой укрывался вместо одеяла, вслух сказал:

— Эхма! Решено — к морю!

Он вскочил с постели, выключил радио и запел себе под нос только что придуманную частушку:

*Валя, Валенька, Валюша,
ну согрей ты сердце-душу,
хоть немножко побалууй,
подари мне поцелуй...*

По-солдатски быстро заправил постель: отец — ныне майор в отставке — с детства приучил к порядку. Сын часто слышал: «Настоящий мужчина должен быть: первое — сильным, чтобы держать удар; второе — волевым, чтобы держать слово; и третье — целеустремлённым, чтобы держать путь». Это всегда произносилось командирским тоном, после чего с улыбкой добавлялось: «А что для этого нужно? Суший пустяк — только дис-цип-ли-на!»

Евгений с удовольствием сделал привычную зарядку и, прежде чем выйти из комнаты, придирчиво глянул на постель, ещё раз отутюжил ладонями сгиб покрывала. На железной спинке старой панцирной кровати виднелся потёртый, когда-то выведенный белой краской номер «124». «Похоже, скоро совсем сотрётся», — мысли Евгения унеслись в прошлое.

Он любил эту кровать «из детства». Когда отца направили на последнее место службы в Геленджик, Евгений ещё учился в педучилище Усть-

Лабинска, и родители переезжали без него. Тогда он, прибежав на почту и заказав междугородный разговор, попросил их не выбрасывать старую кровать — солдатский раритет!.. Хорошо помнил, как в далёком 44-м их семья вернулась из эвакуации, из Коканда, в родной Харьков. Но прежняя квартира в центре города была разрушена, и их поселили в комнатухе коммуналки, в военном городке, расположенном на Павловом Поле, прозванном так в честь купца, что жил здесь сто лет назад и владел загородными угодьями. Город разросся, а название осталось. Комнату выделили отцу как преподавателю военного авиационного училища связи, где он учил курсантов тактике.

Недалеко от «нового» дома, в который переехали Череповы, была местность, огороженная в три ряда колючей проволокой; за ней — заминированная в 41-м, при сдаче Харькова гитлеровцам, — большая территория, которую сапёры и после Победы не один год обезвреживали. Вдалеке за проволокой виднелся сбитый «Юнкерс». Однажды Женя уговорил отца взять военный бинокль и пойти к «колючке». Он не мог отвести глаз от вражеского самолёта: остатки фюзеляжа, как решето, в дырках от пуль; на обломках крыльев — устрашающая свастика; хвост торчит из земли так, словно вновь рвётся в небо; а вокруг — гильзы, снаряды, какие-то обломки, до всего рукой подать — настоящие трофеи!

Как же хотелось залезть за эту проволоку! Но отец строго-настроено наказал: «Не смей! Там — смерть!» Сын послушался, однако по-настоящему понял страшную правду лишь тогда, когда сосед Захарка однажды не вернулся из-за «колючки». Весь район тогда рыдал, а Захаркина мать, говорят, умом тронулась: за день до гибели сына она получила долго плутавшую по свету похоронку на мужа...

Хотя дружба Захарки и Женьки незадолго до трагедии разладилась, Женя тоже вместе со всеми плакал навзрыд. Он никак не мог понять: как так? Захарки больше нет и не будет; ещё вчера дразнился, а сегодня, говорят, и косточек не собрать. И Женька горько плакал вместе со всеми и выплакал обиду, которую, казалось, никогда-никогда не простит.

А всё — из-за куска сахара.

Стоял долгий пыльный летний день. Женя, как обычно, поджидал Захарку во дворе, собирал, выскывая в придорожном песке, голыши, чтобы посоперничать с другом «в камушки». Азарт игры затягивал мальчишек порой не на один час. Ещё бы! И ловкость пальцев нужна, и зоркость, и смухлевать в этой игре нельзя: пока летит подброшенный вверх один камушек, нужно быстро-быстро схватить с земли другой и сразу же, как жонглёру, той же рукой поймать уже падающий. Если получилось — щёлкнул голыш о голыш в ладошке, и ни один не вылетел — значит, забираешь

их себе; не получилось — пропускаешь ход, и тогда соперник может всю добычу у тебя отыграть. А для удобства надо, чтобы камушки были примерно одинакового размера — не большие и не маленькие, без торчащих краёв... Женя, пока ждал Захарку, набил полный карман и в руках ещё держал те, что не уместились в штаны.

Когда сосед, наконец, показался на пороге своего дома, Женька, увидев его, обомлел и выронил из рук незатейливую добычу. Захарка, гордо задрал нос, вышагивал так важно, словно сытая цапля по мелководью. «Во развоображался!» В одном кулаке он держал обломок самого дорогого лакомства — тёмно-серой макухи¹, в другом — Женя глазам не поверил, сглотнул голодную слюну, — голубоватый, сверкающий на солнце большой ком сахара.

Макуху Женя грыз последний раз на Рождество, когда они с хлопцами ходили по домам, распевая весёлые колядки:

*Сієм, вієм, посіваєм,
З Новим роком вас вітаєм,
щоб здоровенькі були
та горілочку пили.
Хоч так, хоч не так,
Дай, бабусю, нам п'ятак².*

Ходили не ради праздника, смысла которого не понимали, а ради гостинцев. Жалостливые хозяйки по сусекам поскребут да найдут хоть сухарик, хоть высохшую почерневшую грушу-дичок — её называют дулей. «Может, потому, — думал Женя, — что дулю можно долго-долго во рту катать, сосать». Иногда мальчишкам доставалась варёная картофелина — её съедали сразу же, как только получали, — кусали прямо с кожурой и непременно по-честному: по очереди, помаленьку. А каким сладким леденцом казалась нечаянная фасолина!..

Так, колядуя от дома к дому, вечно голодные пацаны набивали карманы чем-нибудь съестным, и если перепадала макуха, то праздник удавался на славу! А вот о сахаре и мечтать не приходилось...

— Бачив? — покрутил кулаками Захарка. — А у тебе таке е?³

У Жени перехватило дыхание, и он прохрипел:

¹ Спрессованный жмых, остающийся после отжима растительного масла.

² Сеєм, веєм, посеваєм,
с Новым годом поздравляем,
чтоб здоровыми были,
чтоб горилочку пили.
Хоть так, хоть не так,
Дай нам, бабушка, пятак (укр.).

³ Видел? А у тебя такое есть? (укр.).

— Немає¹... — рука его сама потянулась к сладкому куску. Но сосед, похоже, вовсе не собирался делиться. Однако и как отказать лучшему другу, не знал — ведь если у Женьки появлялась горбушка хлеба, натёртая чесноком и присыпанная солью, Захарке всегда доставался кусочек. Но вот самому разделить нечаянную редкость оказалось выше всяких сил. Захаркины глаза-угольки так и забегали, так и запрыгали, словно бешеные чёртики. Рот с чёрными заедами скривился в злой, жадной ухмылке. Кулачки задрожали. И он ничего не сумел придумать лучше, как засунуть обе руки к себе в штаны и демонстративно потерять дорогим лакомством о причинное место.

— Щоб ніхто більше не просив², — прошипел Захар.

Женю чуть не вытошнило.

— Ще жопу оближи, смердюча свиня... — зло выдавил он, — щоб ти подавився!³ — и, смачно плюнув жадюге в лицо, убежал со двора.

Ему хотелось сделать что-то такое, чтобы Захарке стало больно-пре-больно! Завидно-презавидно! Подкараулить и побить? Но это дело обычное. Вот если бы у Женьки было что-нибудь эдакое, чего нет у Захарки... Эх, вот бы найти гильзу или ножик немецкий, тогда он не только Захарке нос утрёт, но и среди всех хлопцев станет героем.

— А може?.. Точно! — Женя стукнул себя в лоб. — Сгонять в Дробицкий яр.

Однажды отец рассказал маме про гибель своего школьного друга Давыда, которого мама хорошо знала, а Женя уже после войны не раз заглядывал в папин фотоальбом и видел снимок, где отец и его друг запечатлены ещё мальчишками. Отец, вспомнив Давыда, рассказал, как во время войны фашисты свозили в яр и расстреливали там евреев и пленных красноармейцев. Страшно даже представить, сколько народу поубивали...

Женя слушал, и мимо мальчишеского уха не проскользнуло, что старшие пацаны именно в Дробицком яре — а там нету мин — находят не только гильзы, но даже солдатские каски. Вот и Микола — один из старших — наверняка там, в яре, раздобыл две каски и устроил из них в своей голубятне насест. Потом всем хлопцам хвастался добычей, особенно одной каской, что пулей продырявлена; у мальчишек глаза загорались, когда они — конечно же, только с разрешения хозяина! — трогали её, примеривали пальцы к отверстию. А Микола с горящими глазами рассказывал, как в войну его старший брат Петро и мамка спасли голубей: «Німець, що в окупації жив у нашій хаті, захотів по птахам постріляти. Тоді Петро

¹ Нету (укр.).

² Чтоб никто больше не просил (укр.).

³ Ещё жопу оближи, вонючая свинья... Чтоб ты подавился! (укр.).

гикнул, щоб птахи злетіли, а сам — на фашиста! Вчепився зубами йому в руку. Німець від злості за автомат — і на Петра! — каждый раз обыгрывая все роли, рьяно кривляясь, взахлѐб говорил Микола. — А мати з криком на фашиста: «А-а-а, зміюка-а-а!» А той прикладом їй по голові, вона і впала. Петро в крик. А німець плюнув — швейн! — і пішов за сарай, і вистрілив у птахів! Тра-та-та-та... Тільки не потрапив у них — вони вже високо літали... А Петро кричав, по землі волочився, бився... Бо в лютий голод, коли жерли навіть траву з черв'яками, Петро з мамкою зберегли красивих білих голубів»¹.

Женька подумал: «Підмовлю Миколу, з'їздимо в яр, Захарка тоді трісне»²...

А тепер вот Захарка за «колючкой» навсегда. Бабы, жалєя его мать, на весь двор выли: «Война распроклята... кровь любит... На смерть дітей не народити»³...

Несмотря на наступающее мирное время, слѐз было много, гораздо больше, чем радости: в разрушенных городах по-прежнему царили голод и холод, не хватало воды, не было электричества. И Женина мать частенько плакала, обживая, как она говорила, «казенну хату».

— Андрюш, где ж діти наши спать-то будут? В Коканд драпали — нічого с собой было не взять. Там три года маялись, на полу и ели, и спали. Тут разруха. Когда ж это кончится, а?.. Хоть бы матрацик який, хоть бы один на двух діток раздобыть, — слѐзно выговаривала мужу Екатерина, намывая обшарпанный деревянный пол, служивший и кроватью, и столом.

Родители Жени были русскими, но больше полжизни прожили на Украине, и в их разговоре частенько проскальзывали украинские слова. А Женья хорошо знал язык и общался со сверстниками только на украинском, да и в школе украинский преподавали как родной, наравне с русским. И даже когда Женья говорил только по-русски, в его речи звучало и осталось на всю жизнь мягкое гортанное «гэ»...

Андрей Тимофеевич, глядя на слѐзы жены, всегда находил утешительные доводы:

¹ Немец, что в оккупации жил в нашей хате, захотел по птицам пострелять. Тогда Петро гикнул, чтоб птицы взлетели, а сам — на фашиста! Вцепился зубами ему в руку. Немец от злості за автомат — и на Петра! А мати з криком на фашиста: «А-а-а, гад!..» А тот прикладом ей по голові, она и упала. Петро в крик. А немец плюнул — швейн! — и пошѐл за сарай, и выстрелил в птиці! Тра-та-та-та... Только не попал в них — они уже высоко летали... А Петро кричал, по земле катался, бился... Потому что в лютий голод, когда жрали даже траву с червяками, Петро с мамкой зберегли красивых белых голубей (укр.).

² Подговорю Миколу, съездим в яр, Захарка тогда лопнет (укр.).

³ ...На смерть детей не нарожаешь (укр.).

— Катюша, потерпи ще трохи¹. У нас хоть крыша над головой, а другие — в развалинах та в землянках. Вон Гаврило одноногий из ломаного кирпича с саманом² домишко соорудил и счастлив, калека. А у тебя и я здоровый, и Женька тож, ты с Тамаркой после тифа поправилась. Потерпи, недолго осталось... А про матрацик що-небудь придумаю.

На другой же день он в паре с курсантом училища принёс из военной части две казарменные кровати со списанными постелями: одну сыну, другую дочери. Кровати и стали первой ощутимой радостью, укрепившей веру в скорое окончание войны, в начало новой жизни. Чуть позже в комнате появились обшарпанный платяной шкаф и большой круглый стол.

— Ну вот, по-людски отпразднуем Победу, — сказал тогда отец, хлопнув ладонью по столешнице. — И забудем страх да позор. Победителей не судят...

* * *

Память — что это за орган такой в человеке? До войны Андрей Тимофеевич и не подозревал, что память может быть коварной, как злобный иллюзионист, что она порой не подвластна ни разуму, ни воле. Иногда хотел бы помнить что-то, а вот оно — раз! — и выскальзывало, как рыба из сети, не поймать. А иногда, словно в песне, «я б хотел забыться и уснуть», да вот никак! Не всё забывается. Но не всё и помнится. Человек миллионы лет всматривается в природу, пытаясь познать, понять её законы. Но чем умней и сильнее он становится, тем больше её разрушает, тем, кажется, короче становится его память, и он всё изощрённей, всё циничней придумывает смертоносные орудия, всё глобальней становятся войны.

Приобретая офицерский опыт, Андрей Тимофеевич понял: военное дело надо осваивать досконально. Из-за неумения воевать сколько молодых неопытных солдат погибло бессмысленно и в 41-м, и за всю Отечественную?! Поначалу советские войска дрались не столько умением, сколько количеством: солдат толком не учили драться и выживать, а больше учили послушанию, потом силой приказа направляли на верную смерть; и недолго держались на передовой полуобученные бойцы — гибли; но на их место прибывали новые и новые. Среди офицеров стала расхожей поговорка: «быстрое учение — к смерти да мучению»... Больно и страшно! А что можно было сделать, когда враг уже ворвался в твой дом, а ты не готов дать отпор? Долго, долго ещё страна будет подсчитывать истинные потери.

¹ Ещё немного (укр.).

² Саман — строительный материал, изготовленный из глины, соломы и навоза.

Шёл третий месяц войны.

Вряд ли харьковчане забудут 22 августа 1941 года — первый ночной налёт фашистской авиации. Тогда немцы засыпали мелкими термитными «зажигалками» Дом Красной Армии, гостиницу «Астория», университет... А в последний августовский день фашистские бомбардировщики обрушили фугасные бомбы уже на жилые дома, и одна сторона проспекта Сталина оказалась буквально стёртой с лица земли.

...Два самолёта низко летели над крышами домов, как хищники, преследующие жертву, готовые в любой момент на неё спикировать. Но они не пикировали. Их зловещие тени, казалось, устрашающе медленно двигались вдоль улицы, отражались в окнах домов, тёмно-серым стальным холодом накрывали заматавшихся в панике людей.

Давыд побежал к ближайшей «щели»¹...

Ему вдруг показалось, что всё вокруг замерло, притаилось, будто приготовилось к роковой неизбежности... Только адский гул неумолимо подступал, врзался в воздух, в землю, поглощал силы Давыда. «Беги, беги!» — заставлял он себя. «Почему их никто не сбивает?..» — в ужасе задрал голову, и ему почудилось, что из кабины самолёта на него глянул фашист. Нет, не почудилось, Давыд явно увидел перекошенную злобой, насмехающуюся в оскале рожу. Леденящий страх сковал душу, сбилось дыхание. «Дома Мария с детьми... Если туда долетят, что будет?.. Помни, Господи, царя Давида у крови его, да приди же ты, Господи, во царствие свое...»

Раздалась пулемётная очередь... женский или детский вопль... кто-то надрывно застонал... кого-то подкосило... снова выстрелы и нарастающий с невероятной скоростью пронзительный свист бомбы... стена соседнего дома в грохоте дрогнула, пошатнулась, брызнула искрами стёкол и, как в замедленной съёмке, начала тяжело оседать.

Давыд прыгнул в «щель», упал на что-то мягкое, зажал руками голову. Под ним что-то дёрнулось, и он носом уткнулся в холодную землю.

— Полегче, товарищ, — раздался сбоку хриплый, но на удивление спокойный голос. — Ты тут не один.

Давыд повернулся и в полутьме разглядел испещрённое ссадинами лицо мужчины лет сорока, одетого в военную форму.

— Не дрейфь, — неожиданно во весь рот улыбнулся сосед, обнажив вероятно белые зубы. — Леонид Соколов, а попросту Сокол.

Он закричал, разворачиваясь поудобней, неуклюже подал Давыду руку. У того почему-то сразу схлынул страх.

¹ Специально вырытые в земле глубокие узкие ямы, в которых люди укрывались во время авианалётов.

— Просто Давыд, — он закашлялся от песка на губах, от оседающей сверху гари.

— Если прямого попадания не будет, останемся живы, — твёрдо сказал Сокол.

— Будем надеяться, — Давыд не узнал своего осипшего голоса.

— Так точно, — подтвердил военный...

Всё стихло так же внезапно, как и началось.

Давыд выкарабкался из «щели». Его шатало, в ушах звенело. Блуждающим взглядом он окинул дымящуюся улицу, вернее то, что от неё осталось. Там, где только что стоял дом, зиял огромный котлован со вздыбившейся горой арматуры, балок, кирпичей, досок; в них — зажатые ещё живые и уже погибшие люди, искорёженные тела... под ногами — лужи крови... то тут, то там — упавшие: кто ранен, кто убит... стоны, крики...

Чёрная пыль въедалась в нос и горло, щипала глаза. По грязным щекам Давыда бежали слёзы, он сам не понимал, отчего: то ли от радости, что жив, то ли от ужаса.

— Сегодня нам повезло, — Сокол слегка толкнул Давыда плечом. — Ну, бывай, — он крепко пожал протянутую навстречу руку, развернулся и быстро пошёл прочь.

— И тебе удачи! — крикнул Давыд и поспешил к своему уцелевшему дому.

Военный, не оглядываясь, махнул рукой...

Командир 57-й бригады войск НКВД¹ по охране особо важных предприятий промышленности полковник Леонид Соколов получил боевой приказ: «Немедленно занять круговую оборону в районе Харьковского тракторного завода и держаться любой ценой, даже в условиях полного окружения»².

— Но в моей бригаде только стрелковое оружие! Ни артиллерии, ни миномётов, даже медсанбата нет!.. — сорвался на крик Соколов.

— Это приказ! — гремел железный голос в телефонной трубке.

— Но если я даже всех сниму с охраны объектов, мне не закрыть завод цепью из бойцов!!!

— У вас есть милиция и девять взводов батальонов НКВД. И о народном ополчении не забывайте!

— Да у этих «ястребков»³ только четыреста винтовок, а у ополченцев оружия вовсе нет! Чем оборонять?!

¹ Народный комиссариат внутренних дел СССР — центральный орган государственного управления страны по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934–1946 годах. Впоследствии преобразован в МВД СССР.

² Валерий Вохмянин, «Чёрный сентябрь 1941-го», газета «Слобода», № 74 от 15.09.2006 г.

³ Так неформально называли истребительные батальоны НКВД.

— Действуйте!..

Люди стояли насмерть...

Незадолго до первых налётов Андрей Тимофеевич чудом успел вывезти жену и сына из центра города — дороги были забиты повозками, машинами и идущими пешком. Паника гнала людей, из уст в уста передавалось: «Немцы в Харькове». Андрей Тимофеевич выбирался с семьёй на окраину, сняв угол в частном доме. Мысль о школьном друге не давала ему покоя: Давыд просил помочь вывезти и его семью... Андрей обещал, но не успел...

К 20 сентября гитлеровцы вышли к Харькову. Враг на пороге, и руководство города приступило к спешной эвакуации населения. Но в последнем ушедшем из города эшелоне не хватило места Красноградскому детскому дому, а следующего поезда детдомовцы не дождались — к вокзалу со страшным рыком моторов подкатили немецкие мотоциклы.

Харьков был оккупирован 24 октября 1941 года, а 29 октября об этом сообщило Советское информбюро. Отступление объяснялось стратегическими соображениями советского командования, о том же, что в оккупации оказалось чуть ли не пятьсот тысяч горожан, сказано не было! Кроме мирных жителей, в городе остались полки, госпитали с ранеными... Фашисты, войдя в Харьков, учинили репрессии. Евреев согнали в район Харьковского тракторного завода, организовав еврейское гетто. Каждый день в Дробицком яре расстреливали до трёхсот человек — и евреев, и военнопленных.

Тогда же захватчики впервые испробовали новое орудие убийства — «машины-душегубки», в которых травили людей выхлопными газами.

Давыд погиб в такой «душегубке», об этом Андрею уже в конце войны, когда он с семьёй вернулся в Харьков, рассказали родные друга. Давыд с женой Марией были комсомольскими активистами, окончив курсы в Золотоноше, работали киномеханиками — возили по районам Украины немое кино, агитировали молодёжь в комсомол. Потом перебрались в Харьков, но работу по районам продолжили. Когда немцы вошли в город, кто-то предал Давыда, и его с Марией арестовали. В декабре их вместе с пленными полураздетых согнали в холодные бараки еврейского гетто. На пустыре, в Дробицком яре, заставили строить виселицу, копать огромную яму — одну на всех геттовцев могилу... Когда всё было готово, фашисты, угрожая автоматами, согнали в яр мирных жителей, среди них оказались дочь и сынишка Давыда и Марии. Мария, увидев детей, успела крикнуть: «Вита, молчи!..» Вита услышала мать и, высмотрев её среди арестованных, испугалась, подхватила на руки трёхлетнего братика, прижала лицом к своей груди: «Не

дивись — замружся і не плач...»¹. Сама же восьмилетняя девочка стояла в толпе и смотрела, как чинится казнь. Она не хотела смотреть — страшно! Но и не смотреть не могла, там — мама и папа. Её сковал ужас: лицо свело в немом крике; живот, руки и ноги — в судорожной боли. Не было сил вернуться, не было сил плакать, потому что и плакать было страшно.

Люди в толпе стояли молча. В этой напряжённой жуткой тишине слышалось только тяжёлое дыхание — тяжёлое ожидание смерти, в котором лишь изредка, глухим зловещим эхом, раздавались сдавленные всхлипывания и стоны. Напротив толпы, у края ямы, — выстроенные в ряд приговорённые. Они полуголые босиком стояли на снегу, смешанном с землёй: кто-то опустил голову, кто-то невидящим взглядом смотрел перед собой, но ни один из них не глядел в толпу. Измождённые, они, казалось, уже не чувствовали мороза, уже не чувствовали страха. Они не смотрели ни на кого, чтобы ненароком не увидеть родных глаз, чтобы не спровоцировать бесовской ярости фашистов... чтобы скорей уже настал конец нечеловеческим мукам...

Каратели СС² изредка лаяли на своём картавом языке, бросали короткие команды на ломаном русском. Выборочно выдёргивали из строя, цепляя дулом автомата, приговорённых: кого тут же расстреливали на краю ямы, кого вешали. Несколько мужчин, в том числе и Давыда, затолкали в подвешавшую «душегубку»... Мария проводила мужа обречённым взглядом. Давыд не оглянулся. Люди ещё не знали о новом газовом оружии гитлеровцев, но понимали, что все, кто оказался в машине, обречены.

Когда дуло автомата коснулось плеча Марии, она сделала шаг вперёд и невольно глянула туда, где стояла дочь. В этот момент чьи-то сильные руки крепко схватили девочку за плечи, зажали ей рот и втянули в толпу. Мария улыбнулась и пошла к краю ямы, куда направил её эсэсовец... Вита успела перехватить мамин взгляд, он был полон любви: мама всегда так улыбалась, когда хвалила её... Но девочка не сразу поняла, почему вдруг стало темно — чьи-то ладони закрыли ей глаза. Раздалась короткая очередь... Сильные руки отпустили и нежно погладили по голове. Мамы и папы больше не было...

В конце сентября поступило указание Генерального штаба об эвакуации Харьковского военного училища связи. Офицеры и курсанты училища

¹ Не смотри — замружся и не плачь (укр.).

² Schutzstaffel — охранные отряды (нем.), военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). В 1933–1945 годах в ведении СС находились концентрационные лагеря и лагеря смерти, также СС были основным организатором террора и уничтожения людей по расовым признакам, политическим убеждениям и государственной принадлежности как в Германии, так и в оккупированных странах.

срочно, в один час, собрались и пешими походными колоннами двинулись на восток. Семьям офицеров выделили гужевые повозки — по одной на несколько семей.

— Андрюша, как же я с грудной дитиною? — плакала Екатерина, кутая маленького Женю в шерстяную шаль.

— Терпи, рідна¹, терпи. Поверь, лучше, что мы уже не в Харькове.

— Мне страшно...

— Екатерина Михайловна, — строго обратился к жене Андрей, — всем страшно. Но я запрещаю тебе думать о плохом. Зараз² главное — выбраться, и мы выберемся, ты только верь. И сына береги, — Андрей поцеловал жену, словно прощаясь. — Я буду недалёко... а может, совсем рядом...

Харьков по решению Государственного комитета обороны СССР начали минировать: проводились спецмероприятия по выведению из строя промышленных предприятий, железнодорожных узлов, мостов, электростанций; а если не успевали заминировать, то спецобъекты поджигали и подрывали, чтобы враг не сумел ими воспользоваться.

В начале октября военное училище связи получило новый приказ — теперь уже о продолжении эвакуации по железной дороге.

Путь лежал на юго-восток. Шли через Изюм, Красный Лиман, Ростов, Армавир, Махачкалу. В Баку имущество было перегружено из вагонов в трюмы пароходов. А за Каспием — снова в железнодорожные эшелоны. Дальше составы направились через Ашхабад, Мары, Чарджоу в столицу Узбекистана — Ташкент...

В одну из ночей Катю с маленьким Женей и другими членами семей офицеров училища пересадили в деревянный грузовой вагон, переоборудованный в теплушку. По холодному полу был разбросан тонкий слой сена, но Екатерине сухая трава показалась душистой тёплой постелью, и после долгих бессонных ночей она первый раз забылась в глубоком сне.

Её разбудил грохот бомбёжки. Поезд дёрнулся и резко остановился. В узкой, еле заметной прорези окна — ночь. В тёмной теплушке началась суeta. Женя расплакался, Катя на ощупь проверила, не мокрый ли. Убедившись, что сухой, приложила сына к груди:

— Тс-с, тс-с, маленький... — зашептала мать.

Тут послышался тихий говор одной из женщин — она начала читать молитву. Молитвенная речь была настолько неожиданной — как? жена

¹ родная (укр.).

² Сейчас (укр.).

офицера и молится! — что все обитатели теплушки моментом притихли. А глухой голос женщины, наполняя тревожную темноту, зазвучал настойчивей: «Живый в помощи вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится, речет Господеву: заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...» И хотя Катя почти не улавливала смысла произносимых слов, они подействовали на неё успокаивающе. Поддаваясь их мерному ритму, который словно сдерживал отчаянный молитвенный призыв, кормящая мать начала слегка раскачиваться из стороны в сторону. Она прижалась к сыну так, будто он стал её единственным спасением, и закрыла глаза.

«Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему; яко ангелом своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих...» — слова, раздаваясь не то сбоку, не то сверху и снизу одновременно, тёплыми лучиками прорезывали холодный мрак. Ощувив это тепло, Катя забылась.

Вдруг в дверь резко ударили. Катя вздрогнула. Сосок выпал изо рта ребёнка, и мальчик недовольно захныкал, собираясь закричать.

— Тс-с, тс-с, вот, бери, мамка тут, — осторожно переместившись, она плотней прижалась спиной к внутренней стенке вагона.

Женя капризничал, недовольно терзал дёснами распухший сосок. От боли Катя стиснула зубы, потом слёзно проговорила:

— Сынок, ну що делать? Другого у меня нет, или кушай то, що даю, или спи... — и начала баюкать малыша: — М-м, м-м...

Снаружи послышался грубый мужской крик:

— Без паники! Из вагонов не выходить!

— Ну вот, — прошептала Катя то ли сопящему сыну, то ли самой себе, — раз нікуди бігти не треба¹, значит, опасность минула.

Она наклонилась к Жене и нежно поцеловала его в мягкую щёчку. Соседка всё продолжала еле слышно проговаривать молитву. Катю перестало знобить. «Наверное, колотил не холод, а страх», — подумала она и утёрла скатившиеся слёзы. Поезд тронулся, потихоньку набрал скорость. Колёса застучали ровно, уверенно, будто выбивая: «Вперёд, вперёд, вперёд...» Больше суток состав не останавливался.

Когда поезд затормозил, время перевалило далеко за полдень. Дверь теплушки приоткрылась, и в тёмно-серую прохладу вагона ворвался целый сноп золотых лучей. Катя увидела мужа и зажала рот, чтобы не закричать от радости. Он заглянул внутрь:

— Айда.

Она, шустро подоткнув под спящего сына немного соломы, с радостью послушалась, подошла к дверному проёму. Андрей бодро раскинул руки для объятий:

¹ раз нікуди бежать не надо (укр.).

— Прыгай! — муж подхватил её и, не давая встать на землю, крепко поцеловал. Как только губы его оторвались, Катя сказала:

— Андрейка... — вскинула тревожный взгляд, — а шо было прошлой ночью?

— Шальной «мессер»... Не бойся. Мы вже далеко от фронта.

Его объятия разжались, она встала на ноги.

— Вот, поешь, — он протянул жене несколько картофелин в мундире, за-вёрнутых в газетный кулёк. — А вот и молочко варёное, — показал зелёную пол-литровую бутылку.

— Откуда? — удивилась она, торопливо развернула кулёк и, очистив одну картофелину, украдкой сунула в рот.

— Чего так озираешься?.. У бабуси позавчера успел купить.

— Да... неловко... тут все хочуть їсти, — с набитым ртом пробубнила жена. — Давай чуток отойдём, Женька спит пока... — Катя, сделав шаг, поскользнулась на перекатывающемся под ногами щебне, муж едва успел подхватить её под руку. — Похоже, ноги отсидела, — сказала она.

— Ни-и, наверное, снова на ручки захотела, — он быстро чмокнул её в растянувшиеся в улыбку губы.

Они отошли от поезда и остановились у ещё зелёной, но уже наполовину облетевшей одинокой акации. День был солнечный, для октября невероятно жаркий, словно лето решило задержаться в этих пустынных краях ещё надолго.

Андрей заботливо открыл бутылку, закупоренную пробкой из скрученной бумаги, и протянул жене:

— Глотни, да я в карман пока заховаю, потом возьмёшь... Не скисло?

— Сладко, — от удовольствия Катя прикрыла глаза. — Сто лет не пила такого.

— Скоро будет всем полегче и — чуешь? — потеплей. Скоро будем в Коканде. — Андрей подошёл к жене сзади, прижался всем торсом и нежно обнял её, будто оберегая от ветра. — Ты ешь, ешь.

Катя очистила ещё одну картофелину:

— А мы шо, не в Ташкент едем?

— Теперь в Коканд, — улыбнулся Андрей, поцеловал жену в шею и прижался щекой к её уху.

— Я так подавлюсь, — засмеялась она, не имея возможности оглянуться назад. — Подавлюсь и помру.

— Я те да-а-ам помру, — погрозил он пальцем перед лицом жены. — Ишь! Иль ты хочешь меня с Женькой одного оставить? Не-етушки, будем воевать втроём. — Он наслаждался её близостью, запахом русских вьющихся волос, впитавших аромат сухой травы. Ему не хотелось открывать глаза,

его воображение рисовало такой же тёплый день два года назад, когда они шли, держась за руки, в загс.

— Вчетвером, — тихо сказала Катя.

Андрей очнулся:

— Т-то есть... ты що? — он отстранился, развернул жену к себе и внимательно окинул её взглядом с головы до ног и обратно. — Ты... ты хочешь сказать...

Его большие карие глаза стали ещё больше, забегали не то от радости, не то от удивления, не то от ужаса.

«Как похудел-то, — подумала Катя, — на лице только глаза и нос...» Она нежно провела рукой по щеке мужа, затем пощупала два эмалевых квадрата в петлице воротника. Андрей присел на корточки, одной рукой обхватил её крутые бёдра, другую положил на низ живота и снизу вверх вопросительно посмотрел на жену.

— Угу, — она потупила взор. — Женька уже и от груди воротится, наверное, молоко горкнет... боюсь я, що з нами буде¹...

Андрей прижался ухом к животу:

— Радость моя... погодь, скоро приедем, що-небудь придумаем... Интересно, хлопчик или дивчинка?

— Дочка...

— С чего так решила?

— Дуже хочеться сладкого...

— Доберёмся, пошукаю вам сладкого... А как назовём, если дочка?

— Не знаю...

— А я знаю: Тамара.

— Почему?

— Так бабусю звали, везуча она была, счастлива. Нехай и дочка в неё будет.

— Боюсь я, Андрюша, — по щекам Кати потекли слёзы.

Он вскочил, крепко прижал любимую к себе и стал гладить её по голове так, как успокаивают маленького ребёнка.

— Не бойся, не бойся, родная. Всё страшное позади. Сюда война не дойдёт. А там... мы выгоним этого фашиста. Мы вернёмся домой.

— Я слыхала, що німець скоро буде в Москве.

— Брехня это! Слышь? Брехня! — Андрей ещё крепче обнял жену.

Она, оторвав лицо от его плеча, хлипнула носом и снова тихо сказала:

— Що з нами буде?

Он крепко поцеловал её, затем, не выпуская из объятий, глядя в испуганные, самые синие на свете глаза, тихо, но уверенно сказал:

— Всё будет хорошо. Мы победим.

¹ что с нами будет (укр.).

Рано утром в дверь маленького деревянного дома постучали.

Ирина ждала «гостей». Незадолго до конца смены на заводе предупредили, что сегодня ночью в город придёт очередной эшелон с эвакуированными. Ей предстоит поселить у себя семью офицера...

— Сколько-сколько человек? — переспросила Ирина, глядя в серые, будто стальные, глаза начальника, что проводил срочное собрание рабочих Кокандского электромеханического завода. С первых дней войны их завод перепрофилирован под производство снарядов и мин. «Собрание рабочих» — громко сказано: в большинстве своём это женщины, ещё подростки да старики. Почти все мужчины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти и старше ушли на фронт.

В помещении было сумеречно — экономилось электричество. Но на стене, над седой головой начальника, над портретом Сталина, ярко выделялся огромный плакат: «Всё для фронта! Всё для Победы!»

— Трое, — повторил Ирине руководитель.

— Но у меня одна комната!

— Было б две — поселили бы больше. Иначе никак!.. Да и ты теперь, прости, одна. Может, веселей с людьми-то будет.

— Да уж, — в провалившихся глазах женщины блеснула и тут же высохла скупая влага.

Десять лет назад погиб её муж, защищая Советскую власть от басмачей. Однажды, после очередного преследования бандитов, он не вернулся в город со своим «летучим красным отрядом»¹. Друг мужа тогда сказал: «Бой закончился, Антона среди мёртвых и раненых не нашли. Он будто пропал и всё. Никто его мёртвым не видел». И Ирина ждала любимого — ведь никто его мёртвым не видел, прислушиваясь к каждому шороху и стуку; ждала день, ждала ночь... неделю... месяц... год...

Безывестность — пожалуй, одно из самых тяжких испытаний. Живи, нет?.. В душе Ирины вопреки неумолимому времени тонкой свечкой теплилась надежда на чудо: «Никто его мёртвым не видел». Но если бы был жив, то рано или поздно вернулся домой. Однако «рано» уже давно прошло, а «поздно» так и не настало. Значит, сгинул. Где его останки? Может, покоятся вымерзшие в снегах Тянь-Шаня; может, выхолощенные ветрами да зноем, белеют в песках пустыни. Сам Антон, бывало, рассказывал, как в освободительных рейдах по Средней Азии не раз наткнулся на подобные находки.

¹ Манёвренные отряды Красной Армии, создаваемые для борьбы с басмачеством.

Годы шли. И только Ирина начала сживаться со своим вдовьим положением, только сын подросток и стал опорой, как новая расприкаятая война. И сын прямо со школьной скамьи ушёл в военное училище, а через месяц на фронт, а ещё через месяц мать получила похоронку: «Ваш сын, рядовой Фокин Илья Антонович, уроженец г. Коканд Узбекская ССР¹, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит...»

«Уж лучше б калекой, да вернулся, — думала Ирина. И эта дума кружилась всё навязчивей. — Вон у соседки Маджиды в первом же бою сын попал под бомбёжку, пролежал в сырой земле так долго, что черви в раненой ноге завелись. Да зато жив. Повезло. И даже ногу не отрезали: кто бы мог подумать, что эта гнусь ползучая, объев гниющую плоть, избавит от гангрены. И пусть хромой, а уж и невесту нашёл. А Илюшеньки нет...»

Стук в дверь повторился.

— Господи, что ж это я? — всплеснула руками Ирина и направилась к сенным дверям своего маленького дома.

У порога стоял высокий широкоплечий мужчина в расстёгнутой шинели, в одной руке у него был чемодан, другой он придерживал висящую за спиной походную котомку. Рядом с ним — круглолицая, с немного раскосыми, будто улыбающимися глазами, молодая женщина. Она крепко прижимала к груди ребёнка, завернутого в цветастый ситцевый платок. С одной её руки свисало тёмно-коричневое пальто с меховым воротником, с другой — тёплая шаль.

— Здравствуйте, — сказал военный, поправив котомку и сняв фуражку. — Меня зовут Андрей, а это жена моя Катя и наш сын Женя.

— Здравствуйте, — сухо ответила хозяйка.

Она не двинулась с места. Взгляд её вдруг стал рассеянным, трудно было понять, куда она смотрит: не на Андрея, не на Катю, а как-то перед собой, не видя ни того, ни другого. Катя глянула на мужа, потом на хозяйку и снова на мужа, в недоумении пожала плечами. Андрей откашлялся:

— Простите, вы Фокина?

— Ирина, — она взгляделась в его лицо, будто пыталась узнать в нём кого-то.

— Мы по распоряжению...

— Вешалка вот тут, в сенях, — очнувшись, перебила она. — Здесь кухня, там, — она махнула рукой в дверной проём за спиной, — комната, одна. Я вам освободила угол, правда, кроме кой-каких тряпок, ничего больше нету. Входите.

¹ В военных документах названия городов, сёл, населённых пунктов обычно не склонялись по падежам, во избежание неправильного прочтения адреса и местоположения (прим. авт.).

- Большое спасибо, — сглотнув ком в горле, тихо сказала Екатерина.
- Пожалуйста, — равнодушно ответила хозяйка.

Ирина прошла на кухню, отделённую от сеней тонкой перегородкой, села у маленького самодельного стола, поджала ноги, задрав их на перекладину между ножками табурета. С тоской поглядела на холодную печь, подумала, что надо бы затопить, нагреть воды, всё же люди с дороги, с маленьким ребёнком; но, привычно обхватив колени, отвернулась к окну и стала рассматривать, как первые лучи солнца заскользили по чёрной коре расклинувшегося у дома старого карагача.

Андрей, поняв, что хозяйка не склонна к продолжению знакомства, огляделся. Сквозь открытую кухонную дверь просматривалось скучное убранство небольшой комнаты. У одной стены вытянулись самодельная деревянная кровать, заправленная самотканым покрывалом, да сундук, над которым висело старое, в тёмной резной раме зеркало. У противоположной стены — высокий грубой работы стул, рядом с ним на полу — локутное одеяло, на нём — цветастая подушка. Всё пространство комнаты разделял тусклый свет окна с желтоватыми шторами, напоминающими циновки.

Андрей догадался, что место у стула предназначено для них с Катей, скинул сапоги и шинель, помог жене расположиться:

— Ничего, надеюсь, мы тут ненадолго, — нарочито громко сказал он. — Ты осваивайся, а я в часть, — он наклонился и поцеловал любимую в раскрасневшиеся щёки, шепнул на ухо: — Если вечером задержусь, не турбуйся¹.

На кухне Андрей подошёл к хозяйке:

— Разрешите обра... — он осёкся. — Ирина, можно?..

— Что? — она почти не открыла плотно сжатых сухих губ. Медленно, будто нехотя повернула голову и безразлично, не выходя из своей глубокой печали, посмотрела на Андрея. Её осунувшееся, ещё совсем не старое лицо обрамляли чёрные, подёрнутые ранней сединой пряди, волосы выбивались из тяжёлого узла на затылке. Пёстрый узбекский халат как-то нелепо оттенял скорбный вид женщины.

Андрей, понизив голос, спросил:

— М-может, воды принести, дров? Печь затопить?..

— Всё тут, — она кивнула в сторону печи, при этом взгляд её остался неподвижным. — Да во дворе... хозяйничайте.

Она вновь отвернулась к окну, опустила ноги на пол, облокотилась на стол, зябко обхватила плечи и будто самой себе проговорила:

— Я скоро на работу... до самой ночи... Так что мешать не буду...

¹ не беспокойся (укр.).

И она не мешала. За три с лишним года соседства чужой семьи она так и не оттаяла от выстудившего душу одиночества. Казалось, Ирина жила просто потому, что была жива. Ходила на работу, возвращалась с работы: если было что поесть — ела, не было — тихо ложилась спать. Никакими переживаниями с жильцами не делилась.

Катя быстро взяла хозяйство в свои руки, а Ирина, не выражая ни благодарности, ни упреков, казалось, равнодушно принимала хлопоты квартирантки.

Андрей большую часть времени проводил на службе, в домашние дела почти не вмешивался, его основной «хозяйственной» заботой стала добыча пропитания. Как офицер, обременённый семьёй, он получал усиленный паёк в виде ежедневного котелка с каким-нибудь варевом, который старался приносить регулярно, но это не всегда удавалось. В условиях военного времени, сравнимого с затянувшимся авралом, в училище на подготовку специалистов вместо четырёх-пяти лет давался только один год! Поэтому занятия велись и днём, и ночью. Жёсткими были не только временные рамки, но и условия быта: помещений для личного состава и учебных классов не хватало. Курсанты занимались в казармах, где столами им служили четырёхъярусные койки.

Но если бы все силы направлялись только на подготовку военных специалистов! А то приходилось ещё заниматься и бессмысленными, как казалось Андрею Тимофеевичу, маршировками с разучиванием строевых песен, конкурсами художественной самодеятельности, будто на передовой не битва насмерть, а показательные выступления военного театра.

Кроме того, много внимания уделялось совсем не учебным, однако важным заботам: сбору тёплых вещей для действующей армии, средств, переводимых в фонд обороны страны; была даже организована подписка на заём денежно-вещевой лотереи. Конечно, участники лотереи понимали: главным выигрышем станет вклад каждого в будущую Победу.

А ещё курсанты работали в колхозах и совхозах Кокандского района, разгружали железнодорожные составы, трудились на хлопкозаводе, помогали строить сахарный завод и хлебокомбинат...

Домой, если не приходилось ночевать в училище, Андрей возвращался далеко за полночь. Первое время Катя не спала, ждала мужа. Потом стала ценить любую возможность отдохнуть: маленький ребёнок и беременность отбирали много сил; и Андрей, придя домой, часто заставал жену тихо сопящей рядом с сыном, старался её не будить. Но каждое утро Катя вставала раньше него, чтобы вскипятить чай, проводить мужа на службу. И каждый раз, провожая, она тихо говорила, будто заклинала: «Возвращайся». Сама

же не могла не думать: «А вдруг сегодня не вернётся, вдруг отправят на фронт». Сердце её сжималось.

Однажды Андрей пришёл домой только под утро. Катя, проснувшись ночью, уже не могла уснуть — ждала. Ирины в ту ночь тоже не было дома, она, по-видимому, осталась во вторую смену. Катя не находила себе места: может, в городе какой аврал, может, произошло что-то... А когда услышала на пороге шаги, подскочила к двери, распахнула её и со слезами бросилась мужу на шею.

— Ну, что ты, рідна, всё хорошо, — Андрей нежно протёр холодными, с мороза, ладонями её горячие щёки.

Она ни слова не проронила, пока он раздевался, затем увлекла его на кухню. Андрей почувствовал, что тревога жены сменилась какой-то загадочностью. Катя молча налила полную тарелку душистого супа и с важным видом поставила её перед Андреем. Он попробовал и изумился:

— Откуда такое богатство? Настоящий бульон с лапшой.

— Ирина принесла, — радостно сообщила Катя и поспешила добавить: — Велела сварить на всех, сказала, на заводе к Новому году подарок дали — костей чуток да муки. Правда, муку вместо хлеба... Вкусно?

— Очень... А вы сами-то ели?

— Да, — кивнула Катя, — ты ешь, ешь.

Она села за стол, подпёрла кулаками щёки и с умилением стала смотреть, как Андрей с аппетитом поглощает лапшу. Он с жадностью расправился с едой и только после этого заметил, что Катя как-то по-особенному весело улыбается.

— Чему так рада?

— Новость е, — синие глаза так и сияли.

— Ну?..

Катя по-хозяйски быстро убрала на столе, взяла мужа за руку и, как маленького, повела в комнату, в их уголок. Села на пол, рядом с постелью, где тихо посапывал Женя. Андрей, поддавшись настроению жены, приоткрылся подле, прошептал:

— Ну, що за секреты?..

— Дивись¹, — она достала из-под подушки маленькие полосатые носочки. — Для Женька́ сама связала. А это тебе. — Катя протянула мужу серые шерстяные носки.

Он взял, помял их, понюхал.

— Овечкой пахнут... А где пряжу взяла?

— Хозяйка неделю назад в сундуке раскопала, и спицы...

— И ты тайком вязала?

¹ Смотри (укр.).

— Подарок хотела сделать.

Катя вновь полезла под подушку и достала третью пару носков:

— А вот эти отнесёшь в училище, там же собирают тёплое для фронта...
Цэ мой вклад в Победу, — она смущённо улыбнулась.

— Спасибо, — он осторожно, чтобы не потревожить сына, протянул руку к стулу и положил носки, затем придвинулся ближе к жене, одной рукой обнял её за плечи, другой бережно коснулся её живота, тихо сказал: — Вот тут твой вклад...

Она прижалась щекой к его плечу, игриво заметила:

— Скорей это твой вклад...

Андрей еле слышно — ей на ухо:

— И у меня новость.

— Яка? — томно спросила Катя.

— Скоро Шура сюда переберётся с Дальнего Востока. — Он коснулся губами Катиной макушки, мягко чмокнул. Затем заговорил так, будто боялся потревожить нахлынувшую нежность, спугнуть нечаянную возможность побыть наедине: — Ты же знаешь, сестра одна осталась, муж на фронте... Вот я и сделал запрос и получил добро. Шура будет на хлебозаводе... и с тобой рядом... А то как ты с двумя малышами? — он осторожно погладил живот жены. — Да и всем вместе выживать легче.

Катя, услышав за спиной возню, оглянулась. Женя не спал.

— Глянь, не спит и молчит, — шепнула она.

— Может, решил не мешать мамке с папкой... Идём в сени.

Катя вспыхнула от жаркого дыхания мужа.

— А не захнычет?..

— Он же мужик, — Андрей заговорщицки подмигнул сыну...

Шура, родная сестра Андрея, как он и обещал Кате, вскоре приехала в Коканд, поселилась на квартире в соседнем домишке: и сама не одна, и Кате помогала, чем могла. Пережили холодную зиму. Настала тёплая солнечная весна: буйно зацвели абрикосы, черешни, груши и яблони. Природа сама радовалась теплу и радовала людей надеждой — будет урожай, будет еда, а значит, жить станет легче...

В мае у Череповых родилась дочь, девочку назвали Тamarой. С её появлением хлопот прибавилось. Однако бесконечные заботы, неустroенность быта, трудности с пропитанием не мешали Кате с благодарностью думать: «Какой у меня Андрей хороший, як у воду глядел... Если бы не Шура, как бы я управлялась с хозяйством и детьми?.. Только б он, дети да Шура были здоровы, только бы голод да войну нам пережить, и всё будет хорошо и весело, как за окошком весело и зелено...»

Окрепнув после родов, она начала выходить на рынок, где меняла сэкономленный — ох и тяжело давалась эта экономия! — полученный по карточкам хлеб на сот и каймак¹. Драгоценными молочными продуктами подкармливала детей. Любили Женя с Тамарой молочко и сладкий творожок, но их всегда почему-то оказывалось очень мало. И хотя Катя суп из молока и муки разводила водой, а хлебную тюрю на воде лишь забеливала молоком, досыта никогда не наедались.

От лютого голода спасал мужнин котелок — его делили на всех; и если бы не Шура, не её восьмисотграммовый паёк работницы хлебозавода, не уберечь бы, наверное, Кате детей. Ведь по возрасту они получали по карточкам мизерную норму тяжёлого чёрного полусырого хлеба — двести-триста граммов в сутки, а сама кормящая мать, как иждивенка, — четыреста. Да и эти нормы часто уменьшались — хлеба городу катастрофически не хватало.

С одеждой тоже было туго, Кате приходилось выменивать хлеб на самые необходимые вещи для детей: пелёнки, штанишки, рубашки. По хлебным меркам они выходили безумно дорогими. И всё же Катя верила: завтра будет лучше. Находила в себе силы каждый раз встречать мужа улыбчивым синим взглядом, в котором, она знала, он утопал.

А Ирина? В её глазах лишь несколько раз проявился живой огонёк: когда Женя сделал первые шаги; когда родилась Тамара; когда Катя и Тома пришли домой из больницы, выздоровев от тифа, и когда Андрей живым и невредимым вернулся из похода по освобождению Болгарии. Но огонёк этот быстро угасал: Ирина так и не сумела примириться со своим горем, хоть чуточку отвлечься на чужих детей. Или не захотела, побоялась сердцем привязаться к ним, зная, что они — только гости в её доме. И когда в 1944-м Череповы — Андрей, Катя, Женя и Тамара — от неё съезжали, возвращались в освобождённую Украину, в родной Харьков, Ирина проводила их до порога своего маленького, вновь осиротевшего дома, долго не закрывала за ними дверь, потом, махнув рукой, тихо сказала вслед: «Будьте...»

...Шура тоже вернулась на Дальний Восток.

* * *

Евгений шёл по улице Революционной, протянувшейся в парковой зоне Геленджикской бухты, шёл к общежитию санаторно-лесной школы, ледея мысль застать Валентину и в очередной раз уговорить её пойти

¹ молоко и сметану (тюрк.).

с ним на пляж. Для ответственного свидания он оделся в светлые льняные брюки-дудочки и модную белую нейлоновую рубашку; голову прикрыл лёгкой кепкой — она напоминала ему ту, что после войны сшила мама из гимнастёрки отца; старые щегольские кеды обновил с помощью зубного порошка. Не забыл повесить через плечо тряпичную сумку, тоже сшитую матерью на манер военного планшетника, куда он аккуратно уложил тонкое покрывало.

Дошёл до угла Революционной и Крымской улиц и увидел спускающуюся по Крымской девушку. Она привлекла его внимание необыкновенно лёгкой, летящей походкой. Туфли-лодочки, казалось, вовсе не касались мостовой, а голубая пышная юбка платья, туго перехваченного тёмным поясом на тонкой талии, разлеталась в стороны, словно колокольчик, в такт шагов хозяйки; даже маленькая сумочка, что болталась на коротком тонком шнурке, напоминала пёрышко невидимого крыла.

На лице незнакомки блуждала задумчивая улыбка. Взор девушки устремлялся к морю. Евгений остановился, огляделся — не идёт ли кто поблизости, кому может предназначаться этот взгляд и, не обнаружив никого рядом, неожиданно для самого себя направился навстречу девушке, будто ноги сами его понесли. Почти поравнявшись с ней, он решительно выдохнул:

— Здравствуйте.

Она остановилась, обожгла его пронзительным синим взглядом:

— Здравствуйте.

Улыбка тут же исчезла с её лица, а чуть впалые щёки побледнели.

— Извините, пожалуйста, кажется, я вас напугал.

Девушка ещё раз испытующе посмотрела на Евгения и после глубокого вдоха сказала:

— Да, я задумалась, а тут вы, как с неба...

В её негромком мягком голосе было что-то необъяснимо притягательное: какой-то особый тёплый тембр, нездешняя напевность. Евгений захотел подойти ещё ближе, но, заглянув в её глубокие пристальные глаза, оцепенел и лишь снова повторил:

— Извините.

Он волновался, не мог сосредоточиться ни на одной мысли — они пронеслись с такой стремительностью, что ум ни за одну не успевал зацепиться. Где его находчивость? Где слова-шутки? Язык присох к нёбу, ноги отяжелели. Вокруг всё исчезло, будто всё в себе растворили, поглотили синие глаза...

Молчание затянулось. Девушка чуть взмахнула рукой и растерянно сказала:

— Мне надо идти...

— Да-да, конечно... то есть... — хриплый, сдавленный голос выдал смятение Жени. Он откашлялся: — Можно я вас провожу?

— Мне тут недалеко, не стоит, — она решительно направилась вперёд.

Не в силах от неё отвернуться, Евгений стал торопливо пятиться:

— Подождите... извините... да постойте же! — он выбросил перед собой ладони с растопыренными пальцами.

Она вздрогнула, остановилась, веки её нервно дёрнулись, губы сжались. Девушка посмотрела с таким укором, что руки Евгения неловко опустились. И всё же он, не отрывая взора от её напряжённых глаз, которые в этот момент, ему показалось, стали фиолетовыми, поспешно заговорил:

— Я ничего не могу придумать, чтобы как-то вас задержать. Не знаю, что сказать... Прошу, простите... и... не уходите вот так сразу. — Он нервно сглотнул, быстро достал из кармана брюк носовой платок и, приподняв кепку, вытер со лба испарину. — Давайте познакомимся... Меня зовут Женя. — Он хотел было протянуть ей руку, в которой остался платок, но вовремя опомнился, убрал платок на место.

— Таня, — спокойно сказала девушка и, немного подумав, сама подала руку.

Евгений осторожно пожал её тонкие прохладные пальцы, и его вдруг охватила какая-то странная, вырывающаяся изнутри радость, от которой почему-то захотелось засмеяться, но он лишь неловко скривил губы и ещё больше сконфузился, робко сказал:

— Спасибо.

— За что?

— Не знаю... За то, что сказали имя, дали руку...

— Хм, — она чуть пожала плечами. На её щеках проступил слабый румянец.

Евгений осмелел, словно только и ждал этого «хм», как стартового выстрела и, не выпуская её пальцев, боясь, что она опомнится, выдернет руку и убежит, быстро сказал:

— Позвольте проводить вас. Пусть вам недалеко... Сдаётся мне, вы не местная, вдруг заблудитесь. — Вторая попытка улыбнуться ему вновь не удалась. Он посерьёзней, набрал полную грудь воздуха и выпалил начистоту: — Я, как увидел вас, так и забыл, куда шёл. Вот.

— Ну... — она мягко высвободила руку, — моё общежитие совсем близко, и я точно не заблужусь. А вот вы, если потеряли память...

— Тогда вы меня проводите, — нашёлся он. — Вот, — махнул рукой назад, — хотя бы до набережной. Вы там бывали?

Девушка не ответила, но её взгляд потеплел. Евгений опустил плечи, будто с них упал груз, и развернулся, чтобы идти с нею рядом.

— Конечно, — уже уверенней продолжил он, — если у вас есть время пройтись и спасти меня от беспамятства.

— Вы умеете убеждать, Евгений... что ж, идёмте пока... по этой улице.

Ему был приятен её чуткий добрый взгляд, в нём — Евгений почувствовал это — скрываются большие душевные силы.

Не торопясь, они направились в сторону бухты. Летний день разгорался. В воздухе всё больше ощущалось влажное дыхание близкого моря. На Маркотхском хребте, на другой стороне залива виднелись редкие бело-серые клубы тумана — признак приближающегося северо-восточного ветра. Местные жители знают: если над горным хребтом стелется гряда облаков, то на побережье может обрушиться сильнейший норд-ост — ветер бора. Но такое чаще бывает глубокой осенью. А когда летом неожиданно меняется погода, тогда облака в несколько мгновений окутывают вершины гор седым «живым» покрывалом.

Евгений любил летние ночные грозы: в сплошной черноте неба и моря причудливо вспыхивают беснующиеся молнии, мощные громы долгим грузным эхом перекатываются от одной горной вершины к другой. Когда это видишь и слышишь, то ощущаешь страх и глубокое одиночество, — кажется, будто кроме тебя во Вселенной совсем никого нет. Это чувство охватывает зыбкой тревогой, потом становится непостижимым настолько, что перестаёт пугать, а когда проходит страх, оно начинает завораживать и... вдохновлять. Тогда думаешь: ещё миг, и приоткроются глубинные тайны мира... И тогда ты — одинокая песчинка — чувствуешь себя причастным к великой мистерии, её творению, потому что знаешь: после ненастья всегда нисходит особая тихая благодать; а утром — особое просветление. Воздух наполняется робким щебетанием птиц, густым, немного терпким ароматом сосен, смешанным со сладким запахом акаций и земли, набухшей от желанной влаги. И если взмывает радуга — это не просто чудо, это сама Природа, как влюблённая благодарная женщина, улыбается, и её улыбка отражается в небе волшебным светом...

Евгений внимательно посмотрел на облака, отметил: сегодня грозы не будет.

— Видите горный хребет? — обратился он к Татьяне.

Девушка чуть улыбнулась:

— Конечно, его трудно не заметить.

— Ну да, — согласился Евгений и, преодолев смущение, продолжил: — У него красивое имя, он называется Маркотхский.

— Да, я читала.

— Я хотел обратить ваше внимание на облака, что растянулись по его вершине. Знаете, как здесь их называют?

— Как?
— Борода. Ведь правда, похоже на длинную бороду?
— Да, похоже.
— Я каждый раз, глядя на неё, думаю: может, Пушкин не просто так написал о Черноморе. Может, легенда о злом волшебнике с длинной бородой родилась именно здесь.

— Любопытно.
— Да... и что интересно, в эти облака можно реально окунуться, если подняться по хребту, но лучше в них не окунаться, там происходит настоящее светопреставление.

— А вы бывали? — Таня искоса глянула на попутчика.
— В облаках нет, рассказывали... А на хребет поднимался.
— Пешком?
— Да, устроил себе небольшое приключение. Хотите, расскажу?
— Расскажите.

Евгений обрадовался возможности блеснуть красноречием.

— Мне захотелось с высоты хребта увидеть восход. Проснулся рано-рано и пошёл. Всё думал, какую из тропинок выбрать. Ведь если присмотреться, то их сотни на хребте, так и вьются узкими нитями по склону. А когда оказался у подножия, пошёл по той, что ко мне ближе. И чего думал? Ведь чтобы выбирать, надо знать, а я первый раз шёл. Поднимаюсь себе, дышу свежим воздухом, и вдруг чуть ли не у самых ног змея. Я замер, как вкопанный. Присмотрелся — оливковый полоз. Точно, он, с круглой такой, бурой в пятнах головой. Он тоже замер. «Вот так красавец, — тихо сказал я. — Привет». Полоз чуть приподнял голову, будто прислушался, издал короткий звук, как шипение сбежавшего молока. Я не шелохнулся. Тогда он вытянулся в тонкий хлыст и — вжик — через тропинку, скрылся под можжевельным кустом. Я подумал: «Ну, спасибо тебе, хозяин не медной горы, за разрешение войти в твой дом». И пошёл дальше... Говорят, у подножия гор много змей, поэтому надо быть начеку.

Евгений умолк, украдкой глянул на попутчицу: производит ли впечатление. Девушка, слушая его рассказ, казалось, думала о чём-то своём, но, уловив паузу, тихо, с лёгкой иронией спросила:

— И больше ничего интересного не увидели?
— Много интересного, — спохватился он и с воодушевлением продолжил: — Я поднимался по склону, который можно сравнить с застывшими морскими волнами: то крутая, то пологая, они набегают одна на другую. Знаете, иногда они даже покачивались под ногами, да-да, я чувствовал шаткие плиты известняка, которые когда-то смяла неведомая сила, и они сдвинулись в гору. Представляете, как слоистый пирог?

— Представляю, — поддержала разговор Татьяна. — Я когда ехала на поезде, видела обнажённые склоны. Действительно, будто вставший дыбом огромный слоистый пирог. Впечатляет.

— Вот-вот... А ещё я встретил богомола. Вы когда-нибудь видели этого притворщика?

— Нет.

— Как-нибудь покажу. Коварный, прикинется зелёным листиком, повиснет на ветке куста и подстерегает какого-нибудь мотылька или муху... Долго я шёл, и чем выше, тем круче становился подъём... А у старого букового пня встретил целую армию красных жуков-солдатиков... Знаете таких?

— Конечно.

— Они тесно-тесно сидели друг возле друга, сначала я даже не понял, что это солдатики, мне показалось, на серой земле лежит красный лоскут. Может, они так спят?.. Когда я приблизился к ним, они не разбежались — точно, спали... и я тихонько прошёл мимо. Встретил маленькую черепашку — такая редкость! Она медленно ползла в прохладной траве... А сколько там чудных бабочек! А жуков-вонючек, смешно сказать, полным-полно, любят они душистые заросли. В общем, не скучно было. Когда поднялся на одну из вершин, глазам открылось такое!.. Представьте, в раннем солнечном свете ярко зеленеет горный хребет, плотно покрытый соснами, дубовыми и кленовыми рощами, а вы стоите над всей этой красотой... Мне подумалось: вот тут, в этих лесах и спит горное эхо, и прячутся ветры... А далеко внизу, как на ладони, небесно-синяя бухта: тихая-претихая... Она мне напомнила огромную подкову... А за ней — аж дыхание замирает! — необъятная морская даль. Душа так и рвётся: «Дайте волю-волю-волю, и не надо счастья мне!»

Татьяна слегка вздрогнула, но не проронила ни слова. Евгений подумал, что, наверное, переборщил с монологом, и, приняв молчание девушки за раздумье — идти ли ей дальше рядом с ним или нет, — поспешил начать диалог:

— Так я не ошибся, вы приезжая, и приехали недавно?

— Не ошиблись, — робко ответила она.

— А откуда, позвольте спросить?

— Из Сыктывкара.

— А... — запнулся Евгений и только теперь вспомнил о Валентине, поймал себя на мысли: как легко о ней забыл... Татьяна будто околдовала его... — Значит, вы живёте в том общежитии, — смекнул он, указав на здание, видневшееся в прибрежной зелени. — И приехали работать в санаторную школу.

— Да... Откуда вы знаете? — Татьяна остановилась и удивлённо посмотрела на него.

— Я... — он тоже остановился... — Всё просто, — развёл руки в стороны, — я работаю в этой школе и знаю, что к нам приехали молодые специалисты из Сыктывкара, вот.

Он засунул руки в карманы и поджал нижнюю губу, довольный тем, что нашёл исчерпывающее объяснение, очень близкое к правде.

— Вы тоже в этой школе? — изумилась она. — Надо же...

— Да, совпадение, — задумчиво сказал Евгений.

— Интересно... — протянула она, щёки её порозовели, а голос стал смелее: — Что ж, тогда расскажите мне о школе, о городе, я здесь всего третий день.

— С удовольствием, Татьяна.

«Как звучит её имя! Летит, словно стрекоза, внезапно меняющая полёт: сначала тихое — «та»; но тут же, с нарастающей звонкостью вверх срывается с языка — «тя»; и снова мягко, будто растекаясь по воздуху, выдыхается — «на» — плавно летит вниз», — подумал Евгений, а вслух сказал, ещё раз с удовольствием смакуя звуки её имени:

— Татьяна... коли уж произошло такое совпадение, что мы вот так, не в школе, встретились, то я позволю себе настоять на прогулке по набережной и начать знакомство с городом именно с этой, самой главной его улицы и её достопримечательностей. А о школе потом.

— Хорошо, — тихо согласилась она.

В этом «хорошо» Евгений услышал и трогательное доверие, и добродушное отношение девушки ко всему, что происходит. Его сердце наполнилось теплом и решимостью сделать для неё что-то приятное, даже, может, безумное... Но пока он не придумал, что именно, и отважился лишь на вычурный комплимент:

— Знаете, Таня, вы обладаете какой-то магнетической, даже магической силой, каким-то «инстинктом красоты душевной»... Вам кто-нибудь об этом говорил?

В её глазах мелькнул огонёк догадки:

— Говорил... Михаил Юрьевич Лермонтов.

— О, вы знаете? — воскликнул он.

— Да, люблю его стихи и прозу.

— Тогда я знаю, чем вас порадовать, мы пойдём к нему в гости!

— К кому?

— К Михаилу Юрьевичу!..

Они направились к Лермонтовскому бульвару. Их разговор чаще прерывался, чем длился, но теперь молчание не было тягостным, и всё же Евгений старался, чтобы оно не затягивалось. Он рассказывал Татьяне захватывающие истории о местах боевой славы Геленджика. О том, как

в Геленджикской бухте в годы Великой Отечественной войны была создана военно-морская база для защиты Новороссийска и уничтожения с моря огневых береговых точек фашистов. О том, как корабли из бухты увозили десантников на Малую землю. О братской могиле моряков...

— Откуда вы всё это знаете, помните такие подробности? — удивилась Таня. — Вы что, экскурсоводом подрабатываете?

— Отец многое рассказывал, он у меня военный... А ваш?

— А мой... потом как-нибудь... если будет интересно, — ушла от ответа Татьяна.

— Конечно, интересно. Уже интересно.

— В другой раз, — сухо настояла девушка.

— Ну, хорошо... Вот мы и пришли, — Евгений широким жестом раскрыл руку. — Погуляем на просторе.

Татьяна с восхищением огляделась. Перед ними была небольшая площадь: справа, чуть в глубине, возвышался памятник Лермонтову; а напротив — и слева, и справа — длинный-длинный берег, превратившийся в подножие такой же длинной набережной, по её краю тянулся невысокий каменный забор с белыми, как вазы, фигурными балясинами. Такие заборы Таня видела только в книжках, на фотографиях старинных зданий и на открытках... А дальше — необъятная морская бухта, оберегаемая горными хребтами.

— Вот и Михаил Юрьевич собственной персоной! — обрадовался Евгений, будто встретился со старым другом. — Здравствуй, поэт.

Он встал в ту же позу, какую придал Лермонтову скульптор, и торжественно прочитал:

*— Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной...*

Татьяна подхватила:

*— От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой — всегда и всюду твой.*

Таня посмотрела на Евгения, на памятник и задумчиво добавила:

— Удивительно. Для меня сейчас совершенно по-новому открылись эти стихи, словно они обо мне.

— Для меня тоже... а вот и ступеньки к пляжу, может, к морю спустимся? — неожиданно предложил Евгений. — У меня и покрывало с собой, посидим у воды.

- Нет... если честно, я немного утомилась, — смутилась она.
- Тогда предлагаю присесть в тенёчек, под сосны. Может, воды купить?
- Да...
- Евгений проводил Татьяну к скамейке:
- Я сейчас, мигом вернусь. Может, лимонаду?..
- Да...

Евгений скрылся за развесистыми акациями и лохматыми соснами. Татьяна, сев на скамейку, достала из сумочки платочек и промокнула лоб. Она вспомнила об отце, рассказ Евгения натолкнул её на мысли о нём. Вспомнила об истории, которой он недавно поделился с ней как со старшей дочерью. Исповедь отца, наполненная болью и тайнами, тяжёлым грузом легла на сердце девушки. Однако делиться этим грузом она не хотела бы даже с близкой подругой, не говоря о новом знакомом. Да и к чему ворошить то, что хочется забыть? Кому это интересно, что всё её детство, вся жизнь до сегодняшнего дня — под клеймом: фашистка, дочь врага народа; что не поддающийся исцелению бесконечный страх и вечная борьба за право жить, ещё с молоком матери ввевшиеся в тело и душу, порой преследуют даже во сне.

Сегодня утром Татьяна проснулась в холодном поту. Ей привиделось: она стоит посреди странной тёмной комнаты, освещённой только одной свечой, которую держит в руках. Слева от неё, в чёрном углу, на старой, странно высокой железной кровати лежит больной отец. Он не спит, мучительно кричит, чего-то требует, но Таня никак не может понять, что ему нужно. А справа от неё, в другой постели, но ближе к свету — плачущая мать... Таня хотела и её утешить, но тоже не знала, как. Татьяну терзали боль и отчаянье — она не может помочь ни тому, ни другому. Изнурял страх — она искала и не находила выхода из гнетущей темноты, а так хотелось открыть дверь или окно и вместе со светом впустить свежесть, которой остро не хватало. Она металась по комнате, но всюду — глухие холодные стены и чернота: лишь одна-единственная свеча, как маленькая надежда... Таня подняла её вверх и изо всех сил закричала: «Спасите! Спасите!» В какой-то момент её голос взлетел, зазвучал громко-громко, и ей показалось, что и пламя свечи вдруг стало ярче. Но внезапно голос ослаб, дыхание перехватило, язык онемел. Таня, как ни старалась, не могла ни рот открыть, ни даже губами пошевелить — каменная тяжесть сковала тело. Она попыталась разжать губы, вдохнуть хоть глоток воздуха — тщетно... Только вырвался стон и... свеча погасла. Чернота! Жуткая мысль: «Это конец... папа!.. мама!..» И вдруг Татьяна услышала голос тёти Кати, папиной старшей сестры. «Откуда она взялась, она давно уехала?» — подумала Таня, огляделась,

но никого не увидела... «Молись», — донеслось. — «Но как? — мысленно ответила Таня. — Я не знаю ни одной молитвы... Я... я комсомолка...» — «Молись! Вспомни, ты знаешь!» — «Нет! Не помню! Мне нечем дышать, умираю... Боже!!!» — закричала Таня, и в грудь ворвался обжигающий воздух... Вновь вспыхнула свеча...

Что за сон? Когда Таня уезжала из дома, всё было хорошо: папа, мама, сестрёнка и братик — все здоровы. Папа радовался дошедшей до него реабилитации, ведь многие его «товарищи по несчастью» не дожили до возвращения честного имени. Получив справку, отец пообещал маме, что при первой же возможности уедет куда-нибудь в центр страны, подальше от опустылевшего Севера, увезёт с собой всех... Таня — первая ласточка, вырвавшаяся на волю — и куда? на юг, на один из главных курортов страны; наконец-то начнётся новая, справедливая беспечальная жизнь...

— Ваш лимонад.

Татьяна вздрогнула, перед ней стоял Евгений. Увидев его добрые глаза, она вернулась в реальность, взяла открытую зелёную бутылку и жадно отхлебнула.

— Спасибо.

— Я вас вновь напугал?

— Просто задумалась, — она опустила веки, спрятала тревожный взгляд.

— Если не секрет, о чём? — Евгений стоял, держа одну руку за спиной. В его интонации звучала загадочная весёлость.

— Так... сон сегодняшней вспомнила...

— О, и я сегодня видел интересный сон. Красивый восход, солнце говорящее, представляете? Большое-большое, яркое-яркое... и говорит... А вам что снилось?

Девушка подняла печальные глаза. Евгению показалось, что в них блеснула слезинка, но уголки её губ чуть шевельнулись в слабой улыбке.

— А мне снилась тёмная ночь.

— Здорово! — воскликнул он.

— Что здорово? — она удивлённо вздёрнула брови.

— Как что? Говорят, противоположности сходятся. Мне снился светлый день, вам — тёмная ночь. У меня тёмные глаза, у вас светлые. Это всё неслучайно, не находите?

— Не знаю, — она, пытаясь скрыть неловкость, допила лимонад и привстала, чтобы выбросить бутылку в урну у скамейки. Евгений перехватил пустую тару, выбросил сам, при этом весело проговорил:

— А я знаю, всё неслучайно, — и, словно фокусник, протянул Татьяне три тёмно-красные розы.

Щёки девушки вспыхнули.

- Мне?
- Угу, — кивнул он.
- Большое спасибо... — она понюхала цветы. — Какие душистые! У нас на Севере таких не бывает... — и, без малейшего налёта манерности, искренне произнесла: — Знаете, это первые подаренные мне цветы.
- А знаете, — подхватил он, — это первое моё настоящее свидание. Это правда... Я мечтал... но даже предположить не мог... Таня, я рад, что встретил вас.
- Но вы меня впервые видите и...
- Да, я вижу... — он хотел было присесть рядом с ней на скамейку, но тут раздался громкий голос невесть откуда появившегося милиционера.
- И я вижу... Нарушаете, товарищ!..
- Евгений выпрямился, растерянно оглянулся на голос.
- Сержант Цибуля, управление милицейской службы по охране общественного порядка, — отчеканил сержант и приложил руку к козырьку.
- Горе луковое... — цокнув языком, пробубнил Женя и подумал: пацан ещё, а уже при власти.
- Вы что-то сказали? — прищурился сержант.
- «Очень приятно» сказал.
- А мне не очень... — поучительно покачал головой милиционер, — порядок нарушаете, гражданин.
- А что случилось? — удивилась Татьяна.
- Ваши документы, — строго обратился Цибуля к Евгению, проигнорировав вопрос девушки.
- У меня нет с собой документов, я собирался на пляж... Давайте отойдём, — понизив голос, сказал он милиционеру.
- Страж порядка смерил его презрительным взглядом и строго посмотрел на девушку, спросил:
- Вы знаете этого товарища?
- Таня не успела открыть рот, как встрял Евгений:
- Нет!.. Мы не знакомы.
- То есть как не знакомы? — съехидничал сержант. — А цветы? Вы их только что подарили!
- Ну и что? Подарил, а познакомиться не успел.
- Да что случилось? Я ничего не понимаю, — Таня привстала, но Евгений холодно её остановил:
- Девушка, присядьте, пожалуйста, не вмешивайтесь! — и вновь обратился к сержанту: — Может, всё-таки, отойдём?
- Пройдём, — резко ответил тот. — В отделение.
- Евгений жестом показал Татьяне, мол, спокойно, оставайтесь тут.

Милиционер и Женя направились вверх по Маячной улице к зданию, над одним из подъездов которого красными буквами выделялась надпись «милиция». Таня видела: именно туда и прошли Цибуля и Евгений. Она немного помедлила, потом решительно встала и направилась следом. Вошла в прохладную парадную, оказавшуюся довольно просторной. За столом у окна сидел дежурный, за его спиной просматривался длинный тёмный коридор с несколькими дверями. Дежурный поднялся навстречу девушке. Она поздоровалась и спросила, где находится молодой человек, которого недавно сюда привёл сержант Цибуля.

— А вы ему кто будете?

— Кому, Цибуле?

— Тому, кого задержали, — усмехнулся молодой милиционер. Он был невысокого роста, щуплый, и от этого казался совсем юным.

Таня растерялась. Дежурный подался вперёд, упёрся кулаками в стол и повторил громче, с некоторым раздражением:

— Кто будете, спрашиваю?

— Невеста, — ответила она. Её подчёркнуто прямая осанка, напряжённый взгляд, тонкие нервные пальцы, теребящие листок розы, выдавали огромное волнение, связанное не со страхом, а со сделанным выбором — сказать именно то, что сказала! — будто прыгнула в пропасть.

В этот момент одна из дверей открылась, яркий сноп света на мгновение вырвал из темноты высокие тёмно-зелёные стены, и к дежурному подошёл, чеканя шаг, тот самый сержант. Бросил на Татьяну тяжёлый взгляд, по которому она поняла: её узнали.

— Почему в отделении посторонние? — строго спросил сержант дежурного.

Тот сразу выпрямился по стойке «смирно», а сержант остался стоять к Татьяне вполоборота, всем своим видом демонстрируя, что она здесь явно лишняя.

— Она сказала, не... невеста... Я не... не успел... — подчинённый втянул голову в плечи.

— Невеста? — Цибуля резко повернулся к Татьяне, глаза его недобро заблестели. — Вы же утверждали, что не знакомы с задержанным.

— Знакомы, — твёрдо сказала она.

— Ваши документы?

Таня достала из сумочки паспорт, протянула. Дежурный быстро взял его и услужливо передал сержанту. Тот раскрыл документ, принялся листать.

— Так-та-ак... Значит, Татьяна Корнеевна...

Молчание повисло в воздухе вопросом, и Таня, сообразив, в чём дело, сразу назвала свою фамилию:

- Харюкова.
- Сколько вам лет?
- Двадцать.
- Откуда приехали?
- Из Сыктывкара.
- Правильно... А в Геленджике прописаны?
- Улица Революционная... — Таня назвала полный адрес. «Какое счастье,

что в паспорте уже стоит штамп о регистрации по новому месту жительства!»

- Всего три дня как...

Он захлопнул маленькую серую книжицу, но владелице её не вернул, убрал руки за спину и, переваливаясь с пятки на носок, не скрывая любопытства, смерил девушку прищуренным взглядом, при этом вытянул губы так, что они стали похожи на утиный клюв. Сержант промычал задумчивое «у-гу», затем, растягивая слова, надменно спросил:

- Так кем вы приходитесь Черепову?
- Черепову?
- Да.

Это «да» прозвучало в гулком коридоре, как удар набатного колокола.

Татьяна гордо расправила плечи, выдержала неприятный взгляд и спокойно, издалека, чтобы обдумать слова, начала отвечать:

- Он хороший учитель... Мы вместе работаем в санаторно-лесной школе...

В этот момент у той же двери, из которой до этого вышел сержант, появился Евгений, в руке он держал лист бумаги. Дверь за собой не закрыл, и Тане показалось, что вместе со светом в парадной больше стало воздуха. Увидев девушку, Женя изумился:

- Татьяна?..

Сержант, не поворачиваясь к Евгению, по-прежнему глядя на Татьяну, резко заговорил:

— Значит, ложные показания даёте?! То не знакомы, то знакомы... А ваша не-вес-та, — он дважды громко крикнул, прочистив горло, сглотнул, похоже, не слюну, а просившиеся на язык эпитеты, и, наконец, посмотрел на Евгения: — Так вот, ваша коллега утверждает, что вы хороший учитель. — Он ухмыльнулся: — Учитель!.. Не стыдно, а?.. Чему детей научишь, если у самого поведение неудовлетворительное?.. Ну, давай, что там накропал?

Евгений протянул лист. Сержант подчёркнуто небрежно одной рукой взял его, стряхнул, распрямляя, и пробежался по нему глазами.

- Эт чё? — демонстративно возмущился он и потряс бумагой.
- Объяснительная, — в голосе Евгения звучал вызов.

— Эт не объяснительная... любовное письмо какое-то, — хмыкнул Цибуля и с издёвкой громко процитировал: «Я, Черепов Евгений Андреевич, сорвал цветы с клумбы, потому что захотел их подарить девушке, в которую влюбился. Обещаю, больше этого не повторится»... — Цибуля выразительно глянул на задержанного: — Чё «не повторится»? Влюбляться не будешь аль цветы с клумбы рвать?

Евгений покраснел до корней волос.

Таня глянула на букет, её тоже бросило в жар.

— Детский сад, а не учителя! — сержант смял в кулаке лист и бросил его на стол дежурного, затем протянул Татьяне паспорт.

— Свободны.

Таня быстро уложила документ в сумочку, но с места не двинулась.

Цибуля опять качнулся на каблуках. Его лицо вдруг изменилось: глаза насмешливо заблестели, а скупое сжатый рот растянулся в кривой улыбке.

— И ты свободен, Ромео, — бросил он через плечо Евгению. — С вещами на выход!.. Впредь не нарушай. Ещё раз попадёшься, Джульетта уже не спасёт.

Евгений не проронил ни слова, на мгновение скрылся в кабинете, вернулся уже с сумкой, подошёл к Татьяне, решительно взял её под руку. Они вышли на улицу, их ослепил яркий свет.

ТАТЬЯНА И ЕЁ СЕМЬЯ

Приближалась ночь. Простившись с Евгением, Татьяна не пошла в общежитие, а вернулась к набережной. Пурпурно-огненное солнце всё ниже и ниже склонялось к горизонту. Таня заметила странное: чем ниже солнце опускалось к морю, тем больше сверху и снизу оно сплющивалось, вытягиваясь в живой овал; очертания овала напомнили укутанного в толстое одеяло ребёнка, как будто кто-то невидимый, медленно покачивая, укладывал его в мягкую колыбель... А чайки! Что с ними случилось? Они большой стаей расселись бок о бок на берегу, у самой воды, так близко друг к другу, что и крыльев, кажется, не раскрыть. Чайки замерли и все до единой устремили клювы в одном направлении — на солнце, словно оно их заворожило, и они боялись пошевелиться, нечаянным движением или возгласом разбудить его, этого засыпающего ребёнка.

Волны размеренно накатывали на берег, неторопливо перебирая камушки: вода и земля переговаривались о чём-то ведомом только им. Тихий плеск успокаивал, убаюкивал всё вокруг. Краски неба и моря тоже мягко переливались и безуданно менялись — невозможно запечатлеть хоть какую-то отдельную картину; каждое мгновение акварель становилась насыщенней, темней, словно море вбирало в себя вместе со светом и само небо.

Солнце улеглось на горизонт, немного покачалось, прощально пульсируя остывающим огнём, и величаво скрылось в глубине. Яркая дорожка на воде смиренно потускнела. Разгорелся свет прибрежных фонарей, и горизонт вовсе исчез в чернеющей дали. Пляж опустел, зато набережная наполнилась гуляющими парочками.

Таня, словно чайка, застыла в душистой теплоте вечера. Девушка перелистывала в памяти события сегодняшнего дня и минуту за минутой проживала впечатления. Евгений — его мягкий голос, большие карие глаза, добрая улыбка, тёплые руки... нежный поцелуй в щёку и робкий, будто нечаянный, в краешек губ. Она чувствовала, как приятно учащается пульс от необъяснимой штормовой волны, подкатывающей к груди и горлу, будто Таня летит в самолёте, а он раз от разу попадает в воздушную яму. «Евгений... он похож на принца из сказки», — Таня ненадолго закрыла глаза.

Странно, ещё утром она и представить не могла, что бывают такие лёгкие, радостные минуты общения с молодым человеком. Минуты незаметно вылились в часы, а часы — в одно яркое мгновение, вместившее и первые цветы, и нечаянное признание, и первый стыдливый поцелуй. Таня вспоминала прошедший день как сон, и чем больше она погружалась в этот сон, тем больше восторга и сладости испытывала оттого, что просто стоит и дышит, смотрит на небо и море, вдыхает запах утомлённых зноем сосен и остывающего асфальта.

«Но что я о нём знаю?.. Почти ничего», — промелькнула тревога, растворилась в шёпоте моря, а вновь проявившийся образ Евгения вызвал радость. Таня почувствовала: сердце верит — верит! — этой радости и уже живёт ожиданием новой встречи: её обещает завтрашний восход. Взойдёт солнце и наполнит мир новыми красками, новым дыханием...

— Ты где пропадала? Я уж и не знала, что думать! Может, тебе плохо стало, может, заблудилась, — Валентина, как встревоженная мать, отчитывала подругу. — Таня, что случилось?

— Случилось, — Татьяна, не разуваясь, прошла в комнату, села на свою кровать и усталилась в ночное окно.

— Господи, да что? — всплеснула руками Валя и наклонилась перед соседкой, чтобы поймать её взгляд.

— Честно? — загадочно улыбнулась Татьяна.

— Ну конечно!

— Влюбилась...

Валя плюхнулась рядом. Кровать пошатнулась, и Таня, упав на подушку, звонко засмеялась, но смех её быстро превратился в счастливые всхлипывания, по щекам потекли тихие слёзы.

— Влюбилась?.. Похоже, ты рехнулась...

— Да... похоже, — радостно согласилась Татьяна, легла на спину, запрокинула руки за голову и закрыла глаза.

— Ты что, — не унималась соседка, — встретила какого-то курортника, и он вскружил тебе голову?

— Встретила... и правда, голова кружится... Валя, я не думала, что так бывает!

— Как?

— С первого взгляда...

— С первого взгляда, — Валентина покачала головой. — Ты дура? Очнись! Сказки всё это.

— Да, всё как в сказке...

— Слушай, подруга, ты меня пугаешь. Сходи-ка умойся, выпей своих капель да ложись спать. — Валя встала, суетливо убрала со стола книги, расстелила небольшую скатёрку. — Я на кухню, принесу тебе чайку. Попьёшь, успокоишься. Проспишься. Знаешь, во всех сказках говорится: утро ночи мудренее.

— Не бойся, со мной всё хорошо. — Таня с лёгким стоном потянулась. — Мне так хорошо, как ещё никогда не было...

— Тьфу ты, опять за своё!

Валя вышла из комнаты. «Что за чудеса такие? — она нарочно гремела посудой: с грохотом поставила чайник на плиту, ополоснула в мойке под гудящим напором чашки, со звоном поставила их одну в другую, затем на блюдца... Ей казалось, суета и шум поглощают непонятно откуда возникшее раздражение. — Интересно... и я недавно с парнем познакомилась... и не на улице!.. Как можно знакомиться на улице? Глупо... Да, он мне тоже понравился. Очень! В кино вот сводил на «Стряпуху», потом всю дорогу пел: «Ах, ива, ивушка, коса пушистая, как мне, красавица, тебе помочь». Целоваться лез... А мне не надо такой помощи! Разве можно вот так сразу... Разве можно вот так, с порога, — «влюбилась»!.. Ну Танька!.. Вот так тихоня, вот так скромница, не успела вырваться из дома... Может, на юге климат такой: не только моментально цветы распускаются, но и чувства?.. Танька, Танька, тебе ж нельзя так волноваться. Только бы беды какой не случилось...»

Когда Валя вернулась в комнату, Таня тихо лежала в постели, отвернувшись к стене, с головой укрывшись простынёй.

— Та-а-нь, — полушёпотом позвала Валентина.

Тишина, даже дыхания Тани не слышно. Подруга подошла ближе, при-
смотрелась: дышит — видно. Валя бесшумно поставила посуду на стол,
выключила в комнате свет.

А Татьяна и не думала спать, просто ей не хотелось ничего рассказывать
и что-то объяснять, казалось, пророни она хоть слово, и переполненная
драгоценной влагой чаша души разом расплещется...

* * *

Когда-то Таня спросила отца, почему у него фамилия Вибе, а у всех —
у неё, у мамы, сестрёнки и брата — Харюковы. «Так для вас лучше», — от-
ветил тогда Корней Корнеевич.

Повзрослев, она многое поняла сама, но и отец многое поведал, ре-
шившись однажды на откровенный разговор, когда мамы не было дома,
а младшие сестрёнка и братик — Надя и Серёжа — уже спали. Отец показал
Татьяне толстую амбарную книгу-тетрадь, в которую начал записывать
воспоминания, собирать сведения о родных, выстраивать генеалогическое
дерево.

— Таня, я решил, вам, детям, это важно знать, тем более, ты скоро уедешь
из родного дома. Почитай, а потом я ещё расскажу тебе...

— Папа, может, сначала расскажешь? А потом и почитаю, — просяще
улыбнулась дочь.

— Ну, что ж, — вздохнул отец, — может, ты и права... Слушай...

Рассказ был тяжёлым, он требовал от Тани времени и сил, чтобы ос-
мыслить, прожить душой открывшиеся тайны. Тот вечер она не забудет
никогда.

— Родился я в немецкой семье, в селе Мариенталь Самарской области.
Родители Вибе Корней Иванович и Рената Яковлевна (в девичестве Фаст)
исповедовали веру меннонитов — это протестантское течение... За эту веру
наша многодетная семья — а детей было одиннадцать, я — шестой — тер-
пела лишения, жила своим трудом, как говорят, натуральным хозяйством.
Но в 17-м году свершилась Октябрьская революция, и начались самые
страшные испытания. Мой отец рассказывал, что после установления
Советской власти, когда земля перешла в собственность государства, се-
мью обязали на бывших своих участках выращивать высокоурожайные
сорта зерновых и весь урожай сдавать... У нас работали все — и взрослые,
и дети. Мы с шести-семи лет уже вовлекались в общее дело — только
суровая экономия и труд спасали от голода. Сёстры помогали матери по

хозяйству: нянчили малышей, рано приучались к шитью, вязанию, доили коров, работали в огороде. Мы, мальчишки, ухаживали за скотиной, трудились в поле...

Тихий, чуть взволнованный голос отца рисовал в воображении Тани яркие картины.

— Хорошо помню, когда мне было семь, мы с Иваном, старшим братом, ему было тринадцать, уже самостоятельно пахали двухлемешным плугом: Ваня управлял тяжёлым агрегатом, а я — четырьмя лошадьми, впряжёнными в самовязку. Работали наравне со взрослыми весь день. Играть нам доводилось редко. Не забуду, как на моё восьмилетие к нам приехали гости — двоюродные братья и сёстры... Я думал, будет праздник, а родители включили всех в большую «игру» — мы весь день ставили снопы в суслоны... да... — Корней Корнеевич ненадолго умолк, перебрав страницы дневника. Его лицо было напряжённым, точно он ждал вопросов дочери, но вопросов пока не последовало, и он продолжил: — Нас с малых лет приучали к добросовестному упорному труду и честности, и эти привычки не раз спасали меня по жизни, даже когда оказывался на самом краю... Но об этом потом. Так вот, вроде приспособились к новой власти, и всё бы ничего, да в 30-м году началась коллективизация, повсеместное раскулачивание. Нашу семью лишили всего имущества и выслали в Архангельскую область. Долгие две недели мы и ещё четыре семьи, самая малая из которых состояла из шести человек, ехали в двухосном вагоне. Была весна, мы очень мёрзли, всё время хотелось есть... Свет проникал только через один верхний люк, остальные люки и все двери были заперты снаружи на замки. Мы не могли ни выйти, ни воздуха свежего впустить, и в течение всего «путешествия» вынуждены были пользоваться одной-единственной парашей... Выгрузили нас на разъезде, не доезжая трёхсот километров до Архангельска. Дальше — пешком по раскисшей снежной дороге в лес, только вещи и маленьких детей везли на нескольких конных подводах. Пока мы дошли до места, насквозь промокли и продрогли. Поселили нас, «кулаков», в бараках из необструганных брёвен: потолки — чуть выше головы взрослого человека; по обе стороны, из конца в конец (а длина помещения — метров пятнадцать) тянулись двухэтажные нары, на них, тесно прижавшись друг к другу, мы спали — и взрослые, и дети — больше пятидесяти человек в одном бараке...

Мы, детвора, а мне тогда ещё не исполнилось двенадцати, поначалу жили без особых хлопот. Трудностей взрослых не понимали. Жизнь в посёлке для нас протекала однообразно. Школы не было, никто не учился. В наши обязанности входили заготовка и разделка дров для отопления барака и приготовления еды, да периодически мы гнали дёготь из бересты,

им смазывали кожаную обувь... Хотя радости у нас тоже были, жили-то в густом лесу, который нам казался сказочной волей, вот там — развлечение. Добывали зелёные еловые шишки — они по весне казались такими вкусными. Иногда разоряли птичьи гнёзда, не баловства ради, а чтобы яиц добыть. А сколько летом ягод было! Особенно черники и брусники. Ягодная страда — ползай потихоньку да загребай в корзину. Перед глазами так и стоят живописные лесные поляны, пригорки, усыпанные сладостью...

Таня слушала, еле дыша. Корней Корнеевич задумался, улыбнулся мыслям. Но радость, осветившая его лицо, быстро улетучилась. Когда он вновь заговорил, голос его стал жёстче и глуше:

— Жизнь в бараках превратилась в муку. Нас поедом жрали клопы, особенно ночью. Они полчищами вылезали из нештукатуренных стен, потолочных брёвен, досок на полу. По утрам мы вставали опухшие, как чесоточные. А клопы эти не гибли даже на сорокаградусном морозе!.. Каждая семья, живущая в бараке, кушала в свою очередь, потому что на всех был единственный стол, который стоял в одном конце барака, а в другом — русская печь. Мы, детвора, соберёмся, бывало, гуртом у неё, да греемся, страшилки рассказываем, и время пролетало, и голод заговаривали. Досыта никогда не ели, в получаемых пайках была, в основном, солёная рыба, к ней прилагалось немного сахара и махорки — её давали только мужчинам. Махорку не тратили, так как никто у нас в бараке не курил, и сахар экономили. Потом эти ценности меняли на картошку и молоко, за ними ходили по бездорожью в соседние деревни, до ближайшей — пятнадцать километров... Взрослые работали на заготовке леса и строительстве. Подростки, кому исполнялось шестнадцать, начинали работать наравне со старшими. Труд был изнурительный, от грязи и холода в посёлке вспыхнули эпидемии тифа и менингита. Наши старшие — Катя, Лиза, Иван и Маргарита — переболели тифом. Потом Агата и снова Маргарита, вместе с младшими братишками Альфредом и Вильгельмом, заболели менингитом. Агата умерла накануне своего дня рождения, ей должно было исполниться пятнадцать. Малыши тоже умерли один за другим: Альфреду не исполнилось и трёх, Вильгельм не дожил и до годика, позже умерла и Лиза...

А беда, и впрямь, не приходит одна. Уже в июне 30-го года арестовали отца. Его обвинили в контрреволюционной деятельности только потому, что он знал немецкий язык и сумел сохранить некоторые книги на родном языке, да ещё вёл дневник, который энкавэдэшники и сочли за тайную переписку с врагами. Обыски проводились регулярно. Помню, как в очередной раз в барак пришли сотрудники НКВД — эти мужчины мне

показались неимоверно злыми. Мы не привыкли видеть такие, полные ненависти, лица... Они нашли книги и дневники отца... Да-а, не уцелели записи, а с ними — история наших предков...

Таня сидела не шелохнувшись, она боялась ненароком перебить течение мысли отца. Он отвернулся, пряча слезу да проскользнувшую ледяную искру злости, в горле несколько раз тяжело перекатился кадык. Корней Корнеевич с силой сжал кулаки, умолк. Затем вновь посмотрел на записи и, не переверачивая страницы, вернулся к рассказу:

— Мама осталась одна, а нас — восемь, и лишь трое могли работать, быть подмогой. В начале 32-го всех спецпоселенцев переправили в другой посёлок, в Холмолево. Вновь поселили в бараках, но уже на каждую семью дали по комнатке... Продукты — снова по карточкам — скудные, к тому же на выкуп пайка требовались деньги! А где ж их взять?.. И ссылённые последние драгоценности, если у кого-то что-то ещё уцелело после первой волны экспроприации, сносили в так называемые Торгсины — пункты торговли с иностранцами, которые государство открывало в поселениях и легально за копейки скупало у людей остатки валюты и золота. Странно, какие иностранцы в ссылке?.. Но теперь понимаю — это была продуманная политика: наверняка у народа что-то где-то припрятано... значит — а такое бывало, — на целый район пайки не выдавать, списать невыдачу на трудности коллективизации, но при этом открыть коммерческие магазины, мол, пусть выживают на последнее, а сдохнут — туда и дорога... У нас за душой ничего не было, одна надежда на заработки. Непосильный труд на лесозаготовках, где работала старшая сестра Катя, оплачивался скупое. Спецодежду и спецобувь не давали. Мама, чтобы как-то прокормить нас, брала заказы на шитьё, а на это тоже надо было выкроить время и место: в нашей четырнадцатиметровке стоял один стол, который служил и кухонным, и обеденным, и рабочим для всех. В долгие, казавшиеся бесконечными, вечера светила только одна лампа-коптилка — это такой круглый фитилёк, пропущенный через жестяную трубочку в бутылку с керосином. Под этим светом мама и шила, и порой творила чудеса, какую только изобретательность не проявляла. На нас же одежда буквально горела. Но мама латала, перекраивала изношенные вещи и шила, шила, шила...

Картины из рассказа отца проплывали перед глазами Тани, словно далёкая историческая кинохроника. Только кадры этого кино вместе со светом призрачного экрана болью врываются в душу, потому что Таня видела родных людей, чувствовала их страдания, о которых доселе не знала. Теперь они вскрывались, как незажившие раны, сочились, обжигали

кожу, горечью вливались в кровь... А голос отца, будто голос диктора за кадром, то отдалялся, меняясь до неузнаваемости, то приближался и вновь становился родным.

В 1934 году настала очередь Корнея начать трудовую деятельность. Сначала сестра Катя брала его с собой на лесобиржу, на заготовку сырья для бумажно-целлюлозной промышленности. Летом он трудился в организованном при посёлке колхозе, а осенью поступил учеником в столярную мастерскую, где проработал два года, став квалифицированным столяром. Позже колхозу потребовались счетоводы, и волею судьбы Корнею, получившему домашнее — большей частью самостоятельное, не считая четырёх классов учёбы в «немецкой» школе — образование, посчастливилось поступить на заочные курсы Наркомзема СССР: сначала он окончил отделение счетоводов, а потом инструкторов-бухгалтеров. Так Корней Корнеевич стал бухгалтером.

Семью ждали новые испытания. Как-то областному начальству в Архангельске потребовались домработницы. Выбор пал на молодых женщин-немки из числа спецпереселенков, в «избранницах» оказалась и сестра Катя. С одной стороны, новая работа стала избавлением от каторжного труда в поселении, но с другой — жизнь в семье секретаря Северного крайкома тоже была несладкой. Однако и это «счастье» быстро кончилось: в 1938 году «хозяйев» постигла участь врагов народа — секретаря крайкома расстреляли, его жена попала в тюрьму. Прислугу, в том числе и Катю, возвратили в спецпосёлок.

Итак, настал 1938 год. Новые тяготы обрушились и на семью Вибе: 20 марта арестована мать Рената Яковлевна; 30 марта — сестра Катя и Иван, единственный старший брат Корнея. Для арестов из района в посёлок регулярно приезжала бригада НКВД, члены которой расходились по баракам с заранее приготовленными списками, производили обыски и уводили арестованных. Каждый раз их набиралось несколько десятков. «Врагов» увозили в Няндому, в тюрьму, а оттуда — этапом — в Архангельск, в другие тюрьмы. За «контрреволюционную деятельность» Ивану присудили десять лет; в июне арестовали Маргариту, её тоже приговорили к десяти годам; Катю осудили на восемь лет за то, что она хранила Евангелие на немецком языке.

Ясной вспышкой пронеслось воспоминание: тётя Катя держит старую маленькую книжицу. Страницы её потёрты до того, что, кажется, стали прозрачными. Тётя Катя улыбается, садится на табурет, бережно перелистывает её и начинает читать сначала на немецком языке, потом рассказывать на русском дивные истории...

— Папа,— спросила Татьяна,— это то самое Евангелие, по которому тётя Катя нам в детстве читала?

— Да, то самое. Чудо, как она его сохранила?.. После освобождения она приехала к нам, ты помнишь, наверное, тебе тогда было три.

— Конечно... это было как в сказке. Зима. Открылась дверь, и в дом во-
рвались клубы морозного воздуха. И вдруг из них, словно из облака, вышла укутанная в толстый жёлто-коричневый клетчатый шерстяной платок с кисточками незнакомая женщина, увидела меня и тут же опустилась передо мной на корточки, откинула платок и посмотрела на меня ласковыми-ласковыми глазами. «Тётя Катя», — сказала она. «Тётя Катя», — повторила я. И она, такая морозная, обняла и поцеловала меня. И мне почему-то радостно и тепло стало... Я сразу её полюбила.

— Её невозможно не любить, — с теплотой в голосе согласился отец. — Катюша — великая труженица, умница... Она вас, можно сказать, и вырастила, ведь нам с мамой приходилось много работать, а вы — маленькие — дома одни. Бабушек и дедушек у вас не было — репрессированы, расстреляны... Вы — поколение без бабушек. Связь времён порвалась... Да, бабушку вам заменила Катя... Не знаю, по каким причинам она так и не вышла замуж, не хотела, наверное, боялась полюбить, обременить избранника тяготами своей судьбы. Она всю свою нерастраченную любовь отдала родным, в вас души не чаяла. Много в ней добра... Благодаря её запросу в МВД и тому, что она сумела добиться официального ответа, мы только недавно узнали о судьбе нашей мамы: согласно документам, она умерла в тюрьме в марте 42-го от туберкулёза...

На последних словах голос отца вдруг сделался хрипло-тихим. Отец откашлялся, потом сказал:

— Виноват я и перед мамой, и перед Катей...

— В чём? — удивилась Таня.

Корней Корнеевич посмотрел в окно, где по вечернему ясно-фиолетовому небу неслышно летел самолёт, оставляя за собой светлый, рассеивающийся длинный след.

— Я с ними был непростительно жестоким. Теперь тяжким грузом на душе лежит вина. Понимаешь... я попал под влияние «друзей-наставников». Над верующими смеялись, глумились. И я... стал стыдиться — да что говорить? — стал ненавидеть, что родился в семье верующих христиан... Страшно подумать, сколько горя причинил маме своим вызывающе глупым поведением. Сквернословил, начал курить, выпивать. Вместо того, чтобы быть опорой, пустился в богохульство, безнравственность, которые стали нормой жизни наших так называемых руководителей, ну, и моей нормой... Дошло до того, что судьба

репрессированных — самых родных мне людей — меня абсолютно не интересовала. Больше того, я презирал их за то, что они не могут поступиться своими принципами, этой верой... Мне же хотелось утвердиться и доказать всему и вся, что я не такой, как они. И я был не такой... Дурак! Маме легче было бы пережить землетрясение, чем видеть то, что происходило со мной, с моей душой... Младших Гергарда и Эрну, которые не могли работать, после её ареста увезли в детский дом, а я ничем даже не пытался им помочь...

Татьяна услышала, как из груди отца вырвался короткий тяжёлый стон. Лицо его исказилось гримасой не то боли, не то презрения к самому себе. Он резко отвернулся от окна и спрятал лицо в широко раскрытой ладони, локтём опёрся на стол. Другой рукой, сжатой в кулак, начал глухо постукивать по тетради. Тане показалось, что она слышит тяжёлый пульс отца, и её сердце так же тяжело забилося. Она встревожилась, смутилась оттого, что её нечаянный вопрос всколыхнул в отце — в какой-то миг вдруг показавшемся ей совершенно чужим человеком — глубоко спрятанные страдания... Ей стало душно и страшно. Захотелось выскочить из комнаты, выбежать на улицу и закричать так, чтобы криком заглушить внезапную, до боли сжавшую сердце, тоску. Но какое-то другое, более сильное чувство, чем страх, заставило её остаться на месте. Она крепко зажмурила глаза и всей волей принудила себя дышать глубоко и ровно...

В комнате повисла давящая тишина. Когда Таня открыла глаза, отец сидел всё так же, низко склонившись над столом. Он горестно раскачивался в такт гулким ударам тяжёлого кулака. За окном стемнело. Таня привстала с намерением включить свет, но отец остановил её коротким хриплым «не надо».

Он выпрямился, опустил руки на колени и крепко сцепил пальцы. В комнату из окна проникали холодные лучи уличных фонарей. Они высветили уставшее, резко осунувшееся лицо отца. А его раскрытый дневник выделился на столе ярким белым лоскутом, он стал похож на выброшенный в полумрак флаг перемирия.

— Я продолжу? — спросил отец.

— Да, — еле слышно ответила Таня.

— В начале 1940-го меня перевели инструктором-бухгалтером, я стал жить и работать в районном центре. Несмотря на то, что в моём правовом положении ничего не изменилось — я по-прежнему был лишён паспорта и права свободного передвижения за пределы района, — мне всё же не приходилось сидеть в райземотделе: часто посылали в колхозы. Хм-м... помнится такой случай. Из Ступинского сельсовета пришёл сигнал о зло-

употреблениях руководства колхоза: там продавали неоприходованный приплод поросят, списывая на падёж. Проверку поручили мне. Ехать до колхоза от ближайшей железнодорожной станции — сорок километров по бездорожью, а до этой ближайшей — девяносто поездом! Подъехав к станции, взял там лошадку под седлом и верхом — к месту назначения. В два дня управился с делами, вернулся, лошадку сдал и поездом домой. Отчитался первому секретарю райкома о проделанной работе. Он меня внимательно выслушал, а потом подозрительно заботливо поинтересовался, мол, как здоровье, ноги не болят ли? «Здоров», — ответил я, ещё ничего не подозревая. А он такой разнос устроил: как это я, враг народа, посмел взять лошадь, отвлечь её от сельхозработ!.. С тех пор я всюду ходил пешком, несмотря на погоду и расстояния... Я выполнял обязанности уполномоченного райкома партии, а попросту был «толкачом». Это страшное жандармское дело — выгонять и так донельзя загнанных, обнищавших колхозниц на работу, когда деревни уже были доведены до ручки, когда люди правдами и неправдами вырывались на заработки, стремились попасть на лесные да железнодорожные предприятия... Колхозники же, деревенские жители, не имели паспортов или заменяющих их справок, а значит, были привязаны к определённом месту и не могли отказаться ни от каких работ. Отказ влёл за собой немедленный арест — вышел указ о запрещении увольнения и уголовной ответственности за прогул. Вот такой была коллективизация...

Великая Отечественная резко изменила жизнь в СССР — уже в первые месяцы войны на завоёванной фашистами территории оказалась половина населения страны. В 1941 году было проведено несколько призывов, почти всё мужское население мобилизовано. Ушли на фронт и мужчины-спецпереселенцы русской, украинской и других национальностей. Немцев не брали. Вскоре после начала войны Корнея Корнеевича вернули в спецпосёлок, где он начал работать в лесопункте мастером по шпалопилению, разделке и погрузке леса. Выполнялись военные заказы — всё для фронта! Основную рабочую силу лесопункта составляли женщины.

В марте 1942-го всех мужчин немецкой национальности мобилизовали в так называемую «трудармию»¹. С этого момента начался один из самых мрачных периодов в жизни десятков тысяч российских немцев.

¹ Трудовая армия — неофициальное название системы принудительной трудовой повинности населения, призываемого в организованные по военному образцу трудовые подразделения в 1942–1946 годах и в послевоенное время.

— В марте 42-го нас вызвали в Няндомский райвоенкомат. Я сразу понял, что группу направляют не на фронт, а на какие-то работы оборонного значения, потому что среди призывников были только немцы. От Коноши до Вельска ехали пассажирским поездом. От Вельска начиналось царство ГУЛага¹ НКВД. Гулаговцы строили железную дорогу, города и посёлки, занимались лесозаготовками. Основная рабочая сила — зэки² да «контрики»³ — жертвы репрессий. На железной дороге Вельск — Котлас поездные бригады, водившие составы, тоже были из заключённых. Наш вагон, который то и дело перецепляли, часами и сутками стоял у лагерных станций. Сухим пайком мы были обеспечены лишь на четыре дня, и, конечно же, всё съели задолго до конца «путешествия». Спасибо старшему сержанту Крылову, сопровождавшему нас, — на долгих остановках он добивался получения на лагпунктах дополнительных продуктов. Буквально спас нас от голода. А соседние группы голодали... Наконец нас привезли на зону — территорию на высоком берегу Северной Двины, огороженную сплошным непроницаемым забором с колючей проволокой поверху. Поселили в овощехранилище, приспособленном под казарму: внутри в четыре ряда — сплошные трёхъярусные нары. В одном овощехранилище «прописали» около двух тысяч человек, а всего в лагере было пять таких казарм. У нас всех сняли отпечатки пальцев — каждого пальца каждой руки — на специальные бланки. Сразу после оформления нас разделили на бригады, которые называли взводами. Бригадирами назначили тех, кто имел образование и какую-либо специальность. Я попал в их число. Пока нас привезли, пока оформляли и распределяли, еды не давали. Лишь к вечеру мы получили по пайке хлеба и что-то горячее, и сразу, без отдыха, вышли на работу. Мою бригаду вместе ещё с одной северной, как нас называли, поставили на разгрузку балластных «вертушек» — это около двадцати платформ с щебнем. После их разгрузки давался короткий отдых, и всё сначала... То, как мы жили, верней, выживали, вспоминать страшно... Знаешь, Таня, я это уже записал. Уверен, вам это важно знать не для того, чтоб вы меня пожалели или кого-то упрекнули, а для того, чтобы, прежде всего, вы знали правду...

— Я понимаю, — почти беззвучно сказала Татьяна.

Корней Корнеевич чуть прикрыл уставшие, впалые глаза, обрамлённые низкими печальными бровями и глубокими морщинами. Их резкие бороз-

¹ Главное управление лагерей и мест заключения — подразделение НКВД СССР, МВД СССР, Министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство местами массового принудительного заключения и содержания в 1934–1960 годах.

² Зэк — заключённый (сленг).

³ Контрик — осуждённый по статье 58 за контрреволюционную деятельность (сленг).

ды вьелись в лоб и сурово сосредоточились на переносице, горестно жали тонкие губы. Татьяне казалось, морщины отца никогда не разглаживались, хранили в себе тайны и скорби, что глубоко врезались в его жизнь. Он отодвинул от себя дневник. Провёл ладонью по лбу и виску, будто сбросил накопившееся напряжение. За время «исповеди» Татьяна поняла: отцу иногда требуется несколько минут перерыва. Он задумчиво умолкает, его дыхание выравнивается, а взгляд, во время рассказов уходящий куда-то вдаль, возвращается в настоящее.

Таня внимательно посмотрела на отца и удивилась тому, что сейчас в его глазах нет ни капли какой-либо обиды или злости — только отголоски давней боли, да иногда, сквозь сдерживаемую тревогу, мелькают жаркие огоньки неукротимого жизнелюбия. И всё это живо соединяется и превращается в одно большое выражение выстраданной мудрости.

Он снова пододвинул дневник, положил ладонь на открытую страницу, слегка погладил чёрные убористые строчки, при этом пальцы нервно дёрнулись, словно наткнулись на оголённые провода. Отец вновь заговорил:

— На работу нас водили под конвоем, хотя вся огромная территория строительства Котласского железнодорожного узла, который находился за пять километров от зоны, была оцеплена военизированной охраной с овчарками. Каторжный труд по двенадцать-четыре часа, отсутствие элементарных условий жизни быстро вымотали людей. В голове — одна мысль: «Выжить». Возможно, это страстное желание оградило меня от тяжёлых болезней, которые в лагере не заставили себя долго ждать: ведь жили мы, верней, существовали в жуткой грязи и холоде. Постели на нарах не было. Укрывались одеждой — у кого что было, кто в чём приехал. В этой же одежде работали. Если она на нас намокала, то и сохла на нас или под нами. Чтобы не замёрзнуть, мы на нарах плотно прижимались друг к другу. Все завшивели и в короткие часы отдыха только и делали, что давили вшей. От двух тысяч заключённых в казарме стоял такой мерзкий запах, что нормальному человеку даже представить трудно. Кухня — одна на весь лагерь. Там, через раздаточное окно, получали пищу, у каждого был свой котелок. Содержимое съедали либо в бараках, на нарах, либо прямо на ходу: столов и стульев не было. Самое ужасное — не хватало воды: ни попить, ни умыться, не говоря о большем. Её возили конной повозкой только на кухню для приготовления еды. А кормили нас, в основном, солёной рыбой. Мы жестоко страдали от жажды, зверели, набрасывались на повозку и, несмотря на яростные побои дубинками, черпали котелками воду. А ведь рядом — Двина, но тех, кто пытался прорваться к реке, расстреливали. Тогда многие стали пить

талую воду из луж как в самой зоне, так и по пути на работу. В результате вспыхнула эпидемия дизентерии, а один-единственный на всю зону общий сортир не вмещал сразу всех нуждающихся. Территория лагеря быстро превратилась в одно сплошное месиво испражнений, в которых ноги утопали по щиколотку... Люди умирали в бараках, на территории лагеря, на работе. Тех, кто без сил падал по пути на работу или с работы, укладывали вдоль обочин. У кого были силы, приходили в лагерь и, подкрепившись черпаком баланды и куском солёной рыбы, возвращались за упавшими, но чаще всего находили уже остывшие трупы. Вспомнить жутко, сколько мертвецов лежало вдоль дороги! Они «сопровождали» нас повсюду. Но самое ужасное то, что мы стали равнодушными, безразличными ко всему, жестокими. Казалось, всё человеческое в нас умерло... Почему погибших трудармейцев не сразу хоронили и где их хоронили — не знаю. А их — тысячи и тысячи... Всё было пропитано адской вонью, духом смерти...

— Папа, — перебила Татьяна. — Прости... я больше не могу...

— Да, прости, дочь, разговорился... но... мне важно... впрочем, потом. Я ещё соберусь с мыслями, запишу... А ты, пожалуй, давай-ка спать, уже ночь...

Таня отрицательно покачала головой. Но отец закрыл тетрадь, в которую за весь свой рассказ так больше и не заглянул. Тогда Таня робко накрыла ладонью его руку и вновь ощутила родное тепло жёстких сильных пальцев.

— Ты же знаешь, я могу всю ночь не спать... и, если честно, сейчас всё равно не усну.

— Прости...

— Это ты прости, что у меня не хватает сил просто слышать... а ты всё это пережил... Ты рассказываешь, а я вспоминаю, как в детстве не понимала, почему мальчишки меня дразнили фашисткой и каждый раз норовили побить или пакость какую устроить; не понимала, почему тётя Катя рассказывала о Боге, а в школе говорили, что его нет, а вы с мамой эту тему обходили стороной; и почему мама так мало рассказывала о своей семье... Пап, расскажи, как вы с мамой встретились? Я её спрашивала, она молчит, будто партизанка какая.

— Партизанка — это точно, — улыбка мелькнула на лице отца. — Её семье тоже с лихвой досталось, поэтому, наверное, и вспоминать не хочет... Знаешь, она очень сильная женщина, во многом даже сильнее меня... Но если она не рассказывает не пожелала, то и я не стану...

— Ну, пап.

— Что «ну»? Когда мы с ней познакомились, я просто влюбился. Молодость...

— Вот и расскажи, мне интересно.

— Романтики никакой не было, и если ты ждёшь подобного рассказа, то напрасно. Мы выживали. Чувства, конечно, были. Теперь же понимаю, я скупился на любовь... Но обозлившийся и очерствевший, в чём-то даже ставший циничным, я больше брал, чем отдавал...

— А ты маме об этом говорил?

— Танюша, какая ж ты взрослая, милая моя... Нет, не говорил, я ещё сам не всё осмыслил, ещё борюсь сам с собой... Прости, давай не будем...

Таня настойчиво пожалала руку отца.

— И всё же, пап... пожалуйста, хотя бы только о том, как познакомились.

— Да как? Обычно... ну, ладно, слушай... В мае 42-го я вместе с другими зэками и трудармейцами попал на Жешартский отдельный пункт Северного железнодорожного лагеря. Привезли нас на голое место — колхозные луга, недалеко от села Жешарт. В общем, всё было так, как и в предыдущем лагере, разве что жили первое время в палатках, на природе, но всё под той же охраной. Потом нас переселили в каркасно-засыпные бараки, которые мы сами же и построили, зону снова оградил забором с колючкой... Работали мы на выкатке и разделке древесины: лес из реки таскали лебёдками. Кроме пайки хлеба — шестьсот граммов в сутки — снова получали баланду. В общем, голод и вши — как и прежде. Но тут мне повезло. Приглянулся я экономисту нашей колонны, и он забрал меня с общих работ к себе. Поручил вести учёт выполненных объёмов и предоставлять ежедневную отчётность. На новой работе я уже так, как раньше, не выматывался, да и начальник мой меня подкармливал... В начале 44-го нашу лесоперевалочную базу передали из Севжелдорлага тресту кировского Транслеса. Зэков вывезли, а трудармейцев прикрепили к местным органам МВД, снова как спецпереселенцев. С разрешения коменданта началось общение с родными, семьи стали соединяться и создаваться новые. В поселение начали приезжать на работу и вольнонаёмные. Вот однажды и появилась в нашем отделе вольнонаёмная — молодой бухгалтер Ольга Харюкова, миловидная, стройная, кроткая светлоглазая девушка. Она поразила меня тем, что сидела за столом ровно-ровно, как натянутся струна, спину держала прямо, локти на стол никогда не клала. Помню, спросил: «Для чего такая гордая осанка?» А она просто ответила: «Чтобы не спать». Потом пояснила: если облокотиться о стол — это уже не работа, а отдых. Вот так-то!.. Позже понял, что Оля осанку держит не только для работы, это её характер... Ну, что говорить, влюбился, стал проявлять симпатию — то кусочком хлеба поделюсь, то сахарком. Романтических встреч под луной не было — не до того, хотя мы общались не только на работе. Бывало, по утрам, перед работой, за хворостом в лес ходили, чтобы в конторе печь

топить. А зимой утро — та же ночь. В один из таких походов постучал я в Олино окно, мол, пора, выходи. Она замешкалась что-то. Мы и отстали от наших... Я в то утро угостил её варёным куриным яйцом, она обрадовалась... Идём мы через снежное поле, слышим вдалеке какие-то странные звуки, вроде невнятные голоса. Пригляделись — в темноте не больно ещё и разглядишь — и поняли: волки, да всё ближе и ближе. Что делать? Бежать? А разве можно от них убежать, увидят, учуют — сожрут, они тоже голодные. Мы и легли в сугроб, притихли. Ноги стынут, руки стынут. А вой! — душу переворачивает. И мне показалось, Оля не дышит, думаю, замёрзла или от страха умерла. Я её к себе прижал крепко и поцеловал... первый раз... а у неё — слёзы солёные, горячие. Жива, значит... Прошли волки мимо. А мы без хвороста в посёлок вернулись, и, чтобы на работе печь затопить, я из дома вязанку взял... К обеду только отогрелись. Я Оле кипяточку в кружку налил, а она вдруг яйцо достаёт из кармана и делит пополам. «Откуда?» — спрашиваю. А она: «Ты подарил». — «И ты до сих пор не съела?!» — «Волю воспитывала. Я его всё время в кармане гладила, оно и согревало душу»... Потом призналась: «Кажется, ничего вкуснее в жизни не едала». И понял я, что тоже ей нравлюсь... В общем, когда меня в 44-м «демобиловали», мы поженились... Мне что? От меня особой решимости для этого не требовалось, а вот Оле нужно было немалое мужество, чтоб выйти за меня, хоть я и был далеко «не последний парень на деревне»...

Таня заметила, что глаза отца будто посветлели, скупая улыбка тронула его сухие губы, но уже через мгновение они горько опустились.

— Браки, сожительство с немцами, мягко говоря, не поощрялись тогда. И если уж русские женщины соединяли судьбы с «иноземцами», то не переходили на фамилии мужей, иначе им грозило ущемление в правах. Девушек, «спутавшихся с немчурой», прорабатывали на собраниях, исключали из комсомола, их преследовали партийные и местные власти. А дети с немецкими фамилиями со дня рождения автоматически становились спецпереселенцами с соответствующим «набором» бесправия. А что такое бесправие, Оля знала не понаслышке, сама с Вологодчины без паспорта бежала... Немцу же, поселенцу, порой и по селу пройти было опасно. Враждебно настроенная молодёжь могла избить и даже убить, ведь кроме призыва «Всё для фронта, всё для Победы!» существовал и другой: «Убей немца!» Многие озлобленные не думали, что клич брошен в период лютой борьбы с фашистами, что мы-то не те немцы... Мы ждали Победы, надеясь, что с окончанием войны восстановится справедливость. Но не тут-то было! Вышел послевоенный указ о том, что мы

высланы *навечно*, и что самовольный выезд с места поселения карается каторжными работами сроком на двадцать лет. Вот так. Лишь в 54-м, после начала массовой хрущёвской реабилитации, у нас появилась надежда. Вот и вся любовь...

Вроде бы ничего особенного не случилось, ничего вокруг не изменилось, но в душе Татьяны как будто распахнулось слуховое окошко и высветило глубоко спрятанные тайники; они проявились и, отражая свет, расширили и странным образом изменили привычные ощущения времени и пространства. То, что казалось очень близким, неотъемлемым, вдруг отдалилось, как будто Таня поднялась сама над собой, словно её выбросило высоко в небо, и она посмотрела на себя издалека, с высоты... А то, что когда-то казалось далёким, вдруг приблизилось, увеличилось в размерах и приобрело особое значение, звучание.

Таня увидела события прошлого так, словно сама побывала в том далёком времени. И это время стало настолько близким, что почувствовалось ожогом на коже, острой ломотой в костях. Когда-то её бабушки и дедушки, юные мама и папа ходили по этой же земле, дышали этим же воздухом, смотрели на эти же звёзды. И тогда, как и теперь, или теперь, как и тогда, так же менялись сезоны; так же таял или падал снег, источая тонкий запах небесного холода и жарких солнечных лучей; так же зеленела и увядала, пряно пахла трава; так же заходило и всходило солнце. Всё было так же! Только её — Тани — не было... *пока* не было... но в то же время она *была*... была с ними — со своими родными, была в них — в родных. Была так же, как пребывает теперь. И они — никуда не исчезли — пребывают в ней.

Тётя Катя часто говорила: «Бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своём ветер, и на круги свои возвращается; бегут все реки в море, а море не переполнится...» И теперь Таня подумала: «Нет, не прав папа, не порвалась связь поколений — она жива как глубинная память, и стоит только лучику попасть в её глубину, как она вспыхивает, трепещет и... осознаётся...»

Татьяна настолько явно ощутила дыхание предков в её маленькой жизни, в ней самой, что показалось, душа перестала уместаться в груди, расширилась до размеров того самого моря, в которое бегут все реки, в которое вливаются все слёзы горя и радости её родных и её самой. Сначала это чувство испугало, вызвало сердцебиение, но потом страх улетучился, словно рассеялся в огромном живом покое, название которому «мир». И появилось ощущение благодати.

Конец сентября. Море ещё держит в себе тепло, накопленное жаркими летними днями и ночами; а в сентябрьский полдень солнце греет не меньше, чем в конце царственного августа; но вечерами уже ощущается осенняя прохлада, всё чаще набегают дожди, разгоняя с пляжа отдыхающих.

Татьяна решила прогуляться по опустевшему Лермонтовскому бульвару. Под ногами грустно блестит мокрый асфальт. От недавно прошедшего ситного дождя в воздухе завис лёгкий прибрежный туман, а на душе у Тани, несмотря на непогоду, светло, и дышится ей легко. С начала учебного года она каждый день видит в школе Евгения, он всё больше и больше занимает места в её мыслях и жизни. Ждёт её после уроков и провожает до общежития. Приглашает на прогулки по городу — недавно показал знаменитую Геленджикскую кручу и маяк. Зовёт в кино — ох и потешную комедию они вчера посмотрели, «Операцию «Ы» и другие приключения Шурика»... И закончился вечер выходного так же, как у Лиды и Шурика, нежным долгим поцелуем, от которого Таня вновь попала в воздушную яму.

Даже хорошо, что сегодня у Евгения нашлись какие-то неотложные дела, и он не стал её дожидаться и провожать: в школе она боялась с ним встретиться взглядом — от одной мысли о нём жаркая волна, смешивая стыд и радость, охватывала её с ног до головы. Так что сейчас самое время погулять одной, остыть.

Таня не спешила в общежитие, в тепло уютной комнаты: в последнее время подруга хмурится похлеще чёрной тучи. Отчего хмурится? Непонятно. Молчит, затаилась, на откровенье не идёт. Но Таня знала: рано или поздно тайная обида Валентины вырвется на волю, прольётся грозovým дождём, и настанет ясность.

Она ещё немного прошла по набережной, посмотрела на серое, загадочно притихшее море. Туман потихоньку оседал, рассеивался. От горизонта к берегу потянулись длинные солнечные лучи. Вечерело. Таня начала зябнуть и, пожалев о том, что утром не захватила с собой любимый, сшитый мамой шерстяной жакет, направилась домой.

— Привет, что так усердно разглядываешь? — скидывая у порога мокрые туфли, спросила Таня Валентину.

Соседка сидела за столом у окна и даже не оглянулась, когда Татьяна вошла в комнату.

— Валя, слушай, я так больше не могу, объясни, что происходит? — Таня сняла с кровати покрывало, укуталась в него, села за стол и выжидающе посмотрела на подругу.

Плечи Валентины нервно дёрнулись. Не отворачиваясь от окна, она язвительно сказала:

— Любуюсь пейзажем. И ты полюбуйся, наверное, это для тебя...

— Что? — вытянула шею Татьяна, глянула в окно и замерла. На пригорке, прямо напротив окна, белела надпись, выложенная крупными камнями: «Таня + Женя». Сердце Татьяны бешено заколотилось.

— Так вот что за срочные дела, — прошептала она и покраснела. — Как мило...

— Мило?! — тут Валентину прорвало. Она вскочила с места, маятником забежала по комнате. — И после этого ты хочешь остаться подругой?.. После того, как отбила у меня парня?.. А ты знаешь, что я с ним познакомилась намного раньше тебя — ты ещё не приехала тогда!.. А ты знаешь, что мы ходили в кино, что он читал мне стихи? А ты знаешь, что он целоваться лез? А я не позволила! Я не из тех, кто в первый же вечер целуется! Вот он и нашёл простушку Танюшку... Ну скажи, зачем он тебе?! Зачем?! Ведь тебе и замуж-то нельзя, а уж детей рожать и подавно!

— Я же не знала, что вы... Валя... — Татьяна встала, прижала руки к груди и горлу. Покрывало сползло на пол. Она хотела ещё что-то сказать, но не было сил ни пошевелиться, ни что-либо произнести — резкая боль сдавила грудь, дыхание перехватило.

— Что Валя? Что-о?! — соседка в отчаянье всплеснула руками и, разрыдавшись, упала на свою кровать. В приступе истерики заколотила кулаками по подушке. — Я ненавижу тебя! Ты сломала мечту!.. Никогда не думала, что ты такая!..

Сквозь слёзы и крик Валя не восприняла странного грохота и не сразу поняла, что случилось, но когда до неё дошло, она вскочила с кровати и бросилась к Татьяне. Девушка лежала на полу без сознания и без дыхания.

— Таня-а-а!!! — Валентина упала на колени, стала бить подругу по щекам, но та не реагировала. Губы Татьяны посинели, щёки похолодели. Валя испугалась, выскочила из комнаты и закричала на весь коридор: — Она умерла-а-а, помощи-ите!..

Таня открыла глаза и увидела, что лежит в просторной светлой комнате с огромным, почти во всю стену, высоким окном. Яркий солнечный свет приглушают бледно-зелёные занавески... Запах лекарств и хлорки... Металлическая жёсткая кровать, рядом — тумбочка... Девушка поняла,

что лежит в больничной палате. Как она здесь оказалась?.. В сознании стали всплывать смутные воспоминания, словно отрывки тяжёлых сонных видений: стремительный полёт в чёрную, затем белую бездну... назойливый непрерывный гул колоколов, переходящий в тончайший звон... строгий мужской голос, отдающий какие-то команды, в них звучало слово «адреналин»... тревожные женские голоса, постоянно повторяющиеся, отсчитывающие какие-то числа... мучительный поиск выхода из бездны... боль в груди и животе, с которой не было сил справиться... озноб, жуткий холод... и неожиданное тепло... да, именно тепло послужило отправной точкой возвращения из бездны.

Сейчас Таню вновь знобило. Ей захотелось, как в детстве, оказаться на тёплой печке, укутаться в толстое лоскутное одеяло, почувствовать на голове ласковую мамину руку, услышать тихий мамин голос, похожий на переливы тёплого ручейка, потому что мама мягко картавит: «Девочка моя родная, всё будет хорошо, всё будет ладно...»

«Валя!.. — вспомнила Татьяна о подруге. Вспомнила всё, что произошло... — Прости меня, Валя, я не хотела... Всё правильно, я не должна... я не могу... прости... ты права... Я, как дура, влюбилась... думала только о себе... упивалась чувством... дала Жене надежду и тем обманула и его... Простите...»

Вспомнилось и другое, как давно-давно, Тане тогда было около семи, мама поняла и простила её обман, за который самой Тане потом было стыдно. Однажды она никак не могла уснуть, ей казалось, что она очень хочет кушать, хотя перед сном, как и все, выпила чай с заветным кусочком сахара — тётя Катя всегда выделяла по счёту, чтобы, как она говорила, «дотянуть до пайка». На самом деле Тане не давал покоя не голод, а маленькая тайна: она видела, как тётя Катя спрятала в кухне на полке несколько сушек.

Таня вертелась с одного бока на другой, кряхтела. Подошла мама, заботливо подоткнула со всех сторон одеяло, поцеловала её в щёку и шёпотом сказала: «Крепко закрой глаза и спи». Но как ни старалась Таня зажмуриться, сон не приходил, и она решила на хитрость: застонала, свернула калачиком.

- Что с тобой? — встревожилась мама.
- Живот болит, — жалобно всхлипывая, ответила дочь.
- На двор хочешь?
- Не-е...
- Сильно больно?
- Да-а...

— Терпеть можешь?
— Не-е-е...
— Что же делать?
— Сушку хочу... — неожиданно сказала Таня.
— Какую сушку?
— На полке, в марлечке, я знаю...
— Так это ж тётя Катя на завтра припасла. Завтра праздник, вот и полакомитесь.

— Одну только, ма-а-ленькую...

Мама принесла сушку. Таня долго её смаковала, откусывая по крохотному кусочку. А утром, когда пили чай, мама свой пила без сушки, и Таня не сразу поняла, почему. А когда сообразила, так стыдно стало, что заплакала. Мама спокойно спросила:

— Снова живот болит?

— Не-е-е.

— А что?

— Тебя жалко.

— Меня?

— Я твою сушку съела... — разрыдалась Таня.

— Ну ладно, ладно, доченька, не плачь.

Ольга Петровна усадила Таню себе на колени, поцеловала в макушку и стала баюкать, гладить по голове да приговаривать:

— Всё будет ладно... всё будет ладно... У меня на работе такая же сушка, я там ещё чай попью... Главное, чтобы твой животик не болел...

Потом мама ушла, а Таня спросила тётю Катю о празднике и почему мама работает: если праздник — надо отдыхать.

— Сейчас этот праздник запретили, говорят, Бога нет, и не отмечают, — печально вздохнув, ответила тётя. — Но почти все его почитают. Это большой праздник, Пасха называется. Я вам рассказывала, помнишь? Когда Иисус Христос воскрес...

— И дети были спасены?

— Да, радость моя, да, все будут прощены и спасены, кто призовет имя Бога... И душа возрадуется, ведь это Боженька подарил её человеку, чтобы тот стал человеком...

— Значит, Бог и меня простит за сушку?

— За сушку, конечно, простит, — улыбнулась тётя Катя, — иди-ка погуляй, вон солнышко какое, покажи ему личико и ладошки, пусть позагорают... полезно это.

Таня вышла во двор, села у забора. Она всё ещё чувствовала вину. Но почему же, когда ей так хотелось сушку и когда она её грызла, никакой вины не

было?.. Вспомнила слова тётки Кати о празднике и подумала: «А как призвать имя Бога, чтобы он простил? Праздник запретили, значит, на самом деле Бога нет. Но ведь и Деда Мороза нет, а праздник есть, и его тоже все любят... наверное, из-за подарков... А Боженька что может подарить, кроме души?..»

Таня закрыла глаза и подняла лицо к солнцу. Через закрытые веки проникал яркий красный свет. Девочка крепко зажмурилась и стала ждать, когда этот свет заплещет кругами и начнёт рисовать радужные узоры. Она любила эту игру с солнышком. Ей представлялась далёкая страна с волшебными замками, Таня гуляла по красивым садам, где росло много фруктовых деревьев и цветов...

Где-то лаяла собака. Над головой зазвенел запоздалый бубенчик свиристели. Таня будто снова услышала странную колыбельную, которую мама частенько напевала, хотя сама говорила, что не знает, откуда её помнит:

*Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая лёгких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая лёгких времирей...¹*

И вдруг первый раз — да, именно тогда первый раз — Таня почувствовала сильную боль в груди. Такую сильную, что её обуял смертельный страх, всю заколотило... она только успела подумать: это Боженька наказал её за то, что маму обманула... В глазах потемнело...

Таня слышала, как врач сказал потом тётке Кате — она на руках донесла Таню до медпункта, — что у девочки порок сердца, и сколько она проживёт, одному Богу известно... Тётка Катя плакала.

В палату вошли врач и медсестра. Пока молодая девушка в белом халате готовила шприц, набирала лекарство, врач подошёл к Татьяне, взял руку, нащупал пульс. Его тёплая рука вселяла уверенность.

— Ну что, девонька-красавица, — пристальные глаза, вокруг которых собрались улыбчивые добрые морщинки, казалось, заглянули ей прямо в душу, — всё обошлось... Напугала ты нас, но теперь всё будет хорошо.

Врач ненадолго отошёл к окну. Медсестра сделала Тане укол в руку. Таня почувствовала, как по телу разлилось приятное тепло. Врач вновь подошёл к кровати, продолжил:

¹ Стихотворение Велимира Хлебникова (прим. авт.).

— Полежишь, отдохнёшь, главное, не нервничать... наберёшься сил... мы тебя подлечим... — он заглянул в карточку, которую принесла медсестра и на время положила на тумбочку. — Татьяна, — в его голосе Таня уловила душевную мягкость, тревожность старшего за младшего, словно перед ней стоял не врач, а заботливый отец, — там к тебе молодой человек рвётся, говорит, что жених... Извини, ничего объяснять не надо, но я подозреваю, что приступ с тобой случился не без его прямого или косвенного участия, а поскольку твой покой сейчас важнее любой радости или малейшего огорчения, я обязан тебя спросить: ты хочешь его видеть?

— Нет...

«ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ СЧАСТЬЯ...»

С утра Евгений бесцельно бродил по городу, на сердце было тяжело, зябко: терзали одиночество, неясность ближайшего будущего. Не согревала и слабая надежда на то, что недавно принятое решение чудесным образом уладит странную ситуацию, возникающую во взаимоотношениях с Татьяной. Евгений понимал, что чудесным разрешением станет, если он сумеет вернуть её любовь. А если нет? Так или иначе, наступит хоть какая-то определённая. Он не находил себе места. Предновогодний город празднично играл разноцветными огнями, шумел беспокойной толкотнёй. Яркие витрины манили пёстрыми бумажными гирляндами, резными снежинками и подвешенными на ниточках хлопьями из ваты; наряженные ёлки сверкали крашеными лампочками; со всех сторон лилась весёлая музыка; но всё это — и даже предстоящий двухнедельный каникулярный отпуск — только усиливало ощущение глубокой тоски...

Вдруг на глаза попала витрина фотоателье. То, что увидел Евгений, ошеломило: за стеклом, среди нескольких портретов детей и взрослых, висели два больших снимка — Татьяны и его. Вспомнилось: прошлой осенью Тане для оформления каких-то документов понадобилась фотография, и они, гуляя по городу, зашли в это ателье. Фотограф — видеть, большой мастер — предложил сделать кроме фотографии на документ ещё и художественный снимок. Таня согласилась. За компанию сфото-

графировался и Женя, а потом об этом забыл. И вот — сюрприз! Действительно, снимки удачные, особенно Танин: её лицо сияет безмятежной искренней радостью, теплотой — она чувствуется даже в чёрно-белых красках. «Просто актриса с обложки «Советского экрана», — подумал Женя. Он влюблённо-придирчиво рассмотрел портрет: волнистые волосы, уложенные на прямой пробор и собранные на затылке в пышный пучок; открытый высокий лоб; большие задумчиво-озорные глаза под низковатыми дугами бровей; точёный прямой носик; по-детски пухлые губы плотно сомкнуты, подёрнуты едва заметной смешинкой.

— Красавица! — прошептал он. Потом глянул на свой снимок и довольно улыбнулся: — Да и я ничего...

Подошёл к большому окну, погладил холодное стекло у Таниных губ. Возникло пылкое желание расцеловать портрет. Обожгло сладостное предчувствие — это добрый знак: он и Татьяна, пусть на разных фото, но в этой витрине волею случая — вместе. Недолго думая, Евгений заскочил в ателье, к счастью, оно ещё работало, и — о, чудо! — нашлись негативы снимков. Через полчаса Евгений держал в руках драгоценную фотографию, мастер сделал и Женин снимок, и уже через пять минут обе карточки были вклеены на первую страницу большого фотоальбома, купленного тут же. Найдя в ателье ручку, Евгений не задумываясь написал на развороте:

Милой, нежной, самой дорогой и любимой Танюшеньке в день годовщины нашей любви (31/XII 1965–31/XII 1966).

Дорогой Танюшастик, желаю тебе крепкого здоровья, счастья, много силы и энергии, успехов в учёбе, много-много радости, светлых солнечных дней.

Женя.

Он обязательно подарит ей этот альбом!..

После того, как Таня выписалась из больницы, между ними будто ледяная стена выросла, хоть и прозрачная, но непреодолимая. Таня замкнулась, всё чаще и чаще отказывалась от встреч, ссылаясь то на неважное самочувствие, то на занятость в подготовке к урокам, то на необходимость штудировать литературу для поступления в вуз. Зато её подруга Валентина стала настойчиво проявлять инициативу. На первом школьном вечере, посвящённом Дню учителя¹, пригласила Евгения на белый танец, а после попросила, чтобы Женя проводил её до общежития; Таня в то время ещё лежала в больнице и отказывалась от того, чтобы кто-либо её навещал. Евгений пытался расспросить Валентину о подруге, но та уходила от ответов.

¹ В СССР профессиональный праздник работников сферы образования учреждён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1965 года.

Потом, когда Таня уже выписалась из больницы, Евгений пригласил её поехать с ним и его подшефным классом на экскурсию. Таня наотрез отказалась. А Валентина подсуежилась, вызвалась поехать в качестве сопровождающей, и директор школы утвердил её кандидатуру. Воспитатель и учительница возили детей в Джанхот — в посёлке как раз открылся Дом-музей писателя Владимира Короленко. В той ноябрьской поездке между Евгением и Валентиной возник спор, когда они обсуждали крылатую фразу «человек создан для счастья, как птица для полёта». Тогда-то Евгений и узнал о ссоре между девушками. Узнал и о том, что именно он стал причиной размолвки, и каким образом она произошла. Откровение Валентины настолько обескуражило Евгения, что на другой же день он уволился из санаторно-лесной школы.

Родителям своё решение уйти на стройку и освоить профессию каменщика он объяснил тем, что ему важно больше зарабатывать. Валентине сказал, чтобы она не питала иллюзий по поводу его отношения к ней.

— Слышала, Магомаев поёт «уйду с дороги — такой закон: третий должен уйти»? Так вот, Валя, третий — это ты. Но пока уйду я, уйду из школы и из твоей жизни, а от Татьяны — никогда! Прости...

Позже и с Таней состоялся серьёзный разговор-признание, для которого Евгений пригласил девушку в кафе: повод, как казалось Евгению, был самый подходящий — 8 Марта. Таня согласилась на встречу, и Евгений весь день чувствовал себя окрылённым: наконец-то они помирятся. Он с великим трудом раздобыл в оранжерее три красные розы. Однако девушка, поведав историю своей семьи и рассказав о болезни сердца — Евгений с горечью осознал, что ради этого разговора Таня и согласилась встретиться, — спокойно произнесла:

— Я не смогу тебя сделать счастливым, Женя. Не связывайся со мной, — не взяв цветы, она решительно встала из-за столика, вышла на улицу.

Её слова показались Евгению горше любого горя, которое он мог себе представить. Он не хотел их слышать, он чувствовал истинное отношение девушки к нему и не верил в её холодность. Убеждал себя: это говорит не Татьяна, а её сомнения и страх — они затмили искорки жизнелюбия в её глазах. А уж он-то знает, какими озорными, какими жгучими эти искорки бывают!.. Он, забыв цветы, выскочил за Таней, догнал её, остановил.

— Таня, я буду самым несчастным без тебя, — отчаянно сжал её ладони, привлёк девушку к себе, заглянул в печальные глаза. — Я родителям всё о нас сказал, они ждут тебя... Я хочу, чтобы мы с тобой были вместе — слышишь? — счастливы вместе! Мы будем...

— Нет, — Таня решительно пошла прочь.

Проработав чуть больше полугода на стройке, Евгений понял, что сделал ошибку, уйдя из школы. Да, в кармане стали водиться деньги, да, перед глазами перестала маячить Валя, но... он лишил себя возможности лишний раз (на самом деле вовсе не лишней, а важной и желанной!) видиться с Татьяной... Каждую ночь он засыпал, вызывая в памяти её образ: взгляд — всегда внимательный, часто задумчивый... чуткое биение голубоватой жилки на виске... запах прохладной бархатистой кожи щёк, милую искреннюю улыбку... глубокий тихий звук её голоса... тонкие нежные запястья, мягкие ладони и, словно верёвочки, гибкие пальцы... И каждое утро просыпался с мыслью о новой встрече, и чем больше накапливалось разлучных дней, тем острее Евгений ощущал, что без Татьяны в его мире всё становится безнадежно серым и безнадежно пустым.

Скучал он и по работе с детьми. Занятия, внеклассное общение с ребятами дарили ему не просто удовлетворение и радость, а какой-то особый восторг, когда он видел, как навстречу ему, именно ему, открываются доверием детские глаза и сердца. Он чутко улавливал настроение детей, умело провоцировал их на вопросы, подталкивал ребят к самостоятельным открытиям, увлекая в большую страну знаний и дружбы. В такие моменты он чувствовал себя могущественным Прометеем и проникался верой: его призвание — быть учителем. В то же время он открывал и самого себя, хорошо помнил, что «воспитание детей есть только самосовершенствование, которому ничто не помогает столько, как дети»¹, и обретал это на собственном опыте. Евгению нравилось видеть и пробуждать в детях маленьких мудрецов, позволяя им при этом оставаться шалунами.

К сентябрю, к новому учебному году, он вернулся в школу, на первом же педсовете услышал две главные — так он для себя определил — новости. Первая его обрадовала, он даже почувствовал лёгкое торжество какого-то странного, отступнического, но всё же облегчения: Валентина Константиновна уволилась, перевелась в другую школу. Евгений глубоко вздохнул и про себя сказал: «Ну, всё, что ни делается, — к лучшему». А вот вторая сразила: Татьяна Корнеевна поступила на дневное отделение Сыктывкарского педагогического института и уехала учиться.

«Уехала не попрощавшись?!» — у него бешено забилося и словно тут же остановилось сердце, в глазах потемнело. «Так, наверное, и падают в обморок... — мысль заставила мобилизовать силы. — Нет. Не-ет! Так не должно быть! Надо что-то делать...»

В отделе кадров школы Евгений узнал северный адрес беглянки.

И вот, в кармане жжёт руку билет до Сыктывкара, а в маленьком чемоданчике лежит заветный фотоальбом...

¹ Л. Н. Толстой (прим. авт.).

Дорога. Поезд настырно, но как-то по-сиротски одиноко врезается в снежный простор. Вдоль обочин — вековые, в богатых белых шубах, царственно мудрые ели. Многое они повидали, многое знают, оттого-то темны, оттого-то тяжелы их лапы, надёжно укрывающие земные тайны, — так и чудится их глухая поступь, их глубинные мистические звуки, умиряемые мощью леса...

По вагонному радио, в передаче, посвящённой зарубежной классике, только что прозвучала «Лунная соната» Бетховена, и радиоведущая, продолжая рассказ, обратилась к музыке Баха... Евгению припомнилось, когда он работал в школе посёлка Кабардинка (как раз до санаторно-лесной в Геленджике), на годовщину Великой Победы на школьный концерт пригласили участников Великой Отечественной войны. Учительница музыки заиграла на пианино удивительно проникновенную сонату Бетховена, и вдруг седой мужчина, сидевший в первом ряду, резко встал, голова и руки его затряслись, лицо исказилось гневом. Он скривил рот, захрипел, потому что закричать из-за спазма в горле не смог: «Фашистская музыка!.. Прекрати!!!» Учительница перестала играть, растерялась, начала оправдываться, мол, эта музыка о любви и у неё, как у любви, нет национальности, она вне политики, вне границ. На что пожилой солдат, сжав трясущиеся кулаки, резко возразил: «Дура!.. Под эту музыку в крематориях Освенцима... наших ребят...» — и, досадно протянув «э-эх», вышел из зала. Учительница расплакалась: «Я не хотела... не знала», — убежала со сцены. Это потрясло всех.

«Страшно, — подумал Евгений. — Музыка — мудрая, вечная — в чём виновата?.. В том, что её использовал изощрённый злой ум фашиста, возомнившего себя сверхчеловеком? Да он и не человек вовсе, потому что нравственно глух!..»

А музыка рождена гармонией природы, но человек забыл, что он — её часть, и довёл мир до страшной катастрофы Второй мировой... а ведь каждый ребёнок появляется на свет счастливым: он открывает глаза, вслушивается в мир — огромный, за всю жизнь не объять, — доверяется ему, ощущая себя его частью. «В человека вложена потребность счастья; стало быть, она законна»¹. Значит, несчастье — вне закона природы; значит, быть в несчастье — вне счастья — всё равно что быть вне закона... Да, именно это ощущение своей *части*, своего «с-часть-я» — слово-то какое говорящее: «я — лишь с часть!..» — человеку важно пронести через всю жизнь.

И музыка призвана неустанно напоминать ему об этом — о «счастьи», «созвучии» с природой — и неустанно возвращать к чистым истокам бы-

¹ Л. Н. Толстой (прим. авт.).

тия. Музыкай пронизано всё, она объединяет, как любовь, и, как любовь, призвана уберечь человека от саморазрушения, людей — от истребления друг друга, человечество — от самоуничтожения.

Однажды Таня, в первые месяцы их знакомства, когда Евгений зашёл к ней в общежитие, поставила на старую радиолу потёртую, словно заветренную, пластинку. Сквозь тихое шипение зазвучали волшебные звуки редкого инструмента — органа.

— Что это? — изумился Евгений.

— Иоганн Себастьян Бах, — радостно ответила Таня. — Великий немецкий композитор. Представляешь? Почти даром нашла это чудо на барахолке. Знаешь, — доверительно сказала она, — когда слушаю Баха, сердце начинает биться ровней, на душе становится светлей. Я не выдумываю, правда-правда, музыка лечит.

Девушка могла часами крутить эту пластинку, слушать мелодию, которую и не сразу-то запомнишь, потому что их, мелодий, а правильнее тем, несколько в одном произведении. Таня пояснила, что одна из них — главная, она и задаёт основной тон, а остальные, как ручейки, то сливаются в одну реку, то каждая бежит своей дорогой, то снова они спорят и играют в общем потоке. Но какими бы ни были их пути, великий композитор завершает произведение мажорным светлым аккордом, а это — торжество вечно продолжающейся жизни...

Глядя в окно поезда, Евгений думал о предстоящей встрече с Татьяной. Как же он соскучился! Ему вдруг показалось, что и лес, и дорога, суровый северный край звучат именно той музыкой, что любит слушать Таня. Вспомнилось и то, что Таня рассказывала о судьбе своих родителей, и то, о чём умалчивает современная история.

Звучала музыка. В окне мелькали картины природы, а на их фоне перед глазами Евгения возникали памятные мгновения из детства, вспыхивали яркие образы из рассказов Татьяны. Видения цеплялись друг за друга, одно провоцировало другое. Они появлялись, проникали друг в друга и превращались в единое целое, вызывая у Евгения ощущение сопричастности ко всему, что происходит сейчас, и к тому, что когда-то было — было с ним и не с ним. Всё слилось в один долгий миг, в котором растворилось, улетучилось время — его нет.

Таёжные ели — в снегу. Макушки некоторых деревьев оголены, будто почтительные хозяева то ли приветственно, то ли задумчиво сняли меховые шапки перед этой загадочной дорогой. Удивительно: верхушки елей напоминают тянущиеся к небу маленькие маковки церквей, и венчают их крестики тонких упругих веток...

В детстве, когда жили в Харькове, Женя тайком от родителей ездил в Благовещенский кафедральный собор. Как расстроилась мама, когда Тамара прибежала из школы и с порога заявила:

— А я знаю, куда Женька з Бориской їздять!.. Трамвай до центру пустили? Пустили. І вони кажуть, що катаються, а сами — в церкву, дивляться, як бабусі моляться¹.

Тамара хитро сощурила глаза, показала Жене язык и покрутила пальцем у виска, быстро прошмыгнула мимо брата и села за стол поближе к матери, хлопотавшей с обедом.

— А що такого? — Женя, сидевший с другой стороны стола, исподтишка погрозил сестрёнке кулаком. — Он їх скільки ходить і молитися, і ніхто не забороняє².

Но мама вдруг отчаянно вскинула руки и, как показалось Жене, чуть не заплакала:

— Может, нічого такого! Но ты, — она указала пальцем на сына, — комсомолец! А ты, — бросила дочери, — пионерка. А батька ваш — коммунист!.. — Она воздела ладонь, затем снова погрозила пальцем, уже обоим: — Нельзя туда ходить! Запомните раз и навсегда, — с расстановкой произнесла мать: — срам, если люди узнают. Отцу на службе не поздоровится. Не смейте!

Она сдёрнула с плеча полотенце, скомкала и швырнула его на стол. Села на табурет, подалась вперёд, уронила на колени руки, будто они вмиг ослабели. Горестно посмотрела на детей, качнула головой и тихо добавила:

— Швидко³ умываться...

Душа Женина сопротивлялась словам матери, ему было любопытно: все говорят, Бога нет, а собор — огромный, древний, в центре города! — открыт, и старушки аж на коленях стоят и стоят, счастье вымаливают... Но больше всего ему нравилось слушать многоголосное пение! Мурашки по коже, когда тонкие голоса, отрываясь от басов, печально возносятся к куполам... И как дивно после службы на всю округу звонят колокола...

И сейчас, в этом снежном просторе, в который врезается поезд, сколько сокрыто печали: вот-вот послышится многоголосье далёкого молитвенного звона... и рельсы — две въевшиеся в снег нити хрупкой, но цепкой жизни, напряжённо гудят: то, вдохновляя, зовут за собою состав, то, понукая, тянут его к далёкой таинственной цели. Один поворот, другой, почти без остановок, на север.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

¹ А я знаю, куда Женька с Бориской їздять!.. Трамвай до центра пустили? Пустили. І они говорят, что катаются, а сами — в церковь, смотрят, как бабушки молятся (укр.).

² Вон их сколько ходит и молится, и никто не запрещает (укр.).

³ Быстро (укр.).

Солнце отбрасывает длинные фиолетовые тени деревьев. Они грустно тянутся за лесом там, где его сплошная стена изредка прерывается, будто заканчивается проведение одной из главных тем органной фуги. И непонятно, то ли тени боятся оторваться от родных елей, играя свою тихую побочную мелодию, то ли стремятся убежать в равнинное, манящее белизной приволье. Красота! Она вливается в сердце вечной музыкой, которая и радует, и тревожит душу.

Вдруг у кромки леса, по-над сугробами — белая птица, похожая на голубя, но не голубь: крупнее, больше. Летит. Спешит. Совершенно белая, только на кончике веерного хвоста — небольшая полоска, словно пришитая поперёк узкая чёрная ленточка. Не мерещится ли птица? Нет, — Евгений видит! И не только видит, а как будто слышит в высоком регистре органа её стремительный мятежный полёт. Она летит напротив окна, истоиво машет крыльями. Машет, машет, не отстаёт. А колёса жёстче, быстрее стучат, стучат, гремя басами главной темы. А птица всё летит и летит, безустанно, упрямо...

Зачем ей этот поезд? Кто она? Может быть, чья-то душа? Заплутавшая. Неуспокоенная.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Дорога. О ней рассказывала Таня. А теперь Женя сам по ней едет... Странная эта дорога, трудная, долгая: Вологда — Коноша — Кулой... — Костылево... — Котлас... Холодно. Колет холод. Воет холод. Гудят колёса, их скорбный басовый мотив напрягает, разрывает душу. Гудят, гудят... Гул... ГУЛаг!.. Что здесь? Кто здесь?.. Здесь был этап, здесь был ГУЛаг. Под каждой шпалой — сколько жизней!

«Э-тап — ГУ-Лаг, э-тап — ГУ-Лаг...»

Птичий полёт, его щемящий сердце напев уносит мысли за их собственные пределы: белая птица с лентой траурной — чья-то душа, неуспокоенная, неупокоенная; маковки елей, вознесённые к небу — тени могильных крестов, когда-то ими были усеяны обочины... И птица летит и летит за поездом. Может быть, хочет что-то спросить? Может быть, что-то сказать? Передать — туда, живым...

Заскрежетали колёса. Крутой поворот. Лес — в стороне. Распахнулась необъятная снежная даль, как просветленье в диссонансе скорби. Птица пропала. Сбилась? Наверное, не успела. Но что это? Впереди, над раскинувшейся белой равниной, окаймлённой на горизонте чёрной полоской тайги, завис огненный шар. В радужной дымке, в переливающемся загадочном свете — огромное солнце. С двух сторон от него, на большом, но уловимом глазом расстоянии — ещё по одному огненному шару. Эти солнца чуть меньше главного, но от них устремляются к зениту высочен-

ные радуги-крылья: вот-вот они сольются в поднебесье, вот-вот венцом охватят весь простор.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Евгений увидел, как от главного светила ввысь и в стороны, к малым солнцам, потянулись широкие радужные лучи... Проявился солярный крест... будто разлился колокольный звон... Да это же великая Жар-птица! О ней вещают древние сказания. Она, словно мать, грозно и любовно, всепрощающе обнимает землю. Вот он — долгий мажорный аккорд, звучащий от глубоких басов до самых высоких пронзительных нот, — жизнеутверждающий, заполняющий и расширяющий пространство...

Евгений очнулся. Радиопередача закончилась. Но потрясающая воображение картина за окном не исчезла, всё так же светило несколько солнц. Это не северное сияние, а солнечное гало, о нём не так давно Женя читал в научно-популярном журнале «Знание — сила». Да, читал, но и предположить не мог, что увидит это чудо собственными глазами. Наверное, именно такие явления природы и обратили древнего человека к вере в Солнце-Бога. Вот она — Птица-Рáрог, тот же сказочный Финист-Ясный сокол, герой многих русских сказок и мифов, символ обновления, возрождения... Вот и задумаешься: сказка — ложь или правдивое слово-намёк, переданное предками в сегодняшний день?

* * *

Евгений вышел из вагона и — новое волнение нечаянных открытий. Он первый раз в жизни услышал, почувствовал, как упруго скрипит, повизгивает под ногами синеватый снег, и как свежо он пахнет: так и хочется зачерпнуть его ладонью из огромного, волшебным искрящегося сугроба и посмаковать. И ведь зачерпнул, и попробовал, — обжигаете холодный! Первый раз ощутил, как совсем не весело мороз щиплет щёки, въедается в глаза, мгновенно окутывает ресницы липким инеем, болезненно пробирается в нос — хоть не дыши.

Женя опустил уши военной шапки-ушанки — спасибо отцу, надоумил взять. Натянул солдатские трёхпалые рукавицы, поднял цигейковый воротник длинного тёмно-серого пальто и побегал к жёлтому двухэтажному вокзалу. Из центра крыши здания в небо гордо устремился высокий шпиль, увенчанный большой пятиконечной звездой. Вспомнилась детская песня, Евгений как раз перед каникулами разучивал её с подопечным классом:

*Советский трудовой народ
родные звёзды бережёт.
Гори, звезда, гори, сияй,
дорогу людям озаряй.*

«Красная пятиконечная звезда, — пояснял он детям, — это символ торжества идей коммунизма на пяти континентах земного шара, освобождения всех людей от рабства, голода и войн. Недаром она в гербе СССР изображена над всей нашей планетой. Солнце своими лучами — светом коммунистических идей, самых гуманных в мире, — поддерживает земной шар. Вот и получается, что и солнце, и звезда словно обнимают Землю. Когда-нибудь все люди будут жить в дружбе и мире, как мы с вами живём, как живут все народы пятнадцати республик в Советском Союзе».

Молодой учитель искренне верил в то, что говорил.

Войдя внутрь полупустынного здания, Евгений направился к будке-киоску с большими белыми буквами «Горсправка» по синему козырьку. Наклонился к низкому, вырезанному в стекле полукруглому окошку, достал из внутреннего кармана пальто листочек, вслух прочитал записанный на нём адрес и спросил сидящую за стеклом женщину:

— Скажите, пожалуйста, как добраться? — и на всякий случай протянул листок в окошко.

Пенсионного возраста работница городской справки, сгорбившись, сидела за столом и «гипнотизировала» большой чёрный телефонный аппарат, она даже не повернулась к окошку, лишь теплей укуталась в толстую серую шаль и равнодушно сказала:

— Вам надо в сторону «Парижа».

— Какого Парижа? — опешил Евгений, дёрнул к себе руку, пробежался глазами по записке, будто первый раз увидел, затем бережно сложил её пополам и спрятал за пазуху.

Женщина нехотя, исподлобья глянула на него и, лениво растягивая гласные, сквозь зубы процедила:

— Чириз площадь — налева... там спрбсити... идите, ни заблудитесь...

И правда, волшебное слово «Париж» довольно быстро вело Евгения к заветной цели. Однако при чём тут столица Франции, он так и не понял. И, последний раз уточняя направление, спросил об этом у одной колоритной прохожей: её лохматая меховая шапка с длинными-длинными, спадающими почти до пояса ушами, была натянута до самых глаз, а повязанный назад, как у ребёнка, пёстрый заиндевевший шарф закрывал чуть ли не пол-лица. Однако голос её оказался задорным и звонким:

— Француз-то полонённой, койдЫ Кутузов его попёр, подле реки живал, от там, — женщина махнула рукой, спрятанной в толстую узорчатую варежку. — От народ-то и прозвал место «Париж»... Сам-то отколь-то? — она напевно округляла все «о».

— Из Геленджика.

— Вона как, на-ко... А к кому?

— К невесте, — Евгений показал адрес.

— Ну-ко, ну-косо, — северянка наклонилась к записке. — Знацыт, и ты полонённой... — женщина сочувственно покачала головой. Евгений лишь мельком увидел лукавый прищур тёмных глаз. Сквозь шарф она громко сказала: — Иди, он — по-за тем двором — твоя улица, — и, указав направление, деловито засемила прочь, сверкая пимами, расшитыми мелкими яркими бусинками.

Он остановился у двухэтажного деревянного дома. На фоне снега, под пышными белыми крышами, все дома выглядели не просто тёмными, а угольно-чёрными. Безлюдная тишина морозных сумерек, ещё не зажжённые окна только усиливали ощущение неприветливости двора.

Однако Евгений уже не унывал. «Вот эта улица, вот этот дом, вот эта барышня, что я влюблён», — весело просвистел он, вошёл в подъезд, громко потопал, стряхивая снег с тёплых войлочных ботинок, прозванных в народе «прощайками». Огляделся. Узкий коридор освещал тусклый свет окна. Евгений подошёл к первой двери и понял, что нужная квартира — на втором этаже. Поднялся по скрипучей деревянной лестнице. Снял рукавицы, постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал настойчивей. Тишина.

— Да-а... на улицу выходить — смерти подобно, — пробубнил Женя.

Он поставил к двери чемоданчик, уселся на последней ступеньке. Аккуратно на груди, между пуговицами пальто, засунул рукавицы, зябко потёр руки, подышал на них, втиснул их в рукава и уютно прислонился к стене. Пригрелся. Незаметно для себя задремал.

Его разбудил резкий юношеский голос:

— Кто такой?

Перед Евгением, двумя ступеньками ниже, стоял худощавый длинноногий подросток. Его глаза, сверкающие из-под угрюмых, съехавших к переносице бровей сверлили колючими синими иголками.

— Я из Геленджика... к Тане Харюковой, — не вставая с места, спокойно сказал Женя. — Она ведь здесь живёт?

— Жених, значит, — ухмыльнулся мальчишка.

— Жених, — радостно согласился Евгений, сердце его затрепыхалось, сонливость как рукой сняло.

— И чё? Не пустила?

- Никого нет дома...
- Да дома она, — подросток безнадежно махнул рукой.
- Я стучал. Может, ушла...

Парнишка снял облепленные мокрым снегом варежки, подошёл к двери и несколько раз бахнул по ней кулаком, потом приложился ухом и деловито сказал:

- Спит, наверно.
- Как спит?
- Молча. Читает всю ночь, а потом дрыхнет... теперь не добудишься...

А у меня ключа не-ет, — комично развёл он руки в стороны.

- Ты Серёжа?
- Да.

— Значит, братишка её?.. — улыбнувшись, мягко произнёс Женя.

— Значит, — по-хозяйски ответил Серёжа, шмыгнув носом, стряхнул и спрятал варежки в карманы фуфайки, прислонился плечом к косяку и бесцеремонно устался на Женю.

— А родители когда придут? — Евгений, не выказывая волнения, продолжал сидеть на месте, лишь сдвинул на затылок шапку, чтобы лучше видеть собеседника.

— Поздно, — равнодушно ответил тот.

— А другая сестрёнка?

— Надька-то? В техникуме, в Калинин уехала.

— Значит, ключа нет... дверь открыть некому... И что теперь?..

— Что «что»?.. — мальчик сделал вид, что подумал, затем категорическим тоном сказал: — Придётся, как обычно...

Он быстро сбежал по лестнице, Евгений вскочил и последовал за ним. Серёжа направился за угол дома. Евгений тоже. То, что он увидел, удивило его не меньше, чем солнечное гало: мальчик скинул ушанку, фуфайку и валенки, деловито поплевал на ладони и, словно скалолаз, зацепившись за выступающие на углу дома доски, пополз вверх, к ближайшему окну на втором этаже. Евгений стоял не дыша. Подросток, каким-то невероятным образом дотянувшись до окна, толкнул форточку, та открылась. После этого он, уперев ноги в небольшой выступ угла дома, вытянул сначала одну руку, затем другую и крепко сжал форточную раму. Повис, подтянулся, оттолкнулся ногами от нижнего наличника окна и юркнул внутрь комнаты... Довольный выглянул из форточки и крикнул:

— Айда...

Таня стояла посреди комнаты и растерянно моргала, глядя на Женю, не веря глазам.

— Здравствуй, спящая царевна, — Евгений бросил у порога чемодан и Серёжины вещи, торопливо — всё в кучу — скинул с себя обувь, шапку, пальто и стремительно подошёл к Тане, не дав ей опомниться, обнял, крепко поцеловал в губы.

Он почувствовал, как громко забилось её сердце, и ещё крепче прижал её к себе. Она не оттолкнула его, чего он так боялся, а нежно, обеими руками обхватила за шею. Тут и его сердце заколотилось до боли. Неужели сбылось? Он чувствует — до обожания, до озноба — тёплый запах её волос, хрупкие плечи, нежные податливые губы, а под фланелевым халатиком — разгорячённую после сна кожу.

— Таня... — он чуть отстранился, пригладил её взлохмаченные волосы, склонился к покрасневшей мочке и полусшёпотом сказал: — Я не могу без тебя.

Таня смущённо подняла лицо. Он заглянул в её глаза: повлажневшие и потемневшие, они нервно бегали, но в то же время лучились нескрываемой радостью. Татьяна погладила его щёки.

— Холодные... — и снова обхватила за шею. — Мне тоже без тебя плохо, — по-детски доверчиво, тихо сказала она и уткнулась в его плечо.

— Ну-ну, — с иронией, за которой пряталась неловкость, буркнул Серёжа, — вы тут разбирайтесь, — и вышел из комнаты, начал собирать брошенные в коридоре вещи...

Евгений нервничал: скоро вся семья Татьяны соберётся за вечерним столом. Как пойдёт разговор? О чём его будут спрашивать родители Тани? Какие у них характеры? Как они настроены по отношению к нему и что они вообще о нём думают?..

Первой пришла Ольга Петровна. Невысокая, стройная, она показала Евгению женщиной решительной, имеющей стойкие жизненные принципы, об этом говорили её цепкий, мигом оценивший обстановку взгляд, уверенные быстрые, но не резкие, а скорей величественные движения. В то же время от неё веяло мудрой добротой: она будто и не удивилась появлению нечаянного гостя, лишь по-свойски спокойно, но твёрдо сказала:

— Здравствуй... Значит, приехал... Ну ладно, — и неожиданно добавила: — Только извини, дорогуша, ночевать будешь у соседей.

Скинув толстое, на ватной подстёжке, пальто, она вдруг вновь вышла за дверь. Вскоре вернулась.

— Вот и ладно всё. Евгений, — по-матерински строго обратилась она к гостю, — отнеси, пожалуйста, свои вещи в квартиру рядом, я с соседкой обо всём договорилась.

Евгений снял с вешалки пальто, обулся и в нерешительности застыл у двери. Ольга Петровна неторопливо переобулась в тёплые домашние тапочки, глянула на себя в зеркало, пригладила стриженные волнистые волосы. Ни одно движение не выказывало какой-либо тревоги, только напряжённый взгляд выдавал её душевное волнение. Она внимательно посмотрела на дочь:

— Придёт отец, будем ужинать. Сейчас переоденусь и... айда готовить. — Она повелительно улыбнулась: — А дорогой гость сейчас вернётся, посидит-подождёт пока. Ну, иди, — кивнула она гостю, — не робей, соседка хорошая женщина, лишнего спрашивать не будет, я всё объяснила...

Когда Евгений вернулся, Таня с Ольгой Петровной уже хлопотали над ужином. Он заглянул на кухню через дверной проём и, увидев пылающее лицо Татьяны — видать, уже состоялся серьёзный разговор, — не задерживаясь, прошёл в её комнату. Стол, два стула, кровать с железными спинками, над ней на стене — тонкий плюшевый ковёр, похожий на картину: у лесного озера гуляли олени — мать с двумя оленятами; у соседней стены — шкаф и книжные полки. Вот и всё убранство тёплой «девичьей». А книг!.. — они были не только на полках, но и на шкафу, и на столе, и даже лежали аккуратными стопками под столом.

Женя несколько раз нервно прошёлся от окна к двери и обратно. Он уже ругал себя за чрезмерную самоуверенность, за то, что решился на приезд без предупреждения. Однако когда собирался в дорогу, сомнений никаких не возникало, только знал: важно увидеть Таню, объясниться. Больше думал о ней, а о родителях её почти не вспоминал. Нет, конечно же, он знал, что они есть, но в его представлении они существовали как нечто эфемерное, простиупающее в тени его избранницы. И уж о том, как он предстанет «перед их очи», что им скажет, ему вовсе не думалось. А теперь...

Он пытался рассуждать спокойно, предугадать и просчитать то одну возможную ситуацию, то другую, но мысли путались, и выстраиваемая логическая цепочка вероятных разъяснений и доводов обрывалась, почти не начавшись; а «момент истины» неумолимо приближался. «Что будет, то и будет! — отчаянно думал Евгений. — Не приехать я не мог, а значит, поступил правильно. И Таня меня поддержит — это очевидно, и это именно то, ради чего я здесь... А вдруг её родители скажут «нет», тогда что?..»

Евгений сел за Танин стол, машинально перелистнул страницу оставленной ею раскрытой книги, прочитал строку: «Чтобы достичь совершенства, надо прежде многого не понимать»... «Хорошо-то как сказано, — подумал он и взглянул на обложку. — Ну конечно, Фёдор Михайлович».

В коридоре раздался шум, Евгений понял: пришёл глава семьи. Гость встал: выйти ли навстречу и самому представиться или ждать, когда его

позовёт Татьяна? Но тут из соседней комнаты выскочил Сергей и с важностью в голосе громко сообщил отцу:

— А у нас сюрприз: к Таньке жених приехал! Тот самый, с юга.

— Тот самый, значит, — в голосе Корнея Корнеевича не послышалось ни удивления, ни раздражения или осуждения.

Евгений догадался: хозяин с ним заочно знаком. «Неизвестно, конечно, как тут обо мне говорили... Ну так тем более, была не была! Вперёд!» — он вышел из «убежища» и решительно, по-деловому понизив голос, произнёс:

— Здравствуйте, — слегка переминаясь с ноги на ногу, он вдруг почувствовал неловкость оттого, что не знает, куда деть руки: сначала убрал их за спину, потом провёл по карманам брюк и, наконец, сжав в кулаки, вытянул по швам. Перед ним стоял высокий, крепкий мужчина в тёплом, ручной вязки свитере, толстый ворот которого прикрывал упрямый подбородок.

— Здравствуй-здравствуй... — Корней Корнеевич первым протянул покрасневшую с мороза горячую руку.

Евгений с облегчением в душе ответно протянул свою, Корней Корнеевич крепко пожал её и, больше ничего не сказав гостю, обратился к сыну:

— Отнеси... положи в моё кресло... — подал ему пухлый портфель, а сам прошёл к умывальнику.

Евгений не знал, что делать дальше, хотел было снова уйти в комнату, но услышал бодрый голос Ольги Петровны, крикнувшей из кухни:

— Ужин готов. Всем мыть руки и к столу!

Евгений оглянулся: в кухонном дверном проёме стояла смущённая Татьяна, она протянула ему чистое полотенце:

— Иди, — кивнула в ту сторону, куда ушёл Корней Корнеевич и где уже слышался радостный голос Серёжи — он, похоже, торопился рассказать отцу, с каким трудом попал сегодня домой...

Татьяна разлила по тарелкам душистый суп и села между братом и Евгением.

— Приятного аппетита, — сказал Корней Корнеевич и, будто спохватившись, спросил жену: — Оля, а ты нам с гостем разрешишь по рюмочке? За знакомство. Да и согреться не помешает, а то Евгению, небось, холодно после югов-то...

— Я не пью, — поспешно сказал Женя.

— А я и не предлагаю пить. Я предлагаю выпить, чуть-чуть.

Евгению показалось, что Корней Корнеевич посмотрел на него как-то холодно, даже немного насмешливо, хотя в хрипловатом низком голосе слышалось только радушие. Но всё же гость поёжился под пристальным

взглядом хозяина, почувствовав, что колкие лучики глаз проникают глубже, чем хотелось гостю.

Ольга Петровна молча встала, достала из буфета небольшие хрустальные рюмки и уже початую бутылку водки. Поставила на стол.

— Отлично, — Корней Корнеевич потёр ладони и наполнил стопки. — Ну, Евгений, смелей, раз уж не побоялся приехать, то выпить за встречу просто обязан. За знакомство, — он разом осушил рюмку до дна, с особым, будто сдерживаемым наслаждением занюхал куском ржаного хлеба и, тихонько крякнув, уже мягче повторил: — Приятного аппетита.

Евгений отпил немного, аккуратно поставил рюмку к своей тарелке, занюхивать — следовать примеру хозяина — не решился, а просто откусив хлеб, зажевал выпитое с большим удовольствием, так как вдруг остро, после того, как водка обожгла всё внутри, почувствовал голод, подумал: «Не захмелеть бы...»

Серёжа внимательно наблюдал за гостем, но, перехватив его бдительный взгляд, сразу склонился над своим супом и, откусив большой кусок от краюхи, проворно заработал ложкой.

— Не торопись, — заметила сыну Ольга Петровна, — только с пылу с жару, и хлебом не кроши.

Потом она внимательно посмотрела на Евгения и почему-то обратилась на «вы»:

— Женя, не стесняйтесь, закусывайте, вот капуста квашеная с клюквой. Суп кушайте, Танюша старалась, он у неё всегда ладно получается.

Хозяйка сидела ровно, подчёркнуто строго, лишь слегка касаясь запястьями края стола, к еде она пока не приступала. В её больших светлых глазах смешались и скрытое беспокойство, и нескрываемый интерес к гостю, и тепло материнской заботы.

Евгений последовал её совету: вилок, что лежала под левой рукой, взял из общей тарелки немного капусты, осторожно над куском хлеба поднёс её ко рту и не спеша прожевал, ощущая необычно кислый клюквенный вкус — раньше ему не доводилось есть клюкву. Затем отложил вилку и взял ложку, нерешительно помешал в тарелке и тихо, ни к кому специально не обращаясь, спросил:

— А что это?

— Грибной суп, — улыбнулась ему Таня, — из сушёных грибов, наш любимый. Папа собирал, а он дока. Не бойся, мухоморов и поганок нет.

Но Евгений неуверенно положил ложку на край тарелки.

— А почему он... такой чёрный?

Сергей с удивлением глянул на Женю, скривил хитрую рожицу и прыснул со смеху.

— Цыц, — осадил его Корней Корнеевич.

Ольга Петровна взволнованно спросила:

— Вы не любите грибы, Женя?

— Я никогда не ел такого...

— Так попробуй, — мягко сказала Таня.

Женя пригубил. Потом ещё. После третьей ложки довольно закивал, проговорил, смакуя:

— И правда вкусно. Необычно... бесподобно вкусно.

— И слава Богу, — облегчённо вздохнула Ольга Петровна, — я рада, — только теперь она сама приступила к ужину.

Дальше ели молча, разговор то ли не клеился, то ли был не к месту, то ли в семье следовали поговорке «когда я ем, я глух и нем». Женя, распробовав «деликатес», с аппетитом опустошил тарелку. Подождал, когда доедят Корней Корнеевич и Ольга Петровна, первым нарушил тишину:

— Извините... Знаете, очень вкусно... А можно добавки?

— Конечно-конечно, — Ольга Петровна с радостной готовностью встала.

Корней Корнеевич строго посмотрел на гостя и, чеканя слова, спросил:

— Значит, Евгений, не боишься?

Женя откашлялся, растерянно пробубнил:

— Нет... очень вкусно... спасибо.

— Я не о супе, — сказал хозяин, оставил на столе ложку, сложил перед собой ладони, подался вперёд и вопросительно поднял брови.

Ольга Петровна замерла посреди маленькой кухни. Татьяна напряглась. Сергей удивлённо посмотрел на взрослых, перестал жевать.

— А о чём? — нерешительно спросил Евгений.

— О Татьяне.

— Простите, а чего я должен бояться? — Евгений выпрямился, словно флагшток на параде.

— Ты знаешь, что она — дочь репрессированного?

— Знаю... но ведь сталинские времена прошли, и...

— Сегодня — оттепель, завтра — заморозки... Но это полбеды. А ты знаешь, что у неё большое сердце?

— Знаю.

— Папа... — попыталась встрять Татьяна.

— Помолчи, дочь, — отец ласково коснулся её локтя, откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки и пристально посмотрел на Женю: — А к тому, что ты в любой момент можешь её потерять, ты готов?

— Нет, — Евгений порывисто встал, при этом ножки стула проскрежетали по деревянному полу, стул накренился, но Евгений успел удержать его. — Извините... то есть... я всё понимаю... Пусть будет так, как будет...

— То есть? — Корней Корнеевич выпрямился, как взведённый оружейный ствол, выбросил на стол сжатые кулаки, взгляд его стал пронзительней прежнего.

— Ну... нельзя же думать только о плохом. Зачем тогда вообще учиться, работать, мечтать? — Евгений вдруг вспомнил все доводы, приходившие ему на ум. — Надо жить! Бороться. Радоваться. Жить и любить, понимаете?.. Я люблю Таню... прошу вас... я буду её беречь... Да, я готов, ну, в том смысле... пусть мы будем вместе столько, сколько отпущено, но вместе... Я... — он громко выдохнул, — я прошу руки Татьяны...

— И когда планируете свадьбу? — неожиданно спокойно спросил Корней Корнеевич.

От непредвиденного вопроса Евгений занервничал ещё больше, пожал плечами, посмотрел на Таню, на Ольгу Петровну. Опустил глаза, обмяк:

— А... мы пока не планировали...

— Да ты присаживайся, — скупой улыбнулся хозяин, разжал кулаки и вновь откинулся на спинку стула. — Мать, дай ему добавку, а то ещё аппетит пропадёт. И мне тоже, пожалуй, добавь... а сюда я сам, — он быстро наполнил свою рюмку. Потом с доброй улыбкой сказал Евгению: — Давай уж допей, отличник, — немного долил и ему.

Евгений молча сел на место. Выпили. Корней Корнеевич далеко от себя отодвинул стопку, как бы показывая, что со спиртным закончено. Заботливо посмотрел на дочь:

— Танюш, а ты согласна за него замуж?.. Он же... грибов в жизни не видал.

Сергей захихикал, но, глянув на отца, притворно зажал руками рот. Евгения бросило в жар, он почувствовал себя праздничным кумачом, растерзанным шквалом. Ольга Петровна поставила перед мужчинами наполненные тарелки, убрала со стола лишнюю посуду и села, окинула всех ласковым взглядом, глубоко вздохнула и, подперев ладонью щёку, тихо спросила Таню:

— Доченька, ну что?..

Глаза Татьяны блестели, лицо её вновь пылало. Она взглянула на мать, на отца, на Евгения и утвердительно покачала головой, полушёпотом сказала:

— Да...

...Евгений прижался лбом к холодному вагонному окну: на заснеженном перроне стояли Татьяна, Корней Корнеевич, Ольга Петровна и Серёжа. Поезд тронулся. Женя ещё раз помахал рукой и прижал обе ладони к стеклу, будто пытаясь ухватить, утянуть с собой то, что оставалось за окном. Он вглядывался в отдаляющийся облик любимой. Увидел, как Таня провела

ладошкой по щеке, надела варежки и опустила руки. Она уже не махала, а только грустно смотрела на убегающий состав. Ольга Петровна прижалась к плечу мужа, Корней Корнеевич обнял дорогих сердцу женщин.

— До свидания, — неслышно прошептал Евгений. — До лета...

Поезд врзается в снежный простор. Дорога домой. Теперь она превратилась в долгий рубеж между прошедшим и предстоящим. Всё прошедшее, наполненное сомнениями, — позади; всё предстоящее будет непременно счастливым. Скоро весна, и хотя ещё не наступила середина января, Евгений предчувствовал её свежий запах. А там и новое лето не за горами. Он понимал, что, конечно же, всё будет, как и прежде: школьные будни и каникулы, шумное море, оживление людской суеты, восходы и закаты... В то же время всё будет иным — наполненным радостью ожидания не скорой по времени, но близкой по ощущениям встречи. Её ожидание уже пронизано ясным светом, который и называют счастьем. А у счастья тоже есть имя — Татьяна, непостижимо большое, как целый мир, и маленькое и хрупкое, трепещущее жилками на прозрачных крыльшках стрекозы...

СВАДЬБА

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО КОРОТКОЕ, но яркое, словно природа спешит нарадоваться тёплым дням. Сочная зелень деревьев и трав жадно впитывает в себя каждый солнечный час, каждый солнечный луч — благо день длинный, а ночи как таковой и нет: солнце лишь ненадолго закатится за горизонт, и не успеют угаснуть розовые сумерки, оно тут как тут празднично выныривает на небо: «А вот и я! Здравствуй, мир!..»

Евгений вновь приехал в Сыктывкар. Много жизненных перемен сулило ему нынешнее лето, и он, словно ребёнок, предвкушал желанные изменения и искренне восторгался всё новыми и новыми открытиями Севера. Первый раз в жизни он побывал на грибной охоте — будущий тесть позвал его с собой в необыкновенный сосновый бор, прозванный Белым. Имя своё лес получил из-за удивительного мха, что неприхотливым пыльным покрывалом стелется у корней высоких сосен и в сухие летние дни необычно светлеет.

— Вот ведь как к жизни приспособился, — с восхищеньем оглядел поляну Евгений. — Прямо хамелеон, а не мох... Знаем-знаем твою силу, коварный лишайник: в холода не умираешь, как любая трава, а лишь прикидываешься безжизненным и ждёшь тепла да влаги. А только дай тебе волю, всё заполонишь, и лес погубишь, и поляну превратишь в болото... Вот и тут — хитрец какой! — почуял сушь и прикинулся белым да пушистым...

— По такому беломошнику можно гулять даже в тапочках, — подхватил Корней Корнеевич, — только осторожно... Нет, — предупредил он вопрос во взгляде Евгения, — не змеи — они в это время редко встречаются, а вот грибочки... — и он показал, как подо мхом прячутся самые благородные на свете грибы — белые. — Вот так, увидишь небольшую кочку — не ленись, загляни, подцепи осторожно палкой, наверняка там боровичок притих.

— Странное дело, — заметил Евгений, — мох похож на подтаявший снег, так и кажется, ступишь — и зачавкает снежная каша, а идёшь — и чувствуешь упругий ковер. Чудеса!

— Чудеса, — согласился Корней Корнеевич и заговорил в такт неторопливым шагам: — Дивная тут природа, щедрая... и реки богатые. Город-то совсем недалеко от устья, где сливаются Сысола и Ы́йчегда... Красивое место, поглядим обязательно... Там рыбакам раздолье, рыба не пугана. Июль, пожалуй, лучше всего для ловли: язей полно, и леща, и окуня... даже сёмга есть... щуки много. Знаешь, что янтарная щучья икра больше, чем красная или чёрная ценится? Потому и называют её царской. Ел хоть раз?

— Нет...

— Угощу как-нибудь... Я не рыбак, но доводилось... главное, веничек берёзовый с собой взять...

— Для чего?..

— А без него комарё сожрёт, леса у нас на всякую живность богатые... таёжные, дремучие, в хвойниках-ельниках круглый год темным-темно, места непролазные, заплутаешь — мало не покажется; а берёзовые — светлые... У каждого леса свой характер. Неспроста народ подметил: в березняке — влюбиться, в сосняке — жениться, а в ельнике — удавиться... А ещё говорят, на берёзы дважды в год благодать небесная сходит: на святую Троицу и на Ивановскую неделю. Хочешь — верь, хочешь — нет, а молва на пустом месте не бродит... и сок берёзовый живой водой называют. А как не живая, если сок, будто кровь, из живой раны течёт. Жизнь не обдуришь... Да, богатейший край... Только вот всё пилят, всё рубят... повидал я тут... — задумчиво сказал Корней Корнеевич и умолк.

Евгений шёл следом, чуть поодаль, заходя то слева, то справа от проводника, заглядывая под каждый, похожий на грибной, бугорок. Он с наслаждением вдыхал запахи настоящей сосновой смолы и сопревшей подо мхом проржавленной хвои. Вслушивался в прохладу леса, в его величественную тишину, которую лишь усиливали заповедные звуки: то из неведомой глубины раздастся теньканье синицы или клеста-еловика, то нет-нет да послышится далёкая сухая трель дятла.

— Гляди-ка, — радостно воскликнул Корней Корнеевич, — вон сколько крепышей! Ишь ты, как специально кто рассыпал.

Увидев грибную полянку, Евгений обрадовался, в голос засмеялся:

— Надо же! Будто шоколад в кипящем молоке. Знатная добыча!

— Романтик, — вслух заметил будущий тесть, и его сурово сведённые густые брови слегка приподнялись.

Евгений не услышал замечания, он торопливо, словно боясь, что грибы разбегутся, бросился срезать их упругие ножки.

— Вот Танюша обрадуется... Повезло так повезло! И на суп, и на жарёху.

Неожиданно коварным оказалось знакомство Евгения с живописной и дерзкой рекой Сысолой, на крутом берегу которой раскинулся город. В один из дней Ольга Петровна, Татьяна и Евгений направились на городской пляж, что песчаным долом растянулся на противоположном берегу, куда всем купальщикам приходится добираться на катерке — речном трамвайчике. Утро было ясным, и день обещал царство знойных солнечных лучей. В такое время любому человеку хочется довериться их власти и насладиться дыханием ласкового ветерка, мягким жаром прибрежного песка, бодрящим холодком речной воды.

Людей на пляже в будний день оказалось мало: вдалеке отдыхала семейная пара с ребёнком, ближе к лесу молодёжная компания играла в карты. Евгений, лишь ступил на песок, ликующе заявил:

— Я — морской человек! Не могу лишиться себя удовольствия наплаваться вволю.

— Тут тебе не море, — скептически возразила Ольга Петровна, — а северная река с характером.

— И что ж за характер у неё такой?

— Непредсказуемый, как и её крутые повороты с водоворотами, и каждую весну меняющиеся берега.

— Да её вон там, — Евгений махнул рукой в сторону узкого места на реке, — пешком перейти можно...

— Где и можно, но не там, и не вздумай, — строго возразила Ольга Петровна.

Мать и дочь расстелили покрывала, разделись. Ольга Петровна легла на спину, раскинув руки в стороны, — самое время позагорать: в жаркий полдень на северной реке не зудят назойливые комары и можно спокойно наблюдать за редкими облаками в высоком небе или, закрыв глаза, просто вдыхать ни с чем не сравнимый запах речной свежести. Благодать!.. Таня по щиколотку вошла в воду и с наслаждением то одной, то другой ногой стала чиркать пальцами по дну, наблюдая, как волнуются в чистой воде

тяжёлые податливые песчинки. Евгений тоже разделся, подошёл к Татьяне, приобнял за плечи, но задерживаться рядом не стал — его манила вода. Он с шумным плеском вбежал в реку, крикнул:

— Хороша-а водичка, ласковая! — и резко прочертил ладонью по блестящей глади так, что хрустальные брызги осыпали Татьяну с головы до ног. — Иди сюда!

Таня звонко рассмеялась, выскочила на берег.

— Не-ет, я лучше позагораю пока, — она обтёрлась полотенцем и уютно улеглась на тёмном покрывале.

Евгений с восхищением окинул взглядом её стройную фигуру в пёстром ситцевом купальнике. От нахлынувшей на сердце радости ему захотелось закричать: «Таня!.. Моя!» — но сдержался и лишь закружился, как мальчишка, весело плеща водой.

— Человеку много ль надо? Надо, чтобы друг был рядом, да и счастье тоже надо, тоже надо встречать... ла-ла-ла-лай-ла-ла-ла-ла... — запел он лёгким баритоном, подражая модному певцу.

Ольга Петровна приподняла голову, рукой прикрыла от солнца глаза и крикнула:

— Будь осторожней, вода лишь у берега прогрелась! И теченье...

— Да я шторма видел!.. — он устроил вокруг себя настоящий фонтан. — А тут одним махом — до другого берега.

— Не дури! — грозно прозвучал голос будущей тёщи. — Мне за тебя отвечать. Нечего тут хорохориться!

Евгений, проигнорировав замечание, смело нырнул и в несколько мгновений оказался далеко от берега: он действительно решил переплыть реку. Когда Ольга Петровна поняла его замысел, встревожилась, поднялась и, чтобы не сеять панику в сердце Татьяны, спокойно сказала: «Поплаваю немного». Направилась к воде. Материнское ли беспокойство, предчувствие ли чего-то недоброго взволновали не на шутку. Она окунулась в привычную прохладу, не выпуская Евгения из виду, легко преодолела немалое расстояние, в знакомом месте нащупала ногами небольшую отмель, встала. Вгляделась, что-то ей не понравилось в движениях Жени: не так уверенно гребёт, его явно сносит течение, увлекая всё дальше в сторону. «Неужели замерзает? — подумала она. — А мне уже быстро не доплыть!». Крикнула во всю силу:

— Женя, сейчас же назад!

Он в ответ махнул рукой, мол, слышу, и на несколько секунд скрылся под водой.

— Это совсем неладно, — тревожно сказала Ольга Петровна. Посмотрела на берег: Татьяна уже шла к воде.

— Хоть ты на берегу останься! — отчаянно приказала мать и стала озираться по сторонам, искать дежурную спасательную лодку. Заметив спасателей, патрулирующих реку и как раз появившихся из-за мыса, замахала обеими руками, заголосила: — Сюда! Сюда!.. Помогите!..

Убедившись, что её услышали и увидели, вновь поплыла за Евгением. Спасатели на моторке — за ней. Приблизились, заглушили мотор и, поняв, что женщина уверенно гребёт, в рупор приказали:

— Поворачивайте к нам.

Ольга Петровна оглянулась:

— Вон того мужика спасите! Видите?! Во-он, мелькает... Похоже, задыхается. А со мной всё в порядке.

Речные десантники, не мешкая, направились к цели, а Ольга Петровна вернулась на отмель. Посмотрела на берег, на оцепеневшую от страха дочь: Таня стояла у воды, прижав одну руку к груди, другой прикрывала рот, сдерживая страх и крик. Мать поспешила её успокоить:

— Не бойся! Обойдётся! — и вновь отвернулась, сама с тревогой наблюдая, как спасатели подплывают к Евгению. Слава Богу, тот ещё держится на воде. Вот лодка остановилась. Вот парень с лодки бросил в воду спасательный круг на верёвке. Вот он помог горе-пловцу взобраться на борт.

Вздохнув с облегчением, Ольга Петровна направилась к берегу. Вспомнила зиму недавнего 64-го. Тогда только чудо не позволило случиться большой беде...

В тот злополучный зимний день она, Татьяна и Серёжа, вызвавшийся в свои зимние каникулы во всём помогать маме, спустились к Сысоло, чтобы выполоскать бельё. У берега, рядом с заснеженными деревянными мостками, зияла большая прорубь — она редко зарастала льдом, потому что к ней все хозяйки «Парижа» ходили по прачечным делам.

Ольга Петровна, стоя у проруби на коленях, выполаскивала вещи, отжимала и передавала дочери, Таня аккуратно укладывала их в корыто, водружённое на санки. Серёжа крутился рядом, в какой-то момент он почему-то решил, что бельё надо утрамбовать, взобрался на корыто. Не успела Ольга Петровна оглянуться, как санки перевернулись, корыто рухнуло, и сын угодил в тёмную воду. Скрылся! Мать онемела от ужаса... На миг показалась голова Серёжи, уже без шапки. Течение несло его под лёд. Ольга Петровна дикой кошкой, на четвереньках, ринулась к краю проруби в ту сторону, куда затыгивало сына, по плечи опустила заокоченелые руки в воду и неистово стала нашаривать. Вдруг рядом с ней показалась рука Серёжи, на миг он уцепился за край льда, когда сам уже был под ним. Ольга

Петровна схватила руку сына... «Таня!!!» Дочь рванулась на помощь. Они вытянули Серёжу...

Евгений ступил на тёплый песок.

— Упрямец!.. Говорила же тебе, — сквозь слёзы выпалила будущая тёща.

Он попытался оправдаться:

— Да всё нормально... я доплыл бы...

— То-то и оно, «бы»! — Ольга Петровна в сердцах стукнула неслуха кулаком в грудь.

Евгений взглянул на Татьяну, на её покрасневшие глаза, дрожащие бледные губы, и почувствовал весь пережитый ею ужас. Колючий озноб пробежал по его спине.

— Мам... — еле слышно сказала Таня. — Вот, — протянула полотенце.

Ольга Петровна отмахнулась и уже с укором бросила Евгению:

— Вроде взрослый мужик, а всё пацан!.. — потом Тане: — Его разотри, смотри, синий весь.

— Спасибо вам, — пробубнил Женя.

— Да ладно...

После южных чёрных ночей северные белые казались Евгению сказкой, ворожкой природы. Сердце будоражили волшебные долгие сумерки. Когда встречаются две сестрицы — вечерняя и утренняя зори, совсем не хочется спать и кажется, что время остановилось, и не только вся жизнь будет бесконечно долгой, но и молодости не будет конца. Белые ночи, озарённые загадочными лучами, располагают к долгим задушевым разговорам, незаметно погружают в мечтания, исподволь пробуждают особую чуткость ко всему вокруг, что слышится и видится в мягком мерцании света, тонко рассеивающем туманные тайны предметов.

В такие ночи удивительно хорошо гулять, не замечая усталости, и Женя с Таней гуляли, наслаждались тем, что они рядом и теперь — навсегда.

Кругом так светло, что можно читать, сидя у окна, не включая света.

В то памятное лето Женя и Таня не раз устраивали совместные ночные чтения: они склонялись над книгой, лежащей на подоконнике, и по очереди вполголоса декламировали текст. В таинственном, царившем повсюду покое, Евгений особенно остро ощущал трепетную близость Таниного дыхания, волнующую нечаянность прикосновений коленок и рук...

Таня отвлеклась от книги.

— Знаешь, в этом необычном свете и книга воспринимается как-то иначе, — она посмотрела на Евгения по-детски доверчивым взглядом, — пронзительнее, что ли, будто не ты её читаешь, а она сама шелестит страницами,

шепчет строчками и открывает тебе самое сокровенное, что спрятано в словах... И тебя охватывает какое-то особое вдохновение, и ты думаешь: как красиво, и почему же раньше этого не замечал; и не столько понимаешь, сколько душой чувствуешь глубинное значение каждого слова.

— Это учёба на филфаке тебя так вдохновляет. «Ученье — свет, делающий ночь белой», — пошутил Евгений и отодвинул раскрытый том. Нежно обхватил невесту за талию.

— Не-ет, не только учёба позволяет по-новому слышать слова и видеть привычные вещи, а ещё кое-что, и это кое-что — самое-самое главное, — озорно сказала Таня и легонько чмокнула его в щёку. — Понимаешь? — Она немного отстранилась, лукаво прищурилась, намекая, что ждёт какого-то важного ответа.

— Что я должен понимать? — заупрямился он и вновь попытался принять её к себе.

Но Таня мягко сопротивлялась:

— Неужели и в самом деле не понимаешь?.. Благодаря этому можно увидеть даже невидимое. Например, я сейчас не вижу звёзд на небе, потому что оно светлое. Но я знаю, что звёзды — там, и, казалось бы, это знание должно мне помогать, а оно мешает, ведь я знаю, что слишком светло, поэтому даже не ищу их. А ещё знание заставляет меня искать звёзды только там, на небе. А если ничего этого не знать, а просто чувствовать, тогда и небо, и звёзды можно увидеть по-другому. Ну, понимаешь?

— Не-а, — пожал плечами Женя.

— Ну, представь, — вкрадчиво заговорила Таня, сопровождая слова плавным движением рук: — Я вижу, как небо опустилось до земли, растворилось в окне и заполонило собой мою комнату, а звёзды будто приникли к стеклу и здесь, совсем-совсем рядом, отдают свой свет... понимаешь?

— Ну, Танюш, ты как-то пространно говоришь...

— Открой первую страницу, там всё сказано. Внимательно читай, — наигранно сухо велела она.

— Мы уже давным-давно её прочли.

— Самую первую. Ну же, лентяй, — не уступала Таня.

Евгений мягко пробурчал:

— Любишь ты загадки, — он нехотя придвинул книгу и вслух прочитал: — Фёдор Михайлович Достоевский, «Белые ночи»... И что? Хочешь сказать, и в книге белые ночи, и за окном...

— Не угадал. Холодно, совсем холодно, — улыбнулась Таня. — Дальше.

Евгений притворно вздохнул:

— У вас тут на Севере, похоже, всегда холодно.

— Не бурчи, читай.

— Какой же я дурак, и зачем женюсь на учительнице?
— Ещё не поздно отказаться, — Таня сделала вид, что обиделась.
— Нет уж, теперь ты от меня не сбежишь и так просто не отделаешься, — погрозил он пальцем и вновь склонился над книгой: — Иль был он создан для того, чтобы побыть хотя мгновенье в соседстве сердца твоего?.. Иван Тургенев. — Евгений помолчал, почесал затылок, затем сказал: — Мне кажется, ответ скрыт в словах «в соседстве сердца твоего».

— Молодец. Уже теплей...

— М-м... а! знаю, знаю! — чуть не подпрыгнул на стуле Женя и улыбнулся во весь рот.

— Что же? — брови Татьяны вопросительно взметнулись.

— Любовь! — страстно шепнул он и притянул её к себе, — любовь открывает сердце, и ты всё видишь и слышишь не глазами и ушами, а душой.

— Теперь горячо, — смягчилась она, но сдержала его порыв, хотя от его пылкого дыхания её сердце забилося чаще. — Я думаю, неправы те, кто утверждает, что любовь слепа — это о чём-то другом, только не...

— Ну, хватит! Уже не горячо, а совсем жарко, — перебил Женя. — За правильный ответ мне положена «пятёрка» в дневник, — он настойчиво обнял Татьяну, — а раз дневника нет, то с вас, дорогая учительница, пять долгих поцелуев...

Татьяна смущённо засмеялась и увернулась.

— Вижу, ты не просто согрелся, а, по-моему, уже перегрелся?..

— Таня, — он настырно искал губами её губы.

— Да тише... Женька...

— Пять поцелуев... Танюша, ты уже почти совсем моя.

Известие о необычной свадьбе быстро облетело «Париж»: красавица-дочь главного бухгалтера «Комиснаба» вышла замуж за красавца-южанина. «От ыджыд-то¹ какой, — судачили о женихе, — на юге себе иньку² не нашёл...» И хотя на бракосочетании Евгения и Татьяны были только родители да пара невестиних подруг, о свадьбе говорило полгорода. Ещё бы!.. «Жених-то из такого далека с огромным букетом красных роз приехал, и как довёз-то!..» — «А бухгалтер-то этот со своей бухгалтершей, от ведь озырный-то³ отир⁴, прям из загса — на такси да на самолёт...» — «На юг полетели дальше свадьбу гулять». — «Мало им одной-то?..» — «А саму свадьбу в загсе кино снимало, говорят, потом по всей стране показывать будут...»

¹ Ыджыд — важный (коми-пермяцкий).

² Инь — жена (коми-пермяцкий).

³ Озыр — богатый (коми-пермяцкий).

⁴ Отир — народ (коми-пермяцкий).

Молодые вошли в зал регистрации. Ольга Петровна нервничала, еле сдерживала слёзы. Вот и выросла дочь, уезжает из родного дома навсегда... И как теперь судьба сложится? Какие сюрпризы ждать от жизни?.. Матери казалось, что она чего-то недоглядела, чего-то недосказала, и теперь неблагоприятно отпускает кровиночку неизвестно куда, в чужой дом, будто в ссылку... Что там за семья? Так ли уж надёжен Евгений, каким желает казаться? Если честно, он не очень-то и понравился ей: вроде как занудный немного, в чём-то даже заносчивый, да и балованный, — мать-то его всю жизнь не работает, всё при сыне... Вот недавно: сидит он себе в кресле, «Правду»¹ читает, и ведь каждый день за ней в «Союзпечать»² бегают, новости ему, видите ли, важно знать. А Танюша на кухне полдня. Ольга Петровна заметила ему: «Пойди помоги, хоть посуду помой». И что он ответил?! «Не мужское это дело, я у матери родной посуду не мою, а тут у тёщи буду...» Конечно, потом опомнился, но слово — не воробей... Отец у него военный, приучил к дисциплине... Ну и что с того?.. А сам Женька-то в армии не был, язва у него... а у Тани — сердце... Господи, и что у них получится? Как они будут?..

«Ах, Танюша-Танюша, — думала Ольга Петровна, — может, поторопились мы, может, учёбу сначала закончила бы, ведь на заочном так тяжело. Тут-то с мамой, с папой рядом, потихоньку бы училась себе... а там теперь — и работа, и мужнина семья...»

Размышления прервала заведующая загсом, статная ухоженная женщина средних лет. Она вплотную подошла к Ольге Петровне и, словно прочитав её мысли, тихо сказала на ухо:

— Не волнуйтесь, всё будет хорошо.

— Да как не волноваться? — прошептала встревоженная мать. Глаза её наполнились слезами. — Так далеко уезжает. Если что, не прибежишь, не поможешь...

— А и не надо. Она выходит за-муж, — по слогам произнесла заведующая.

— Да замуж выйти — не напасть...

— Не пропадёт, — назидательно кивнула заведующая. — Хороший зять у вас. Смотрите, солнечный какой. И дочь вашу, сразу видно, любит. Вон

¹ «Правда» — самое влиятельное советское издание. Долгое время газета «Правда» была основным ежедневным печатным средством массовой информации Коммунистической партии.

² «Союзпечать» — в СССР — государственный орган управления, организации и предприятия по распространению периодических печатных изданий. Одним из способов распространения была сеть киосков «Союзпечати», которые располагались в любом населённом пункте, а доставка периодики осуществлялась всеми видами транспорта, включая самолёты.

как глядит, будто на ней корона принцессы, да-да, та самая, с тремя зубцами и блестящими шариками на них, что дочь ваша — помните? — в детстве рисовала.

Ольга Петровна платочком промокнула скатившуюся к переносице слезу.

— Вы что, дорогая? Так нельзя, — мягким поучительным тоном сказала заведующая и, словно близкая подруга, взяла Ольгу Петровну под локоть, прижалась плечом. — Себя вспомните, вас кто опекал?.. Под крылышком да в гнезде лишь до поры до времени птенца греют, а оперился, выталкивать надо, да-да, выталкивать, иначе летать не научится, а птица без полёта не живёт и не поёт... Ваша птаха не с Гагариным на Луну летит, а с мужем на юг, подружки-то её, небось, завидуют.

Ольга Петровна всхлипнула:

— Спасибо вам.

— Не плачьте. Горе, что ль, какое? Ра-адуйтесь. Тем более, сейчас на камеру будут снимать. Ну-ка, посмотрите на меня... улыбнитесь... вот и славно. Спасибо вам, дорогая.

— За что?

— Дочь у вас красивая... Вы сами ей платьице сшили?

Ольга Петровна утвердительно кивнула.

— Со вкусом, как влитое. И фата в самый раз, не длинна, не коротка. И туфельки какие повезло вам достать... Невеста красавица, жених под стать... Горжусь, что именно ваших детей в нашем загсе снимают для киножурнала, ведь ответственность какая, на весь СССР!.. Год-то нынче знаковый — пятидесятилетие Октября. Думаю, и для ваших детей это к добру, жизнь налаживается. Всё будет хорошо, — заведующая утешительно приобняла Ольгу Петровну, но как только заиграла музыка, отошла к столу регистрации.

Зазвучало старое чёрное пианино, приютившееся между входом и высоким окном с бледно-розовыми «царскими» шторами. Ольга Петровна приободрилась; по ярко освещённому залу из-под сухих пальцев седого пианиста, вдохновенно перебирающего клавиши, призывно полились торжественные звуки марша Мендельсона...

Ту-104 благополучно приземлился на аэродроме Краснодара. Серый асфальт огромного лётного поля, казалось, плавился под знойным солнцем, отчего горячий воздух колыхался, прозрачными струями обволакивал всё вокруг: притихшие самолёты, ожидающие пассажиров трапы, автобусы и служебные машины. Здание аэровокзала, окутанное жарким маревом, сияло высокой — от основания до крыши — стеной из стекла и бетона; над

ней торжественно раскинулся лозунг: «Дело Ленина живёт и побеждает!» — огромные красные буквы видно издалека.

Пассажиры неторопливо спускались по трапу и собирались возле улыбочивой стюардессы, как вокруг экскурсовода, — она проводит всех до аэровокзала. Корней Корнеевич заботливо подал жене, ступившей на асфальт, руку.

— С приземлением.

— И тебя, — от яркого солнца Ольга Петровна щурилась.

Корней Корнеевич, обратив внимание на лозунг, усмехнулся:

— Хороший «блюм-блюмчик»?..

— Только не вздумай так ёрничать в доме Череповых, — одёрнула его Ольга Петровна.

— Оленька, — он ласково коснулся её плеча, — теперь по пятьдесят восьмой не сажают, да и справка у меня есть, что я не гималайский и вообще никакой не верблюд и не козёл отпущения.

Ольга Петровна еле заметно дёрнула плечом и язвительно спросила:

— Ты что, перегрелся или выпить уже успел?

— Родная, я чист, как стёклышко, — Корней Корнеевич примирительно взял жену под локоть, притянул к себе, она привычно спокойно приняла его жест. Они никогда не выносили сор из избы: какие бы конфликты не случались, ни дети, ни соседи о них не догадывались.

Ольга Петровна строгим шёпотом предупредила мужа:

— Смотри у меня!.. — и, вздохнув, с тревогой добавила: — Мы совсем не знаем, какая там семья.

— Ну что ты горячишься, Оля, так нельзя.

— Лъзя ли, нельзя ли, а пришли да взяли...

Молодожёны немного отошли от родителей. Евгений ещё не остыл от восторга, вызванного волнующей высотой над облаками, удивительными пейзажами земли; но ещё сильнее в полёте его волновали тихие разговоры с перерывами на сладкую дремоту, и Танина рука, что всё время лежала в его руках. Ему и теперь не хотелось её выпускать, не хотел Евгений оказаться и рядом с Таниными родителями, чтобы какое-нибудь нечаянное слово не нарушило благостной неги.

— Танюшастик, давай пообещаем друг другу, что никогда-никогда не будем ссориться и разлучаться.

— Давай... А почему именно сейчас ты подумал о таком обещании?

— Потому что мы только что спустились с небес на землю в самом прямом смысле, и это придаёт особое торжество моменту, будто само небо пожелало нам счастливой жизни.

— Это называется благословением.

— Я специально не сказал устаревшего слова... церковное оно какое-то, а я в Бога не верю, зато в честное слово верю, давай друг другу дадим честное слово...

— И слово было Бог... — тихо заметила Таня.

— Танюш, — сказал он с укором, — я про обещание говорю.

— Хорошо-хорошо, — примирительно шепнула она. — Говори, ты же у нас голова, тебе и первое слово, — она взглянула с нежностью, щекой коснулась его плеча.

Евгений склонился к ней и негромко, но торжественно сказал:

— Клянусь, что никогда никакой грубости себе не позволю в твой адрес, даже если из-за чего-нибудь на тебя рассержусь.

— Интере-есно, — весело протянула Таня, — из-за чего это ты на меня будешь сердиться?

— Ну, мало ли, — в тон ей ответил Женя, крепче сжал её ладонь и уже серьёзно спросил: — А ты обещаешь?

— Обещаю, если вдруг на тебя очень рассержусь, грубого слова себе не позволю.

От самолёта до здания аэровокзала пассажиры направились пешком, в своих разговорах и думах они не обращали внимания на влюблённую пару — жениха и невесту: люди словно превратились в один живой поток, в котором плыли рядом две счастливые капли — Женя и Таня.

Он взял Татьяну под руку, крепко прижал к себе, подстроил шаг с ней в ногу и сказал, понизив голос:

— Ещё... очень важное. Танюш, давай всегда обо всём друг с другом договариваться.

— Давай! — согласилась она.

— Я тебе обещаю, и ты обещай, что у нас никогда друг от друга не будет секретов.

— Ладно.

— И мы никогда не будем разлучаться. Даже работать всегда будем вместе — в одной школе. Да?

— Да... — мечтательно ответила Таня и вдруг ойкнула.

— Что? — насторожился Женя.

— Не разлучаться не получится, ведь я буду уезжать на сессии.

— Ну, это ненадолго, — успокоился он. — И потом, я тоже поступлю учиться, уже точно решил, так что будем вместе на сессиях.

Таня хмыкнула:

— На филфак, в тот же институт?

— Нет... хочу на географический.

— Ты любишь географию?

— Отец с детства, как топограф, многому научил... и природу люблю, чувствую её.

— Здорово, я рада, но... значит, учиться будем врозь, в нашем вузе нет географического...

— Да-а... но есть телефон, телеграф, — резонно заметил он.

— И в какой же институт надумал?

— Какой поближе к дому окажется, чтобы с тобой рядом быть, — он на ходу поцеловал Таню в щёку. — Знаешь, я ещё кое-что решил.

— Что же?

— В компартию вступить.

Таня чуть замедлила шаг, внимательно взглянула на Евгения.

— Это серьёзно?

Ему показалось, в её голосе прозвучала затаённая тревога.

— Да. А что, ты считаешь, не нужно? — настороженно спросил он.

— Мой отец грубо по этому поводу выражается...

— Как?

— Неважно.

— Важно. Мы только что договорились, никаких секретов, — настаивал Женя.

Таня замаялась, подбирая слова, и нерешительно произнесла:

— Ну, он говорит, кругом и так полно... этого... навозных куч, чтобы добровольно вступить ещё в одну.

— Правда? — искренне удивился Женя.

— Извини... я честно сказала.

— А разве твой отец не в партии, он же главный бухгалтер?

— Нет. Его ценят за опыт и знания.

— А ты тоже так думаешь, ну, насчёт вступления?

— Мне трудно судить... Понятно, папа настрадался, считает, что именно коммунисты издевались над его семьёй. Он говорит, что никогда им верить не будет... а я... Ты не знаешь, каково это, когда детство — в бараке, среди заключённых, а заключённые-то эти вовсе не преступники... Я часто думаю: разве я, Надя, Серёжа виноваты, что родились в семье немца, что столько лет нам всем пришлось ждать реабилитации отца, чтобы не ощущать на себе клейма детей «врага народа», чтобы учиться, работать и жить там, где хотим?.. И разве мой отец виноват, что воспитывался в семье верующих?.. И за что его в мирное время — в лагерь?.. Прости, Женя, я не могу представить себя таким идейным борцом...

Слова Татьяны прозвучали для Евгения как откровение, на какое-то мгновение он даже испугался, что она не поддержит его, и возразил:

— Но мы же с тобой в школе учим детей светлым идеям коммунизма, а как можно учить тому, во что сам не веришь?

— Ты прав, хочется верить в лучшее... и в жизни должна быть идея, — согласилась Татьяна.

— Вот именно, — обрадовался Евгений, — значит, ты меня понимаешь?

— Хорошо понимаю.

Они вошли в здание аэропорта, не торопясь направились к пункту выдачи багажа, где скопилось много пассажиров, видать, перед их самолётом был ещё какой-то рейс.

Евгений как будто сменил тему:

— Ты читала статьи Василия Сухомлинского?

— Нет.

— И чему вас учат? — он перешёл на шутливый тон. — Надо же внедрять передовое... Как-нибудь почитаем вместе, ты увидишь, это очень интересно!.. С одной стороны, Сухомлинский — последователь Макаренко, помнишь «Путёвку в жизнь»?..

— Ещё бы.

Евгений воодушевился:

— Вот и на Сухомлинского Макаренко произвёл впечатление. Но, с другой стороны, в его взглядах на воспитание есть особенный момент. Если Макаренко писал о трудных детях, о беспризорниках, то Сухомлинский — об обычных школьниках, о своей Павлышской школе, где он директор. Он считает, что учёба и труд должны быть детям в радость, а значит, в них надо разжечь интерес, показать красоту дела, для чего учитель обязан многое знать, кроме своего предмета, и осваивать ораторское искусство...

— По-моему, ты его уже освоил, — игриво перебила Таня.

— Танюш, я серьёзно.

— И я серьёзно, — ласково улыбнулась она.

— Так вот, учитель должен разбираться в искусстве, знать примеры из литературы, из жизни. Важно научить ребёнка видеть красоту. А ещё Сухомлинский убеждён, что учитель должен быть, прежде всего, другом... И что ещё интересно, коммунистическое воспитание он видит в формировании мыслящих личностей — понимаешь? — мыслящих, а не просто послушных исполнителей команд.

— Да-а, интересно, — протянула Татьяна.

— Правда? Скажу больше: я хотел бы работать в такой школе, а может, со временем самому создать такую.

Таня внимательно посмотрела на Женю: глаза его горели азартом. Она искренне восхищалась его живым умом и подлинностью чувств, их доброй горячностью, и если бы Евгений позвал её с собой на Луну, она бы согласилась... Таня мягко провела ладошкой по его затылку, слегка потеряла волосы, вдумчиво сказала:

— Тогда тебе точно надо учиться и... в партию вступать, без этого мечта твоя не сбудется.

— Танюшастик мой, как я счастлив, что ты у меня есть! — Евгений по-рывисто поцеловал её в губы. Она смущённо оттолкнула его.

— Сумасшедший! Люди кругом...

Подошла очередь получать багаж, подвезённый в специальных тележках. Корней Корнеевич и Евгений направились за чемоданами, Ольга Петровна и Таня чуть отошли в сторонку, к ним устремился крепкий загорелый молодой человек с выгоревшими льняными, коротко остриженными волосами, одетый в тёмные отутюженные брюки и белую рубашку с коротким рукавом.

— Здравствуйте, — уверенно обратился он. — Меня зовут Павел. Андрей Тимофеевич просил встретить вас и привезти в Геленджик.

— А как вы нас узнали? — удивился подоспевший с чемоданами Евгений, за ним подошёл Корней Корнеевич, он нёс большую дорожную сумку — Ольга Петровна сшила её для Тани, когда та после училища уезжала из дому.

— Жениха и невесту нетрудно узнать.

Евгений сконфузился, но, тряхнув головой, будто сбросив с себя неловкость, не без гордости перед тётцей и тестем за жест отца спросил:

— И на чём же вы нас повезёте?

— На «Волге», — парень указал в сторону стеклянной двери. Недалеко от входа стоял чёрный автомобиль, на его капоте блестела металлическая фигурка оленя, запечатлённого в размашистом прыжке вперёд. — Доставлю быстро, с ветерком, — широко улыбнулся Павел.

Евгений кашлянул и на миг опустил глаза, чтобы спрятать довольство. Ольга Петровна к подобному вниманию отца жениха, казалось, осталась равнодушной, спокойно обратилась к водителю:

— Скажите, пожалуйста, Павел, сколько будем ехать?

— Два с половиной, ну самое большее три часа, — ответил тот и поспешил добавить: — Это намного быстрее, чем на автобусе, поверьте.

— Я верю, верю... Но всё равно, как же далеко, Танюша... — она погладила дочь по плечу.

Таня застыдилась.

— Мам, ну что ты?.. Когда я после училища уезжала, ты даже радовалась, не переживала так.

— Переживала. Но ты по распределению... учёбу отрабатывать, а теперь...

— А теперь, Ольга Петровна, Таня не одна, — твёрдо сказал Евгений. — Может, и вы со временем на юг переберётесь.

— Не всё сбывается, что желается, — вздохнула тёща.

Ехали действительно с ветерком.

Серая лента дороги бежит и бежит вперёд, она знает, куда вести, и ты доверяешься ей всецело. За окошком одна картина сменяет другую: мелькают дома и сады, луга и леса, поля ещё не вызревших, но уже больших жёлтых подсолнухов. Всё движется, всё живёт своей тихой жизнью. Дорога зовёт, дразнит, обещает привести к чему-то новому, к чему-то такому, что ты сам ещё и не знаешь, но уже предчувствуешь. Ты — в пути. Мерно гудит мотор. Шуршат по асфальту колёса. Шумит в открытом окне ветер. Иногда врывается пение птиц, иногда с лугов доносится звенящее стрекотание кузнечиков, запах разморённой под солнцем травы... Ты едешь и смотришь в окно, будто вовсе не причастен к движению, лишь созерцаешь его. В какой-то момент всё в тебе замирает. Звуки сливаются в один прозрачный фон, ты словно растворяешься в нём, затем незаметно погружаешься в тишину внутри самого себя. Начинает казаться, что движение где-то рядом, как-то мимо... мимо... Но оно и в тебе не останавливается, просто ты видишь и слышишь всё разом: и то, что внутри тебя, и то, что вокруг. Наступает момент, когда вдруг чувствуешь: ты сконцентрирован в одной крошечной точке и в то же время разлетелся сонмищем пылинок, снующих повсюду, и ты вроде есть, а вроде тебя и нет... Наверное, так ощущается гармония... вечность...

Таня задумчиво смотрела в окно. Разговор, в котором она не принимала участия, не задевал её сознания. Она слушала своё сердце, бившееся так же ровно, как ровно бежала дорога. Танин слух не выделял и не разделял родные голоса — они слились с общим потоком звуков за окном...

Евгений нежно коснулся её руки. Сердце Тани застучало громче, она вынырнула из внутренней своей уютной тишины.

— Смотри, — с волнением сказал Евгений, — мы проезжаем места, где родились мои родители, где они познакомились. Это Абинский район, от Геленджика его отделяет Кавказский хребет. В юности мама жила на хуторе Первомайском, а отец — на хуторе Шевченко. Встретились в Первомайском, мама работала в станице пионервожатой и на каникулы приехала домой, а отец был курсантом военного училища и приехал в отпуск к двоюродному брату... будто кто специально их к встрече подтолкнул... Скоро познакомитесь с моей роднёй, — громче, чтобы слышали все, произнёс Евгений. — Весёлый народ... Вот проедем хребет, а там и до Геленджика недалеко... Красиво, правда?.. Кубань, Украина... а теперь ещё и российский Север... для меня они родные, — он немного помолчал

и вновь наклонился к Тане, заговорил тише — для неё: — Интересно устроена память: тот момент, когда ты испытал яркие переживания, не просто помнишь как образ или картинку, он живёт где-то в тебе как ощущение, что сроднилось с тобой навсегда, стало... — он секунду задумался, подбирая слово, — неизбывным. А потом достаточно маленького намёка, запаха или звука, как память моментально переносит тебя туда, где ты впервые это испытал. И появляется то самое чувство, которое, казалось, забыто... Думаю, можно и нужно осознанно наполнять жизнь такими яркими событиями, чтобы они запоминались навсегда, тогда жизнь будет дольше, больше... потому что только память даёт ощущение времени и может с ним играть... Чувствуешь запах трав?..

— Угу, — Таня прикрыла глаза.

— И я... а увидел горы и вдруг вспомнил себя в школе, классе в седьмом... Даже молоденькую нашу учительницу по украинскому языку будто увидел, её красивую улыбку, ясные глаза, она похожа на актрису, что сыграла Оксану в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»... И, как мелодия, побежали в голове строчки, что тогда учил:

*Сонце заходить, гори чорніють,
Пташечка тихне, поле німіє,
Радіють люде, що одпочинуть,
А я дивлюся... і серцем лину
В темний садочок на Україну...¹*

Таня чуть отстранилась от Жени, дав возможность стихам прозвучать громче, потом задумчиво сказала:

— Наверное, тут людям вольней живётся хуторами, своим хозяйством. Щедрая природа позволяет жить обособленно, вдалеке от шумных городов... Не отсюда ли такой свободолюбивый характер у кубанцев?

— Философствуешь?.. — Женя нежно гладил обручальное кольцо на её пальце.

— Это ты... а я так, размышляю...

— О чём же? — спросила Ольга Петровна. Она сидела рядом с молодыми на заднем сиденье просторной «Волги». — Расскажи, а то всё молчишь. Не плохо ли тебе?

— Ма-ам, — смутилась Таня, — мне хорошо, даже очень... Думаю вот, везде настанёт хорошая жизнь... Почему-то именно сейчас по-особенному это чувствую, даже не могу чётко сформулировать... боюсь, вы будете смеяться.

— Не будем, — оглянулся с переднего сиденья Корней Корнеевич. — Как можно смеяться над чувством? Говори, дочь, — он слегка развернулся, облокотился на спинку сиденья и пытливо посмотрел на Татьяну.

¹ Стихи Тараса Шевченко.

Она спросила:

— Честно, не будете?.. — взглядом дала понять, что в салоне посторонний человек. Павел сосредоточенно вёл машину и, казалось, не слушал пассажиров.

— Честно, не будем, говори смелей, — подбодрил отец.

— Ладно... — Таня слегка закусил губы, задумалась, потом застенчиво улыбнулась и заговорила: — Помню, как первый раз я ощутила какую-то лёгкость, вольность, что ли, когда ты, папа, получил справку о реабилитации. Тогда в нашем доме вроде ничего не изменилось, но в воздухе вдруг запахло свободой. Этот запах можно сравнить с тем, что приходит с весной, когда начинает пригревать солнце, когда сходит снег... Помню, у вас с мамой тогда по-особенному сияли глаза, в доме стали громче и смелее разговоры, мама с песнями мыла окна и полы, а светлая улыбка тётки Кати стала ещё светлей... Тогда всем как будто легче стало дышать... А ведь не обязательно ждать чего-то такого, какой-то особой награды, а в ничтожно малой песчинке жизни эту награду находить, но нам всё что-то мешает... Потом такую же лёгкость я ощутила, верней, вспомнила её, когда поняла, что влюбилась... будто разом передо мной открылись горизонты, которые раньше и не видела... — она покраснела, бросила стыдливый взгляд на отца, потом на Женю, словно ища в нём поддержки. Евгению передалось её волнение, щёки его порозовели, но он промолчал, глядя на неё влюблёнными, как в тумане, глазами. Таня перевела дыхание. — А когда узнала, что это чувство взаимно, то не только земля стала теплей и шире, но и небо ласковей и выше, появилось ощущение простора, если хотите, полёта... Вот и сейчас... такое счастье, мы все вместе едем к чему-то новому, и это новое манит, как горизонт, и появляется уверенность, что оно обязательно будет хорошим, ведь оно уже есть. Хочется дышать полной грудью, хочется жить, делать что-то доброе... смеяться или нет, но хочется жить и делать пусть даже что-то такое незначительное... просто жить, выращивать цветы и деревья, может, сад, а может, всего одно дерево... Скажете, глупо?..

Вопрос повис в воздухе, наверное, каждый осмысливал сказанное. Ольга Петровна вздохнула. Любуясь дочерью, с особой теплотой сказала:

— Ты стала совсем взрослой, мечтательница моя.

— Вовсе не глупо! — с запозданием, но горячо ответил Евгений. — Может, в этом и есть смысл жизни — жить по призванию.

— Громко, однако, «по призванию»... — заметил Корней Корнеевич. — А ведь как верно... Молодые вы ещё, а какие умные, — без иронии сказал он. — Для вас всё только начинается... Да-а, жизнь налаживается... лишь

влюбиться в свежий ветер, забыть, как страшный сон, все несчастья... Эх, Оля, где наша молодость? — он хлопнул по спинке сиденья.

— В нас и осталась, — откликнулась жена, — да вот и рядом сидит, — она крепко обняла дочь и посмотрела на Евгения.

Корней Корнеевич окинул сидящих сзади приветливым взглядом и вновь повернулся к лобовому стеклу. Сел поудобней, задумчиво всмотрелся вдаль, заговорил так, чтобы его слышали:

— Да-а, время... Можно всю жизнь искать любовь, ждать её откуда-то, требовать, а не найти, потому что сам не отдаёшь, и остаться у разбитого корыта, как та старуха из сказки — без свободы и любви, без рыбки золотой... А за свободой и за любовью далеко ходить не надо — ищи в себе, да не в уме ищи, а в сердце... отдавай другим именно то, что хочешь получить, отдавай так, как хотел бы получить сам, тогда, может, и прикоснёшься к смыслу... Я, кажется, только теперь начинаю понимать... а ведь давным-давно сказано: лишь истина сделает вас свободными, а истина — в любви... Вон жеребёнок на лугу, пушистый ещё. Мать его рядом, уже спокойная. Может быть, они сейчас, в этом миге, самые духовные, самые свободные, — только что коснулись абсолюта...

Женя, Таня и Ольга Петровна проводили взглядом пасущихся на лугу лошадей.

— Красотища! — с восторгом сказала Таня.

— Вот видишь, в кого ты у нас философ, — ласково улыбнулась дочери Ольга Петровна и кивнула на мужа.

Шумная Женина родня встретила новых родственников во дворе — в небольшой квартире Череповых места гостям было мало, а в Краснодарском крае свадьбу играют всей станицей: «Гулять так гулять!» И пир на весь мир готовят заранее: со всей округи задолго до застолья несут в дом жениха и дом невесты кто гуся, кто курицу, кто муку, кто сахар, а кто самогон, без него веселье — не веселье, а чтоб черти в нём не завелись, до поры до времени бутылки закупоривают не чем-нибудь, а початками кукурузы, красивые пробки получают, надёжные... Творится тесто, пекутся пироги, варится ковбык¹, запекается кровянка² да солится сало — особое, кубанское. Без него еда — не еда: розовое, душистое, с прослойками мяса — оно щедро представляется хозяйкой на праздничном столе. Всем угощенья хватит!

Первыми, как только во двор въехала машина, долгожданных гостей встретили Екатерина Михайловна и Андрей Тимофеевич. Возле дома они привечали молодожёнов и сватов хлебом-солью — большим караваем,

¹ Ковбык — свиной желудок, начинённый кашей и мясом.

² Кровянка — домашняя кровяная колбаса.

украшенным веточками калины. Свадебный каравай — особое блюдо — дар земли, символ плодородия и богатства. Потому и отношение к нему особенное, традиции свадебного караваия чтут в народе свято. После того, как молодые отломят по кусочку пышного хлеба, его берегут до глубокого вечера. Лишь перед тем, как уйти спать, молодожёны с караваем обойдут гостей, каждого попотчуют, поделятся своим счастьем, чтобы оно к ним сторицей вернулось, каждому и чарку нальют.

После того, как Евгений и Татьяна, а за ними Ольга Петровна с Корнеем Корнеевичем обменялись с новыми родственниками поцелуями, заиграла гармошка, молодых осыпали душистыми шишками хмеля — на любовь, да золотистым зерном и монетами — на богатство, а родители жениха в сопровождении голосистой родни пропели:

— Ой вы, гости, гости долгожданные, заходите, гости, заходите, званные. Мы вам всё покажем, как живём, расскажем, радуйтесь с нами вы успехам нашим.

И пошло веселье, и по кругу чарка. Посидели родня и гости за столами, отведали угощений, и начались задорные пляски с частушками. Весёлые, ярко одетые девушки и молодые женщины окружили Татьяну, завлекли в хоровод:

— *Ой да тросточка дубовенькая,
У нас Таня чернобровенькая...
А на той стороне — лошади-заразы,
А Евгений у нас — жених черноглазый.*

Тамара, сестра Жени, в пляске подошла к Татьяне, поцеловала в щёку и приколола к её платью большой белый шёлковый цветок, а потом привела в круг Евгения и приколола точно такой же к его костюму, крепко обняла и поцеловала обоих:

— *Брат, женися, брат, работай,
А за платье не кори —
Я сама его купила
На свои на трудодни!*

Евгений, не задумываясь, ответил сестре:

— *Ой-ся, ты ой-ся,
Ты меня не бойся,
Я тебя не трону,
Ты не беспокойся...*

Несколько девушек подхватили под руки Ольгу Петровну, Корнея Корнеевича, родителей Жени и тоже повели в круг плясать. Ольгу Петровну поразило, что молодые женщины танцевали босиком, как заводные, не жалея пяток.

— Мы вас, северян, научим, як плясать треба¹. Вот, глядите:

*Я, казачка, на носок.
Сибиряк — на пятку.
Эй, казачка, руки в боки,
Сибиряк — вприсядку...*

Веселились и играли от души. В какой-то момент парни зазвали Женю и гостей-мужчин, даже прохожих с улицы к небольшому забору, что огораживал палисадник у дома, и начали в землю кол вбивать — традиция такая:

*— Женя наш надумал да женился,
чтобы ни за кем не волочился,
чтобы в рódну землю бросил семена,
чтобы верною была ему жена.*

Пока забивали кол, без устали поливали и его, и землю самогоном: как только молотом по колу стукнут, так на всех вокруг летят хмельные брызги, парни хохочут в голос. А когда сровняли кол с землёй, самогон полился по чаркам... Мужчины выпивали и «закусывали» солёными шутками.

Татьяна пристроилась в сторонке — любопытно понаблюдать за избанником, но её окликнул свёкор:

— Таня, поди сюда, — он кивнул в сторону от компании. Прошёл к скамеечке у двухэтажного двухподъездного дома, со вздохом сел — самое время отдохнуть от танцев. Нарядная рубаха Андрея Тимофеевича прилипла к мокрой от пота спине, ворот широко расстёгнут.

Таня присесть не осмелилась.

— Слушаю вас, папа, — нелегко ей было первый раз назвать Жениного отца папой, но она понимала, что ему это должно быть приятно. В свои пятьдесят четыре он был крепким, моложавым, его живые карие глаза выдавали пронизательность. «Но радужки темнее, чем у Жени», — подумала Таня, искренне улыбнувшись свёкру.

Он окинул её с ног до головы придирчивым взглядом и неожиданно сказал:

— Ты не дочка ещё... приживёшься ли?

Таня растерялась, остро почувствовав жестокую ясность слов — они ледяной тяжестью упали ей на плечи, заполнили душу. Она стояла перед свёком в нерешительности что-либо ответить, не зная, как себя вести... и Жени рядом нет... Набралась мужества и тихо спросила, словно вовсе не слышала горькой реплики:

— Вы что-то хотели мне сказать, папа?

Андрей Тимофеевич досадливо улыбнулся:

¹ надо (укр.).

— Вот смотрю на тебя и думаю, уж больно ты... хилая. Хорошей ли женой Женке будешь?

Сердце Тани ёкнуло сильнее прежнего, но она ответила уверенно:

— Хорошей.

— Стряпать хоть умеешь?

— Умею.

— И украинский борщ?

— И борщ умею, и украинский научусь, не велика наука, — спокойно сказала она. — Думаю, мама, Екатерина Михайловна, не откажет в уроках.

Андрей Тимофеевич молча смотрел на неё, будто ещё готовя каверзный вопрос. Таня ощутила предательский комок в горле. Свёкор не торопился что-либо говорить, и она решила опередить его, вежливо обратилась:

— Я пойду, папа?..

Андрей Тимофеевич ответил не сразу и как-то нехотя:

— Иди...

Таня повернулась и увидела: к скамейке торопится Екатерина Михайловна, смотрит на невестку, улыбается. Поравнявшись с Таней, вздохнула, мол, наконец-то выдалась спокойная минутка. Села рядом с мужем, машинально разгладила на коленках бирюзовое кримпленовое платье, так красиво оттеняющее её глаза, опёрлась ладонями о край скамейки, чуть подалась вперёд. Таня не шелохнулась: круглое лицо свекрови, казалось, так и светилось, словно Екатерина Михайловна, несмотря на хлопоты, невообразимо рада всему, что вокруг происходит.

«Она ровесница моей маме, — подумала Таня, — а как молоды её черты! Даже седина как-то не вяжется... и как восторженно горят глаза, и какая застенчивая улыбка... Она похожа не на хозяйку дома, а на добрую волшебницу, что случайно заглянула на праздник, всё устроила и теперь, умилённая, присела отдохнуть... Как мне знаком этот свет в её глазах и этот восторг: у Жени — такие же!»

— Балакаете? — мягко спросила Екатерина Михайловна мужа.

Андрей Тимофеевич, не глядя на жену, только кивнул, и она обратилась к Тане:

— А що ж ты стоишь, доню¹, садись, — она легонько хлопнула ладонью по скамейке рядом с собой.

Таня почувствовала, что у неё вот-вот навернутся слёзы, и, чтобы не поддаться нечаянной слабости, заставила себя улыбнуться, робко сказала:

— Спасибо, я лучше к Жене.

¹ дочка (укр.).

— Тогда біжи, — согласилась свекровь и кивнула в сторону шумной компании ребят, — а то як бы хлопцы не напоили его, чертяки, он же не пьёт...

Настало время подарков. Родные и друзья сидели за большим свадебным столом, ради которого в квартире Череповых из самой просторной комнаты заранее была вынесена вся мебель. Но и за столом не всем хватало места, поэтому многие — те, что помоложе, что пришли взглянуть на торжественный момент, — стояли вдоль стен, толпились в дверях. А момент был не просто торжественный, но и любопытный: по старой свадебной традиции, прежде чем вручить подарок молодым, гости его раскрывали, всем показывали и оглашали, что и зачем дарят. Потом было много поводов и у молодёжи, и у старших посудачить.

— Для чего эта демонстрация? — изумилась Ольга Петровна.

— А чтоб ерунду какую не подсунули, чтоб стыдно было бедный подарок дарить, — ответила одна из девушек, что стояла рядом сзади. — Жених-то завидный, вот и подарки должны быть такими.

— А невеста, что ж, разве не хороша? — оглянувшись вполборота, ревностно спросила Ольга Петровна.

— Хороша красуня, да говорят, шибко хвóра, чахла северянка, — не задумываясь, кому отвечает, ехидно сказала другая.

— Не міг собі наречену з кубанських знайти¹, — раздался третий голос за спиной у сватки.

Ольга Петровна покачнулась, хотела оглянуться и посмотреть в глаза той, что это произнесла, но не оглянулась, а лишь стиснула зубы до боли и кулаки так, что ногти впились в ладони. Она на миг зажмурила глаза, в ушах зазвенело, сердце заныло. Ей захотелось немедленно, раз и навсегда, одним махом обрубить злые языки, оградить дочь от наговоров, доказать, что Танюша ничем не хуже местных невест, а то и лучше всех!

«Ненаглядная моя, золотая моя девочка, не позволю тебя унижать», — пронеслось в возбуждённом мозге матери. Она нервно что-то поискала в своей сумочке, потом вдруг резко распрямилась, как освобождённая пружина и, не дожидаясь очереди для подарка родителей, встала, громко крикнула:

— А у нас дары северные вот какие! — махнула рукой. — Подставляйте корзину!

К ней протиснулась девушка с нарядной плетёнкой для подарков. Ольга Петровна небрежно бросила в корзину пачку денег.

— Эта тысяча — молодым на туркменский ковёр!

¹ Не мог себе невесту из кубанских найти (укр.).

— У-у! — одобрительно загудели гости.

Ольга Петровна достала из сумочки вторую пачку:

— Это — на телевизор и холодильник!..

— Добре! — крикнул кто-то из стариков.

— А это, — достала третью небольшую пачку, перемотанную резинкой, — вклад в будущую машину!

В комнате воцарилась тишина. Ольга Петровна окинула всех торжествующим взглядом и, почувствовав сердцебиение, слабость в ногах, какие, наверное, чувствует бегун после преодоления короткой дистанции, опёрлась на плечо мужа, выдохнула тихое «всё» и села на место.

— Яки сваты богаты! Золотыми так и сиплють, — громко пробасил кто-то из мужчин.

— Женька, а ты случаем не по расчёту женишься? — резко прозвенел женский голос.

Все взоры обратились к Евгению. Он растерялся, посмотрел на Таню — её глаза, такие щемяще-родные, наполнились и удивлением, и страхом. Он вдруг остро почувствовал, как она незащищена сейчас. Ему стало больно, будто он нечаянно обманул её, будто виноват в какой-то такой ошибке, о которой не подозревал. Жене показалось, Таня вот-вот сорвётся с места и убежит. Он крепко сжал её похолодевшую руку. Встал. Татьяна не поднялась. Гости выжидающе молчали.

— Нет! — громко ответил Евгений. — Я просто люблю Таню и могу повторить это сто, двести, миллион раз, хоть на весь белый свет... Люблю!

— Тогда целуй её! Гірко-о!!!! — крикнул всё тот же бас.

Гости, как по команде, подхватили:

— Гір-ко! Гір-ко!..

Таня смутилась, Евгений решительно потянул её за руку. Она встала, он обнял её и крепко поцеловал в губы. Таня будто вновь попала в воздушную яму. Евгений ощутил её волнение, на миг оторвался от желанных губ и, теперь уже нежно, поцеловал ещё раз, и ещё...

Корней Корнеевич наклонился к жене:

— Ты что делаешь? — сказал ей на ухо. — На обратную дорогу оставила?

— А пусть знают, — гордо дёрнув головой, громко ответила Ольга Петровна, — наша дочь в жалости не нуждается.

На её реплику никто не обратил внимания, все смотрели на молодых. Она тоже подняла взор и увидела, как под бурное одобрение гостей Евгений смело целует Татьяну; и как дочь, уже не замечая никого вокруг, поддалась его нежному натиску. Ольга Петровна обмякла, уткнулась мужу в плечо и тихо всхлипнула:

¹ Горько (укр.).

— Больше всего на свете хочу, чтобы у неё всё было хорошо, чтобы все забыли, что она больна, и не попрекали... уважали её, любили...

Корней Корнеевич обнял жену за плечи, слегка прижал к себе:

— Ну... отпусти её, Оля, и не бойся. У Тани нашей и у Женьки — души сильные... Ты же знаешь, если в путь нас толкает душа, то всё, что на пути встречается, делает нас сильней, делает людьми. Да и сама душа только в пути и может состояться, стать по-настоящему искренней... Пришло время отпустить дочь...

— Да... в этой жизни у всего одна цена — время...

— Взгляни, они счастливые, им не страшно.

Немного успокоившись, Ольга Петровна достала из сумочки платочек, вздохнула, промокнула глаза и нос.

— Ты прав, дорогой, в любви нет страха.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

Прошло два года, как Женя и Таня уехали из Геленджика. Конечно, дома с родителями жилось неплохо — в городской обустроенной квартире, в отдельной комнате; Таня всячески старалась приноровиться к новым условиям, к характерам свёкра и свекрови, и у неё это, в общем-то, получалось. Но всё же двум семьям, двум разным поколениям не всегда удаётся ладить под одной крышей. Вопрос отцов и детей будет актуален до тех пор, пока в мире существуют отцы и дети; и поговорка «чем дальше — тем родней» никогда не утратит своего значения не потому, что родным людям вместе жить плохо, а потому что молодожёнам отдельно жить, может, и трудней, да лучше — без оглядки, вольней. И родителям, если они здоровы, полны сил, одним легче, потому что им, должно быть, очень непросто оставаться спокойными, видя какие-то огрехи, что допускают повзрослевшие дети: отец и мать давно прошли путь становления семьи, и им хочется поделиться опытом, а порой навязать свои, годами сложившиеся привычки. Однако нужен ли молодым их опыт — вопрос неоднозначный, ведь молодым хочется собственных открытий.

Кроме того, Татьяне не подошёл морской климат, врачи настоятельно советовали переехать куда-нибудь в среднюю полосу России. Была и ещё причина что-то в жизни менять: Евгений

стремился приблизиться к мечте — преподавать географию, поступить в институт; он разослал запросы в управления образования Волгоградской и Саратовской областей. Вскоре пришёл ответ, что в Краснооктябрьскую восьмилетнюю школу Краснокутского района Саратовской области требуются учитель географии и учитель начальных классов. Женя и Таня, недолго думая, решили ехать, сообщили об этом родителям.

— Сын, прости нас, если что... — сказал тогда Андрей Тимофеевич Жене, сказал один на один, как самое сокровенное: — Таня твоя очень добрая... эх, было бы ещё здоровье. Береги её, она — твоё счастье, у неё золотая голова и золотые руки.

Молодые уехали.

Евгений чувствует поддержку любимой во всех его устремлениях: Таня щедро делится знаниями, подбирает нужную литературу, изучает вместе с Женей опыт передовых учителей; делится художественным талантом — из подручных средств готовит методические пособия, которыми сельская школа так бедна; не ропщет, принимая на себя бытовые невзгоды, а их немало. Женя и Таня ютятся в маленьком старом домишке — комнатка да кухонька. Когда устраивались в школу села Красный Октябрь, директор пообещал, что это жильё временное. Но давно известно: нет в жизни ничего более постоянного, чем временное. И вот уже два года молодая семья ведёт настоящую борьбу с неустроенностью: крыша то здесь, то там протекает, в щели задувает, на крыльчке пляшут половицы; ещё и воду натаскать из колонки, и печь-голландку истопить... А Евгений — человек городской, хозяин неопытный, но всё преодолевается, всё уходит на второй план, когда на первом — любовь. Главное, Женя и Таня вместе. И в школе вместе. И мечты сбываются: Евгений поступил на заочное отделение Тамбовского педагогического института на географический факультет; Таня тоже перевелась на заочное обучение в Кубанский государственный университет и совсем скоро станет дипломированным специалистом русского языка и литературы.

С самого утра лил холодный дождь, словно на дворе не август, а глубокий октябрь: без усталости кружил ветер и пронизывал всё, что только встречалось на его пути.

— Да, погода... аномалия, — пробурчал Евгений. Поёжился в болоньевом плаще — в нём так зябко, словно он из тонкой ледяной корки. Холод пробирал насквозь, от промозглых завихрений не спасал и большой чёрный зонт...

Этот зонт они с Таней купили в ГУМе¹, когда ездили в Москву. Отстояли огромную очередь, прежде чем им достался дефицитный товар. Тогда же они приобрели и телевизор «Рубин» — невероятное богатство! Но Евгений считал его не роскошью, а предметом первой необходимости — учителю важно быть в курсе событий страны и мира. Как раз на экраны вышла главная информационная программа «Время» — она стала одной из самых любимых передач, и Евгений каждый вечер, несмотря ни на какие дела, ровно в двадцать один час по московскому времени садится к экрану. Телевизор привнёс и другие традиции в жизнь молодой семьи. Теперь по выходным у Череповых бывают соседи — они приходят со своими табуретками, усаживаются в ряд и «странствуют» по миру вместе с обаятельным телеведущим и главным туристом страны Владимиром Шнейдеровым и его «Клубом путешествий» или заглядывают в весёлое польское кафе «Кабачок 13 стульев»...

«Говорила Таня: надень резиновые сапоги и свитер. Нет же! Как же, в райком надо при параде! Вот тебе и парад», — Евгений торопливо ступал по грязным лужам, отчаявшись найти хоть клочок надёжной тверди.

Сегодня его вызвал директор школы, сказал, что позвонили из райкома, от первого секретаря: «Срочно! Черепов должен быть!..» Причину требования директор не объяснил — то ли на самом деле не знал (бывает такое, вызывают «без разговоров»), то ли почему-то умалчивал.

Оказавшись в коридоре райкома партии, Евгений почувствовал тепло: в помещении стоял особенный запах жарких батарей, который появляется тогда, когда начинают топить после долгого перерыва. «Ещё не настал отопительный сезон, — удивился он, — хотя погода...» Оживился, обрадовавшись теплу, быстро нашёл нужную дверь, заглянул в приёмную: за столом за печатной машинкой сидела симпатичная девушка-секретарь в строгом сером жакете и белой блузке с глухим воротником.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — оживилась секретарь, прокашлялась. — Вы к Разинову Владимиру Фёдоровичу? — её голос оказался неожиданно низким.

— Да, — подтвердил Евгений, — к Разинову Владимиру Фёдоровичу.

Девушка заглянула в перекидной календарь.

— Черепов Евгений Андреевич? — она прочитала заметку, вскинула вопрошительный взгляд.

— Да.

— Пройдите, — строго велела секретарь и по-мужски грубоватым жестом руки указала сначала на вешалку, чтобы вошедший разделся и повесил зонт,

¹ ГУМ — Государственный универсальный магазин в центре Москвы, главный фасад которого выходит на Красную площадь.

затем сняла трубку телефона, доложила о посетителе и уже полушёпотом, прикрыв ладошкой микрофон, сухо повторила: — Пройдите, — кивнула на дверь начальника.

Евгений вошёл в просторный кабинет первого секретаря, поздоровался. Хозяин кабинета — статный мужчина средних лет в строгом тёмно-коричневом пиджаке — радушно ответил сочным баритоном:

— Здравствуйте-здоровствуйте, Евгений Андреевич.

Во всём облике Владимира Фёдоровича угадывалась внутренняя сила убеждённого борца за коммунистические идеалы. Его мужественное с широкими скулами лицо озаряла приветливая улыбка, большие пытливые глаза сияли непритворной искренностью, а блеск крупных очков в тёмной роговой оправе, казалось, усиливал это сияние. Первый секретарь сидел за большим столом в центре. Рядом с ним за столом, приставленным буквой «т», с одной его стороны были ещё двое. Один похож на студента — худощавый, с хитроватым взглядом молодой человек в чёрном костюме; другой на фронтовика — совершенно седой, крепкий, в гимнастёрке и тонком тёмно-сером шарфе, обмотанном вокруг шеи; оба лишь кивнули на приветствие Евгения.

Широким движением руки Владимир Фёдорович указал Евгению на один из свободных стульев, стоящих по другую сторону стола. Евгений сел с удовольствием, так как почувствовал: то ли от усталости, то ли от сырого холода начало ломить ноги.

— Ну, что ж, товарищи, познакомимся лично с Евгением Андреичем Череповым, нашим учителем географии, — размеренно сказал первый секретарь и кивнул похожему на студента.

Тот немного порылся в разложенных перед ним на столе бумагах, взял лист и начал монотонно читать. Евгений внутренне поёжился, теперь не от холода, а от неловкости — оглашали его характеристику:

— ... член КПСС, зарекомендовал себя как сознательный, активный, преданный делу коммунизма наставник, учитель... энергичный, деятельный... стремится улучшить учебно-воспитательный процесс... постоянно работает над повышением своего идейного и профессионального уровня... является студентом-заочником педагогического института... женат...

В тёплом кабинете Евгений наконец-то начал согреться, а услышав формальные эпитеты, немного расслабился.

Над головой Владимира Фёдоровича, высоко на стене висят два больших портрета в золочёных рамах — Ленина и Брежнева. Вожди разных эпох страны смотрят как бы навстречу друг другу, но в то же время их взгляды не совпадают, наверное, пересекаются где-то в пространстве. В красном углу

тяжело свисает с длинного шеста Красное знамя, установленное в тумбе для флагов. На столе третьего секретаря у телефонных аппаратов небольшой горкой возвышаются круглые каминные часы. А в проёме между двумя большими окнами висят ещё одни — тяжёлые в прямоугольном ящичке часы «Янтарь». Жёлтый блестящий диск маятника мерно качается в нижнем стеклянном окошке, в верхнем — чёрные стрелки на белом циферблате вывели без четверти три. «Не опоздал», — подумал Евгений.

Справа от стола — деревянный стеллаж: строгими синими рядами стоят новенькие тома собрания сочинений Ленина; немного обособленно — два увесистых тома «Капитала» Маркса. Аккуратными стопками лежат журналы, газеты, папки. На одной из полок ярко пестреет чёрно-белая ваза, украшенная портретом Никиты Сергеевича Хрущёва в окружении более мелких портретов советских космонавтов, на первом месте из которых, конечно же, Юрий Гагарин.

Евгений вспомнил, как прошлым летом ходил со школьниками в поход «По дорогам космической славы». Навестив обелиск, что установлен в Краснокутском районе в честь приземления второго космонавта Германа Титова, туристический отряд поехал в село Смеловка Энгельсского района, а из Смеловки — пешком к Гагаринскому полю, где установлен памятник Юрию Алексеевичу.

Молодому учителю географии и самому было невероятно интересно увидеть место приземления первого космонавта мира, а уж школьникам подавно, но в памяти педагога запечатлелся момент разочарования ребят. Дело в том, что они очень гордились обелиском в своём районе, над которым взяли шефство, но когда увидели высокий каменный монумент в Смеловке — в три раза больше, чем Краснокутская стела, — да ещё узнали, что монумент — лишь маленькая копия огромного памятника в Москве, то огорчённо спросили:

— А почему это у нас стоит деревянный тоненький обелиск, хотя Титов сделал аж семнадцать оборотов вокруг Земли, а Гагарин — всего один, а ему поставили такой большой памятник и здесь, и даже в Москве?

— Потому что Гагарин — первый человек Земли, побывавший в космосе, а первым всегда трудней, — немного растерявшись, ответил учитель, потом уверенней добавил: — В Москве воздвигли монумент в честь всех покорителей космоса — от учёных и космонавтов до каждого человека Советской страны, в честь всего нашего народа, ведь без труда на Земле немислимо освоение Вселенной. Космические подвиги будут помнить всегда — это история человечества. Я уверен, со временем и в нашем районе поставят настоящий красивый памятник. Станете взрослыми — вот увидите, ещё вспомните сегодняшний день...

— Евгений Андреевич, — обратился похожий на фронтовика и обжог учителя глубокой чернотой глаз. Его голос с трудом вырывался из горла, хрипел, скрипел, как сухое дерево на ветру. — Скажите, пожалуйста, что, на ваш взгляд, значимого произошло на XXIII съезде КПСС?

Евгению показалось, мысли мгновенно вспыхнули. Первое, что пришло в голову, — Хрущёв подал в отставку или, как говорят, был попросту отстранён... но надо ли об этом сейчас?.. Съездом названы причины отставания сельского хозяйства, которые отрицательно сказались на темпах роста лёгкой и пищевой промышленности, на экономике... Да что душой кривить, народ прозвал последние годы правления Никиты Сергеевича «хрущёвским голодомором». Но в то же время съезд отметил большие успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства... Евгения осенила догадка, и он спокойно сказал:

— Съезд принял Заявление по поводу агрессии США во Вьетнаме и призвал коммунистов всего мира объединить действия против агрессии империалистов. Советский Союз укрепляет свои позиции в мире, подтверждение тому — состоявшееся в июне прошлого года международное Совещание коммунистических и рабочих партий, которое сурово осудило действия американского империализма...

— А вы готовы, если понадобится, идти в бой за идеи коммунизма? — чуть подавшись вперёд, спросил товарищ в гимнастёрке.

— Готов, — уверенно ответил Евгений.

— Скажите, пожалуйста, а что определил нынешнего года июльский пленум ЦК?

— М-м... новую аграрную политику, основателем которой стал Леонид Ильич Брежнев. Предполагается колоссальное расширение масштабов мелиорации, поставок в сельское хозяйство современной техники, удобрений...

— А что является теоретической основой КПСС? — собеседник перебил твёрдый ответ педагога.

— Марксистско-ленинское учение, — как само собой разумеющееся, сказал Евгений.

— А практической?..

— Первичные партийные организации, которые охватывают всю территорию страны и осуществляют политику партии... в общем, идейно убеждённые люди. — Евгений немного удивился последним элементарным вопросам, подумал: «К чему клонит?» А спрашивающий вдохновенно подхватил его слова:

— Вот именно, люди! Колхозам и совхозам нужны специалисты не только в области сельского труда... А какая главная, на ваш взгляд, задача стоит перед учителем-коммунистом?

— Учить, давать знания детям, воспитывать подрастающее поколение в духе коммунистической морали... быть примером...

В разговор вступил Владимир Фёдорович, то ли шутливо, то ли всерьёз недовольно сказал:

— Николай Прокопич, ты прям экзамен устроил Евгению Андреичу, как первокласснику, — критически заметил первый, потом на улыбке продолжил: — А к нему тут, знаешь ли, очередь. Мальчишки района буквально атакуют Краснооктябрьскую восьмилетку, все хотят к Черепову, в его тимуровские отряды¹. Его ребята в школе свой собственный штаб организовали, связь со Всесоюзным штабом Тимура наладили. Корреспондент из «Пионера»² приезжала, материал о наших тимуровцах для журнала собрала, — каждое сказанное предложение Владимир Фёдорович отмечал коротким взмахом сжатого кулака, будто забивал в воздух гвозди: — Кроме помощи семьям фронтовиков и прочих дел ещё в походы ходят, край родной изучают, природу охраняют. Скоро сад на пришкольном участке заплодоносит... а ты, — кулак его раскрылся в сторону фронтовика, — «Какая задача перед учителем-коммунистом?» — театрально передразнил товарища первый секретарь.

Похожий на студента смотрел на оратора с восторгом, а Николай Прокопьевич, совершенно не смутившись — на его суровом лице не дрогнула ни одна морщина, — лишь развёл руками, подчёркивая свою правоту:

— Ну, так... по уставу... — уголки рта метнулись вверх и тут же вернулись обратно.

— Чувствую, — довольно крякнул Владимир Фёдорович, — тебе кандидатура Евгения Андреича ко двору? — он слегка хлопнул по столу ладонью.

— Поладим, — кивнул Николай Прокопьевич и тоже, словно поставил точку, мягко стукнул по столешнице костяшками расслабленного кулака.

— Евгений Андреич... — призывно обратился первый секретарь, присанился, улыбка сошла с его лица, но глаза по-прежнему остались живыми, озорными (Евгений определил этот блеск как сияние радостного ума). Владимир Фёдорович чётко произнёс: — Мы рекомендуем вас на должность директора школы в совхозе «Рекорд» нашего Краснокутского района. Совхоз развивается, село становится одним из центров, принято

¹ Тимуровское движение — массовое патриотическое движение пионеров и школьников. Возникло в СССР в начале 40-х годов под влиянием повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда» как движение по оказанию помощи семьям военнослужащих.

² В начале 70-х для практического руководства тимуровскими объединениями Центральным Советом Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина создан Всесоюзный штаб Тимура при редакции журнала «Пионер».

решение открыть в нём восьмилетнюю школу... Для неё пока выделен бывший жилой дом — не беспокойтесь — крепкий, просторный, двухэтажный. Народ расселили в новые каменные дома — они там, как грибы, растут. Вот и мы с вами попозже по спецпроекту современную школу возведём... Так, Николай Прокопич? — он повернулся к собеседнику справа.

— Так, — подтвердил похожий на фронтовика.

Первый секретарь вновь обратился к Евгению:

— Думаю, не зря Николай Прокопич, а он возглавляет районный отдел народного образования, вам задал вопрос «готовы ли вы в бой». Нашему сельскому хозяйству нужны — очень нужны! — крепкие бойцы народного просвещения, — внимательно глядя на Евгения, Владимир Фёдорович выдержал паузу, потом глаза его заговорщицки блеснули: — Я так понимаю, самоотвода не будет.

— Я согласен, — Евгений невольно привстал с намерением выпрямиться во весь рост.

Владимир Фёдорович предупредительным жестом остановил его:

— Сидите. Это ещё не всё... Надеюсь, вы в ближайшее время никуда срочно не уезжаете?

— Планировал с ребятами, если погода позволит, попасть в карьер «Заплатиновка»¹. Разрезу около ста миллионов лет, там целое скопление остатков морских организмов...

— Вот он, увлечённый советский учитель! — благодушно заметил первый секретарь. — Но вам придётся отложить поход. Во-первых, предстоит переезд в Рекорд. Кстати, — он пристально сощурился на фронтовика, — Николай Прокопич, как насчёт жилья для нового директора школы?

— Выделили двухкомнатную квартиру, — уверенно ответил начальник района, — там, правда, ещё отделочные работы... но к приезду Евгения Андреевича успеем.

— Успейте, как-никак зима на носу...

— А верно, что ваша супруга — специалист по русскому языку, скоро институт заканчивает? — перебил Николай Прокопьевич.

— Да, — ответил Евгений.

— Прекрасно, нам и такой специалист позарез...

— Так я продолжу? — спросил Владимир Фёдорович, в его интонации проскользнуло нетерпение.

— Конечно, извините, — не теряя достоинства, ответил начальник района.

— Так вот, — первый секретарь положил обе ладони на стол, слегка опёрся на них и многозначительно посмотрел на учителя. — Евгений Андрееч,

¹ Памятник природы в г. Саратове, геологический (стратиграфический, палеонтологический) объект, где ранее располагался действующий карьер по добыче песка.

во-вторых... точнее, это — во-первых, вы обязаны быть на заседании райкома партии. На повестке дня — организация мероприятий, посвящённых встрече пятьдесят третьей годовщины Великого Октября, и ещё...

Владимир Фёдорович встал, за ним — и его спутники. Евгений тоже поднялся: «Какую такую новость оставил напоследок первый секретарь?» И тот авторитетно, довольно громко, как будто стоял за трибуной, произнёс:

— Официально заявляю: в ознаменование столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина вы награждаетесь медалью «За доблестный труд». Как положено, награждение состоится в торжественной обстановке на собрании. Поздравляю вас, Евгений Андреевич.

— Спасибо, — только и ответил Евгений.

Чувства его смешались. Он не знал, как себя вести в данной ситуации. Следуя патетической речи секретаря райкома, так и хотелось встать по стойке «смирно» и громко заявить: «Служу Советскому Союзу!» А Владимир Фёдорович, вдруг отбросив всякий пафос, тепло сказал:

— Это вам спасибо. Вот так, изо дня в день, без криков «ура», без шашек наголо идут настоящие коммунисты на трудовой подвиг.

Прозвучало последнее слово и, будто подгадав время, раздалась три мелодичных удара часов. Все присутствующие в кабинете разом улыбнулись: «янтарный» звук так похож на тон кремлёвских курантов.

К тому времени как Евгений добрался до дома, он уже почти не чувствовал ног, казалось, вместо них у него — тяжёлые ватные чурбаны, пропитанные ледяной водой.

Лишь только муж переступил порог, Татьяна сразу поняла: продрог до мозга кости.

— Что ж ты с собой творишь?.. — она молитвенно сжала кулачки у груди.

— Я сто раз пожалел, что не послушал тебя, — виновато улыбнулся Евгений. — В такую погоду хозяин собаку не выгонит, а я... — он осёкся. Ему хотелось рассказать, с каким трудом он добирался туда и обратно, но, зная впечатлительность жены, решил промолчать.

Однако Таня понимала его с полуслова, с полужеста. Она, как рентгеном, просветила его «очами синими бездонными», вкрадчиво спросила:

— Тебя хоть подвезли?

Женя отрицательно покачал головой, опустил глаза, усердно расстёгивая пуговицы плаща, пробубнил:

— Попутки были.

— А ты, «герой нашего времени», конечно же, в школе не попросил... Неужто завхоз не мог завести свой драндулет? — больше жалея мужа, чем сердясь на него, спросила Таня.

— На уборочной все... даже старшеклассников, как в армию, призвали... И как они там?.. — Евгений повесил плащ на вешалку, но Таня сразу же его сняла, ответив на вопрос мужа об учениках:

— Как на войне, наверное... Бог мой, нитки сухой нет! — ужаснулась она, стяхивая над половиком плащ, как бы про себя добавила: — К печке надо повесить, — и уже на ходу бросила мужу, — и было ради чего в такую даль?..

— Было, родная, — устало прокряхтел Евгений, взял с полки для обуви старые газеты, расстелил у порога. Затем аккуратно стащил с себя, стараясь стоять на одном месте, грязные промокшие ботинки, поставил их на газеты. — Начнём с того, что мы с тобой переезжаем в совхоз «Рекорд»... недалеко, всего восемнадцать километров. Идём на повышение, я — директором, ты — русоведом, — он прошёл в комнату, обхватил ладонями круглую чёрную печь и про себя отметил: «Как хорошо, что затопила... умница моя». Евгений от удовольствия, что чувствует тепло, закрыл глаза.

Таня торопливо вошла в кухню, подкинула дров в голландку, установленную в стене между кухней и комнатой, услышала из комнаты усталый, но радостный голос мужа:

— Ты же грезишь литературой?! Квартира своя будет в новом каменном доме на три хозяина, почти как в городе. Танюша, мечты сбываются. Мы с тобой построим школу будущего в настоящем.

— Раздевайся скорей, мой руки, товарищ директор, а я чай заварю... Голодный, небось! — отозвалась она, поставила чайник на новенькую переносную электроплитку — далеко не в каждом доме была такая роскошь, а Евгений её получил как премию. Пришёл в тот день радостный, водрузил торжественно плитку на стол и гордо сказал: «Вот! Ещё один «луч света в тёмном царстве». Плитка и в самом деле называлась «Луч»...

Таня вернулась в комнату.

— Каша горячая... в одеяле тебя дожидалась, — подошла к стулу, развернула укутанную кастрюльку. — Я и молочка у Дарьи купила. Может, вскипятить?

Евгений открыл глаза, помедлил с ответом, повернулся к печи спиной, прижался. Он всё ещё не снял костюм.

— Танюш, только чаю... что-то сил нет. Согреться бы да лечь... Знаешь, мне нельзя разболеться, как штык должен быть на парткоме... Та-ань, — протянул он по-детски, — а меня медалью наградили.

— Поздравляю, ты заслужил, — вроде бы и радостно, но как-то по обыденному просто отреагировала жена, сняла со старой панцирной кровати покрывало, ловко сложила его, повесила на блестящий поручень железной

спинки. Сейчас Таню больше всего беспокоило состояние мужа: глаза его горели, но к блеску азарта примешался и другой — нездоровый. Она подошла, пощупала его лоб. — Да у тебя жар начинается! — засуетилась. — Держи, — достала из шкафа шерстяные носки, синюю фланелевую рубашку, которую на днях закончила шить.

С ручной машинкой «Зингер», что подарила мама, она не расставалась, любила её за многие ценные качества: за удобство — машинку с собственным рабочим столиком можно поставить в любой свободный уголок; за надёжность — умеючи, на ней можно шить и шёлк, и кожу; и за то, что строчила совсем негромко. Таня рукодельничала с удовольствием, пользуясь любой свободной минуткой, а их так мало во время учебного года, поэтому в отпуске летом она шила, хоть и по необходимости, но с особой радостью, и часто засиживалась допоздна.

Женя взял рубашку, а Таня протянула руки к пуговицам его пиджака.

— Давай помогу переодеться.

Мягко отстранив её руку, Евгений недовольно пробурчал:

— Я сам, что я, совсем беспомощный, немощный, что ли? Ты же знаешь, слово «по-мощь», — сказал он по слогам, приступив к переодеванию, — адресовано тем, у кого совсем нет мощи... вот тогда другому надо поделиться своей. А я что? Я просто замёрз.

— Не ворчи, Аристотель, — она быстро достала из деревянного ящика, что служил сундуком и стоял под кроватью, ещё одно одеяло, расправила его на постели, взбила подушку. Стремительно вышла на кухню, принесла, держа в полотенце, эмалированную кружку с дымящимся чаем, поставила на стол, сняла с локтя другое полотенце, мокрое, протянула мужу. — Хоть оботрись...

— Не надо... потом стирать... я умоюсь, — он прошёл на кухню к умывальнику и, шумно втянув носом домашнее тепло, радостно сказал: — Как тут малинкой пахнет! Красота.

— Я чай заварила с малиной... пропотеть бы тебе...

Летом они не только наварили малинового варенья, но и засушили ягод и листьев, и всё благодаря соседям, доброй пожилой паре — у тех в саду разросся большой малинник.

Когда Череповы только приехали в село, у них не было ни ложки, ни чашки, тут и выручили Ерофей и Дарья: их дом — сразу за забором. Вот уж правду говорят: иногда ближний сосед лучше дальней родни. Так и познакомились, а затем и подружились новосёлы с людьми непростой судьбы.

В посёлке их прозвали Близнецами-неразлучниками не оттого, что Ерофей и Дарья были очень похожи, а от любви большой — одной на двоих, да от беды большой, тоже одной на двоих.

До войны Ерофей и Дарья жили в соседних селеньях: он — в Ильинке, она — в селе Коммунист, а познакомились они на посиделках с танцами, где чаще всего у молодых и завязывались дружбы. После тяжёлых работ на колхозных полях молодёжь округи собиралась на отдых-гулянье в Рекорде, что как раз посередине пути между Коммунистом и Ильинкой. Свою просторную избу под вечерки отдавала Баба-радио — одинокая, совсем не старая, но и не молодая по деревенским меркам женщина. Никто настоящего имени её не помнил, а кто помнил, тот не называл, и когда её окликали по прозвищу, она не сердилась, а, похоже, даже гордилась этим. Но все знали: охотница она до всяких новостей. Детей Бог не дал ей, про мужа люди говорили: был давно какой-то заезжий казак-богатырь, влюбился в толстую бабу, построил дом большой, под стать обоим, да не заладилось у них что-то, и уехал он незадолго до войны. И стала жить хозяйка большого дома чужими радостями и бедами.

Каждый день Баба-радио важно садилась у ворот и наблюдала, кто куда прошёл, кто что понёс, и слушала, кто что сказал. Особый талант — всё видеть, всё слышать, сопоставлять и делать выводы. Потом к ней собирались другие любительницы новостей, и начинался «сельсовет», лилась речь из смешанных — и с оканьем, и с аканьем — волжских говоров. И если уж Баба-радио своё слово сказала, оно не подвергалось никаким сомнениям.

- Колька лопоухий нонче ой напился... — вздохнула одна из соседок.
- Всё из-за Дашки, гулять с ним не пошла, уши яво больно топыренные... Вот и гребтится у парня в душе, — веско резюмировала Баба-радио.
- Дуры девки, не в ушах шшаштье-то, — хихикнула другая.
- Да и не в гармошке, чай, — вздохнула первая.
- А слышали, чё было, когда кино «Светлый путь» привязали?
- Не...
- А за чё Ваньку-вруна таперь Вонюком прозвали, знаетья? — вскинула любопытный длинный нос Баба-радио.
- За што?
- А за то, што в нужнике яво чуть не сгубили. А было так. Привязли кино, а Нюрке с Катькой, подружкам-то, не утярпеть до конца, огурцов налопались, в животах у них так и канудит... Выскочили — и на двор. И шоб не ждать друг дружку, и в мужицкий, и в бабий... И токо сели, тут как бу-

зыкнет¹ чё-то, и как завопит: «Дявчат, спаситя!» Те с воплями дрыпать. А тут как раз народ. Девки: «Там в яме чёмор² сядит»...

— И чё?!

— Мужики кой-как выташшыли. Глядь — Ванька... — развела пухлые руки хозяйка двора.

— Видать, за враньё несусветное яво туда хто-то спровадил? Светлый путь указал.

— Авóхти... бяда... — всплеснула первая руками.

— Бяда, — подтвердила другая. — А хто спровадил?!

— Молчит про то Ванька.

— Да за што ж яво так-то?

— Болтал, девку каку-то спортил... Авторятету сябе волил³... — перешла на шёпот Баба-радио.

— Може, и спортил? — сощурила глазки одна из гостей.

— Може, да не из нашенских, не слыхала... — Баба-радио деловито скрестила руки на груди. — Вот и поддали авторятету, шоб не болтал чё не попадя.

— Как он таперича?!

— Два дня в ряке отмокал. Дух — дрянь... Вот и зовут таперь Вонюком.

— Чижало... — покачала головой первая.

— Знаю дело, чижало. Сорóм⁴... Какá девка таперь разве глянет?.. — цокнув языком, согласилась вторая.

Вот и в тот вечер, когда Ерофей и Дарья познакомились, с Ванькой случилась ещё одна история, до сих пор её нет-нет да и вспомнят.

Весной 41-го Ерофей вернулся из армии, отслужил три года. К тому времени ему исполнился двадцать один. Мать полюбовалась день-другой на возмужавшего сына да стала выталкивать его в люди:

— Чё дома сядеть? Поди-ка в Рекорд, девок на выданье полно. Неча валандаться, жаниться пара.

Мать постирала и тщательно отгладила тяжёлым чугунным утюгом гимнастёрку и брюки. Ерофей начистил сапоги и направился в дом Бабы-радио.

Нарядные девчата и парни сидят по лавкам вдоль стен, кто семечки лузгает, кто вяжет, кто с кем переговаривается. Ждут гармониста, с его приходом самое веселье начнётся, но вошёл Ерофей. Все взоры устремились на него. Девчата стали перешёптываться, переглядываться, парни —

¹ ударит (диалект.).

² нечистый, дьявол (диалект.).

³ хотел (диалект.).

⁴ Стыд, позор (диалект.).

присматриваться, мол, кто такой. Не успел Ерофей сказать «здрасьте», как следом вошёл Колька лопухий и сразу признал давнишнего друга. Они хоть и жили в разных посёлках, но вместе учились в Краснокутском сельскохозяйственном техникуме, да в колхозе работали вместе, на новых тракторах «Сталинцах» — гордости района. Только Николай был постарше Ерофея и в армию ушёл раньше, и вышло так, что друзья лет пять не виделись.

— Ероха! — Николай хлопнул друга по плечу, скинул со спины гармонь, поставил её на скамью, радостно обнял его широкие плечи. — Служака! Не узнать... Ну, девки, — крикнул он, развёл широко руки и сжал кулаки, — держись, в нашем полку прибыло!

Девчата захихикали, а одна — бойкая, рыжая — откинула косу с плеча:

— А чё нам рядовой? Курица — не птица, солдат — не офицер! — и по-лоснула по Ерофею зелёными глазищами.

— Дошутися ты, Дарья, нюхнёшь, ведьма, солдатского пороху, — шутиво погрозил пальцем Николай.

— Пошла похвальба, как стрельба, — девушка встрепенулась. — Играй лучше, а то куш-шно чявой-то, — зевнула громко, напоказ.

Дарья, хоть ей всего шестнадцать, уже завоевала в районе славу знатной доярки, девчата между собой прозвали её Оборучкой за то, что и левой, и правой легко работает, не только с коровами ловко управляет, но и рукоделие любое у неё ладится, и стряпня. Характером — смелая, цену себе знает и постоять за себя может. Многому жизнь научила девчонку, оставшуюся в голодном лютом 33-м круглой сиротой.

Дарья приосанилась, но не встала, звонок запела:

— *Гармонист, играй, играй,
гармонист, не вздрагивай.
Ты, гармошка, зазывай,
девок в круг затягивай.*

Николай подхватил гармонь, сел на скамью, заиграл. Девчата выскочили в центр комнаты, потянули за собой Дарью. Несколько ребят у скамеек поднялись, стали приплясывать, внимательно поглядывая на подружек — обратит ли какая на кого из них внимание, тогда они тоже выйдут в круг.

Так и нарастало напряжение: всё смелей слова в частушках, всё зажигательнее танцы. Когда желающие найти себе пару окажутся в кругу, их ожидал самый весёлый, самый интригующий момент — пляска «бычок». Парни и девушки вставали друг против друга, «стенка на стенку», да отплясывали: девчата, будто стесняясь, опускали глаза, прикрывали платочками лица, плавно поводили бёдрами, красовались; а парни перед

ними, как умели, выдавали трепака. Заканчивалось это действие поцелуем образовавшихся пар в щёки. Потом пары расходились на гулянье, парни провожали девушек до дома...

Но до «бычка» ещё нужно разогреться частушками. И девчата запели:

— Ня могу я без частушек,
ня могу без песен,
без гармошки заводной
мир кабутта тесен...

— Мы пололи огород,
парни веселилися.
Жарко стало, мы разделися,
паряньки сварилися...

Николай в звонкие голоса девчат добавил басу:

— Завела гармонь девчонку,
на лице блестят глаза,
ой, влюбилась в тракториста,
не сдержала тормоза.

Дарья сделала несколько шагов вперёд:

— Я в сомнение — как тут быть?
Оба парня нравятся!
Может, сразу двух любить,
ой, боюсь не справиться!..

— И-эх! — завизжала девчонка в кругу, подбадривая подружку.

Николай подмигнул Ерофею, мол, не дрейфь, а сам уже успел пожалеть о том, что у него в руках гармонь. Друг, не сводя глаз с рыжей девчонки, рванулся в круг, выбросил коленце, лихо похлопал себя по плечам, бёдрам и сапогам, будто отбил ладонями чечётку. Уперев руки в бока, важно выпятил грудь, пошёл на Дарью:

— Запою я, запою,
завяду страдания,
и дявчонку заманю
ночью на свидание.

Дарья вспыхнула, мотнула головой. Ерофею показалось, что краска с её лица перекинулась на волосы, коса начала змейиться огнём. Девушка сверкнула глазами, но не нашлась, что ответить. Вместо неё запела подружка:

— Наш солдат — чудака на моде,
любушка — доярочка,
все завидуют сёгдне
энттой новой парочке.

Дарья не ожидала такого подвоха, обхватила щёки руками, разбила круг и выскочила из избы. Ерофей рванулся было: «Догнать!.. Но вдруг испугается? И что люди подумают?» Тут и подружка Дарьи к нему подскочила, развела руки, преграждая дорогу, заиграла плечиками и запела:

— *Кошки душеньку скребут,
сердце в кровь царапают,
если девочки солдата
откровенно лапают.*

От смелых слов девчата захохотали, закружились, завизжали.

Вдруг на пороге показался Ванька-Вонюк. Девушки, брезгливо прыснув, разбежались по углам, затихли. Огорчённо сдулись меха гармошки. Парни застыли, кто где стоял. В центре комнаты остался только Ерофей. Он огляделся: некоторые девчата демонстративно зажали нос; многие ребята насупили брови; Николай отложил гармонь.

— Здравсьте, — вызывающе сказал Ванька и прошёл к центру.

— Здорово, — откликнулся Ерофей.

Остальные промолчали. Нависла тишина такая, что стало слышно, как жужжит муха под потолком у семилинейной лампы. Ерофей присмотрелся к вошедшему, узнал Ивана — местного хвастунишку; отметил, что тот из неуклюжего парнишки превратился в настоящего мужика. Сделал к нему шаг, протянул руку для приветствия, но тут между ними встрял Николай и, надменно задрвав голову, спросил:

— Чё пришёл, Вонюк?

— Кто-о?! — Ванька скорчил рожу.

— Сам знашь, хто, — съехидничал гармонист.

Ванька надулся, зло глянул исподлобья, покраснел, потом нервно начал дёргать штаны: расстёгивать деревянные пуговицы, развязывать верёвку, что служила ремнём. Наконец стянул штаны до колен. Девчата так и ахнули! Хорошо хоть длинная рубаха прикрывала срам. А Ванька медленно повернулся к Николаю задом и процедил через плечо:

— Понюхай, а може, поцалуй и кажи, вонят али нет.

От такой наглости все замерли. Ерофей, быстро поняв, что разыгранная сцена — продолжение серьёзного конфликта, что Ванька в этом театре — злой герой, вдруг резко пнул его под зад. Тот и растянулся до порога. Парни грозно захохотали. Девчата, испугавшись, что будет драка, загалдели: «Солдат Ваньку бьёт, ой, убьёт!» — и выскочили из избы. Но парни Ваньку бить не стали, Николай лишь брезгливо плюнул:

— Тебе тут жисти не будет, Вонюк. Запомни.

— Ишшо глянём, кому ня будет, — огрызнулся Иван, но на всякий случай прикрыл голову руками.

Николай плюнул на пол, взял гармонь и, обойдя Ивана, досадно сказал:

— Кончились танцы. Пока тут Вонюк, тут дышать нечем.

В дом ворвалась Баба-радио. Следом из-за спины хозяйки выглянула Дарья, бросила тревожный взгляд на Ерофея, потом на остальных и, оценив ситуацию, успокоилась, шмыгнула вон из избы. Жгучий Дарьин взгляд не ускользнул от Ерофея, сердце его ёкнуло. А Баба-радио, увидев недвижно лежащего полуголого Ваньку, картинно схватилась за сердце и заголосила:

— О-ёй, убили!

— Та кому он нужен, — презрительно отозвался кто-то из парней, — тронуть тошно.

— Пьяный, чё ль? — сразу же успокоившись, спросила хозяйка и недоумевающе посмотрела на ребят.

— Пьяных нет, Баб-радио, а трезвых не предвидится, — нарочито серьёзно сказал Николай.

Парни вновь по-молодецки громко захохотали. Ванька до этого момента и в самом деле не шевелился — боялся, но поняв, что гроза миновала, поднялся. Ребята загоготали ещё больше, а он стал торопливо напяливать штаны и при этом желчно рычать.

— Неча тут рыкать, соромник! — переметнулась на него Баба-радио и махнула рукой в сторону так, что чуть не ударила. — Шёл бы в свой курёнь¹ да поганого червя сваво из штанов не казал!

Изба взорвалась хохотом. Ванька гордо вскинул голову и, затаив злую обиду, направился восвояси.

Расстроенные девчата и парни нехотя расходились по домам. Ерофей заметил вдалеке Дарью, увидел, что её нагоняет Николай, и поспешил за ними. Николай, слышав шаги, оглянулся, недовольно пробурчал:

— Тебе в другу сторону.

Ерофей азартно хмыкнул:

— Хм, торёной тропкой пойдёшь — грибов не найдёшь...

— Ну-ну... — процедил сквозь зубы Николай, почувствовав в друге соперника.

— Не запрягши, не нукай, — широко улыбнулся Ерофей. — Ты ж знашь, грибок хоть и на ножке, а сам найдёт в лукошко.

— Ишь, грибник, гуторить научился... Ладно, в шутку сказано, да всерьёз задумано... Чё делать будем?

— Ну, чё... Проводим вдвоём, а там сама выберет...

¹ домишко (диалект).

Дарья выбрала Ерофея. В августе они хотели устроить помолвку, но в июне началась война. С первых дней Ерофей и Николай были призваны в армию, попали на фронт, с гвардейской частью дошли до Дона. Война разлучила друзей в 1942-м. Участвуя в контрнаступлении Юго-Западного фронта, в боях за Сталинград Ерофей был тяжело ранен — оторвало руку — и весной 43-го комиссован. Оставшись инвалидом, решил Дарье ничего не сообщать, домой не возвращаться, мучил, убеждал себя, что ей, такой бойкой красавице, калека не пара. Написал Николаю письмо, мол, будешь жив, возвращайся к Дарье, желаю вам счастья. Сам же остался на восстановлении Сталинградского тракторного завода, чтобы хоть как-то быть полезным фронту, родной земле...

А Дарья? Она всем сердцем верила, что война закончится победой, что они с Ерофеем будут вместе. Но ждать в тылу волю судьбы не хотела, «приписала» себе два года возраста — стала совершеннолетней, и уже в августе 41-го поступила на срочные медицинские курсы, готовившие младший медперсонал. По окончании попросилась в Сталинград, в один из госпиталей. Мечтала на фронте встретиться с Ерошей...

23 августа 1942 года, во время массовой бомбардировки их госпиталь сильно пострадал. Погибло много людей. Дарья осталась цела, но во время очередной вылазки за ранеными попала под обстрел, шальной осколок угодил ей в кисть... Казалось, неглубоко: стиснув зубы, ловкими пальцами сама вытащила кусок железа, туго перебинтовала руку и продолжила под лавиной огня вытаскивать из завалов ещё живых. О ране забыла... Началась гангрена. Хирург не смог спасти девушке кисть, но Дарья осталась служить при госпитале.

Однажды к ним поступил солдат с ранением шеи. Дарья узнала Николая. После того как ему сделали операцию, она дежурила возле него не одну ночь... Николай пришёл в себя и тоже узнал девушку. Долго они сквозь слёзы смотрели друг на друга, а когда он заметил, что у Даши нет кисти руки, почему-то странно улыбнулся.

— Чё хорошее вспомнил? — удивилась девушка.

Николаю было трудно говорить, он еле слышно прошептал:

— Ероха... жив...

— Знаешь, где он? — вскинулась Дарья. — С 42-го ни слуху, ни духу.

— Тут...

— Где тут?

— На тракторном.

— А почему он мне не написал?.. Чё с ним?

— Сама прознай...

В этот же день Дарья выпросила увольнение, поехала на тракторный завод. Нашла Ерофея...

Они поженились, став «близнецами» — с двумя полноценными руками на двоих, и уже больше никогда не разлучались. После Победы решили жить поближе к родным местам, поселились в Красном Октябре. Посёлок развивался, поднималось сельское хозяйство. Молодожёны вернулись к любимым профессиям: Дарья устроилась на ферму, приноровилась доить коров; Ерофей наловчился одной рукой тягать тракторные рычаги. Правление колхоза помогло героям построить новый дом. И в доме Близнецы все дела делали вместе: бельё Дарья стирала в тазу ногами, а полоскали и выжимали вдвоём; картошку чистили вместе... Всё вместе, даже те дела, с которыми можно было справиться поодиночке, старались делать в две руки. И зажили ладно.

* * *

В дверь постучали. Татьяна вспомнила, что не заперла ворота. «Кто в такую погоду?» — подумала она и, не спросив — чужие не ходили, в селе жили без страха, — открыла.

— Тётя Дарья?.. Войдите, — пригласила Таня соседку.

Та, стяхнув накинутую на голову клеёнку, переступила порог, прикрыла за собой дверь, проходить не стала.

— Скока просила, не «тётя»... не люблю, — пробурчала Дарья. — Гляжу, поздно совсем, а у вас свет всё горит и горит. Знаю, Женька в район ходил. Не случилось чаво? — по-матерински заботливо спросила соседка.

— Да... Замёрз он, простыл, похоже.

— Так айда к нам в баню. Хвороба без языка, а сказывацца, вовремя гнать её надо.

— Да где ж у вас баня-то? — удивилась Татьяна.

— Узнашь... Спит? — она кивнула в сторону комнаты.

— Нет.

— Женьк! — крикнула Дарья. — Айда! Парить тя будем. И не вздумай отнекаться... — и вновь глянула на Татьяну: — Хватай утиральник — и к нам. Баня — вторая мать... Ну, пойду, Ероше укажу, — Дарья торопливо открыла дверь, накинула клеёнку, за порогом оглянулась и строго добавила: — Не валандайтесь. Жар не ждёт.

Евгений и Татьяна вошли в большую комнату просторного дома соседей. Ерофей возился у огромной белой печи. Высокий, седой и сильный, несмотря

на множество морщин на лице, он выглядел моложаво. Ловко управлялся одной рукой, как раз закончил выгребать золу. Затем окликнул Дарью, и они вместе уложили в глубокий очаг печи широкую гладкую доску.

— Айда, шабер¹, раздевайся, — сказал хозяин гостю. — А вы, девки, — повернулся он к Дарье и Татьяне, по-хозяйски велел, — самовар запалите.

Женщины вышли, Евгений разделся.

— Чё стоишь? Полезай, — усмехнулся Ерофей и указал на горнило. — Да больно не шерудись, а то обожжёшься! Ложись хошь на спину, хошь на живот... Жар — само то! — всю хворобу выгонит. Заслонку задвину, не бойся. Лежи вдосталь, дыши. А станет немогоду — бузыкни.

Евгений осторожно залез в печь, улёгся, а Ерофей, закрывая заслонку, тихо проговорил:

— Святой... Всёмогущий... Всё трудное лёгким содей, Евгению помоги...

Когда гость вылез из печи, хозяин велел ему встать ногами в большую бадейку и из широкого ковшика несколько раз окатил гостя холодной водой.

— Снеговой бы ты, ну да ладно... — сказал Ерофей и указал на лавку: на ней лежали полотенце и чистое бельё. — Жена твоя позаботилась, утирайся. Порушки² выпьешь и на печь.

— Я домой... — еле проговорил Евгений: несмотря на то, что после жара ему дышалось легко, он чувствовал усталость, разомлел так, что даже языком шевелить не хотелось.

— Неча!.. Тут ляжешь, пятки к камням прижмёшь. Татьяну под бок положим, — хитро улыбнулся хозяин, — к утру как огурчик будешь.

Когда Евгений оделся, Ерофей крикнул:

— Дашунь!

Вошли Дарья и Татьяна. Хозяин схватил бадейку за сделанную из проволоки ручку и вышел. Таня скромно села на лавку у двери, а Дарья протянула гостю кружку с горячим душистым напитком.

— На... с лёгким паром.

Евгений с удовольствием отхлебнул, тихо крикнул:

— Спасибо. Сладко.

— Да ты сядь на лавку-то и пей... а потом на печё укутайся... совсем своим станешь, — хозяйка бросила ласковый взгляд и углубилась в комнату, начала хлопотать у стола.

— Как это «совсем своим»? — спросил Женя и сел у печи.

— А так, — отозвалась Дарья, — коли гость посидел на печё, значит, уж свой, как родной. Значит, домовый ты примет... — она достала из закутка скатерть, кивнула Татьяне: — Ну-ка...

¹ сосед (диалект).

² Отвар сухой малины с мёдом (диалект).

Таня подошла к столу, подхватила полотно, расстелила.

— Вы верите, что есть домовые? Сказки всё это... — Евгений, не торопясь, пил.

— Сказка — людям указка... Многое в сказке сокрыто — жизнь вековая, мудрость... Айда, торопче, — оглянувшись, уже строго кинула ему хозяйка. — Даром парили?.. Допил — взбирайся на печь, а мы тут чайку попьем.

Вернулся хозяин, вновь принялся хлопотать в печном углу. Женя допил последние глотки, залез на тёплую печку и понял, что никогда ещё в жизни не ощущал такого блаженства. Он с наслаждением улёгся на расстеленную овчину с тёплым особенным горьковатым духом, на пахнущую душистыми травами чистую подушку, укрылся тяжёлым лоскутным одеялом, прижал пятки к горячим кирпичам, что Ерофей и Дарья завернули в материю и подложили к его ногам.

Сверху комната показалась Евгению ещё просторней, и ему подумалось, что не печь построена в избе, а изба вокруг печи. Над дверной притолокой к лежанке тянутся широкие полаты, прикрытые пёстрой ситцевой шторкой. Такими же шторами занавешены четыре окна. У одного из них — деревянный стол на пузатых резных ножках. У стола по стенам — лавки, с двух других сторон — два тяжёлых стула с высокими прямыми спинками. В углу над лавками — полочка, на ней — иконы на вышитом рушнике, горит маленькая лампадка.

Дарья и Ерофей вышли, вернулись с ведёрным самоваром, водрузили его на стол. Ерофей достал с полки над столом кружки, поставил по трём сторонам, к самовару — вазочку с колотым комовым сахаром. Дарья откинула полотенце, которым была укрыта на столе тарелка с хлебом.

— Айда... — пригласила хозяйка, но сама за стол не торопилась.

Когда хозяин и гостя сели, Дарья разлила чай, только после этого опустилась на скамейку. Ерофей взял маленький кусочек сахара, положил в рот и с наслаждением шумно потянул из кружки. Таня бросила сахар в чай, попросила ложку, Дарья достала с полки, протянула. Таня начала осторожно размешивать.

— Негоже так, — заметил хозяин Татьяне.

— Почему? — изумилась гостя.

— Сахару тебе жалко? — встряла Дарья.

— Не жалко, да так вкусу нету. Вот когда сахар на языке катацца, тогда и сладко.

— Танюш, не слушай яво.

Но Ерофей не уступал:

— Вкуси с другой кружкой, поймёшь.

— Да мне одной хватит, спасибо, — засмушалась гостя.

— Тоже негоже. За чаем не сучаем, по семь кружек выпиваем.

— Вы всё поговорками разными изъясняетесь, — вступился Евгений. — Мне интересно, что вы такое говорили, когда заслонку за мной закрывали, вроде заклинание какое?

— Гуторил, — согласился Ерофей, не торопясь отхлебнул чай, причмокнул языком и тихо сказал: — Только то не заклатье, а молитва... Она всю войну оберегала... Вот и для ты сказал, штоб хворь вышла. И выйдет. Хошь верь, хошь не верь, а сила в молитве велика.

— Какая же сила? Хоть один пример приведите, — Евгений приподнялся на локте и заинтересованно глянул на хозяина.

— Прине-ер?... — протянул Ерофей, поставил кружку на стол. — А вот и пример... — он задумчиво склонил к плечу голову и тихо заговорил, будто рассказывал самую заповедную тайну. — Ты, я, все мы тут в жисти на малое время, гости, штоб душу свою понять и поднять. Я это познал в 42-м, коды руку оторвало... Страшно... ночь, дождь, холод... На Волге — сало, шуга то бишь... Нас погрузили на баржу, а фашист бомбит и бомбит. Пубивало, потонуло много... Тут я увидел в небе свет, думал, конец, потому лягло стало, боли нет... думал, блазницца... Потом, чую, шабер гуторит: «Што это?» — и в небо тарашится. Я понял: и он видит свет... Снова гляжу — в небе стоит сама Богородица, руки, што крылья... И враз тихо стало, не палят... Я тут и вспомнил: «Царице моя преблагая, надеждо моя, Богородице... Зриши мою бяду, зриши мою скорбь, помози ми...» И свет всё ярче... и ни одного выстрела... И молитву, што мать научила, вспомнил: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, Всёмогущий, ночь в день преврати... Всё трудное лёгким содей, помози ми...» Чую, и шабер за мной повторяет. Долго свет этот был, долго тихо было... Мы прошли Волгу... А на другой день немца погнали. И шабера моего в госпитале спасли, и я жив. Помогла всем Богородица, и война посолонь¹ повернулась, пошла на запад... Сам командарм потом в Сталинграде в храме затеплил свячу... Это люди воюют, войну затевают, а Бог — он с миром, он войну кончает и он — на стороне того, хто обороняется и других спасает... А человек в миру не хозяин, и в жисти ничяво просто так не бывает... Вот и стоит у нас образок Богородицы... Спаси, Господи... — хозяин замолчал, перекрестился. Перекрестилась и Дарья.

Татьяна слушала не шелохнувшись. Евгений, казалось, уснул, но он не спал, внимательно ловил каждое слово: удобно подмяв подушку, закрыл глаза, он не решался больше ни о чём спрашивать. Думал, верил и не верил в рассказ Ерофея, и не заметил, как уснул, да так крепко, что не слышал, когда рядом легла Татьяна. Ему привиделся странный сон.

¹ Движение по ходу солнца (здесь — от востока на запад).

Он вошёл в незнакомое высокое одноэтажное здание, внутри — один большой зал, всюду свечи и странные картины по стенам, между высокими окнами. Стоят люди, словно в очереди. Евгений встал в конце, сам не зная, зачем. Вдруг из угла, из двери в раззолочённой стене вышел человек в длинных одеждах, направился мимо всей очереди к нему и, не говоря ни слова, протянул Евгению странной формы булку. Евгений взял. Булочка оказалась твёрдой, она напоминала горшочек с плоской крышкой, на которой пропечатан какой-то рисунок. «Спасибо», — сказал Евгений и вышел из здания... Оказался в незнакомом старинном городе с небольшими домами, самые высокие — двухэтажные... их причудливые красноватые черепичные крыши тянутся к синему-синему небу. Солнца ещё не видно, но уже светло. Ранним утром улочка чистая, безлюдная. Дорога песчаная, однако её золотистый песок плотный, лежит ровно, гладко — так бывает, когда он утрамбован многими годами, и его не размывает даже дождевая вода. Евгений шагает уверенно, легко. Его манит горизонт, он видит кромку высокого берега, а за ним — море...

Вдруг сзади послышались шаги. Евгений оглянулся. Идёт человек в длинной светлой накидке, туго перехваченной верёвочным поясом. Человек босой, за плечами висит небольшая кожаная котомка. Он улыбнулся Евгению, как старому знакомому, и Евгений почувствовал странную радость, словно тоже узнал путника — его большие синие, как утреннее небо, глаза, длинные, слегка вьющиеся русые волосы, немного впалые щёки.

- Здравствуй, — сказал ему Евгений.
- Здравствуй, — ответил путник.
- Почему ты за мной идёшь?
- Наблюдаю.
- Зачем тебе?..
- Любопытно.
- А кто ты? Я вроде знаю тебя и не знаю. Не пойму.
- Знаешь и всё поймёшь... Только иди, не оглядывайся, не бойся.

Евгений отвернулся и пошёл дальше. В какой-то момент ему показалось, что путник исчез: отстал или свернул куда-то... Вдруг дорога стала ухабистой, словно большая вода, когда-то затопившая город, вымыла весь песок, оставив угловатые валуны. Евгений не стал искать обход, боялся заблудиться в незнакомом городе. Он осторожно перешагивал, порой перескакивал с одного камня на другой. Вот и берег уже не так далеко, манит по-прежнему. Что там ждёт? Евгений не знал, но чувствовал: что-то очень хорошее...

И вот он у цели. Но что же это? Крутой обрыв, пропасть и — не видно дна... Куда идти дальше? Назад?.. Только Евгений хотел оглянуться, как

почувствовал сильный толчок в спину... и он сорвался в пропасть... В последний миг увидел того, кто толкнул — путник стоял на краю, улыбался, глаза его восторженно сияли.

— За что? — в ужасе крикнул Евгений.

— Сам узнаешь, — послышалось в ответ.

Обида, боль сдавили сердце. От страха Евгений закрыл глаза. Напряжённо ждал момента, когда разобьётся... но момент всё не наступал, хотя Евгений чувствовал: он падает всё быстрее и быстрее, и вдруг... ощутил под ногами опору. Упал, вернее, встал на ноги мягко, словно кто-то поддержал его под руки и бережно опустил на землю: так заботливо мать опускает с рук ребёнка, отворачивает от себя лицом, чтобы тот учился ходить. Вновь послышалось:

— Иди, не оглядывайся...

Но никого рядом не было. Только безбрежный простор и необычно широкая, бескрайняя дорога. Евгений посмотрел под ноги, удивился: дорога настолько ровная, словно перед ним расстелилось причудливое поле-полотно из полированного агата, в котором бегут прожилки-реки. Сотни, тысячи рек — золотистых, чёрных, белых... Они прозрачны, глубоки до бесконечности. Они вовсе не каменные, не застывшие, а живые, словно бегут под невидимым тончайшим, но крепким стеклом, по которому можно идти. Он — у самого их устья. Реки прямо из-под ног, расширяясь, убегают вдаль, вливаются в бескрайний горизонт. Евгений сделал шаг, другой, третий... С каждым шагом он ощущал всё большую и большую радость — она вытесняла страх. Он поднял голову и увидел яркий свет...

Евгений проснулся, огляделся, узнал дом соседей. Рядом сладко спит жена, тихая, умиротворённая, улыбается во сне, губы её чуть подрагивают, словно она вот-вот что-то скажет... Как там у писателя?.. Вспомнил: «Кто не испытал волнения от едва слышного дыхания спящей молодой женщины, тот не поймёт, что такое нежность»... Ему захотелось поцеловать Таню, но он сдержался — жалко тревожить её благодатный отдых. Вспомнил вчерашний день, рассказ Ерофея, сегодняшний сон... Осторожно потянулся, глубоко беззвучно зевнул. Он здоров, полон сил: «Чудеса, да и только!..»

Евгений и Татьяна переехали в Рекорд. Новый дом встретил новосёлов простором и теплом. Домашних забот хватало с лихвой, но дела спорились с радостью.

Новая школа молодого директора с первых дней озадачила трудностями: успеть до осенней распутицы открыть интернат для детей, что приезжают

на учёбу из соседних сёл, снабдить всем необходимым жилые комнаты; в капитальном ремонте нуждалась старая котельная, а до холодов не так далеко, — важно запастись дровами и углём. В школе не хватает мебели: парт, классных досок; писчий мел — и тот нужно выбить из области; каждого ученика обеспечить чернильницами и учебниками; кабинеты оборудовать наглядными пособиями, а их, несмотря на провозглашённый партией курс на преодоление различий между городом и советской деревней, не найти в сельских магазинах.

Для успешного решения задач важно наладить общую школьную дисциплину, и Евгений Андреевич не шёл ни на какие компромиссы. Сочетая деликатность и строгость, требовал от педагогов неустанной профессиональной работы: не просто быть вовремя в школе и дать урок, а постоянно заниматься самообразованием, регулярно готовиться к занятиям, даже в том случае, если учитель уверен, что материал знает наизусть. Прогресс и наука на месте не стоят, важно идти в ногу со временем, пополнять учебный материал яркими примерами из жизни, литературы, художественного творчества. Директор, не скупясь, выписал на школьную библиотеку журналы: «Искусство», «Мурзилка», научно-популярный «Наука и жизнь», научно-педагогический «Воспитание школьников», литературно-художественные «Юность» и «Роман-газета».

— Куды стока бумаги? — недоумённо спросила завхоз, когда в школу первый раз привезли подписные издания. — Што, все учителя — засранцы?..

— Разве вы не читаете журналы? — директор был обескуражен таким непредвиденным выводом.

— Я и так чё надо знаю. Чё в них читать, глаза портить... Хм, — грубо усмехнулась завхоз, — тока в нужнике от скуки гляжу, покуда не порвала... — прозвучал авторитетный ответ.

— Теперь в библиотеке будете глядеть.

— Понятно... — неуклюже пожал плечами тучная пожилая женщина. — А когда гора из них скопится, куды дывать?..

— Интересное сохраним, что-то пойдёт на оформление классов... А гору сдадим в макулатуру, ещё и денег на этом заработаем.

— Всё не по уму... заплати, штоб привязли, потом сдай, штоб заработать... — пробурчала Авдотья Семёновна, раскладывая журналы на полки.

Особо строгие требования руководитель выдвигал к внешнему виду учителей: в одежде должна быть опрятность, чистота и... соответствующая длина юбок — чуть выше колена; и молодым учительницам, не смотря на моду мини, ничего не оставалось, как расшить забранные повыше подолы.

В новой школе выявилась и такая проблема: многие дети были не приучены сидеть на занятии от звонка до звонка, могли спокойно уйти, не дожидаясь перемены. Директор настаивал: поведение учеников зависит от учителя, от того, насколько интересен детям его урок, как увлекательно педагог доносит правила, которым ученики должны не просто подчиниться, а сердцем их принять. Для этого с первых дней нужно работать с детьми в игровой форме, ни в коем случае не наказывать трудовыми поручениями или оценками, не отчитывать обидными словами, не выставлять учеников из класса. Труд и учёба должны быть в радость. Директор запретил учителям записывать в дневники ребят любые замечания. Если что-то не ладится, педагог должен выяснить причину — она кроется либо в семье ребёнка, поэтому важно бывать у каждого ученика дома, даже, если нужно, идти или ехать в соседнее село; либо в самом педагоге. Третьего не дано.

— Воспитание личности должно основываться только на взаимоуважении и доверии педагога и ученика, — говорил Евгений Андреевич на педсовете. — Если вы стали ребёнку другом — а вы просто обязаны стать другом! — если ваша дружба строится на доброте искренней, разумной, на человечности, сочетающей добродушие и строгую мудрость, то в ребёнке никогда не появятся обида и зло. Он будет чувствовать вашу справедливость и сам стремиться к такой же справедливости. Ещё Аристотель говорил, что все добродетели выходят из справедливости. А если в вашем классе есть злые, недоверчивые дети — это показатель: вы не нашли подхода к ним, не полюбили их сердцем и тем самым закрыли их сердца. Учитель должен стать для каждого ребёнка таким же близким человеком, как отец и мать — в этом успех воспитания, а значит, и учёбы...

Евгений хорошо помнил себя маленьким. Когда он пришёл в школу, то очень скучал по маме и тоже, бывало, уходил с уроков домой. В первый раз учительница не отругала, не наказала его, а прочитала всему классу рассказ Льва Толстого «Филиппок» и объяснила детям: «Если вы считаете себя уже большими и хотите учиться в школе, то никакие трудности не должны вас пугать...» А когда Женя убежал из школы второй, третий раз, то учительница пришла к нему домой и без жалоб и нотаций посоветовала родителям привести Женю-Филиппка в школу на следующий год: «Пусть немного подрастёт». Жене тогда не было семи...

Теперь он директор, и нельзя ждать, когда подрастёшь — на следующий год решение проблем не переложить... и за других в ответе.

Однажды он вернулся домой и застал Татьяну в слезах.

— Тебе плохо? — испугался Евгений.

— Плохо,— выдохнула Таня. Она сидела за столом, перед ней лежали раскрытые тетради и книги.

Евгений быстро подошёл к ней, склонился, с тревогой заглянул в глаза:

— Что случилось? Врача?..

— Нет...

— Что тогда? — он присел на стул рядом, погладил прохладную ладонь жены.

— Не знаю, как быть... просто беда,— она всхлипнула, утёрла щёки, затем встала, прошла по комнате, задержалась у окна. Таня не знала, как найти нужные слова, чтобы объяснить то, что произошло, то, что она чувствует, и какие сомнения закрались в душу... Не глядя на мужа, она заговорила, начав с главного — с того, что больше всего её мучило: — Я плохой педагог... тебе надо меня уволить,— выдохнула, словно вынесла самой себе приговор.

Евгений терпеливо ждал, и Таня, не оборачиваясь, продолжила:

— Этот Василий Мухин, ты знаешь, сын Аннушки-почтальонши, на прошлом уроке встал и направился к двери. Я его остановила, вернула на место, объяснила: «Надо разрешения спрашивать...» А он: «Чё спрашивать? Я срать хочу». Я ему совершенно спокойно: «Причина уважительная, но правила поведения...» А сегодня он весь урок сидел, будто обиженный. Вижу, хочет что-то спросить, но руку не тянет. Надул щёки, молчит, и я как бы не обращаю внимания на его обиду, должен понять, остальные же поняли... Сначала ждала, когда упрямец созреет, а потом сама подошла, решила с ним и со всеми игру «Сосед, подними руку» повторить, чтобы раскрепостить, а он... В общем, наложил в штаны. Представляешь?.. — она оглянулась на мужа, тот внимательно её слушал, и она повернулась к нему. — Скажу честно, я растерялась... Присела перед Васей, боясь даже дотронуться до него... и не потому, что запах, а подумала, вдруг как-то не такотреагирует, побежит, и дети всё поймут... «Посиди», — говорю, а детям: «Урок окончен». Отпустила их, благо последний урок... Когда все ушли, побежала в столовую, попросила тёплой воды, вымыла бедолагу в туалете. Застирала всё. У завхоза нашла сухое, передела, отправила домой... Так пришёл его отец и меня, как школьницу, отчитал: «Не могёшь учить — не лезь». Я ему: «Иван Петрович, вашему сыну уже одиннадцать лет, а элементарных вещей не знает». А он: «У меня трое детей! Никто никогда не срамил их! Увольняйся, коль не могёшь...» Сто раз это «не могёшь»... Хорошо, детей не было... Такого наговорил, повторять не хочется.

Евгений улынулся, подошёл к Татьяне, привлёк к себе, обнял.

— Не переживай так, всякое бывает.

— Не могу... никак не думала... конечно, я виновата...

- Держись, Танюшастик.
- А может, прав Иван Петрович? — в её взгляде мелькнуло отчаянье. — Но так ругаться!.. Он же плотник, взрослый, умудрённый человек... Не бедствуют, и жена у него молодая, сколько раз видела: он ей почту помогает разносить, ей-то непросто с тремя... Женя, — всхлинула Татьяна, — я не справляюсь... Может, мне и правда уйти?..
- Ты замечательная учительница. Я тебя никогда не уволю.
- Всё шутишь, — она прижалась к его груди, вслушалась, как бьётся его сердце. Мерные удары немного успокоили, словно с ними Татьяне передавалась уверенность мужа, отринувшая её отчаянье.
- Я уже знаю об этом ЧП.
- Откуда? — Таня вскинула удивлённый взгляд. — Неужто Авдотья Семёновна?..
- Классика жанра, родная... Что деревня — то обычай, а что знает кум, знает кумова жена, а по ней и вся деревня... Тут в Рекорде не один любопытный персонаж. Раньше мы из книжек о таком узнавали, а здесь — жизнь, судьбы... У завхоза-то нашего, оказывается, прозвище есть.
- Какое?
- Баба-радио. Всё знает, обо всём имеет своё суждение, и оно, между прочим, пользуется авторитетом. Хотя и за шестьдесят ей, а энергии — на десятерых. Да, это она мне рассказала... и не только про твоё ЧП, а и про то, что однажды, давно, с Иваном Петровичем Мухиным приключилось. И смех, и грех...
- Неужели вот так специально пришла и рассказала?
- Характер у неё такой. Но не из вредности она, с сочувствием к тебе, поверь... Историю прелюбопытную поведала. Знаешь, Иван Петрович когда-то в Дарьюшку был влюблён. А Дарья тогда, если можно так сказать, первой девкой на деревне была. И Ерофея Иван Петрович хорошо знает. Это теперь Дарья и Ерофей в Красном Октябре, а раньше здесь, в соседних сёлах жили... Присядем?
- Они вернулись к столу. Евгений рассказал историю Ивана-Вонюка.
- Да-а... — протянула Татьяна, — кто бы мог подумать...
- Вот он и ходит всю жизнь на жизнь обиженный... А Николай Прокосьевич, начальник районо — это и есть тот самый Николай-гармонист, друг Ерофея... Тоже к Дарье был неравнодушен, представляешь?
- Мир тесен... Но ты не поощряй Авдотью Семёновну. Всё же это сплетни.
- Танюша... — протянул Евгений, будто обиделся, — ну что ты?.. Я Авдотье Семёновне наказал язык за зубами держать. Молодёжь села, дети

Мухина некрасивой этой истории не знают, и не надо. У всего есть срок давности.

— И правильно. И сын за отца не в ответе. Нельзя, чтобы над Василием смеялись... А Бабе-радио, ой, Авдотье Семёновне, я тоже велела молчать о сегодняшнем ЧП, а видишь, как всё.

— Всё непросто... Но мы с тобой справимся.

Утро. Морозное оранжевое солнце медленно поднимается над выстывающим прудом. Вода парит. Туман окутывает степь. Косым глазом луна из последних сил проглядывает сквозь пелену сверкающего инея, который заполонил собою всё пространство и неподвижно завис в воздухе. Застыла и тишина. Ничто её не нарушает: ни лай собак, ни скрип шагов, ни птичий возглас. И ни одна веточка не дрогнет и не обронит маленькой снежинки. Даже пушистый седой камыш не шелохнётся в заснеженной низине. Всё вокруг оцепенело. Кажется, что и солнце примёрзло к горизонту...

Настоящим испытанием для школы и её обитателей стала первая зима — метельная, морозная. Перебои с электричеством выводили из строя оборудование старой котельной. Директору приходилось бросать все силы на восстановление тепла, нередко самому, помимо дежурства в интернате, оставаться в школе на ночь; но, несмотря ни на что, каждое утро школа просыпалась рано. Директор, сторож и завхоз первыми встречали учителей и учеников, к их приходу дорожки уже были расчищены, в классах тепло, Евгений Андреевич заглядывал в каждый из них и перед началом занятий, и после их окончания. Хозяйственные проблемы, хоть и с боем, но благодаря авторитету и настырности молодого руководителя решались. А вот личные...

Отшумело по-школьному суетное, по-зимнему запоздалое утро. Незаметно пролетел короткий день. Евгений стоял в кабинете у окна и смотрел, как причудливый иней распушил голые ветки стройных берёз и развесистых ив, что дружным хороводом окружили пруд. Тихо. Детей из интерната увезли — завтра выходной. Скоро новогодние праздники. Уже и ёлку в спортивном зале поставили: пришлось директору самому за нею ехать в район, там упустили из виду, что новой школе тоже нужна новогодняя красавица. Нарядили. В каждом классе ребята своими руками смастерили новогодние игрушки — Таня много разных приёмов подсказала детям, как из цветной бумаги, обычного клейстера и пёстрых ненужных лоскутков делать забавные украшения.

Тихо. Самое время пойти домой и отдохнуть. Но домой идти Евгению совсем не хотелось. Он стоял и стоял у окна, словно тоже застыл, на душе

не то что кошки скребли, а волки рвали её на куски и тоскливо, тревожно выли. Таня снова попала в больницу. Он винил в этом себя: не уберёт.

Ещё в начале декабря его срочно вызвали в районо. Он спокойно собрался и поехал, думал, обычные предновогодние хлопоты. Но Николай Прокопьевич встретил его суровым взглядом, и когда Евгений заходил в кабинет, тот попросил плотней закрыть за собой дверь, по-деловому сухо предложил присесть к столу. Они были одни. Николай Прокопьевич помолчал, словно обдумывал, с чего начать разговор, нервно поправил на шее шарф, тихо вымолвил:

— Евгений Андреевич, я пригласил вас для откровенного разговора... Дело в том, что на вас, верней, на вашу супругу поступила анонимка. Я понимаю, давно прошли времена, когда, как говорится, без суда и следствия... Да и анонимка, в общем, не имеет юридической силы, но всё же факт неприятный. Скажите, пожалуйста, всё ли у вас в школе хорошо?

Оторопь и волна гнева охватили Евгения: «Чудовищно!.. На Таню анонимка?! Бред!!!» Он тяжело глотнул. Николай Прокопьевич заметил смятение учителя, налил из графина, стоящего на столе, стакан воды, протянул ему.

— Попейте.

— Спасибо, — прохрипел Евгений, жадно глотнул.

— Поверьте, — твёрдо сказал начальник районо, — я просто хочу понять, почему вдруг кто-то пошёл на пакость? По-другому назвать это не могу... и кто этот кто-то?.. Итак, Евгений Андреевич, всё ли у вас в школе хорошо?

— Ну, смотря в каком смысле рассматривать это всё, — с трудом заговорил молодой руководитель. — Сами знаете, трудностей много...

— Я имею в виду взаимоотношения в коллективе.

— На мой взгляд, всё хорошо. Коллектив дружный, педагоги увлечённые, люди честные...

— Может, вы супруге какие-то поблажки на работе даёте, другие заметили, сочли за несправедливость?

— Да она сама себе поблажек не позволит!.. — взволнованно возразил Евгений, вновь отпил из стакана и уже спокойней: — А в чём, собственно, обвиняют?

Николай Прокопьевич напряжённо посмотрел на директора школы, встал, откашлялся, губы его несколько раз нервно дёрнулись. Он вышел из-за стола, сел на свободный стул рядом. Евгений повернулся, чтобы не сидеть к начальнику боком, и открыто посмотрел в его тёмные глаза. Николай Прокопьевич облокотился на стол, слегка подпёр кулаком щёку, взгляд его при этом стал ещё пристальнее, но Евгений в нём нашёл только доверие.

— Понимаете, Евгений Андреевич... — после затянувшейся паузы Николай Прокопьевич шумно вдохнул, поднял голову и неожиданно стукнул ладонью по столу. — Ну, откровенно — так откровенно!.. Аноним пишет, что отец Татьяны Корнеевны — из эзков... В общем, что она дочь врага народа, мол, скрывает, что немка... ненавидит детей, поэтому не заводит своих... на уроках применяет фашистские методы воспитания...

Евгений онемел. Он ощутил себя рыбой, выброшенной на раскалённый песок. Николай Прокопьевич пододвинул ему стакан. Тот шумно допил. Руководитель района спокойно продолжил:

— Я посмотрел документы Татьяны Корнеевны, автобиографию. Она не скрывает, что её отец по происхождению немец, что реабилитирован. Признаться, меня это вообще не волнует, время было непростое. Тревожит вот что: во-первых, *кто* мог это написать? во-вторых, *как* аноним узнал такие факты? и, в-третьих, о какой такой *фашистской* жестокости идёт речь или это всё фантазии кляузника.

— Не знаю ответа ни на первый вопрос, ни на второй, ни на третий. Ума не приложу... — голос Евгения Андреевича сипел. — Я твёрдо уверен, что никто из нашего коллектива такого написать не мог. Никто! Татьяна ни с кем не обсуждает своего происхождения. И знаю, она никаких таких методов просто по характеру своему, по складу души позволить себе не может... — Евгений покраснел. — Она безумно любит детей, — он опустил глаза, — а своих...

— Спасибо, — перебил Николай Прокопьевич, потёр затылок и шею, поправил шарф. — Я услышал, что для меня важно. Наведаюсь к вам в школу, скажем так, неофициально, с дружеским визитом...

Вернувшись домой, Евгений решил ничего не говорить Татьяне, но она, только взглянув на него, не на шутку встревожилась:

— Что случилось?

— Ничего, Танюша, просто устал.

— Ты не умеешь лгать. Я вижу. И потом, вспомни наш уговор на свадьбе.

— Танюш, ты шантажируешь, — Евгений попытался улыбнуться. Он впервые со страхом понял, каким тяжким грузом иногда может обернуться правда, и какую огромную ответственность они с Таней однажды взяли на себя, играючи пообещав друг другу быть предельно откровенными. Подумал: «Может, действительно, лучше маленькая ложь?.. Но что бы такое сказать?..»

Татьяна как будто прочитала его мысли. Подошла, пылливо глянула:

— Лучше горькая правда... — она напряжённо улыбнулась. — Неужели всё настолько серьёзно?

— Пустяк, совершенно не стоящий твоего внимания, — поспешил успокоить её Евгений.

— Муж, где твоя логика? — она крепко обхватила его за шею. — Если пустяк, то ради чего увиливать? Женя...

Пути назад не было, и Евгений, опуская подробности, рассказал об анонимке. Торопливо добавил:

— Только ты не волнуйся, Николай Прокопьевич... в общем, он справедливый, просто хочет знать, кто это сделал... и мне хотелось бы это знать...

— Спасибо, что сказал... — голос её дрогнул, хотя внешне Таня осталась спокойной. Она ушла на кухню, оттуда позвала ужинать. Вечером они, как обычно, посмотрели программу «Время», обсудили предстоящие зимние каникулы — те уже не за горами, и на них много планов, одни сессии в вузах сколько потребуют сил... Легли спать. Утром Тане стало плохо. Женя вызвал врача. Таню увезли в больницу, в Красный Кут.

Евгений смотрел в окно. Вечерело. Зимой рано темнеет, а фонарей в селе совсем немного. Улицы всё больше освещаются окнами домов да лампами, что заботливые хозяева подвешивают под козырьками своих крылечек. Первые огни приветливо зажглись. Евгений думал о Татьяне, ему представились её глаза: всегда немного грустные, но от этого ещё более загадочные и красивые... На душе стало теплей. «Всё будет хорошо, как говорит Таня, всё будет ладно», — подумал он и поймал себя на том, что уличные огни вдруг стали казаться ему не такими уж чужими и холодными, какими казались в первое время, когда он и Таня только-только перебрались в Рекорд. Тогда село для них было неудобным, чужим. А теперь?.. Столько всего произошло, будто пролетел уже не один год. Быстро человек привыкает к переменам, удивительно быстро, особенно если греет надежда на успех, если есть мечта... Она-то и ведёт, она-то и толкает на преодоление себя, на непростой, но кажущийся единственно верным путь. А откуда берётся мечта? Из самой природы, как и дух человеческий. И если бы человек не умел мечтать? Возможна ли без этого его жизнь? Наверное, да, как у холодного камня, умершего дерева... умершего — значит, застывшего, скованного, бездвижного... Значит, именно мечта побуждает двигаться и жить, без неё у человека ничего бы не было: он бы не творил, не передавал знания, значит, не создавал бы школ, не изучал наук... не было бы стихов, картин, музыки... Кто-то мудро сказал, что из мечты можно даже варенье сварить, если добавить фруктов и сахара. Значит, только мечта вдохновляет на поиск пути, только она и ведёт и даёт убеждённость, что путь верный. Мечта определяет выбор и даёт в несвободе свободу...

Небо прояснилось, мороз усилился. Вчера Евгений ждал от Татьяны звонка, но она не позвонила, а может, он сам в этой суматохе пропустил звонок? Может, она позвонит сегодня? «Завтра обязательно поеду к ней», — подумал он.

В дверь неожиданно постучали. Звук показался настолько резким, что Евгений вздрогнул, но от окна не отвернулся, ответил:

— Войдите.

В кабинет осторожно, словно боясь нарушить тишину, переваливаясь с ноги на ногу, вошла Авдотья Семёновна. От тяжести своего большого тела она шумно дышала, её большие обрюзгшие щёки залила краска — так всегда бывает, когда человек с мороза попадает в тёплое помещение.

— Здравсьте, Евгений Андреич. Чё эт вы без свету? — она по-хозяйски щёлкнула выключателем. — Вот, вернулась.

— Здравствуйте, — мягко ответил он, коротко посмотрел в её сторону, махнул рукой, мол, присаживайтесь, и вновь, скрестив руки на груди, отвернулся к окну. Задумчиво, как бы нехотя, спросил:

— Ну, как съездили?..

— Хорошо съездила, — прокряхтела она, усаживаясь.

— Хорошо, что хорошо... — безучастно проговорил Евгений Андреевич.

Авдотья Семёновна откуда-то из недр объёмной кожаной — то ли хозяйственной, то ли дамской — сумки достала вдвое сложенный тетрадный лист, не разворачивая, положила перед собой.

— А вы-то как тут? — она продолжала копаться в сумке.

Директор не ответил. Тогда она оторвалась от своего занятия, подняла голову и сказала громче:

— Евгений Андреич, я — к вам... Как у вас?..

— Да-да... — он глубоко вздохнул и, наконец-то, отошёл от окна, сел за стол. — Извините... как у нас?.. В голове промелькнуло: «Что за вопрос? Ко мне лично или о школе?..» У нас снова была тяжёлая ночь. Если честно, нам очень вас не хватало... И очень, извините, любопытно, что за срочные дела такие были у вас в районе? — он внимательно посмотрел в кажущиеся щёлочками из-за нависших век тёмные глаза завхоза.

Авдотья Семёновна сочувственно посмотрела на директора, отметила его уставший вид: лицо осунулось, брови сомкнулись у переносицы, губы так сжаты, что уголки печально опустились. Подумала: «Снова не спал, и голодный, поди... Позвать на ужин? Пойдёт ли...» Вслух сказала:

— Были дела... к дочке ездила, — глаза её загадочно блеснули.

— Простите, разве у вас есть дочь? — он оживился.

— До нынешнего году не было, а таперь есть.

— Хм... так не бывает, — недоверчиво покачал головой Евгений Андреевич.

— Бывает, — возразила Авдотья Семёновна и по-детски, словно дразнилась, хитро подняла брови, кивнула. — Вот и письмо вам от неё.

— Мне?

— Угу. Гляньте, — подвинула листок. — Ток не сердчайте, — она предупредительно выставила пухлую ладонь и энергично замотала головой, при этом щёки её мелко задрожали.

Евгений развернул лист и обомлел: письмо от Татьяны.

«Родной мой, здравствуй.

Вчера до тебя не дозвонилась, наверное, в школе снова с котельной проблемы... Обо мне не волнуйся, я иду на поправку, надеюсь, в понедельник или во вторник выпишут. Врач сказал, что причиной моего срыва послужило переутомление. Надо отдыхать, высыпаться, не нервничать. Всё так просто! Послушаешь и подумаешь: чтобы быть здоровым, надо не жить. Лишить себя эмоций не только грустных, но и радостных — они, оказывается, одинаково вредны для сердца. Надо ни на что не обращать внимания, тогда здоровеньким погрёшь. А я считаю, лучше прожить короткую жизнь, но яркую.

Знаешь, я тут на досуге обо всём поразмыслила и решила: уволюсь. Так и тебе будет лучше, и кто-то лишится причины и удовольствия пакостничать. И мне лучше: полечусь, отдохну немного, устроюсь в библиотеку, спокойно диплом напишу. В библиотеке тихо — книги, хоть и говорливые, но не шумные, как дети (шучу). Женя, я твёрдо решила! Не отговаривай меня. Авдотья Семёновна тебе передаст моё заявление. Подпиши, пожалуйста.

А завхоз наша — чудесная женщина. Она проявила такое участие и заботу, как мама.

Ты ко мне не приезжай, у тебя перед Новым годом забот невпроворот, лучше отдохни, побереги себя. Мне ничего не нужно. Кормят хорошо, читаю, отдыхаю, не нервничаю, честное слово. В общем, живу, как велел врач. Скоро буду дома.

Целую.

Твой Танюшастик».

Дочитав, Евгений ещё раз глазами пробежался по листку. «Значит, Таня всё решила. Может, она права?.. Её решение — не бегство, а взвешенный поступок. Как она умеет пронзительно и в то же время отстранённо видеть ситуацию! Мудрая моя... Да, ей надо отдохнуть, взять тайм-аут... Прорвёмся».

Он аккуратно сложил листок и спрятал за пазуху. Протянул к Авдотье Семёновне руку и спокойно сказал:

— Давайте заявление.

Та снова закопошилась в сумке, аккуратно вытащила журнал «Работница», раскрыла и положила на стол директору. На распахнутой странице лежало заявление. Евгений Андреевич прочитал и положил обратно в журнал:

— Подпишу, когда Татьяна Корнеевна выпишется, — пояснил он и спохватился. — А это ваш журнал?.. Извините...

— Мой... но ничё, оставляйте сябе... А вот ишо, — рука её вновь нырнула в сумку, и на столе появилась литровая банка варенья. — Малинное. Эт от Дашки с Ерошкой, ой... — она смущённо прикрыла рот.

Евгений Андреевич улыбнулся:

— Вот так гостинец! А к ним-то вы как попали?

— Так... Дарья сама пряхала, как прознала, што Татьяна Корневна в больнице. От и встренулись. Я вот што... Мы с Дашкой потолковали... знаем, хто анонимку написал...

— Кто?

— Ванька-Вонюк... ну, Ванька Мухин. Я давно чуяла, шибко много про всех знает... Евгений Андреич, он Аннушке-то помогает письма таскать, а сам читает их втихаря. Он Ерошке хвастался, што прознал, што отец Таньки... ой, — осеклась она, — Татьяны Корневны — ре-репряс-сированный... Дурак Ванька, не могёт не хвастаться... Он Ерошке из-за Дашки всю жисть завидует... Так всё и сходится: тока он и мог написать, тока Вонюк... А вот ишо... можете и меня уволить по статье, но я Кольке-гармонисту, то бишь Николаю Прокопичу, всё сказала. Пошла да сказала, что Ванька-Вонюк анонимку написал, — она разгорячённо хлопнула ладонью по столу, гордо выпрямила спину и искоса глянула на директора.

— Вы не правы, Авдотья Семёновна.

— Как так? — искренне удивилась она.

— Да так. Нельзя бездоказательно обвинять человека.

— Ой! А чё яво обвинять? Колька-гармонист пряедет, пряжмёт, тот и сознается. Трус он... А я ишо кой-чаво знаю, точно знаю, да всё молчала, потому как деток яво жалко... А мне давно фельдшарица призналась, што справку яму, кода война началась, отписала... Она всю жисть совестью болеет, што тогда поверила яму... А вышло вроде как не... не... нехвали-фицирована она, вот... Он в войну в деревне и отсыделся... так што признается!.. Фельдшарица-то жива, слава Богу... Вонюк был, Вонюк и остался! — выпалила Авдотья Семёновна.

Какой такой злой рок или какая такая нечаянная каверза природы иногда награждают человека настолько дурным характером, что он превращается в безвольного лодыря, который, осознавая свой порок, не может или не хочет ему противостоять? «Никто не совершает зла по доброй воле, — говорил

Сократ, — а если совершает что-то плохое, то лишь по двум причинам: либо не ведая, что творит, либо оказываясь чем-то пересилён». Чем может быть пересилён человек, какие такие обстоятельства судьбы могут толкать его на злой поступок?.. Голод? — да, может. Страх смерти? — да, может, потому что самосохранение — главный из всех мотивов поведения. Но если угрозы жизни нет, тогда что движет человеком? Чувство, которому он поддаётся, потому что слаб. А если поддаётся, значит, всё-таки ведает, что творит?.. Ведает, но грязнет в нарастающей ржавчине недовольства собой, в слепой зависти к удачам других. А так ли уж зависть слепа? Скорее, слепо безмерное вожделение насладиться чужими ошибками. И, подобно опарышу, докопавшись до чьих-то слабостей и тайн, посмаковать их, подтвердив самому себе: а я не хуже! а тот не лучше!.. И, насытив свою душонку чужой болью, удовлетворив свою неуёмную гордыню тем, что кто-то оказался слабей, совершил ошибку, почувствовать себя вознесённым на победный пьедестал самодовольства. А если ещё и сильного человека, априори воспринимаемого как врага, удаётся унижить, пусть даже посредством лжи, то это высшая степень самомнения. Гордыня — лишь она — толкает на подлость. И тут страшно одно: сделав шаг на дорогу подлости, трудно остановиться.

После того, как в школу приехал Николай Прокопьевич, после его встречи в кабинете Евгения Андреевича с Иваном Петровичем Мухиным, после обстоятельного разговора последний принял единственно правильное для него решение: навсегда уехать из Рекорда.

— Давно говорил, тебе здесь не жить, — брезгливо процедил Николай, обращаясь к Ивану. — Давно... Но думал, ты образумился, а ты?.. Уезжай подобру-поздорову, подумай о жене и детях, не калечь им судьбы...

Татьяна выписалась из больницы и уволилась из школы, полгода восстанавливала силы, затем устроилась, как и хотела, в библиотеку. Но без любимой профессии она затосковала: ей не хватало общения, детских глаз, того дела, что и работой назвать трудно. Она поняла: только в школе, несмотря ни на какие невзгоды, она сможет ощущать радость творчества, которая будет подогревать интерес к жизни, а значит, дарить здоровье. Отдав целый год библиотеке и молчаливо говорящим книгам, окончив за это относительно спокойное время институт, она написала заявление директору школы о приёме на работу на должность учителя русского языка и литературы. Конечно же, директор подписал его с радостью.

Татьяна Корнеевна вновь переступила школьный порог и остро ощутила — здесь её место, её роль, предопределяющая судьбу, дающая шанс жить ярко, с полной отдачей...

Скрипнула старая половица в коридоре, и скрип этот вдруг показался Татьяне таким мелодичным и радостным, что ей сразу представилось: скоро школьные коридоры и классы наполнятся детскими голосами, играми, спорами, той неповторимой шумной вознёй, которая всегда сопутствует большому скоплению детей. И шум этот завораживает, рассеивает тревоги, вызывает ощущение свободы и наполненности каждого мгновения жизни. Таня огляделась: окна светлые, чистые, классы отремонтированы к новому учебному году... На сердце стало легко — ещё одно дыхание открылось.

Привычная картина села вдруг приобрела новые краски, словно дома и деревья умылись тёплым дождём. Пруды смешали небесную синь и прохладу родниковой воды и теперь зазывно волнуются, блестят под ласковым солнцем. Степь перестала казаться пустынной и угрюмой — она до сладости пропиталась терпкими ароматами: стойкой полыни, пыльной придорожной лебеды, белёсой горячей земли, сухой щетинистой полевой травы. Звонче зазвенели кузнечики. И небо стало выше, и облака, плывущие к горизонту, манящие в светлую даль, — спокойней, величавей.

Всё будет хорошо. Непременно хорошо.

Прошло четыре года.

Евгений вновь переступил порог райкома партии: здесь будто ничего не изменилось. Только строгая девушка-секретарь заметно повзрослела, и её низкий голос приобрёл ту особую мягкость и мелодичность, которая свойственна спокойной, уверенной в себе женщине. Владимир Фёдорович заматерел, его виски покрыла седина, отчего тёмная оправа очков ещё строже и контрастней выделялась на лице, а его улыбчивый рот теперь упруго сдерживали жёсткие усы. Первый секретарь райкома сидел за столом, сосредоточенно изучал какие-то бумаги. Похоже, он даже не услышал, как в кабинет вошёл и поздоровался директор школы. Евгений Андреевич кашлянул в кулак и поздоровался ещё раз. Владимир Фёдорович оторвался от занятия, посмотрел на посетителя: блеск его глаз остался прежним. Первый секретарь поднялся, извинительно развёл руки в стороны:

— Присаживайся, Евгений Андреевич, — вышел из-за стола и сел на свободный стул у приставленного буквой «т» стола. — Потолкуем.

Неожиданное обращение на «ты» не обескуражило директора школы: все знали — эта привычка первого проявляется тогда, когда он выказывает особое уважение к собеседнику, когда настроен на важный откровенный разговор.

— Чаю? — хозяин кабинета потянулся к селектору.

— Нет, спасибо, такая жара, что горячего не хочется, — поторопился отказаться Евгений Андреевич.

Но Владимир Фёдорович всё же нажал кнопку:

— Алевтина Григорьевна, пожалуйста, два стакана и графин с водой из холодильника.

— Одну минуту, — раздалось в воздухе.

Но не прошло и минуты, как на столе появился серебристый поднос с запотевшим графином с высоким узким горлышком и двумя гранёными стаканами. Владимир Фёдорович наполнил их:

— Угощайся, вода колодезная, можно сказать, как в сказке, живая, целебная, сам привожу.

Евгений Андреевич с удовольствием сделал несколько глотков. Первый секретарь жадно выпил всё содержимое стакана, рыкнул от удовольствия, вытер кулаком усы, с шумом поставил стакан на место.

— Ну, рассказывай, как докатился до такой жизни.

— Какой такой? — удивился Евгений Андреевич.

— А такой. Слухи до меня дошли, что предаёшь ты нас, дорогой Евгений Андреевич.

Директора школы бросило в краску. Что за село? Не успеешь в одном конце сказать тихое слово, как в другом оно тут же разносится громким эхом молвы.

— Ну, что молчишь? — Владимир Фёдорович подался вперёд. — Думал поставить меня перед свершившимся фактом? А я — первый, потому и знать всё должен первым, — он улыбнулся, но глаза его при этом остались пронзительно холодными. — Говори начистоту, куда собрался?

— На «КамАЗ», — без обиняков ответил Евгений Андреевич.

— Значит, на «КАМА-аЗ», — задумчиво протянул первый секретарь. Он встал, прошёлся по кабинету и снова сел. — Значит, великая стройка манит. А тут уже, — он показал на бумаги, лежащие на столе, — проект новой школы, заметь, десятилетки утверждён... Но эта стройка тебе кажется мелкой. Конечно! Там — Всесоюзная комсомольская... современный город, а тут что? Деревня... А как же идеи Сухомлинского и те гектары, что мы выделили тебе под эксперименты... климат изучать, сады выращивать... географическая площадка? А?..

Директор школы напряжённо молчал: первый секретарь бил по самому больному. Владимир Фёдорович вдруг, будто желая ещё больше усугубить напряжение, подался к нему, да так близко, что Евгений Андреевич почувствовал горячее дыхание: первый посмотрел в глаза директора, словно собирался в них нырнуть, но неожиданно миролюбиво тихо сказал:

— Да... знаешь, я всё понимаю... отговаривать не стану. Объясни только, какими судьбами-то?..

Евгений Андреевич выдержал напористый взгляд. Затем отпил воды из стакана и решительно вдохнув, заговорил:

— В Набережные Челны перебралась семья Татьяны. Тесть и тёща как высококвалифицированные специалисты уже получили квартиру в новостройке. Сделали нам с Таней вызов, так что мы, можно сказать, не на пустое место... Город растёт стремительно, строится завод-гигант... Да вы сами знаете, вся страна гудит — стройка века. Думаю, для нас с Таней это хороший шанс...

— Понятно, — первый секретарь встал. — Ну, что ж, Евгений Андреевич...

Директор школы тоже поднялся. Владимир Фёдорович протянул ему руку. Крепко сжал ладонь, притянул к себе и обнял, словно сына. Потом отпустил, широко развёл руки в стороны, мол, держать не смею, ещё раз окинул всё понимающим взглядом, печально улыбнулся:

— Бывай. Большому кораблю большое плаванье...

ГОРОД НАДЕЖД

Бушует над рекой Камой роза ветров. Разливается духмяный, немного терпкий запах хвойных заповедников, раскинувшихся на правом берегу. На левом — волнуются заливные сенокосные луга, колосятся безбрежные хлебные поля, именно сюда пришла грандиозная стройка, теперь и днём, и ночью она гудит разноголосым гулом, ширится, теснит зажиточные сёла, деревни и старый городок Красные Челны. Первопроходцы-строители бережно снимают плодородный чернозём и вывозят его на бурые суглинистые камские просторы — там будут новые сады. Чернозёмом щедро покрывают и городские газоны, где жители у своих, ещё пахнущих строительной пылью и краской, многоэтажных домов посадят кусты шиповника, берёзки и тополя, разобьют цветники. Взрослые и школьники вдоль дорог и на широких проспектах заботливо высаживают тоненькие яблоньки, рябинки и черёмухи — они приживутся, окрепнут, зацветут по весне, и поплывёт над молодым городом нежный аромат.

Люди стремятся в Набережные Челны со всего Союза — его многонациональных республик: слетаются, как мотыльки, на свет камазовской романтики, как рабочие пчёлы — на многообещающий нектар расцветающего города. Льётся разноязыкая, разноголосая речь; а чтобы земляки могли издали узнать друг друга, комсомольцы придумали игру: на своих фуфайках и спецовках каждый ярко пишет имя родного города, откуда

приехал. На одной стройплощадке можно увидеть представителей Москвы, Казани, Ленинграда, Риги, Кишинёва, Минска, Киева, Ташкента, Тбилиси, Перми, Барнаула... Иногда встречаются и незнакомые названия городов и селений, потому как «широка страна моя родная», и земляки находят друг друга, и радости больше, закипает энтузиазм. Приходит ощущение призвания: быть «лучшим из поколения», потому что творится что-то великое, потому что «не каждому дано так щедро жить — друзьям на память города дарить».

Не по дням, а по часам растут заводские корпуса «КамАЗа», автомобильный батыр¹ широкой поступью — в несколько тысяч гектаров — шагает от прибрежного раздолья в глубь полей. Вдоль реки стремительно растут жилые кварталы, называемые здесь комплексами. Длинные многоэтажные дома заботливо окружают и оберегают от ветров современные детские сады, что строятся внутри дворов, и трёх-, четырёхэтажные, светлые, с лабиринтами широких лестничных пролётов школы. Строительные бригады закладывают в школьные стены секреты: нет-нет да и спрячут камешки в растворе между кирпичами медные пятаки, чтобы дети учились на «пятёрки»...

Детские площадки возводятся строителями хоть и из подручных средств, но с особой любовью. Для развлечения детворы устраиваются забавные «коридоры» из больших кусков цементных труб, раскрашенных в радужные цвета. Из дерева и бетона лепятся весёлые песочницы, разрисованные любимыми героями мультипликационных фильмов «Ну, погоди!», «Винни-Пух», «Чебурашка и крокодил Гена»... Из обыкновенных железных труб вырастают маленькие и большие качели, появляются спортивные турники — обычные и необычные, в виде необъятных розовых слонов и разноцветных лестниц, похожих то ли на горы, то ли на морские волны.

Каждый двор, как муравейник, кишит детворой: и малышам, и ребятам постарше — всем хватает простора. Тут девчонки играют в вышибалы, в резинки, а мальчишки — в волейбол, и все вместе — в «Картошку». Тут — те, что помладше, разделились на две команды, сцепились крепко руками и звонко кричат: «Цепи, цепи кованы, раскуйте нас!» Тут ребята, представляя себя Гулливерами, прыгают по кругу у высокого столба с канатом, делая «гигантские шаги». Азартным казакам-разбойникам не страшны ни груды завезённого чернозёма — за временными горками так удобно прятаться, ни чавкающая липкая грязь: когда есть надёжные резиновые сапоги-скороходы, то даже лужи прекрасны, потому что в них отражаются облака, и любая лужа под ногами превращается в кусочек неба,

¹ богатырь, силач (тюрк.).

по которому можно с визгом и свистом летать. А как только затвердевают новые бетонные дорожки, остывает горячий асфальт, так девчонки мелом расчерчивают вечные классики и начинают без усталы прыгать.

Город молод, жители его задорны: повсюду — радостная суета, смех и песни под гитару и гармонию. По вечерам во многих дворах устраиваются импровизированные танцплощадки: на козырьке подъезда какого-нибудь общежития играет настоящий, вышедший из художественной самодеятельности вокально-инструментальный ансамбль, у многоэтажного дома на свежем отутюженном асфальте танцуют, знакомятся, общаются парни и девчата всего района.

Городской загс работает почти без выходных: каждый день молодёжь играет шумные комсомольские свадьбы. На широких светлых улицах — много влюблённых пар, беременных женщин и новоиспечённых родителей, прогуливающих с колясками; а пожилые люди в городе редкость, и если доводится видеть на скамеечке или в магазине бабушку или дедушку, то и они по-молодецки улыбаются, дышат тем же азартом, что и молодёжь.

Никто не жалуется на неудобства: весной и осенью распутица на улицах не редкость, ещё не ко всем домам и зданиям проложен асфальт; а чтобы входящие не затаптывали грязью помещения, у каждого крыльца стоят сваренные из толстого железа, глубокие широкие корыта с водой, на них возле поручней на специальных решётках лежат деревянные черенки с привязанной к ним с одного конца ветошью. И горожане, прежде чем подняться на крыльцо любого здания, и школьники, прежде чем войти в школу, моют сапоги, обтирают обувь.

Несмотря на то, что дома растут, как грибы, отдельных квартир всем не хватает, и многие приехавшие семьи временно селятся по общежитиям, малосемейкам — квартирам на несколько хозяев, либо в созданных на скорую руку посёлках, где жильём служат обычные вагончики-бытовки. Но все понимают: трудности и неудобства временны. Давно сказал поэт: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести»... Здесь, в строящемся городе, пропитанном романтикой, надеждами многих красиво и благодатно устроить свою жизнь, эти строки стали девизом; и, словно его продолжением, из окон дружных общежитий то тут, то там на всю округу раздаётся записанная на магнитофонную ленту новая песня:

*Такого нигде нет, только на Каме,
В Набережных Челнах...
С каждым днём бой за стройку всё жарче,
Здесь минуты, и те учтены.
Ведь «КамАЗ» — это многое значит,
Просто главная стройка страны...*

По приезде в город Евгений и Татьяна поселились у Таниных родителей. Ольга Петровна не могла нарадоваться, что семья вновь в сборе: в трёхкомнатной квартире места хватало всем, поэтому для Тани и Жени ни о каком общежитии или малосемейке и речи быть не могло. Однако Евгения не устраивало такое положение вещей, он стремился как можно скорей встать в очередь на получение жилья, а для этого важно устроиться на работу. В одном его радость и радость тёщи совпадали: климат здесь для Таниного здоровья подходящий. Близко река и лес: тридцать минут пешей прогулки — и ты на дикой природе. Воздух круглый год свежий — только пить! Лето тёплое, грибное. Грибов столько, что любители «тихой охоты» шутили: «Они сами просятся в корзины, одна беда — корзин в молодом городе не найти, приходится лесные дары «черпать» вёдрами». Евгений, познавший и полюбивший вкус грибов, наученный тестем их собирать, вместе с ним и Таней нередко навещали камское приволье — сказочно богатое: отсюда, от камских берегов, начинается и разрастается к северу и востоку страны дремучая тайга...

В конце апреля — начале мая в берёзовых и смешанных лесах первыми появляются сморчки — их коричневые, похожие на грецкий орех макушки осторожно выглядывают из ранней травы на солнечных опушках и склонах оврагов. Пожалуй, самое вкусное блюдо с первыми весенними грибами — блинчики, а если их уже завернутыми с тушёными сморчками ещё и обжарить на сливочном масле до золотистой корочки, то от такого обеда за уши не оттянешь.

К концу июня на зелёных просторах поспевают душистая клубника и её сестрица земляника. В урожайный на ягоды год невозможно спокойно пройти между рядами самостийных базарчиков, устраиваемых деревенскими хозяйками у новомодных, с огромными стеклянными стенами-витринами городских магазинов. От сладкого земляничного духа кружится голова. А какое ароматное варенье получается из лесных ягод — лучшего лакомства не сыскать!

К середине лета, когда на полях начинает колоситься рожь, в хвойных лесах появляются маслята. Они не любят попадаться на глаза грибников, но опытные «охотники» без особого труда находят под ржавыми сосновыми иголками блестящие ослизлые жёлто-коричневые шляпки. А там, где сосны дружат с берёзами, дубами и осинами, «в свет выходят» благородные белые грибы, подосиновики и подберёзовики. Но самое богатое время на грибной урожай — август и сентябрь: тут и на жарёху благородных грибов наберёшь, и на засолку — рыжиков, лисичек, груздей и опят.

Кроме того, по осени спеет много лещины — только места надо знать! Рачительные хозяева не один мешок запасают... Будет чем украсить стол в зимние праздники, всего-навсего не ленись: и вареньем, и соленьями, и жареными орешками.

Зима же в этих краях снежная, гораздо мягче, чем в Сыктывкаре, здоровей и морозней, чем в Саратовской области. Горожане в выходные любят отдыхать в пригородном лесу: можно и на санках с горок покататься, и выйти на лыжные тропы, зовущие в снежное раздолье...

В августе 1974-го скоростной ритм новостройки диктовал городу и горожанам соответствующий ритм жизни. Несколько лет подряд каждый новый учебный год становился настоящим испытанием не только для педагогов, но и для рабочих, и строителей, в безумных темпах сдававших «под ключ» школьные здания. Снабженцам города тоже приходилось нутужно трудиться, обеспечивая магазины и «Детский мир» школьными товарами — они на полках не залёживались. Город разрастался стремительно, и в первые годы не хватало школ на всех приехавших и подросших к сентябрю детей. Школьное расписание занятий приходилось налаживать в три смены: классов в каждой параллели — особенно в начальном и среднем звене — набиралось от литеры «А» до литеры «З», а в некоторых школах — до «К». Наполняемость самих классных коллективов, игнорируя стандарты и нормы, составляла не двадцать-двадцать пять учеников, а сорок-сорок пять! Но складывалась и другая парадоксальная ситуация: нехватки учителей в молодом городе не было. Да, не было! Вместе со специалистами — строителями и рабочими — приезжали их жёны, среди которых оказывалось много как молодых учителей, так и педагогов со стажем и большим опытом.

В городском управлении народного образования Евгению Андреевичу и Татьяне Корнеевне на запрос о трудоустройстве ответили, что вакансий географа и литератора нет. Педагогов направили в школу-интернат, предлив должности воспитателей.

Перед тем, как выйти из дома и направиться на встречу с директором интерната, Евгений сказал Татьяне, поджав в досаде губы:

— Ну что ж... всё с нуля...

— Может, это и правильно, — примирительно отозвалась жена, подошла к нему, поправила галстук, провела ладонью по блестящей медали на праздничном светло-сером пиджаке, заглянула в растерянные глаза. — Тут в школах не по сто-двести учеников, а по две тысячи и больше. У меня дух захватывает, такой размах! — лицо Татьяны было по-девичьи светлым, а широко раскрытые глаза — такими доверчивыми.

— У меня тоже, — Евгений прижал руку жены к своей груди. Его охватила тёплая волна нежности.

Таня машинально подставила вторую руку под ласковую ладонь мужа и задумчиво сказала:

— Чует моё сердце, даже рядовым педагогам здесь очень непросто... А я рада снова быть воспитателем, — то ли убеждая, то ли успокаивая себя и мужа, твёрдо произнесла Таня. — И не потому, что боюсь работать учителем в большой школе, а потому что считаю: быть воспитателем в детдоме более чем почётно и ответственно. «Интернат» — звучит современно, но... казённо, холодно. Только представь, как не хватает родительской любви его обитателям. Конечно, воспитатель не заменит ни маму, ни папу, но может стать настоящим любящим другом... Разве не к этому ты всегда стремился?

Евгений согласился:

— Ты, как всегда, права... я понимаю. Почти любую физическую боль можно вылечить, а вот душевную рану...

— Вот именно. Помнишь, — подхватила она, и глаза её загорелись внутренней решимостью, — как у Толстого: «Когда тебя предали — это всё равно, что руки сломали. Простить можно, но вот обнять уже не получится»... Наверное, с брошенными детьми непросто, у них души подранков.

Евгений обнял жену, провёл пальцами по её затылку и, нащупав горячую впадинку, нежно затеребил волосы. Какими же непредсказуемыми бывают моменты вспышек любовного огня! Этих моментов, наверное, не было бы, если бы он и она — оба — не желали, не стремились заглядывать друг другу в душу, как в бездонное небо, что звёздными искрами отражается в зрачках. Он тихо сказал:

— Попробуем счастья... главное, мы вместе. Но признаюсь и я, — он слегка отстранился, чтобы вновь заглянуть в её глаза, — не хочу отказываться от географии. Понимаешь?

— Угу, — кивнула она и чуть прикрыла веки.

Как же он любит этот её проникновенный взгляд!

— Через год окончу институт. Буду искать место географа. Ты ж меня поддержишь? — он пытливо всмотрелся в её лицо, словно желал убедиться в ответе, который заранее знал, но боялся увидеть хоть малейшую чёрточку сомнения.

— Конечно, родной, — она приподнялась на цыпочки и чмокнула его в губы. — Мы ведь с тобой тоже неразлучники, как Дарья и Ерофей, и, слава Богу, при руках и ногах... — она поправила воротничок его рубашки, окинула мужа влюблённым взглядом, с радостью отметив, как ладно на нём сидит

костюм. — Да и на головы свои нам вроде грех жаловаться, — с короткой смешинкой, вырвавшейся, как искорка из огня, сказала она.

— Родная... — он не удержался, прижал её к себе и крепко поцеловал.

Татьяна не то замычала, не то застонала, пытаясь вырваться из объятий.

— Осторожно... причёска... — пробубнила сквозь поцелуй.

Евгений отпустил. Она подошла к высокому трельяжу, что стоял в коридоре напротив распахнутой двери на кухню и отражал яркий свет её большого окна. Поправила волосы, огладила бока, слегка потянула тонкое, сидящее по фигуре, синее трикотинное платье с нежными розовыми цветочками, провела рукой по жемчужным бусам — подарку Евгения, и с кокетством произнесла:

— Я ведь тоже должна быть красивой.

— Ты самая красивая женщина на свете, — он подошёл сзади, обнял и с нескрываемым удовольствием посмотрел на их отражение в зеркале.

Таня быстро повернулась к нему:

— Тс-с, — легонько тронула пальцем его готовые к новому поцелую губы. — Знаешь, откуда у человека эта впадинка между носом и ртом?

— Откуда?

— Тётя Катя мне в детстве говорила, что ангел-хранитель каждому новорождённому так прикладывает свой пальчик, и след, как замочек, остаётся на всю жизнь, чтобы человек, когда вырастет, меньше говорил и всегда думал, что говорит, правду ли...

— Я правду говорю, — притворно насунился Евгений и порывисто добавил: — Ты мой ангел-хранитель... ты самая-самая...

— Я тебе верю, — перебила она и успокаивающе положила обе ладони ему на грудь, слегка оттолкнула. — Идём, а то так вообще без работы останемся...

— Чуть не забыл, — спохватился Евгений, — я купил билеты в кино на вечер, — он наклонился к низкой тумбочке трельяжа, достал небольшую голубую бумажную полоску, сложенную пополам. — Вот, надо прихватить с собой...

— На какой фильм?.. — Татьяна взяла со столика у зеркала белую сумочку, разъединила золотистые металлические шарики замка, проверила документы и, убедившись, что всё на месте, шумно защёлкнула модный ридикюль.

— «Помни имя своё», — Евгений аккуратно засунул билеты во внутренний карман пиджака.

— О... — встрепенулась Таня, — я читала о нём... Говорят, хорошая картина, Касаткина в главной роли.

— Та самая укротительница тигров?

— Та самая, а фильм о встрече матери и сына. Их разлучила война, концлагерь...

— Ну вот... — встревожился Евгений, — переживательное, наверно, кино. Надо было на «Соломенную шляпку» взять... Может, не пойдём?..

Таня отрицательно покачала головой.

— Точно? — переспросил он.

— Точно, — кивнула она.

Он подошёл к входной двери, быстро надел новые лёгкие ботинки, снял с обувной полки и поставил к ступням жены белые лаковые босоножки, присел на корточки и как бы невзначай задел пальцами её лодыжку. С восхищением глянул на Таню снизу вверх. Она благодарно улыбнулась.

— Знаешь, я очень хочу посмотреть этот фильм... ты же будешь рядом... — она втиснула ступни в босоножки и только хотела наклониться, чтобы застегнуть ремешки, как Евгений опередил её, и пока он возился с тонкими застёжками, Таня нежно теребила его коротко остриженные на затылке волосы, затем протянула ему обе руки. Он обхватил её ладони, легко поднялся, глядя ей прямо в глаза, тихо сказал:

— Я всегда буду рядом...

— И я... Ну, идём к нашим новым детям...

Виктор Семёнович — директор интерната — показался Череповым человеком добродушным. Евгений Андреевич, бросив первый взгляд на будущего своего руководителя, про себя отметил: «Прям Евгений Иванович — он же Сан Саныч, «доцент» из «Джентльменов удачи», бывает же такое...» Действительно, директор интерната, как и герой популярного фильма, был невысоким, тучным, чем-то похожим на всеми любимого артиста Евгения Леонова. Крупное озабоченное лицо Виктора Семёновича из-за высоких залысин и заглаженных на затылок тёмных волос выглядело ещё более внушительным и строгим; но лучистые, с доброй лукавинкой маленькие глаза, по-детски пухлая улыбка стеснительного человека, мягкие манеры и тёплый голос невольно располагали любого собеседника к искреннему общению.

В ходе разговора директор интерната проникся положением новых воспитателей, пошёл им навстречу: разрешил Татьяне Корнеевне работать без ночных дежурств; но на вопрос будущих сотрудников об очереди на жильё Виктор Семёнович с сожалением развёл руками.

— У нас некоторые учителя, остро нуждающиеся, живут здесь же, в комнатах цокольного этажа, — он изучающе посмотрел на Татьяну Корнеевну, затем на Евгения Андреевича и на миг задержал взгляд на его медали, после короткой паузы дальновидно добавил: — А вы, я так понимаю, Евгений Андреевич, у нас надолго не задержитесь?..

Евгений вспыхнул, замялся, срочно обдумывая, как ответить на неожиданный вопрос, но так и не нашёлся, лишь пожал плечами и не стал возражать. И Виктор Семёнович с какой-то отеческой теплотой сказал:

— Да не смущайтесь так, я всё прекрасно понимаю... Но, если честно, учитывая наш дефицит в хороших кадрах — а у нас тут гораздо всё сложнее, чем в обычной школе, — сожалею, что не могу вас и Татьяну Корнееву как-то заинтересовать в сотрудничестве на долгие годы. И всё же я рад, что вы с нами, а там кто знает, как судьба распорядится...

В тёмном зале кинотеатра Татьяна тихонько шмыгала носом, её глаза в свете мерцающего большого экрана взволнованно блестели. Евгений сидел, плотно прижавшись к жене плечом, то и дело беспокоило на неё поглядывал, краем уха прислушивался к её дыханию. Мелькали последние сцены фильма — мгновения разлуки матери с сыном: её молчаливо кричащий взгляд, полный слёз... его взгляд — растерянный, трагический. Мать нашла своего сына через двадцать пять лет после войны, но вновь вынуждена навсегда отпустить его в другую страну, отпустить от себя к другой матери — неродной, но однажды нашедшей, приютившей чужого маленького мальчика, что пережил Освенцим; чужая женщина-иностранка воспитала его, полюбила как своего.

Отходит поезд от перрона, навсегда увозит от матери родного сына... Пронзительная музыка... Последние титры: «В основу фильма положены действительные события»... В кинозале зажётся свет.

Зрители расходились тихо, будто каждый боялся нарушить звенящую последним скрипичным аккордом тишину. Евгений обнял Татьяну. Она, погружённая в мысли, сидела в кресле не шевелясь. Он взял из её рук платочек и сам осторожно промокнул ей слёзы. Таня смутилась.

— Что ты со мной как с маленькой? — взяла платочек и решительно спрятала его в сумочку.

— Зато теперь как большая, — пошутил он.

Она грустно улыбнулась, и он спросил:

— Ну, ты как?.. Пойдём или ещё чуток посидишь?..

— Пойдём, — глубоко вздохнула Таня и встала, — всё хорошо...

Вышли из кинотеатра. На улице уже было темно, но мощные прожекторы, установленные на крыше здания, ярко освещали просторную площадь.

— Как свежо... Голова только немного кружится, я словно опьянела, — Татьяна взяла мужа под руку.

— Ты переволновалась, нельзя тебе на такие фильмы. Давай прогуляемся немного, успокоимся. Не замёрзла? Может, пиджак накинуть? — тревожился Евгений.

— Нет, всё хорошо, не волнуйся. Пойдём в лесопосадку, — предложила она, — мне там так нравится.

Они не спеша направились в любимый сосновый парк, что раскинулся совсем рядом с их районом. Ах, этот запах ночного летнего парка, смешавший в себе свежесть молодого соснового бора, всюду проникающую городскую пыль и прохладу августовской ночи... Евгений снял пиджак, накинул на плечи жены, и она ещё крепче прижалась к его плечу. Горло Евгения сдавила щемящая нежность.

— Как тебе фильм? — нарушил он блаженное молчание.

— Впечатлил... — почти беззвучно ответила Таня, и Женя понял: её волнение ещё не улеглось.

— Меня тоже... Трагическая судьба... А сколько их, таких судеб, может быть, совсем рядом с нами...

— Да... заставляет задуматься, как жестока война, как тяжела потеря родных людей... А этот концлагерь?.. Я вспомнила дневники и рассказы отца и подумала, как страшна судьба, когда в ней такая беда, такие разлуки, когда не хватает тепла, любви... И как важно — ребёнку ли, взрослому — во что бы то ни стало найти родного человека, восстановить утраченную связь или, как у Шолохова в «Судьбе человека», найти чужую, но родную душу... А тут родные мать и сын — это, пожалуй, самая крепкая, самая сильная земная любовь... Женя, знаешь, о чём я сегодня подумала?.. Я об этом и раньше думала, но сегодня... — Таня в нерешительности замолчала.

— О чём? — он чутко прислушался.

— Может, нам усыновить ребёнка?..

Евгений остановился, повернулся к жене, взял её за плечи и заглянул в печальные, в темноте показавшиеся огромными, глаза. Растерянно спросил:

— Ты... серьёзно?

— Да... я всё чаще об этом думаю... Нет, слово «думаю» неверное... мечтаю, хочу, очень хочу... А после всего, что сегодня произошло... интернат... ты видел глаза детей? В них не любопытство, а какая-то невообразимая тоска и... надежда... Женя, — она взыскательно глянула на мужа, — если мне нельзя родить, то ведь мы с тобой можем девочку взять... Что скажешь?..

— Давай-ка присядем... — Евгений повёл Татьяну в глубь парка. Он вдруг почувствовал странную усталость, ему важно перевести дыхание, передохнуть, собраться с мыслями.

Таня молча ждала ответа. Она понимала: для мужа её вопрос — полная неожиданность. С тех пор как в Геленджике, ещё задолго до свадьбы, у них состоялся крупный разговор-объяснение, они больше никогда не воз-

вращались к теме собственных детей. Евгений щадил Татьяну, и Татьяна знала, что вопрос рождения ребёнка для неё закрыт... но для Евгения — нет. Подспудно её не покидала мысль: физически-то она может стать матерью. Она женщина, она создана для этого, вот только сердце... А он? Он тоже может стать отцом... «А если рискнуть? — не раз думала Татьяна, — так ли опасен этот риск?» И однажды она сказала об этом врачу, на что тот категорично ответил: «Даже если вам чудом посчастливится выносить ребёнка, то роды вы не переживёте. Ребёнка, наверное, можно будет спасти, но он сразу станет сиротой... Вы хотите так рисковать?» И тогда Таня задумалась о приёмном малыше...

Евгений и Татьяна подошли к скамейке, уютно растянувшейся среди невысоких сосен под круглым жёлтым фонарём. Присели. Таня устало ссутулилась, положив руки на колени. Она не осмеливалась посмотреть на мужа, устремив взгляд в темноту парка, словно в неведомое завтра.

— Танюшастик мой, — тихо начал Евгений, крепко обхватил её сцепленные, будто сдерживающие дрожь, пальцы. Заметил, как чересчур взволнованно блестят её глаза. — Танюша, я хорошо тебя понимаю... Знаешь, я как-то смирился с мыслью, что у нас не будет детей... прости... Я только сейчас, кажется, не умом, а кожей понял: мы с тобой на самом деле можем стать настоящими друзьями многим детям, стать хорошими учителями... Помнишь, мы говорили о призвании?.. Так вот, я вдруг понял, что призвание двух любящих людей ещё и в том, чтобы подарить свою любовь третьему человеку, ребёнку... Он вырастет, понесёт её дальше и подарит ещё кому-то... Наверное, это призвание выше всех остальных... И ты права, мы можем стать родителями, пусть не родному ребёнку... и... я тоже хочу этого... Но пока...

— Не говори больше ничего... — мягко перебила Татьяна, встрепенулась, посмотрела на мужа нервно метущимся взглядом, Евгений увидел в нём и радость, и благодарность. — Я знаю, мы сами пока ещё не встали на ноги, сами вновь оказались в положении детей... Но я услышала главное... Женя, я так счастлива сейчас...

Он обнял жену, прижался лбом к её лбу.

* * *

Взгляд ребёнка-сироты... В этом взгляде всегда тревожный вопрос: «Может, именно эта тётя, что пришла в детдом, — моя мама?» Но тётя отвела глаза, спрятав боль сострадания, боль стыда за свою беспомощность перед болью одинокого ребёнка.

Сирота. В этом слове — пожизненный приговор; и никакое знание прошлого — бросили ребёнка родители или он остался один из-за какого-то несчастья — не облегчает тяжкой ноши: сиротство глыбой давит на плечи...

Рушана вновь не могла уснуть, неподвижно лежала на спине в постели, привычно забросив руки за голову. Почти немигающими глазами она смотрела в потолок, освещённый уличными фонарями — их голубой холодный свет проникал в просторную высокую комнату через большие незашторенные окна. Дрожащие тёмные тени деревьев рисовали на потолке причудливые узоры. Девочке казалось, что беспокойные тени настырно его скребут, словно он им мешает подняться к небу и раствориться в нём. Она даже как будто слышала тихий шуршащий звук... А когда за окнами проезжала запоздалая машина, тени моментально вытягивались и бежали от стремительного потока света фар, и тогда казалось, они вот-вот вырвутся за пределы комнаты. Но яркий свет исчезал, и тени возвращались на место...

Рушана прислушалась: в палате, где живут десять девочек-ровесниц, отовсюду доносилось тихое сопение. Все спят, а она... Как ей надоела круговая порука, эти нескончаемые разборки поведения, когда все девчонки перед сном, усевшись на постелях, делают друг другу замечания, высказывают, что они думают о том или ином поступке одноклассницы. Говорят честно, не скрывая чувств, ведь у них нет родителей, и кто же тогда их воспитает, если не они сами друг друга, коллективно?.. При этом, конечно, никто никому не желает зла, никто никого не хочет обидеть! Девочки сами придумали такой способ — ведь ясно: если тебе сделает замечание одна из сверстниц, его можно проигнорировать, а вот когда весь коллектив, тут деваться некуда, придётся объясняться и исправляться...

— Лизка, ты сегодня утром опаздывала на завтрак, выхватила из шкафа свои шмотки, и майка вывалилась. Ты не заметила?.. а кто за тебя должен поднимать? — сказала Варька-Ворчунья, ей всегда выпадало начинать первой — её койка стояла слева от двери, и девочка чувствовала свою значимую роль в воспитательном моменте.

Лиза поджала пухлые губки, щека при этом нервно дёрнулась.

— Я, правда, не заметила... — оправдалась соседка и, поджав коленки к подбородку, крепким кольцом сцепила руки.

— Не понимаю, как можно не заметить?.. Я подняла твою майку, а если бы не успела до проверки, всем бы влетело, — не унималась Варька. Она любила поворчать, раздуть из мухи слона. — Разувай глаза, а то вечно как курица.

— А чё обзываешься-то? — справедливо возмутилась Лизка. — Мы ж договорились не обзываться при обсуждении по кругу.

— Вырвалось,— холодно пояснила Варька, скрестив на груди руки. Она сидела ровно, опираясь на спинку кровати, вытянув перед собой тощие ноги.

— У тебя вырвалось, ты и не заметила. Вот и майка так же вырвалась,— продолжала бой Лизка.

Варя поняла, что переборщила, и всё же ей не хотелось отступить.

— От твоей майки могла вся палата пострадать, мы все. Так что лучше «спасибо» скажи.

— Спасибо... но обзывать незначем.

— Девочки, мы так до утра не закончим. Лиза, в другой раз будь внимательней. А ты, Варя, и в самом деле не обзывайся...— лисьим голосом заговорила со следующей кровати Катька-Красотка. Она сидела в позе лотоса и, слегка качнув головой и плечами, повела круг дальше: — Наташк, ведь сегодня ты дежурила по палате?

— Ну,— насторожилась одна из девочек.

— Вот и ну, должна была на совесть вымыть полы, но ты оставила пыль на плитусах. Сэкономила своё время, а завтра кому-то придётся потратить своё, убираясь за себя и за тебя. Разве так честно?..

Наташке оправдания не было, она явно хотела схитрить, но хитрость раскрылась. К тому же, обвиняя Наташу в лени, Катька доказательно припомнила и недавние, хоть уже и зашитые дырочки на гольфах, и вечно мягые бантики в косичках:

— Неужто тебе трудно их сворачивать в трубочку и прятать под подушку? Тогда и гладить не надо.

Наташке ничего не оставалось, как покорно согласиться со всеми «выговорами» и пообещать, что больше так не будет.

Рушана часто дразнила Катю воображалой. Катька и в самом деле любила воображать, и было отчего. Она почти по всем предметам легко училась на «отлично», за это её любили учителя. К тому же она самая высокая в классе, длинноногая, у неё самая тонкая талия, и уже заметно округлились, как мячики, груди, и теперь почти все мальчишки к ней неровно дышат. Прозвище «Красотка» Кате льстило, к ней даже взрослые иногда так обращались.

Критика по кругу дошла до Рушаны. Лизка-Капризка обрадованно, что не она одна допустила сегодня проступок, резко сказала:

— Руша, а чё ты сёня весь день огрызалась?.. И с какой стати ты психанула, когда тебе сделали замечание, что ты не взяла письма с вахты? Ведь ты первая увидела, когда их принесли.

И Янка-Поганка противным язвительным голосом подхватила:

— Ты чё, Рушка, переломилась бы, если б принесла письма в палату?.. Забыла?! У нас правило: кто первый увидел, тот и несёт.

— Да она из-за своего паршивого настроения не захотела никому сделать доброго дела, — вновь встряла Лизка-Капризка.

— Я всё поняла... — спокойно ответила Руша и не стала оправдываться. По-деловому спокойно взбила подушку, уселась поудобней, прикрыла ноги одеялом и так и не сказала всеми ожидаемого «больше так не буду», потому что знала: будет, и причин тому немало.

Ну не захотела она принести эти письма, и что такого? — ведь ей-то никто никогда не пишет, и все об этом знают, так могли бы сделать для неё исключение из дурацкого правила. Неужели непонятно, что она не может радоваться чужим письмам, а притворяться, что рада, тем более? Хуже того, Рушана просто ненавидела, когда кто-то из девчонок начинал вслух читать своё письмо, полученное от кого-то из родственников, и откровенно хвастаться, какие слова ласковые той пишут, какие обещания дают.

У многих девочек были родные или даже кто-то один из родителей, как правило, отец, но эти родные в силу каких-то обстоятельств не могли взять сироту под свою опеку, однако пытались как-то помогать: иногда забирали к себе на каникулы, иногда присылали посылки со всякими сладостями. Кстати, девочка, получившая посылку, обязательно должна поделиться её содержимым со всеми одноклассницами, чтобы никому не было завидно, — это тоже жёсткое правило. Девчата всегда безжалостно стыдили, высмеивали тех, кто тайком пытался съесть яблоко или конфету, а вот благородно отказать от угощения, если на это хватало сил, могла любая.

У Рушаны, в отличие от других, была и мать, и где-то отец, которого она плохо помнила, — видела несколько раз, когда была ещё совсем маленькой: он бросил семью. Девочка о своих родителях не могла по-доброму даже вспоминать, а не то что скучать по ним: обида ледяным сквозняком выстуживала душу. И в адрес своей матери девочка ни разу мысленно не сказала «мама», потому что мать бросила её: променяла на водку и лишилась родительских прав. Она бросила дочь ещё тогда, когда Рушана буквально жила в детском саду, а мать только на выходные забирала её домой, если, конечно, не забывала. Но эти выходные оборачивались не радостью, а кошмаром. Рушана быстро поняла, что ей гораздо лучше тогда, когда матери нет рядом, когда воспитательницы по очереди вели девочку к себе домой, чтобы не оставлять на ночь в группе одну.

Теперь Рушане четырнадцать, но она до сих пор иногда просыпается по ночам от страшных снов: ей видится, как какой-то чужой дядя издевается над её матерью, а та не по-человечески пьяно орёт...

Набережночелнинский интернат — третий в жизни девочки — не стал для неё родным домом, впрочем, как и предыдущие. После решения суда

о лишении матери родительских прав — Руша тогда как раз пошла в первый класс — девочку отправили в Буинск, где она проучилась всю начальную школу. Затем «отборных» детей перевезли в интернат города Куйбышева. Что значит «отборных»? Рушана понимала так: тех, кто более-менее здоров. В Куйбышеве она прожила два года, но детдом расформировали, и после пятого класса девочка попала в Набережные Челны, где пребывала уже третий год.

Почему-то здесь, именно здесь, особенно неудобно, беспокойно... Может, потому, что Рушана узнала: не так далеко, в Казани — её мать... Когда Руша в последний раз переезжала, одна воспитательница Куйбышевского детдома дала ей на время, для сохранности, её метрики, и девочка переписала адрес матери. Вот бы найти её, посмотреть в глаза, высказать всё, что за это время наболело, может, мамке хоть чуточку станет больно. Нет, не чуточку, а хоть ненадолго, но очень больно, так же, как ей, Рушане!..

Ещё здесь голодно. Вроде неплохо кормят, но почему-то вечерами часто урчит в животе. Особенно хочется сладкого, больше всего — мороженого, которое строго-настрого запрещают, чтобы горло не болело. А за углом, в молочном, всегда есть мороженое, самое обычное, в вафельных стаканчиках, всего по десять копеек. А в хлебном — вкусные рогалики с повидлом по пять копеек... Нередко сердобольные родственники присылают или привозят, когда навещают сироток, немного денег; а на летней трудовой практике, пропалывая колхозные поля, детдомовцы получали зарплату. Так что какие-никакие денежки у девчат водятся, на личные нужды девчонки тратят не весь свой доход, десять процентов от имеющейся суммы всегда скидывают в общий котёл — это тоже жёсткое правило.

Общими деньгами распоряжаются чаще всего так.

В палате всегда лежит чистый дежурный конверт. Зачем? А вот зачем. В какой-нибудь день кто-то из девчонок напишет на нём настоящий адрес родственников и вложит в него ненужный лист бумаги... Кому адрес писать, разыграют жребием, если нет настоящего письма, требующего настоящего ответа. Потом та, которой выпал жребий, пойдёт якобы на почту отправить письмо — ведь просто так, без причины с территории интерната никуда не выйти: внизу на вахте всегда дежурит кто-нибудь из взрослых... И вот девчонка, согласно легенде, идёт на почту. Сначала, показав дежурной письмо, спокойно проходит мимо вахты. Кроме конверта, в руках ничего, и дежурная не может заподозрить подвоха. А в палате заранее готова верёвка, связанная из старых лент, шнурков и огрызков бельевой резинки. Девчата привязывают к ней сумку, кладут в неё деньги и, пока посланница выходит из интерната, стравливают сумку вниз

из того окна, что находится в торце здания. Дежурной в её окно вахты видно только то, как «почтальонша» преспокойно заходит за угол... А там отправительница письма, если письмо ненастоящее, рвёт его на мелкие кусочки и бросает в урну, быстро отвязывает сумку и мчится в магазин, покупает сладости и — обратно к верёвке. Если письмо настоящее, то сначала на почту... До почты не так далеко, и любая вахтёрша знает, сколько примерно времени занимает поход, поэтому посланнице важно уложиться в считанные минуты.

Вообще с выходами за пределы территории интерната очень строго! Если во время любой отлучки — а по воскресеньям старшим детям всегда выделяется свободное личное время, строго фиксируемое в журнале вахты, — кто-то в назначенный срок не вернётся, то поднимается настоящая тревога. За «самоволки» наказывают так, что лишний раз рисковать не захочется...

Но вернёмся к охоте за сладостями. Когда «почтальонша» привяжет уже наполненную добычей сумку, то её ещё не так-то просто поднять. Какой-то одной ловкой девочке приходится залезать на окно, вскарабкиваться на край высокого шкафа, что стоит рядом, высовываться далеко в форточку и аккуратнo, чтобы узелки верёвки ни за что не цеплялись, быстро-быстро тянуть. Но результат оправдывает все риски. Чаще всего форточная миссия достаётся Рушане, потому что она никогда не получает писем, а значит, и не отвечает на них. И если Катька — самая красивая в группе, то Рушана — самая ловкая, за это девочки мирятся с её сложным характером. Уважают Рушану и за смелость. Она может дать отпор любому, если вершится хоть какая-то несправедливость по отношению не только к ней, но и к другим...

Недавно девчата попались со своей операцией «Мороженое»: в палату зашла самая нелюбимая детдомовцами воспитательница по прозвищу База, и вошла она как раз в тот момент, когда Рушана сидела на шкафу и по поясу торчала в форточке...

Наказали всех. Пропесочили на утренней линейке. Запретили в выходной день коллективный поход в кинотеатр. Лишили свободного личного времени. А ещё в течение всей недели наказания девочкам запретили участвовать в играх и развлечениях. Каждый вечер после занятий они мыли полы в спортзале и особо тщательно наводили порядок в палате. За время «заточения» перестирали свои колготы, гольфы и бельё. Провели строжайшую ревизию на предмет обнаружения дырочек в одежде, несмотря на то, что они и так всегда строго следят за внешним видом друг друга. Итак, все дырочки зашиты, вещи перестираны и переглажены, в тумбочках и шкафу вновь царит идеальный порядок.

Но девчонки промышляют не только добычей мороженого и рогаликов. Не зря говорят, голод — не тётка, и воспитанницы иногда решаются на

мелкое воровство: таскают понемногу из столовой хлеб, солёные огурцы и сухофрукты. Повара то ли не замечают пропаж, то ли, догадываясь, никому не жалуются, и проделки сходят с рук...

А в последнее время стали происходить маленькие чудеса: иногда в своих тумбочках девочки находят то конфету, то печенье, то яблоко... Ясно, что кто-то специально их подкладывает. Но кто? Думали и друг на друга, потом на мальчишек. Рушана догадалась, кто, только никому о своей догадке не сказала — это новый воспитатель Евгений Андреевич. Почему он? Да потому, что раньше таких чудес не случалось, а с приходом в интернат Евгения Андреевича «подарки», хоть и не всегда, но часто оказываются в тумбочках именно тогда, когда ночью дежурит он...

Мысли Рушаны прервала Катька-Красотка, наверное, ей показалось, что девочки мало замечаний высказали Рушане, и когда завершились разборки по кругу, Катька вдруг скривила хитрющую морщку и сквозь зубы процедила:

— Рушка, а ты где полночи вчера шлялась?.. Я не выдала тебя Базе, когда она заглянула в палату, но я видела, да-да, видела, как ты под одеяло засунула куртку и положила подушку, будто спишь коленками к стенке, а сама на цыпочках улизнала. Куда это, а?.. Что-то ты долго не возвращалась...

Рушана вспыхнула: неужели Катька её застукала? Руша и раньше по ночам иногда уходила из палаты, но до сих пор никто этого не замечал... И тут её осенило: Катька следит за ней, потому что ей нравится новичок Толян, а Толян подружился не с ней, а с Рушей и на Красотку не обращает никакого внимания... Рушана виду не подала, что испугалась разоблачения, спокойно и честно сказала:

— Спасибо, что не наябедничала. Хочешь знать, где бываю?

— Да, — криво ухмыльнулась Катька.

— Помнишь, я тебе говорила, что по пожарной лестнице из коридорного окна залезаю на крышу? Ты не поверила — считаешь, от окна до лестницы не дотянуться. А я дотягиваюсь. И вчера была на крыше, на звёзды смотрела... Знаешь, в августе их много падает.

— Про звёзды и без тебя знаю, — Катька, как лиса, сощурила раскосые глаза, — но что ты на крышу лазишь, не верю... Ты с Толькой, наверно, где-то пряталась, — ехидно сказала Красотка, тем самым подтвердив догадку Рушаны: Катька влюбилась в Толяна.

Девочки в палате притихли, не знали, верить или нет тому, что услышали. А Рушана на вызов Красотки ответила своим вызовом, потому что знала: лучшее средство защиты — сказать правду, ну или хотя бы часть правды, а враньё всегда ведёт к поражению:

— Представь, мы с Толяном иногда в подвале читаем... Ты ж прекрасно знаешь, где мы прячемся, мы же с тобой и с Лизкой там Мопассана читали.

— Чита-ают они, — деланно всплеснула руками Катька-Красотка.

— Да, читаем, — жёстко сказала Рушана, прищутив глаза, и вновь, как ни в чём не бывало, продолжила: — Если не боишься, присоединяйся к нам... Ты ведь по уши втюрилась в Толяна, а я с ним просто дружу, так что, если что, мешать вам не буду, — улыбнулась ответчица, чувствуя, что с достоинством выдержала схватку.

— Дура!.. — вырвалось у Кати. Она не нашлась, как ещё отпарировать сопернице, и юркнула под одеяло, подтянув его к подбородку. Потом, немного успокоившись, высунула руки и показушно потянулась, громко зевнула. Затем приподнялась на локте, надменно вскинула чёрные тонкие брови и обратилась ко всем:

— Не верьте ей... Спокойной ночи, девочки, — Красотка отвернулась к стене.

Многие сверстницы недолюбливали Рушану за несговорчивый взрывной характер. Даже прозвище ей дали Рушка-Пушка. Но она ничего с собой не могла поделать: горячность, обострённое чувство справедливости ей самой не давали покоя. А тут ещё эта мучительная скукота жизни интернатовской — несвобода, вызывающая жуткую тоску по проходящим дням как по безвозвратной утрате. Отсюда и росли корни дерзости. Девочке хотелось бежать из детдома куда подальше. Здесь нет жизни, потому что её никогда не бывает там, где всё по расписанию, где всё правильно и спокойно. Вернее, она здесь есть, но как в болоте. А вот настоящая жизнь — там, где ветер, холод и жар... Наверное, когда стоишь у высокого обрыва или на вершине одинокой скалы, и вокруг тебя простор и небо, и ты в любой момент можешь сорваться, вот тогда понимаешь — ты жив!.. А тут...

Однако Рушана осознала: бежать бессмысленно, бежать некуда, во всяком случае пока, а значит, надо как-то самой раскрашивать будни, и она, помимо дерзких проделок, нашла много красок в чтении. Стала делиться «своими красками» со сверстницами, которым понравилось умение Рушаны артистично читать вслух да ещё сочинять занимательные истории. Подружки очень любили моменты, когда фантазия Рушаны брала верх над её беспокойным характером, когда Руша вечерами садилась на кровать и на голоса читала или сочиняла «романы». Рушане эта забава казалась совсем не сложной: она нередко по-своему, попутно смешивая ситуации из разных книг, пересказывала занятные сюжеты и приплетала к ним свои выдумки.

Вдохновение Рушана черпала в библиотеке. Она обожала этот волшебный храм, где тесные лабиринты стеллажей будоражили её воображение, где витал ни с чем не сравнимый пыльный запах старых книг и пряно-острый запах новеньких изданий с цветными картинками. Вот только книги для внеклассного чтения библиотекарь Ирина Фёдоровна выдавала всем строго по одной, не разрешала брать сразу две-три, как любила Рушана, — ведь она их глотала, и ей одного тома на выходные дни было мало. Кроме того, девочке нравилось, когда у неё на тумбочке лежит стопка толстых книжек — это создавало какой-то особый уют. Однако от любопытных глаз подруг и придирчивых воспитателей иногда приходилось прятать их под подушку или в чемодан под кроватью.

Рушана нашла возможность читать столько, сколько хочется, она сумела подружиться с Ириной Фёдоровной, доброй немолодой женщиной. Вечером каждой пятницы девочка приходила в библиотеку, помогала сортировать и расставлять по полкам возвращённые интернатовцами книги, проверять записи в формулярах и наводить порядок в картотеке. Затем с особой тщательностью и удовольствием, предвкушая справедливую награду, она протирала на полках пыль, мыла полы. И Ирина Фёдоровна в знак благодарности угощала её чаем с чем-нибудь вкусеньким, а потом разрешала пошарить по закоулкам «святая святых», выбрать любые, даже не по возрасту, две-три книги и взять на выходные.

— Только утром в понедельник Мопассана обязательно верни, а Жюль Верна можешь подержать... — всякий раз строго напоминала Ирина Фёдоровна, привычным движением поправляя на переносице очки. И Руша никогда её не подвела.

Сегодня ночью вновь дежурит База — ребята так прозвали нелюбимую воспитательницу за её грузную фигуру: узкие плечи, массивный зад и толстые ноги, из-за этого она ходит так, словно с трудом их за собой таскает, при этом голова её как-то неестественно покачивается из стороны в сторону, словно перевёрнутый маятник. Но дети невзлюбили воспитательницу не столько за её некрасивую фигуру, сколько за грубость. Низкий голос Базы, наверное, никогда не знал — а потому и не выдаёт — обычных ласковых интонаций. Воспитательница всегда говорит отрывисто, будто топором отрубает одно слово от другого; но если что-то случается не так, если кто-то из детей проказничает, её бас легко срывается на пронзительный бабий крик. К тому же, разговаривая с воспитанниками, она позволяет себе бросать в их адрес такие обращения, как «нахалка-хабалка» и «стервец-сорванец». И дети между собой никогда не называют её по имени...

Недавно во время «Музыкальной викторины» База спросила старшекласников, собравшихся в игровой комнате: «Кто у вас тут петь умеет?» Ребята дружно показали на Рушану. Воспитательница, зная сложный характер девочки, от которого у всех одни неприятности, презрительно подняла бровь: «И что, больше никто?..» Дети отрицательно замотали головами: мальчишки проявляли к «детсадовской» игре полное равнодушие, а девчонки просто не хотели связываться с «воспиталкой». Такое поведение одноклассников Рушана приняла сначала за предательство, потом подумала: «А может, они ждут какого-то такого поступка... типа мести?» — но сомневалась, стоит ли вновь лезть на рожон. Однако после того, как воспитательница к ней обратилась, девочка уже больше ни о чём, кроме мщения, думать не могла. База с кривой усмешкой пробасила:

— Ну... выходи, маленькая хабалка... В какой песне поётся про майскую Москву?.. Изобрази... раз ты у нас певица.

Как и большинство одноклассников, Рушана быстро раскусила чересчур лёгкое задание: вспомнить и спеть «Запах тополиный и сиреневый», но всё внутри неё вскипело. Девочка гордо подняла голову, вышла в центр игровой комнаты, будто на арену, — по кругу на стульях сидели сверстники... «Хотите цирк? Будет вам цирк!» — про себя сказала она, низко поклонилась, потребовав тем самым приветственных аплодисментов, и, отбивая ногами что-то наподобие степа, громко по-блатному запела:

— Сигарета гаснет что-то, что-то меня так тревожит, или прокликает кто-то, или вспоминает, может...

— Прекрати, — сорвался голос Базы. — Всё!.. Хватит!

Но Рушану это только раззадорило:

— Не всё! — резко бросила она и захлопала в ладоши в ритм мелодии. Одноклассники её поддержали. Рушана ещё звонче пропела: — Ды-ым ко-ольцами, облака и там и тут, разные у нас автобусы, у тебя другой маршрут!..

— Во-он!.. Хамка! — прогремело над головой девочки.

Рушана не стала дожидаться, когда воспитательница своей тяжёлой рукой закатит ей оплеуху, шмыгнула за спины смеющихся мальчишек...

Внеклассное занятие сорвано. Месть состоялась. Весёлый день перетёк в грустную ночь... Как ни странно, Руша всегда с трепетом ждала именно те ночи, когда дежурила База: после обхода воспитательница обычно крепко засыпала в своей комнате (она жила при интернате), и тогда ночь превращалась в сказку...

Сладко сопят в палате девчонки.

Рушана неслышно встала с постели, вытащила из-под подушки книжку, засунула её под резинку пижамных штанов, сверху для надёжности потуже завязала пояс. Взяла толстые носки — их тоже заткнула за пояс, и босиком выскользнула из палаты. В полутёмном коридоре бесшумно, уверенно прошла к высокому окну, ловко взобралась на подоконник, подтянулась к открытой широкой форточке, перелезла наружу и, держась за крепкую фрамугу, осторожно продвинулась по карнизу в угол окна. Не отцепляясь одной рукой от крепкой рамы, другой рукой и одной ногой, зависшими над пропастью в три этажа, дотянулась до пожарной лестницы... небольшое усилие — и она на ней. Теперь быстрее вверх. Девочка легко перелезла через парапет пологой крыши и на четвереньках проползла к слуховому окну чердака. Там уже ждал Толян — он, как привидение из мультика «Малыш и Карлсон», сидел, укутавшись в белую простыню.

— Прохладно сегодня, — прошептал Толик, — айда ко мне, укройся, — он широко, словно большое белое крыло, распахнул простыню.

Рушана быстро надела носки и юркнула «под крыло».

— Здрово!.. Фонарик не забыл?

— Ты что-о... — протянул подросток, — я даже спички с папиросами не забыл. Ну что, сначала курим или читаем?

— Курим, — деловито отозвалась Рушана. — Опять Малявка в киоск бегала?

— А кто ж? Мне не дадут, а ей продавщица верит... Ты ловко научила, Мила теперь как настоящая артистка играет свою роль. Тётки в очереди верят, что если она не принесёт домой «Казбек», то пьяный папка её убьёт...

Толя вдруг умолк, задумался. Достал пачку, вытащил две папиросы, прикурил сам и помог прикурить Рушане. Слегка затаялся, немного закашлялся, а Рушана закурила по-настоящему. Толик вновь подумал о сестрёнке, о том, как ей приходится добывать эти папиросы. Волна стыда подкатила к горлу, но он её подавил и, будто оправдываясь, сказал:

— Ничего... в жизни иногда надо быть артистом... А ты, — подросток внимательно всмотрелся в лицо подруги, — давно куришь?

— Да, — жёстко, будто с обидой, ответила Рушана, но, осмыслив интонацию вопроса, поняла, что осуждения в нём ни капли не было, и уже мягче добавила: — Один мамкин хахаль научил... Мне было шесть... он ржал, как придурак, когда у меня голова кружилась... Не хочу вспоминать.

— Извини, мне просто интересно...

— Да ладно... Я теперь уже никогда не брошу...

— Почему?

— Понравилось, уже тянет... Ну и ладно, почти все взрослые курят... Помню, и мамка курила... Выйду из детдома и не буду прятаться ни от

кого... Девчонки у нас многие балуются, только скрывают, даже, кажется, от самих себя, — ухмыльнулась Рушана.

— А у меня бабушка курила, — оживился Толик, радуясь, что своим признанием может хоть как-то поддержать Рушану и чуточку стать ей ближе. — Она, похоже, всегда таилась, и я не знал... А когда родители погибли, она перестала скрывать, и я начал у неё таскать потихоньку.

— Ну, ещё по одной? — спросила Рушана, бросив далеко перед собой окурок. — Гляди-ка, как звёздочка полетел... Давай, доставай... и больше не будем, надо экономить, растягивать удовольствие.

Толик затушил недокуренную папиросу о металлическую крышу, достал из начатой пачки, спрятанной за пазухой, ещё две. Подростки вновь закурили...

Толя и его младшая сестрёнка Мила осиротели не так давно, их родители, часто ездившие в заграничные командировки, погибли в авиакатастрофе. Дети остались с бабушкой — матерью отца. Но бабушка недолго протянула после смерти сына и снохи, и Толя с Милой этим летом остались совсем одни.

Попав в детдом, Толик замкнулся, со сверстниками почти не общался: мальчишки считали его слишком умным, культурным, примерным пай-мальчиком и поэтому сторонились, а Толя в силу своей гордости в друзья ни к кому не навязывался. И девчонок — хитрых и жеманных — он стеснялся, но с Рушаной как-то быстро нашёл общий язык. Первый раз он увидел её в столовой: быстрая, спортивная, прямая, как тонкая берёзка, большеголовая девочка с огромными яркими карими глазами, с коротко остриженными, густыми непослушными волосами показалась ему похожей на инопланетянку. Когда детдомовцы расселись на обед, получилось так, что он и «инопланетянка» оказались за разными столами, но рядом — спина к спине. Он нечаянно тогда пролил на себя компот, верней, кто-то нарочно толкнул его под руку, и пацаны подняли новичка на смех. Толя растерялся. Рушана, оглянувшись и быстро сообразив, в чём дело, встала, спокойно поставила перед ним свой ещё нетронутый компот, взяла его пустой стакан, гордо прошла к раздаче и там попросила добавки. Повар ей налила, хотя добавкой ребят особо не баловали, тем более сладким компотом. Компот — не молочный суп, который дети не любили, но его почему-то разливали по тарелкам щедро.

Многое Толика и Рушану объединило в дружбе: они оба очень любили читать, оба не умели и не хотели послушно притворяться, оба остро ощущали несправедливость судьбы и глубокое одиночество... И ночные вылазки на крышу стали совместными.

— У тебя есть мечта? — тихо спросил Толик, разглядывая далеко перед собой окна домов: во многих уже не было света, город засыпал. С крыши трёхэтажного детдома, что лишь чуть ниже современных пятиэтажных «хрущёвок», просматривалась неплохая перспектива.

— Есть... — тоже не глядя на соседа, ответила Рушана, — поскорей вырваться из этой тюрьмы.

— А кем хочешь стать?

— Всё равно, лишь бы был свой дом.

— Хорошая мечта, — Толя вздохнул, — свой дом, это значит, и своя семья...

— Не знаю, — дёрнула плечом Руша, — не думала об этом.

— Я читал, что нужно чётко представлять свою мечту, тогда она обязательно сбудется.

— А я слышала, что если успеть загадать желание, когда увидишь падающую звезду, вот тогда точно сбудется, — Рушана задрала голову к небу.

— А какого мужа ты бы себе хотела? — неуверенно и как-то вкрадчиво прозвучал голос Толика.

— Какого мужа? — удивлённо переспросила Руша. Задумалась. И вдруг резко выпустила изо рта дым, далеко перед собой швырнула докуренную папиросу и, повернувшись к соседу, в лицо ему сказала так, будто её только что осенило. — А вот и знаю, какого.

— Ну?..

— Как новый воспитатель Евгений Андреевич... Хотя раньше думала, что хотела бы такого отца... даже представляла, как он меня усыновил бы... И жена у него хорошая...

— Удочерил, — поправил мальчик и, как и она, бросил непотушенную папиросу, затем бережно натянул простыню им обоим на колени.

— Да, удочерил, — повторила Руша. — Но они... он... никогда этого не сделает.

— Почему?

— Потому что я уже большая... Потому что они, наверное, своего ребёнка ещё родят... А вот влюбиться в такого, как Евгений Андреевич, я бы могла точно... Знаешь, он такой умный, такой добрый... он при всех меня ласково назвал Рушенькой-Душенькой. Представляешь? Я привыкла к Рушке-Пушке, к Рушке-Врушке, хотя не вру, просто мне девчонки не верят, а тут — Рушенька-Душенька... и по голове погладил. Он всегда, когда ночью дежурит, всех девчонок перед сном тихонько по голове или по руке хоть раз да погладит... Руки у него такие мягкие, тёплые... Кому подушку, кому одеяло поправит... И всегда сядет посреди палаты и всякие истории про геологов, про географию рассказывает. Интересно... люблю всякие истории... А ты?..

— Что я? — не понял Толик вопроса и уставился на подругу, широко открыв большие серые глаза. Рушу иногда смущал его внимательный взгляд, непонятно что пытающийся прочесть в ней. Что-то в нём было цепкое, что-то такое, что не позволяло иногда просто взять и отвернуться.

— Какую жену хотел бы? — преодолела неловкость Рушана.

— Как моя мама, — не задумываясь, ответил мальчик. Посмотрел на небо, потом вновь на Рушу и таинственно полусёпотом продолжил: — Мне кажется, когда ты будешь старше, то будешь на неё похожа... Ты уже похожа, глаза такие же большие, нос курносый...

— Дурак, что ли? — беззлобно перебила девочка. — Ты чё, влюбился?! — изумилась она и скрыла смущение. — Вот смех...

Толик опустил глаза. Шумно засопел, но не шелохнулся, совладал с нахлынувшим волнением и спокойно ответил:

— А если и так?.. Что, дружить со мной не будешь? Я ведь не прошу тебя прям щас... В книгах пишут, что дружба часто переходит в любовь...

— Ну ты даёшь!.. — голос девочки дрогнул.

— Рушана... только не смейся... Я... я ещё сам не знаю... но ты... ты нравишься мне, вот и всё!.. Всё, давай больше не будем об этом, — взволнованно произнёс Толик и отвернулся в сторону.

Рушана тоже отвернулась. Она смотрела прямо перед собой, но ничего не видела. Сердце её забилось быстрее. Девочка вдруг почувствовала какую-то непонятную слабость, какую-то мелкую глубокую дрожь. Подумала, что начала замерзать.

— Давай не будем... — согласилась она. — Ты... тоже нравишься, ты... ты настоящий... но...

— Молчи! — он резко повернулся к ней, обхватил её плечи, вытянул перед собой руки, тем самым немного отстранил подругу от себя и выпалил: — Я сам не знаю... — и вдруг обмяк, улыбнулся во весь рот, его зубы в темноте показались необыкновенно белыми. — Давай повзрослеем ещё, потом когда-нибудь поговорим... глупо сейчас загадывать, даже если звезда упадёт... Вон, видишь, летит!.. — он резко взмахнул рукой вверх.

Рушана подняла голову, а Толик вдруг легонько щёлкнул её по носу.

— Обманщик! — вздрогнула Руша и, незлобиво хлопнув его по руке, тихо засмеялась. Озноб сразу прошёл.

— Не обманщик, — тихо сказал он, — ты просто не успела увидеть... Ой, я чуть фонарик не выронил... Ты книжку принесла? Читать-то будем?

— Конечно.

— Какую?

— Евгений Андреевич о «Тайне реки злых духов» рассказывал.

- Интересная книжка.
- Читал?
- Нет... слышал, мечтал почитать. Вот видишь, мечты уже сбываются...

Рушана достала книгу и, поправив простыню, аккуратно раскрыла том, положила себе на колени. Толик включил фонарик.

— Кто первый? — спросила она.

— Я, — ответил он, прижался к её плечу и тихо начал: «Их было девятнадцать. Семнадцать мужчин и две женщины. Они сидели у костра и с мольбой и надеждой поглядывали на своего вождя...»

Наутро в интернате случился переполох. Кто-то из жильцов соседнего дома доложил директору, что ночью на крыше сидели двое детей. Директор срочно пригласил к себе всех воспитателей.

— Я несколько раз делала обход, всё было спокойно... Это хулиганка Рушка... больше на такое никто не способен... — со злостью резюмировала отдежурившая воспитательница.

— Способен, — заметил Виктор Семёнович.

— Нет, — отрубил она.

— Ну как же нет? Ведь ясно сказано: на крыше видели двоих.

— Это её проделки... Значит, уже совратила кого-то.

— Выбирайте выражения, Ада Борисовна...

Рушану вызвали к директору. Девочка спокойно вошла.

— Здравствуйте.

В небольшом кабинете в центре одного стола сидел Виктор Семёнович, по бокам у другого стола — воспитатели и завуч Любовь Егоровна.

— Здравствуй, Рушана, — за всех ответил Виктор Семёнович и без обиняков спросил: — Скажи, что ты делала сегодня ночью на крыше?

— На звёзды смотрела, — без тени сомнения, даже с каким-то достоинством ответила девочка.

— Нет!.. Только гляньте на неё!.. Что за наглость?! Она просто издевается!.. Да... после её выходки на «Музвикторине» я уже не удивлюсь ничему!.. Даже если она окажется воровкой... — по лицу и шее воспитательницы поползли красные пятна, словно База только что вышла из бани. Она нервно ёрзала на стуле, при этом большое тело её противно, как холодец, колыхалось под тёмным штапельным платьем, а маленькие крысиные глазки так и сверлили виновницу переполоха.

— Ну... Ада Борисовна, вы, пожалуйста, ярлыками-то не разбрасывайтесь, — тихо сказал директор и с упрёком добавил: — Ведь это случилось в ваше дежурство...

— Что?.. Мне за ней... на крышу, что ли?.. Цирк!..

— Ада Борисовна, — взыскательно одёрнула Любовь Егоровна. Она преподавала детям математику, была очень требовательной учительницей, дети робели перед ней, но боязнь эта была больше не от страха, а от уважения. И сейчас, как и всегда, Любовь Егоровна сидела за столом в своём строгом сером костюме — словно вылитая из стали, даже в голосе её зазвучали холодные металлические нотки. — Оставим разговор о дежурстве на потом... Рушана, — голос завуча стал мягче, она внимательно, чуть наклонив голову, посмотрела на воспитанницу. — Скажи нам, пожалуйста, с кем ты... на звёзды смотрела? Жильцы дома, что напротив нашего интерната, сказали, вас было двое, вы кутались во что-то белое... нетрудно догадаться, что в простыню... Так с кем ты была?

Рушана потупила взор, промолчала, через мгновение её потянуло посмотреть в строгие и в то же время тёплые лучистые глаза Евгения Андреевича. И она глянула так, словно ждала от него какого-то важного слова, но он ничего не сказал. Рушана вновь опустила глаза, так и не ответив.

— Рушана, с кем ты была? — уже настойчивей повторила вопрос Любовь Егоровна.

Девочка упрямо сжала рот.

— С новеньким она путается... с этим... — пробасила База.

— Ада Борисовна, — пресёк директор.

В кабинете нависла грозная тишина. Вдруг Рушана услышала бархатистый, не укоряющий, но тревожный голос Евгения Андреевича:

— Руша, ты понимаешь, что рисковала жизнью?.. Рискował и тот, кто был рядом с тобой. Мне страшно... — он поймал короткий удивлённый взгляд девочки. — Да, правда, — словно отвечая ей, продолжил Евгений Андреевич, — страшно представить, что с вами могло случиться... Окоченели бы руки, и вы бы не удержались на лестнице... вы же по пожарной лазали, другого хода нет, чердак закрыт... А вдруг кто-то из вас не дотянулся бы до окна? Вы очень рисковали... играли со смертью! Какое счастье, что всё обошлось. Счастье и то, что вас заметили... жильцы дома не предали вас, а тоже за вас испугались... И спасибо, что кто-то оказался неравнодушным и предупредил нас, тем самым вовремя остановил вас. Ведь вы больше такого не сделаете?

Рушана подняла на воспитателя полные слёз глаза: ей никогда раньше не хотелось так плакать, с ней никто из взрослых так тепло не разговаривал, ей показалось, Евгений Андреевич сейчас встанет, подойдёт и снова погладит её по голове... И она ему, только ему тихо проговорила, первый раз за долгие детдомовские годы:

— Я больше не буду.

— А тот... с кем ты была? — мягко спросил воспитатель.

— Не скажу... простите... он тоже не будет...

Днём состоялся малый педсовет, обсуждалось ночное ЧП.

Ада Борисовна сообщила, что сегодня Катя, одноклассница Рушаны, сказала, с кем девочка была на крыше, что Руша сама Кате хвасталась: с ней действительно был новенький мальчик Толя: «Тихоня-тихоня такой... а в тихом омуте...» — аргументировала воспитательница. Она предлагала, пока ещё есть время до нового учебного года, отправить Толика в другой детдом. А Рушану на время поселить в медицинском изоляторе.

— Пока каникулы... пусть посидит... подумает! — рублила воспитательница.

— Это невозможно. Во-первых, Толик здесь не один, у него есть младшая сестра и мы не вправе их разлучать. Во-вторых, Рушана здорова, и просто смешно помещать здорового ребёнка в изолятор, — возразил кто-то из педагогов.

— Она сама от рук отбилась... и других за собой тянет, — громче всех говорила Ада Борисовна. — Лучше всего сдать её в детскую комнату милиции...

— Да лучше уж сразу в тюрьму, в одиночную камеру, — вступился Евгений Андреевич и в порыве встал. — Неужели вы, Ада Борисовна, не понимаете, она и без того здесь лишена всего — родительской любви, элементарного человеческого тепла, нормального общения со взрослыми? Вот вы хоть раз доброе слово сказали?..

— А при чём тут я, если родители бросили...

— Ни при чём, — успокоившись, сказал Евгений Андреевич и обратился ко всем присутствующим: — Уважаемые коллеги, лично я против наказания детей трудом, против наказания изоляцией и вообще против какого-либо морального и физического наказания.

— Ха!.. — вспыхнула Ада Борисовна, — может, вы похвалите их?!

— Ада Борисовна, то, что вы предлагаете, не то что непедagogично, а, простите, преступно!.. Почитайте Сухомлинского...

— Да вы тут... без году неделя... а я с первых дней... И вы меня учите?!

Евгений Андреевич не обратил внимания на выпад в свой адрес, а директор громко сказал:

— Товарищи, прошу по существу!

— Коллеги, — обратился ко всем Евгений Андреевич, — предлагаю провести с девочкой воспитательную беседу... — он извинительно улыбнулся. — И ещё... Я знаю, что Рушана и Толик дружат, и дружба их, как бы это деликатней сказать... серьёзная, завязалась на душевной, духовной общности, и в то же время она... нежная. Я общался с обоими и отдаю себе отчёт в том, что говорю. Дети сейчас в таком возрасте, когда они могут переживать особое эмоциональное состояние, а в условиях детдома они

драматично воспринимают всё, что с ними происходит... Они мечтают о счастье гораздо острее, чем обычные дети при родителях, тем более Толик совсем недавно осиротел... Мы не должны разрушать их дружбу. Мы обязаны как-то помочь им сохранить её чистоту...

— Может, поженим их?

— Ада Борисовна, прекратите уже... — директор перевёл дыхание, ослабил галстук. — А вы, Евгений Андреевич, присядьте, пожалуйста, вас и так хорошо слышно.

Педагоги напряглись: все, кто не первый год работал с Виктором Семёновичем, знали, что это движение с галстуком означает только одно: руководитель выслушал интересующие его мнения и готов «вынести приговор». И если раньше эта привычка директора служила предметом улыбок и беззлобной иронии, то теперь подчинённым было не до шуток.

— Ада Борисовна, вы глубоко неправы, — спокойно сказал Виктор Семёнович, — на вашем месте я бы для начала больше слушал, чем говорил. В конце концов, если бы вы добросовестно дежурили, то дети на крышу не попали, и мы все сейчас работали бы в обычном режиме... Я ждал от вас объяснения, почему всё так произошло. Вместо этого вы, будто совершенно не чувствуя, а значит, и не осознавая своей вины, собираете детские сплетни, нападаете на коллег, выдумываете изощрённые наказания, которые могут наше внутреннее ЧП — к счастью, оно обошлось без тяжёлых последствий — придать широкой огласке...

— Может, мне уволиться?.. Вы набрали молодых заслуженных... Старые проверенные... теперь не нужны?! — Ада Борисовна тяжело дышала.

— Я вам этого не предлагал, думал, достаточно будет выговора... но если вы, Ада Борисовна, хотите уйти по собственному желанию — это ваше право. Теперь что касается девочки... Евгений Андреевич, думаю, и педагоги меня поддержат, — он окинул присутствующих пронизательным взглядом, вновь поправил галстук, — я доверяю вам провести воспитательную беседу, но не одну, а три: с девочкой, с мальчиком и с ними обоими... Сегодня я видел, как Рушана на вас смотрела, она вам верит. Не подведите...

Татьяна Корнеевна всё время молчала: внешне спокойная, она пережила за мужа и... восхищалась им.

Настали зимние каникулы. В холле на первом этаже, напоминая о прошедшем шумном празднике, грустно мигала огнями новогодняя ёлка. Интернет почти опустел: многие воспитанники разъехались погостить к своим далёким и близким родственникам. Вечерами в коридорах и палатах было необычно тихо. Некоторые мальчишки и девчонки сидели за шахматами, кто-то играл в «Морской бой», кто-то в крестики-нолики. Но большинство

ребят сгрудились у телевизора в вожатской комнате, смотрели недавно вышедший на экраны и сразу полюбившийся детворе комедийный детский киножурнал «Ералаш».

Евгений Андреевич, незадолго до передачи дежурной смены другому воспитателю, обходил помещения и заметил, что ни тут, ни там среди ребят нет Рушаны. Нынче так вышло, что все девочки из палаты восьмиклассниц разъехались, и Руша осталась одна. Когда в каникулярное время возникали такие ситуации, разновозрастных детей поселяли в одну комнату. «Наверное, вещи собирает, надо её предупредить...» — подумал воспитатель и направился на третий этаж.

Рушана действительно была в палате. Заслышав в коридоре шаги, она соскочила с кровати, привычными быстрыми движениями поправила покрывало, потому что детям строго-настрого запрещалось среди бела дня сидеть или лежать на постелях. Девочка, словно мышка, юркнула на стул у тумбочки. Успела... Но глаза от слёз вытереть не успела, да и бесполезно их было вытирать: веки распухли, лицо покрылось красными пятнами.

— Что случилось, Рушенька-Душенька? — с порога спросил воспитатель. Взял свободный стул и присел рядом с девочкой.

Рушана перевела дыхание, но не ответила, лишь плотнее сжала губы и потупила взор.

— Прости за глупый вопрос, кажется, я знаю... — Евгений Андреевич придвинул стул так, чтобы оказаться напротив девочки, взял её холодную ладонь. — Рушана, тебе надо набраться терпения и мужества... понимаю, разлука — это больно... Но ведь вы с Толиком можете друг другу писать, наверняка договорились.

— Угу, — кивнула девочка и вновь расплакалась.

— Ну-ну... — растерянно пробубнил воспитатель, осторожно погладил Рушану по голове, потом нашёлся: — Толику тоже очень трудно... но он поступил как настоящий старший брат, не оставил сестрёнку одну. Ему важно быть рядом с ней.

— Это навсегда! — Рушана закрыла лицо руками и заплакала навзрыд.

— Что навсегда? — задал вопрос педагог, понимая, что девочке важно сейчас выговориться.

— Уехал навсегда... Они... они... не вернуться... никогда-а! — сквозь душащие слёзы с трудом проговорила Рушана.

Евгений Андреевич встал.

— Я сейчас, — он быстро вышел в коридор, где стоял бак с кипячёной водой, и через мгновение вернулся с полной эмалированной кружечкой: — Попей.

Рушана, захлёбываясь и обливаясь, выпила всю воду. Немного успокоилась.

— Давай рассудим... — мягко заговорил педагог.

Осенью Мила, сестрёнка Толика, попала в инфекционную больницу с подозрением на страшный менингит. Когда Милу выписали, её сразу направили в Казанский детский санаторий, а после реабилитации — в Казанский детдом. И Толик, закончив программу полугодия, настоял, чтобы его перевели туда же...

— Рушана, всё не так безысходно, как тебе сейчас кажется, — успокаивал Евгений Андреевич. — Когда-нибудь вы сможете встретиться, главное, не терять связь друг с другом, а значит, писать письма... Жизнь преподносит разные испытания, их нужно переносить с достоинством... Послушай, вместо того, чтобы сейчас рыдать, возьми ручку и бумагу, напиши Толику письмо, а вечером, когда ты пойдёшь к нам с Татьяной Корнеевой в гости, мы с тобой зайдём на почту, отправим письмо.

Рушана широко открыла красные от слёз глаза.

— К вам в гости?

— Да, — улыбнулся воспитатель и осторожно убрал со лба девочки сбившиеся волосы. — Мы с Татьяной Корнеевой тебя приглашаем... Надеюсь, ты не откажешься?

— А меня пустят?

— Конечно... нет, — серьёзно сказал Евгений Андреевич, — мы уже повесили вот такой, — он широко развёл руки и будто нечаянно задел девочку за нос, — амбарный замок на дверь, специально, чтобы тебя не пустить...

— Нет... — смутилась девочка, — из интерната... разрешат?..

— Уже разрешили, Виктор Семёнович подписал моё заявление. А Татьяна Корнеевна и её замечательная мама уже пекут для встречи дорогой гостью вкусный-вкусный пирог с капустой и грибами. Знаешь, как у них это получается? М-м... ум отъешь, все печали забудешь, — весело подмигнул воспитатель. — Татьяна Корнеевна хочет отблагодарить тебя за то, что ты над её малышами взяла шефство, помогаешь ей... Впрочем, она сама тебе всё скажет. Но и я тебе говорю: ты умница... и, по-моему, ты перестала курить.

— Угу, — зарделась девочка, — а как вы узнали, что я курила?

— Секрет... Я очень рад за тебя, Рушенька-Душенька!.. Просто горжусь тобой...

Рушана познакомилась с большой семьёй. В тот день, когда она первый раз пришла в гости к воспитателям, там были не только родители Татьяны Корнеевны: на новогодние праздники приехал её брат Сергей Корнеевич, он недавно окончил Рижский институт, став инженером, специалистом

по ЭВМ¹, и вернулся работать в Сыктывкар; была и сестра Татьяны Корнеевны Надя (она попросила, чтобы девочка её называла без отчества). Надя выучилась на бухгалтера и в Набережные Челны приехала вместе с родителями, до замужества жила с ними. Полгода назад она вышла замуж, но к сестре пришла специально для того, чтобы познакомиться с Рушаной, о которой так много рассказывали Татьяна и Евгений.

Попав однажды в гости, Рушана потом частенько по выходным бывала у Харюковых и Череповых, иногда даже оставалась с ночёвкой. Она как родных полюбила Ольгу Петровну и Корнея Корнеевича и попросила разрешения называть их бабушкой и дедушкой. Весной Татьяна Корнеевна заболела, и Евгений Андреевич вместе с Рушей навещали её в больнице. А когда Татьяну Корнеевну выписали — как раз к дню рождения Рушаны, — то на радостях всей семьёй пошли в «Детский мир», купили девочке нарядные банты и платьице к лету, потом погуляли по берегу Камы, а вечером пили чай с вкусным тортом...

Дружба Рушаны и Толика продолжилась в письмах. Друзья мечтали о скорой встрече, однако она не состоялась.

Когда дети окончили восемь классов, их направили в детдома, где можно было получить полное среднее образование. Толик остался в Казани, но его перевели в детдом другого района, и разлуки с сестрёнкой уже было не избежать. А Рушану из Набережных Челнов перевели в Заинск. Перед очередным переездом Руша уговорила Евгения Андреевича слетать с ней в Казань: она очень хотела найти свою мать, а ещё увидеть Толика. Но когда воспитатель с девочкой приехали в детдом, где их должен был ждать Толик, выяснилось, что его как примерного ученика отправили на всё лето в «Артек». Сообщить об этом мальчик не успел — всё случилось неожиданно быстро.

Зато с матерью девочка встретилась.

— Вот эта улица, вот этот дом... — сказал Евгений Андреевич, вспомнив, как восемь лет назад он с подобным трепетом в душе первый раз входил в дом, где жила Татьяна и её родители. В действительности иногда случаются ситуации дежавю, проживаемые в разных обстоятельствах, в разных временных точках твоей, нарисовавшейся как на бумаге, линии жизни; какой-то один мотив звучит в происходящем сегодня так, как когда-то однажды уже слышался. И этот мотив неожиданно ярко, по-новому, с высоты прожитых лет «озвучивает», как бы высвечивает в памяти прошлое и тут же заставляет пристальнее взглянуться в настоящее — оно другое: в нём есть что-то из прошлого, и ты до глубокой тревоги начинаешь волноваться, ощущая, — такое уже было... но такое ли?..

¹ Электронная вычислительная машина.

Когда Евгений Андреевич и Рушана оказались у нужной двери, учитель остановился, слегка наклонился, заглянул в полные растерянности глаза девочки, по-отечески приобнял её за плечи и ободряюще сказал:

— Рушана, я тебя здесь подожду, — он махнул одной рукой, указывая на лестничную площадку, расположенную ниже, и вновь, теперь уже крепче, обхватил плечи девочки. — Если всё будет хорошо и... ты решишь немного погостить, то, пожалуйста, выйди, предупреди... Там подумаем, как всё обустроить... Поняла?

В ответ девочка робко кивнула. Учитель оставил её, спустился на пол-этажа, присел на подоконник.

— Ну, звони! — громко прошептал он.

Рушана нажала на кнопку звонка. Долго ждать не пришлось: дверь со стуком широко распахнулась внутрь полутёмного коридора квартиры. У двери стоял лохматый лупоглазый мальчишка лет пяти-шести, на нём были простые серые колготы с вытянутыми коленками, сползшие под живот малыша, и над их свободной резинкой маленькой пуговкой торчал голый пупок.

— Мам!.. Тут большая девочка! — крикнул он и убежал в глубь квартиры.

— Какая ещё большая девочка? — донёсся хриплый женский голос. — Ты зачем без спроса открываешь? Сколько тебя учить!..

Рушана замерла на пороге. Вскоре к двери подошла... мать. Девочка сразу узнала её, хоть та и изменилась: поправилась и стала будто моложе, чем помнилась. Рушана ощутила дрожь, холодом охватившую горло, грудь, колени... во рту пересохло... Девочка оглянулась на Евгения Андреевича, он подбадривающе кивнул, мол, вперёд...

— Здравствуйте, — голос плохо слушался Рушану.

— Здравствуй... Ты к кому? — женщина держала полотенце, спешно вытирала руки. Она спокойно смотрела на нечаянную гостью, уверенная, что та ошиблась квартирой.

— К вам... Вы же Фая.

— Да... — подтвердила хозяйка и пытливо глянула на девочку.

— А я... Рушана.

Глаза женщины округлились, она, на вздохе вскрикнув шёпотом короткое «а», прикрыла рот рукой. Спустя мгновение еле слышно проговорила:

— Пришла... — ноги матери подкосились, чтобы не упасть, она медленно опустила на длинную тумбочку для обуви, не сводя с дочери безумных глаз. Прохрипела: — Зайди...

Рушана вошла и прикрыла за собой дверь. Мать, не вставая, потянулась к выключателю, дёрнула длинный тонкий шнурок, загорелся свет. Вновь в коридор, громко топая пятками, прибежал мальчик, в руке он держал ма-

ленького пластмассового зелёного солдатика. Наверное, поведение матери ему показалось странным, свободной рукой он затеребил короткий рукав её домашнего платья и, с любопытством разглядывая гостью, спросил:

— Ма-ам, кто это?

— Э-э... — сдавленно протянула мать, машинально погладила сына по спине, — это...

Тут Рушана неожиданно для самой себя спокойно сказала:

— Я твоя сестра, — она натянуто улыбнулась. — Привет, — слегка наклонилась навстречу малышу и протянула руку.

Мальчик спрятал обе руки за спину и неожиданно звонко рассмеялся, словно его пощекотали:

— Врёшь, у меня нет сестры...

— Иди в комнату, — придя в себя, строго одёрнула мать и легонько шлёпнула сына по попе. — Поиграй с танком, папа вчера поставил новые батарейки...

— Ура-а!.. — убежал довольный сын. В дальней комнате сразу же что-то загремело, зажужжало, поддерживаемое самозабвенным мальчишеским «тр-р-р, тр-р...».

Мать вытерла полотенцем сухое лицо, встала.

— Идём на кухню... не разувайся.

Они сели друг против друга за стол, стоящий у стены, Рушана не решилась пройти в глубь кухни и опустилась на табурет, что был ближе к двери. Она внимательно смотрела на мать, но ни слова не могла произнести, да и не знала, что говорить: разглядела в мечущемся взоре матери страх, словно та видела перед собой не дочь, а привидение.

Мать вдруг дёрнулась, будто вспомнив что-то, нервно спросила:

— Чай будешь?

— Нет, спасибо... — ответила Рушана и, сама не понимая почему, добавила: — Я ненадолго...

Мать вздохнула, опустила плечи, достала из кармана цветастого платья тёмно-синюю пачку «Космоса», закурила.

— Ты... уже не пьёшь? — тихо спросила Рушана и вдруг поняла, что ей о многом хочется расспросить мать. Сколько раз она представляла эту встречу!.. Сколько раз мысленно говорила с матерью!..

— Вылечилась... Потом замуж вышла... — прозвучал сухой ответ.

— Ясно...

— Что тебе ясно? — шипя, вдруг вскрикнулась мать. В её затравленных глазах заблестели слёзы. Она громко, как придушенная, засипела: — Твой отец во всём виноват, и в том, что пила, и в том, что тебя оставила... Можешь и его найти, он в Свердловске, и его спросить...

— Не-ет, только ты виновата... Ты — мать... — Рушану будто прорвало. — Ты оставила меня в детдоме... ты забыла о моём существовании... если бы я тебя не нашла, ты так и не узнала бы, жива я или нет! Ты не хотела даже знать... а мне надо знать!.. мне надо было увидеть свою родную мать, чтобы спросить, за что... за что ты меня ненавидишь?!

— Не кричи!.. Не говори так! Мне больно...

— Больно?! — Рушана подалась вперёд. — А я мечтала, чтобы тебе было больно... очень-очень больно, как мне! А ты... — Рушана только сейчас придирчиво окинула взглядом чистую уютную кухню, — а ты тут счастье своё строишь... Ни фига тебе не больно!.. Ты боишься!.. боишься меня, сироту, что приду и заберу твоё счастье... Не бойся... я — си-ро-та! Моя мать давно мертва!.. — девочка обессиленно прислонилась плечом к стене, ей хотелось закрыть глаза, но она не могла отвести их от матери.

Длинный столбик пепла упал на стол. Вот так теплится и однажды обрывается надежда, беззвучно рассыпается пеплом — безвольным, бесцветным... Мать торопливо бросила в чистую пепельницу почти целую потухшую сигарету. Закурила другую, делая частые глубокие затяжки и шумно выпуская дым. Она не смотрела на дочь, её невидящий взгляд был устремлён в пол, как в пустоту.

— Прости... — по щекам матери потекли слёзы. Покачиваясь, она встала из-за стола, полотенце с колен упало под ноги, но мать этого не заметила. Дрожащей рукой затушила окурок, машинально взяла пепельницу, подошла к раковине и вымыла. Отжала посудную тряпку, вернулась к столу, вытерла, поставила пепельницу, прошла к раковине, умылась, протянула руку, чтобы снять с крючка на стене полотенце... Опомнилась... огляделась... подняла с полу полотенце, утёрлась, повесила его на крючок и вновь села на место. Она не смотрела на дочь. Она уже не плакала.

Рушане вдруг стало всё безразлично, будто в один миг из её сердца вывалился огромный булыжник и вдребезги разбился, в образовавшейся дыре засвистел ветер — сначала ледяной, потом теплей... Девочка прислушалась к ощущениям и улыбнулась: вместе с тяжестью пропал и страх, словно она наконец-то очнулась от долгого кошмарного сна. Рушана вдруг поняла: это — свобода, та самая, которую она так долго ждала... Та самая, когда стоишь на краю обрыва, а вокруг — необъятный простор... и тёплый ветер в лицо...

Мать встала, решительной походкой прошла в комнату, через некоторое время вернулась.

— Вот, возьми, — она положила на стол сторублёвую купюру, — больше у меня нет... Купи себе что-нибудь из одежды... пальто, туфельки...

— Хм... — скептически поджала губы Рушана, — спасибо за заботу, родна-я, — произнесла по слогам и судорожно рассмеялась, но вдруг, будто захлебнувшись, замолчала. Вскочила, на какой-то миг в нерешительности застыла, потом резким движением схватила деньги в кулак и выбежала из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Молнией слетела вниз по лестнице, упала в объятия Евгения Андреевича, уткнулась лицом в его грудь.

За спиной, как выстрел, щёлкнул замок...

Рушана тихо заплакала. Воспитатель обхватил её дрожащие плечи и сказал:

— Идём отсюда... скорей...

Евгений Андреевич и Рушана не торопясь ужинали в ресторане аэропорта: рейс отложили из-за шквалистого ветра.

Девочка успокоилась. Ела молча, сосредоточившись внутри себя. Лицо её осунулось, губы плотно сжались, боль во взгляде сменилась решимостью. Рушана в одночасье повзрослела. Покончив с едой, отхлебнув из чашки горячий чай, она тихо сказала:

— Спасибо...

Евгений Андреевич кивнул, мол, пожалуйста. Допил свой чай, промокнул губы бумажной салфеткой, переставил на край стола пустые тарелки, положил локти на стол, подался вперёд и с тревогой спросил:

— Рушана, скажи, пожалуйста, только честно, о чём думаешь?

— Как дальше жить, — не по-детски спокойно, не пряча глаз, ответила девочка.

— И как?..

— В Заинск не поеду, — она глубоко вздохнула и откинулась на высокую спинку стула.

— Почему?

— Не хочу, чтобы снова был детдом.

— А что хочешь?

— Работать.

— А как же десять классов?.. Вы же с Толиком мечтали в один пединститут...

— Я передумала. У Толика своя жизнь... А я не хочу работать с детьми.

— Почему?

— Это всегда будет напоминать о детдоме.

— И... куда надумала?

— В техникум... буду жить в общежитии... потом — на стройку...

— Не на завод, именно на стройку?

- Да. Там ветер, свобода...
- Романтика?
- Да.
- Серьёзное решение... Ты хорошо подумала?
- Да... спасибо вам за всё, — девочка первый раз за вечер улыбнулась. — Я никогда не забуду Рушеньку-Душеньку.
- Я тоже...

* * *

Лето 1976-го выдалось на редкость холодным и дождливым: с весны горожане не снимали плащи и резиновые сапоги; межсезонье затянулось больше чем на полгода.

Евгений возвращался домой после очередной беседы с новым директором школы, что уже два года как открылась в одном из соседних районов. Он мечтал устроиться в неё учителем географии, теперь наконец-то получил подтверждение о своём переводе и с доброй новостью торопился к жене. Непогода вызывала ассоциации с эпизодами из недавно прочитанной повести братьев Стругацких «Гадкие лебеди», которая «вышла в свет» посредством самиздата и взбудоражила умы многих представителей советской интеллигенции. Книга попала в руки Евгения благодаря Татьяне — она следила за новинками литературы и иногда доставала даже то, что большинству было недоступно.

Прочитав книгу, Женя и Таня много спорили, так ли уж правы авторы-фантасты, пессимистично изображая людские конфликты и конфликты человечества, утверждая, что человек идёт к собственному банкротству, что у него всё меньше надежды и шансов на просветление. Будучи убеждённым коммунистом, Евгений не соглашался с тем, насколько мрачно авторы описывают действительность, и хотя события перенесены в якобы несуществующую страну, он видел в повести необоснованный намёк на компартию и настаивал: «И правильно сделали, что запретили её издавать». Таня видела в книге глобальное предупреждение: если человек — венец природы, то это вовсе не значит, что он может вести себя по отношению к ней как оголтелый потребитель. Общество же исподволь, но всё больше и больше навязывает ему идеологию «потребляй и будь счастлив», и человек, забывая о законах природы, разрушает её и, в первую очередь, себя. Таня убеждала: «Жить с девизом «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача» — это преступление». Мнение спорщиков совпадало в одном: будущее всегда — в руках детей;

и Евгений, нередко обыгрывая цитату «о будущем не говорят — будущее делают», шуточно заявлял: «Вот тут человек покоряется природе с великим удовольствием».

Промозглый ветер заставил Евгения ощутить скверность дождя, «который явно никуда не торопился»; в душе, несмотря на добрую новость, царил такая же мерзкая погода, вызывающая ощущение обречённости. Вспомнилось из тех же Стругацких, что «весь философский пессимизм — лишь следствие семейных неурядиц», и подумалось: «С этим трудно поспорить».

Нынешним летом, за весь долгий отпуск они с Таней так и не смогли выбраться в Геленджик, в гости к родителям Жени: Таня часто болела; на её самочувствии сказывались не столько дожди и холод, сколько нервные переживания, связанные с семейными пертурбациями. В доме Харюковых и Череповых произошли события, потянувшие за собой много перемен...

...Евгений проснулся оттого, что услышал: Таня плачет. Она лежала в постели и тихонько шмыгала носом, не в силах остановить слёзы.

— Что случилось? — полушёпотом спросил он, приподнялся на локте, тронул жену за плечо. — Снова тот навязчивый сон?.. Ты между родителями в темноте со свечой?..

— Да, — сдавленно ответила Таня, — ты не веришь в сны, а я теперь понимаю: он вещий.

— Танюша, о чём ты... я чего-то не знаю?

Она собралась с духом, повернулась к мужу.

— Вчера, когда ты был на работе, мама сказала: они с отцом разводятся.

— Как разводятся?! — новость Евгения ошеломила.

— Вот так...

Сквозь слёзы Таня поведала: вчера мама ей сообщила о принятом решении, на расспросы дочери отвечать не стала, ушла в свою комнату, закрылась и не выходила весь вечер. Когда Женя вернулся домой, Таня не хотела ничего ему говорить, так как самой ещё ничего не было ясно: она решила дожидаться отца. Отец пришёл очень поздно, Женя к тому времени уснул. Таня спать не могла, вышла к отцу на кухню и прямо в лицо спросила, что между ним и мамой произошло. Он ответил, что честно признался маме: он полюбил другую женщину. От отца Таня узнала и о том, что мама приняла решение ему не мешать: она вернётся в Сыктывкар и даже билеты уже купила; он тоже скоро уедет в длительную командировку на Урал, а что и как сложится потом, не загадывает. Выяснилось и то, что квартира уже готова к размену, что Корней Корнеевич видит в этом для Тани и Жени

большой плюс — скоро у них будет, хоть и со смежными комнатами, но своя «двушка». «Вам с Женькой нужно налаживать жизнь, — всхлипывая, Татьяна повторила слова отца, — вот и налаживайте, а нас простите... про- сти меня, Таня»...

Евгений растерянно произнёс:

— Не верю... Всё вроде хорошо, как же так?..

— Женя, они никогда, понимаешь — никогда! — не выносят сор из избы...

Никогда не выясняют отношений при нас, при детях. Я чувствовала: что-то происходит... Теперь нам всем остаётся только принять случившееся, но я никогда не прощу отцу предательства...

К сентябрю 1976 года Евгений и Татьяна переехали в новую квартиру — она оказалась в том же районе, что и школа, куда устроился уже дипломированный учитель географии. Татьяна ещё на год оставалась воспитателем в интернате, потом перевелась следом за мужем: поначалу работала воспитателем группы продлённого дня, затем переквалифицировалась в учителя труда — принялась за преподавание девочкам уроков домоводства и шитья. Новая специализация Татьяне Корнеевне пришлась по душе: во-первых, слабое здоровье не позволяло брать большую школьную нагрузку, а работать с подгруппой класса — только с девочками — оказалось гораздо спокойней; во-вторых, увлечение шитьём переросло в настоящую специальность. А что в жизни человека, в его самореализации, может быть лучше превращения хобби в профессию?..

Школа, построенная по современному проекту, была огромной — две тысячи учащихся, сто пятьдесят педагогов! Коллектив не просто большой, но и молодой: опытных учителей не хватало, и здесь ими особенно дорожили, — они стали опорой всей учительской команды. Трудностей доставалось с лихвой, но они преодолевались энтузиазмом, дружеской поддержкой со словами боевой песни:

Я это сделать должен,

В этом судьба моя.

Если не я, то кто же?

Кто же, если не я?

Руководствовалась молодёжь и главным комсомольским девизом: «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!»

Евгений Андреевич быстро завоевал авторитет среди учителей и учеников. Вопрос дисциплины на его уроках не стоял, дети с радостью шли на географию, потому что знали — там будет интересно, будут шутки, будут справедливые оценки. «Троек» по географии даже у заядлых двоечников

не бывало, потому что отношение учителя ко всем ученикам — на равных, уважительное, он любому давал возможность заработать «пятёрку» и «четвёрку». Не скупился и на поощрения: заслужил ребёнок похвалу — она прозвучит обязательно; не заслужил — учитель подбодрит: «Тебе стоит ещё подумать. Поработай, уверен: до конца урока ты обязательно надумаешь на хорошую оценку. Прояви-ка себя».

Родители учеников к новому учителю прониклись уважением: ни один отец, ни одна мать никогда при других родителях и учителях не слышали от Евгения Андреевича плохого слова о своём ребёнке, педагог всегда находил и отмечал только что-то хорошее, хоть незначительный, но успех. А если кто-то из взрослых возмущался каким-то проступком своего или чужого чада, учитель искренне говорил: «Вы что, сами не были детьми? Это детская шалость, не более. Только ваша вера в лучшие качества ребёнка будет заставлять его проявлять их».

В новой школе Евгений Андреевич нашёл и новых друзей. «Великолепная пятёрка» — так между собой называли коллеги географа, математика, физика, военрука и трудовика — первой брала на себя тяготы благоустройства школьного быта: что куда прибить, повесить, поднять, переставить... Каждый день со всех сторон сыпались просьбы.

- В моём классе дверные петли расшатались, помогите...
- Ой, а мои малыши кран у раковины свернули, караул!..
- Родители в кабинет принесли цветы, а полочки для них повесить оказалось некому. Пожалуйста, выручите...
- И ножки у стола, будьте добры, подвинтите...
- А шкаф передвинуть можете? — и любой из педагогов-мужчин, как пионер на призыв «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза, будь готов!», отвечал «Всегда готов!» и с радостью откликнулся, а то и вовсе не ждал просьбы, беря инициативу в свои руки.

По окончании трудовой недели «великолепная пятёрка» собиралась у кого-нибудь в кабинете или лаборантской, чтобы подвести итоги недели, наметить план работы. Иногда и среди недели учительница химии любезно предоставляла друзьям-педагогам убежище в подсобке своего кабинета, где имелся важный для конспирации вытяжной шкаф. Она знала, что оставляет ключи в руках «настоящих мужиков, с кем можно надёжно и просто дружить». Друзья с особой радостью закрывались в подсобке и с ощущением полной свободы начинали «химичить-хулиганить» — курить в вытяжном шкафу, обсуждать новости и насущные проблемы. А проблем хватало с лихвой, и планов было громадье, ведь каждый начинал свою деятельность в новой школе с нуля.

Фёдор Михайлович, учитель физики, организовал радиокружок, для его успешной работы необходимо было обзавестись специальным оборудованием, и учитель подключил всех: шефов школы, родителей учеников и самих ребят... Старшеклассники мечтали о светомузыке, об усилительной аппаратуре, потому что создали школьный вокально-инструментальный ансамбль. Кроме того, кружковцы серьёзно увлеклись радиоэлектронной техникой и многое мастерили сами... Делали такие радиоприёмники, что порой ловили «Голос Америки». Конечно, учитель не поощрял прослушивание запрещённой в Союзе радиостанции и нивелировал «побочный эффект» мальчишеской любознательности внушением: «Поймите, если сначала эта станция создавалась в годы Второй мировой в противовес пропаганды фашистской машины, то теперь Америка вступила в холодную войну с СССР, и радиопередачи стали оружием против нашей страны, против каждого из нас...»

Варлам Игнатъевич, учитель труда, добыл для своего кабинета — мальчишеской мастерской — настоящие сверлильные, токарные, фрезерные станки, которые поставили в школу шефы с «КамАЗа». И ребята на уроках и после занятий овладевали не только обычными орудиями труда, такими, как стамеска, напильник и гвоздодёр, но были вовлечены в серьёзное производство: с некоторыми заводами заключались долгосрочные договоры о сотрудничестве. Старшеклассники в школьной мастерской работали по-настоящему: нарезали резьбу на кронштейнах для крепления панели кабины автомобиля «КамАЗ» (первая очередь автогиганта как раз была пущена в 1976-м), изготавливали прокладки для двигателей, точили болты, воротки для нарезки резьбы, винты и многое другое. При этом школьники сами себе делали инструменты: отвёртки, ключи, молотки, угольники...

Георгий Максимович, математик, тоже организовал кружок, где школьники дополнительно занимались не только математикой, но и шахматами и шашками. Увлёк своих подопечных творческой мыслительной работой так, что многие из них — те, что в учёбе проявлялись троечниками, стали хорошистами и отличниками.

Военрук Вадим Владимирович строил в школьном подвале тир, который потом стал гордостью не только школы, но и всего Комсомольского района города. Открыл секцию бокса. Мальчишки толпами ходили за учителем. Ещё бы! Военная игра «Зарница» и главная подготовка к ней — в его ведении: по-настоящему учиться стрелять можно только у Вадима Владимировича, держать удар — тоже у него.

Евгений Андреевич, кроме открытого им географического кружка, члены которого с первых же дней начали серьёзную работу в турпоходах по

геологическим и палеонтологическим исследованиям челнинского края, серьёзно озаботился открытием в школе музея. Поначалу добытые в походах со школьниками образцы складывались в кабинете географии, но вскоре находки перестали умещаться в классе. К тому же выяснилось, что некоторые материалы представляют серьёзную научную ценность — ими заинтересовались однажды приехавшие в школу учёные из Казанского государственного университета. Разросшаяся коллекция, её научная значимость и подтолкнули учителя к созданию школьного музея. Кроме того, Евгений Андреевич мечтал возвести географическую площадку на территории школы, чтобы она служила живым наглядным пособием к урокам. Вскоре дерзкие мечты молодого географа начали претворяться в жизнь. Важной поддержкой в реализации планов послужил переданный в руководство географу коллектив шестиклассников — ребята серьёзно увлеклись геолого-палеонтологическими исследованиями в походах.

— У меня радость! — объявил физик, когда в один из субботних вечеров «великолепная пятёрка» собралась за «столом на скорую руку» в кабинете учителя труда. — Меня сегодня вызвала к себе Юлия Никифоровна, прям с урока сняла и сказала: беги оформлять документы на малосемейку.

— Значит, съезжаешь со своей бани? — радостно хлопнул друга по плечу математик и принялся таскать к месту трапезы школьные стулья.

— Ага! — ликовал Фёдор Михайлович. Под дружное одобрение коллег он достал из-за пазухи пол-литровую бутылку водки «Экстра», поставил на учительский стол трудовика, с которого заблаговременно убрали всё лишнее и заботливо постелили «Комсомольскую правду». — Жена прослезилась, узнав, что дали две комнаты, будет куда кроватку для дочки поставить.

— Молодчина наша директриса, — деловито заметил военрук, открывая обычным ножом баночку иваси — свою лепту в «праздничный» стол. — Вы ж с женой оба в школе работаете, вам и жильё — в первую очередь, всё по справедливости... Ну вот, «водка, тортик, иваси — дядю Васю выноси!» — резюмировал он окончание сервировки стола и в предвкушении скорой закуски потёр друг о друга, словно омыл, большие сильные ладони, довольно кряхтя, сел на стул. Посмотрел на счастливого физика и радостно добавил: — Конечно, малосемейка — не хоромы, но зато своё жильё, согласись, Федя. Сколько вы парились-то?

— Да-а уж, — кивнул физик, присев на соседний стул, — почти год...

Фёдор Михайлович приехал в город после окончания пединститута больше года назад. Как и все молодые специалисты, поселился в общежитии. Устроился работать в школу, где встретил свою судьбу — учительницу литературы. Сыграли свадьбу, а жить молодожёнам оказалось негде: роди-

тели жены сами ютились в служебной комнате банка, в котором работали; а молодым начинать семейную жизнь порознь — в мужском и женском общежитиях, как это часто практиковалось в строящемся городе, — совсем не хотелось. Они стали снимать угол в частном доме, хозяева которого любезно предоставили молодожёнам отдельное помещение — баню...

Георгий Максимович положил на стол пять плавленых сырков «Дружба», радостно заметил:

— В жизни не забуду, как мы счастливы были, когда нам дали квартиру, — это что-то!.. Так что твою радость, Федя, всем сердцем... — математик шумно хлопнул ладонью по своей груди.

— Мне тоже быстро повезло. Я ведь ради жилья сначала на стройку пошёл, и так получилось, дом, в котором квартиру дали, своими руками строил. У меня тогда уже было двое... Потом и школу эту строил, и не знал, что буду здесь работать... Судьба... — протянул трудовик Варлам Игнатьевич.

— Там двое, тут двое... Если б Федя тоже двойню родил, как ты, счастливчик, — обратился Евгений Андреевич к математику, — то, может, и ему сразу отдельную квартиру дали.

— Прав Игнатъич, судьба, — развёл руками математик.

И географ подмигнул физику:

— Федя, мотай на ус, со вторым не затягивай.

— Теперь уж постарайся, — заулыбался Фёдор Михайлович. — Ну что, друзья, дёрнем за всё хорошее...

Коллеги сдвинули конспиративные чайные чашки в центр стола, физик разлил в них понемногу «Экстры». Математик, зная семейную ситуацию Евгения Андреевича, уловив его настроение, тихо сказал:

— У каждого своё счастье, Жека... И у тебя всё будет хорошо.

— Да, каждый несёт свой чемодан... — смутился Евгений Андреевич и, пряча неловкость, встал из-за стола, взял чашку и шутливо-торжественно сказал: — Товарищи, на правах сегодняшнего ответственного за порядок в школе объявляю наше собрание открытым. На повестке дня, как всегда, вопросов много, но я так понимаю, самый главный, требующий безотлагательного решения, таков: завтра мы перетаскиваем приданое нашего Феде из флигеля во дворец... Ура!

— Ура! Ура! Ура-а! — в один голос поддержали друзья...

Через некоторое время в запертую «на всякий пожарный» дверь кабинета настойчиво постучали. Учителя притихли. Кто это может быть в такое позднее время?.. Сторож знает, что пятёрка собралась на «малый педсовет», знает, что всё будет в порядке, и обычно не беспокоит учителей. К тому же сегодня, прежде чем всем собраться в кабинете трудовика, Евгений Андреевич (а он нынче дежурный по школе) прошёл по

коридорам, заглянул в кабинеты — нигде никого не было; после обхода дежурный учитель и сторож со спокойной совестью закрыли парадную входную дверь...

Стук повторился. Послышался строгий голос директора:

— Откройте!

— Как я мог её не заметить? — прошептал Евгений Андреевич. — Может, сидела у себя без света?..

— «Может, без света», — как мальчишка, шёпотом передразнивая географа, военрук скорчил рожу и быстро убрал початую бутылку под стол. — Попались...

Трудовик встал, шумно выдохнул: «Была не была!», подошёл к двери, открыл и первым, на правах хозяина, поздоровался:

— Юлия Никифоровна, добрый вечер, проходите, пожалуйста, — Варлам Игнатьевич застенчиво улыбнулся. — Мы тут... обсуждаем предстоящую «Зарницу»¹, игра-то уже на носу.

Мужчины учтиво встали.

— То-то носы ваши, как зарница, — сердито сказала директор, ступив лишь на порог. — И дым коромыслом, не иначе от боевых действий. Учеников гоняете, а сами?.. А вдруг кто из них в окно увидит?

— Мы плотно зашторили, — робко сказал физик.

— Извините, Юлия Никифоровна... Ну мы совсем чуток «того», так сказать, для лучшего течения мысли, — попытался оправдать себя и друзей математик. — Да ещё радость у нас... Вот Федя, — он оглянулся на физика, — то есть Фёдор Михайлович, сами знаете... Согласитесь, Юлия Никифоровна, причина уважительная.

— А от вас, Георгий Максимович, примерного семьянина, и от вас, Евгений Андреевич, я вообще такого не ожидала, — директор стояла в дверях и смотрела на учителей как на шкодливых мальчишек. Её шоколадное кримпленовое платье сливалось с темнотой за дверью, отчего уставшее лицо, освещённое дневным светом ламп в кабинете, казалось почти белым, а беспокойные глаза — утонувшими в нездоровых тёмных кругах.

— Значит, эти примерные, — махнул рукой в сторону друзей военрук. — А нас с Варламом Игнатьевичем за «неудов» держите? — попытался он пошутить. — Несправедливо, однако...

Юлия Никифоровна из деликатности так и не вошла в кабинет, она слегка опёрлась плечом о косяк, перекинула из руки, в которой держала сумку, на свободную руку приготовленное к выходу осеннее пальто. Варлам

¹ Военно-спортивная игра для пионеров СССР, которая являлась частью системы начальной военной подготовки школьников, была имитацией боевых действий и походила на военные учения.

Игнатъевич почтительно потянулся, чтобы взять её пальто, но директор, раздосадовано кивнув, отклонила его молчаливое предложение и с материнским укором обратилась к военруку:

— Вадим Владимирович, а уж вы-то... Как вы, человек военный, дисциплинированный, такое себе позволяете? Стыдно должно быть! Всем вам должно быть стыдно заниматься подобным в стенах школы! А вдруг уборщица какая с сыном-помощником придёт и застанет вас? Тося вон часто чуть ли не по ночам работает. Вы о чём думаете?!

— О «Зарнице», правда... ну, и мой предстоящий переезд чуток отметила, — вступился физик.

— А вы, Фёдор Михайлович, в самом деле, лучше бы домой торопились, готовились к переезду, — негодовала директор. — Взрослые люди, э-эх... — она тяжело вздохнула. — В другой раз в ресторан идите к «Зарнице» готовиться. Завтра утром каждого прошу ко мне, а сейчас быстро по домам! — она на шаг отступила в темноту за дверью.

— Я вас провожу, — вскочил Евгений Андреевич и пояснил: — Школа-то уже закрыта... — он всегда болезненно переживал любые замечания руководителя, а тут ещё провинился и как дежурный учитель.

— Вы все меня проводите, — устало улыбнулась Юлия Никифоровна. — Жду вас у выхода.

Утром на ковёр в кабинет директора первым пошёл военрук. Разговор был недолгим, потому что Юлию Никифоровну срочно вызвали в район на совещание.

— Вам повезло. Но я очень надеюсь, что каждый из вас сделал для себя надлежащие выводы. Передайте это остальным.

— Так точно, — обрадованно отчеканил Вадим Владимирович и вышел из кабинета. Он и не подозревал, что на следующее утро ему вновь придётся стоять здесь по стойке «смирно»...

Вечером, после переезда Фёдора Михайловича на новое место жительства, друзья-товарищи решили отметить событие, на этот раз они отправились в ресторан.

В просторном зале уютно белели накрахмаленные скатерти, «живая» музыка ВИА¹ позволяла желающим и потанцевать, и пообщаться за трапезой. Вокально-инструментальные ансамбли были популярны и рождались почти на каждом заводе: талантливые участники набирались из трудовых коллективов, руководили ансамблями, как правило, профессионалы. Ансамбли сыгрывались, музыканты оттачивали репертуар, мастерство

¹ Вокально-инструментальный ансамбль.

и выходили играть на постоянные, обустроенные под открытым небом танцплощадки, самые популярные из которых, с настоящей большой эстрадой, расположились в парке «Гренада», что в Автозаводском районе города, и в Парке культуры Комсомольского района. Нередко музыкальные коллективы прикреплялись к ресторанам, где очень неплохо подрабатывали: чаще всего «левый» доход превышал зарплату директора завода...

Несмотря на субботний вечер, посетителей в ресторане, куда пришла «великолепная пятёрка», было немного: советские люди в кафе и рестораны ходили либо по особым торжествам, либо по большим праздникам. Провести обыденный вечер в таком заведении «Общепита» позволяли себе только те, у кого приличные зарплаты, или те, кто искал новых знакомств и приключений, или командированные. Рядовой советский человек порой даже не знал, как себя вести в златном месте, зато хорошо помнил о нормах поведения в других, более привычных общественных собраниях: партийном, комсомольском, на концерте и в театре. Часто коллективные посещения культурных заведений организовывались «указом сверху»: партийцам и комсомольцам в обязательном порядке прививался хороший вкус, что должно было способствовать формированию всесторонне развитого человека коммунистического общества.

А для того чтобы просто поужинать, холостые жители молодого города выбирали столовые или рабочие буфеты — они организовывались почти в каждой общезжитии; семейные же предпочитали собираться на кухне дома.

Но сегодня был особый случай, и «великолепная пятёрка» пришла в одно из самых популярных общепитовских мест Комсомольского района города — ресторан «Челны». Выбрали его педагоги не из-за дорогой кухни и статуса заведения, относившегося к первой категории, что гарантировало обслуживание на высоком уровне, а из-за того, что ресторан располагался на улице Студенческой — не так далеко от родной школы, а значит, и рядом с местом жительства учителей.

«Великолепная пятёрка» уселась за столик в глубине зала, подальше от эстрады, чтобы можно было спокойно пообщаться. Друзья заказали традиционную «Котлету по-киевски» с гарниром из овощей и жареного картофеля, селёдочку с лучком, бутерброды с сервелатом и графинчик «беленькой».

— Человек есть то, что он ест, — весело сказал военрук. — А содержание наших холодильников чаще зависит не только от доходов, но и от возможностей эту еду добыть... И, как говорит великий Аркадий Райкин, пусть будет всё, но пусть всегда чего-то не хватает, ведь «дефссит» — великий двигатель общественных «спесьфисских» отношений... Поэтому,

дорогой Федя, желаем тебе, чтобы твой дом всегда был полной чашей, но пусть в нём чего-то не хватает, чтоб жизнь, любовь и радость не приелись никогда.

Друзья тост поддержали.

Рядом, через столик, гуляла ещё одна небольшая компания: двое молодых людей и две девушки. Они отдыхали шумно, однако «великолепной пятёрке» особо не мешали. Вдруг в их громкой речи послышались матерные слова, и один из молодых людей неловко обратился к своей спутнице. Евгений Андреевич терпеть не мог матерщины: ни себе не позволял такой гнусности, ни другим. Он оглянулся и сердито высказал молодым людям замечание. Разгорячённый парень ему ответил матом. Тогда учитель поднялся и подошёл к матерщиннику.

— Встань и извинись перед девушкой и передо мной.

— Чё-о?.. Слышь, недоделанный, иди-ка ты на...

Евгений Андреевич резко шлёпнул грубияна по губам.

— Не смей материться. Никогда! Понял?

Парень вскочил, ударил обидчика в грудь, но учитель устоял и в ответ вlepил звонкую пощёчину. Тут из-за стола выскочил дружок наглеца, он уже было замахнулся на учителя, но рядом, как молния, оказался военрук, скрутил второго парня так, что тот упал на пол, а потом в две секунды уложил рядом первого. Девушки от страха завизжали. Лежащие на полу заорали:

— Помогите!..

— Молчать! — громогласноскомандовал Вадим Владимирович.

Парни и девушки умолкли. Всё произошло настолько стремительно, что Фёдор Михайлович, Георгий Максимович и Варлам Игнатьевич не успели отреагировать — так и сидели за столом, удивлённо глядя на товарищей. Военрук стоял на одном колене, он склонился над парнями, прижатыми к полу, и уже спокойно, но чётко произнёс:

— Запомните: ещё раз позвольте себе подобное, вам несдобровать. Найду где угодно и научу, как общаться со старшими и с женщинами. А вы, — он поднял голову и посмотрел на девушек, — не позволяйте себя унижать. Ясно?

— Ясно, — закивали красавицы.

В этот момент в зал ворвались милиционер и два дружинника БКД¹. Они схватили Вадима Владимировича и Евгения Андреевича. Учителя пыгались объяснить, что заступались за девушек, что парни вели себя недостойно, но охранники порядка не обращали внимания на доводы.

¹ Боевая комсомольская дружина, представители которой вечерами патрулировали улицы города.

— В отделении разберёмся, — сказал лейтенант милиции. — Пройдёмте с нами.

В дежурной части, что находилась неподалёку, зачинщиков драки развели по кабинетам. Беседа с каждым продолжалась около двух часов. Своих действий учителя не отрицали, но и вины не признавали, считая себя правыми.

— Методы воспитания были избраны исходя из ситуации, особо размышлять было некогда, — отвечал Вадим Владимирович. — Молодёжь распустилась, и если не мы, учителя, то кто их уму-разуму научит?

— Вы — боксёр, военный, и кому как не вам знать, что не имеете права применять против граждан спортивные боевые приёмы? К тому же вы пьяны.

— Вы что говорите? Мы по одной опрокинули, даже вкуса понять не успели. А приёмов я не применял... Они, эти милые граждане, оскорбили своих девушек и моего товарища нецензурной бранью, потом чего-то испугались и сами упали...

Евгений Андреевич не отрицал, что по-отечески шлёпнул мальчишку по губам, не более того. Шлёпнул за то, что тот матерился.

В милиции учли тот факт, что никто не пострадал. Но...

— Порядок есть порядок, — строго сказал майор, когда «нарушителей» привели в спецприёмник. Скупого на эмоции лица майора не коснулась даже тень понимания того, что учителя, по сути, были правы. Он снисходительным тоном, не терпящим никаких возражений, пояснил: — Мы вынуждены задержать вас до утра: во-первых, вы нарушили общественный порядок; во-вторых, вы в нетрезвом состоянии; в-третьих, мы обязаны сообщить на вашу работу, чтобы ваш руководитель знал, какие учителя у него воспитывают подрастающее поколение. И ваш директор должен будет решить, уволить вас или взять на поруки. Так-то... У вас до утра есть время на осмысление.

Утром в школе вновь переполох: два учителя не вышли на работу. Юлия Никифоровна вызвала к себе Фёдора Михайловича. Когда физик вошёл в кабинет, директор не предложила ему присесть, в её глазах сверкали гневные молнии.

— Мне тут из милиции позвонили. Вы были вчера вечером в ресторане? — сухо спросила она.

Физик кивнул.

— Да...

— Понятно. Значит, в курсе, что ваши закадычные друзья сейчас находятся в заточении.

— Нет... — обомлел Фёдор Михайлович, — мы были уверены, что их отпустят, ведь они ни в чём не виноваты...

— Виноваты. Похоже, наш боксёр уже тренируется не только в спортзале, но и в ресторане.

— Но вы же сами нам сказали...

— Что?

— Ничего, — стушевался физик.

— У вас «окно» на втором уроке. Так?

— Да, — поспешно подтвердил он.

— Пойдёте со мной вызволять своих... к-хм... даже слова не подбираю. В общем, после звонка жду вас на первом этаже.

В отделении милиции «заключённых» повели к дежурному. Когда военрук и географ вошли в комнату и увидели директора с физиком, изумились.

— Вы-то тут что делаете? — не удержался от вопроса Вадим Владимирович.

Евгений Андреевич напряжённо молчал. Юлия Никифоровна холодным взглядом смерила «преступников» с ног до головы и спокойно сказала:

— Берём вас на поруки... — затем она повернулась к дежурному. — Товарищ... — внимательно посмотрела на его погоны и поняла, что не знает, как к нему обратиться.

— Сержант Белов, — с достоинством представился тот.

— Спасибо... Уважаемый сержант Белов, можно нам идти?

— Документы подписаны, значит, свободны.

— Вы бы встали при женщине, — сказал дежурному неужённый военрук.

— Не положено, — огрызнулся сержант, затем высокомерно глянул на Юлию Никифоровну и небрежно сказал: — Идите уже, забирайте своих подчинённых... Но я на вашем месте уволил бы этих хулиганов.

Юлия Никифоровна не выдержала заносчивости сопляка, сделала решительный шаг в его сторону, остановилась перед столом и грозно, как перед школьником, постучала пальцем по столешнице, понизив голос, твёрдо сказала:

— Вы, товарищ Белов, пожалуйста, на своём месте работайте. Таких хулиганов, — она резко махнула рукой в сторону подчинённых, по-учительски выставив указательный палец, — ещё поискать надо. Такие учителя, как вы выразились «хулиганы», — редкость! А вот если бы те, настоящие хулиганы, учились у таких, как они, то вряд ли бы, — чеканя каждое слово, Юлия Никифоровна отчаянно «продироживала» перед лицом сержанта, — вся эта заваруха произошла!.. — она опустила руку. Подошла к учителям, вновь оглянулась на дежурного. — Я их беру на поруки... и не вам меня учить.

— Берите, — растерянно буркнул Белов.

— А вы, дорогие мои, — строго бросила она учителям, — уши-то закройте. Вас ещё ждёт выговор.

Когда вернулись в школу, Юлия Никифоровна первой вошла в свой кабинет. Учителя остановились у порога. Директор, не скинув пальто, обессиленно упала в кресло за столом, закрыла глаза. Немного помолчала, затем, так ни на кого и не глядя, тихо сказала:

— Фёдор Михайлович, благодарю вас, идите на урок, а вы вдвоём, — она чуть приоткрыла устало опущенные веки, глянула на военрука и географа, — съядьте. Помолчите пока, — и вновь закрыла глаза.

Секретарь засуетилась: сначала принесла руководителю полстакана воды и какие-то капли. Затем вышла в приёмную, вернулась с подносом и, суматошно семеня, поставила перед каждым на стол по чашке горячего чая. Вновь вышла и скоро вернулась, держа в руках вазочки с печеньем и сахаром кубиками, осторожно, почти бесшумно поставила их на стол. Учителя молча наблюдали за хлопотами секретаря: похоже, молодая женщина не на шутку разволновалась, но хорошо знала, что нужно делать. Юлия Никифоровна одними губами произнесла «спасибо». Секретарь вышла и плотно закрыла за собой дверь.

Директор глубоко вздохнула, подняла тяжёлые веки, дотянулась до стакана, накапала лекарство и выпила.

— Вам плохо? — спросил Евгений Андреевич.

— Молчите, — не глядя на него, ответила директор. Она поставила стакан на стол, вновь откинулась на спинку кресла. Немного погодя взяла чашку с блюдцем и неторопливо выпила чай, так и не притронувшись к сладкому. За всё это время не проронила ни слова и ни разу не взглянула на учителей. Вадим Владимирович и Евгений Андреевич тоже приступили к чаю: военрук шумно пил, поочерёдно откусывая то сахар, то печенье; географ взял печенье, аккуратно положил у чашки на блюдце и словно забыл про чай.

Где-то далеко, за закрытыми дверями кабинета и приёмной, прозвенел звонок с урока. Лишь тогда, услышав привычный сигнал, Юлия Никифоровна устало покачала головой и, растягивая слова, с досадой сказала:

— Ну уж это, товарищи, ни в ка-ки-е ворота... — она оперлась локтём о стол, задумчиво склонилась виском на кулак.

И вновь в кабинете стало тихо. Евгений Андреевич нервно поглядел на военрука, но тот уже допил свой чай и сидел, отвалившись на спинку стула, спокойный, словно и не было бессонной ночи, не было вечернего происшествия. Географ сделал большой глоток, чтобы согреться и успокоиться, но чай уже остыл, и учитель с жадностью осушил чашку. Вадим

Владимирович словно ждал момента, когда чашка географа осторожно звякнет о блюдце, прервал молчание.

— Юлия Никифоровна, ну как я должен был поступить? — он старался говорить негромко. — Сидеть и смотреть, как бьют Андреича?.. Мебель я не швырял, стёкла не бил, ничего никому не сломал, хотя о-очень хотелось... утихомирил дураков, и только.

— Плюнули бы... — неожиданно сказала Юлия Никифоровна и, высоко подняв брови, исподлобья глянула на Вадима Владимировича.

— Да как? — спокойствие покинуло военрука. — На Андреича плюнуть?.. На откровенное хулиганство?..

Директор, выдержав паузу, обратилась к географу:

— А вы что скажете, Евгений Андреевич? — она как-то сочувственно посмотрела на учителя.

— А что говорить? Виноват, драку затеял я, простите... но... — к нему вновь вернулся нервный озноб: его колотило от одной мысли, что всё вышло крайне несправедливо, что в милиции толком не разобрались, да и не хотели, похоже, разбираться. — Я не виноват... Я не мог промолчать, парни эти вели себя как подонки!

— Понимаю, — вновь глубоко вздохнула директор. — Только вот что я вам скажу, — она опустила руку, хлопнула ладонью по столешнице. — Вы теперь все — все до одного! — держите языки за зубами. Ни слова! Никому! — ладонь её сжалась в кулак. — Даже жёнам!.. Ни звука о своём героизме. Как хотите перед ними оправдывайтесь, но чтобы ни одна душа не знала о том, что произошло. Вам ясно?

— Так точно, — смиренно проговорил военрук.

— Я всё понял, — ответил географ.

— А теперь, мои дорогие, — по осунувшемуся лицу директора скользнула лёгкая улыбка, и Юлия Никифоровна, вздохнув, распрямила спину. — Скажите мне, какое наказание себе выбираете? Ведь я вас теперь должна пе-ре-вос-пи-тать.

— Мы отработаем... — встрепенулся Вадим Владимирович.

— Каким образом?

Учителя переглянулись.

— Географическую площадку до ума доведём, даю слово, — сказал Евгений Андреевич. — А если дадите помещение, то настоящий музей откроем, ни в одной школе такого не будет, у нас уже столько материала, в кабинете не умещается... Я из Казанского университета письмо получил, учёные заинтересовались нашими исследованиями.

— Хорошо, о помещении подумаю... Ещё? — директор поднялась, неторопливо сняла пальто, повесила его на спинку стула, стоящего за сосед-

ним столом, вновь села в кресло, и облокотилась на стол. — Ну?.. — к ней вернулся уверенный ясный взгляд.

— Маленький полигон сделаем... и площадку, где ребята в городки будут играть, и пострелять можно будет, — совсем взбодрился Вадим Владимирович.

— Стоп-стоп-стоп, — Юлия Никифоровна выставила вперёд ладонь. — Стрелять только в тире! Не хватало ещё от жителей жалоб, да и техника безопасности... А вот географическая площадка и городки — это хорошо, это обязательно. А ещё... брусья на школьном дворе тоже неплохо было бы...

— Мы в «Сельстрой» съездим, — заверил военрук. — Трубы привезём, сварщика найдём, всё сделаем, вы же знаете...

— Знаю, — согласилась директор. — Вы дали слово.

— Да.

— Ступайте. Работайте... дебоширы.

ВРЕМЯ УРОКОВ

*...Я смиренню не завидую,
но, эпоху понять пытаюсь, —
я не верю, что это винтики
с грозным космосом побратались...*

Роберт Рождественский

Своё увлечение географией Евгений Андреевич щедро передавал ученикам, и происходило это самым естественным образом: чтобы передать знания, нужно ими обладать; чтобы передать любовь, нужно быть одарённым любовью. И так во всём, в любом деле. Учитель не раз на уроках повторял слова известного кинорежиссёра Александра Довженко: «Чтобы потрясать, нужно самому быть потрясённым!» Он старался сделать каждое занятие интересным, насыщенным, требующим от учеников большой самоотдачи, высокого эмоционального подъёма.

— Преподнеси им только учебный, не связанный с жизнью материал, и слушать не будут, — говорил педагог на встрече с корреспондентом челябинской газеты «Знамя коммунизма», бравшего у него интервью по случаю открытия школьного музея. — Каждый раз, встречаясь с ними, я волнуюсь. Бывает, начну рассказывать о какой-нибудь стране, а один из учеников встаёт и говорит: «Можно, я расскажу? Мой папа был там недавно в командировке». И начинает говорить о таких интересных деталях, о которых не прочитаешь ни в одном учебнике. И такое взаимообогащение на уроках присутствует постоянно.

Подопечный класс Евгения Андреевича Черепова заявил о своём активном участии во Всесоюзной экспедиции «Моя родина — СССР», которая проводилась в каждой области и республике как постоянное туристическое мероприятие по всесоюзным и местным маршрутам. Учитель пояснял ребятам:

— Несмотря на столь молодой возраст нашего города, история земли, на которой он расположен, уходит своими корнями в далёкое прошлое. Трудно себе представить, что когда-то по этой земле, по которой ходим мы с вами, передвигались такие гиганты как мамонты, шерстистые носороги, бизоны и другие давно вымершие животные. Но они здесь жили, подтверждение тому — их останки в виде окаменелостей, частей скелетов, которые нередко обнаруживаются на поверхности земных разломов, на обвалившихся берегах реки. И мы с вами в наших походах такие свидетельства можем найти.

Учитель вдохновил подопечный класс на участие в палеонтологических исследованиях. Собранный ребятами в походах богатый материал стал основой создания школьного музея. Сначала в кабинете географии, а потом и на полках музея появились зубы мамонта и мамонты, рога древних бизонов, череп шерстистого носорога, отпечатки в осадочных породах ганоидных рыб... В школу приезжали учёные Казанского университета, они определили научную ценность экспонатов музея, помогли ребятам уточнить названия многих образцов. Один из гостей даже хотел увезти с собой несколько редких окаменелых отпечатков в музей университета. К счастью, к тому времени Евгений Андреевич успел оформить документы и получить охранную грамоту, гласившую о том, что новому музею официально присвоен статус школьного¹. Кроме признания, это означает и то, что экспонаты музея являются его собственностью и охраняются законом.

Со временем музей пришлось расширить. В нём появились три отдела. Палеонтологический рассказывает о древних растениях и животных, живших на камской земле. В минералогическом посетители попадают в удивительную сказку камней, которые захватывают своей красотой, величием и многообразием. А биологический отдел открывает тот мир природы, который дарит современность: чучела, изготовленные учителем и учениками из случайно найденных тел погибших или принесённых в школу охотниками животных, олицетворяют проживающих сородичей в близлежащих полях и лесах. А живописные пейзажи степной и лесной частей местности как бы оживают в настоящих стволах сосен, берёз и клёнов.

¹ Свидетельство № 3960 о присвоении геологическому музею средней школы № 20 г. Набережные Челны за большую научно-исследовательскую работу звания «Школьный музей». Также Всероссийское общество охраны природы наградило музей дипломом первой степени.

Прежде чем отправиться в поход, Евгений Андреевич собрал ребят в классе, обсудил с ними важные моменты организации и проведения столь серьёзного мероприятия. Ведь любой турист должен знать и соблюдать правила поведения на природе.

Ребята распределили между собой обязанности: кто будет ответственным за провиант; кто — за размещение снаряжения между участниками команды; кто — финансистом-завхозом; кто будет идти впереди. И замыкать команду должен человек сильный и ответственный.

— Нам предстоит пеший поход, — сказал Евгений Андреевич, — но сначала мы переправимся на речном трамвайчике на другой берег Камы, а затем пойдём в сторону заповедной зоны — Тарловки. Ребята, обращаю ваше внимание на то, что обувь должна быть удобной, одежда — по сезону, запаситесь шерстяными носками, мы с вами идём на две ночи и три дня. Некоторое заядлые туристы предпочитают даже летом ходить в шерстяных носках: они хорошо облегают ноги и оберегают от натирания... Напоминаю, что во время продвижения по лесу впереди идущему важно придерживать ветки кустов и деревьев, чтобы они не хлестали в лицо тому, кто идёт сзади. Если путь будет пролегать по краю крутого берега, то для того, чтобы не скатиться с обрыва, нужно крепко цепляться за ветки, так как грунт под ногами может осыпаться... Кстати, есть хорошая новость: у нас теперь импортное польское снаряжение — новые палатки.

— Ура! — чуть ли не одновременноотреагировали на известие ребята.

— А на сколько мест?

— На четверых взрослых, но я думаю, что вам можно будет укладываться по пять-шесть человек.

— А какого цвета? — спросил кто-то из девочек.

— Синего, — с улыбкой ответил Евгений Андреевич. — Палатки очень удобные, с лёгкими металлическими стойками и колышками, с окошками, защищёнными антимоскитной сеткой, со специальными отделениями для хранения вещей. На днях вы оцените все достоинства приобретения.

— А можно с собой в поход взять приёмник? — спросил Слава.

— Какой приёмник?

— «Альпинист». Мы тут с Игорем купили лотерейный билет ДОСААФ¹, а потом в газете узнали, что наш билет выигрышный. Получили радиоприёмник.

¹ ДОСААФ СССР — Всесоюзное ордена Красного Знамени добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, массовая оборонно-патриотическая организация трудящихся, целью которой было содействие укреплению обороноспособности страны и подготовка трудящихся к защите социалистического Отечества. ДОСААФ издавало газеты, журналы, книги и плакаты, организовывало выпуск военно-учебных кинофильмов, распространяло военно-политическую, военно-техническую и спортивную литературу. Членом ДОСААФ мог стать любой гражданин СССР, достигнувший 14-летнего возраста. Также ДОСААФ проводило среди населения страны лотерейную игру.

— Ну, если вам не тяжело будет его нести, возьмите. А ты, Семён, обязательно прихвати гитару, у костра вечером попоём.

— Света песенку новую выучила, — сообщил Слава и внимательно глянул на одноклассницу: уж очень ему нравилась её улыбка. — Споёшь?

— Если мальчишки подыграют, спою, — смущаясь, ответила девушка.

— Вот и прекрасно... — одобрил учитель и вернулся к теме: — А кто напомним, как надо устанавливать палатку?

— Главное, не ставить её на муравейник, — весело выкрикнул кто-то из ребят.

Класс оживился. Ребята, вообразив ситуацию с муравейником, начали озвучивать свои фантазии по поводу того, что может приключиться с горе-туристами в этом случае.

— Вы всё правильно говорите, — поддержал учеников географ. — Но если уж такое случится, то будет не до шуток... А всё-таки как нужно установить палатку, чтобы в ней было удобно, сухо и тепло?

— Надо найти ровную площадку, насыпать под палатку хвойный лапник или папоротник нарвать, в общем, сделать подушку. Чем больше постелешь, тем мягче будет спать, — заметил Семён, лидер класса и самый заядлый любитель путешествий по родному краю.

— А ещё нужно равномерно натянуть все верёвки, чтобы её не перекосило, — добавил Игорь. Ему больше нравились занятия по НВП¹ и он уже начал готовить себя к будущей службе в армии, мечтал стать военным инженером. Но и походы никогда не пропускал, считая их хорошей тренировкой выносливости.

— Палатку можно обкопать, снять дёрн на земле, как бы по периметру крыши, где нависает её край, чтобы вода стекала в эту канавку и не попадала под палатку, — рассудительно говорил Илья. Он мечтал стать врачом, но кроме химии и физики, которыми серьёзно занимался, увлёкся, благодаря Евгению Андреевичу, и географией. И походы воспринимал как прекрасное средство не только для расширения кругозора, но и, прежде всего, для укрепления здоровья, закалки организма.

Игорь продолжил размышление:

— А когда во время дождя находишься внутри палатки, то ни в коем случае не нужно трогать её крышу. Мне рассказывали такую историю: одна компания забилась в палатку во время дождя, а кто-то взял и чиркнул пальцем по крыше изнутри. Туда сразу хлынула вода, и все промокли.

— Да, такое действительно возможно. Палатка не резиновая, а от дождя она спасает потому... а почему? Кто объяснит?

И вновь Илья обрадованно опередил одноклассников:

¹ Начальная военная подготовка.

— Потому что капли воды, по закону физики, создают напряжение, верней, натяжение между нитями ткани, и вода как бы сама себя держит.

— Правильно, если во время дождя изнутри палатки посветить фонариком на крышу, то можно увидеть, как блестит вода между нитями, но не протекает. Однако стоит нарушить это натяжение, она тут же просочится внутрь... А что делать, если дождь застал вас, когда вы ещё не успели расставить палатку?

— Спрятаться под дерево, — предположил кто-то из девочек.

— В поле под дерево нельзя! Если гроза, может разрядом убить, — серьёзно сказал Семён. — А вот в лесу можно спрятаться под старой разлапистой елью, под ней всегда бывает сухо.

— Верное замечание, — одобрил учитель.

— А ещё о палатке...

— Да, продолжайте.

— Если был снят дёрн вокруг неё, то, когда уходишь со стоянки, его нужно на место посадить, чтобы не вредить природе.

— А ещё палатку нужно ставить подальше от костра. А у костра на ночь всегда должен оставаться дежурный.

— Молодцы. Вижу, к походу вы готовы. Но у меня к вам ещё один вопрос. Представьте, ночью стало холодно, у огня спать опасно. Как сохранить тепло, если вы спите не в палатке?

— Ложиться, тесно прижавшись друг к другу, — сказал Илья.

Девчонки хихикнули.

— И ничего смешного, — насупился Илья.

— Всё верно, — поддержал парнишку педагог. — А как быть с теми, кто окажется по краям? Они могут замёрзнуть.

— Меняться местами...

— Тогда никто не выспится.

— А что же делать?

— Вы забыли про одеяла, — улыбнулся учитель.

— Да-а! — обрадовалась Таня, подруга Светы. — Только брать с собой нужно тонкие шерстяные, а не байковые. Шерсть лучше держит тепло.

— И те, кто лежит в середине, должны укрываться одним общим одеялом, а те, кто по краям — каждый своим, отдельным, — добавила Света.

— А если одеяло сшить, как мешок, то будет ещё теплей, — подсказал классный руководитель.

— И ложиться спать нужно в лёгкой одежде, а всю тёплую набросать на себя сверху, — глаза Светланы заблестели. — Вы нам рассказывали притчу о Ходже Насреддине, как он пошёл со своим учеником в путешествие. Настала ночь. У каждого было по десять одеял. Ходжа постелил под себя одно,

а остальными укрылся. Ученик его посмеялся и сделал наоборот: постелил девять под себя, чтобы мягче было, а одним укрылся. Утром Ходжа проснулся бодрым, выспавшимся, а ученик всю ночь не спал, потому что мёрз.

— И тут работает закон физики, — деловито вставил Илья. — Тепло всегда уходит вверх, и, чтобы сохранить тепло собственного тела, важно сверху укрыться получше, и чем многослойней будет «пирог» одеяла, тем лучше будет держаться под ним тепло.

— Ну что ж, отличники все. Завтра утром в семь часов встречаемся у школы.

Первый походный день всегда посвящался поиску места для привала. Затем разбивался лагерь, мальчики заготавливали дрова, девочки хлопотали над приготовлением пищи. Любимым блюдом в походах стала картошка с консервами из субпродуктов. Готовить такое блюдо совсем несложно: в эмалированном ведре варится картофель, затем нужно добавить несколько банок тушёнки, посолить — и... никого за уши не оттянешь! За стол на полянке ребята садятся все вместе, но первая миска всегда отдаётся учителю. Это закон, который негласно утвердили сами ребята.

Однажды на привале случилось маленькое ЧП. Как-то раз девочки наварили из сухофруктов целое ведро сладкого душистого компота. Вечером компот не допили и оставили на ночь. Утром первыми проснулись Евгений Андреевич, Илья и Семён. Учитель зачерпнул кружкой компот и выпил. А Семён решил достать грушу и чуть не закричал от неожиданности — он вытянул за хвост мышонка. То ли его сварили вместе с сухофруктами, то ли он, глупый, ночью в ведре утонул. Илья, как будущий врач, решил вылить компот, мол, опасно. Семён сказал, что жалко такую вкуснотищу выливать. Тогда Евгений Андреевич велел тщательно прокипятить напиток. Но даже когда прокипятили, мало кто решился его пить, узнав, что в нём утонул мышонок, особенно девочки — они предпочли утолять жажду родниковой водой.

Неприятности на природе причиняли комары. Кроме душистого лосьона «Дета» и дыма костра, ничто не защищало путешественников от надоедливых насекомых. Но потом ребята поняли, что комары мешают только в первый день похода. На второй их укусы уже особо не ощущаются, а оставшиеся на коже припухлости никак не влияют на хорошее настроение. Даже клещи, порой впивавшиеся в тела юных натуралистов, не отбивали желания совершать открытия: во-первых, клещи нападали очень редко; а во-вторых, Евгений Андреевич легко их удалял с помощью обыкновенного сливочного масла.

Свежий воздух, живописные камские берега, глубокая чистая река дали много удовольствий и радости. Ребята ловили рыбу, варили насто-

ящую душистую — двойную или тройную — уху с дымком. И что может быть приятнее, чем в жаркий летний день порезвиться в прохладной реке? А тёплые ночи у костра да с песнями под гитару?..

Со временем определилось постоянное место привала. Произошло это тогда, когда одноклассники нашли в нескольких километрах от Тарловки обнажение пермских отложений с известняками древнего моря. В походах ребята научились определять породы известняка и мергеля, аккуратно раскалывать камни кирками и молотками, выискивая останки древней флоры и фауны, отражавшие историю формирования осадочных комплексов Нижнего Прикамья. Самой первой находкой ребят стало окаменевшее дерево, попавшее в руки искателей, можно сказать, случайно. Но не зря говорят: случайность — дополнение необходимости. Не об этом ли поётся в известной песне о весёлом ветре: «Кто привык за победу бороться, с нами вместе пускай запоёт: кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдёт!» Ребята искали и нашли.

В одном месте обвалился берег, обнажилось большое бревно, на вид старое, трухлявое. Но когда одноклассники поняли, что оно окаменевшее, удивлению и радости не было предела. В город его несли на одеяле, которое держали за края попеременно несколько человек. Так как школа была закрыта, находку пришлось занести домой к Славе, жившему тогда в частном секторе. Потом дерево поместили в лаборантской кабинета географии. Находка окрылила юных следопытов и стала счастливым началом дальнейших раскопок.

Бывали в походах и настоящие приключения.

В солнечный тёплый майский день ничто не предвещало ненастья. Деревья шелестели молодой листвой, под ногами мягко стелилась зелёная сочная трава. Но не успели ребята разбить лагерь, как резко похолодало, солнце закрыли тяжёлые серые тучи, и небо разверзлось снегопадом. За несколько минут поляну укрыло тяжёлое снежное одеяло.

— Нужно возвращаться, — сказал Евгений Андреевич.

— Но мы только пришли. Видите, снег уже прекратился, скоро погода наладится. Давайте останемся хотя бы ненадолго, а после обеда, если что, вернёмся домой. А если повезёт, то поработаем, — чуть ли не в один голос канючили ребята.

— Вы замёрзнете, — возражал учитель.

— Не замёрзнем. Сейчас костёр разведём. Давайте останемся, а?

— Ну ладно. Только с костром не тяните.

Дружная команда тут же приступила к работе. Всё, что важно было для костра, приготовили быстро, дела в руках спорились. А вот искать и раскалывать известняк в подобных погодных условиях оказалось занятием

сложным: земля размокла, ноги скользили, от сырых холодных камней леденели руки. Поиски пришлось оставить. Путешественники погрелись у костра и направились в город.

Дорога шла лесом, солнце, заплутавшее в кронах сосен, не грело. Холод вновь начал пробираться до костей. Какой же восторг испытали ребята, когда наткнулись на домик лесника! И хотя он оказался нежилой, зато в нём можно укрыться от ветра и сырости. В углу прибежища возвышалась небольшая печь. Но как её топить? Городские дети представляли себе это с трудом. А те, что жили в частных домах, знали, как справиться с этой ответственной задачей. Общими усилиями печь растопили. Обогрелись, обсохли, а к вечеру в прекрасном настроении вернулись домой. И ни один участник приключения, на радость учителю и родителям, не простудился.

Однажды, возвращаясь из похода и проходя через посёлок Тарловку, уставшие туристы остановились возле колодца, чтобы напиться и передохнуть. Вдруг невдалеке раздались крики о помощи:

— Пожар! Пожар-ар!!!

Ребята побежали на крик. Оказалось, в одном из дворов загорелся сарай. Рядом с сараем металась женщина и, схватившись за голову, истошно голосила. Со всех сторон на помощь сбегались люди. Соседи пытались потушить огонь, выплёскивая воду из вёдер, но воды явно не хватало, и языки пламени всё увереннее охватывали строение. Из сарая стал доноситься странный визг.

— О-ёй, — вновь завопила женщина, — там мои поросятки... два... маленькие! Сгорят заживо! О господи-и, что дела-ать?!

И тут вдруг Слава резким движением развернул палатку, накинул её на себя и ринулся в горящую дверь.

— Стой, это опасно! — закричал кто-то из толпы. Но Слава этого уже не слышал.

Девчонки оцепенели от страха, мальчишки растерялись, не зная, что делать в этой ситуации. Сердце Евгения Андреевича будто остановилось. Он уже приготовился сам броситься в огонь за учеником, но увидел, что тот выскочил из сарая и скинул с себя палатку. Слава тяжело дышал, жмурил глаза и... улыбался: в руках у него были оба поросёнка. Девочки тут же подбежали, стали осматривать героя. Мальчишки проверяли палатку, к счастью, она, спасая от ожогов их товарища, практически не пострадала. Женщина со словами благодарности взяла поросят. Но один из них, вырвавшись, побежал домой — в сарай.

— Ты куда, глупый! — кричали окружающие, пытаясь преградить дорогу поросёнку, а тот от страха ещё резвей ринулся в зияющий дверной проём.

Слава вновь — к палатке. Евгений Андреевич силой удержал ученика:
— Ты сделал всё, что мог. Больше я тебе не позволю рисковать жизнью!
Сарай обрушился...

Поход — не только активный отдых, это возможность получить новые знания и множество неповторимых, незабываемых впечатлений. Это возможность приобрести настоящих друзей, потому что ни в какой другой жизненной ситуации не чувствуешь людей так, как в походе. Это как в разведке: каждому, кто с тобой рядом, ты доверяешь — ни больше, ни меньше — свою жизнь. Даже, казалось бы, давно знакомые и близкие люди в походе могут раскрыться с совершенно неожиданной стороны. Перед лицом природы или случая каждый становится таким, какой он есть на самом деле — настоящим.

Поход — это возможность испытать свои собственные силы и такие качества как умение жить в команде, быть готовым к принятию быстрых решений, постоянно проявлять заботу о себе и о тех, кто рядом.

И, конечно же, поход — это романтика! Магия вечернего костра, песни под гитару, задушевные разговоры с другом. В такие моменты все дневные хлопоты и трудности забываются. А когда смотришь в небо на загадочно мерцающие звёзды, появляется новое ощущение полноты и красоты жизни, своего глубинного родства со всем мирозданием. И мысли, как искорки костра, устремляясь вверх, улетают в бесконечное пространство. И сердце наполняется непостижимой, нисходящей с небес Любовью.

Тёплый летний вечер. Костёр. Ребята, заканчивая свои хлопоты, подтягивались к огню. Небольшая группа мальчишек играла в карты. Один из них обучал друзей преферансу. Девочки обменивались впечатлениями прошедшего дня.

— Я сегодня так счастлива, — сказала Света своей соседке по парте Тане, — первый раз я сумела найти отпечаток каких-то древних насекомых... Всё колешь, колешь эти камни, уже и присматриваться устаёшь. А тут вдруг — раз, слой слетел, а там «нарисованы» крылышки. Удивительно. И сразу появилось чувство, что я прикоснулась к великой тайне. Будто заглянула в бездну... Тысячи лет назад жили себе эти таракашки, а природа сохранила в себе их облик.

— А ведь и на самом деле ты заглянула в настоящую бездну — бездну веков, — задумчиво сказала Таня, — теперь ты это никогда не забудешь.

— Ой, руки замёрзли, — подсела к подругам третья одноклассница. — Лето, а вода в роднике всё равно ледяная.

— Ну да, она же из земных глубин выбегает...

— И несёт в себе память веков, — в тон речи подруг поддакнула девочка. — А посуда сегодня жирная, даже песком плохо оттиралась, — продолжила она, возвращая мечтательниц к реальности. — Пришлось с мылом отмывать.

— А можно было золой попробовать, я читала, она хорошо растворяет всякую грязь, — деловито сказала Света. — В прежние времена с золой даже бельё стирали... Подержи руки над огнём, согреются быстрее.

К костру подошёл Евгений Андреевич, за ним следом — двое ребят, явно озабоченные чем-то серьёзным.

— Какая вас муха укусила? — обратился к ним Семён, подкидывая полешки в огонь.

— Это я их укусил, — ответил за подопечных Евгений Андреевич.

— Разве вы кусаетесь? — искренне удивился Семён.

— Ну... иногда да, — спокойно ответил учитель, — впрочем, ничего страшного не произошло... Я предлагаю всем поиграть...

В этот момент Игорь бросил в костёр почти полную пачку сигарет и процитировал:

— Погиб поэт! — невольник чести — пал, оклеветанный молвой.

— Ничего себе, — присвистнув, произнёс Семён.

— Ну что ж, вот и прекрасно, — сказал Евгений Андреевич, одобрив решительный поступок провинившегося ученика. — Я предлагаю вам одну увлекательную игру, — продолжил учитель, — называется она «Волшебное отражение».

— Что за игра? — оживились ребята.

— Очень хорошая игра, интересная и по-настоящему волшебная. Садитесь все поудобнее к костру в круг.

Одноклассники расселись.

— Главное правило — смотреть в глаза друг другу и быть искренними... — начал пояснение Евгений Андреевич.

— И всё?

— Нет, не всё. Вам нужно сказать комплимент тому, кто оказался напротив. Просто скажите человеку о том, что вам в нём нравится, даже если этот человек чем-то вас нечаянно когда-то обидел. Даже если между вами никогда не было взаимопонимания, всё равно, важно найти что-то в нём такое — во внешности или в характере, пусть даже в одежде, — что вам действительно видится симпатичным, что вам по душе. Пусть это будет только пуговица, но вы искренне скажите: «Какая у тебя красивая пуговица!» И тот, кто получил комплимент, в ответ тоже должен сделать комплимент. Понятно?

— Да.

— Начинайте игру. А мне позвольте быть за кругом.

Ребята посмотрели друг на друга, но начать никто не решался. Тогда Евгений Андреевич предложил:

— Семён, ты комсорг класса, начинай. Посмотри, кто сидит напротив...

Напротив Семёна оказался Коля. Семён хорошо знал Колю, относился к нему с уважением не только потому, что они живут в соседних подъездах, и что у Коли родители — большие начальники на «КамАЗе». Он уважал товарища за твёрдый характер, за то, что тот, как и он сам, увлекался боксом. Но как говорить об этом вслух?..

— Да-а, — вздохнул Семён, — оказывается не так-то просто делать комплименты. Я не знаю, что сказать... Если просто так произнести «Коля, ты мне нравишься», то ведь это будет отговорка...

— Правильно, — донёсся голос учителя, — важно сказать что-то конкретное, что именно тебе в Коле нравится. Начинайте с имени, не торопитесь, слушайте друг друга внимательно, я бы даже сказал, чутко. Соблюдайте ещё одно условие: в этой игре все говорят по очереди, никто никого не перебивает. Нужно чувствовать, слышать друг друга. И — улыбайтесь, иначе волшебства не получится.

— Коля, — начал Семён, посмотрел на одноклассника и вдруг сказал совсем не то, о чём думал: — Мне нравятся твои чёрные, как угли, глаза, твой глубокий, задумчивый взгляд.

— Семён, а мне нравится в тебе твоя принципиальность, честность и твоё стремление много успевать, ещё мне нравится, что к тебе можно запросто прийти в гости.

— Рома, — обратилась к юноше напротив Таня, — мне нравятся твои длинные волосы и то, как ты красиво умеешь рисовать и танцевать.

— Таня, а мне нравится твоя коса, нравится, как ты картавишь, нравится и то, что ты трудолюбива, никогда не отлыниваешь от дел.

— Света... Светлана, — обратился к девушке Слава. Какое счастье, что она оказалась напротив! — Мне нравится твоё стремление учиться на «отлично». Нравится, как ты одеваешься, следишь за своей внешностью, делаешь причёски. Мне нравится твоя... зрелость, что ли, — одноклассник смутился.

— Вячеслав, а мне нравятся твои застенчивость и доброта, что ты настоящий товарищ... друг, — улыбнувшись и тут же поджав губы, ответила Света.

«А мне бы хотелось больше, чем просто товарищеская дружба», — подумал Слава, но, конечно же, не добавил ни слова. Он посмотрел на Светино лицо, освещённое яркими языками огня: как причудливо на нём играют тени, и от этого оно кажется ещё загадочней, ещё красивей. Он вздохнул, обхватил колени, мечтательно уставился на костёр, и что говорят друг другу ребята, до него уже доносилось как бы издали, из сгущающейся темноты, будто слова падали из этой темноты в огонь, вспыхивали в нём, сгорали и разлетались жаркими искорками...

— Илья, мне очень нравится твоя целеустремлённость, я верю: ты обязательно станешь хорошим врачом, — сказал Игорь.

— Игорь, а мне в тебе нравится решительность, смелость, ты такой повзрослому мужественный и в то же время добрый, и я верю, ты станешь конструктором, как Королёв...

Пока ребята говорили друг другу комплименты, на их лагерь опустилась глубокая ночь. Одноклассники не заметили, как преодолели барьер нерешительности и ложной стыдливости. В глазах ребят отражалось пламя костра, их лица светились счастливыми улыбками. Когда игра завершилась, когда замкнулся круг добрых признаний, в воздухе повисла тишина, лишь было слышно потрескивание дров и далёкое пение сверчка. Кто-то положил руки на плечи своим соседям, и кольцо вновь замкнулось — теперь уже дружескими объятиями. Вдруг тихо прозвучало: «Я люблю вас», — и это признание лёгким эхом побежало по кругу...

В тишине, когда ребята разошлись по палаткам и улеглись спать, послышался негромкий голос учителя, дежурившего у костра:

*Дивлюсь я на небо та й думку гадаю:
Чому я не сокіл, чому не літаю?
Чому мені, Боже, ти крилець не дав?
Я б землю покинув і в небо злітав.*

Чисто выводимая мелодия гармонично сливалась с потрескиванием горящих поленьев и нежно проникала в темноту тёплой летней ночи...

Не только в походах, но и на уроках географии, проводимых любимым учителем, ребята чувствовали себя настоящими исследователями...

— Итак, к доске пойдёт...

Евгений Андреевич неторопливо, как всегда, вёл пальцем по журналу и вместо того, чтобы назвать фамилию ученика, медленно, с расстановкой произносил любимую поговорку:

— Борец Бамбула поднимает два стула и мокрое полотенце...

Вот его палец проскочил первую половину списка. Ага, значит, того, кто записан в начале, он уже не спросит.

— А зачем борец Бамбула поднимает два стула? — шутя, спросил учитель. — Ответит нам...

Класс в напряжении наблюдает за движением пальца учителя.

— Таня.

Но фамилию Евгений Андреевич не назвал. Какая Таня — их четыре в классе? Скорее всего, Петрова, ведь первая половина списка уже позади. Таня Петрова приготовилась к выходу.

— Тебе идти, — дёрнул девочку за длинную косу Рома, сидевший сзади. При других обстоятельствах Таня сумела бы достойно ответить на дерзость одноклассника, но сейчас она просто не обратила на его выходку никакого внимания.

А учитель неожиданно назвал фамилию Елисеевой. Схлынувшее напряжение всколыхнуло воздух: вызов ученика к доске всегда превращался в такую игру-«угадайку», держащую ребят в азартном накале. И снова Евгений Андреевич сумел всех обвести вокруг пальца.

Таня вышла к доске. Сегодня она волновалась меньше обычного. К уроку готова, и другая предстоящая игра со значками полезных ископаемых ей тоже уже не страшна. Дело в том, что в кабинете географии висел стенд с кармашками, на которых написаны названия полезных ископаемых, и ребятам предлагалось как можно быстрее распределить карточки-знаки по нужным кармашкам. Ученики долго не могли запомнить множество нужных знаков, и эта «шахматная игра» требовала от каждого напряжения и тренировки памяти. Однако накануне класс решил сделать «ход конём»: вечером ребята собрались в кабинете и незаметно для постороннего глаза подписали все карточки. Теперь задача с «расстановкой фигур» решалась легко.

Сегодня с заданием Таня справилась на «отлично». Быстро и верно с этой игрой стали справляться и другие ребята. Евгений Андреевич заподозрил неладное, а когда он обнаружил причину стремительного успеха учеников, сделал ответный ход — никому ничего не говоря, после урока стёр хитрые подсказки. К тому времени, когда ребята увидели, что учитель вновь их перехитрил, значки полезных ископаемых как-то сами собой уже отложились в голове.

Напряжения памяти требовала и игра в города и страны. Правила игры подразумевали быстрое нахождение на карте нужной страны. Но мало показать точное месторасположение государства. Нужно назвать столицу, рассказать о географических особенностях местности, перечислить, какими полезными ископаемыми богата земля. Кроме того, обязательно нужно охарактеризовать политическую обстановку в государстве на данный момент времени. А если дополнишь ответ знаниями имён известных композиторов или художников этой страны, или её современных музыкантов, спортсменов, то «пятёрка» с дополнительными плюсиками тебе обеспечена. Плюсик учитель ставил в специальной тетрадке, и со временем они тоже превращались ещё в одну «пятёрку» в журнале.

В кабинете географии на широком подоконнике стоял электропроигрыватель для грампластинок, после магнитофонов с их большими бобинами с магнитной лентой проигрыватель был самым популярным средством прослушивания музыкальных записей. А для школы и самым удобным:

можно легко, опустив иглу на пластинку, на определённую дорожку, включить нужную мелодию. Ученики любили моменты, когда на своих уроках Евгений Андреевич ставил пластинку, и класс внимательно слушал либо классическую музыку, либо современную, которая была создана в той стране, что изучалась по теме урочного плана. Часто учитель заряжал и фильмоскоп, показывал слайды картин известных художников, фотографии природы. Иногда в классе работал кинопроектор — редкость школьного оборудования. Ребята всегда с предвкушением чего-то особенно интересного наблюдали, как учитель нажимает кнопку у стола (это изобретение Евгения Андреевича и мальчишек-старшеклассников), и плотные шторы автоматически начинают сдвигаться, класс погружается в таинственный мрак.

Ребятам нравились эти серьёзные игры, ведь ни в одной из них никогда не было проигравших. Ученики принимали активное участие и в поиске наглядного материала, что способствовало зарабатыванию плюсиков: учитель всегда давал возможность получить хорошую оценку, нужно только постараться.

В старших классах Евгений Андреевич предлагал ученикам писать рефераты. Желаящие получить высокую оценку с удовольствием приступали к этой работе. На факультативном занятии раздавались темы, которые можно было выбрать по интересам. Например, изучить какую-нибудь капиталистическую страну, причём не только с точки зрения экономической географии. В реферате освещались и культурные традиции, и история страны. На выполнение такого задания предоставлялось много времени — учебная четверть или даже полгода. Ведь для осмысленного изложения ребятам требовалось проработать множество литературы, а значит, посетить библиотеки...

В итоге реферат оформлялся в виде альбома, для чего использовались все доступные средства: фотографии, открытки, вырезки из журналов, даже предметы быта.

Кроме того, что работа над рефератами требовала от каждого «исследователя» большой ответственности, она ещё и сплачивала одноклассников. Если кто-то из ребят находил что-то полезное не по своей теме, но знал, что над этой темой корпит товарищ, то обязательно делился открытием. К концу срока работы в классе устраивались большие презентации альбомов.

И вот настало время защиты рефератов. Светлана переживала: она привыкла получать «пятёрки», однако тема реферата показалась ей слишком трудной, кое-как она раздобыла материал... Но вроде бы защитилась. Следом за ней ещё несколько ребят, словно артисты или дикторы телевидения, удачно раскрыли темы своих работ. Началось обсуждение. Евгений

Андреевич, как обычно, акцентировал успехи каждого и очень мягко делал замечания.

Обсудили одну работу, другую, третью, а о Светиной ни слова. Она подумала: «Всё, провал». И вдруг Евгений Андреевич пригласил её вновь выйти к доске. Ученица вышла, и учитель неожиданно спросил:

— Света, скажи, пожалуйста, откровенно, тебе кто-нибудь помогал?

У девочки внутри всё оборвалось.

— Нет. Я сама всё сделала, — она чуть не заплакала, подумав: «Что я там такого понаписала, что меня так серьёзно обо всём спрашивают?»

Тут Евгений Андреевич подошёл к ней, взял за руку и взволнованно произнёс:

— Ребята... Света... позволь мне сделать одну важную вещь... — учитель наклонился и поцеловал девочку в руку. — Благодарю тебя за прекрасную работу.

Кроме географии, Евгений Андреевич боготворил астрономию и приоткрыл ребятам многие звёздные тайны.

На одном из уроков он вдруг спросил учеников:

— Признайтесь, кто-нибудь из вас бывал ночью на крыше высотного дома?

Робко поднялись две девичьи руки.

— Так, — удивился Евгений Андреевич, глядя на примерных учениц. — Благодарю за смелость. И что вы там делали, если не секрет?

— Ели жареных голубей, — тихо произнесла одна. — Мои братья решили попробовать настоящую дичь.

Ребята засмеялись, но негромко, несмело: они знали, что старшие братья одноклассницы никому спуска не дадут, защищая сестру.

— И как? Понравилось? — брови учителя взметнулись вверх.

— Нет.

— А на небо вы смотрели? Что видели?

— Звёзды...

— Вот именно, звёзды. Что может быть в мире красивее, чем звёзды? Никакие алмазы и драгоценности не сравнятся с их величием... Ребята, сегодня должна быть ясная безлунная ночь. Я предлагаю вам увлекательное путешествие. Тех, кто желает полюбоваться звёздным небом, я жду сегодня в девять часов вечера возле второго подъезда дома 4/5А. У кого есть бинокль или другие оптические приборы, возьмите с собой. Кому нужно, чтобы я предупредил родителей, сообщите. Да, и оденьтесь потеплей.

Вечером почти весь класс собрался в назначенном месте. В руках Евгений Андреевич держал небольшой телескоп.

— Ну что ж, друзья, ведите себя осторожно, будьте внимательны. Сейчас мы с вами поднимемся ближе к небу, — загадочно сказал Евгений Андреевич и направился в подъезд.

Люки, выводящие на крышу, легко открылись: не от кого было запирать «ценности», размещённые на кровле домов; и одноклассники беспрепятственно оказались на непривычной высоте.

— Ух ты, какие яркие звёзды! — тихо произнёс кто-то из ребят.

— Да, — отозвался учитель, — сегодняшняя ночь удачна для наблюдений. Ясно, нет луны. Посмотрите, почти в зените — созвездие Кассиопеи. Его легко найти на небе, оно напоминает перевернутую букву «М».

— Это то самое созвездие, к которому полетели герои фильма «Москва — Кассиопея»? — спросила одна из девочек.

— Да, то самое, — подтвердил учитель.

— А кто-нибудь видел продолжение про путешествие на Кассиопею? — спросил Семён ребят.

— Нет, а как называется? — с любопытством спросил кто-то из девочек.

— «Отроки во Вселенной»... он только-только вышел на экраны. — Семён хотел было похвастаться тем, что оказался первым, кто увидел этот фильм, но Евгений Андреевич не дал ему такой возможности.

— Кассиопея — это незаходящее созвездие Северного полушария неба, — запрокинув голову вверх, вытянутой рукой указав на звёзды, громко сказал учитель.

— И созвездие Большой Медведицы тоже незаходящее, — сказала отличница Светлана, — его круглый год видно на небе.

— Совершенно верно. Оба эти созвездия находятся по разные стороны от Полярной звезды. И когда Большая Медведица опускается к горизонту, вот как сейчас, а это бывает осенью и зимой, то Кассиопея поднимается практически до зенита. И наоборот. Согласно древнегреческому мифу, Кассиопея — жена эфиопского царя Цефея — за своё хвастовство была привязана к креслу, сидя на котором была обречена кружиться вокруг Северного полюса, переворачиваясь головой вниз.

Ребята устремили взоры к небу. В школе они изучали астрономию, но вот так наглядно и интересно о звёздах ещё никто им не рассказывал. Звёзды видно почти каждый вечер — это обычное явление, к которому люди привыкли, причём привыкли настолько, что порой просто не смотрят на небо, а там столько удивительного, столько непознанного. Благодаря телескопу одноклассники рассмотрели кольца Сатурна, четыре крупнейших спутника Юпитера, которые принято называть Галилеевыми...

Сейчас, находясь рядом со звёздами, так много сразу захотелось узнать. И к учителю посыпались вопрос за вопросом. Евгений Андреевич отвечал

на них с радостью, которая вместе с «небесными светлячками» освещала его лицо.

— А Кассиопея состоит всего из пяти звёзд?

— Нет, это только самые яркие звёзды, по которым легко найти созвездие. На самом деле под созвездием подразумевают не выделяющиеся группы звёзд, а участки звёздного неба. Так что все звёзды причислены к созвездиям. В Кассиопее 150 звёзд! Большая часть из них лежит в поясе Млечного Пути и содержит много рассеянных звёздных скоплений.

— А какие созвездия ещё находятся на Млечном Пути?

— В Северном полушарии Млечный Путь пересекает такие известные и хорошо видимые созвездия, как Лебедь — вот он над вами в виде креста, Цефей, Кассиопея, Персей...

— Все знакомые имена из греческих мифов, почему?

— Потому что именно древнегреческие гипотезы об открытии и образовании созвездий остались в памяти человечества и до сих пор живут в виде мифов.

— А расскажите, пожалуйста, какой-нибудь миф.

— А не замёрзнете?

— Нет, — дружно ответили ребята.

— Ну хорошо. Раз уж мы сегодня начали говорить о Кассиопее и Цефее, то я расскажу вам о них. В древности Эфиопией правил грозный царь Цефей, была у него красавица жена Кассиопея. Оба родителя пуще всего на свете любили свою дочь Андромеду. Девушка была умна и хороша собой. Красота Андромеды вызывала зависть у многих богинь. И однажды задумали они чёрное дело. Напустили на процветающую Эфиопию огромное и кровожадное морское чудовище — Кита (к настоящим мирным животным это чудовище не имеет никакого отношения). Кит начал разорять царство Цефея. Он иногда выползал на берег и пожирал всех, кто ему попадался. Кроме того, он топил корабли и сносил с лица земли деревни. Цефей пытался откупиться от чудовища. И Кит пообещал оставить корабли и деревни в покое, но взамен потребовал отдавать ему, когда он проголодается, по одной девушке. Начались тяжёлые времена. Каждую девушку ожидала страшная участь — её приносили в жертву Кита: отвозили на морской берег, а чтобы красавица не сбежала, приковывали к скале. Так извели всех красавиц Эфиопии. Осталась последняя — Андромеда. Злорадствовали богини в предвкушении приятного для них события — царскую дочь погубит мерзкий Кит. Пришло время, и бедняжку Андромеду приковали к скале и оставили дожидаться своей участи. Но как раз в это время мимо пролетал на крылатом коне Пегасе Персей — герой, победивший Медузу Горгону, на голове у которой вместо волос были змеи. Из мифа о Персее мы знаем, что каждый, кто видел Гор-

гону, немедленно превращался в камень. Но Персей пошёл на хитрость: он держал в руке зеркало и в схватке со злодейкой смотрел не на саму Горгону, а на её отражение. Благодаря этой хитрости и своей силе Персей победил Медузу, отрубив ей голову... И вот, пролетая на Пегасе, Персей увидел прикованную к скале красавицу, а рядом безутешных Цефея и Кассиопею. Как раз в это время из морской пучины показался Кит. И тут Персей достал из мешка голову Горгоны и показал её чудищу. Кит моментально окаменел, превратившись в прибрежную скалу. Так была спасена Андромеда. И Цефей с Кассиопеей выдали её замуж за спасителя...

— Вы сказали, что все эти созвездия мы сегодня можем наблюдать?

— Да. Посмотрите, на юге, высоко над горизонтом, виден огромный квадрат созвездия Пегаса. От верхнего левого угла к востоку по прямой линии расположены звёзды Андромеды: Альферац, Мирах и Аламак. Рядом с Андромедой можно увидеть и знаменитую внегалактическую туманность. Древние называли туманность облачком Андромеды. Северо-восточнее можно найти Персея, звёзды которого образуют перевернутую букву «У». В нём есть примечательная звезда Алголь, одна из самых знаменитых. В переводе с арабского название «Аль Гуль» означает «Звезда Демона». Это и есть глаз Медузы Горгоны. А знаменита звезда тем, что регулярно меняет свою яркость. Происходит это оттого, что спутник, который не удаётся разглядеть даже в сильный телескоп, вращаясь вокруг, иногда её затмевает.

— А где же Цефей?

— Созвездие находится между Кассиопеей и Малой Медведицей. Состоит из неярких звёзд, расположенных в виде раскрытого конверта, однако, приглядевшись, его можно найти, а в телескоп, зная направление, совсем легко... В это время хорошо видна Дельта Цефея — одна из многочисленных переменных цефеид, которые ритмично, со строгим постоянством увеличивают и уменьшают свой блеск. Но если у Алголя причиной изменения блеска является затмение, то у Дельты — явление, похожее на качание маятника...

— А где Кит?

— На противоположной стороне от Большой Медведицы, совсем низко над южной точкой горизонта. Дело в том, что Кит находится на границе Северного и Южного полушарий, на воображаемом небесном экваторе. Он «плавает» по небу, и в зависимости от времени года, появляется на горизонте то Южного, то Северного полушария... Так что в осеннем небе можно наблюдать всю компанию древнегреческого мифа.

— Здорово!..

— Прекрасно, — задумчиво сказал Евгений Андреевич. — Ночное небо такое огромное, манящее. Когда долго смотришь на него, то, кажется, начинаешь чувствовать дыхание звёзд. И хочется верить, что сквозь эту

прекрасную бездну на нас смотрит не холодная вечность, а тёплые заботливые глаза великой Природы...

Августовский прохладный вечер. Небо ещё ясное, синее, с желтовато-розовыми отблесками подкрадывающегося заката. Во дворе тихо. Маленькие дети разбежались по домам в ожидании телепередачи «Спокойной ночи, малыши». Многие школьники уехали на каникулы к родственникам в другие города и сёла. В августе, незадолго до начала нового учебного года, во дворе наступает «мёртвый сезон», будто все торопятся насладиться последними днями каникул, погружаясь в любимые дела, пропадая на дачах или на море, в тёплых краях продлевая удовольствия лета.

Семён был дома один: родители допоздна на работе, и он уселся перед телевизором, чтобы посмотреть одну из самых любимых передач «Вокруг смеха». Когда показывали эту юмористическую программу, улицы города пустели в любое время года.

Зазвонил телефон. Семён вздрогнул: он не ждал никаких звонков, многие друзья-одноклассники ещё не вернулись из летних поездок. Телефонные трели почему-то показались тревожными, и Семён быстро вскочил с дивана, одним прыжком оказался в кресле у сложенного стола-книжки, на котором и звенел чёрный строгий аппарат, снял трубку.

— Алло.

— Добрый вечер, Семёна, — зазвучал голос Евгения Андреевича. Учитель не дал Семёну возможности ответить «здравствуйте», заговорил быстро, взволнованно: — Срочно собирай всех мальчишек, всех, кто в городе. Шефы в школу привезли бетон, его нельзя оставлять, сам понимаешь. Так что сегодня нам предстоит большая работа. Я жду вас на географической площадке. Поторопитесь.

— Хорошо, мы мигом!..

Не прошло и десяти минут, как несколько подростков собрались на школьном дворе. Возведение нового, невиданного географического объекта длилось уже почти целый год. Была готова опалубка будущего ограждения: вырыты траншеи, поставлены столбы, укреплены доски. Строительство ребята вели так, чтобы не повредить ни одного зелёного насаждения: не было спилено или сломано ни одной ветки. Все стройматериалы и даже тяжёлый бетон новоиспечённые строители аккуратно протаскивали между деревьями и кустами.

Мальчишкам казалось, что уложить бетон по периметру площадки будет несложно. И они дружно принялись за дело. Но когда началась заливка, оказалось, что жидкая тяжёлая масса может разорвать деревянную опалубку. Пришлось ох как повозиться! Однако как бы ни капризничал бетон,

к драгоценному строительному материалу отнеслись бережно, использовали его «подчистую», не жалея сил на трудоёмкую операцию.

Провозились допоздна. Наутро у ребят болели все косточки. Зато, несмотря на усталость, присутствовало огромное чувство удовлетворения от проделанной серьёзной работы: сооружён топографический сектор площадки. Отлиты из бетона замысловатые горы, с вершин которых вскоре побежит настоящий водопад...

Но и многое ещё предстояло сделать. Учителем было задумано, и одноклассники вдохновились идеей создать на площадке озёра, соорудить геологическую стенку, на которой будут изображены различные природные явления. Уже к осени должны начать действовать метеорологический и астрономический секторы. На площадке решили установить флюгер, термометр, метеорологические приборы, необходимые для наблюдения природных явлений. Всё это, безусловно, создавалось для того, чтобы школьники как можно глубже познали полюбившийся предмет — географию.

* * *

— Урок окончен, — улыбаясь, сказал Евгений Андреевич, — но я не всех отпускаю: девочки могут идти, а мальчиков прошу остаться.

— А девчонки что, домой? — возмутились ребята.

— Да.

— Несправедливо.

— Всё справедливо. Девочки завтра утром без вас придут на классный час, а вы сегодня останетесь, — пояснил учитель.

— Почему это?

— Потому, что... тема такая.

— Что за тема?

— Урок начнётся, узнаешь.

— Наверно, половое воспитание... Модная стала нынче тема, — прошептал соседу Семён.

— Я слышу. Ты, Семён, абсолютно прав. Только я бы назвал эту тему немного по-другому.

— Как?..

— Ну, например, так: «Любви все возрасты покорны». Тема очень серьёзная.

— Прямо о любви будем говорить?

— Вот именно, прямо, не кривя душой.

— И оценки ставить будете?

— Оценки жизнь поставит...

Прозвенел звонок. Евгений Андреевич закрыл журнал, поднялся из-за стола и задумчивым взглядом окинул ребят:

— Садитесь, — он подошёл к двери, потянул ручку на себя, чтобы закрыть дверь плотнее. Было заметно, что учитель взволнован. В классе стояла напряжённая тишина.

— Ну что ж, ребята, начнём урок... правильнее сказать — беседу. Впрочем, с какой стороны посмотреть... Пересядьте, пожалуйста, поближе, на первые парты. Портфели можете оставить на месте, они вам не понадобятся... а мне важно видеть ваши глаза.

Учитель взял свой стул, поставил его перед первой партой среднего ряда, сел:

— Вот. Так будет лучше.

Мальчишки, не проронив ни звука, пересели.

— Вы, наверное, уже слышали: у нас в школе ЧП, я бы сказал, беда... В одном классе, который нынче будет выпускаться, одна девочка вместе с аттестатом — билетом в большую взрослую жизнь — получит и другой билет — направление в роддом... А ведь она сама ещё ребёнок. Да... так случилось. Я её не осуждаю, и никто не вправе осуждать... Но теперь все её юные силы будут направлены не на дальнейшую учёбу и освоение какой-либо профессии, а на восстановление своего здоровья и на воспитание ребёнка. Она теперь мать. А это огромная ответственность. Хорошо, если отец ребёнка будет рядом, если он сам в состоянии обеспечить моральную и материальную поддержку. Ведь родившая женщина становится беззащитной на долгое время. Во всяком случае, до тех пор, пока кормит малыша. Пока он не научится ходить, говорить, пока не приспособится хотя бы несколько часов в сутки обходиться без матери... Рождение ребёнка — это чрезвычайно ответственный жизненный шаг. Он не должен быть случайным. То, что произошло — это горький урок для всех. А для вас в первую очередь. У вас сейчас начался такой период в жизни, когда мир открывается новыми, яркими красками. Вы взрослеете, испытываете повышенный интерес к девочкам, которые обретают женственность. Вы влюбляетесь... В науке это называется «либидо» — половое влечение, в переводе с латинского слово означает «желание», с которым связаны яркие эмоциональные переживания и стремление получить удовольствие. В принципе, это нормально. Так устроена жизнь. Вы изучаете биологию, знаете разницу между мужчинами и женщинами... И если взаимная симпатия переходит в дружбу, а затем в любовь, то это прекрасно... Но терять разум, бездумно идти на поводу вспыхнувшего чувства — преступление, причём преступление как перед собой, так и перед другим человеком.

Помните: пять минут удовлетворённого желания или любопытства могут навсегда сломать как минимум две жизни...

Монолог учителя прервался. Евгений Андреевич пытливо всматривался в лица ребят.

— Но если такое случилось, можно же исправить ошибку? — раздался нерешительный вопрос.

— Как исправить? Что ты имеешь в виду — переписать сочинение заново? Или просто забыть, а на другой день начать другую жизнь? Скажи, как можно такое исправить?

— Ну... операцию сделать...

— Операцию?.. Кому? Девушке? Или тому, кто сотворил ребёнка?..

— Скажете тоже...

— А ты считаешь нормальным то, что юная женщина, делая аборт, должна отвечать за себя и «за того парня»? К тому же она при этом рискует жизнью...

Слово, значение которого было известно всем, но которое никогда раньше не произносилось, резануло слух.

Учитель ждал ответа.

— Но делают же взрослые...

— И взрослые рискуют, если делают... Неизвестно, какие могут быть последствия. Женщина, например, навсегда может остаться бесплодной. Операция — это опасно, это противоестественно. В конце концов, грех.

— Почему это?

— Да потому, что это — убийство, пусть ещё только формирующегося, но человека. А рождение новой жизни — это великое чудо!.. И нет гарантий, что, избавившись от нежелательной беременности, женщина с молчаливого, преступного согласия мужчины не лишит мир гения... Я вам расскажу одну легенду. Много-много лет назад жила на земле семейная пара. И вот родился у них первенец. Родители счастливы. Но ребёнок погибает. Появляется на свет второй ребёнок. Он оказывается глухим... Но женщина снова беременна. Современные врачи сказали бы: «Вам нельзя рожать». Как вы думаете, что делать в такой ситуации?

— ...

— Женщина родила ребёнка. А если бы она тогда не сделала выбор в пользу новой жизни, мир, конечно же, не перевернулся бы, но стал бы намного беднее, потому что люди никогда бы не услышали ни «Пятой симфонии», ни «Лунной сонаты». Потому что тем ребёнком оказался Людвиг Ван Бетховен...

Ребята расходились молча, каждым взглядом, каждым движением преодолевая неловкость, смущение, но не стыд. Это чувство охватывает че-

ловека в тот момент, когда в жизни происходит что-то большое, что-то значимое, такое, что раньше и представить было трудно, что казалось невероятно далёким. И вдруг — вот оно, прямо перед тобой...

Никто не решался первым нарушить молчание. Каждому хотелось поскорей уйти, чтобы остаться наедине с самим собой, с новыми впечатлениями, с новыми чувствами, чтобы как-то привыкнуть к непонятному пока ощущению взрослости, внезапно ворвавшейся в жизнь в тот момент, когда Евгений Андреевич прикрыл дверь. Будто где-то закрылась такая же дверь, за которой навсегда осталось беззаботное детство.

* * *

Светлана, длинноногая, быстрая, остроумная девушка, ещё пионеркой проявляла инициативу в общественных делах, возглавляла учебный комитет класса. Она была и членом Совета дружины школы. И в комсомол вступила в числе первых ещё в седьмом классе, а к девятому завоевала авторитет лидера и в комитете комсомола школы... Она успевала всё, даже в школьный театральный кружок ходила.

Когда одноклассники встретились после долгих летних каникул, юноши сделали новое открытие — девчонки повзрослели, похорошели, стали по-особенному привлекательными: женственными и загадочными, из гадких утят превратились в лебёдушек.

И девчонки удивились не меньше — мальчишки вдруг так выросли! Некоторых вообще трудно узнать: плечи у ребят раздались, голоса огрубели, тёмным пушком пробились усики.

— Смотри, смотри, Славка-то та-а-кой соли-и-дный стал, просто «первый парень на деревне», — напевали подруги Свете на ухо. — И с тебя глаз не сводит, правда-правда.

Света игнорировала их замечания. Слава — рядовой ученик в школе. В коллективе особой активности не проявляет — ему некогда, хотя чем занят, непонятно, к тому же он забросил учёбу. Несмотря на то, что ему уже почти шестнадцать лет, до сих пор ещё не вступил в ряды ВЛКСМ. Так что Света, как председатель учебного комитета, уделяла однокласснику внимания не больше, чем другим, хотя он действительно за лето возмужал, и многие девочки не скрывали своей симпатии к нему.

Сам же Слава, напротив, невольно пользуясь успехом у противоположного пола, не очень-то этому радовался: его всё больше и больше тянуло к Светлане...

Сегодня на классном часе Света зачитывала фамилии тех ребят, кто в ближайшее время должен подать заявление в комитет комсомола. Фамилия Славы не прозвучала.

— А почему меня нет в списке? — возмутился одноклассник, глядя прямо в ясные Светины глаза.

— А потому, что у тебя жиденькая «тройка» по английскому языку, да и литература хромает, и вообще, если не хочешь нормально учиться, шёл бы в ПТУ¹, — отчеканила девушка, её взгляд обжёг Славу.

Юноша почувствовал, что начинает краснеть и не стал больше задавать никаких вопросов. Светлана поняла его молчание по-своему.

— К концу четверти исправляй оценки, тогда со спокойной совестью напишешь заявление, а комитет его рассмотрит, — пояснила она.

— А ты мне дашь рекомендацию? — глядя исподлобья, спросил он.

— Подтянешься в учёбе — с удовольствием, — спокойно ответила Света.

В голове Славы тут же созрел план действий, необходимых для того, чтобы Светлана хоть немного своего внимания перенаправила на него. Он знал, что после уроков девушка пойдёт с заявлениями в комитет, поэтому решил подкараулить её в коридоре. Когда Света поднялась на третий этаж, Слава вскочил со скамейки у окна и направился навстречу девушке, радостно, будто они сегодня не виделись, воскликнул:

— Привет, а я как раз тебя жду!

— Привет, — растерялась от неожиданной встречи одноклассница и робко улыбнулась. — А зачем ты меня ждёшь?

«Она мне улыбнулась!» — подумал он, и сердце его заколотилось.

— Понимаешь, Света... — Слава осёкся и замолчал. Он вдруг остро почувствовал, как ему приятно произносить её имя, как волнителен её участливый взгляд, предназначенный только ему!..

— Нет, пока ничего не понимаю, — девушка оправилась от растерянности, недовольно пожала плечами.

— Света... Я хочу попросить у тебя помощи...

— Я не могу с тобой учить английский, обратись к кому-нибудь другому, — изменившись в лице, протараторила она и сделала шаг в сторону.

— Нет-нет, я не за этим, — перебил её одноклассник, преграждая дорогу. — Я сам подтяну английский. Я хочу, чтобы ты помогла мне подготовиться к вступлению в комсомол. Я очень хочу поскорей стать комсомольцем...

— Но ведь ты ничем не хочешь заниматься, даже уроки прогуливаешь! — в голосе одноклассницы зазвучало нескрываемое раздражение.

— Хочу заниматься! — искренне сказал Слава.

¹ Профессионально-техническое училище.

- Чем же?
- Культмассовой работой, я и в конкурсе художественной самостоятельности могу принять участие, в праздниках каких-нибудь.
- Прекрасно! Вот и займись. Иди в культмассовый сектор. Я-то тут при чём?..
- Да-да, я так и сделаю...
- И сделай. На следующем же собрании, а лучше на классном часе, заяви свою кандидатуру, думаю, ребята поддержат. Культмассовый сектор — серьёзное и большое направление работы...
- Но... я бы хотел, чтобы ты помогла мне нужные работы Ленина и ещё там кого-то достать...
- Всё — в библиотеке! — резко бросила Света и вновь предприняла попытку продолжить свой путь.
- Нет!.. — Слава схватил её за локоть, — я не так выразился... Подскажи мне, на что в них нужно обратить внимание, мне жизни не хватит все тома Ленина перечитать... В общем, — он убрал руку, ощутив неловкость, — я прошу, чтобы ты помогла мне подготовиться к собеседованию в комитете комсомола. Ты же всё знаешь... Давай или я к тебе приду, или ты ко мне. Составим список литературы и вопросов. Потом я буду читать, а ты меня экзаменовать. Ладно? — с надеждой в голосе произнёс Слава.
- Ну-у... у меня и так времени мало, — нерешительно протянула девушка.
- Всего-то один-два часа в неделю, я же не прошу каждый день.
- Один-два часа... Ладно, — согласилась одноклассница, — глядишь, и впрямь за ум возьмёшься... Давай как-нибудь...
- Начнём завтра?..
- Завтра у меня кружок!
- Всего полчаса, Света... а чтобы не отнимать у тебя много времени, давай я к тебе перед кружком зайду, потом провожу до школы, и ещё будет время обговорить вопросы... Ты только скажи, во сколько тебе удобней?..

Славе показалось, у него за спиной выросли крылья. И в то же время он чувствовал себя каким-то растерянным. Да, его план заработал, теперь он два раза в неделю встречался со Светой — либо они задерживались в классе после уроков, либо Слава заходил к Светлане домой. Она деловито помогала ему разобраться в различных статьях и книгах политических лидеров страны, однако её отношение к нему оставалось по-прежнему ровным. И он никак не мог найти способ, чтобы хоть как-то намекнуть ей на то, что она ему очень нравится... что он хотел бы не только иногда быть рядом с ней, сидя за книгами, которые ему вовсе не интересны, но и хоть изредка сидеть на подоконнике в подъезде, болтать о каких-то пустяках, только бы видеть её глаза, слышать её голос...

Зато ребята в классе заметили, что Слава изменился: и в учёбе стал подтягиваться, и в общественной работе начал проявлять инициативу. Многие прекрасно понимали причину происходящих перемен. И девчонки не то с иронией, не то с завистью говорили:

— Светка, неужели не видишь? Он всячески к тебе клинья подбивает.

— Не думаю, — холодно отвечала девушка. — Он просто взялся за ум. А может, ему хочется быть на виду, чтобы ещё больше девчонок за ним бегало.

— Да он и так видный. Просто красавчик! Высокий, усики чёрненькие... даже стрелочки на брюках стали острей... Ты что, подруга, совсем слепая?

— Нет, не слепая, но бегать за ним не буду, — гордо отвечала Света. — Не хочу оказаться в списке его побед.

— Слушай, а может быть, ты просто ревнуешь?

— Вот ещё!..

Прошло собеседование. Слава его выдержал блестяще. В его душе воцарился праздник: во-первых, Света улыбалась, искренне радуясь их общему успеху; во-вторых, он принят в ряды ВЛКСМ. Кроме того, Раиса Матвеевна — учительница литературы — позвала его в театральный кружок, который она вела, а это значит, со Светой его теперь будут объединять не только классные дела, но и школьная сцена, и это ещё больше приблизит его к девушке.

После собеседования в комитете комсомола Света подошла летящей походкой к однокласснику.

— Поздравляю. Завтра обязательно будь в парадной форме, пойдём в райком, тебе вручат комсомольский билет. Только будь готов ещё к небольшому испытанию: там тоже будут задавать вопросы.

— А почему именно в райкоме вручат?

— Потому что завтра праздник.

— Какой?

— Ты что, забыл?! — жгучие глаза девушки широко раскрылись, брови высоко взметнулись. — Тоже мне, комсомолец! Завтра же 29 октября!

— И что?

— Как что?! День рождения комсомола!..

— Точно! — стукнул себя по лбу Слава. — Совсем вылетело из головы!..

— Да уж, вылетело у него, — Светлана нахмурилась, — вот бы опозорились, если бы сегодня тебя спросили об этом!..

— Не опозорились же, — юноша примирительно улыбнулся и, будто озарённый нечаянной догадкой, весело сказал: — Слушай, праздник-то у нас двойной получился: меня приняли в комсомол в день рожденья комсомола! А давай мы это вдвоём отметим.

— Каким образом?
— Покутим.
— Ты совсем ненормальный?
— Очень даже нормальный... у нас же сегодня по расписанию день занятий. Понимаю, что они уже закончились, но мы же можем просто чай попить... а заодно обговорить детали завтрашнего дня. А?.. Свет, раз уж ты взяла надо мной шефство, так не бросай меня в самый ответственный момент, — Слава не сводил с девушки глаз, словно пытался её загипнотизировать.

— Бросишь тебя, как же! Как банный лист... — смутилась девушка. — Ладно, будь вовремя.

Сердце юноши застучало так громко, что он даже не понял, то ли это радость не уместается в груди, то ли какая-то боль распирает...

Светлана хлопотала на кухне, когда колокольчик дверного звонка извещал о приходе одноклассника: девушка вздрогнула, быстро вытерла руки, поправила на столе приготовленные чашки, окинула кухню придирчивым взглядом — вроде бы всё в порядке. Машинально подбила волосы, глянув на себя в зеркало в прихожей, и уже хотела было открыть дверь, как до неё дошло, что она не сняла фартук. Света дёрнула узелок на спине, но тот не захотел развязываться, и, казалось, от нервных движений пальцев затянулся ещё туже...

Раздался повторный звонок. Делать нечего, придётся в фартуке встречать гостя. Хозяйка открыла дверь. Слава стоял на пороге, держал в руках небольшой кулёк из упаковочной блёклой бумаги и улыбался во весь рот.

— Привет!

— Привет, — краснея, произнесла девушка и, чтобы скрыть неловкость, по-деловому добавила: — Где вешалка, ты знаешь, раздевайся и проходи на кухню, я сейчас...

Света ушла в комнату и ещё раз попыталась развязать фартук, но, дёрнув за конец завязки, поняла, что бантик каким-то образом превратился в двойной узелок, и теперь самостоятельно ей ни за что с ним не справиться. Она вернулась на кухню. Слава стоял у стола и всё ещё держал кулёк.

— Помоги мне, пожалуйста, — робко попросила Света. — Не могу никак развязать фартук... Извини...

— За что?.. Я с радостью помогу, — сказал юноша, положил кулёк на стол и принялся за дело. Но и его попытка не привела к успеху.

— Придётся зубами.

— Не надо... — засмушалась хозяйка.

— Боишься, что укушу? — пошутил гость.

— Не знаю... — глухо прозвучал Светин голос.
— Не шевелись, — Слава присел на одно колено и, вцепившись зубами в узелок, решительно обнял девушку за талию.

Света покраснела до корней волос. Она не понимала, что с ней происходит, то ли ей было стыдно, то ли приятно... Она обхватила щёки ладонями, словно пыталась сдержать их жар, замерла на месте.

— Ну вот и всё! — нарочито бодро сказал Слава, не вставая, решительно развернул к себе девушку, посмотрел на неё снизу вверх каким-то особенным, глубоким взглядом, затем неторопливо поднялся перед нею во весь рост. Губы его горели. А Света, потупив взор, так и не отрывала рук от лица.

— Ты что, плачешь? — изумился Слава. Он мягко обхватил ладони девушки и, не выпуская их из своих ладоней, опустил руки. — Света... что с тобой? — охрипшим голосом спросил он и вдруг нежно поцеловал девушку в висок.

— Не надо, — будто очнувшись, отпрянула Света. — Мне... мне почему-то стыдно...

— Глупости, — он крепче сжал её руки.

— А что это за кулёк? — неожиданно спросила она, глядя на свёрток, как на спасательный круг.

— Где?

— На столе. Ты принёс...

— А, это?.. Это ириски, — Слава отпустил Светины пальцы и суетливо развернул кулёк, высыпал на стол конфеты.

— Кофейные! Мои любимые... — девушка потянулась к лакомству. — Ты откуда узнал, что я именно такие люблю?

— Девчонки сказали...

— Ах, да... девчонки! — она отдёргнулась от конфет, как ошпаренная. — Ты же за каждой юбкой бегаешь, — неожиданно зло буркнула Света.

— Что? Что ты сказала? — чуть ли не крикнул Слава от неожиданной перемены настроения одноклассницы.

— Что слышал, — глаза Светы гневно сверкнули. Она сама до конца не понимала, на кого и за что злится.

— Знаешь, кто ты после этого? — сдерживая свой нечаянный пыл, Слава сжал кулаки.

— Ну, кто? Кто?! — недобрый прищур искажил лицо девушки.

Славе показалось, что блестящие иголки её глаз проткнут его насквозь.

— Мэрилин Мурло! Вот кто! — выпалил он ей в лицо.

— Ты ошибся, — она громко натужно рассмеялась. — Не Мурло, а Монро, — в этот момент Света почувствовала: её как будто в пропасть какую-то понесло.

— Не-ет, именно мурло! Потому что ты — красивая, как Мэрилин, а глу-у-пая, как мур-ло! — язвительно протянул юноша, слегка наклонился и развёл руки в стороны, мол, извините.

— Что?! — Свету качнуло.

— Что слышала, — он скрестил руки на груди.

— А ты!.. Ты... — она до боли сжала кулаки, — ты... соловей-разбойник!

Слава картинно изобразил на лице вопрос.

— Да! Да, — кулачки девушки задрожали. — Именно соловей, и именно разбойник: слишком много свистишь и ведёшь себя нагло!

Юноша резко развернулся, быстро вышел в коридор, сдёрнул куртку с вешалки и выскочил вон, громко хлопнув дверью.

Света вздрогнула. Она стояла посреди кухни. Слезы текли ручьём. На шее на бретельке болтался развязанный фартук...

За весь день Света и Слава ни словом не обмолвились.

В райкоме комсомола перед торжественным собранием они и другие ребята школы вошли в просторный кабинет. Поздоровавшись, Света передала какие-то документы молодому человеку, сидящему за столом под портретом Ленина.

— Здравствуйте, здравствуйте, юные комсомольцы. Присаживайтесь. Будем знакомиться, — хозяин кабинета привстал и широким жестом указал вошедшим на стулья, плотными рядами расставленные вдоль стен.

Комсомольский вожак стал по списку зачитывать фамилии присутствующих и задавать вопросы по теме ВЛКСМ. Ребята вставали и отвечали. Дошла очередь до Славы.

— Скажите, пожалуйста, юноша, — спрашивающий пристально сощурил глаза, — что вас привлекает в комсомольской работе?

— Отвечать нужно так, как думаю, или так, как положено? — спросил Слава.

Света вжалась в стул: «Что он себе позволяет? Зачем дерзит? Он что, мне назло решил всё испортить?»

— Я бы хотел услышать ваш искренний ответ, — сказал представитель райкома, лицо его прониклось ещё большим вниманием.

— Хорошо, я скажу правду. — Слава набрал полную грудь воздуха, будто готовясь к решительному прыжку в воду. — Мне очень нравится... Света, и в комсомольской работе меня больше всего привлекает возможность быть с нею рядом, — отчеканил он каждое слово и громко выдохнул оставшийся воздух.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина. Света зажмурила глаза. Её терзали противоречивые чувства. Она восхищалась мужественным по-

ступком одноклассника, ведь ещё никто и никогда не произносил вслух истинных мотивов своего вступления в комсомол. Многие это делали просто потому, что так надо; некоторые уже с юности строили будущую карьеру; другие понимали, что без маленького металлического значка на груди — символа алого знамени — не поступить в вуз; а юношей без звания «комсомолец» в армии ждал позор; и мало кто вступал в ряды ВЛКСМ из идейных убеждений. Да и какие могут быть идейные убеждения в четырнадцать-пятнадцать лет?.. В то же время разум девушки охватил ужас: «Что теперь будет? Их исключат из комсомола? Вкатят выговор? Позор на всю школу! На весь район!»

— Молодец, парень, — коротко и сухо засмеялся представитель райкома, встал, подошёл к Вячеславу, пожал ему руку и похлопал по плечу. — Уважаю за смелость. И вам, Света, спасибо за то, что сумели зажечь такое большое сердце. Вот если бы все и всегда были такими искренними в своих помыслах и поступках, то, наверное, уже давно построили бы... мир во всём мире...

После собрания Слава провожал Свету домой. На город опустился ранний вечер. В воздухе витал терпкий запах прелой листвы и тонкий аромат позднеосенней свежести, сулящей скорый снег. Орощённые морозью глянцево-улицы, как никогда раньше, были уютными, приветливо раскрывшими дружеские объятия юным горожанам. Одноклассники шли по тёмному тротуару, в котором отражались холодные блики фонарей. Вячеслав и Светлана крепко держались за руки, им было тепло и радостно. А на горизонте, далеко-далеко, разгоралась полоска света. Быть может, над городом поднималась предвзвня радуга, или — как бы Славе этого хотелось! — открывалась первая не книжная страница только что начавшейся повести о вечно новой любви.

* * *

Весна... Евгений Андреевич неспешно возвращался домой из райкома. Как давно он не прогуливался по улицам города — просто так, без дела. Как давно не замечал трепета молодой листвы, порывов тёплого ветра, липких тополиных почек под ногами, не ощущал их смолянисто-горьковатого аромата, не обращал внимания на закатные блики в окнах... не видел, каким удивительным, оказывается, бывает золотисто-лиловый свет сумерек: солнце только-только спряталось за горизонт, а небо, отражая его рассеянные лучи, склонилось над землёй туманным зеркалом, и у всего вокруг — деревьев, домов, машин — исчезли тени, все предметы стали будто невесомыми, непривычными, загадочными. Да, тени исчезают не

в полдень, а в тихие, поглощающие свет и звуки, сумерки... А ведь всё, что вокруг, — это его — Евгения! Всё — для него, как для самого дорогого гостя... И всегда было с ним, с первого его шага. Лишь в последнее время всё это, как привычка, как то, что было всегда и, кажется, будет вечно, перестало замечаться, перестало впечатлять.

Что же произошло сейчас?.. Почему он вдруг остро ощутил застывшее и в то же время ускользающее мгновение так, будто сам он враз возник в этих сумерках и тут же в них растворился, став таким же невесомым, как всё вокруг? Будто ему не сорок три, а всего лишь три, как тогда, в Коканде, когда он, ещё в силу возраста, не понимал, но чувял нутром: что-то меняется вокруг, меняется в родителях и во всех, кто рядом. Не осознавал, но ощущал тревожную, ещё сумеречно-робкую, но уже всепроникающую радость первых победных известий... «Победа будет за нами!» — звучал из радиопупоров волнующий голос Юрия Левитана... а в память врезались слова отца, когда тот подхватил его и подбросил высоко-высоко, под самое небо: «Жизнь — это победа! Понял, Женька?! Жизнь...»

Смысл жизни человека, в чём он?.. Конечно, в самосовершенствовании, в воспитании детей, которые непременно станут умней родителей, умней учителей, — так должно быть, от этого зависит прогресс, развитие человечества. И это не громкие слова. Каждый человек — творец будущего: своего, страны, а значит, мира... Тогда, после войны, каждый ощущал своё причастие к творению мира.

Вот и теперь, здесь и сейчас, летит вперёд победно грохочущим гулом стройки великая пора великих перемен. А разве времена и перемены когда-нибудь бывали другими?.. Загляни в историю — в ту, что способен окинуть взгляд, от скрижалей и до нынешних дней, и ты увидишь: перемены всегда эпохальны.

Великая стройка, как огромная машина, заставляет вращаться в себе каждый винтик, но и каждый винтик движет машину, и что первично, что вторично — вопрос философский; но чем стремительней поступь машины, тем незаметней кажутся судьбы маленьких винтиков...

На душе у Евгения Андреевича было тревожно, сумеречно: накануне он выступил на педсовете с дерзкой речью — честной, искренней.

Над новой школой с первых лет открытия словно злой рок навис: не держатся подолгу руководители. Один директор сменяет другого: кто-то уходит на повышение, кто-то добровольно покидает пост, а кто-то с должности... в тюрьму, как произошло с самым первым директором. Да, никакое время не в силах отменить человеческий фактор, и чем стремительней перемены, тем весомей ответственность того, кто её на себя берёт, кто ведёт

за собой других. А есть ли в событиях, в стечении обстоятельств какая-то преопределяющая роль судьбы? Всегда ли удача или неудача, справедливость или несправедливость зависят от самого человека?..

Был ли виноват первый директор школы в том, что кто-то допустил страшный брак — не сделал армирование бетонного лестничного пролёта, а его незадолго до сдачи объекта установили в школе? Великое счастье, что лестница обвалилась, когда рядом не было рабочих, когда ещё не пришли в школу дети. Тогда не случилось непоправимого, тогда чью-то ошибку исправили те, кто не имел к ней отношения... А в другой раз? Кто был виноват в недостатке школьного оборудования, которая раскрылась не сразу: время-то — суматошное?.. И таким ли уж непоправимым оказался тот — неизвестно чей — орех, допустивший недостачу? Какая цепь событий привела к нарушению закона? Какие звенья, оказавшиеся противоборствующими силами, вступили тогда в конфликт?.. Так до конца и не разобрались: кто был честен, а кто нет; но всю ответственность взял на себя один человек — руководитель школы...

Затем два года школу возглавляла Юлия Никифоровна — грамотнейший педагог и руководитель сильный, честный, душой болеющий за общее дело... Как с ней работалось — горы сворачивали! Но после пережитого ею сердечного приступа врачи настоятельно рекомендовали оставить директорство. На её место пришла другая женщина-руководитель, не менее сильная личность, но через три года уехала из города — жизнь вносила свои коррективы. И школу возглавила одна из завучей, решительно взявшая на себя исполнение обязанностей директора. Но и она надолго не задержалась — у городского управления образования на этот пост свои виды: должен быть мужчина. И в школе появился новый глава — Харитон Хамитович. Однако педагогический коллектив его не принял...

— Чё за человек? Лапотный какой-то, — подошла техничка Тося к Георгию Максимовичу, дежурившему по школе. — Вот, — в руках у неё был потрёпанный газетный кулёк, — снова ошурки семечковые, надоело уже. Директор ходит по школе, плюётся... Ладно хоть в газетку... А вчерась прям на окне кучу наплевал. Иду, а он сидит, как в деревне на лавочке. И чё, спрашивается, сидит, уроки идут, а у него дел нету?.. И лузгает... И я ничё сказать не могу: директор всё ж.

— А ты бы пристыдила, — серьёзно отреагировал математик, глядя на добродушную крепкую молодую женщину. У Тоси трое сыновей, и все в этой школе, она и устроилась уборщицей, чтобы приглядывать за своими озёрниками.

— А я спросила, кто за вами убираться будет. А он мне так, — она картинно скривила лицо: — «А ты на чё тут?» — и прыг с окна, побежал на своих

кривеньких, — Тося, увидев, что математик внимательно слушает, решила высказать наиболее: — Обидно, Максимыч, ладно за ребяташками подбирать, но этот-то — дире-ектор! Вы бы, учителя да завучи, собрались да перевоспитали его. Срам один. Дети смеются, когда он по коридору идёт и чавкает... — она отчаянно махнула рукой и процедила: — Жуёт столовский пирожок... А с семечками вовсе беда!.. Детей ругаем, чтоб с рынка в школу не таскали... Этот рынок ещё, как на грех, под боком... А тут сам директор, как на базаре... позорище!..

— Давай вещдок, пойду поговорю с ним.

— Чего? — не поняла Тося.

— Кулёк давай, в кабинет к нему отнесу, — улыбнулся математик.

— Да у него и без кулёка там ошурков полно. Маришка после уборки у него всегда жалуется... Я щас сама выкину, мне не привыкать...

— А без вещдока получится наговор, — математик протянул руку, — давай-давай.

— Да?.. Ну ладно...

Георгий Максимович брезгливо смял кулёк, чтобы не рассыпалось содержимое, и направился в кабинет директора. Математик терпеть не мог любой неряшливости. Сам служил примером аккуратности, и от учеников требовал дисциплины не только в поведении, но и в одежде: чтобы у мальчиков рубашки, а у девочек воротнички и манжеты всегда были свежими, пионерские галстуки выглаженными, чтобы юноши-старшеклассники с костюмом носили настоящие мужские галстуки. Учитель даже советовал, где можно купить самые модные. Директора математик невзлюбил не только за неряшливость, но и за непедагогичное поведение. Георгий Максимович знал, что если сейчас он сделает замечание Хамчику (так между собой учителя прозвали руководителя, хотя у педагогов не принято было давать прозвища), то тот непременно отомстит: внепланово придёт на урок и обязательно при детях сделает замечание, вставит подковырку, да не одну. Но ученики уважали математика, и такое поведение директора настраивало их против него же самого.

Прозвенел звонок, коридоры наполнились детворой, словно шумной рекой с хаотичными потоками и водоворотами. Взрослые, как лодки-одиночки, двигались в потоке, маневрируя, дабы избежать непредвиденного столкновения.

— Куда путь держишь? — окликнул математика Евгений Андреевич.

Георгий Максимович оглянулся и явно обрадовался.

— Да вот, к директору, — он показал другу кулёк, который теперь крепко держал двумя руками, чтобы невзначай, получив толчок под локоть, не рассыпать мусор. — Тося поймала Хамчика с поличным и мне как дежурному пожаловалась, а я хочу пожаловаться ему самому. Пойдёшь со мной?

Географ заговорщицки подмигнул.

— Ну, когда есть доказательства, то вперёд.

Георгий Максимович постучал в дверь кабинета директора и, не дожидаясь ответа, приоткрыл.

— Можно?

— Войдите, — раздался мальчишеский голос Харитона Хамитовича. Он и в своём кабинете, видать, по неистребимой привычке сидел на подоконнике, правда, одной ногой всё-таки упирался в пол.

За длинным столом, как раз напротив окна, спиной к стене сидела завуч Венера Дамировна, перед ней лежал раскрытый журнал. Плечи учительницы подрагивали, она плакала. Первым решительно вошёл Георгий Максимович, Евгений Андреевич — следом, плотно прикрыв за собой дверь.

— Что случилось? — забыв поздороваться, спросил Евгений Андреевич у Венеры Дамировны и укоризненно поглядел на Харитона Хамитовича. Географ с большим неудовольствием про себя отметил, что один только внешний вид руководителя — небрежно сидящий костюм, мятая рубашка со спущенным под расстёгнутым воротником галстуком, спадающие на лоб сальные волосы — вызывает в нём глубокую неприязнь.

Директор, заметив в руках Георгия Максимовича газетный кулёк, почувствовал неладное и решил напасть первым:

— Чё, собрались кости мои мыть?

Георгий Максимович не ответил, лишь подумал: «И как только в таком тщедушном теле может уместиться столько непонятной нормальному человеческому разуму злокозненности?» Евгений Андреевич тоже проигнорировал показавшийся глупым вопрос директора и обратился к завучу, явно обеспокоенный:

— Так что всё-таки произошло, Венера Дамировна? Почему вы плачете?

Завуч бросила на нечаянных спасителей измученный взгляд и, всхлипнув, кивнула, мол, сейчас объясню, только с мыслями соберусь. Математик и географ, не дожидаясь приглашения руководителя, сели у торца стола так, чтобы оказаться рядом с завучем и видеть директора. Венера Дамировна взяла сложенный тетрадный листок, что лежал у неё на коленях, развернула и протянула коллегам. Директор нервно дёрнул свисающей с подоконника ногой, при этом подчёркнуто безразлично улыбнулся. Евгений Андреевич взял листок и прочитал вслух:

— «Ты, бай недоделанный, уходи из нашей школы, иначе...» — дальше учитель намеренно не произнёс то, что было написано детским почерком. Протянул листок математику, тот молча пробежался глазами и, удручённо покачав головой, положил записку на стол.

Евгений Андреевич мягко спросил:

— Венера Дамировна, вы из-за этого так расстроились?.. Это что, ваши ребята написали?

— Нет... — всхлипнула завуч и вытерла маленькой ладошкой раскрасневшиеся глаза. Учительница не пользовалась косметикой, иначе от обильных слёз непременно потекла бы тушь. — Это восьмой «Г», они ушли после моего урока и перед следующим, — она кивнула в сторону директора, — подложили записку в журнал, специально в разделе «История», чтобы Харитон Хамитович открыл и увидел...

Услышав своё имя, директор соскочил с подоконника, сел за широкий, заваленный тетрадками и бумагами стол, положил на свободное место перед собой сцепленные руки и со злым упрёком сказал учительнице:

— Это вы-ы!.. вы их научили подсовывать в журнал такие записочки! Это же ва-аши дети, — указал он пальцем на каждого из присутствующих, завершив движение на завуче.

Венера Дамировна, чувствуя поддержку коллег, возмутилась:

— Скажите на милость, зачем мне детей чему-то такому учить? Я даже не их классный руководитель... — она ещё раз осушила ладошками глаза и больше уже не плакала.

— Слушайте, Харитон Хамитович, вы что такое говорите? — всё больше раздражался математик. Он положил перед собой на стол кулёк, но заговорил о другом: — Вы уже год как в школе и не считаете её учеников своими?.. А они такие же ваши, как и наши... И школа — ваша!.. Я бы на вашем месте вообще никому эту записку не показывал. А если б решился разбираться, то не завуча бы обвинял — ведь записку не ей в журнал вложили, — а сам бы поговорил с детьми на уроке. Стыдно должно быть вам!

— Мне?! — директор подался вперёд.

— Да, вам... Устами младенца, знаете ли... Ведь и не в мой журнал...

— Да они вас просто боятся, — директор перекинулся на математика. — Знаете, что они про вас говорят? Я сам слышал! Зверь, говорят.

— Уж лучше зверь, чем кто-то там, извините, недоделанный, — не на шутку вспикел учитель. — Уважают зато.

— За что это?.. — петушился директор.

— За справедливость!.. — включился в перепалку Евгений Андреевич. — Лучшие учителя из школы уходят, а вы что же?.. Вы среди года, среди четверти отпускаете.

— Незаменимых нет, — вызывающе ухмыльнулся директор, — другие придут...

— Не придут! Из-за вас уходят... из-за глупостей ваших! Ни один нормальный руководитель так не делает. Ведёте себя, как... — Евгений Андреевич не договорил.

— Значит, я ненормальный?!

Географ промолчал, а Георгий Максимович резко взял записку и швырнул её на стол директора.

— Был бы нормальный, дети бы так не писали!

— Да что вы сами как дети?! — попыталась осадить не на шутку разъярившихся мужчин Венера Дамировна, она никак не ожидала от математика и географа такой цепной реакции. — Давайте лучше подумаем, что делать будем.

— А что делать? — не успокаивался Георгий Максимович. — Нового директора выбирать!.. Если по правде, не только ученики и учителя недовольны, даже уборщицы, — он встал, вновь взял кулёк, подошёл к директорскому столу и резко положил улику перед Харитоном Хамитовичем. — Вот, убирайтесь сами! — математик специально сказал двусмысленную фразу.

Бумага надорвалась, мусор посыпался на стол.

— Да как вы смеете?! Я директор! — Харитон Хамитович подскочил к учителю и принял стойку боксёра, готовый ударить.

Венера Дамировна испуганно ахнула. Евгений Андреевич, не дожидаясь схватки, мигом встал между коллегами.

— Спокойно, товарищи, спокойно...

— Вот именно, к чему метать бисер... — уговаривая сам себя, разжал кулаки Георгий Максимович и немного отошёл в сторону.

Директор тоже остепенился, однако всем своим видом выражал начальственное негодование. Глядя на него, Георгий Максимович отрешённо, словно принял важное решение, сказал:

— Знаете, дорогой Харитон Хамитович, — он выделил слово «дорогой», — думаю, теперь уже не вам, а педсовету и партийному собранию решать, быть вам директором или нет... И я уверен, что нет.

— Это вам тут не работать, — желчно процедил директор, вернулся к столу и резким движением смахнул кулёк. Мелкие кожурки семечек рассыпались по полу.

Раздался звонок на урок. Учителя и завуч спохватились и, не прощаясь, быстро вышли из кабинета. Георгий Максимович, провожая по пути Евгения Андреевича в класс, будто извиняясь, сказал:

— Жека, а ведь я тоже написал заявление...

Евгений Андреевич опешил, остановился.

— Гоша, ты серьёзно? — он изумлённо посмотрел на математика.

— Серьёзней некуда. Давно на БСИ¹ зовут... зарплата почти в два раза больше, — учитель попытался улыбнуться, но вместо улыбки рот судорожно сжался. — Скажу больше: Федя тоже уходит... в другую школу.

¹ База строительной индустрии.

— Ясно, — Евгений Андреевич внутренне поёжился, вспомнив недавнюю ссору с физиком. А ведь всё началось невинно: ну, разошлись во взглядах на методы индивидуального подхода к ученикам... Однако спор разгорелся и дошёл до взаимных упрёков: географ обвинил физика в беспринципности и неорганизованности, а тот его — в двуличии и карьеризме... Слово за слово — и остальным друзьям пришлось разнимать спорщиков. Теперь Евгений Андреевич две недели категорически не желает здороваться с Фёдором Михайловичем. И тот молчит. Каждый считает себя правым... «Нашла коса на камень, — посетовала Татьяна Корнеевна, когда дома муж рассказал о конфликте. — Женька-Женька... Уж я-то знаю, какой ты бываешь упрямый. Уверена, ты чересчур погорячился... Может, извинишься?.. Кто-то должен сделать шаг навстречу, вы столько лет дружите...» Но Евгений Андреевич и с женой не согласился. И сейчас вновь остро ощутил губокую досаду.

Георгий Максимович понял подоплёку короткого «ясно» и как можно спокойней сказал:

— Федя написал заявление... вчера.

Заметно нервничая и в то же время не желая поднимать тему ссоры с физиком, Евгений Андреевич спросил:

— И Хамчик вам обоим подписал?

— Да... в отпуск с последующим увольнением...

— Идиотизм, — нахмурился географ и отвернулся к окну, но тут же резко повернулся, вскинул чёрные не то от гнева, не то от растерянности глаза: — Он что, специально школу разваливает?..

— Не задержится он, вот увидишь... — Георгий Максимович тронул товарища за плечо. — Наладится, Жека... Ведь у тебя тут всё: площадка, музей... и коллектив за тебя... и Игнатьич, и Вадим с тобой... Ну, на троих соображать будете, — пошутил математик и вновь, будто оправдываясь, добавил: — А мне семью кормить... двое детей...

— Понимаю, — вздохнул Евгений Андреевич, словно смирился с неизбежным. — Ладно, — сдержанно стукнул математика кулаком в плечо, — успеем ещё проститься.

Учителя разошлись...

Накануне решающего педсовета четверо из «великолепной пятёрки» (физик принципиально не пришёл) собрались в кабинете географии, к учителям присоединились завучи, председатель профкома и секретарь партийного комитета школы. Педагоги написали письмо-обращение в районный отдел народного образования о том, что каждый из них считает поведение директора школы по отношению к учителям и ученикам некорректным,

что педагогический коллектив не намерен больше терпеть непрофессиональную работу руководителя.

Вечером следующего дня, когда коридоры школы опустели, в актовом зале состоялось большое собрание учителей, на котором присутствовали представители городского управления народного образования и горкома партии. Педсовет длился до полуночи. Возможность высказаться предоставлялась многим. Разбирательство причин отказа коллектива от своего руководителя было горячим и долгим, глубоко серьёзным: случай из ряда вон...

Дошла очередь до слова Евгения Андреевича.

— Только не горячись, — прошептал математик, сидевший в актовом зале рядом с географом.

Евгений Андреевич направился к трибуне. Он старался держаться достойно, пока шёл несколько метров до «лобного места», собирался с мыслями, искал верные слова. Посмотрел на сидящего в президиуме Харитона Хамитовича. Поразили глаза директора: так, наверное, глядят загнанные за красные флажки волчата — не матёрые волки, а именно детёныши. В душе шевельнулась жалость. «Куда только подевались цинизм и спесь?.. Но кто же, как не ты сам себя обложил?..» — подумал учитель. И прежде чем повернуться лицом к залу, ещё раз глянул на директора: кроме страха, какого-то тщедушного заискивания, не нашёл он в его глазах ни капли раскаяния. «Такой зверёныш при первой возможности укусит — и очень больно! — исподтишка». В голове промелькнуло: «Я ненавижу сплетни в виде версий, червей сомненья...»

Учитель решительно взялся за края трибуны.

— Товарищи... как коммунист, не могу молчать. Считаю, что таким руководителям, таким деятелям, как Харитон Хамитович, ни в школе, ни в партии не место!.. — голос прозвучал сухо, решительно, жёстко.

Зал загудел. Евгений Андреевич перевёл дыхание и отчеканил:

— Если партия считает иначе, то я... готов выйти из её рядов.

В зале, словно после оглушительного взрыва, настала мёртвая тишина.

— У меня всё! — тихо сказал географ. Мысль, что его собственная партийная жизнь может сегодня закончиться, пришла к нему только тогда, когда он, сам не заметив как, прошёл на место и сел. «Но ведь я всё сказал правильно, пусть резко, а как иначе, если убеждён: нет в партии места лицемерам и подхалимам, дельцам и самодурам. А если есть?..» Он закрыл глаза, отогнал от себя вероломное сомнение.

К трибуне вышел представитель ГУНО.

— Товарищи, обещаю: решение по поводу вашего собрания в ближайшее время обязательно будет принято... по справедливости, по закону... будут учтены все обстоятельства...

— Ну, держись, Жека, — взволнованно прошептал на ухо Евгению Андреевичу Георгий Максимович. — Теперь тебя точно вызовут в райком или горком. Боюсь, не сносить тебе головы. Зачем ты так?..

— Накипело, — не открывая глаз, жёстко ответил географ.

На следующий же день Евгения Андреевича вызвали в районный комитет партии. Секретарь райкома и начальник роно провели с учителем обстоятельную беседу по поводу педсовета, пропесочили «за бунт на корабле» настолько серьёзно, что педагог уже не сомневался: исключат из партии... Но после взыскательных внушений его вдруг начали поздравлять. Выяснилось: в роно и райкоме поддержали заявление педагогического коллектива школы о том, чтобы её новым директором стал он — Евгений Андреевич Черепов... В конце беседы, пожимая руку учителю, начальник роно сказал:

— Вы первый в городе директор школы, который не является назначенцем, которого избрал сам коллектив. Поздравляю. Готовьтесь, вам будет очень нелегко: время сложное, задачи высокие... а ведь вы даже не побывали в шкуре завуча современной школы — это тоже небывалое обстоятельство... Хотя, знаю, небольшой директорский опыт у вас есть, так что держайте, Евгений Андреевич. Удачи вам и больших успехов...

Сгущались сумерки, в них неизбежно растворялся уходящий день, оставляя надежду: будет новое завтра, и в нём будет что-то новое. Евгению Андреевичу показалось, кто-то в этих сумерках за ним наблюдает. Огляделся: малолюдно, знакомых лиц не заметил, зато уже виднеется дом: Таня ждёт, волнуется. «Мой Танюшастик, мой теоретик, моя путеводная звезда... Вижу себя не только отражением в твоих глазах, но часто — твоими глазами, — подумал он и улыбнулся. — А сейчас, наверное, пытаюсь сам на себя посмотреть со стороны». Евгений Андреевич действительно хотел осмыслить, как бы отстранённо увидеть всё то, что произошло сегодня, и то, что было раньше и привело к поворотному моменту судьбы...

Листая страницы толстой «общей» тетради своей жизни, ты вглядываешься в еле видимые за давностью строчки... И вот между ними призрачными силуэтами проступают успешно и неуспешно решённые задачи, победы и поражения. Ты застываешь над раскрытой тетрадкой, погружаешься в ощущения так, словно ты в плену былых, казалось, канувших навсегда, переживаний и... странных предчувствий. Они обволакивают тебя, как су-

мерки, как туман. И ты до рези в глазах, до боли в висках всматриваешься из прошлого в настоящее, и даже пытаешься разглядеть, а что там, впереди... И вдруг понимаешь: всё, что с тобой происходило и происходит, ты творишь сам с того самого момента, как сделал первый шаг, сказал первое слово, написал первую строчку... Много уже исписано страниц, а много ли сделано из того, о чём ты мечтал?..

* * *

Прошло два трудных года, заставивших Евгения Андреевича иначе взглянуть на многое, что происходило в стране и молодом городе.

Ещё за полгода до назначения его директором школы, осенью 1982-го произошли события, привнёсшие тревогу в жизнь каждого взрослого здравомыслящего гражданина Советского Союза: 10 ноября умер Леонид Ильич Брежнев — первый руководитель партии и государства. Брежнев пробыл на главном правительственном посту три десятка лет. За этот долгий срок страна настолько привыкла к своему руководителю, что казалось, он будет у руля вечно. И хотя всё разумное население замечало происходящие болезненные перемены в облике вождя, в его всё более «странной» и всё менее разборчивой речи (по этому поводу немало бродило анекдотов), ничто не предвещало скоропостижной кончины Генерального секретаря. Праздничным утром 7 ноября он, как всегда, стоял на трибуне Мавзолея Ленина и принимал парад, посвящённый юбилейной 65-й годовщине Октябрьской революции. Правда, день был промозглый, и официальные торжества свернули быстро. Но страна продолжала жить ожиданием другого любимого праздника — Дня милиции, предвкушая радость от самого интересного большого концерта, приуроченного к этому дню, что проходил в Колонном зале Дома союзов, транслировался по Центральному телевидению и собирал миллионную аудиторию у голубых экранов... Концерта телезрители не дождались, оставаясь в недоумении до утра 11 ноября, когда по всем радиоканалам, а затем и в программе «Время» прозвучало официальное сообщение о смерти Леонида Ильича. Никому из здравомыслящих не надо было объяснять, что с уходом Брежнева закончилась целая эпоха в жизни страны, но никто и представить не мог, *как скоро* и *какая* эпоха придёт на смену.

В течение трёх лет один за другим на главном государственном посту менялись руководители, каждый привносил в правление свои великие исторические реформы.

Юрий Владимирович Андропов, полтора года возглавлявший страну после Брежнева, запомнился населению тем, что ужесточил дисциплинарную ответственность на рабочих местах: во всех городах проводились дневные массовые проверки документов на предмет выяснения, почему человек в рабочее время находится не на рабочем месте, а гуляет по магазинам.

Константин Устинович Черненко, ровно год после Андропова пробывший у руля страны, обошёлся без особых потрясений жизни советских людей. Однако предпринятая им попытка реформировать советскую школу оставила след в календаре в виде нового официального праздника — Дня знаний, который ежегодно, начиная с 1984-го, повсеместно отмечается учителями, школьниками и их родителями 1 сентября. Начатая крупномасштабная борьба Черненко с самодеятельными музыкальными группами, особенно с исполнителями русского рока, лишь подогрела интерес молодёжи к этому направлению творческой самореализации, несмотря на грозившее тюремное заключение за исполнение такого рода музыки.

После смерти Черненко партию и правительство возглавил Михаил Сергеевич Горбачёв. Став первым президентом СССР, он начал крупномасштабную перестройку государства, внедрил в общество такие понятия, как демократия и гласность, благодаря чему люди ожидали особого просветления на небосклоне страны... Никто не мог предположить, что в огромной многонациональной державе, в её большой политике произойдут такие перемены, какие бывают в горах, когда падение одного камня влечёт за собой всеобщий обвал...

Два года на посту директора, совпавшие с большими переменами в стране, заставили Евгения Андреевича по-другому взглянуть на систему школьного образования и вновь отодвинуть мечту о создании школы, не просто внедряющей в педагогическую практику принципы гуманизма, а живущую этими принципами.

Самым важным условием осуществления большой мечты должна была стать творческая деятельность сплочённого коллектива педагогов-единомышленников, где каждый верит в достижимость коммунистического идеала. Однако как только новый директор вступил в должность, в педагогическом коллективе оказалось не так уж и много подвижников, согласных последовать примеру Павлышской средней школы, пожелавших внедрять в свою практику идеи Сухомлинского. Многие учителя — даже некоторые из тех опытных, кто составлял костяк педагогического коллектива, кто сам выдвигал Евгения Андреевича на должность директора, — не приняли идею «школы радости». Они оказались не готовы к тому, что ученики и учителя

забудут о существовании плохих оценок, что общение взрослых и детей будет основываться только на дружбе, взаимоуважении и любви.

Новый директор часто слышал доводы: невозможно без авторитарных методов обучения и воспитания удерживать дисциплину в переполненном классе, где на уроке за партами сидят сорок с лишним человек. Более того, классные коллективы непостоянны, в городе-новостройке дети часто переходят из одной школы в другую, потому что семьи переезжают из района в район. Дети не успевают привыкнуть друг к другу, адаптироваться к новым условиям, а учитель не успевает вникнуть в индивидуальные особенности каждого ребёнка, не говоря о том, чтобы сдружиться. Педагогический коллектив тоже претерпевает «текучку кадров»: много педагогов также переезжают и с местом жительства меняют и место работы; к тому же в коллектив приходит много молодых учителей, которым самим ещё предстоит учиться и набираться опыта.

Несмотря на доводы, Евгений Андреевич настаивал: разного рода запреты создают лишь видимость порядка и лишают детей интереса к учёбе, возможности проявить индивидуальность и таланты; а приводимые аргументы считал лишь отговорками, подтверждающими нежелание учителя работать, прежде всего, над собой. «Кто хочет работать, тот ищет способы, а кто не хочет — ищет причины», — говорил директор.

Но однажды настал момент, когда он сам себя спросил: «Почему у *тебя* не получается сплотить коллектив единомышленников? Не хватает таланта?.. решимости?.. сил?.. Или ты упустил какие-то возможности? Или ты не на своём месте? Находясь у руля, ты не можешь повернуть ход школьной машины к большой мечте. Причины этого не столько в том, что машина в силу своей величины оказалась инертной, сколько в тебе... Не зря говорят: от каждого — по способностям...»

Когда Евгений Андреевич поделился горькими мыслями с женой, она сказала:

— Вспомни, Женя, мы с тобой не раз говорили о призвании. Ты своё призвание видел в том, чтобы быть учителем географии. Потом ты загорелся мечтой создать школу по типу Павлышской... Но ты не можешь стать Сухомлинским, не можешь просто потому, что ты Черепов, хотя и живёшь уже, как Василий Александрович, в школе... благо она рядом... — Татьяна Корнеевна мягко улыбнулась. — Помню, в детстве тётя Катя мне частенько повторяла слова одной притчи: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только то, что предопределено...» Знаю, ты с этим поспоришь, но посмотри на всё с другой стороны. Ты уже давно, — она выделила «давно», — создаёшь свою школу, ведь каждый год больше двух тысяч учеников приходят к тебе на уроки, в твой класс, в твой музей... и именно

на уроке — тобой построенном уроке — ты можешь дать каждому ученику гораздо больше, чем в директорском кресле... Расставь, как ты сам говоришь, приоритеты...

Кто сказал, что жизнь — череда упущенных возможностей? Неверно это. Жизнь — череда возможностей и невозможностей: что возможно, то свершается, что невозможно, даже если оно и желаемо, проходит стороной. Но если это именно так, тогда, значит, всё в твоей жизни вершит судьба? Тогда зачем сознание всё время цепляется за какие-то упущения, вызывая чувство сожаления о несбывшемся, пытаясь повернуть сюжет твоей жизни к прошлому и домыслить: что было бы, если б... Уж если свершилось, то смирись, прими это как данность... Но как же быть с тем, что человек сам творит свою судьбу?..

Если судьба — это нечто объективное, но при этом ты сам её можешь творить, значит, в тебе есть что-то такое, что её направляет, и это что-то — твой собственный выбор: ты сам выбираешь, что возможно, а что нет. Тогда от чего зависит удача выбора, от заблаговременного взвешивания возможного и невозможного?.. Наверное, да. Лишь взвешивать надо не столько умом и амбициями, сколько сердцем: верь ему и делай то, что у тебя получается лучше, и в этом лучшем стремись к большему. Всё просто. И если выбор сделан честно, открытым сердцем, тогда становится невозможным возникновение чувства ошибки и упущенных возможностей...

На следующий день Евгений Андреевич написал заявление на имя начальника роно о своём переводе на должность учителя географии.

ВИКТОР

*«... Было двое, и вдруг третий человек,
новый дух, цельный, законченный,
как не бывает от рук человеческих;
новая мысль и новая любовь, даже страшно...
И нет ничего выше на свете!..»*

Ф. М. Достоевский

Отзвенел последний звонок, вылившийся в праздник — в нём смешались и радость, и грусть. Радость ощущается оттого, что позади долгие годы учёбы, и вот-вот у каждого школьника, вдруг переставшего таковым быть, откроется дорога в самостоятельную большую жизнь — в ней всё будет по-новому, всё с чистого листа и... без черновиков. А грусть — она из-за расставания с любимыми учителями и друзьями, со школой, где навсегда остаётся первая парта, первая «пятёрка», первая влюблённость.

Для всех школьников страны праздник «последнего звонка» традиционно проходит 25 мая. В этот день звучит множество стихов, песен, посвящений и благодарностей учителям; выпускники показывают забавные сценки из школьной жизни, а педагоги напутствуют учеников, дают серьёзные и шуточные советы к предстоящим экзаменам. Со временем школьные будни начнут забываться, но на память выпускникам останется маленький колокольчик — символ школьного звонка, крошечная копия того большого колокольца, которым десять лет назад на торжественной линейке девчонка-первоклашка с огромными белыми бантами на голове, сидя на руках десятиклассника, давала самый первый звонок.

Сколько их прозвенело за десять лет учёбы — не сосчитать. Были и тревожные — перед контрольной работой, или когда не выучено домашнее задание; были и весёлые — с урока, особенно последнего, или перед большой переменной с обедом в столовой; и печальные — когда друзья разбежались по домам смотреть по телевизору «Остров сокровищ», а ты оставался на дополнительное занятие, чтобы исправить оценку, и совсем безотрадные, когда портфель понравившейся тебе девчонки после уроков нёс другой.

Говорят, памятный колокольчик всегда звучит в тональности светлой грусти.

Для учителей школьные звонки превращаются в бегущие стрелки на циферблате жизни — она измеряется не часами и минутами, а отданными уроками.

С тех пор, как Евгений Андреевич пришёл в школу-новостройку, торжественный последний звонок он услышал в двенадцатый раз. Конец мая выдался по-летнему тёплым, буйно цветут яблони и вишни в садах, порывистый ветер разносит ароматную пыльцу и лепестки отцветающей черёмухи, громко воркуют голуби и щебечут неугомонные воробьи. Солнечных часов заметно прибавилось, они настойчиво двигаются к самой короткой июньской ночи, когда выпускники, сдав последний экзамен и получив аттестат, распрощаются со школьной скамьёй навсегда.

Евгений Андреевич шёл по длинному, наконец-то утихшему коридору и мысленно возвращался к ярким моментам праздника. Из года в год перетекают традиции последнего звонка, но каждый новый выпуск учеников приносит в него свои неповторимые черты. Ныне такой особенностью стала слишком смелая, на строгий взгляд учителя, театрализованная постановка одного из рассказов Гоголя. Евгений Андреевич размышлял о воспитательном значении вечного искусства, вспомнилось из Сухомлинского: «Дети должны жить в мире красоты, игры... творчества». Однако непросто, — учитель это знал наверняка, — направить в нужное русло их неугомонную энергию и творческие порывы.

Сквозь беспокойные мысли он услышал гулкое эхо собственных шагов, и неожиданной вспышкой промелькнуло: так же, как и сейчас, но много лет назад он шёл по пустому коридору санаторно-лесной школы в Геленджике, куда только-только устроился работать. Мечтал о больших переменях в жизни. Нечаянно познакомился с молодой учительницей Валентиной, оказавшейся подругой Татьяны... о Тане он ещё не знал, а когда случайно — случайно ли? — встретил её, то влюбился с первого взгляда, раз и навсегда...

«Крылья хрупкой стрекозы превратились в крылья синей птицы. Как давно это было!» — подумал Евгений Андреевич, и в голове закружилась песенка — её сегодня пели выпускники: «Это было или не было, а и было, то прошло, при-

летела, села на руку птица — синее крыло...» Да, было!.. Чудно: иногда какие-то мгновения, нечаянные штрихи настоящего вдруг переносят тебя в прошлое и заставляют вновь переживать то, что волновало когда-то и, казалось, давно-давно забыто... «Узнать бы, как сложилась судьба Валентины, но не узнать... Нехорошо расстались, и Таня с Валею рассорились — так получилось — на всю жизнь». Ощущение праздника улетучилось. Учитель мысленно отмахнулся от внезапно ворвавшейся тревоги, от назойливой мелодии, решив, что просто устал. «Ушла ли Таня домой или ещё в школе?.. Надо будет заглянуть к ней на труды...»

Издали за спиной раздалось:

— Евгений Андреевич, мы тебя потеряли!

Он узнал поставленный, словно дикторский, голос Раисы Матвеевны. Оглянулся и невольно улыбнулся: нарядный костюм учительницы литературы, шёлковая ярко-голубая блуза с пышными воланами жабо и манжет никак не вязались со старыми домашними шлёпанцами, торопливо и звонко щёлкающими по голым пяткам хозяйки. Раньше он никогда не замечал, чтобы Раиса Матвеевна позволяла себе на работе так расслабиться: всегда подтянута, на каблучках...

Уловив иронию во взгляде географа, коллега смущённо пояснила:

— Устала, весь день на ногах... А ты что, уже лыжи навострил домой?

— Пора бы...

— Блажен, кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна бокала полного вина, — вздохнула учительница, догоняя географа. — Знаешь, самые стойкие в учительской затеяли чай, и твоя Татьяна там.

— Ясно... привычка свыше нам дана, — кивнул он и приостановился. А когда учительница поравнялась с ним, пошёл медленнее. — Спектакль вы с детьми интересный поставили. И как решились на «Заколдованное место»? Пьесу из рассказа сделали...

Раиса Матвеевна почувствовала, что географ чего-то недоговаривает.

— А что тебя смутило? — по-свойски спросила она.

— Смутило?.. Ну да... Постановка хоть и привязана к школе, к экзаменам, но ведь там о несусветном... И артисты твои прям по-настоящему крестились, — возмущённо произнёс он последние слова.

— Евгений Андреевич, — обратилась она с укором, — будет тебе, не 37-й год...

— Неужели и ты клюнула на эту моду: паранормальные явления, Чумак, Кашпировский? — неожиданно распалился коллега. — Для этого, что ль, гласность? Новый опиум для народа... Дураков из людей делают!

— Насчёт опиума не знаю, а вот о несусветном в любой классической сказке найдёшь, возьми хоть Пушкина, — тоном сведущего человека отвела Раиса Матвеевна.

— Оно, конечно... — смягчился географ, — только вот уборщица Тося знаешь что сказала? Не к добру чертей поминать, обязательно что-то случится... Между прочим, сердито-пресердито сказала: «Чёрт не шутит, если Бог спит».

— Суеверная наша Тося... Это же Гоголь!..

— Вот-вот! Сама знаешь, что порой случается с теми, кто с головой уходит в его мистику.

— Ой, будет тебе... и мистику у любого великого найдёшь, и далеко ходить не надо: Достоевский, Лермонтов, Булгаков, о котором теперь много говорят... Знаешь, дети сами выбрали рассказ, и я рада: неформально подошли к теме, полгода репетировали... и мораль усвоили: не жди клада, а трудись. Воспитательная цель достигнута.

— Убедила... В целом мне понравился спектакль, правда-правда... Но позволь заметить, ты сама себе противоречишь: ты не суеверная, а веришь во всякую чушь. Сама же чуть ли не на полном серьёзе посоветовала детям на экзамены под пятку пятаки подкладывать, — улыбнулся он, вновь невольно глянув на её шлёпанцы. — Вот и Тося... Вдруг она права?

— Поживём — увидим, — поддержала незлой сарказм Раиса Матвеевна. — А насчёт пятака сам знаешь, это психологический приём: даёт надежду, что непременно повезёт, тем самым успокаивает, а значит, позволяет на экзамене сосредоточиться, собраться с мыслями.

У кабинета географии Евгений Андреевич остановился, взялся за дверную ручку.

— Ладно... я скоро...

— Ждём, — Раиса Матвеевна не задержалась, — Тане скажу, что придёшь, а то она хотела идти за тобой.

— Спасибо... А я хотел за ней, — он открыл дверь своего кабинета.

— Ну так, — удаляясь, шутливо резюмировала учительница, — вы ж ниточка с иголочкой, — Раиса скрылась за углом коридора, щелчки шлёпанцев стихли.

Татьяна Корнеевна и Раиса Матвеевна подружились с первого дня знакомства. Одиннадцать лет назад, когда Татьяна Корнеевна следом за мужем перешла из интерната в школу, первую, кого она встретила, из любопытства открыв дверь с табличкой «Кабинет литературы», оказалась Раиса Матвеевна. Женщины разговорились. Обнаружилось много общего: увлечение литературой, выходящей за рамки школьной программы, интерес к инновационным методам в работе, шитьё — сами себе шили наряды. Они быстро сошлись, несмотря на то, что Раиса Матвеевна моложе Татьяны Корнеевны. Со временем сдружились и мужья: Евгения Андреевича и Геннадия сбли-

зила любовь к природе. После того, как уехал из города тесть, Евгений Андреевич был рад возможности ходить по грибы с новым компаньоном. Своего мужа Раиса Матвеевна при друзьях частенько называла Крокодилем Геней, и это никого не удивляло: молодой мужчина действительно чем-то походил на добродушного героя всеми любимого мультфильма...

Евгений Андреевич вошёл в учительскую, вдохнул вкусные запахи праздничного чая, почувствовал голодное урчание в желудке, в предвкушении потёр руки и сказал, обращаясь сразу ко всем:

— Разведка донесла, что на весь крещёный мир приготовили тут пир.

Однако на его шутку никто из учителей не отреагировал. Только Татьяна Корнеевна, почему-то успокаивающе коснулась плеча Раисы Матвеевны, отстранилась от компании и быстро подошла к мужу.

— Тс-с... — приложила палец к своим губам, — у нас ЧП.

— Что? — удивился Евгений Андреевич и только теперь отметил: учителя плотным кольцом окружили один из столов, что-то взволнованно тихо обсуждали, и им явно не до чая. Среди всех выделялась высокая, отчего-то вдруг ссутулившаяся фигура Геннадия — он с какой-то виноватой растерянностью, точь-в-точь как Крокодил из мультика, вертел и хлопал глазами. «А он-то что тут?..» — промелькнуло у географа.

Татьяна Корнеевна подвела мужа к тому месту, где только что стояла сама. Учителю показалось: солнце, бившее в окно, вдруг стало ярче. Он увидел на столе младенца, завернутого в тонкое байковое одеяло. Понял: ребёнок чужой, ни к кому из учителей не имеет никакого отношения и в школе — явление, как пришествие инопланетянина. Малыш недовольно кряхтел, в его крошечном ротике подрагивала пустышка, широко раскрытые глазки казались испуганными.

Ближе всех к ребёнку стояла Раиса Матвеевна. Евгений Андреевич тихо сказал ей:

— Вот тебе и гоголевская мистика.

— Что?.. — беззвучно шевельнулся рот учительницы, лицо её было бледным, взгляд рассеянным.

Татьяна Корнеевна тронула мужа за локоть. Он оглянулся и, подчиняясь загадочной тишине, еле слышно спросил:

— Откуда он?.. — кивнул на младенца.

— Выйдем, — тревожно предложила жена, не ответив на вопрос.

Они вышли. Татьяна Корнеевна плотно прикрыла дверь и направилась к угловому, подальше от учительской, окну рекреации, освещавшему коридор затенённым уличным светом. Муж проследовал за ней. Татьяна Корнеевна осмотрелась, словно хотела убедиться, что её никто не услышит, и сбивчиво заговорила:

— Ребёнка принёс муж Раисы... Кого-то по работе провожал на вокзале, поезд ушёл, и Гена услышал детский плач, оглянулся: на заборе — авоська, а в ней... — Татьяна взволнованно сглотнула, зябло повела плечами, — пожоге, бросили... Пелёнки и смесь тоже в авоське...

— Вот так да-а... — Евгений приобнял Татьяну, она доверчиво прижалась. Он с недоумением спросил: — А почему он в школу-то его принёс, не в милицию, не в роддом? Там по пути...

— Ты многого не знаешь, тут давняя история... Ума не приложу, как вкратце объяснить... Однажды Раиса поделилась со мной, когда первого директора школы судили... Ты же слышал об этой истории...

— Конечно...

— Ну вот... Рая тогда ждала ребёнка... Как член парткома защищала директора в суде, бегала, хлопотала... Она до сих пор уверена, что его подставили, а тогда сильно нервничала из-за всей этой гнусности, попала в больницу, ну и... потеряла ребёнка... Она думала, что у них уже не будет больше детей, а они с Геной мечтали... И он сегодня, зная, что Раиса на работе, принёс найдёныша сюда, к ней, подумал, может, они себе возьмут... а Рая... В общем, она сейчас беременна, только со мной поделилась, не хочет, чтобы знали до срока... И Гене только сейчас сказала. Вот... А все думают, что делать с ребёнком...

— А что делать? — резко сказал Евгений Андреевич и слегка отстранился, не понимая, отчего так разволновалась жена. — В милицию надо звонить, может, родителей найдут или в дом малютки определяют.

— Женя... — Татьяна Корнеевна робко тронула мужа за руку, — а... я подумала, может, себе заберём?... Это девочка. Хорошенькая, мы перепеленали, надеялись записку найти... да и плакала она, еле успокоили...

— Ты что, Танюш?! А вдруг она какая-то больная?... Так нельзя!.. — вскинулся он и, устыдившись своей реакции, примирительно добавил: — Родная, так это не делается.

Татьяна Корнеевна отчуждённо отвернулась к окну. Сникла. В её душе неудержимо разрасталось ещё непонятное ей самой сильнейшее сопротивление. Евгений осторожно прижался к её спине, обхватил плечи. Она не оглянулась, устало, будто с силой преодолевая боль, возразила:

— На вид девочка здоровенькая... Наши говорят, ей месяца три... Может, это судьба?..

Он отстранился, вновь пригляделся к жене и — как показалось, первый раз — отчётливо заметил в её стриженных волосах проблески седины. Сел на подоконник, настойчиво привлёк Таню к себе. Она хоть и подалась к нему, всё же упорно не отводила взгляда от какой-то далёкой точки за окном. Мысли его заметались, обрушились тяжёлым жгучим роем. Евгений помотал головой, будто попытался встряхнуть их, придать им внятности.

— Танюша, я не представляю... Мы не справимся с грудным ребёнком...

Татьяна Корнеевна промолчала. Ей почему-то вспомнился Геленджик, ссора с Валентиной, и она подумала: «Лучше бы я тогда умерла... Но мы же мечтали, мы с Женей хотели...» Вспомнился и давний разговор, состоявшийся в тот день, когда они уже здесь, в Челнах, побывав в интернате, вечером пошли в кино-театр, а после фильма — в парк... Тогда они впервые заговорили о приёмном ребёнке и решили, что как только встанут на ноги, обязательно возьмут на воспитание малыша... По-прежнему не глядя на мужа, она медленно заговорила:

— Справимся... маму вызову, она поможет... Лето впереди, малышка подрастёт... Мы же хотели, Женя, как встанем на ноги... Мне скоро сорок три... а тут — шанс...

— Танюша, — возмущённо зашептал Евгений Андреевич, настойчиво развернул жену к себе, отпустил её плечи и отчаянно зажестикულიровал. — Ну какой шанс? Ты что? Это нелепый случай... Неразумно такой серьёзный шаг делать вот так, с бухты-барухты... Прошу тебя... — он крепко сжал её ладонь, показавшуюся ему ледяной. Таня не реагировала. Он заговорил спокойнее, но громче, уверенней приводя аргументы: — Я много думал... думал, мы возьмём ребёнка постарше, который уже умеет ходить, говорить, всё легче будет... Представить не могу, что мы с этой девочкой будем делать?! Это безумный риск... Сколько сил и времени надо — даже не год, не два, — пока она окрепнет... Пойми, я за тебя боюсь, Танюша, — он посмотрел с мольбой и пожалел, что давно откладывал этот важный разговор. Тяжело вздохнул, вновь приобнял её. Таня упорно смотрела мимо. — Родная, мы возьмём ребёнка... обязательно... Да, я помню: «как встанем на ноги»... Обещаю, завтра же пойдём в горисполком, напишем заявление. Я узнавал, уйму справок надо собрать, придётся долго бегать по разным инстанциям...

Татьяна резко вскинула на него взгляд, глаза заметались, словно закричали, мол, почему ты раньше ничего не говорил?! Он понял этот молчаливый вопль.

— Из-за работы всё... прости, Танюша... В горисполкоме сказали, документы делаются долго, потом проверки всякие, да ещё очередь... Мне казалось, не до того пока, прости.

Татьяна не проронила ни слова, безутешно кивнула и вновь отвернулась. Он торопливо продолжил:

— Зато теперь у нас будет время подготовиться, ремонт сделаем, как раз лето впереди... Только пойми, — он приблизился, обжёг затылок горячим дыханием. — Я... я против этой девочки... Таня, мы ведь ничего о ней не знаем, а вдруг кто-то совершил страшное преступление, ведь невозможно взять и забыть ребёнка в авоське на заборе! Дикость какая-то... Танюш... — он обнял её, уткнулся носом в душистую горячую макушку.

Она понимала: муж прав... Но почему он до сих пор молчал?.. Щадил? Или боялся сам себе признаться, что всё-таки не хочет брать ребёнка и оттягивал?.. Конечно, они то на ноги вставали, то его директорство... И она не меньше него любит работу, привносящую в жизнь столько смысла... Но как же ей хочется прижать к сердцу ребёнка, приласкать, отдать часть своего тепла! Вдруг обожгла мысль: «Я могу не успеть — не успеть! — этого сделать». Её охватила паника: возраст неумолим, ещё немного — и будет поздно!.. Да, увидев эту девочку, она поддалась первому же порыву — взять её себе... И давняя мечта вдруг, благодаря случаю, показалась вполне осуществимой, и воображение тут же начало рисовать счастливые картины. Она даже начала мысленно их проживать: как гуляет с дочкой по улицам, как перед сном читает ей сказки, а та лежит в чистой постели в своей кровати, где рядом на полу устроен уютный уголок с игрушками... Не пугали никакие трудности, пусть даже придётся на время расстаться с работой...

В коридор ворвался быстрый топот. Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна оглянулись: в рекреацию вошли два медика, узнаваемые по белым халатам, и милиционер.

— Где тут у вас учительская? — строго спросил блюститель порядка.

— Там, — махнул рукой Евгений Андреевич, — мы вас проводим. — Он потянул жену за руку и тихо сказал: — Идём...

Милиционер и врачи увезли девочку. С ними уехали Геннадий и Раиса.

Взволнованные учителя наконец-то приступили к чаю, но о праздничном поводе собрания никто не вспоминал: горячо обсуждали происшествие, высказывая предположения, что же на самом деле случилось с малюткой, почему её бросили и что с ней теперь будет. Евгений Андреевич в дебатах участия не принимал, напряжённо думал о чём-то своём. Татьяна Корнеевна не притронулась к угощению, перебарывая подступающие слёзы, она шепнула мужу:

— Мне не по себе, пойдём домой...

В горисполкоме никто Череповых с распростёртыми объятиями не ждал: нередко работники опеки сталкивались с недобросовестными гражданами, пытающимися с помощью приёмного ребёнка улучшить жилищные условия или материальное положение. Согласно закону, на ребёнка полагалась дополнительная жилплощадь, а граждане, ставшие родителями, освобождались (пусть от небольшого, но всё же) налога на бездетность. К тому же при рождении или усыновлении ребёнка государство выплачивало одному из родителей пособия: единовременное и ежемесячное, пока ребёнку не исполнится год, если в семье появлялся малыш грудного возраста... И работники горисполкома предполагали у любого входящего потенциального усыновителя прежде всего корыстные мотивы.

На первой встрече со специалистом отдела опеки Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна изрядно понервничали, отвечая на различные вопросы, вылившиеся в обстоятельный допрос. Работница горисполкома выясняла, почему уже немолодая пара желает взять на воспитание чужого ребёнка, подробнейшим образом расспрашивала о жилищных и материальных условиях, взаимоотношениях в семье. Потом, словно страшая, долго разъясняла обязанности, огромную ответственность и большие трудности, которые добровольно взваливают на себя будущие неродные отец и мать: «Даже если малыш будет носить вашу фамилию, наследственность и голос крови ещё никто не отменял...»

И всё же заявление было принято, в очередь Череповы поставлены. Татьяна Корнеевна и Евгений Андреевич решили удочерить девочку лет четырёх-пяти.

В течение полугода их не раз вызывали на собеседования, не раз домой приходила то одна, то другая комиссия. Наконец настал тот день, когда им сообщили, что в детдоме города Данкова Липецкой области есть кандидатка на удочерение.

Татьяне Корнеевне казалось, автобус на Данков ехал бесконечно долго: монотонно гудя и покачиваясь, он, словно одинокий корабль, неторопливо, но всё же упрямо — вперёд — шёл по сизой реке асфальта. За окнами проплывали грязно-серые после сошедшего снега поля и леса. Ржаво темнели прибитые к земле, пропитанные талой влагой прошлогодняя листва и трава, но сквозь них на солнечных пригорках то тут, то там робко пробивались тонкие ниточки новой зелёной поросли. Среди полупрозрачных тёмных крон берёз и осин уже откровенно весело улыбались хвоей согретые первым весенним теплом сосны и ели. Утро набирало силу, утверждая прочность жизни, давая возможность каждому, как и этим деревьям, протянувшим к лучам только-только отошедшие от сна ветви, подставить восходящему солнцу широко раскрытые ладони и вбирать в себя естество нового дня.

Большинство пассажиров, вымотавшись за ночь из-за неудобства сидячего положения, крепко спали в мягких креслах с откидными спинками. Спал и Евгений Андреевич, склонившись к плечу жены. Татьяна Корнеевна тоже закрыла глаза, но уснуть ей никак не удавалось. Она думала о предстоящей встрече с девочкой: примет ли та новых родителей, ведь ей уже пять лет и она многое понимает... Тревожные мысли не давали покоя.

Сердце затрепыхалось. Татьяна Корнеевна посмотрела в окно, но увидела лишь густой туман и не смогла понять: то ли это запотели стёкла, то ли туман опустился на дорогу, то ли это невозможность заглянуть в ближайшее, до боли тревожащее будущее... Неожиданная резь сдавила грудь.

Стало трудно дышать. Татьяна Корнеевна прижалась лбом к холодному стеклу, кое-как расслабила на шее шёлковую цветастую косынку, поддетую под демисезонное пальто, расстегнула толстую шерстяную кофту. Не легчало, к тому же навалился необъяснимый страх... Евгений Андреевич, почувствовав беспокойство жены, проснулся.

— Танюша, ты что?..

— Сейчас пройдёт, — сдавленно ответила она, — капли... — дрожащей рукой достала из кармана кофты маленький пузырёк с лекарством, взятый с собой на всякий случай. Евгений Андреевич быстро наклонился, вынул из дорожной сумки под сиденьем зелёную стеклянную бутылку с минеральной водой, пластмассовый раскладывающийся стаканчик и ключ-открывашку. Зажал бутылку между коленями, ловким движением откупорил ребристую жестяную пробку. Немного плеснул в стакан и взял у жены капли.

— Сколько? Тридцать, сорок или?..

Татьяна Корнеевна лишь слегка кивнула. Он понял: максимальную дозу. Накапал.

— Пей... — поднёс стаканчик к её губам.

Татьяна Корнеевна судорожно выпила. Ментоловые глотки обожгли горло, и она смогла вздохнуть, но распрявиться и дышать полной грудью не удавалось.

— Выпей ещё воды, — Евгений Андреевич не стал наполнять стакан, а подал жене бутылку. — Глотай потихоньку.

Она начала по глотку отпивать. Судорога в груди отпустила.

— Что-то душно... и в то же время знобит... — еле слышно прозвучал её голос.

— Вообще-то здесь прохладно. Может, попросить, чтобы остановили?

— Нет... вот если бы... прилечь...

Евгений Андреевич задумался, и вдруг лицо его осветилось догадкой.

— Я сейчас, — он встал и направился к водителю — стриженному «под ёжик» крепкому молодому человеку. О чём-то с ним коротко переговорил. Вернулся уже со старым шерстяным одеялом, расстелил его на полу, в проходе, между сиденьями, снял с себя пальто, свернул его и положил поверх одеяла так, чтобы воротник и рукава приобрели форму подушки.

— Ложись, Танюша, только застегнись, — он забрал у неё наполовину опустошённую бутылку, закупорил её припасённой капроновой пробкой и бросил обратно в сумку, помог жене подняться, застегнуть пальто и лечь на приготовленную «постель». Кто-то из пассажиров проснулся, на их удивлённые взгляды и тревожные вопросы он коротко, стараясь не выдавать своего волнения, ответил: — Не обращайтесь, пожалуйста, особого внимания... так надо... это ненадолго.

Почти весь остаток пути Татьяна Корнеевна лежала на полу. Пожилая женщина — пассажирка с соседнего ряда — уступила свой плед, Евгений Андреевич аккуратно укрыл им жену. Согревшись, Татьяна Корнеевна смогла на короткое время провалиться в сон — он стал для неё настоящим спасением. Очнувшись, она почувствовала, что боль отступила, сердце успокоилось. Она медленно встала, виновато огляделась, но никто из пассажиров не бросил в её сторону укоризненного или недоумённого взгляда, напротив, в глазах попутчиков читались сочувствие и понимание. Татьяна Корнеевна перевела благодарный взгляд на мужа.

— Всё будет хорошо, — сказал он, довольный тем, что всё обошлось. — Обратно поедем на поезде, а лучше — на самолёте, чтобы раз — и дома... Садись, скоро Данков.

Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна не могли и предположить, какой поворот судьбы их ожидает в детдоме этого города.

* * *

Просторная столярная мастерская насквозь пропиталась запахом клея, масел, железа и канифоли, древесных стружек. Пятилетнему Вите ароматы эти нравились, стоило только переступить порог, и мир менялся: только так — как здесь в мастерской, называемой всеми бондаркой, — и пахнет настоящее волшебство, от которого всегда что-то весело клокочет в груди. Мальчик любил, когда деда Гриша — лысый коренастый добряк, кажется, вечно не снимавший толстые непонятного цвета носки и старые калоши, промасленный чёрный фартук и пузырящиеся залатанные нарукавники, — давал ему какой-нибудь инструмент. А их, этих загадочных штук, в царских владениях деда Гриши — видимо-невидимо. Одни всегда аккуратно разложены на длинном-длинном столе, устроенном вдоль стен; другие по росту и по характеру развешены по стенам на гвоздях и крючках; третьи до поры покоятся в заветных ящиках, как в сундуках из сказки «Огниво». Только пёс, что жил в будке рядом с мастерской и охранял её, — не злой, как в той же сказке, а ласковый, несмотря на грозную кличку Цербер. «Почему Цербер, потому что на цепи?» — думал мальчик. Но пса на цепь никогда не сажали, она бесхозно валялась у будки.

Пёс привязался к Вите, словно к ровне. Он всегда выбегал навстречу мальчику, прыгал, вставая на задние лапы, и то и дело лизал своим горячим языком в глаза и нос. «Отста-а-ань... ха, щекот-на!..» — смеялся Витя и, если хозяина мастерской не оказывалось на месте, с радостью бегал с собакой по двору наперегонки. Но когда мальчик с разрешения деда Гриши входил

в его «храм», то уже ни забавными прыжками, ни задорным лаем не выманить было его во двор, и Цербер, грустно поскуливая, возвращался в будку.

Обход мастерской Витя начинал с осмотра инструментов: всё-то ему хотелось потрогать, но строгий деда Гриша ко многому запрещал прикасаться, а у Вити, как говорили взрослые, просто руки чесались! Одних ножинок столько! Их рукоятки заманчиво торчали из деревянных фанерных карманов, прибитых сбоку у окна. С другой стороны висели рубанки: начиная от малюсеньких, как игрушечных, до огромного длинного фуганка. Чуть дальше — всякие щипцы, гвоздодёры, плоскогубцы... А ещё подальше, в углу на стене, — топоры и топорики.

У двери возвышались аккуратно сложенные разнокалиберные дощечки. Частенько деда Гриша выбирал из них парочку, давал Вите вместе с молотком и гвоздями, и мальчик с азартом колотил.

— Тока пальцы береги! Смотри-ка, вот так... а то кабы шайтан не попутал, — предостерегал мастер.

С другой стороны двери до самого угла рядом тянулись стулья, столы, ящички от шкафов и даже тазы и кастрюли, ожидающие очереди на починку. У окна стоял огромный верстак, и когда деда Гриша над ним колдовал, всегда выходило что-то особенное. Самыми дивными для Вити были ножики — маленькие, большие — для разных дел. Красивей всего, словно ёлочные новогодние сосульки, у ножей получались рукоятки. Витя глаз не мог отвести, когда столяр их выделывал, весело насвистывая «Яблочко». Сначала он фигурно обтачивал на самодельном наждаке прозрачные заготовки из оргстекла. Потом накладывал с двух сторон на железное полотно пёструю тряпицу от старого девчачьего платья, зажимал её между половинками прозрачной рукоятки в тисках. Сверлил — неизменно ручной дрелью — дырки. Сверлил с удовольствием, как говорил сам деда Гриша: «С толком, с расстановкой, электродрель больно торопкая». Правда, иногда у него сердито вырывалось: «От... ёкарный бабай!..», если что-то вдруг не ладилось. Потом из толстой алюминиевой проволоки делал заклёпки и вставлял их в отверстия. Аккуратно укладывал почти готовый нож на наковаленку, брал чудной маленький молоточек и, мелко постукивая, осторожно клепал.

Витя заворожённо следил за каждым движением «волшебника» и мечтал когда-нибудь сам себе сделать ножик. Но деда Гриша ему не разрешал брать холодное оружие, сердито поясняя: «Малой ещё с ножами-то играть».

— А почему холодное? — спросил мальчик.

— Чего?.. — переспросил деда Гриша.

Витя знал: дед глухой на одно ухо. Как-то мальчик пристал с вопросом: «Почему у тебя ухо болит?» И дед рассказал: «На поезде машинистом был

в войну. Перевозили грузы. Однажды ночью прошли стрелку, поворот, и вдруг навстречу другой поезд... Видать, диспетчер-то уснула и напортачила... все тогда мало спали. Я — тормозить, но поезд — силища! — тянет вперёд. Я только успел вытолкнуть помощника — пацан совсем, пятнадцать ему, а сам в последний момент прыгнул, когда уже врезались... Вот чё-то ухо и повредилось...»

— Почему холодное? — громче переспросил Витя о ноже.

— А-а... почему-почему, — пробубнил столяр, — на, тронь вот тут, — он протянул ещё не наточенное лезвие. — Чуешь?..

— Ага, — Витя немного засомневался.

— Вот те и ага... Сталь — она завсегда как лёд, холодна и безжалостна...

— Почему «беж-жало-сна»? — еле выговорил малой и продолжил, пропуская в словах букву «р», которую уже научился говорить, но забывал стараться: — Сам говоил, тут будет жало.

— Ишь!.. Шустё-ор, соображаешь... — довольно ухмыльнулся мастер. — Вот когда будет наточено, тогда это жало, ежели чего, не пожалеет, так резанёт! — и прочертил в воздухе наотмашь с такой силой, что просвистело.

Витя поверил. Мальчик только деду Грише и верил, больше никому. Старшие пацаны в детдоме вечно обманывали, хитростью выманивая конфеты да пряники в столовой. А няня и уборщица, она же и жена деда Гриши — они жили в одной из комнат детдома в крыле персонала, — ворчливая и тощая тётя Дуся вечно пугала Витю, не своим голосом сердито говорила: «Быстро закрывай глаза! А то злой бабай увидит, как они в темноте блестят, и утащит ты на болото». Витя ей не верил, потому что никто никогда бабая не видел. Но мальчик часто слышал, как после ухода тётя Дуси кто-то громко стучал и выл за дверью палаты, тогда Витя жмурил от страха глаза и с головой прятался под одеяло.

А воспитательница их группы, смазливая Полька-Натолька (так её дед Гриша у себя в столярке называл, а вообще-то она — Полина Анатольевна), только рада была, когда воспитанник уходил с занятий в бондарку. Даже сама частенько напоминала, если наверняка знала, что дед на месте: «Иди к своим гвоздям, мы тут без тебя хоть спокойно позанимаемся...»

Вот и сегодня, торопливо напялив на себя старые, до него уже кем-то ношенные сапожки, куцее серое пальтецо и синюю вязаную шапку-будёновку, Витя поспешил к столярке. Но дверь мастерской оказалась закрытой. Не выскочил навстречу и Цербер. Не обнаружилось «в стойле», в углу двора, под навесом деда Гришиного «коня» — мотоцикла с коляской. Значит, дед уехал в город и взял с собой Цербера, чтобы тот, сидя в люльке, хотя бы делал вид, что охраняет мотоцикл. Витя огляделся: во дворе — никого. Он

шмыгнул к заветному уголку у двери мастерской, где деда Гриша прятал ключ, и, встав на цыпочки, потянулся к гвоздику, но с досадой хныкнул: не достать. Тогда он, представив себя ловким Джеки Чаном, напрягся и прыгнул, толкнул снизу ключ, тот соскочил с гвоздя и упал на землю. Мальчик много раз видел, как хозяин бондарки отмыкал замок, и сейчас сам сделал всё точно так же. Нехитрый механизм поддался, дверь со скрипом открылась, мальчик оставил ключ в замке.

Полумрак мастерской дохнул в лицо знакомыми запахами. Витя сразу направился к верстаку: вчера там оставался недоделанным маленький ножичек, деда Гриша мастерил его из обломка полотна от ножовки по металлу. Оказалось, не так-то просто из калёной железяки что-то сделать: сверло пробуксовывало, никак не хотело дырявить второе отверстие, а одно — своё — у обломка уже было. «Получилось у деда или нет?..» — подумал мальчик. Однако ножичка Витя не нашёл. Огорчился, но, увидев на стене новенькую пилу с яркой синей рукояткой, сразу обо всём забыл: мастер ещё не успел сделать для пилы фанерный карман, и она висела на крючке голенькая, блестящая, как зеркало. Витя подошёл: пила высоко, её не сбить. Мальчик огляделся. Подтащил от двери детский стульчик и старый реечный ящик, поставил его ребром рядом со стульчиком. Возбравшись и сразу же почувствовал непрочность опоры: рейки предательски закрипели, ящик зашатался. Но Витя — он же ловкий Джеки! — удерживая равновесие, вытянулся-таки во весь рост и достал желанный инструмент, и только положил его на стол, как ящик под ногами громко хрустнул.

— Ёкарный бабай! — спрыгнув на пол, вскрикнул мальчик. Посмотрел на ящик: одна рейка сильно треснула и провисла, будто сломанный мостик, а другая вовсе болталась на соплях. Он без труда её оторвал. — От шайтан!.. — и, недолго думая, положил на стульчик, взял добытую пилу, прижал дощечку коленом (так делал дед) и начал пилить.

Работа пошла нелегко, но Витя не хотел сдаваться. Скинул пальто, бросил его на старые стулья, деловито поплевал на ладошки.

— Куй железо, пока Гор-рбачёв... — с удовольствием выговорив «р», Витя повторил одну из любимых и самых ему непонятных присказок деда и, прилагая все силёнки, продолжил пилить. Увлёкся...

— Не тот струмент взял, Витёк, — раздался хриплый голос деды Гриши.

Витя от неожиданности дёрнулся, уронил дощечку и ножовку. Мастер сердито пробурчал:

— Этот чтоб по волокну пилить, а не поперёк... Не глянул на зубья, а я те пояснял...

Мальчик почувствовал: что-то сильно жгло палец, но виновато спрятал руки за спину, выпрямился, исподлобья глянул на деда — тот стоял

в дверях, держа в руках охапку новых длинных брусков, обдумывал, куда их пристроить. За его спиной, сидя на пороге, готовый вот-вот сорваться с места, радостно вилял хвостом Цербер, однако в мастерскую без разрешения хозяина заскочить не решался, лишь виновато поскуливал, будто напроказничал он, а не Витя.

— На место, — сердито бросил псу деда Гриша, и Цербер, поджав хвост, моментом исчез. Мастер пронёс бруски в угол, не глядя на Витю, сказал: — Значит, где недоросток — там подмосток... — снял с себя фуфайку, повесил на специальный крючок, подошёл к малому, взял за руку. — Покажь.

Витя увидел на своём пальце кровь. Глаза тут же защипало, но он не заплакал — знал: деда Гриша сырости такой не потерпит, не по-мужицки это. Мастер осторожно в своих больших руках помял его маленький палец.

— Шайтан... — потом облегчённо вздохнул: — Ерунда, до свадьбы заживёт, — и грозно добавил: — А вот струмент брать, не зная, как с ним управляться, да ещё кидать — нельзя! Без разума сила — что железо гнило. Понял?

Витя согласно кивнул. Деда Гриша полил ему на ладошки из бутылки с питьевой водой.

— Помой хорошенько, — дед ополоснул и свои руки, достал из кармана штанов носовой платок. — На, вытри, — затем снял с одной из полок коробку с красным крестиком, покопался, добыл пузырёк с зелёной и, макнув в него свой палец, аккуратно мазнул вокруг Витиной ранки. Витя боялся, защиплет, но не защипало, и дед заклеил ранку белой полоской пластыря с зелёной крошечной промокашкой. — Вот так. А теперь, как на духу: кто тебе открыл дверь? — он грозно посмотрел на мальчика с высоты своего роста.

— Сам.

— Шустёр... — дед наклонился, упёрся руками в свои колени, заглянул Вите в глаза. — А тебе кто разрешил?

— Никто... — Витя вжал голову в плечи.

— То-то и оно. Значит, ты как вор, проник...

— Я ничё не воловал, ничё не взял! — вскинулся мальчишка.

— Как же ничё?! — хозяин стал одной рукой загибать пальцы на другой: — Ящик взял? Взял. Сломал? Сломал. Ножовку взял? Взял... Ладно, я вернулся, а то бы ещё топор взял да вовсе палец себе оттяпал.

— Нет... — сдерживая слёзы, поджал губы Витя.

— Как же нет? — деда Гриша устало присел на тот самый стульчик, на котором пилил провинившийся. — Кто теперь тебя знает, теперь тебе веры нет.

Витя хотел сказать, что он больше без спросу не будет, но не успел. В мастерскую ворвалась чем-то встревоженная, растрёпанная — без платка, лишь в наброшенном на плечи пальто, да в галошах с толстым шерстяным носком на босу ногу — Дуся.

— Вот он где! — всплеснула она руками. — Тут же заперто было?..

— Так я в город ездил, — обрадовался её появлению муж и бодро поднялся навстречу. — Кое-что полезное купил, — он достал из кармана рубашки полоску голубеньких сцепленных прямоугольников, похожих на пластырь. Но то был не пластырь, потому что тётъ Дуся сердито прыснула:

— Спрячь, Григорий!

Дед сунул покупку обратно, подошёл к жене и заговорщицки спросил:

— Дусь, а что лучше, дуб хреновый аль хрен дубовый?

— Совсем дурак?! — смущённо и как-то ласково бросила тётъ Дуся. — Ребёнок тут, — она подскочила к Вите, схватила за руку, потянула. — Быстро идём со мной...

— Чего стряслось? — удивился деда Гриша.

— Усыновители приехали, — бросила через плечо тётъ Дуся.

Витя послушно засеменял за ней. Григорий вновь опустился на стульчик.

— А пальтишко-то... — опомнившись, крикнул он вслед, но жена с мальчиком уже скрылась за дверью. — Вот так да-а... значит, усыновители... — он стянул кепку и задумчиво почесал лысину. Глаза его печально блеснули.

В дверях появился Цербер, нерешительно сел на пороге, тоскливо заскулил.

— Пшол вон, — с досадой отмахнулся Григорий, — твоей сырости ещё тут не хватало...

Полина Анатольевна и тётъ Дуся умыли Витю, переодели в чистые трусы и майку. Достали новые колготы, носки... Пока суетились, тихо между собой переговаривались.

— Знать, судьба... — складывая в мешок для стирки старые Витины вещи, слёзно произнесла тётъ Дуся. — А мы с Григорием привязались...

— Да-а, — сочувственно протянула Полина Анатольевна, — готовили-готовили Селиванову на удочерение, и на тебе, бабка родная объявилась. И где раньше-то была?.. — воспитательница нервно дёрнула тугие пуговицы на новой рубашке для Вити. Расстегнув, подала мальчику. — Одевайся... — и вновь обратилась к няне: — Ничего не поделаешь, Дуся, он теперь единственный на усыновление... А у вас-то и крыши своей нет...

— Нету, — скорбно согласилась та.

— В семье ему будет лучше.

— Лучше... детдом он и есть детдом, — смахнула слезу тётъ Дуся, помогла Вите надеть рубашку. — И возраст у нас уже... мне сорок пять, Грише шестьдесят пять... Чего ждать-то?

— Не прибедайся, твой Гриша ещё молодым фору даст... Может, сама ещё родишь...

— Типун тебе... — пряча смущение, Дуся встряхнула Витины брюки, проверила, все ли пуговицы в наличии и словно рассердилась: — Жизнь на нитке, а всё о прибытке... Угла своего за жизнь не заработал, всё мотался, всё счастье искал...

— Нашёл же...

— Нашёл, — улыбка тронула Дусины губы. — А теперь времена какие, не до жиру, быть бы живу.

— Времена не выбирают.

— Вот-вот, — вздохнула Дуся. Взглянула на похорошевшего, принаряженного Витю. — Красавец! Жених, да и только! — наклонилась и сухими губами поцеловала его в щёку. — Всегда хотела прижать, поцеловать этого хулигана, да боялась, прикипит сердечко-то... Давай, Витёк, иди...

Полина Анатольевна холодной рукой притянула Витю к себе, пригласила его не по-детски жёсткий непослушный чуб, присела перед ним на корточки:

— Веди себя хорошо, Виктор. Дай бог, у тебя появятся настоящие мама и папа. Давай-ка стишок Агнии Барто повторим.

Повторили.

— Молодец. Ну, пошли, что ль...

Витю привели в кабинет директора, там его ждали чужие дядя и тётя, они сидели не за столом, а на стульях у стены. Тётя мальчику сразу понравилась — красивая, её большие синие глаза глядели на него ласково, с интересом. А дядя хоть и улыбался, но смотрел как-то строго. Впрочем, Витя привык к разным взглядам взрослых, поэтому когда его попросили прочитать какое-нибудь стихотворение, он без застенчивости начал:

— *Блату вполу башмаки:*

Не малы, не велики...

— Постой, Витя, — перебил его директор, прищутив выпуклые чёрные глаза и смущённо пригладив короткую чёрную чёлку над высоким лбом. — Мне сказали, ты хорошо умеешь говорить букву «р». Давай-ка, дружок, не торопись, начни сначала и, будь добр, постарайся.

Витя, вновь вспомнив деда Гришину присказку «с толком, с расстановкой» и вдруг догадавшись: так вот откуда дед её знает! — начал чеканить каждое слово:

— *Бр-рату впор-ру башмаки:*

Не малы, не велики.

Их надели на Андр-рюшку,

Но ни с места он пока —

Он их пр-ринял за игр-рушку,

Глаз не сводит с башмака.

*Мальчик с толком, с р-расстановкой
Занимается обновкой:
То погладит башмаки,
То потянет за шнур-рки.
Сел Андр-рей и поднял ногу,
Языком лизнул башмак...
Ну, тепер-рь пор-ра в дор-рогу,
Можно сделать пер-рвый шаг!*

— Молодец какой, — сказала тётя с синими глазами. — А что у тебя с пальчиком? — она, как Жар-птица с цветастыми крыльями, что получились из большой косынки, порхнула к Вите, присела перед ним, взяла его за руку.

Он без смущения ответил:

— Шайтан попутал.

Тётя посмотрела так, что у Вити в груди что-то тепло заклокотало, как от волшебства.

— Он у нас самый шустрый, — улыбнулся директор. — Что скажете?.. — и, опомнившись, посмотрел на воспитанника. — Витя, выйди, пожалуйста, к Полине Анатольевне, она тебя ждёт за дверью.

Тётя отпустила Витину руку, села на место. Мальчик послушно вышел.

Директор продолжил:

— Я понимаю, вы были настроены взять Селиванову Люду... Но вот, как на грех, нашлась её родная бабушка и буквально вчера забрала девочку. А нам уже вас не предупредить... Мой вам совет: если вы сомневаетесь, брать Витю или нет, то просто представьте: завтра вместо вас придут другие кандидаты-родители и возьмут мальчика себе... Если вам, положила руку на сердце, от этой мысли легче, то тогда это не ваш ребёнок. Уезжайте со спокойной совестью домой. А если вам не хочется его отдавать кому-то другому, то, возможно, он — ваша судьба... Подумайте. Можете остаться, понаблюдать за ним подольше.

— Мне мальчик понравился, — сказала Татьяна Корнеевна, — даже, кажется, он на тебя, Женя, чем-то похож, — смущённо улыбнулась мужу. — Глаза у него пытливые...

Евгений Андреевич внимательно посмотрел на жену: она светила какой-то особенной радостью, и в то же время в её лице читалась тревога. В груди у него защемило. Он вдруг почувствовал, будто ему давно кто-то подсказывал, но он услышал это только сейчас: он готов свою любовь к Татьяне разделить и на этого мальчика.

— По-моему, смыслённый малыш... Сходства я не заметил, но рад, что у нас будет сын.

Из Москвы летели на самолёте. Витя, елозя на коленях Татьяны Корнеевны, всю дорогу тараторил и то и дело упирался лбом в иллюминатор:

— Почему тучи внизу были серые, а теперь белые?.. Почему река такая кривая?.. Почему такие маленькие домики?.. А почему крылья не машут?..

Он быстро сообразил: его любят, и теперь всё, что ни попросит, для него сделают. Когда он пожаловался на боль в ушах, то сразу получил кисленький леденец «Барбарис» и услышал ласковое:

— Только не грызи, а соси его, сглатывай слюну, и уши не будет закладывать.

Позже, даже если с ушами всё было хорошо, он притворялся, что не слышит, что в них что-то болит, и вновь получал конфету. А когда обнаружилось, что почти полкулька «Барбарисок» съедено, раздался испуганный возглас:

— Ой! Нельзя сразу столько! Живот заболит.

Он поверил, потому что и сам почувствовал, что в животе что-то шевелится, будто лягушка прыгает и квакает. Поверил ещё и потому, что ему очень хотелось верить своей маме, но как об этом сказать, не знал, и он, словно раскрывая большой-большой секрет, застенчиво произнёс:

— Мама, я по тебе так соскучился...

— И я по тебе... — признание мальчика и собственный ответ для Татьяны Корнеевны прозвучали неожиданно, обожгли, как нечаянные капли воска, сорвавшиеся с горящей свечи. Только капли эти вместе с огнём попали в сердце, и оно сжалось и с новой силой забилося. Татьяна Корнеевна прислушалась к себе — всё хорошо — и задумчиво добавила: — Витя, я всегда очень-очень по тебе скучала, — она крепко обняла сына.

— А почему мы Цер-рбера не взяли? — вдруг встрепенулся Витя.

У Татьяны Корнеевны перед глазами возникла картина: в воротах забора детдома стоит коренастый, уже немолодой лысый мужчина в фуфайке, рядом с ним скулит пёс — помесь овчарки и дворняги, они вышли проводить Витю до такси. Потом к мужчине подбежала взволнованная моложавая женщина в накинутом на плечи старом, выдавшем виды пальто. Мужчина положил ей руку на плечо, прижал к себе, другой рукой помахал мальчику. Витя с помощью Жени залез в машину и, пока не закрылась дверца, весело крикнул: «До свидания, деда Гриша, до свидания, Цер-рбер!» Пёс отчаянно залаял, заметался, но от хозяина далеко не отбегал...

Да, тогда Вите было весело, а теперь, видать, почувствовал разлуку. Татьяна Корнеевна спокойно ответила на его вопрос о собаке:

— Потому что у Цербера там хозяин и свой дом.

- А у меня где дом?
- Теперь в Набережных Челнах.
- Почему в Набе-ж-р-жных Чи-нах? — еле выговорил Витя.
- Потому что мы, твои мама и папа, живём в Набережных Челнах, и ты будешь жить с нами.
- Как Цер-рбер в своей будке... с деда Гришей?
- Нет, — растерянно улыбнулась Татьяна Корнеевна, — у тебя будет своя комната.
- Своя комната?.. Вся моя? — удивился мальчик.
- Да.

Он легко стал называть Татьяну Корнеевну мамой, и как только она вновь и вновь слышала «мама, мам», в груди у неё разливалось тепло. Но она испытывала и страх: вдруг что-то сделает или скажет не так, вдруг не хватит обыкновенной выдержки. И настраивала себя на бдительное внимание и долготерпение, старалась понятно отвечать на бесконечно сыплющиеся, как горох из мешка, «почему». Витя не давал покоя ни на минуту, и у Татьяны Корнеевны иногда возникала предательская мысль: «Не справлюсь... и Жени нет рядом». Они не смогли купить второго билета на самолёт, и Евгению пришлось ехать домой на поезде. «Скорей бы оказаться дома, — подумала Татьяна Корнеевна. — Там мама, уж она-то, воспитавшая своих троих да приёмного, поделится опытом, многое подскажет...»

Мысль о маме возвратила Таню в детство, в один из весенних дней 49-го. В тот год, уже после того, как к ним приехала жить папина сестра Катя, в их доме появился ещё один член семьи — мальчик Рудик, сынишка дальних родственников. Что случилось с его родителями, Таня не знала, об этом взрослые не рассказывали. Мальчик был болен туберкулёзом костей, ходил с палочкой, нуждался в уходе...

Однажды мама, Таня и Рудик возвращались домой с рынка, где купили немного драгоценного молока. Таня шла рядом и осторожно, чтобы не поскользнуться, несла бидон — задание это для девочки оказалось непростым, потому что она была одета в старую неуклюжую шубу из кенгуру, подаренную соседкой. Мама не могла взять бидон, она несла на руках уставшего Рудика, укутанного поверх пальто в большую серую шаль. Когда они уже почти добрались до дома, мимо них прошла женщина и зло проворчала: «Своего-то на руках несёт, а чужого в бок толкает». Таня спросила тогда:

- Почему тётя так сказала?
- Потому что голодная и злая...

«Иду, — рассказывала потом мама, — а мысль одна: чем кормить детей, чем лечить Рудика, чтобы у него силы появились ходить самостоятельно? И тут навстречу — один из эков. Увидел меня и — наперерез:

— Хозяйка, что парня моришь, не кормишь?!

У меня ком в горле. А он:

— Барсучий жир ему надо.

— Надо, а где ж взять?

— Ну тогда собачий. Вон бегают, — и показал на нашего Волкаря.

— Как же... родного пса, можно сказать?..

— А тебе кто дороже, пёс или сын?! Если сына любишь, кого хошь сожрёшь... жисть заставит...

Пришла я домой и сказала обо всём Кате и Корнею. А на другой день прибежала на обед — на припечке кастрюлька. Дома никого... Поднимаю крышку: а запах! У меня желудок свело. Смотрю: на одну порцию осталось. Значит, думаю, все уже поели, а это мне. Схватила кусочек хлеба — Катя всегда по долям делила — и быстро-быстро всё съела. А вечером Катя и спрашивает:

— Тебе гуляш понравился?

— Очень вкусный, спасибо. А мясо откуда?

Катя глаза и опустила. Я и догадалась. Думала, плохо мне станет. Не стало. Увидела блестящие сытые глазки детей, Рудика довольного, и поняла: ради вас и сама кого угодно жарю... Потом уже Корней где-то добывал собачатину. Жир берегли для Рудика. И ведь поставили его на ноги...»

— ...Всё будет ладно, — самой себе сказала Татьяна Корнеевна любимыми маминими словами и посмотрела на Витю: уснул, видать, совсем уморился. Она тоже закрыла глаза.

Ольга Петровна, получив телеграмму от Тани, прилетела из Сыктывкара в Набережные Челны, приехала заранее, за несколько дней до отъезда Череповых в Данков. Теперь волновалась, ожидая в аэропорту дочь и внука, прижимала к груди красные тюльпаны: «И зачем только их взяла? Надо было дома оставить, лишняя пара рук — не лишняя. Вдруг у Тани чемоданы тяжёлые? Надеюсь, бóльшую часть Женька взял на себя, хотя он не всегда бывает догадливым...»

Она вспомнила, как нынче приехала к Тане и Жене. Такси из аэропорта домчало её раньше намеченного времени, и она присела на скамейку у подъезда, ожидая возвращения дочери и зятя с работы. Вдруг услышала:

— Мама, а вы что там сидите? Мы уже дома...

Ольга Петровна посмотрела наверх: из окна третьего этажа пятиэтажки торчала голова зятя. «Уже сидит, а всё как мальчишка», — и крикнула в ответ:

— Да вот... — развела руками, показав на тяжёлые сумки.

— Ах, да... я мигом...

Евгений в трико и тапочках, в наскоро наброшенной на домашнюю рубашку куртке выскочил во двор, лицо его раскраснелось.

— Здравствуйте. Простите, я не подумал, — он поднял сумки. — Однако...

— Да, — с укором вздохнула тёща и добавила прощающе: — Ладно...

В полугодные горбачёвские годы, когда в магазинах продукты, словно в войну — по талонам, на Севере снабжение «держалось на уровне», деньги у людей ещё водились, и Ольга Петровна всякий раз привозила детям гостинцы: консервы, сыр, колбасу, мясо, масло и, конечно же, шоколадные конфеты.

Работники аэропорта в Сыктывкаре уже узнавали Ольгу Петровну. Запомнили её и многие пассажиры из тех северян, кто трудился вахтовым методом: мужчины всегда помогали донести тяжёлый багаж то до стойки регистрации, то до такси. На этот раз один из «знакомых», подхватив тяжёлые сумки, не скрывая любопытства, поинтересовался:

— Видать, бабуль, семья у тебя большая.

— Большая.

— А кто у тебя там, если не секрет?

— Дети и внуки любимые, — с гордостью ответила она, по привычке не вдаваясь в подробности.

— А-а, если дети и внуки любимые, то понятно...

Витя ступил с трапа на лётное поле и недовольно зажмурился: сильный холодный ветер обжигал лицо, шею и руки, от его порывов перехватывало дыхание. Мама подняла коричневый цигейковый воротник его нового тёплого пальто, потуже затянула под подбородком шнурки пятнистой, под гепарда, шапки и тревожно сказала:

— Как же я не догадалась варежки тебе купить?.. Потерпи немного, в городе будет теплей.

— Почему? — еле открыв рот, смешно скривив от холода лицо, спросил Витя.

— Потому что здесь, на просторе, ветер сильнее, — она пониже натянула на уши свою бежевую шерстяную, связанную на крупных спицах, пышную шапочку, поправила косынку на шее.

Когда вошли в здание аэропорта, Татьяна Корнеевна с облегчением вздохнула: теперь ребёнок не замёрзнет. Огляделась, увидела среди встречающих маму, её стройная фигура выгодно выделялась на фоне общей серой картины: модная — таблеткой — беличья шапочка под белоснежной шалью-паутинкой, приталенное элегантно синее пальто, добротные полусапожки на удобном каблуке, в руках тюльпаны — они ярко светились в пасмурном воздухе мартовского дня и как бы утверждали торжество

встречи и праздничность маминого образа: «Никто и не скажет, что ей шестьдесят восемь».

— Мы здесь, мам! — махнула рукой Татьяна Корнеевна. Они с Витей остановились у дальней стойки выдачи багажа.

Ольга Петровна взглядом отыскала дочь и, легко ступая, направилась в её сторону.

— Видишь бабушку с цветами? — спросила сына Татьяна Корнеевна. — Она встречает тебя, это твоя бабушка.

— Моя бабушка? — мальчик вскинул изумлённый взгляд. — Почему?

— Потому что она моя мама, а значит, твоя бабушка.

— А папа у тебя тоже есть?

— Да, и он — твой дедушка... Только живёт он в другом городе... ты как-нибудь потом с ним познакомишься. А ещё познакомишься с другими бабушкой и дедушкой — ведь у твоего папы тоже есть мама и папа.

— У папы тоже есть мама и папа? — вновь удивился Витя.

— Да.

— А где?

— Они тоже живут в другом городе, далеко-далеко, на море.

— На море-океане, на острове Буяне?

— Можно сказать и так, — обрадовалась сообразительности малыша Татьяна Корнеевна. — Летом мы к ним поедem в гости... Так что у тебя теперь две бабушки и два дедушки.

— Две бабушки и два дедушки? — Витя нерешительно отпустил мамину руку и сделал шаг навстречу бабушке. Ольга Петровна перед ним присела.

— Ну, здравствуй, долгожданный... внук... — из полученной телеграммы она знала, что дочь приедет не с девочкой, а с мальчиком, и всё же удивлённо взглянула на Татьяну, но счастливая улыбка дочери объяснила многое. Таня, поняв тревогу матери, успокаивающе сказала:

— Вот ты и дождалась нашего Виктора.

Ольга Петровна распахнула объятия.

— Всё будет ладно... здравствуй, мой золотой.

— Здравствуй, — мальчик доверчиво прильнул к бабушке, над его головой зашуршала целлофановая обёртка цветов.

На новом месте мальчик освоился быстро. Ему нравилось всё: просторная комната с диваном и столом, большой ящик с игрушками; географическая карта, азбука да «весёлый счёт», что папа повесил на стену, и теперь каждый вечер они с Витей играли то в путешествия, то в слова, то в сложение и умножение. Первое время, пока мама и папа были на работе, с ним постоянно оставалась бабушка. Витя думал, что Баболя — так называл он бабушку, соединяя два слова в одно, — с ним будет всегда, но однажды она уехала,

наверное, сильно на него обиделась, и было за что: в один из грустных дней, когда мама и папа ушли на работу, Витя сильно провинился.

Утром Ольга Петровна, накормив внука любимыми оладьями со сметаной, усадила его за стол рисовать, а сама затеяла стирку. Но Витя капризничал:

- А чё рисовать?
- Свои любимые машины, — уговаривала бабушка.
- Не хочу.
- Тогда цветы-подснежники, как из сказки «Двенадцать месяцев», мы с тобой только вчера читали, а вы с папой в лесу видели настоящие. Помнишь?..
- Не хочу...
- Почему?
- Девчачьи цветы...
- Ну, тогда Деда Мороза рисуй, он красивый, посох у него волшебный.
- Чё там «красивый»? Башка, жопа, богоны¹ и палка.
- Виктор, — строго сказала Баболя, — мы с тобой договорились, ты выбросишь из головы плохие детдомовские слова. Вот тебе альбом, карандаши, рисуй, что хочешь.

Она вышла на балкон повесить бельё, плотно прикрыла за собой дверь. Витя, немного почеркав от скуки на листе, подошёл к балконной двери, понаблюдая за бабушкой через большое стекло и... защёлкнул шпингалет. Ольга Петровна дёрнула ручку — дверь не открывается. Она всячески — и по-хорошему и угрозами — пыталась уговорить Витю потянуть защёлку. Внук сначала дразнился, не открывал, потом попытался, но безуспешно — у него это просто-напросто не получилось. Однако он ничуть от этого не огорчился, а через какое-то время и вовсе забыл о Баболе. Нашлись дела поинтересней. Витя залез в тайник с шоколадными конфетами, устроенный бабушкой в шкафу. Наелся сладостей до икоты. Потом взял ножницы с машиной швейной машинки и начал вырезать цветочки по низу штор...

Ольга Петровна, оказавшись в западне, лихорадочно думала: «Что делать?.. Только ждать случайного прохожего за домом, куда выходит балкон, или когда хоть кто-нибудь выйдет из-за угла длинной пятиэтажки. Однако вокруг тишина, да и кто выйдет, если все нормальные люди на работе. «Господи, только бы не покалечился!..» — тревожилась о внуке бабушка. Минуты потянулись нестерпимо медленно, одно благо: на дворе — последние апрельские дни, и поднышающее солнце неплохо пригревает... Наконец-то из-за угла показалась женщина-пенсионерка. Ольга Петровна закричала, что было сил:

- Уважаемая, помогите, пожалуйста!

¹ богоны (блатной жаргон) — ноги.

Прохожая испуганно оглянулась, посмотрела наверх, подошла поближе.

— Что случилось?

— Меня ребёнок нечаянно запер! Сам открыть не может!.. Квартира на замке. Прошу вас, умоляю, сходите, пожалуйста, в школу. Тут недалеко, — Ольга Петровна махнула рукой, — там, через дорогу, у городского кладбища. Знаете?

— Да.

— Будьте добры, позовите учительницу труда Черепову Татьяну Корнеевну или учителя географии Черепова Евгения Андреевича.

— А, знаю-знаю таких, — обрадовалась пенсионерка..

За конфеты и шторы Вите досталось крепко. Баболя отчаянно шлёпнула его по попе. Игры с папой отменились. Весь вечер провинившийся стоял в углу; но и после того, как ему разрешили выйти, бабушка ещё долго не хотела с ним разговаривать...

Когда Ольга Петровна уехала, Витю определили в детский сад. Мальчик его возненавидел, потому что он напоминал ему детдом.

...Сегодня за Витей в садик пришли раньше обычного, причём и мама, и папа — вместе. Воспитательница, увидев в детской раздевалке родителей мальчика, вышла к ним одна, плотно прикрыла за собой дверь группы, где шумели играющие дети. Вид у толстой немолодой женщины, с печатью разочарования от жизни на лице, был озабоченный. Сердце Татьяны Корнеевны сжалось: «Неужели снова сын набедакурил?»

— Ну, как наш Виктор сегодня?.. — готовый взять удар на себя, спокойно спросил Евгений Андреевич.

— Как... устроил пожар в песочнице, слава Богу, обошлось без жертв, — ответила воспитательница мягче, чем обычно выговаривала Татьяне Корнеевне. — Хотели вас к заведующей вызвать, выяснить, откуда у вашего ребёнка спички, да не стали, — воспитательница подумала: «Всё равно бесполезно... Такого не в детский сад, а в детскую колонию...», — а вслух продолжила: — Поверили его версии, что нашёл, — педагогиня многозначительно кивнула. — Но потом обнаружили у него и это!.. — авторитетно поджав странно тонкие для таких мясистых щёк губы, она, как неопровержимую улику, достала из большого кармана большого платья смятую пачку сигарет, затем, порывав в том же кармане, спички, протянула оба доказательства Евгению Андреевичу. — Хорошо, что вы пришли, — воспитательница выразительно на него глянула, будто к Татьяне Корнеевне не испытывала никакого доверия. — Надеюсь, вы разберётесь, где ваш сын находит такие игрушки.

— Обязательно разберёмся, — сухо ответил Евгений Андреевич.

— Вот и хорошо, — довольная воспитательница, с нерушимым чувством собственного достоинства, направилась к группе.

Только теперь Евгений Андреевич отметил, какой внушительной выглядит её необъятная фигура на фоне маленьких детских шкафчиков: «Рядом с такой любой ребёнок, наверное, чувствует себя раздавленным муравьишкой».

Воспитательница, открыв дверь, зычно крикнула в детский гомон:

— Черепов, за тобой пришли!

Худенький радостный и лёгкий Витя выскочил в раздевалку.

— Мама!.. Ой, папа, — замешкался, но быстро нашёлся, подскочил к маме, привычно поцеловал её в щёку и тут же метнулся к отцу, повис у него на шее. — Ура! Меня первым забрали!.. Ещё светло на улице... А пойдём гулять?.. — Витя вновь переметнулся к маме, глаза его разбрызгивали счастье.

— Конечно... сходим в парк, — Евгений Андреевич незаметно спрятал в карман брюк сигареты и спички.

* * *

Вновь последний звонок. Прошёл год с того запоминающегося торжества с гоголевской чертовщинкой. Вновь «самые стойкие» из педагогов — косяк — собрались в учительской за праздничным чайным столом, но кроме чая появилось шампанское — дефицитнейший напиток горбачёвской перестройки и «сухого закона». Принаряженные учительницы засуетились в поиске давно забытых «дежурных» бокалов, оживились, разгадывая причину появления игристого вина: видать, у традиционного собрания был ещё один, пока не озвученный, повод.

— А вас что, не предупредили, что я буду звонить... знакомиться, — подражая голосу известного артиста, пошутил в адрес немного растерянных учительниц военрук.

— Сюрприз будет, — подхватил цитату юморески трудовик.

— Игнатъич, накаркаешь ещё, — шутливо сказал географ.

— Не бойся, я робкий по натуре, — продолжал комично шепелявить трудовик...

— Вот и бокалы, — раздался чей-то радостный возглас.

Наконец-то все расселись, разлили по бокалам шампанское. В учительскую вошла Раиса Матвеевна, давно отсутствовавшая в школе по уважительной причине — все знали, по какой. Взоры устремились на вошедшую, по кабинету полетела волна радостных приветствий. Евгений Андреевич быстро встал из-за стола, подошёл к учительнице, взмахнул коллегам рукой, мол, тише. Все притихли.

— Ну, здравствуйте, родные мои, — глаза Раисы Матвеевны светились радостью. Она похорошела, построилась, была светла и легка, как майская бабочка.

— Здравствуй, Раиса Матвеевна, здравствуй, красавица наша, — сказал географ. — Ты как раз вовремя. Присаживайся, — подвёл её к столу, уступил своё место, а себе взял другой стул, поставил рядом с Татьяной с другой стороны. Садиться не стал.

Татьяна Корнеевна бросила на подругу восхищённый взгляд, пододвинула к ней пустой бокал. Раиса Матвеевна с торжественно-загадочным видом достала из сумки ещё одну бутылку шампанского. И вновь — радостные голоса наперебой:

- О-о, да сегодня просто чудеса!..
- Сладкое или полусладкое?..
- Кутить будем, хорошо, детей нет..

Евгений Андреевич постучал вилкой по бокалу. Сначала сказал тихо, словно только для себя и тех, кто в курсе:

— Дети как раз таки есть, — потом громко: — Коллеги, дорогие друзья, прошу внимания! — воцарилась тишина. Он продолжил: — Во-первых, для тех, кто вдруг забыл, напоминаю: мы продолжаем празднование традиционного последнего звонка. Во-вторых, пользуясь случаем, мы с Татьяной Корнеевной официально заявляем: у нас появился сын. — Татьяна Корнеевна встала, смущённо поправила платье. Евгений Андреевич приобнял её одной рукой. — А в-третьих, поздравляем нашу дорогую Раису Матвеевну, у неё тоже сын.

Встала и Раиса Матвеевна. Евгений Андреевич хозяйским взглядом окинул стол и присутствующих.

- У всех полные бокалы?.. Ура, товарищи!

Военрук ловко подхватил неоткупоренную бутылку, пробка выстрелила, кто-то из учительниц взвизгнул, грянуло дружное «ура-а!..»

— Взяли моду — только и слышно «три в одном». Одним тостом не отдаетесь, — громогласно возразил военрук и наполнил бокал Раисы Матвеевны. — За родителей пьют отдельно... за мам — тем более — это святое!

Раиса Матвеевна заговорщицки глянула на Евгения Андреевича и на Татьяну Корнеевну.

- А я бы пригубила и за Гоголя...

ПОДАРОК

Татьяна Корнеевна собралась в магазин за хлебом. Спускаясь по лестнице в обшарпанном подъезде, по привычке глянула на почтовый ящик, и — не померещилось ли? — в круглых прорезях металлической крышки что-то светлело. Давно уже не было писем, давно не выписывали газеты с журналами, потому что издания стали редко доходить до адресата: то хулиганы своруют или подожгут прямо в ящике, то почтальон не принесёт, сетуя, что их просто-напросто нет в рассылке. Почта работала с перебоями. Надёжной связью остались телефон и телеграф, но в целях экономии пользовались ими не так часто: по «межгороду» звонили лишь в праздники да иногда, чтобы коротко справиться о здоровье родных или сообщить что-либо важное.

— Ой, а ключ-то не потерялся? — Татьяна Корнеевна, остановилась и суматошно пошарила рукой в боковом кармане старенькой сумки, с облегчением вздохнула: — Слава Богу, на месте.

Замочек почтового ящика, словно забыв, как надо открываться, натужно скрипнул, и в руки хозяйке упал конверт. Татьяна Корнеевна повертела его: «От кого? Из Геленджика не должно быть, Женя и Витя позавчера звонили, доехали хорошо... Из Сыктывкара?.. Мама не любит писем — «находку для шпионов», а Сергей и Надя, да и отец тоже, обычно звонят». Она подошла к окну и вгляделась в крупный убористый почерк: на строчке «кому» — Т. К. Череповой — значит, ошибки быть не может;

в «адресе отправителя» — Вильгорт Сыктывдинского района и незнакомая фамилия. «Так это же почти в самом Сыктывкаре!.. Странно, от кого?»

Татьяна Корнеевна, не раздумывая, вернулась домой. У порога скинула лёгкие летние туфли, поставила сумку на трельяж и вошла в кухню, аккуратно ножом распечатала конверт: «Здравствуй, дорогая моя подруга, здравствуй, Танюша. Представляю, как ты удивишься, получив моё письмо...» Татьяна Корнеевна села за стол и нетерпеливо перевернула сложенные тетрадные листы: «Обнимаю тебя, твоя Валя». Холодная испарина выступила на лбу.

«Валя?.. Не может быть!.. Неужели от Вали?.. Да, теперь узнаю по черк...» — руки Татьяны Корнеевны задрожали. Она встала, почувствовала слабость в ногах... как во сне, подошла к аптечке, достала лекарство, выпила. Перевела дыхание, вновь села за стол, вернулась к письму: «...*Не могу передать словами, как я обрадовалась, увидев твоего младшего брата, теперь он такой взрослый, высоченный!.. Встреча с ним лишь утвердила меня в том, что есть на свете Бог, и он даёт нам шансы исправить свои ошибки, конечно, если сердце к этому стремится... Могла ли я когда-нибудь представить, что однажды ко мне в дом войдёт специалист по компьютерам (мы недавно приобрели редкостную новомодную технику и с ног сбились в поисках мастера), и это будет Серёжа Харюков? Он — преподаватель института! — откликнется помочь, случайно придёт к нам... И денег не взял, принцип у него — за помощь денег не брать!.. Я ему и так, и эдак — времена то трудные, а он — наотрез: нет и всё!.. Как вы с ним похожи! Спасибо ему огромное. Когда Сергей ушёл, я плакала от счастья встречи. Таня, я не верю в случайность. Я так часто тебя вспоминала и вспоминаю. Так сожалело о нашей страшной ссоре. Да, теперь понимаю, насколько страшной! Мне всю жизнь не даёт это покоя. Какая я тогда была глупая!*»

Таня, дорогая моя, Серёжа мне рассказал, что вы с Женей — вместе. Я искренне рада этому, правда! Рада тому, что я не разрушила вашей любви. Ведь жизнь и всё в ней происходящее вообще ничего без любви не значат. Я не знала, вместе вы или нет, всё время чувствовала тяжёлую вину. Таня, я надеюсь, ты найдёшь силы простить меня.

Я расспрашивала Серёжу о вас с Женей, но он ничего мне не стал рассказывать, дал только адрес... Я почему-то встревожилась, всё ли у вас хорошо? Почему-то подумалось о твоём здоровье. Прости, если лезу в душу.

А какой смешной была наша встреча с Серёжей! Он ведь меня не помнил. А я, когда увидела его, подумала: знакомое лицо, но мало ли какие лица нам, учителям, кажутся знакомыми, ведь столько детей, родителей «проходит через наши руки». Я спросила, как его зовут, попросила, чтобы фамилию назвал. И когда он сказал, я так и села. Это судьба, Таня. И я благодарна ей

за такой подарок. Таня, я всегда о вас с Женей помнила, корила себя... Как ты светишься любовью, как он выложил камнями твоё имя... Я всё помню, будто всё было только вчера. Только чувства у меня теперь другие, по-другому смотрю на жизнь. Тогда я тебе завидовала, да, ты не поверишь, но это так. Прости. А теперь счастлива, что могу попросить у тебя, у Жени прощения за всю боль, которую я тебе и Жене причинила. Простите меня! Я теперь понимаю, что всё, что с нами в жизни происходит — всегда происходит наилучшим образом. Жизнь мудрее нас, надо только научиться её слышать, доверять ей.

Тогда из Геленджика я уехала в Ростов, устроилась в школу и... встретила свою любовь. Ну скажи, разве это не промысел! — мой Кирилл, он служил тогда в армии, оказался родом из Вильгорта. Когда я вышла замуж, мы вернулись в родные пенаты. В Сыктывкаре я заочно закончила педагогический институт. Всю жизнь работаю в школе. С Кириллом мне повезло. Конечно, как и в любой семье, любовь наша прошла испытания на прочность, но мы выстояли. У нас две взрослые дочери, Нина и Ксюша, старшая Нина замужем уже. И внучок Артёмка есть, так что я бабушка, представляешь? А в остальном — грех жаловаться, сама знаешь, как мы тут живём... Хочется верить, что всё будет хорошо, только бы здоровья хватило, только бы мир был, остальное — перемелется, не впервой.

Я почему-то думаю, что ваша с Женей семья не относится к тем, кого угнетают и страшат события окружающей жизни. Сейчас жизнь бурлит, вся грязь поднимается пеной. Но ведь рано или поздно всё вернётся на круги своя, главное, по-моему, самим не попасть в эту пену и сохранить свою душу. Мне даже кажется, что такое смутное время, наоборот, помогает понять, чем живёт человек, что для него ценно... Таня, дорогая моя, мне ценна наша дружба. И я верю: пусть мы столько лет ничего друг о друге не знали, но каждая из нас сохранила то тепло, которое нас когда-то связывало. Во всяком случае, я хочу, чтобы так было. Поверь. Очень надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся. А если не встретимся, то всё равно будем помнить друг о друге светло.

Таня, как ты? Как Женя? Где вы работаете? Как живёте? Вот видишь, сколько вопросов. Я очень надеюсь, что получу на них ответы. На самом деле вопросов ещё больше... Таня, прошу тебя, умоляю, напиши мне, только подробней, пожалуйста. Расскажи о себе, поделись, как когда-то мы друг с другом делились.

Прости за сумбурное письмо. Чувства переполняют, эмоции бурлят, я пишу тебе, а у самой слёзы, я плачу от счастья, от того, что как будто слышу твой голос, что говорю с тобой и вновь чувствую твоё тепло через время, через расстояния.

Ещё раз прости за всё, дорогая моя Таня, дорогая моя подруга. Жду ответа! Обнимаю тебя, твоя Валя».

Татьяна Корнеевна плакала. Несколько раз возвращалась к письму, листала, поглаживала, мысленно беседовала с подругой. Сколько лет пролетело?.. Сколько лет сердце удерживало в себе сомнения и вопросы, не имеющие ответов? Но пришло нечаянное письмо, и разом, словно одним мановением крыла какой-то неведомой белой птицы, смахнулись тревоги, разрешились сомнения — они ушли, их место заполнили доверие и любовь, и сердцу стало легче. Жизнь устроена просто: если чувствуешь боль в теле, значит, что-то неладно в теле, значит, ищи причину и лечи; а если чувствуешь боль в душе, значит, чего-то не принимаешь, чего-то не можешь простить, а вот причина чаще одна — обида. И тогда честно спроси себя, для чего ты живёшь: для того, чтобы увидеть нелепость жизни, осудить её и умереть с этой болью; или ты живёшь для того, чтобы принять жизнь такой, какая она есть, понять её красоту и полюбить... И стоит только на вопрос о приятии жизни ответить «да», как она ответит тем же. Всё просто. Но как порой непросто до этого дорасти.

Татьяна Корнеевна прошла в комнату, взяла с полки тетрадь и ручку, нашла чистый конверт — давно ждал своего часа, вернулась на кухню, включила свет — августовское солнце уже спряталось за горизонт. «Хорошо, что я сейчас одна, можно спокойно поразмыслить», — она принялась за ответное письмо.

«Здравствуй, Валентина, здравствуй, дорогая моя Валя.

Да, ты права, я удивилась, когда получила письмо. Признаюсь, не ждала, хотя это не совсем так. Я тоже о тебе всегда помнила, думала и сожалела, что мы так странно расстались, что между нами осталась недоговорённость, и в глубине души я надеялась, что когда-нибудь произойдёт какое-то чудо, мы услышим друг друга. И вот оно произошло.

Трудно писать после такого перерыва... Спасибо тебе за письмо. Ты даже представить себе не можешь, как оно для меня сейчас, именно сейчас, важно! Большое спасибо... Спасибо случаю, что свёл нас вновь, что мы можем попросить друг у друга прощения. И ты меня прости, Валя. Мы повзрослели. Радостно думать, что дружба наша не оборвалась вопреки времени, вопреки расстояниям... Всем сердцем рада за тебя, что у тебя большая семья, что ты жива-здорова. Ты права, Валя, только бы здоровья хватило, только бы мир был, остальное перемелется...

Да, мы с Женей вместе. Вместе с тех самых пор... всю жизнь. Но знаешь, Валя, так случилось, что мы с ним за последние только три года, за короткий срок внутри нашей жизни прожили ещё одну целую жизнь. И теперешние мы — это уже другие мы, и наша жизнь — другая. Даже не представляю, как в письме всё тебе рассказать. Постараюсь быть последовательной.

Мы с Женей прошли через горнило страданий, они изменили нас. «Страдания возвышают душу», — мы на себе испытали истинность этих слов...

Ты видишь, даже взявшись за письмо, я не наберусь духу выразить суть дела. Думаю, ты поймёшь меня...

...Серьёзно заболел Женя. Врачи направили на консультацию к онкологам. Анализы, поездка в клинику, в Казань, очень сложные и очень болезненные исследования и диагноз: лимфосаркома... Женя сразу узнал, прочёл диагноз, пока ездил с документами на руках то в одну больницу, то в другую. Сначала он ничего мне не говорил, сам в себе переваривал эту страшную весть. Потом всё-таки сказал. Это был удар! Такую весть очень трудно перенести, пережить и выжить!.. Я не поверила, сходила сама к врачам. Они подтвердили. На мой вопрос — сколько времени отпущено — последовал ответ: может, год, может полгода...

Но мы стали бороться. Сложное и болезненное лечение (химиотерапия), которое очень плохо переносится, ослабляет весь организм. У Жени выпадали волосы... Сначала — курс терапии, потом — три недели на восстановление. И так полгода или даже больше, не помню теперь... затем трёхмесячный перерыв — и всё с начала... Очень, очень трудно Женя переносил. Нам с Витей... да, я же тебе не написала. Мы с Женей чуть больше трёх лет назад (вот так всё совпало), незадолго до того, как Жене заболеть, усыновили пятилетнего мальчика, так что у нас — сын. С ним тоже нелегко... Но нам было трудно не столько из-за больших сопутствующих хлопот с ребёнком, сколько из-за того, что Женя во время болезни был невозможным человеком. Рядом с ним всем было очень тяжело. Приезжали ненадолго Женины родители... моя мама приезжала и уехала, не выдержав...

А у нас с Женей в душах — качели: отчаяние — надежда... И поиск ответа на вопрос: что делать? Независимо друг от друга начали молиться. Я убеждена, что все люди в какие-то моменты своей жизни делают это. Так вот молитва (мольба, призыв, воззвание) помогла нам избежать отчаяния, мы преодолели ужас перед диагнозом. И пришёл ответ на вопрос, как жить дальше.

Во-первых, мы перестали скрывать друг от друга свои мысли и чувства. Мы стали вместе спокойно обсуждать все проблемы, даже самые страшные. Мы решили спокойно до конца нести свой крест. Мы поняли ценность каждой минуты жизни и возблагодарили Бога за то, что мы уже имели. Мы стали жить одним днём, одной минутой, находя в них маленькие радости, стараясь сильно не огорчаться горестям. Мы поняли: радость, даже самая капельная, уменьшает боль, умножает силы. А когда радость — одна на двоих, то она, оказывается, не делится надвое, а возводится во вторую степень... И — чудо? — здоровье перестало ухудшаться!!! Восстановились повседневные заботы.

Мы стали искать литературу и, кроме медицинской, у нас появилась религиозная... У меня такое чувство, что я взошла на какую-то вершину — и вижу дальше, и дышится легче, и появилось ощущение радости, восторга от счастья жить!!! Просто жить!

Ну, и большие «социальные» изменения у нас тоже произошли за это время. Во-первых, у нас появился ученик, теперь он уже третьеклассник. Учитя хорошо. Но поведение!.. Он у нас трёхмоторный шкода. Во-вторых, я закончила курсы кройки и шитья и стала учительницей обслуживающего труда в старших классах... Да, я тоже год училась в Сыктывкаре, в педагогическом, потом, как вышла за Женю, перевелась в Кубанский университет на заочное. Надо же, тогда наши с тобой пути нигде не пересеклись. Да, всему своё время... Женя тоже окончил заочно Тамбовский институт, стал географом, осуществил свою мечту. Мы с ним работаем в одной школе. В прошедшем учебном году он вёл 15 часов географии, будучи инвалидом второй группы, но мы верим, что всё ещё наладится...

Несколько лет мы не ездили в Геленджик — Жене нельзя было. Нынче он и Витя уехали к родным. Там тоже произошли перемены. Всё как-то так получилось, что навалилось разом, не зря говорят: беда не приходит одна. Три года назад умер Женин отец... в общем, и это пережили... Мама Жени жива, слава Богу...

Да, все наши трудности помогли нам более-менее спокойно переносить наши общегосударственные передраги, потому что мы поняли, сумели уловить настоящий смысл жизни и не тыкаться с визгом в пустое корыто... В прошлом году мы взяли картофельный участок далеко за городом и посадили овощи. Вот и ездили всё лето поливать: два часа туда добирались, два часа работали, два часа обратно — движение! Но, сама понимаешь, это удовольствие не только ради движения.

Вот так и живём. Валя, я не жалею, просто рассказываю. Всё так — как есть, за все — слава Богу. И моё здоровье — грех жаловаться. Поначалу я свернулась, как улитка в своей скорлупке. А потом в моей улитке, как в пружинке, накопилась жизненная сила... На всё смотрю с благодарностью и теперь даже с юмором. За эти годы потеряла десять килограммов. Стройная, как на нашем первом курсе. Был период, на нервной почве выпадали волосы, даже в парике ходила... А помнишь, как мы мечтали о париках?.. Так вот, мечты сбываются, поэтому надо правильно мечтать! (улыбаюсь)... У Жени сейчас состояние стабилизировалось, последние анализы спокойные, врачи решили, что он теперь может обходиться без курса лечения.

Да, жизнь бурлит, и всё чаще приходит мысль: Духом святым и воздухом, оказывается, можно быть сытым в буквальном смысле слова.

Но мне пора остановиться, и так я письмо пишу, кажется, сутки... Надеюсь, наша нынешняя почта доставит тебе его вовремя.

Валя, знай: я всегда о тебе помнила, думала и давно всё простила, мысленно с тобой разговаривала и у тебя просила и прошу прощения. И сейчас не могу передать, как я рада нашей новой встрече, пусть заочной. Помнишь из нашего с тобой любимого Достоевского: «Будем, во-первых, и прежде всего добры, потом честны, а потом — не будем никогда забывать друг о друге...»

До свидания.

Обнимаю, твоя Таня».

Татьяна Корнеевна встала из-за стола, потянулась. Глаза пекло от усталости. Она не заметила, как прошла ночь. За окном разгорался новый день, в приоткрытую форточку врвался шум двора: ребятня на детской площадке осадила песочницу и скрипучие качели; воробьи устроили на кудрявой липе под окном птичий базар, щедро раздаривая округе весёлый гомон. Татьяна Корнеевна шире распахнула форточку. Птицы беспорядочно сновали с ветки на ветку: «Ждут, наверное, когда крошек подброшу». Протянула руку к холодильнику, открыла хлебницу — пусто, в магазин-то вчера не сходила: «Вот она, холостяцкая вольная жизнь».

В коридоре раздался дверной звонок. Татьяна Корнеевна вздрогнула. Подошла к двери, посмотрела в глазок: на площадке — незнакомая женщина с мальчиком. «Неужто попрошайки?.. На вид не похоже...»

— Кто там?

— Череповы здесь живут? — послышался глухой хриплый голос.

— Да... а вы, извините, кто?

— Татьяна Корнеевна? — прозвучал вопрос вместо ответа.

— Да...

— Я... я Рушана... — громко сказала женщина, наклонившись к двери.

— Рушана?! — воскликнула Татьяна Корнеевна и тихо самой себе: — Господи... сюрприз за сюрпризом, — спешно звякнула замком и широко открыла дверь. — Глазам не верю!.. — всплеснула руками и прижала их к груди. — Рушенька?! Какая ты большая...

— Здравствуйте, Татьяна Корнеевна, — смутилась женщина.

— Здравствуй, Руша. Да неужели это ты?..

— Я, — озорно улыбнулась худенькая, но крепкая невысокая женщина, — как я рада, что нашла вас... А это, — она приобняла мальчика в коротких шортах и нарядной рубашке, прижав его к своему боку, — мой сын Данилка.

Татьяна Корнеевна уловила во взрослом лице нежданной гостьи знакомые черты маленькой Рушеньки-Душеньки из интерната.

— Что же мы в дверях? Проходите, — хозяйка отступила назад. — Здравствуй, Данилка, — протянула навстречу мальчику руки, но он вошёл только после матери. — Рушенька, дай хоть посмотрю на тебя, — Татьяна Корнеевна обхватила гостью за плечи, всмотрелась в лицо. — Какая же ты взрослая... красавица.

— Спасибо... — Рушана разволновалась, неловко прижалась щекой к щеке хозяйки и, смущаясь, отстранилась. — Вы простите, что мы без предупреждения, — она закрыла за собой дверь, быстро сориентировалась, повесила хозяйственную сумку на специальный крючок у порога, разулась сама и помогла сыну расстегнуть тугие застёжки сандаликов. — В школе, где вы теперь работаете, спросила только адрес, о телефоне не подумала... Вас тут вся округа знает, — она распрямилась и привычным движением подтянула на бёдрах джинсы, одёрнула длинную блузку, похожую на мужскую рубашку. — Вы не так уж и далеко переехали...

— Да, недалеко, — согласилась Татьяна Корнеевна, веря и не веря происходящему. — Прошу в зал, а я сейчас чаю... ах, я даже не знаю, чем вас угостить... сейчас кашу сварю, — она прошла на кухню, убрала со стола на холодильник письма.

— Не надо, не волнуйтесь, мы хорошо позавтракали, а к чаю у нас с собой... — Рушана, мягко подтолкнув сына к дивану в комнате, вновь вышла в коридор, взяла сумку и прошла следом за хозяйкой. Выложила на стол увесистый, завёрнутый в полиэтилен кусок сыра, палку полукопчёной колбасы, пачку сливочного масла.

— Руша, откуда такое богатство?.. Мне неловко... и... у меня даже хлеба нет, я тут одна, мужчины мои в Геленджик уехали... а я как раз в магазин собиралась, — начала оправдываться хозяйка.

— Татьяна Корнеевна, не переживайте, — Рушана достала из сумки батон, — я гостинцы для вас с Евгением Андреевичем несла. Времена-то сейчас такие... Я из-за этого... короче, я в магазин устроилась, и у меня иногда бывает возможность кое-что достать... так что вы даже не думайте...

— Чайник не поставила, — спохватилась Татьяна Корнеевна, — что-то я совсем растерялась, столько всего... — она не договорила. Налила в чайник воды из-под крана, поставила на газовую плиту, раскрыла шкаф над рабочим столом, загремела чашками...

— Я помогу, — Рушана быстро собрала в узел распущенные высветленные волосы, по-хозяйски ополоснула у мойки руки, взяла со стола нож и приступила к нарезке продуктов.

— Руша, ты уж извини, что так встречаю...

— Да не волнуйтесь... Я так рада, что застала вас...

— Тогда рассказывай, как ты, где ты?

— С чего начать-то?..
— С начала, с того, как ушла из интерната...
— Ну, жила в общежитии, закончила строительный техникум... на стройке поработала немного и уехала в Тюменскую область, Север, тайгу посмотреть, вы с Евгением Андреевичем много интересного рассказывали... Короче, там влюбилась, результат — сами видите... — она кивнула в сторону комнаты. — А с мужем разбежались... Заработала на квартиру, вернулась сюда. Квартира небольшая, да всё ж своё жильё... Данилка в школу ходит. В общем, всё нормально...

— А о Толике что-нибудь знаешь? Вы же так дружили.

— Нет... для меня он остался в детстве...

— Неужели одна сына поднимаешь?

— Не одна... Но я теперь осмотрительней стала... Поживём — увидим. Короче, тут непросто...

— Трудно сейчас, Душечка, всем трудно. Разве кто мог представить, что такие времена настанут, что я буду стоять перед выбором, купить что-то из одежды или потратить деньги на еду?

— Да-а... — Рушана аккуратно расставила тарелки с нарезанными продуктами. В довершение сервировки распечатала масло и положила в центр стола. — Красота! Зато сегодня у нас праздник.

— Настоящий праздник, спасибо, — Татьяна Корнеевна устало села на табурет. — Всё хочу спросить, что с голосом у тебя? Не болеешь?..

— Нет. Курю много, так и не бросила, — без смущения ответила Руша. — Я гляну, как Данилка, — гостья вышла в зал.

— Конечно, там в углу ящик с игрушками, — крикнула вслед хозяйка.

Рушана недолго побыла с сыном и вернулась на кухню. Чай уже ароматно дымился в чашках.

— Как всегда с малинкой, — гостья села за стол, наклонилась к чашке и шумно вдохнула знакомый запах, потом как-то по-особенному, то ли вопросительно, то ли удивлённо посмотрела на хозяйку.

— Татьяна Корнеевна, вы проронили, что ваши мужчины в Геленджике... в зале игрушки... У вас... сын?

— Да, Рушенька, усыновили мальчика. Твоему сколько?

— Девять.

— И нашему девять... Ты пей, тебе же всегда наш чай нравился.

— Угу... теперь вы рассказывайте...

Пока Татьяна Корнеевна рассказывала о Вите, Рушана вспоминала свои детдомовские приключения, интернат. Слушала Татьяну Корнеевну и узнавала в ней любимую воспитательницу: всё те же тихие мелодичные интонации, правильная речь, те же лучистые чуткие глаза. Рядом с ней

так же тепло, жесты её по-прежнему плавные, и хочется прижаться к ней, чтобы она, как когда-то давно, провела мягкой рукой по голове. «И всё же она изменилась, волосы почти совсем седые, похудела... видно, что устала, — Рушана лишних вопросов не задавала. — Теперь мы будем видиться, так что не всё сразу... Интересно, какой он, этот детдомовский мальчишка Витя?» У Рушаны в душе шевельнулось неприятное чувство, что-то ёкнуло в сердце, обида какая-то, будто от предательства... И вдруг как ослепляющий ледяной взрыв... до мурашек по коже: «А ведь на его месте могла быть я!.. — боль закрутилась воронкой, свела живот. — Но меня не взяли. Почему?.. Слишком была большая? Думали, мамой и папой не назову, потому что они для меня прежде всего учителя? А может, потому что знали, что у меня есть мать?..» Рушана мысленно отмахнулась от боли: «Глупость!.. Детская ревность?! С чего вдруг? — обожгло стыдом. — Сама уже мать!»...

— Рушенька, ещё чаю?

— Нет, спасибо... Нам пора, мне во вторую смену на работу...— Рушана встала. — Давайте я помогу убрать.

— Не нужно, спасибо... — Татьяна Корнеевна тоже поднялась, взяла тарелку с нарезанным батоном, чтобы поставить в хлебницу на холодильник. Увидела письма. — Руша, а ты в какую сторону сейчас идёшь?

— К Студенческой.

— Значит, почта тебе по пути?

— Да.

— Я письмо подруге написала, ты сможешь опустить в ящик, что в зале почтамта, а то уличные ящики стали совсем ненадёжными, — Татьяна Корнеевна вложила письмо в конверт, запечатала.

— Да, конечно... — обрадовалась Рушана: она может сделать ещё что-то хорошее для дорогого человека. — С детства люблю отправлять письма, — загадочно улыбнулась и тут же, словно испугавшись мысли, отвернулась, крикнула в комнату: — Данилка, нам пора. До свидания...

* * *

Прошло три года.

Ох уж эти осенние дни, недели. Дожди, грязь, холод. Весной почему-то такие же дожди и холод воспринимаются иначе, хотя похожи друг на друга осень и весна, словно сёстры. Однако они вечно в разлуке, но даже имя есть на двоих одно — межсезонье. Только вслушайся: межсезонье. Звучит загадочно, звонко, но... невеликое получается имя, как междометие, зыб-

кое, как нечто ненадёжное. Может, потому и слёз много льют сестрицы? У каждой — не промежуточная жизнь, а самая настоящая. Может, зима и лето как раз таки и подчиняются осени и весне — они их друг в друга преобразуют, провозжают.

Осень и весна — каждая миру являет своё лицо, хоть и похожее на сестрино, но неповторимое, и если вдруг оба лица сольются, то совсем исчезнут, потому что они взаимоисключающие. Как? А вот так: весна живёт каждым часом своим, каждым днём прибавляя солнца в сутках до самого полного, до самого долгого дня; а осень движется в другую сторону и доходит до самого малого, самого короткого. Чувствуешь это движение? Чувствуешь, как весна и осень листают страницы твоей жизни? А ведь ни зимой, ни летом ты до такой — сосущей душу — тоски не ощущаешь этого перелистывания: листья распустились — листья опали... Ведь что такое лето? — одна кульминация, буйство природы; а зима другая — отдых и сон. И ты принимаешь это как данность, вдыхаешь и выдыхаешь, живёшь. Но в межсезонье тебя настигают самые противоречивые чувства, сравнимые с долгожданной встречей и разлучным прощанием.

Осенью разлучное прощанье настигает, терзает, и ты хандришь вместе с погодой, потому что ощущаешь: ещё одна страница перелистана-прожита. Но проявлением весеннего лика врывается в осень короткая передышка — бабье лето... И в его нечаянном тепле одинокой чайкой вьётся, трепещет душа. И тебя осеняет: как стремительно приближается холод, как легко срывает ветер листья.

Евгений Андреевич бросил новенькую пачку пастельных мелков в небольшую дорожную сумку, где лежали школьный альбом для рисования и цветные карандаши, и направился к входной двери, мурлыча себе под нос какую-то мелодию.

— Куда сегодня путь держишь, мой юный художник? — шутливо спросила Татьяна Корнеевна. Она подошла к мужу, поправила воротник старенькой куртки: когда-то сама её сшила. Куртка многое повидала, через многое прошла вместе с хозяином в походах по городам и весям страны, в геологических исследованиях родного края. «Выбросить бы старушку, да она твоим теплом греет», — с улыбкой говорил Татьяне Евгений каждый раз, надевая куртку.

— Так в какую сторону сегодня? — Татьяна Корнеевна повторила вопрос и пригладила тонкий кашемировый шарф, свободно свисающий на грудь мужа.

— К пристани схожу. Денёк-то какой славный выдался, похоже, бабье лето прощается с нами.

— Да-а, прощается, — задумчиво протянула жена: — Когда вернёшься?
— Пока солнышко греет, погуляю, порисую... Скоро не жди.
— Особо не увлекайся.
— Не волнуйся... — он наклонился, завязал шнурки и, деловито крикнув, приосанился. — Знаешь, странная штука: говорят, человек привыкает ко всему, но только не к боли, а я, когда рисую, ловлю себя на том, что напроць о ней забываю.

— Ну-ну... — легко вздохнула она, — без шедевра не возвращайся...

Евгений Андреевич не стал спускаться к пристани, присел на взгорке на увядшую траву, украшенную яркими пятнами опавших листьев да волшебно поблёскивающими нитями осенней паутины. «Много тенётника на бабье лето — осень ядрёная», — вспомнилось из Бунина, — «...запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет...» Евгений Андреевич глубоко вдохнул: «На самом деле, будто яблоками пахнет или арбузом». Это прощальное осеннее тепло дарит какую-то особенную тихую радость, похожую на светлую ностальгию — приятно щемящее чувство: ты радуешься тому, что как бы вернулся в то хорошее, что когда-то было, но понимаешь: было — время прошедшее, пора безнадёжно невозвратная, даже если ты к ней нечаянно прикоснулся скользнувшим ощущением... Уходит запоздалое тепло.

Неожиданно над головой раздалось громкое короткое карканье. Большая чёрная птица сидела на старой чёрной липе.

— Высоко сажу — далеко гляжу, — тихо сказал Евгений Андреевич ворону. — Ты на дереве, я на холме... — он всмотрелся в представшую глазам картину: «Интересно, сколько тебе лет? Тридцать, а может, все триста?.. А этой корявой липе? Не меньше ста, пожалуй... да, вся драма человеческой жизни в том, что мы быстро стареем, а мудрость приходит к нам поздно... Вот и ты, и липа, и даже эти паучки-тенётники живёте так, как велела природа, не перечите ей, и этим мудры... А мы? Наверное, прежде чем что-то постичь, нам обязательно надо оказаться на краю, заглянуть в ужас пустоты и... или сорваться, или взлететь...»

Нервно подрагивающие крылья птицы отливали на солнце металлическим блеском; ворон, слегка раскрыв их и подавшись вперёд, каркнул протжней.

— Ну, чего ты мне накаркаешь? — проворчал Евгений Андреевич. — Не молчит тебе...

Ворон будто что-то понял, сверкнул глазом и, коротко каркнув напоследок, улетел.

— Хм, обиделся... А я уж подумал, не нарисовать ли твой портрет...

Потянуло сквозняком. Следом за вороном с дерева сорвался бурый листик. Евгений Андреевич внимательно посмотрел на голые сучья липы, тоскливо чернеющие на фоне бирюзового неба, и подумал: «Может, мы все — ровесники под этим небом, все — ровня для него, просто у каждого своё течение времени». Он оглядел простор.

Ясный день насытил новыми оттенками привычный пейзаж. Сосновый бор на противоположном высоком берегу в осеннем мареве стал походить на ожившую сказку: золотисто-яшмовые сосны тянут пушистые зелёные лапы к причудливым перистым облакам и щекотно задевают их нежные брюшки, отчего облака расплываются в лёгкой улыбке — тают... По-над берегом, насколько хватает глаз, тянется могучий таёжный лес — сторож «неведомых дорожек, следов невиданных зверей»: того и гляди появится медведица с медвежатами, как на картине Ивана Шишкина. Великий художник жил и творил именно в этих местах. Наверное, и Константин Савицкий, когда взглянул на полотно друга, был вдохновлён таким же рыжим сказочным днём и «поселил» на картину лесных обитателей, и медведи прекрасно прижились — как там и были...

А может ли человек творить свою жизнь, не нарушая гармонии природы и гармонии своей души? Похоже, что нет — для этого ему надо отказать от прогресса, который он строит на подчинении природы своим интересам. Но человек — дитя природы. А когда мать готова всецело служить своему дитяти? Когда он мал и верит ей... Только тогда и возможна гармония.

Над розовым запоздалым клевером чуть слышно жужжит пчела, выискивая в лепестках последние капли нектара. Высокое небо глядится в широкую остывшую Каму. Над глубокой водой летает небольшая стайка чаек: некоторые из них, видать, из тех, что постарше, степенно парят, зависая в воздухе для того, чтобы с высоты осмотреть приволье и короткими возгласами сообщить: «Всё вокруг спокойно, молодые крачки могут забавляться рыбной ловлей». И молодые шалят. Вот одна чайка, трепеща крыльями, сделала неожиданный резкий поворот и с размаху спикировала на воду, чуть нырнула и выскочила, недовольно стряхнув с себя холодные тяжёлые капли. Вот и другая повторила похожий трюк, однако подольше задержалась на воде, наверное, ей больше, чем сестричке, повезло с добычей...

Евгений Андреевич достал альбом, аккуратно развернул его на коленях, мягко провёл ладонью по чистому полю бумаги, затем разложил на сумке карандаши и мелки. Осенний простор, танец и крики птиц всколыхнули в памяти мелодию украинской песни, что в детстве он узнал от мамы и иногда вместе с нею пел. Позже эта песня полюбилась и Татьяне. Бывает, жена

шутливо просит: «Чоловік мій, заспівай про кохану»¹. И он с удовольствием выполняет просьбу.

Вот и теперь, приступив к рисунку, тихонько завёл мелодию:

*Зорі, як очі, дивляться скрізь на нас,
Серце не хоче, щоб промайнув цей час.
Хай в цю хвилину піснею лине
Понад землею радість моя.*

*Кохана, мій кришталевий світ.
Кохана, тобі дарую світ.
Кохана, сонце і небо,
Море і вітер — це ти, це ти...*

Он настолько увлёкся работой, что не заметил, как к нему подошёл незнакомец.

— Здравствуйте.

Евгений Андреевич повернулся на приветствие.

— И я желаю вам здоровья.

Неизвестный, бросив короткий взгляд на альбом, улыбнулся.

— Недавно увлеклись рисованием, — в его низком тёплом, располагающем к разговору голосе прозвучал не вопрос, а утверждение знатока.

— Да, — миролюбиво ответил Евгений Андреевич. — Успокаивает... сижу вот, чиркаю карандашом, он шуршит по бумаге, словно шепчет что-то.

— Понимаю. Позвольте присесть?

— Пожалуйста.

Незнакомец, слегка покряхтывая, опустился рядом на корточки, из-под его небрежно расстёгнутой кожаной куртки выглядывала льняная, почти до пояса распахнутая рубаха, явно сшитая «под крестьянскую». На груди на суровой чёрной нитке висел деревянный, будто червлёный, православный крестик. Длинные до плеч светло-русые с сединой волосы, разделённые прямым пробором, обхвачены и прижаты ко лбу нешироким плетёным кожаным шнурком.

— А вы хорошо поёте, — блеснули искренностью глаза гостя, но он отвёл взгляд и задумчиво посмотрел на птиц над водой.

— Спасибо, — Евгений Андреевич отложил карандаш.

— Любите чаек? — всё ещё не глядя на Евгения Андреевича, спросил незнакомец.

— В молодости жил у моря...

¹ Муж мой, спой про любимую (укр.).

— О, я смотрю, вы даже мелки приобрели, — он потянулся к мелкам, но будто передумал, отвёл руку, опёрся локтями о колени и сцепил перед собой ладони.

— Да, хотел попробовать ими воду нарисовать, небо... — пояснил Евгений Андреевич.

— Похвально. Вы правы, мелок мягче ложится на бумагу, нежнее, чем карандаш, а если проводить им по листу не остриём, а плашмя, то можно ровней заштриховать довольно большую поверхность листа. В такой штриховке остаётся много воздуха, бумага дышит. Хотя лучше всего, пожалуй, воду передаёт акварель, «мокрую» не пробовали? — он посмотрел на Евгения Андреевича так, будто подумал, продолжать или нет рассказывать о тонкостях художественного ремесла.

Евгений Андреевич поспешил ответить:

— Нет, меня карандаши пока устраивают, с красками канители больше.

— Ну да, — согласился тот, — позвольте взглянуть.

— Да я так, для себя, — засмутился «юный» художник и, как ребёнок, торопливо смахнул крупинки карандаша с рисунка и прикрыл его ладонью.

— Ну извините. А что вы чаще пишете, то есть рисуете?

— Деревья, листья, дома... На что глаз падает, выбираю из того, что мало-подвижно, чтобы рассмотреть. Сегодня думал ворона нарисовать, а он не захотел позировать...

— Понятно, — отрешённо улыбнулся собеседник. — А церковь не пробовали?

— Нет, — изумился вопросу Евгений Андреевич.

И незнакомец воодушевился:

— Знаете, Орловскую отреставрировали, похорошела красавица: сама белая, купола ультрамариновые... А ведь её могли снести, даже хотели снести, когда дорогу, что соединяет старый и новый город, строили. Представляете? А теперь она оживает. У меня мечта есть — запечатлеть храмы, которые возрождаются к жизни, чую, это добрый знак. Люди сейчас — каждый сам по себе. А само слово «церковь» означает «единение, собрание»... Люблю Бога, только он и объединяет. Бабушка моя всегда говорила: «Просите, и отверзнется». Понимаете?.. Просто про-си-те!.. А нас как воспитывали? Человек сам себе хозяин... Вот и оторвали человека от самого человека и от земли родной... За каких-то семьдесят лет из тысячи, что прошли от крещения Руси, сколько храмов и судеб порушили? Целую страну расчленили, превратив державу в лоскутное одеяло, а с ним и народы — друг от друга, а теперь ещё дальше, ещё больше по лоскуту рвут, рвут! Страшно представить... вот уж воистину: «Отче! отпусти им, не ведя бо, что творят...»

Он перекрестился и замолчал. Евгений Андреевич тоже немного помолчал, связывая в логическую цепочку услышанное. Затем, больше для приличия, поинтересовался:

— Вы художник?

— Да, когда-то был неплохим, теперь больше увлёкся фотографией. Вот вы с карандашами, а я от жадности, если хотите, от жажды, — с фотоаппаратом. Больше, больше всего хочется запечатлеть. Помните, «блаженны алчущие и жаждущие правды»?.. Люблю храмы... как открываются лица людей! Будто прозревают... как лето в осени прозревает, так и люди в храме... и молодых всё больше... Люблю осень, бабье лето особенно! Оно дарит столько сочных красок, которые кистью, как вы сами подметили, не всегда успеешь схватить... Кстати, вот, взгляните, какая церковь на закате, просто чудесница.

Он достал из-за пазухи небольшую пачку фотографий, молча перебрал их и протянул один матовый снимок.

— Взгляните... Дарю.

— Спасибо, — Евгений Андреевич почувствовал неловкость, взял фотографию, мельком глянул и, не зная, что ещё сказать к дежурному «спасибо», тихо произнёс: — Надо же, цветная... красиво, — положил снимок поверх своего рисунка.

Художник улыбнулся. Его не то серые, не то голубые глаза лучились благодушием, такой непритворной радостью, что Евгений Андреевич тоже улыбнулся, ожидая пояснений к фотографии, продолжения разговора. Но художник быстро поднялся, словно вспорхнул, полы его куртки на миг разлетелись крыльями. Он быстро спрятал оставшиеся снимки за пазуху.

— Не буду вам мешать. Желаю вдохновения... Кстати, вы взяли хороший ракурс, у вас есть чутьё... Ну, с Богом.

— Спасибо. И вам удачи, — растерянно произнёс Евгений Андреевич.

Когда незнакомец ушёл, он взял нечаянный подарок и внимательно взгляделся. Церковь сфотографирована так, будто вокруг неё, кроме воздуха, ничего больше нет. Тёмно-синяя маковка с золотым крестом устремилась к бледно-розовым, подрумяненным закату, облакам. Белоснежные стены храма тоже отражают отсветы заходящего солнца, оставшегося за кадром. И лишь несколько тёмно-зелёных травинки, как будто случайно ворвавшихся на передний план картинке, напоминают о том, что церковь всё-таки стоит на земле.

«Вся картинка в сине-бело-розовых тонах! — улыбнулся Евгений Андреевич и подумал о фотографе. — Он что, лёг на землю, чтобы так снять?.. Любопытно взглянуть, в какой точке художник нашёл эту перспективу?» Он повертел снимок в руках, представляя, как тот был сделан, и с каждым

поворотом фотографии его охватывало всё более настойчивое желание увидеть запечатлённую картинку «живьём».

— А что мне мешает сделать это сейчас? — сказал сам себе и, больше не раздумывая, быстро сложил художественные принадлежности в сумку. Поднялся, отряхнул брюки, ещё раз взглянул на Каму и чаек, решительно отвернулся и направился к шумящему вдалеке проспекту: до Орловского храма — несколько автобусных остановок.

Ещё немного — и солнце коснётся горизонта.

Городской воздух наполнился свежестью, смешавшей в себе запах жухлой сухой листвы, городской пыли и предзимней прохлады. Осень вступает в свои законные права, природа закручивает сюжет очередного времени года. Для мурашей и всех тех, кто впадает в спячку, весна, лето и осень — вечно новые. Но и в жизни человека, несмотря на неизменную череду сезонов, каждое время года всякий раз пропитывается новыми красками, ощущениями, и краски эти приходят не столько извне, сколько рождаются внутри самого человека. Внутренние изменения притягивают новые обстоятельства и встречи, которые, как в хорошем кино или романе, порой неожиданно для самого человека, меняют сюжетную линию жизни.

«Почему художник вдруг решил подарить фотографию?.. И вроде нет в ней ничего особенного, но я сорвался с места...» — Евгений Андреевич подошёл к остановке. Сел в автобус...

— Орловка, — вместе с треском вырвалось из динамиков. Автобус остановился, с шипением и грохотом открылась «гармошка» дверей. Евгений Андреевич вышел и, сделав два шага, в нерешительности остановился: сколько раз он проезжал здесь, но никогда не замечал, что остановка расположена у самых ворот храма. Женщина, вышедшая следом, обойдя попутчика, оглянулась и приветливо, словно старому знакомому, сказала:

— Не задерживайтесь, а то на службу опоздаете.

Она поправила на голове светлую косынку, перекрестилась, поклонилась и легко вошла в уютный церковный дворик. Евгений Андреевич решил: поищет то место, откуда фотограф сделал снимок, и уйдёт. Но искать не пришлось, только он миновал ворота, как его осенила догадка: именно отсюда художник и фотографировал, но ему действительно прежде пришлось либо лечь, либо сесть на газон у забора. Евгений Андреевич посмотрел на колокольню и... узнал храм: так узнают старого приятеля, с которым долгое время не виделся и внезапно нос к носу столкнулся при самых неожиданных обстоятельствах.

Охватила оторопь. «Мне что, страшно?» — удивился чувству Евгений Андреевич. В этот момент у крыльца храма с приветливо раскрытой тяжёлой высокой дверью остановился мужчина и тоже перекрестился, по-

клонился, вошёл внутрь. Потом — юноша, ещё несколько прихожанок... «Не задерживайтесь, а то на службу опоздаете», — прозвучали в голове слова женщины из автобуса, которая, похоже, не сомневалась в том, что Евгений Андреевич приехал сюда именно для того, чтобы поучаствовать в священнодействии.

Он вошёл...

— Ты где пропал? — Татьяна с тревогой встретила мужа, вернувшегося с прогулки. Кухонная лампочка освещала только полкоридора, и входная дверь оставалась в тени. Хозяйка привычным движением перекинула через плечо полотенце, протянула руку к стене, щёлкнула выключателем, над трельяжем в коридоре загорелась «дневная» лампа. Таня взгляделась.

— Что с тобой?

— А что со мной? Вроде руки, ноги на месте, нос и глаза тоже, — Евгений демонстративно ощупал своё лицо.

— Какой-то ты странный... Ты хорошо себя чувствуешь?

— Так хорошо, как давно уже не чувствовал, — бодро ответил он.

— Правда?

— Правда, — он широко улыбнулся.

— Похоже на правду... и всё же... — Татьяна подошла к нему, взяла сумку, положила на столик трельяжа.

— Танюшастик, какая же ты у меня чуткая, — он наклонился, чтобы снять ботинки, а заодно спрятать волнение, от которого вспыхнуло лицо. — Ты не представляешь, где я сегодня был, — развязывая шнурки, он немного успокоился. Разулся, подошёл к зеркалу, достал из сумки фотографию, протянул жене.

— Вот, взгляни.

— Любопытно, — Татьяна Корнеевна посмотрела на снимок, но не взяла — руки ещё влажные. — А где твой шедевр? — вздохнула и не дождалась ответа: — Раздевайся, за столом всё расскажешь, ладно? Я приготовила твою любимую уху, выпускники твои таких славных линьков принесли, — она ушла на кухню.

Евгений Андреевич не спеша разделся, нащупал ногой тапочки — они преданно ожидали в прихожей, на коврик: где бы хозяин их ни оставил, тапки, будто сами, неизменно возвращались на место. Евгений Андреевич прошёл в ванную, умылся. Затем переоделся в трико и домашнюю рубашку. Двигался безотчётно, смотрел на привычные вещи и не замечал их, сосредоточенный на своих ощущениях пытался анализировать пока ещё неясное, до конца не осознанное чувство. Старался нащупать в нём какую-то главную точку, поймать конец невидимой нити, потянув за которую непременно

сумеет открыть какую-то неведомую дверцу. «Дёрни за верёвочку, дверь и откроется»... и ворвётся какой-то особенный свет, а вместе с ним — и ответ на мучивший вопрос: что же всё-таки сегодня произошло. Он ничуть не сомневался в том, что произошло нечто особенное, потому что чувствовал это, но что за напасть! — никак не удаётся поймать ускользающую нить. Он вновь мысленно вернулся к тому, что видел, слышал, что делал и о чём думал, пока шла служба в церкви. Помнил всё...

Пройдя притвор, остановился поодаль, справа от алтаря, пропустив вперёд завсегдатаев храма. Не зная, как себя вести, исподволь наблюдал за молящимися. «Наверное, каждый о чём-то просит... А зачем сюда пришёл я?» — и он вдруг вспомнил, как художник в своих странных размышлениях произнёс: «Просите, и отверзнется»... Евгений робко, про себя проговорил: «Дай, пожалуйста, здоровья». Но тут же возникло сомнение: «А так ли он просит?.. И кого он просит? Бога?..» Назойливые вопросы мешали сосредоточиться на чём-то главном, да и вопросы эти — вовсе не вопросы, а невысказанная обида, которая душила, мучила давно: почему он заболел, почему заболел именно он? За что ему такое наказание, и наказание ли это или случайность? И на кого, собственно, обижаться — на жизнь, на себя?

Мысленно отмахиваясь от безответной атаки, он вдруг подумал о молитве, но ни одной не знал!.. Слух уловил в монотонном пении батюшки и мелодичном сопровождении певчих понятные, часто повторяемые слова «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас... Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь». Он вслушался. Когда они повторились вновь, он, шевеля губами — иначе слова, казалось, так и норовили рассыпаться, затеряться в суматохе мыслей, — тоже повторил их. Пальцы сами собой сложились для крестного знамения, но он никогда этого не делал! Сковал стыд. Евгений лишь робко вместе со всеми кланялся, повторяя обрывки молитвы.

Вдруг все до единого, кто был в церкви, вслед за батюшкой опустили на колени и склонились головой к полу. Евгений растерялся: только, казалось, начал привыкать к обстановке, только стал что-то понимать в словах молитвы, а тут — такое! Он не смог последовать за всеми. Похолодел, побледнел, потом кровь прилила к горлу... сдавило в груди — он расстегнул куртку... в глазах потемнело, руки и ноги окаменели. «Стою, как перст»... Молящиеся поднялись... Евгений Андреевич ощутил: на глаза — с чего бы это? — навернулись слёзы... Как странно! — он их почему-то не стесняется! Словно слёзы для него — обычное дело! Словно в эти минуты и не было никого рядом: только он и огромное пространство; огромное, но не

пустое и холодное, а настолько живое и доброе, что он почувствовал себя маленьким ребёнком в тёплых объятиях мамы...

В очередной земной поклон он сел на колени, склонился... и что-то в груди отпустило, будто прошла заложенность от давнишней простуды. Ему полегчало... а слёзы текли и текли... Он поймал себя на мысли, что просит прощения. У кого? За что?.. Ни у кого конкретно, ни за что конкретно. Просто хотелось какого-то безграничного прощения за какую-то пока неясную ошибку, будто бы он кого-то обманул. Непонятная вина лежала на плечах. Но перед кем? Ведь он всегда старался быть честным! Отчего же такое странное чувство?..

Подумалось: «А с самим собой всегда был честным? Нет, обманывал себя. Многое принимал на веру, потому что так было нужно, так было удобней... потом разочаровывался. Зablуждался сам и тем обманывал других... И вроде бы правильно жил, по правде, но часто ощущал, что не удовлетворён этой правдой, а по своей эгоистической сущности переносил эту неудовлетворённость на других, на тех, кто по жизни рядом, искал причины в них, а не в себе. Не мог и не хотел прощать, а потому терял друзей, и убеждал себя, что поступает правильно...» О, как это больно осознавать!.. Больно?.. Но почему больно?.. Может, боль — благо? Она призвана пробуждать? Только ей дана сила вырвать тебя из гипноза жизненной гонки или из клещей сонного бездействия. Боль приходит и требовательно говорит: «Пора оглядеться и что-то увидеть в себе. Задуматься и понять: ты оторвался от чего-то важного в собственной жизни, может быть, от себя самого»... Да, боль останавливала, а он от неё убегал. Убегал до тех пор, пока она не загнала его в капкан, им же самим расставленный...

Вот она, болезнь...

Да, Евгением всегда двигало стремление быть первым, правым, принципиальным и... чистым. Но иногда возникало ощущение, что эта чистота не даёт искомой лёгкости душе, а наоборот, часто вызывает в ней сопротивление. Но он не обращал на это внимания, потому что хотел что-то доказать, хотел многое успеть... И доказывал, и успевал. И успех будоражил, щекотал честолюбие и гордость!.. Гордость — странное сильное чувство: с одной стороны — благородное, поскольку так проявляется самоуважение; но с другой — в нём кроется ловушка, которую не так просто разглядеть. И скрыта она в ощущении: ты прав, а значит, выше других, лучше... и от гордости до гордыни — только шаг! А он этого не замечал.

Вот она, ошибка...

Кто-то рядом полусшёпотом произнёс: «Господи, прости меня, грешного». Евгений Андреевич про себя повторил, вернее, искренне выдохнул: «Господи, прости меня, грешного». И вдруг — шок от мысли: он осознанно,

покаянно обратился к Богу: «Прости меня...» Он первый раз всей болью, каждой своей клеточкой будто к небу приник: то ли поднялся над собой, то ли это вырвалась душа. «Прости...»

Заколотил сильнейший озноб... ощущение, что попал под мощный ледяной водопад, в оглушающем потоке которого исподволь слышалось: «Восставши, будем просить у Господа милости и щедрот Его, ангела мира, добраго и полезнаго... Предадим сами себя и друг друга через Христа живому Богу»...

Закружилась голова... чтобы не потерять равновесия, он взглядом стал цепляться за яркие огоньки свечей — они сотнями крошечных солнц сияли по всему храму. Но это не помогло, огоньки, казалось, начали кружиться вокруг него. Тогда он посмотрел на икону, что ближе всех, справа. Чей лик на ней изображён? Пробежал глазами по малопонятым буквам, но в сознании проявилось «Святой Николай Чудотворец»... Чудотворец! Значит, чудеса творит, значит, они творятся... А впереди что за икона?.. «Богородица». Её взгляд полон любви и печали, мудрости и смирения... В воздухе остро проступили запахи маревого ладана и плавящегося воска — они горечью ударили в ноздри, пробились в горло, в лёгкие и изнутри разлились по крови, встревожили сердце... Подступил приступ тошноты. «Не хватало ещё тут в обморок упасть», — подумал Евгений Андреевич и вдохнул полной грудью, и ему показалось, что он, как в детстве, глотнул горячего молока с мёдом. Тепло разлилось по жилам. Ещё глоток. Ещё...

Озноб прекратился так же внезапно, как и начался. Отступил и приступ тошноты, вместе с ним ушла боль — исчезла ломота, настырно терзавшая долгое время после очередного курса химиотерапии. Что за чудо? Вот так — раз! — словно одним мановением крыла какой-то неведомой белой птицы — и всё прошло... как водой смыло... или мыслью... или молитвой?..

— Идите в мире! — громко протянул священник...

Когда Евгений Андреевич вышел из церкви, он ощутил необычайную лёгкость, словно с него шелухой осыпалась толстенная кора — она тяжёлой бронёй отгораживала его от чего-то большого и важного в этой жизни. Вновь к глазам подступили слёзы, а быть может, они и не прекращались... Светлой радостью и утешением они лились, как мольба и покаяние... Где-то он слышал или сам только что понял: «Душа плачет, когда касается чистоты».

Евгений Андреевич не спеша направился вдоль проспекта, чтобы избежать толчеи на остановках и в транспорте, чтобы не расплескать благодати, наполнившей сердце, — хотелось ею жить...

Он не заметил, как его догнала та самая женщина, что ехала с ним в автобусе и вышла у храма.

— Извините, вы могли бы проводить меня? Тут рядом, но возле нашего дома разбили последний фонарь, и мне, признаюсь, боязно, — она вновь обратилась к нему как к старому знакомому.

— Хорошо... А меня вы не боитесь? — шутливо спросил он.

— Нет, вы не похожи на разбойника, — лицо женщины светилось добротой, — скорей вы похожи на робкого новичка, а в церковь идут не со злом, а с болью, утешения ищут... И потом, вы мне почему-то кажетесь знакомым. Извините за нескромный вопрос: вы где работаете?

— В школе, учитель географии.

— И я учительница, — радостно, как ребёнок, увидевший подарок, сказала она. Он тоже оживился:

— Вот так совпадение... Меня зовут Евгений Андреевич.

— Очень приятно, Марина Александровна, — она протянула руку. Он отметил: ладошка приятно сухая и тёплая.

Они направились вдоль проспекта, какое-то время шли молча.

— А вы правы, — начал разговор Евгений Андреевич, — я в церкви новичок. Нет, конечно же, бывал раньше, но... если можно так сказать, как турист. А теперь... похоже, душа потянула.

— Поздравляю, — отозвалась она. — Вы молодец, всю службу отстояли, многие, особенно кто первый раз, не выдерживают и сбегают, как плохие ученики с урока.

— А что, все, кто приходит за утешением, находят его? — заинтересовался он.

— Находят, кто душу открывает. Прийти — это лишь первый шаг.

— А что ещё нужно?

— Душу открыть, — с мягкой простотой повторила Марина Александровна. — Вера — это тоже дар Божий, как любой талант, а талант, вы же как учитель знаете, нуждается, чтоб над ним трудились.

— А если нет такого таланта?

— Так не бывает, и это вы тоже знаете, — она улыбнулась так, словно говорила о самом очевидном. — Я бы сравнила талант человека с голосом. Он есть у каждого — у кого тихий, у кого звонкий, у каждого свой неповторимый... Может быть, он даётся, как отраженье звёзд — ярких и не очень; а коли он — отраженье, то просто обязан здесь, на земле звучать, светить, чтобы вернуться, долететь до неба.

— Интересно... и у всех долетает?

— Главное, не молчать...

— Неужели так просто — не молчать — и всё?

— Просто и непросто... Сократ говорил: «В каждом человеке — солнце, только дайте ему светить», — она сделала паузу, собираясь с мыслями, по-

том заговорила взволнованно, словно желая успеть донести что-то очень важное. — Молиться надо. А мы что делаем? Просим и просим или, чего хуже, бурчим недовольные. А вот просто взять и подарить самое обычное доброе слово забываем... А ещё благодарить надо за всё, даже боль свою благодарить и верить, что всё делается к лучшему, не зря такая поговорка живёт. И любить надо с благодарностью — это трудней всего... Мы не умеем любить, хотя все стремимся к любви. Знаете, когда стала над этим задумываться, заметила жуткую закономерность, а мне, как и вам, доводится много общаться с детьми, с их родителями. Так вот, если ребёнок или взрослый не любит себя, то он не любит вообще никого. Вообще! Понимаете? Весь мир не любит! Если ребёнок считает себя уродом, неудачником или, извините, дураком — что, согласитесь, ему внушили взрослые, — то в его представлении все вокруг дураки, и он пытается всеми правдами и неправдами вырваться из этого круга. Или, что страшно, впадает в другую крайность, начинает доказывать, что действительно дурак. Но страшней всего, если он замыкается и начинает завидовать тем, кто успешней, а потом начинает их ненавидеть, а потом и мстить... А если эти чувства копятся годами?! Жутко представить, что творится в душе такого выросшего ребёнка и как ему тяжело открыть свою душу... В Библии сказано: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя...» А как человек может «возлюбить ближнего», если себя не любит? Как он может отдать любовь, если её в нём нет?.. Ой... — Марина Александровна остановилась у девятиэтажного дома, — что-то я вас совсем заговорила, извините...

— Не извиняйтесь. Я очень рад этому разговору.

— И я рада, и... я уже пришла. Вот мой дом, — она махнула в сторону тёмного крыльца девятиэтажки. Окна в подъезде, многие из которых были разбиты, зияли чернотой.

— Совсем темно, может, вас ещё проводить? — предложил Евгений Андреевич.

— Спасибо. В родном доме не так страшно, как нынче на улице... И потом я ношу с собой помощника, без него никуда, — она достала из сумки чёрный фонарик с блестящей металлической рукояткой. — Удобная штука. Батарейки сейчас дефицит, а тут они не нужны.

Фонарик зажужжал в руках хозяйки, вырвав из темноты дорожку к подъезду и тускло осветив лицо женщины — оно было бледным, большие глаза провалились, вокруг них — глубокие тени.

— Я сыну тоже купил «жучка». А у вас есть дети, семья? — спросил Евгений Андреевич и осёкся от собственной бестактности.

Марина Александровна посмотрела на него печальным, понимающим взглядом, фонарик замолчал, она спокойно ответила:

- Была дочь... умерла, ей было двадцать два... я одна...
- Извините...

Марина Александровна кивком приняла извинение.

— Правильней сказать, я была одна, пока не пришла в церковь... Одиночество невыносимо тогда, когда сердце пусто, словно окно без света или как та горница, что полна людей, но без окон и дверей... А любовь — вы же знаете притчу Христа — это высший талант, данный земному человеку по силе его... как даётся зрение, голос и слух... Но мы порой ленивы до слепоты, до глухонемоты, и жизни может не хватить хотя бы приоткрыть талант, не говоря о том, чтобы приумножить, — Марина Александровна замолчала и вновь зажужжала фонариком, проследив за лучом, с улыбкой сказала: — Всё тихо, и луч света для тёмного царства с собой. До свидания, Евгений Андреевич.

Она шагнула в сторону подъезда, но Евгений Андреевич нерешительно произнёс:

- Марина Александровна...

Она остановилась, фонарик утих.

— Я бы хотел продолжить беседу... У меня очень много вопросов, но... Я понимаю, уже поздно...

— Да, поздно, — задумчиво согласилась она и вдруг оживилась: — А вы приходите в церковь. Скоро великий праздник Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Обязательно приходите... Да, в любой день. Знаете, мы по выходным собираемся при храме, нас несколько человек. Одному как согреться?.. Чужую боль может понять только тот, кому было больно. Я и сама много ответов ищу. Мы изучаем литературу, слава Богу, теперь можно найти духовные книги, беседуем, в общем, греемся друг возле друга. Приходите, Бог даст, поговорим, — она по-детски застенчиво склонила голову к плечу. — Что интересно, у нас почти все учителя... Спасибо, что проводили.

- Вам спасибо...

Фонарик затих в подъезде.

Похолодало. Вдоль проспектов ледяным бело-голубым светом горели высокие фонари, а во дворах — беда! — совсем темно. И если горит хоть один, выстоявший в непонятной «бойне» светильник, то это, можно сказать, праздник.

Холодный свет, холодный вечер, безлюдные улицы навеяли чувство одиночества. Но Евгений Андреевич отметил: оно его не угнетает, а напротив, несёт в себе странную свободу — да-да! — свободу. «Вокруг — целый мир! И пусть он холодный и неустроенный, но это — мой мир. Огромный и мудрый, он знает обо мне всё и принимает меня таким, какой я есть. Зна-

чит, и мне важно принять его таким, какой он есть. И себя самого — тоже... И это приятие даст силы».

Евгений Андреевич вспомнил ворона на липе, потом другую птицу, что видел сегодня, когда ехал в автобусе. Она летела высоко, и он не смог разглядеть, что за птица, но почему-то подумал, что это, может быть, тот самый ворон, сорвавшийся с липы. Птица летела высоко, уверенно стремилась в полёт, но вдруг навстречу — сильнейший порыв ветра. Казалось, он собьёт её с пути: крылья птицы так слабы, она не сможет противостоять стихии и неизбежно упадёт. И что же она сделала? Распластала крылья и, словно доверилась ветру, легла на поток. Он понёс её в сторону, немного назад, но в какой-то момент она, уловив невидимую опору, оттолкнулась и взмыла вверх!.. И оказалась выше потока. Отдохнула в коротком парении, спланировала и дальше — в полёт.

Вот так и надо — выше — над страхом... над болью...

— Черепов, ты куда пропал? — звонко крикнула из кухни жена в шутку, как в школе, обратившись к нему по фамилии, чем и вернула Евгения к реальности. «Похоже, она себя хорошо чувствует», — решил он, и в сердце радостно затрепетали крылышки стрекозы. Когда Татьяне позволяет здоровье, когда дома появляются деньги, она радуется возможности побаловать мужа и сына чем-нибудь вкусеньким.

Он тихо вошёл на кухню.

— Танюша...

— Ой, — вздрогнула она, — не слышала твоих шагов, — выключила газ под кастрюлькой. — Садись, сейчас накрою.

Он притулился у дверного косяка, озабоченно спросил:

— А где Виктор? Уже поздно.

— Сказал, будет в школе, в спортзале, — жена суетилась, убирала со стола лишнюю посуду, оставшуюся после приготовления еды.

— Что-то он зачастил в школу, допоздна пропадает...

— В волейбол играет, говорит, прыжки помогают стать выше ростом, уж очень ему хочется подрасти... — Таня улыбнулась. — Ты же знаешь, мэр обязал все школы города каждый вечер собирать детей и подростков на досуговых площадках, чтобы детвора по улицам не шаталась. Хорошая идея, но нагрузка для учителей!.. Детей же занять надо...

— Лучше бы зарплату родителям платили, а не спасали детей от безделья и голода досугом, — пробурчал Евгений Андреевич.

— Согласна, — вздохнула Татьяна. — Жуткие времена... Сегодня девочка из седьмого «Б» на физкультуре в голодный обморок упала. Страшно...

— Не понимаю, что творят со страной?.. Свободный рынок! Свободные бандиты со свободной совестью! — жёстко заговорил Евгений. — Суверенитеты... Что это за свобода такая и с чем её едят?.. Спроси сейчас любого здравомыслящего, куда мы движемся, куда идём... Понятно одно: кому-то в мутной воде легче рыбку жирную ловить...

— В нашей странной России можно делать всё что угодно, — тихо встала Татьяна Корнеевна, — давно классик сказал.

— Да... Люди не меняются, хоть сто, хоть тыщу лет назад — всё то же... А мы, вот мы с тобой, что конкретно можем сделать? Только одно — отдать детям лучшее, что в наших силах. Это наша святая обязанность... — Евгений начал беспокойно жестикулировать, он то порывисто ступал, будто меряя короткими шагами расстояние от двери к столу и обратно, то замирал на месте, переводя дух. — Детей не развлекать надо, а увлекать, вести... а куда, если сами слепы?.. Учитель идёт на урок, а сам думает, чем своих собственных накормить... Голодные обмороки... война, что ли?.. у кого за капитал, у кого за выживание война... Народ, как на фронт, уходит в продавцы... Свободный рынок... Разве у Натальи Николаевны призвание такое — в квартире цыплят выращивать?! Разве у Ильи призвание такое — превращать больницу в приют для голодающих?! Ты представляешь, он мне сказал, что люди просятся в больницу не на лечение, а чтобы с голоду не умереть, и врачи, понимая это, направляют... А для больных шприцов и лекарств нет... А на заводе — гордость страны! — вешаются от безысходности... Свободный рынок!.. Какой тут досуг?! Досуг тогда, когда сыт...

— Прости... не заводись, — Татьяна не хотела, чтобы муж разнервничался, слишком зыбко затишь болезни. — Хочется верить, что всё ещё наладится...

— Верить... — задумчиво сказал он и вновь устало оперся на косяк.

— Тебе в какую тарелку налить? — Таня потянулась к сушилке с посудой, но Евгений остановил её, подошёл, приобнял за плечи и тихо сказал:

— Родная, прости, я не буду ужинать.

— Почему? — встревожилась жена. — Ты так долго гулял... Уха получилась наваристая, и я тебя ждала, не ела.

— Спасибо, ты без меня покушай, может, Витёк скоро придёт... Не беспокойся, Танюш, надьшался, нагулялся, вот и разморило.

Но она мягко настаивала:

— Ты же хотел о чём-то рассказать? Где та фотография? Садись за стол.

— Потом.

— Ладно, тогда я постелю тебе, — за время тяжёлых периодов лечения мужа Татьяна Корнеевна научилась принимать любое его настроение, но Евгений остановил её, когда она направилась из кухни.

- Не надо, сам постелю, я правда хорошо себя чувствую... Скажи, где у нас Библия?
- В нашей комнате, на полке, возле учебников. Найти?
- Я сам...

...Евгений стоит посреди огромного зала, но не ощущает под ногами опоры. Глянул вниз — пола нет. Как он тогда стоит? Под ним пропасть? Он застыл в воздухе. Кругом множество ярких свечных огней, и каждый огонёк что-то шепчет, навеивает. Но что? Евгений напряг слух... Тихие-тихие голоса: «Приостановись... твой бег — в никуда... твой бег — суета... услышь сердцем Того, кто есть Жизнь... твои скорби — суть особого промысления о тебе... они — для вразумления... они — для большей славы...» Вдруг Евгений сорвался с места — его толкнула и понесла неведомая сила: замелькали жгучими змейками, закружились огоньки и через мгновение разом потухли, исчезли, как и не было; а он стремительно полетел вниз, так стремительно, что зазвенело в ушах. Перед глазами — темнота, в сердце — ощущение неизбежной гибели, паника. Кромешная тьма с каждой секундой сильнее и сильнее его в себя всасывает. Перехватило дыхание. Евгений отчаянно начал махать руками и ногами, чтобы хоть как-то противостоять этой силе, остановиться, попытаться найти опору и подняться вверх, вырваться из тьмы, вернуться туда, где были огни... «Я не должен упасть! — подумал он. — У меня есть силы!» Но темнота, поглощая и пронизывая холодом, будто смеялась над ним... Вдруг промелькнула мысль: «Это сон!» И тогда он себе приказал: «Проснись! Это сон!!!» Ухватился за мысль, как за спасительную соломинку. Замер... Но ничего вокруг не изменилось, он вновь с чудовищным ускорением полетел в пропасть. Тут сердце возопило: «Господи, дай хоть маленькую опору! Господи, мне бы только оттолкнуться...» Под ногами появилась твердь. Обессиленный, он упал на колени и, жадно глотая воздух, закричал: «Господи, зову, скорей приди! Услышь мой голос, когда к Тебе зываю...»

- Женя, Женя, что с тобой? — Татьяна Корнеевна трясла мужа за плечи. Евгений Андреевич открыл глаза. Он сидел на полу на коленях, рядом с ним, тоже на коленях — плачущая Татьяна.

Постель так и осталась неразобранной, на краю лежала Библия.

- А что со мной? — его вопрос прозвучал как ответ, мол, всё нормально, ничего особенного, и утверждение это было не столько для жены, сколько для самого себя. Он выдохнул: — Похоже, Богу молюсь.

— Похоже, — увидев осмысленный взгляд и услышав спокойный голос мужа, облегчённо сказала Татьяна. — Напугал меня. Я думала, ты лёг спать, а ты стоишь на коленях, чуть ли не кричишь и крестишься.

— Крещусь, — не то удивился, не то констатировал он. — Я вроде просто читал и... увидел...

— Сон? — она, не вставая, придвинулась к мужу.

Евгений Андреевич посмотрел в окно, вернее, куда-то вдаль, в потемневшее небо и отрешённо заговорил:

— Трудно сказать: сон — не сон, слишком уж явно всё, так реально... Сначала тоже подумалось, что сон, но знаешь, я всё осознавал, чувствовал... Необычно остро чувствовал и думал... и даже не думал, а физически ощущал мысли... Нет, это не сон, а... видение... может, прозрение...

Он глянул на жену, поймал её недоумённый взгляд и ласково улыбнулся:

— Ты только не бойся, я не сошёл с ума, не знаю, как это объяснить... Таня, я кое о чём догадался... Слушай и не перебивай, пожалуйста, и ничему не удивляйся. Ладно?

— Ладно.

— Мы много с тобой об этом говорили, читали, и ты, я знаю, тоже об этом думаешь... и ты ищешь ответы, как и я... Таня...

Взгляд его вновь стал рассеянным, Татьяне казалось, муж смотрел на всё как бы сквозь. Он вновь отвернулся к окну и заговорил так, будто черпал слова из таинственной ночной глубины.

— Христос говорил: «Царство Божие внутрь вас есть». И ведь никто этого не отрицает, все утверждают: «Бог — в душе»... и он, мне кажется, везде... А вот ад мы сами себе устраиваем, когда вольно или невольно ставим во главу угла своё «я», свою самость, и оцениваем окружающих и обстоятельства только этой меркой... Не зря говорят: «каждый меряет по себе». Помнишь, «Человек — это звучит гордо»? На этом нас воспитывали, тем самым возвращали в нас гордыню, творя нас кумирами самим себе. А потом и мы на этих «идеалах гуманизма» воспитывали наших учеников, строили свои отношения с ними. Так же строили их и с коллегами, и с друзьями, по капле гордо выдавливая из себя раба... Ну вот: за что боролись, на то и напоролись. Каждый сам себе и бог, и царь, и кумир. И каждый уверен, что он-то знает, как правильно надо жить, и всех инакомыслящих считает своими врагами, а в итоге остаётся в гордом одиночестве, обиженный на всех и вся, — его не поняли! Вот и я обижался, до боли носил в себе обиду, лелеял её: ещё бы, ведь я особенный, поэтому меня не понимают... Прости меня. Что греха таить? — мне хотелось, чтобы окружающие не просто уважали, любили меня, но и ценили моё «я», и даже подчинялись ему. Но и другие — так же — каждый искал своё, каждый самоутверждался и во мне и в других, каждый, как и я сам, хотел своё «я» поставить в центр Вселенной... А всего-то надо стремиться к единению, изживать и выдавливать из себя гордыню, рабами которой мы стали. Но это, оказывается, труднее

всего. Поэтому, наверное, гордыня изживается только болью или... безвременной смертью. Классика жанра... «довольно людей кормили сладостями, у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины». Знаешь, сегодня удивительный день, я счастлив, что до него дожил...

Он первый раз за весь свой монолог заглянул в глаза любимой: в них — внимательных, широко открытых — блеснули слёзы. Он высвободил руку из её ладоней и нежно коснулся её щеки:

— Прости, напугал тебя, но я ещё сам до конца не осознал... Мне сегодня был знак... — он обхватил прохладные ладони жены, поцеловал и, будто согревая, прижал к себе. Покачал головой, словно сам с собой соглашаясь, продолжил: — Господь прощает грехи наши... нужно только смирение, покаяние и... православие... Другого пути у нас нет.

Они обнялись. Татьяна Корнеевна тихо спросила:

— Ты хочешь сказать, «болезнь указана, а как её излечить — это уж Бог знает».

— Да, родная... классика... Смысл жизни — в спасении души... помнишь? — у Серафима Саровского: «В стяжении Святого Духа»...

ОКНО

*Заскрипят полозья деревянные,
Выбегу навстречу, наконец,
И краюху хлеба долгожданную
Топором отрубит мне отец.
И на ней, попыхивая искрами,
Оживут снежинки под луной.
Радость детства, чистую и близкую,
Я увижу в отчее окно...*

Иеромонах Роман

Витя стоял в подъезде у окна последнего этажа, плотно прижавшись к стене, так, чтобы никто его не видел с улицы, но чтобы сам он мог наблюдать происходящее: мама обошла закоулки двора, заглянула в беседки детского сада, приютившегося в кольце длинных пятиэтажек и, выбившись из сил, удручённо села на скамейку у того подъезда, где и затаился беглец. Наклонилась вперёд. Крепко обхватила голову.

«У неё снова болит голова», — Витя знал, как порой тяжело мама переносит непредсказуемые приступы мигрени. Вот и сейчас, как обычно «баюкая боль», она слегка раскачивается из стороны в сторону. Он всмотрелся: плечи её подрагивают. Понял: плачет. Ему вдруг стало нестерпимо жаль её. Какое-то странное чувство зашевелилось в груди, будто глубоко под рёбрами надрывалась, трескалась невидимая ткань. Как-то мама сказала, что у неё в груди что-то жжёт, и отец тогда велел: «Не расстраивай мать, у неё больное сердце». Да, наверное, именно так по-настоящему и болит сердце — жгуче; иногда оно просто больно бьётся, но когда рвётся — жжёт.

«А если у меня совсем порвётся? Возьмёт и лопнет... и я умру», — он отвернулся от окна, представил, как лежит дома в гробу, а вокруг стоят родственники: обе бабушки, тётушки с мужьями, дядя с женой. Стоят и школьные учителя, и пацаны со двора, и одноклассники. У всех заплаканные лица. Они жалеют, что не уберегли его. Даже собака печально лежит в углу и тоже плачет, скулит...

Позапрошлой зимой, среди буднего дня, в подъезде раздался громкий визгливый скулёж. Витя и мама открыли дверь: на лестничной площадке — щенок, он крутился у ног соседской девочки, она уговаривала свою маму взять его домой, но та резонно заметила: «Куда нам вторую собаку?»

Витя вышел из квартиры, присел на корточки, протянул руку и посвистом подозвал щенка. Тот смешно завилал хвостом и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, подполз на полусогнутых лапках, уткнулся мокрым носом в Витины пальцы, понюхал.

— Наверно, ку-ушать хочет, — жалобно протянул мальчик и оглянулся: мама стояла, прижавшись к косяку. — Ма-ам, давай себе заберём?

— А вдруг он чей-то? — с сомнением сказала мать и с какой-то затаённой надеждой посмотрела на женщину, но соседка промолчала. Тогда она растерянно предложила: — Давай-ка мы ему пока молока дадим, — ушла на кухню.

Соседка потянула дочь за руку, увела домой. Витя остался на площадке, осторожно погладил лохматого гостя, щенок заполз мальчику под колени и уткнулся носом в тапочки.

— На, поешь, — вернувшись, обратилась Татьяна Корнеевна к собаке и, не выходя за порог, поставила в угол площадки мисочку с молоком и кусочками булки. — Может, за тобой кто-то придёт.

Витя пододвинул щенка к миске, тот, унюхав лакомство, громко зачавкал, съел всё в один присест.

— Проголода-ался, ма-аленький, — Витя вновь его погладил. — Вот видишь, мам, ты хотела выбросить мою старую миску, а она ему ещё пригодится.

— Давай всё-таки не будем торопиться. Представь, если он уже чей-то, а мы возьмём? Ну а если он бездомный... придёт папа, тогда и решим, что делать.

— Ладно... посиди пока тут, — сказал Витя щенку, поднялся и, не сводя с него глаз, вновь обратился к маме: — А может, мы ему какую-нибудь тряпочку постелем?

— Я думаю, не стоит... — неуверенно прозвучал её голос, — здесь тепло...

Витя нехотя вошёл в квартиру и закрыл дверь. Потянулись долгие часы ожидания папиного возвращения с работы. Витя чутко прислушивался

к звукам в подъезде. Сначала было тихо: «Может, уснул... только бы никто его не забрал...» Спустя какое-то время щенок вновь начал поскуливать. Витя несколько раз выглядывал на площадку, разговаривал с ним, подливал в миску молока. Мама мужественно молчала. Он ждал. Наконец-то в прихожей раздались два коротких звонка — пришёл папа.

— Что за новый половичок у нас под дверью? — отец не зашёл в квартиру.

— Какой половичок? — не понял Витя и вышел на площадку.

— Живой, — весело ответил папа, — вон как растянулся.

— Весь день тут, — пояснила мама, подойдя к открытой двери. — Витя его тюрей накормил, хочет домой взять.

Сын вновь склонился к щенку, теребил его за ухом.

— А что? Раз уж сам к нам пришёл, возьмём, — добродушно сказал отец.

Но мама вдруг возразила:

— А кто за ним будет ухаживать? Мне некогда. Ты, — сказала мужу, — целыми днями на работе. На Витю надежды мало, — скрестив руки на груди, она строго глянула на сына, прислонилась плечом к косяку, будто загораживая всем дорогу. — А щенок — тот же ребёнок... ещё гадить начнёт. Вон уже лужа на площадке. Нет, пожалуй, не возьмём.

Витя никак не ожидал такого поворота.

— Ты же говорила, если папа разрешит... — он готов был расплакаться.

— Ничего я такого не говорила, — она развела в стороны руки, — я сказала, решим вместе... Тебе, — указала раскрытой ладонью на щенка, — игрушка, а мне забота, — она глубоко вздохнула, загибая пальцы, перечислила: — И кормить, и гулять, и купать... Кстати, — спохватилась, ушла, вернулась с тряпкой в руках: — На вот, — протянула её Вите, — ты накормил, напоил его, теперь подотри за ним, а то что соседи скажут?..

Витя бросил тряпку на лужицу, наступил сверху, протёр.

— Брезгуешь руками взять? — спросила мама.

Витя не ответил, лишь усердно двигал ногой, и мама с укором сказала:

— А он, пока маленький, пока не научится гулять, будет ещё и катать на пол...

Евгений Андреевич молча наблюдал воспитательный момент. Сын, поджав губы, нехотя взял тряпку и, скривив рожицу, смиренно спросил:

— Куда её?

— Выбрось в ведро, — спокойно ответила мама, — уж с чем с чем, а с тряпками проблем нет...

Витя вошёл в квартиру. На кухне стукнула дверка тумбочки под раковиной. Пока сына не было, Татьяна Корнеевна выразительно глянула на мужа, мол, что будем делать. Евгений Андреевич озорно пожал плечами и шепнул:

— Пока не знаю...

Сын вернулся и робко потянул отца за рукав:

— Если буду гулять с ним... убирать... научусь его купать... возьмём, а?..

Отец вздыхательно:

— Обещаешь, что каждый день рано утром будешь просыпаться и выгуливать его, терпеливо учить вести себя прилично?..

— Обещаю, — с готовностью согласился Витя. Лицо мальчика просияло надеждой.

Евгений Андреевич оглянулся на щенка, посмотрел на сына, на жену:

— Танюш, посмотри, какой он хороший. Похоже, помесь дворняги с лайкой, умный должен быть. Ишь, притих, слушает, будто понимает, что судьба его сейчас решается... И Вите друг будет, а то скучно одному дома. А?.. Глядишь, он ещё нашего сына чему доброму научит.

Витя слушал отца с замиранием сердца, и папа, присев на корточки, погладив щенка, строго спросил:

— Виктор, даёшь честное-пречестное слово, что будешь ухаживать за новым другом?

— Да! — обрадованно воскликнул Витя. — Даю честное-пречестное-пречестное! — он уже готов был броситься к щенку и схватить его на руки, как мама вновь — строго:

— Ну, если только вы оба даёте слово...

Отец и сын переглянулись и для убедительности решительно кивнули, твёрдо сказали в один голос:

— Даём!

— Что ж, проходи, Дружок, в дом, — сказала хозяйка.

— Ну вот, и имя тебе сразу нашлось, — папа поднял щенка, почесал ему животик и вдруг серьёзно произнёс: — Нет... пожалуй, другом он нашему сыну не станет.

— Почему?.. — оборвалось сердце Вити.

— Он что, болен? — робко спросила мама.

Папа помолчал, опустил щенка обратно на пол, задумчиво покачал головой:

— Не получится из него друга... Получится подруга.

Мама засмеялась, наклонилась, прижав ладони к коленям, чтобы лучше рассмотреть собаку. Витя не сразу понял, в чём дело, а когда сообразил, радостно воскликнул:

— Это девочка?!

— Угу, — кивнул папа.

— Значит, будет Друза, — нашлась мама и сказала сыну: — Зови в дом свою подругу. Пусть сама попробует порог переступить, подтолкни ак-

куратно. Тебе ещё придётся её учить по лесенкам ходить... И как она тут оказалась?..

— Так же, как и я, — серьёзно сказал Витя и присел на корточки, — кто-то её бросил...

Татьяна Корнеевна вздрогнула. Конечно, Витя прекрасно знал, что его взяли из детдома, но в семье старались об этом не говорить. Лишь иногда, ещё в первые годы, когда она с сыном приходила в поликлинику, врачи, не заглядывая в медицинскую карту, спрашивали:

— Чем болел в раннем детстве? Нормально ли протекала беременность? Сколько времени кормили грудью?..

Татьяна Корнеевна поначалу терялась, просила Витю выйти за дверь. Но однажды — ему было лет семь — он грубо буркнул врачу:

— Она меня не рожала, понятно?.. Но она моя мама! Моя! — отчаянно выкрикнул он.

Сейчас, после замечания Вити, сердце матери заныло. «Неужели обида так глубоко сидит в его душе, что даже в такой радостный момент боль даёт о себе знать?» — Татьяна Корнеевна внимательно посмотрела на Витю, но он уже был поглощён тем, что помогал щенку перелезть через порог...

Витя старался держать данное честное слово, правда, не всегда это получалось, особенно по утрам, когда надо было Друзу выводить на улицу. Но папа строго напоминал о честном слове, а когда Вите совсем бывало лень, удручённо говорил: «Придётся отдать её какому-нибудь охотнику, пока она не успела к нам привязаться. Она хоть и дворняга, а умная... серьёзный человек сможет её многому научить». Тогда Витя преодолевал свою лень. Но — странное дело! — со временем собака почему-то больше полюбила папу. «Наверно, потому, — размышлял мальчик, — что папа каждый вечер берёт Друзу с собой на прогулки в парк, иногда в походы со своими учениками, а ей там веселей и интересней, чем просто бегать со мной во дворе...»

Друза быстро привыкла к требованию хозяев спать у порога, мама и Витя сшили для неё коврик из старых лоскутов. Она легко запомнила слово «место» и послушно выполняла команду, хоть и не всегда ей хотелось уходить из комнаты в свой уголок. Даже членов семьи собака быстро запомнила по их обращениям друг к другу. Стоит её спросить: «Где папа?» — она мечется, ищет его по квартире, и если не находит, подбегает к входной двери и начинает поскуливать. А если спросить о маме — бежит искать её на кухню. Зато играть, особенно с тряпкой или теннисным мячиком, — всегда к Вите.

Однажды Витя и папа решили подразнить её, стали нарочно громко ругаться. Друза — громче них — принялась лаять и метаться от одного к другому, то ли хотела примирить, то ли ругала обоих. Вите и папе поведение собаки показалось забавным, и они вошли в роль: начали кричать, а Витя ещё и за-

рычал. Тогда Друза неожиданно подпрыгнула и цапнула его в плечо — не сильно, для острастки только, видать, решила, что рычать дозволено лишь ей. А папа, испугавшись за сына, не на шутку рассердился: «Бессовестная, как ты посмела?! Плохая псина!» Тогда она и его укусила за ногу — то ли Витю защищала, то ли себя. А чтобы ей не влетело, тут же скрылась с глаз долой, но не на место, а быстро залезла под сервант. Витя и папа поняли: собаку лучше не дразнить, она шуток не понимает... Зато на маму Друза никогда не лает, потому что знает: лучше мамы никто не сварит ей овсянку с мясными косточками. Мама об этом собачьем уважении всегда весело говорит: «Она со мной по-женски солидарна, как самая преданная подруга».

...Теперь Витя, прячась в чужом подъезде, ярко рисует в воображении, как он лежит в гробу, а Друза жалобно скулит... Но больше всех о случившемся жалеет папа. Ещё бы! Он же сам выгнал сына из дома, и ничего уже не уладить. Сам же говорил, не всякую ошибку исправишь, жизнь — не школьная тетрадь, хотя чем-то с ней и схожа: пиши, что хочешь; но если из тетрадки можно вырвать лист и забыть, то из жизни ни одного дня не выкинешь... Вот и мама сидит у гроба и безутешно плачет...

«А если я взаправду умру, то и мама умрёт. Сразу умрёт, потому что у неё точно лопнет сердце. И папа останется один... И пусть!.. Пусть ему будет ещё хуже!.. А если мама умрёт из-за меня, значит, она меня любит больше, чем папу», — Витя вновь приблизился к стеклу: на улице заметно стемнело. Мама по-прежнему на скамейке. Мальчик почувствовал, как невидимые тиски сдавили горло, и тут же слёзы обожгли глаза. Захотелось открыть окно и крикнуть: «Мама, я здесь!» Но не открыл, не крикнул — стыдно. Жаркая волна обожгла горло, затем шевельнулась в животе и спустилась в ноги. Следом за ней тело охватил озноб: прилечь бы, свернуться калачиком, крепко закрыть глаза и ничего больше не видеть и не слышать. Он устал. Весь день мотался по городу, бродил в парке и, пока светило солнце, ему не было так зябко и грустно, казалось, что даже яркая опавшая листва, напитавшись ласковыми лучами, отдавала земле и воздуху светлое тепло, которое будет длиться долго-долго.

Витя упёрся ладонями в подоконник и крепко зажмурил глаза, надеясь: откроет — и картинка за окном изменится. Ему очень хотелось, чтобы выбежал на улицу испуганный его пропажей папа. Но ничего не изменилось: он видит маму, она его нет. Он видит так, будто что-то воруется... хотя... Когда украл из кухонного стола бутылку водки — родителям зарплату выдали ящиком спиртного, — тогда щипало другое чувство: да, он знал, что поступает плохо, и дыхание сбивалось от страха, и волнение колотило; но подстёгивали азарт, неуёмная бравада... И не было, как

сейчас, никаких сомнений, не было этой непонятной тоски... Нет, он не может ни закричать, ни выбежать к маме: ему и стыдно, и обидно, и трудно сказать, чего больше.

«Пусть она немного успокоится. У меня уже не жжёт, и у неё скоро пройдёт, а если она на самом деле меня любит, пусть сейчас же посмотрит наверх и увидит меня сама. Сама!» — Витя ещё чуть подался вперёд, коснулся лбом холодного стекла. Замер: «А вдруг не посмотрит? Значит, не любит?.. Ведь папу не остановила?.. Или не успела?..» Он еле слышно зашептал, как заклинание:

— Мам, посмотри... Мам, посмотри...

Татьяна Корнеевна сидела неподвижно, скованная отчаяньем. Но вот она осторожно, еле шевелясь, подняла голову — каждое движение причиняло боль, и, чтобы как-то её успокоить, она медленно опустила руки, упёрлась ладонями в скамейку, подняла плечи и осторожно, словно в колыбель, уложила затылок. Стало легче, и сердце вроде задышало. Теперь она из-под устало прикрытых век смотрела на всё как бы свысока. «Куда идти? Где искать сына? Что делать?» Ответы не приходили. «Почему Женя был так груб? А ещё педагог! А Витя? — ещё ребёнок, двенадцать всего. Да, не маленький уже, многое понимает, потому и обиделся. Ещё бы!.. Потому и убежал... Конечно, надо было отругать. Конечно, надо было наказать. Но не так. Не так!.. Всех обзвонили — нигде нет! Целый день прошёл... что ещё натворит?..» Её посиневшие губы беззвучно зашевелились: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»

Татьяна Корнеевна посмотрела на серый холодный асфальт, на облеветшие чёрные кусты шиповника у забора детского сада, на тёмно-серые тополя и вязы, оттеняемые сине-серым небом. Вот и дом соседний — серый, растянулся, как большой многоэтажный вагон с разноцветными тусклыми окнами: тут — зеленовато-серое, зашторенное; тут — нервно пульсирует голубовато-серое — включён телевизор; а тут, в подъезде — чёрное, как дыра... Тревожный взгляд, утопая в глубокой темноте, пополз по окнам подъезда выше... выше... «Надо же, — подумала она, — ни одной лампочки с первого по пятый...»

Витя вздрогнул, отпрянул от окна, резко присел на корточки и не удержался, упал. Тут же привстал и снова сел, спиной упёршись в стену. Сердце заколошматило так, что, казалось, ещё чуть-чуть — и выскочит изо рта. «Она посмотрела! Значит, любит!.. крикнуть, что я здесь?.. она не будет ругать, и мы пойдём домой... нет! — там отец... лучше умереть...

а если уснуть и не проснуться? уснуть и не проснуться... уснуть». Страшная мысль, монотонно раскачиваясь, перестала пугать мальчика. Сердце его не выскочило — застучало медленней, ровней. Сладкая зевота растянула рот.

Сидя на лестничной площадке, Витя повернул голову и теперь уже снизу посмотрел в окно. На фиолетовом небе проступили крошечные звёзды. Отец объяснял, как находить Большую Медведицу, говорил, что сейчас её можно увидеть даже из кухонного окна, но скоро, ближе к зиме, сюда подтянется Орион и будет ночами гулять по небу, размахивать своей тяжёлой палицей, пугать зверей. Большая Медведица отбежит в сторону, вместе с ней и Малая, но её главную звезду — Полярную — всегда можно легко найти: она ярко горит на «ручке ковшика», а прямо под ней — Северный полюс. Настоящие путешественники всегда ориентируются по небу: днём — по солнцу, ночью — по звёздам. Полярная крепко связывает небесных медведиц, будто Большая, как заботливая мама, тянет к себе за лапку Малую, а та капризничает, мол, никуда с Севера не пойду...

«А из этого окна какие звёзды видно? Вон три маленькие рядышком, как по линейке, может, это пояс Ориона?..» Как-то папа достал настоящий телескоп и ночью показал Вите звёзды. И в Орионе Витя своими глазами видел завихрения красивых облаков, папа сказал, что это светятся газ и пыль — так рождаются новые звёзды. Ещё в Орионе есть две выдающиеся звезды: одна — на его плече, другая — на ноге. Витя видел их в телескоп, правда, названия забыл, а папа тогда очень его удивил, сказав: «Эти звёзды во много раз больше нашего солнца, но они так далеко от нас, что не греют»... А мама рассказывала, что даже в библейской книге Иова упоминаются три звезды пояса Ориона, как три волхва, которые пришли к Иисусу, когда тот ещё только родился.

«Если виден Орион, значит, зима не за горами... холодно...» — Витя отвернулся от окна, переместился в угол, поближе к батарее, но она — ледяная. Он поднял капюшон куртки — её сшила мама, к осени торопилась; застегнул до конца молнию и сел прямо на пол, прижал ноги к животу — в нём урчало от голода. Мальчик обхватил колени, втиснул руки в рукава. Вспомнилось, отец рассказывал о полярниках, об их опасной профессии, о том, как человек умирает, если сильно замёрзнет: просто жутко хочется спать, и тогда можно уйти в смерть как в сон.

«Уснуть и не проснуться... Наверное, именно так и умер капитан Татаринов из «Двух капитанов»... И где только мама раздобыла эту книгу-дефицит?.. Жаль, сейчас не почитать», — Витя съёжился, подтянув колени к самому лбу, закрыл глаза.

К скамейке подошёл Евгений Андреевич, у его ног крутилась Друза, радостно поскуливала, глядя то на хозяина, то на хозяйку, но ни тот, ни другой её не замечали. Собака обнюхала землю вокруг ног хозяев, нашла уютное место под скамейкой и улеглась, ожидая продолжения прогулки. Евгений Андреевич присел рядом с женой:

— Танюш, ну что толку от твоих хождений? Идём домой, ты замёрзла, — он обнял её хрупкие плечи и заглянул в глаза — они, большие и глубокие, обычно ясно-синие, теперь потускнели, испещрённые мельчайшими кровавыми прожилками.

Родной голос вернул Татьяну к действительности. Она немного отстранилась и посмотрела на мужа так, словно они не виделись не полчаса, а полгода. Его светло-карие глаза как-то по-особенному выделялись на бледном лице, блестели от сдерживаемых слёз. Седая, совсем белая аккуратная борода, охватывающая и скулы и виски, подрагивала, будто он быстро-быстро прищёптывал какие-то слова.

— Ты сам дрожишь, — тихо, с упрёком сказала она и высвободилась из объятий.

— Таня... — потянулся он к жене.

— Не пойму, как ты мог? — её плечи нервно дёрнулись.

— Прости.

— Я-то прощу, а Витя?.. Да, он виноват. Но пойми, он — ре-бё-нок, — сказала она так, как говорят о маленьком, незащищённом существе. — А ты?..

Муж не ответил. Она добавила:

— А ты — мужчина. Отец! Взрослый человек... Как можно?..

— Да он же был пьян! — протест и отчаянье зазвучали в громком шёпоте. Евгений Андреевич огляделся: как бы кто посторонний не услышал. Настойчивей обнял жену. — Пойдём домой. Он вернётся, не первый раз уже. Всё обойдётся, Таня.

— Не пья-ан, — не слыша призыва мужа, с досадой протянула она. — Ну, хлебнул... А кто из мальчишек не пробовал этот запретный плод? Тем более он оказался так доступен, сами виноваты...

— Не оправдывай его.

— Я не оправдываю... но думаю, это какое-то недоразумение.

— Недоразумение?! — Евгению Андреевичу хотелось встряхнуть жену за плечи, но он понимал, какую боль она терпит. Видя её слёзы, всегда терялся, ощущая какую-то вселенскую, сосущую душу пустоту, непонятное бессилие при готовности сделать всё, что угодно, лишь бы любимая не плакала. Он встал. Из-под скамейки выскочила Друза, радостно завиляла хвостом, но хозяин, словно не зная, куда идти, развернулся и резко присел на корточки. Собака села рядом. Евгений Андреевич обхватил холодные ладони жены:

— Таня, вот придёшь в школу и поймёшь, каково мне было. Знаешь, я готов был провалиться на месте, когда вахтёрша выговаривала: «Ваш Витя принёс водку. Ваш Витя напоил мальчишек. Ваш Витя!..»

— И поэтому ты его назвал ублюдком? — перебила мужа Татьяна. — Поэтому дал пощёчину и выставил за дверь?.. Потому что он не твой, не наш!..

Собака, заслышав непривычные нотки в голосе хозяйки, наклонила голову набок, вскинула одно ухо: к кому та столь строга? Друза осторожно тявкнула и пару раз причмокнула, будто пытаюсь что-то сказать, напряжённо присела, готовая в любой момент сорваться с места.

— Молчи, — резко отреагировал Евгений Андреевич и, спохватившись, пояснил: — Это я не тебе, Танюша, Друзе, — он настойчивей погладил руки жены и оглянулся на собаку. — Надо было тебя дома оставить... Лежать, рыжая морда.

Собака послушалась, положила нос на передние лапы и тоскливо глянула на хозяйку. Татьяна Корнеевна глубоко, прерывисто вздохнула. Она понимала нелепость ситуации: ни Женя, ни Витя, по сути, ни в чём не виноваты. Трудно в этой жизни, проходя испытания, разочарования, отдавать только любовь; трудно любить хоть и желанного, но чужого ребёнка. И только мудрость помогает смириться... — нет! — не со смирением-умиранием опустить, как от безысходности, руки, а со смирением — с миром в душе принять невзгоды и жить! Жить, не ожидая благодарности за то, что отдано, тем более, не ожидая её от ребёнка, которого растишь. Ребёнок — другая самостоятельная душа, и задача родителей — воспитывая, питая её, поддержать в восхождении, чтобы потом и она могла подарить себя миру. Не это ли благодать и благодарение, что дают основание радоваться жизни? Но радости, как мудрости, не всегда и взрослому-то достаёт, а уж подростку...

— Таня, не молчи, пожалуйста, когда ты молчишь, мне очень тяжело, — он крепче сжал её пальцы.

— Скажи, — отозвалась она, — ты поступил бы так с родным? А с учеником своим? — в её голосе звучало больше сожаления, чем упрёка. — Ты же знаешь, бьют от бессилия и страха, а в любви страха нет.

— Да, да, прости, — он прижал её руки к губам, нежно поцеловал и отпустил, — прости меня, родная. Каюсь. Надо было дать ему выспаться, надо было потом поговорить, потом выяснить...

— Где он теперь?

— Я позвонил в милицию, к счастью, там оказался Слава, он вернулся насовсем.

— Слава Богу, — выдохнула Таня, и в первый раз за весь разговор её лицо тронула улыбка.

— Да, слава Богу, отвоевал... Ты же знаешь, он не подведёт. Найдут, Таня... Чует моё сердце, прячется он где-то неподалёку. Идём, родная, лучше быть дома у телефона, вдруг позвонят.

— Эх, Женька. Вот тут тебе в логике не откажешь. Помоги...

Евгений Андреевич, кряхтя, поднялся с корточек и помог встать жене. Друза вскочила, радостно завиляла лохматым крючковатым хвостом. Хозяева направились к своей пятиэтажке. Собака несколько раз возвращалась к скамейке, что-то вынюхивала у подъезда, поскуливая, оглядывалась на хозяев, но они не обращали на неё внимания, молча медленно шли в сторону дома. Друза побежала за ними, не забывая по пути заглядывать в знакомые закоулки.

Евгений Андреевич бережно поправил воротник бессменного, купленного по талонам, песочного плаща жены: «Даже не накинула косынку... Сколько ещё страданий может выдержать её сердце?.. Бог не по силам креста не даёт... Но если мерить силу выпавшими на долю испытаниями, то Таня — просто богатырь. Получается, не мы с Витькой — два мужика — ей опорой стали, а она нам». Он ласково провёл рукой по волосам жены: «Опять вьются, как в молодости... Таня уже может ходить без парика... Вроде всё стало налаживаться, и вот те на! Господи, прости меня, грешного... только бы с Витькой всё обошлось»...

Премудро сделала природа, наделив женщину этим сверхсильным чувством материнства, которое и заставляет, и вдохновляет женщину-мать отдавать всю себя любимому чаду. А Татьяна не просто являет материнскую заботу, у неё гипертрофировано чувство ответственности за всё, что она делает, за тех, кого любит. И Виктор, благодаря особому чутью, возникнувшему когда-то как самозащита брошенного ребёнка, словно зверёныш, чует это и манипулирует. Возможно, брошенные дети навсегда лишаются способности доверять другим, доверять самой жизни, потому что изначально преданы теми, кто её подарил.

Да, Бог наградил женщину-мать величайшим терпением. А мужчину-отца?.. Ребёнок живёт в безусловной любви с того момента, как женщина узнаёт, что станет матерью; а любовь отца малышу надо завоевать, и для этого мало родиться, должно ещё как-то проявиться, чтобы мужчина ощутил себя отцом. Загадочное оно, чувство отцовства. Кто-то из выпускников Евгения Андреевича на вечере встречи рассказал историю. В семье родился сын. После родов мать заболела, и её разлучили с малышом. Отца пригласили в больницу, чтобы тот забрал ребёнка. Когда молодой папаша увидел своё «творение», то неожиданно для самого себя ощутил брезгливость: ребёнок — красный от крика, крошечный, сморщенный беззубый комочек, — ничего похожего с представлениями о том, как сын должен походить на отца. Медсестра ка-

чала малыша на руках, но тот не реагировал ни на какие уговоры. Однако стоило только папаше произнести: «Да что ж ты так кричишь», как он тут же замолчал, прислушался, беспокойно шаря глазами, не знал, куда смотреть, но искал источник звука. «Вот так, — сказала сестричка. — Услышал родной голос, почуял отца. Всё правильно: кроха ещё в утробе матери слышит разговоры родителей и, появившись на свет, узнаёт родные голоса среди сотни чужих! Держите своего карапуза». Тут-то у молодого папы и включилось это чувство особой, ничем не истребимой связи с кровиночкой.

А между отчимом и пасынком, взамен кровной, может ли возникнуть глубокая душевная связь? Ведь мужчина, прежде всего, любит женщину, а уж потом, благодаря чувству к ней, принимает ребёнка: привыкает к нему, привязывается. Но если ребёнок причиняет любимой боль? Вот тогда сердце мужчины протестует, в нём поселяется неприятие того, кто заставляет страдать его избранницу, а там и до полного отторжения недалеко... «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере и всех святых, помилуй нас», — проговорил про себя Евгений Андреевич.

Подошли к подъезду.

— Темно, только у нас горит свет... — заметила Татьяна Корнеевна.

Евгений Андреевич остановился, оглядел двор: светит один фонарь, да редкие окна в соседних пятиэтажках бросают рассеянные блики на асфальт, ночь поглотила все закоулки. Он ближе привлёк к себе жену.

— Танюша, вечерами, возвращаясь домой, всегда смотрю на наше кухонное окно, — неодолимо тянет смотреть. Оно горит, и я знаю: ты ждёшь. Как это важно, когда в огромном мире есть огонёк, который зажжён для тебя! В такие минуты остро чувствую счастье, благодарю Бога: у меня есть дом, жена и сын. А как трудно, должно быть, кому-то, кто остался один, как страшно возвращаться домой и видеть тёмное, навсегда потухшее окно... Таня, я люблю тебя, — он нежно поцеловал её в щёку. — И Витю люблю.

Она крепче прижалась к мужу:

— Всё время молюсь, только бы с ним всё было хорошо.

— Ещё до мафусаиловых лет доживёт, вот увидишь.

Она заглянула в его глаза, они показались бездонными.

— Женя, больше всего на свете хочу, чтобы сердце Вити не закрылось, ведь в закрытое сердце не достучаться... А свет в окне — это не просто свет, что горит в твоём доме, это и тот, что горит за твоим окном, который даришь миру ты. Я очень хочу, чтобы Витя почувствовал и всегда знал: наше с тобой окно горит и для него...

Яркий свет ослепил Виктора. Он прижал к бровям ладонь «kozyрьком» и вновь попытался разглядеть, куда белая медведица ведёт медвежонка.

Большие пушистые животные мягко ступают по искристому снегу, и если бы Витя не лёг в сугроб, то вообще не смог бы видеть загадочную пару; а так чёрное звёздное небо сразу превратилось в контрастный экран. Медведица остановилась, вытянула шею и, покачивая головой, зазывно ласково замычала, запела колыбельную, как в мультике про Умку. Её глубокий голос показался мальчику родным-родным, как у его настоящей мамы, и сразу захотелось подбежать к ней, прижаться, согреться. Вдруг рядом оказался полярник в огромной лохматой шапке, толстом тулупе, больших унтах, в руках — яркий фонарь, и опять в глаза мальчика ударил пронзительный луч, а полярник громко и строго сказал голосом дяди Славы, бывшего папиного ученика:

— Вставай. Дома в постели лежать будешь.

Медведица с медвежонком исчезла. Пропал и снег, всё вокруг стало туманным. Полярник вдруг вырос до размеров великана и сказал ещё строже:

— Виктор, совсем замёрз? — и с тревогой добавил: — Просыпайся, эй, просыпайся же...

Появился второй полярник, такой же большой.

— Ну что, в отделение его?

— Нет. Домой отведём, тут два шага... — Вячеслав обеспокоился не на шутку: то ли мальчишка действительно крепко спит, то ли тут что-то не так. Он наклонился, прислушался — мальчик дышит ровно; пощупал пульс — стучит нормально...

Сильные руки оторвали беглеца от пола и поставили на ноги, потрепали по щекам.

— Ну, дружище...

Витя открыл глаза, ничего не понимая, огляделся. Яркий свет фонаря бьёт в потолок и рассеивается по лестничной площадке. Стоят два милиционера: один — дядя Слава, лицо его тревожно; другой — незнакомый, улыбается.

— Салют, Мальчиш-Кибальчиш. Жив? Значит, не скоро тебе памятник поставят, — незнакомец обратился к дяде Славе: — Так куда идём?

— А вон, видишь, в том доме горит окно...

* * *

...Неплохое расстояние для выстрела. Метров пятьсот. А хороший снайпер и до двух километров уверенно бьёт, если хороший, конечно, и если в руках оружие хорошее. В винтовке Слава не сомневался, в своих способностях тоже: многому его научил отец-охотник, руку поставил, глаз натренировал;

и в школе нравились уроки НВП¹, а в институте — биатлон. Полученные навыки укрепились на срочной службе — пошёл по собственному желанию: после института можно было обойтись одними армейскими сборами, но в воздухе пахло войной. Не успел остыть и осесть дым десятилетней афганской войны, поглотившей больше миллиона жизней советских солдат, как в родной стране настал революционный 91-й, невольно вспомнишь: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Запахом грозной гари потянуло из Грозного...

После «срочной» кандидат в дембеля, отслуживший без «косяков», получил предложение остаться на контракт. Долго раздумывать бывший срочник не стал, живя по принципу «Если не я, то кто же?», ведь присяга даётся единожды и навсегда. Кроме того, никак не утихала боль потери: дошло известие — чеченский снайпер снял двух сотрудников МВД России, которые сопровождали эвакуацию мирных граждан из Грозного, одним из сотрудников оказался институтский друг Славы. Другой Славин друг, тоже служивший в Чечне, остался инвалидом... «Если не я, то кто же?» — подумал тогда боец. Побывал в отпуске. Потом полгода учёбы и — «охота» за «охотой»...

Где-то в стороне — напарник-наблюдатель. Снайпер — под самой крышей, под огромным распластанным листом старой жестяной бочки, с которой ему невероятно повезло. Тихо. Так тихо, будто никакой «второй чеченской»... да, теперь уже второй. Откуда-то потянуло свежим хлебом. Бывало, в школьных походах на привале надломишь горбушку — и такой аромат. «Без хлеба и без каши ни во что и труды наши», — часто приговаривал тогда Евгений Андреевич... «Откуда запах? — Вячеслав принял. — Мерещится... пожрать бы... Я — Карлсон — лучшее привидение с мотором, дикое, но симпатичное, не прочь побаловаться плюшками... Ку-ку, мой мальчик?..» Там, напротив, как показали разведчики, — позиция боевиков.

«Хм, может, и впрямь плюшки пекут? Они хоть и «дүхи», а всё ж во плоти. Впрочем, на такое расстояние запах не дотянется — фантастика чистой воды... Кстати, вода! — нет, лучше потерпеть». Слава прогнал навязчивые мысли. Ещё раз всмотрелся в ставший почти родным пейзаж: серый вечер, серый асфальт, серое длинное полупромышленное двухэтажное здание. Несколько окон заложены шлакоблоками, там вполне могут притаиться наблюдатели противника. Чёрными дырами зияют оконные провалы, совершенно не подходящие для бойниц. Опытный «охотник» такими позициями не воспользуется. Но кто знает...

— Как чувствуют, притаились, крысы, — неслышно пробурчал сам себе снайпер. — Посмотрим, что вы предпримете, когда стемнеет.

¹ Начальная военная подготовка.

...Перед затоплением низовьев Камы из родного посёлка уходили крысы, будто тонущий корабль покидали. Они направлялись к новым местам обитания — в город, к канализациям, свалкам. Зверьки осторожничали, но однажды Славка с друзьями, им тогда было лет по тринадцать, наткнулись на открытый переход небольшой стаи. Мальчишки застыли на месте, увидев столь дерзкое поведение серых мразей, но ни у одного рука не поднялась даже камень швырнуть, не говоря о том, чтобы убить хотя бы одну крысу. Понимали: эти твари божьи бегут от смерти.

Всех манила шумная новостройка с белоснежными высотными домами. Как тогда Ротару патриотично пела: «Мой белый город, ты — цветок из камня»... Просторные дворы, широкие проспекты, огромные блестящие витрины магазинов. Каждый деревенский мальчишка мечтал жить в городе, что растёт совсем рядом, прижимая, вытесняя частный сектор. Город уверенно поднимается там, наверху, а здесь, внизу, когда запустят ГЭС, всё попадёт под большую воду.

Слава тоже мечтал скорее переехать в город: не придётся далеко ходить в школу, одноклассники перестанут дразнить деревенщиной; но где-то в глубине души жгло ощущение предательства. Прежняя вольная жизнь уйдёт навсегда, а вместе с ней — душистая трава пойменных лугов, распростёршихся за огородами, грибной и ягодный лес...

Сколько лет прошло, а в памяти всё — будто вчера. Как тихо плакала мама, распродавая домашнюю живность. Мамины глаза выщвели от тоски... А когда отдали Акбара, сердце Славы чуть не разорвалось!.. Умную немецкую овчарку пришлось увезти в другой район к каким-то дальним-дальним родственникам, не возьмёшь же огромного кобеля в двухкомнатную квартиру. Даже отец, заядлый охотник, не считавший домашнее хозяйство мужским делом, тоже поник, когда увёз свою гордость — русского рысака. Новая квартира встретила чистотой и уютом, но всё в ней было не так, особенно запахи. Исчезла морозная стынь, с новогодней ёлкой клубами врывающаяся в дом. На Пасху, которую особо почитала мама, не так духмяно стали пахнуть пироги, выпекаемые не в печи, а в газовой духовке. Казалось, навсегда исчез аромат сена и осенний запах увядших трав...

«Вот чем пахнет! — встрепенулся Вячеслав. — Это запах осени, тонкий аромат прелой листвы и травы». Он уловил, что в одном из незакупоренных окон промелькнул крошечный огонёк. Сигарета?.. «Охотник» тут же напрягся. Показаться не могло, у снайпера острое зрение, но сомнение закралось: бывалый боец не позволит себе такой оплошности, ведь даже зажатая в кулаке сигарета порой выдаёт курящего тонкой струйкой дыма, которую матёрый «охотник» поймает оптикой винтовки.

— Что ж, подождём... Спокойствие, только спокойствие, — прошептал сам себе Вячеслав.

...Его бабушка рассказывала, что раньше окна в избах делали маленькими, они не открывались, дом проветривали через печную трубу и дверь. Окно считалось самым опасным местом: если оно было большое, то в холода быстрее выстывала изба; ещё в него могла влететь птица, а это плохая примета — к покойнику; а если ночью вдруг раздавался стук в окне, значит, какой-то недавно похороненный родственник по чью-то душу пришёл. Бабушка говорила: «Окно — дыра, через неё проходит связь с миром мёртвых. Потому на подоконник в поминальный день ставят чашу с чистой водой — в ней особая святая сила, чтобы душа покойного умывалась...» Всегда окошко снаружи обивали резными наличниками с добрыми знаками: солнцем, подковами, лошадиными головами — они защищали от всякого зла. Теперь всё иначе: чем больше окна, тем богаче считается дом.

У Вячеслава голубые, как у мамы, ясные глаза, их надёжно оберегают кучные тёмные брови и густые, по-девчоночьи длинные ресницы. Эклектика колючего взгляда из-под нежных пушистых ресниц, выступающие скулы и плотно сжатый рот придают его лицу особый шарм — в нём читается мужественная доброта. Девчонки в старших классах школы частенько западали на его взгляд... особенно Светка всегда краснела, стоило ему только на неё глянуть. Она — отличница класса, активистка — многим сверстникам казалась немного надменной, в дружбе ни с кем особо не сближалась. Но Славка всех перехитрил, напросился, чтобы Света помогла ему подготовиться к вступлению в комсомол. Потом Света и Слава, когда учились в девятом и десятом, вместе посещали театральный кружок, который организовала и вела учительница литературы. Спасибо этому кружку, верней, Раисе Матвеевне, она буквально вытащила Славку из городских подвалов, когда тот увлёкся не тем, чем надо, и стал прогуливать уроки. Тогда Раиса Матвеевна, хоть и не была классным руководителем — она просто неравнодушный учитель, умеющий заглянуть в душу, — пришла к ним домой, поговорила по-доброму с родителями. Искренне сказала ему: «Слава, ты мне очень нужен, роль для тебя есть, именно для тебя, никто другой не справится».

И закурилось... И странное дело, в учёбе подтянулся, вроде само собой всё получилось, играючи, стихи полюбил, особенно Есенина: «Видно, так заведено навеки — к тридцати годам переберясь, всё сильней, прожжённые калеки, с жизнью мы удерживаем связь...» и Вознесенского: «Мёрзнет девочка в автомате, прячет в зябкое пальтецо всё в слезах и губной помаде перемазанное лицо...» Да, Светка... Как она тогда вспыхнула, когда

по ходу спектакля ей надо было спрыгнуть со стола, и он обхватил её за талию крепче, чем на репетициях... Потом проводил домой... Первый поцелуй... Потом снилась чуть ли не каждую ночь, просыпаться не хотелось... Первая любовь помнится всю жизнь, но... «те, кого любил я, отрекся, кем я жил — забыли про меня». Светка не захотела любить нищего вояку, спуталась с олигархом, известным в городе бандитом. Магазин своего имени открыла... Всё старо, как мир: «И девочек наших ведут в кабинет...» Вновь война, не Великая Отечественная, не мировая, а непонятно, какая... А может, как раз таки мировая?..

Наивно полагать, что люди не могут скатиться в свои «тёмные века». Никакая научно-техническая революция тому не помеха, напротив, прогресс лишь толкает их к новому, более вычурному, более высокоорганизованному варварству. Утрачиваются понятия нравственности — они будто ластиком стираются из извилин головного мозга — не у всех, но у многих, особенно у молодёжи, и это кому-то выгодно. Принципы «око за око» и «зуб за зуб» вовсе не ведут к справедливости, а только к слепоте и ненависти. Разрушается связь человека с представлением об идеале: если добрый — значит, слабый; если любящий — значит, жалкий; если богатый — значит, сильный. Однако только злой человек не способен позволить себе такую роскошь, как признание поражения, а добрый способен, и в том его сила...

Но здесь, сейчас, на войне: если не ты, то тебя...

Сегодня Славе повезло с огневой позицией, но какой бы удобной она не оказалась, «охотник» должен быть в прекрасной физической форме, владеть телом вплоть до умения контролировать сердце и дыхание. «Физическая подготовка, интеллект и оружие — залог удачи охотника», — учил Славу отец, не подозревая, что сыну ценные навыки пригодятся в мирное время на войне.

Потянулись часы ожидания. Слава знал: иногда ожидание может длиться от нескольких часов до суток и более. Он был готов...

Слава нередко вспоминал школьные вечера начала 90-х, когда, согласно традиции, собирались выпускники разных лет, только радость встреч всё чаще смешивалась с тревогой. Жизнь стремительно менялась, тяжело было всем: и тем, кто потерял работу, и тем, кто работал и не получал зарплату; и те, и другие лишились уверенности в «светлом будущем» — оно исчезло вместе с Советским Союзом. Заводы и предприятия оказались без денег. Школы тоже... Бывшие выпускники взяли шефство над альма-матер: кто краску для ремонта достанет, кто лампы и прожекторы для освещения

классов и школьной площадки, кто просто принесёт какие-то суммы на школьные нужды. Даже продуктовые наборы для учителей к праздникам превратились не в подарки, а в своеобразную материальную помощь.

Учителя — педагоги советской закалки, не привыкшие что-либо просить, — были в растерянности, многие отказывались приходить на праздники, даже отключали домашние телефоны, чтобы бывшие ученики не звонили, не уговаривали. Евгений Андреевич оказался в их числе, и в очередной вечер встречи оргкомитет класса направился к нему домой. Ребята знали: дом классного руководителя для них открыт всегда. Когда учитель отворил дверь, ребята его еле узнали: он осунулся, в глазах потускнел самобытный огонёк. Татьяна Корнеевна выглядела не лучше, но, как всегда, приветливо улыбалась. Одноклассники сочли, что пришли не вовремя, оставили у порога подарки и, вежливо отказавшись от предложенного чая, развернулись восвояси. Евгений Андреевич остановил их:

— Раз уж за мной конвой прислали, придётся сдаться... Только наручники не надевайте, — грустно пошутил учитель, быстро оделся и направился с дружной компанией в школу.

Он вошёл в родной кабинет географии, поздоровался с собравшимся классом и сразу же спросил:

— Вот вы — молодые современные люди, вы — в гуще событий, может, вы понимаете, что происходит?..

Ответа никто не дал, и Евгений Андреевич сказал:

— Простите меня, похоже, я вас не тому учил. Ребята, я пришёл к трудному решению... я отказался от партбилета... Считаю, партия, верней, её руководители, всех нас предали, а с компанией предателей мне не по пути.

— Как же так, Евгений Андреевич?! — изумился Семён, один из лидеров класса. Его серые глаза вдруг стали тёмными, тонкий рот — ещё тоньше. Он как-то странно захрипел, не то откашлялся, не то коротко смущённо посмеялся. — Вы для меня всегда были примером! Я в партию вступил, глядя на вас и на отца.

Учитель жёстко ответил:

— Я не хочу иметь никаких дел с партией, творящей такое с народом. А ты, Семён, выбирай сам.

— Тогда на кого мне равняться? — не унимался бывший ученик. — Отец мой тоже положил партбилет на стол, а ведь у сердца всю жизнь носил, вы и отец — два самых близких мне человека! Вы... вы когда-то говорили, что нужно жить по моральному кодексу коммуниста. И что теперь?.. Разве мораль стала другой?.. Я вам верил, вам!..

— Да, говорил и сам верил в то, что говорил. Кодекс коммуниста — это кодекс высокой чести, и общечеловеческие ценности не изменились. Но

восторжествовало лицемерие, и в этом виноват не кодекс, а мораль тех, кто искал в нём выгоду, а теперь предал его вместе с народом. Я отказываюсь быть в такой партии... Если партия, провозгласив однажды свою руководящую роль в стране, в критический для государства момент отказалась от этой роли, то у преданных коммунистов разве может быть с ней что-то общее?.. Простите, я не знаю, где искать правду и как жить...

В тот вечер Славе захотелось сделать что-то хорошее для любимого учителя, хоть как-то утихомирить боль, сквозившую не только в речи педагога, но и в его потерянных, каких раньше никогда не бывало, жестах и взгляде. От внимательных глаз бывшего ученика не ускользнуло: на руке учителя на привычном месте нет часов. Подошёл к нему и, как ни в чём не бывало, спросил:

— Евгений Андреевич, у вас есть время?

— Немного есть, но через несколько минут, ребята сказали, на базу едем... А что?..

— А как вы узнаете, что прошло несколько минут? — Слава выразительно глянул на левую руку учителя.

— Позовут... — тот неловко погладил запястье, — не пойму я, Слава, чего ты меня пытаешь?

— Можно я вам часы подарю? — Слава показал на свои.

Евгений Андреевич смутился так, что покраснел:

— Да разве тебе самому не нужны? Вон какие модные, на металлическом ремешке. Небось, сам себе выбирал...

— У меня дома ещё есть, на службе наградили... — Слава решительно щёлкнул застёжкой. — Евгений Андреевич, возьмите, пожалуйста. Придите... от всего сердца.

— Ну... спасибо тебе большое, — учитель нерешительно взял подарок, повертел его, разглядывая. — На «Командирские» похожи, когда-то в молодости у меня были подобные, — он сжал часы в кулаке. — Спасибо, только... можно я их сыну подарю?

Вячеслав не знал, что ответить: он хотел именно Евгению Андреевичу сделать подарок, это желание согревало душу, радовало своей тихой благодарностью человеку, которого уважает.

— А не жалеете, что взяли чужого ребёнка? — вырвалось у Славы, и он продолжил, будто оправдываясь: — Трудно вам... зарплату не платят, нет возможности самим нормально питаться, а тут пацан растёт... И как вы решились в такие тяжёлые годы?.. — увидев негодование в лице учителя, понял: сморозил великую глупость, но слово — не воробей.

Евгений Андреевич задумчиво посмотрел на ученика и вдруг по-доброму улыбнулся.

— Как можно жалеть о том, что в семье появился сын? Без ребёнка семья — не семья. Да и разве справедливо, когда ребёнок без родителей? Представь, у него никого не было, ни одного родного человека.

— Извините, я сглупил.

— А выглядишь умным, — в глазах учителя откуда-то из глубины блеснул знакомый огонёк.

Слава обрадовался, как мальчишка: такой огонёк всегда горел, когда Евгений Андреевич вёл уроки, когда вдохновлял на серьёзную работу в походах, когда рассказывал о чём-то так, словно открывал величайшую тайну. Сердце Славы встрепенулось и оттого, что он придумал, какой подарок может сделать любимому учителю.

— Конечно, Евгений Андреевич, отдайте их сыну. А вам... простите, для меня это очень важно... вам на память обо мне, дураке, вот, заколка для галстука, фирменная, военная... — он торопливо отстегнул заколку. — Смотрите, с двуглавым орлом. Обещайте, что будет у вас. На память о сегодняшней встрече и... обо мне, — он замялся от промелькнувшей нечаянной мысли и, стыдясь её высказать, смущённо пояснил: — У меня скоро отпуск заканчивается, еду в Чечню... — он быстро, чтобы Евгений Андреевич не успел возразить, пристегнул заколкой его галстук к рубашке. — Прямо как тут и было. Спасибо вам за всё, Евгений Андреевич.

— Да мне-то за что?

— За то, что вы были и есть...

Спустя два года, на очередном вечере встречи, после торжественного собрания в актовом зале Евгений Андреевич подошёл к Славе, по-отечески обнял, отстранился и, не выпуская из объятий, внимательно рассмотрел с головы до ног.

— Возмужа-ал... Я очень рад, что ты в порядке. Смотри, ношу твой подарок, можно сказать, как талисман... А Витька знаешь как доволен часами, спасибо! Ты надолго домой?

— В отпуск.

— Когда уж насовсем? — с тревогой спросил учитель.

— Думаю, скоро, — спокойно улыбнулся Слава.

— Храни тебя Бог...

Вячеслав заметил в учителе новые перемены. Евгений Андреевич стал мягче в разговоре, манерах. Он по-прежнему стройный, элегантный, но волосы поредели, поседели — совсем белые; в усах и аккуратной бороде (к ним уже все привыкли) затаилась благодушная, немного озорная улыбка — она словно только и ждёт момента, чтобы открыться навстречу тому, кто рядом. Взгляд светится как-то загадочно — в нём и жизненный задор, и вдохновенная мудрость, добавилось и ещё что-то еле уловимое, будто

Евгений Андреевич не просто смотрит на тебя, а заглядывает в душу и знает такое, что не каждому дано знать.

На традиционном классном часе поднимались животрепещущие темы. Евгений Андреевич говорил много, Слава внимал каждому слову, — очень много вопросов терзало душу военного. Учитель горячо рассуждал:

— Призвание человека — в творчестве, в служении избранному делу; а дело — только тогда служение, когда направлено не во имя себя, а во имя будущего — семьи, детей, страны, человечества. Когда человек осознаёт, что он творец, то к жизни и смерти относится философски: в осознании конечности собственной жизни появляется стимул творить — это закон природы... Но помните: вы не можете служить Богу и мамоне; укрепляясь корнями на земле, тянитесь к небу, но не пейте с земли что ни попадя, как в сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», иначе, сами понимаете, в кого превратитесь; и сказки читайте чаще и внимательней, хоть и стали уже взрослыми, в них — народная мудрость, законы жизни человека на земле зашифрованы... Нынче сказки, увы, забыты. Настало время беззакония, навязываются новые, противоестественные бытию догмы. Началась борьба выгодных интересов, которые привели к настоящей войне. Сейчас происходит что-то страшное, извращённое... Вот что я нашёл у митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна: идёт самая подлая война, оплачиваемая, беспощадная, её идеологию предопределил Аллен Даллес — бывший директор ЦРУ, он ещё в 1945 году подписал Американскую доктрину борьбы против Советского Союза. Вы должны это знать. В ней чёрным по белому... — учитель порывисто достал из нагрудного кармана пиджака сложенный двойной тетрадный лист, развернул, сосредоточился.

— ...Мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Литература, театр, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать всех, кто станет насаждать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякую безнравственность. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратят-

ся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, предательство, национализм и вражду народов — всё это мы будем культивировать в сознании людей. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться, что происходит. Но таких людей мы будем ставить в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем всяким образом расшатывать поколение за поколением, мы будем браться за людей с детских и юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Вот так мы это сделаем...» — Евгений Андреевич сложил листок.

— И что же теперь нам делать? Как жить? — спросил кто-то из выпускников.

— Любить... молиться, — искренне ответил учитель.

— Но если есть Бог, и он такой справедливый, почему тогда страдают невинные, погибают дети?!

— Хороший вопрос... но позвольте и вас спросить: вы знаете правила хорошего тона?

— Да.

— А всегда ли вы им следуете?

— ...

— Вот и ответ. Признайтесь себе, у вас такое наверняка бывало: вы знали или хотя бы догадывались, что поступаете плохо. Тогда для чего всё же поступили?... Так вот, прежде чем спрашивать у Бога, спросите у себя. Возьмите на себя полную ответственность абсолютно за всё, что делаете, даже наедине с собой, даже тогда, когда об этом никто не узнает, кроме вашей совести... тогда и Бог поможет избежать ошибок. Однако мы позволяем себе делать ошибки и, совершая их, не спешим каяться. И это творим мы сами — люди разумные. Заметьте, не Бог. А если Бог не нужен, то, выходит, и спасайтесь сами... Но сможет ли человеческий разум спасти человечество, опередив гибельные ошибки, разрушительные силы несовестливых действий самого же человека? Вопрос открыт.

Вы говорите, погибают дети... А всегда ли вы помните, что им мало быть просто сытыми, хотя и жизненно важно? Разве мы с вами не знаем — чем трудней обстоятельства жизни, тем больше мы нуждаемся в любви, а дети особенно! Они наивны, беззащитны перед коварным врагом — безнравственностью. Наркомания, алкоголизм — трагические, смертельные ошибки ребёнка. Но это не его выбор, а разумных взрослых: с одной стороны, родителей, забывающих быть внимательными и любящими; с другой, тех, кто на безнравственности строит бизнес... Страшно подумать, от героя

в нашей стране каждый год гибнет сто тысяч мальчишек и девчонок!.. Это ли не война?! Конечно, невозможно посадить ребёнка под колпак родительской опеки, но задача родителей — дать ребёнку такую любовь, чтобы он не чувствовал себя одиноким, чтобы его тянуло к родному порогу, а не от него... Если вы не сумели этого сделать, значит, как родители вы не состоялись...

Моя речь — не учительское наставление, а искреннее пожелание и вам, и самому себе... Ответы на волнующие вопросы есть, они в Библии. Они в мудрости человеческой — в культуре, как в культе света и добра, лишь она основа духовного роста. Растите детей, живите, поступая по заповедям — они просты и понятны... Без Бога человек одинок и бессилён. Вы только вслушайтесь в слово «бессилён». Мы понимаем его, как отсутствие сил, да, оно раньше и писалось с приставкой «без», и означало «без сил». Но упразднили старое мудрое правило, придумали новое — от ума! — не от души. И слово изменилось. Оно изменило самому себе, в нём проявились два слова: «бес» «силён»; и открылась иная суть: бессильный превратился в того, в ком бес силён. Мы с вами сейчас ведём речь только об одном слове, а если в языке вытесняются родные слова посредством насильного внедрения чужеродных, порой совершенно ненужных? Когда они нужны, язык естественно принимает их, а когда нет, когда идёт замещение, то народ теряет свои живые слова, а с ними мудрость, могущественную силу — языковую память, историю, которая написана на родном языке... А теперь представьте народ, лишённый языка, как человека, лишённого памяти. Страшно? Не то слово. Это катастрофа! Без языка нет народа, нет Отечества... Увы, я всё чаще ощущаю на себе есенинское «в своей стране я словно иностранец».

Человек, а не Бог превращает мир в площадку для бизнеса изощрённого, жестокого, потому что война — самый быстрый способ обогащения. Вдумайтесь, что пропагандирует нынешнее общество: во что бы то ни стало будь успешным! Но в погоне за успехом — успеть, успеть! — человек почему-то не становится счастливым. Почему? Да потому, что ощущение счастья — не в гонке, а в способности целостно воспринимать мир; и восприятие наше зависит от того, *что* мы ищем в этой жизни; и *что* находим, *тем* и живём — это и составляет наш собственный внутренний мир, с которого начинается восприятие внешнего. И чем выше поиск, тем выше и счастье. С чего начинать этот поиск? — с себя! Помните, «с чего начинается Родина»?.. Признаюсь вам: моя Родина начинается с меня, и мир весь с меня, как сын мой — с меня... «с той песни, что пела мне мать». Понимая это, невольно подумает: не хлебом единым...

С последних парт донеслась реплика:

— Но ведь не получается думать о чём-то высоком, когда мысль одна: как выжить? Когда страшно, что будет завтра.

— А если делают больно, оскорбляют, молчать?.. — последовал вопрос с первых рядов.

— Не оскорбляйте в ответ, помня, что у всего есть цепная реакция. Страшно оказаться в этой цепи и не прервать её... Первомученик Стефан молился за тех, кто его убивал камнями. Господь сказал: «Мне отмщение и аз воздам». Это значит: «На мне лежит отмщение — оно не для человеческого суда». Делайте вывод, — Евгений Андреевич окинул взглядом класс, почувствовал напряжение и, как будто дыханием вбирая его в себя, замолчал.

В классе воцарилась тишина. Учитель прошёлся до двери и обратно, остановился не у стола, а в центре пространства, перед рядами парт, и лицо его озарила такая лучезарная улыбка, что когда он вновь серьёзно заговорил, глаза его продолжали гореть «улыбчивым» светом.

— Может быть, то, что сейчас скажу, вам покажется банальным или прозвучит как издёвка, простите меня... Настало время испытаний, мы все это чувствуем. Мир двойственен: в нём — любовь и ненависть, добро и зло; но у каждого из нас есть выбор. И если вы здесь и сейчас — и всегда — находитесь в состоянии любви, то ваши страхи уйдут, ведь любовь тоже обладает цепной реакцией, хотя реакция эта гораздо медленней, чем у ненависти. И всё же не торопите её — она зависит не от времени, а от силы самой любви. Доверьтесь ей, пребывайте в ней. Мы не можем остановить ни одно мгновение, как не можем поймать и зажать в кулаке солнечный луч. Не можем обогнать, перехитрить будущее, как не можем догнать собственную тень: чем быстрее за ней бежим, тем быстрее она от нас убегает. И не можем вернуть потерянное время, как не можем налить в стакан пролитую на землю воду. Поэтому так важно в каждое мгновение, которое называем словом «настоящее», делать что-то *настоящее*, жить *по-на-стоящему*, — Евгений Андреевич написал слово на доске, выделив два первых слога, и пояснил свою мысль, акцентируя ладонью нужные части, — чтобы можно было опираться на что-то *стоящее* и подниматься *по стоящему*, как по ступеням, выше.

— Это трудно... — протянул кто-то из одноклассников.

— Не трудно, если ваш выбор в добре. Когда вы идёте по пути добра или в любой ситуации ищете этот путь, то поступить по-доброму легко. Это как в школе, если регулярно делаешь уроки, то не страшна неожиданная контрольная.

— А у вас это всегда легко получается?.. — спросил Семён.

Учитель ответил не сразу, окинул взглядом весь класс и внимательно посмотрел на ученика: Семён на всех вечерах встречи выпускников всегда

сидится в родном кабинете географии на своё место — за третью парту в среднем ряду, в центре класса... Пережив немало испытаний, бывший ученик сумел открыть своё частное большое дело, и многие считают его баловнем судьбы. Но Евгений Андреевич знает, каких сил и жертв потребовала от удачника Фортуна, и когда в один из критических моментов Семён пришёл к нему за советом, он сказал: «Креститься надо». Тогда Семён попросил Евгения Андреевича стать его крёстным отцом. Он согласился...

— Не всегда, — глубоко вздохнул учитель, — «я не волшебник, я только учусь», но рад возможности каждый день учить уроки. Знаете, стало легче...

Когда Слава учился в младших классах, он, как все мальчишки, мечтал стать лётчиком-космонавтом, потом захотелось строителем. Ему интересно было наблюдать, как взрослые возводят стены будущих школ и детских садов. Он и Семён часто брали велосипеды и ехали на какую-нибудь стройплощадку, усаживались поодаль и часами наблюдали за магически слаженным действием рабочих. Шум новостройки, снующие туда-сюда, дымящие от напряжения «КамАЗы», жужжащие бетономешалки, плавное движение стрелы подъёмного крана завораживали, как завораживает плеск воды на Каме или потрескивание походного ночного костра... Семён осуществил мечту, стал строителем...

«Хорошо быть строителем, от его работы уж точно след на земле останется. А от твоей винтовки какой след?» — с горечью подумал Слава.

Конечно, и в войнушку с мальчишками в детстве играли, но разве кто знал, что игра станет жизнью, что придётся «охотиться» на себе подобных?..

...Ноги, руки затекают. «Ну где ты, где ты? Ну вылезай, шалун», — Слава несколько раз поочерёдно напряг и расслабил мышцы. В здании напротив по-прежнему тихо. В животе и в душе — холодная пустота... «Слава, вот что ты здесь делаешь?» — раньше он не задал бы себе такого вопроса, но после бесед с Евгением Андреевичем, встреч с одноклассниками... «Примеряешь роль Бога?.. Ты же понимаешь, что замечаешь чьи-то грехи? А пока ты тут проклинаешь «дúхов», мстишь за смерть товарища, кто-то греет руки... и те, кто стоит у власти, рассуждая от имени миллионов, уходят от ответственности за эти миллионы... Они точно заигрались в божков... и пока ты истребляешь врага, кто-то сколачивает капитал, кто-то в твоей же стране живёт спокойно и тащит деньги в заграничные банки. А твой друг-калека, которому ты не дал умереть, получает мизерную пенсию и однажды в пьяном угаре бросит тебе в лицо: «Зачем ты меня спас?!» Непонятная война разделила твою жизнь на две части — до и после. И что делать после, когда ты вкусил крови, полон ненависти и понял настоящую цену ошибки, жизни и смерти?.. Что делать, когда ты, по большому счёту, ничего уже не умеешь,

кроме как убивать? И не нас ли учили до: бытие определяет сознание, важно не существование, а борьба? И как понять: «Поражайте врагов Отечества и любите врагов ваших»? А солдатское братство — отдать жизнь за друга — это ли не служение? «Есть такая профессия — Родину защищать» — это ли не святой долг? «Поражайте врагов Отечества» — значит ли это защищать Отечество, отражая врагов? Отражать — не нападать и уж тем более не мстить... Отражать!.. И отражать можно по-разному... Отражать любовью?.. — «и любите врагов ваших»?.. Много вопросов, и где найти правду?.. «И в твоём вранье, и в моём вранье есть любовь и боль по родной стране. Идиотов бы поубрать вдвойне и в твоей стране, и в моей стране...»

Снайпер всмотрелся. Так и есть: в чёрной глубине комнаты с длинным низким окном очень медленно движется тень. «Охотник» нащупал курок. Вгляделся в оптический прицел, будто заглянул в глаза любимой женщины, в которых вспыхнул ток неудержимой страсти. «Наши жёны — пушки заряжены». Его зрачок расширился и выхватил со дна необъятной Вселенной небольшую, крошечную долю огромной тайны — жизнь. Да, объект приблизился к краю. Вот она — судьба... бах!!! Зрение, тело, дыхание снайпера влились в пулю... Всё! Цель «снята». Но что это? Вопреки законам удара, убитый упал не в глубь строения, а вперёд, словно шагнул через окно и глухо — бах!.. Этот глухой звук болью ворвался Славе в уши, пронзил до пят, словно навывает.

На сером асфальте — тело щуплого человека. Пацан!.. Тут же выскочили ещё двое, открыли хаотичный огонь и потащили убитого обратно в дом. Они также «сняты». В чёрной дыре окна — никого. Итак, трое. Барашки жертвенного костра божков... Хаос... Простите... «Тишины хочу, тишины... нервы, что ли, обожжены?..»

Снайпер дал установленный тоновый сигнал радиостанции:

— Уходим!..

* * *

...Неплохое расстояние для выстрела. Метров пятьсот. А хороший снайпер и до двух километров уверенно бьёт, если хороший, конечно...

Вячеслав вздрогнул. Он в подъезде. Рядом сонный Витя потирает глаза и сладко зевает. Напарник удивлённо посмотрел на Славу:

— Ты с нами или где?

— Так, вспомнилось.

— Я тебе: «Слав, Слав», — а ты упёрся в окно, как глухонемой. Чё ты там увидел?

— Извини... Идём, беглеца заждались...

Когда в коридоре квартиры Череповых коротко звякнул дверной звонок, к порогу подбежала Друза. Она не лаяла, будто понимала, что время позднее, лишь нетерпеливо семеня лапами, стуча когтями по полу, виляла хвостом и повизгивала. Евгений Андреевич открыл дверь. Собака выскочила в коридор, радостно заскулила, забегала вокруг Виктора, несколько раз подпрыгнула и лизнула его в нос. Слава и напарник отошли немного, чтобы не мешать радостной встрече. Виктор, не заходя в квартиру, сел на корточки, обнял собаку. Он боялся посмотреть на отца.

— Друза, отпусти нашего беглеца... Давайте оба домой.

Голос папы совсем не сердитый. Виктор отпустил собаку, она послушно вошла в квартиру, и паренёк поднялся, виновато посмотрел на отца. Евгений Андреевич протянул обе руки навстречу.

— Витя...

Сын нерешительно подошёл к отцу, тот обнял его, крепко прижал к себе и как-то застенчиво произнёс:

— Я так рад, что с тобой всё в порядке, сын... Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, — пробубнил Витя.

Подошла Татьяна Корнеевна:

— Слава Богу, цел... — она обняла обоих, ласково пригласила непослушные вихры Виктора. — Замёрз?.. Раздевайся, идём скорей в ванную, попариться надо, потом горячий чай и спать.

Под её волшебным взглядом Витя уже не мог молчать, но и не знал, что сказать. Слёзы сами покатались по щекам. Он бросился в мамыны объятия.

— Мама... я люблю тебя. Я знаю... я видел... и ты...

— Ну-ну... родной мой, — сквозь слёзы зашептала мать, — всё слава Богу... всё будет хорошо... — она поцеловала сына, обняла за плечи, потом помогла раздеться. — Идём, — увлекла за собой.

— Спасибо, Слава. Спасибо, ребята, — Евгений Андреевич ощутил внутреннюю скованность, когда милиционеры подошли к двери и, как показалось учителю, странно, пытливо на него посмотрели, и он почувствовал себя нашкодившим ребёнком, нечаянно выболтавшим тайну. — Идёмте к столу, — хозяин сделал пригласительный жест.

— Спасибо, мы...

— Пройдите хоть ненадолго, — прозвучала мягкая, но настойчивая просьба, — мне кое-что спросить надо... Можете не разуваться.

Вячеслав и напарник переглянулись, согласно кивнули друг другу, вошли в квартиру. Скинули куртки — повесили на вешалку, сняли ботинки — аккуратно оставили на половичке у порога.

— Вот здесь, на кухне руки мойте, — Евгений Андреевич на миг исчез и вернулся с чистым полотенцем.

— Пожалуйста, садитесь за стол. Сахар, булки...

Чайник был горячим, как будто хозяева всю ночь его подогревали, ожидая дорогих гостей. Евгений Андреевич быстро поставил на стол чашки, наполнил их.

На кухню вошла Татьяна Корнеевна, она нервно одёрнула тёплую вязаную кофту, надетую поверх домашнего платья (подобная кофта была и на Евгении Андреевиче), убрала за ухо сбившиеся на лоб волосы, её глубокие глаза влажно блестели. Она стыдливо улыбнулась гостям, обратилась к мужу:

— Что ж ты пирогом гостей не потчуеть? — достала из шкафа завёрнутый в полотенце пирог с капустой, нарезала крупными кусками, горкой сложила в тарелку — руки её нервно подрагивали — и поставила на стол. Один кусок положила на блюдце. Наполнила чаем Витину кружку. — Вы тут сидите спокойно, не переживайте, Виктор в комнате поест.

— Спасибо, — не сговариваясь, в один голос ответили гости и от такой нечаянности весело глянули друг на друга, потом вновь на хозяйку.

Татьяна Корнеевна ответно улыбнулась и торопливо вышла.

— Ребята, я вот что хотел спросить... — Евгений Андреевич налил себе чаю, поставил чашку на стол и, кажется, сразу о ней забыл. — Понимаете, сегодняшнее ЧП, я думаю, произошло больше из-за того, что творится сейчас во дворах, что устраивают подростки... Взрослому-то человеку боязно нарваться на их толпу, а что говорить о мальчишке. Учителя вечерами с работы поодиночке уже не ходят... да вы сами знаете... Виктор не жалуется, но страшно за него. Как его уберечь?.. Он не раз уже приходил домой битый, бывало, и серьёзно битый. Боюсь, добром это не кончится. Сколько ни пытаюсь поговорить с ним, расспросить...

— Молчит, как рыба об лёд, — перебил хозяина напарник Славы, с нескрываемым удовольствием наворачивая пирог.

— Что? — не понял Евгений Андреевич.

— Извините, присказка у меня такая... — пробурчал тот набитым ртом.

— Молчит, — поняв замечание, растерянно подтвердил Евгений Андреевич и спросил, дождавшись, когда гость прожует: — Вы в нашей школе учились? Я что-то, простите, не припомню.

— Нет, в десятой.

— Хорошая школа, коллектив сильный...

— Извините, Евгений Андреевич, — вмешался Вячеслав, — я не представлял — Михаил, мы работаем вместе, так сказать, в одной упряжке.

— Очень приятно, — хозяин сдержанно улыбнулся.

— А мне о вас Слава много интересного рассказывал... — милиционер с аппетитом глянул на оставшиеся в тарелке куски.

— Спасибо, Миша... Вы кушайте, ребята, не стесняйтесь.

Евгений Андреевич ненадолго умолк, давая гостям возможность утолить голод, и те с удовольствием поели, не забыв благодарно восхититься вкусным угощением. Когда чашка Славы опустела, хозяин, вновь наполнив её горячим душистым чаем, продолжил:

— Слава, ты и Миша лучше обывателя ориентируетесь в нынешней обстановке. Подскажите, что можно предпринять? Не зря говорят: «На Бога надейся...» Ты же знаешь тех, кто командует подростками, может, как-то поспособствуешь...

— Я не могу, Евгений Андреевич, — решительно отказал бывший ученик. — Простите, как бы не навредить... Вы — отец, уважаемый учитель, и вам лучше самому переговорить с теми, кто занимается, так сказать, воспитанием пацанов, они ведь каждый поздний вечер в школе, в спортзале.

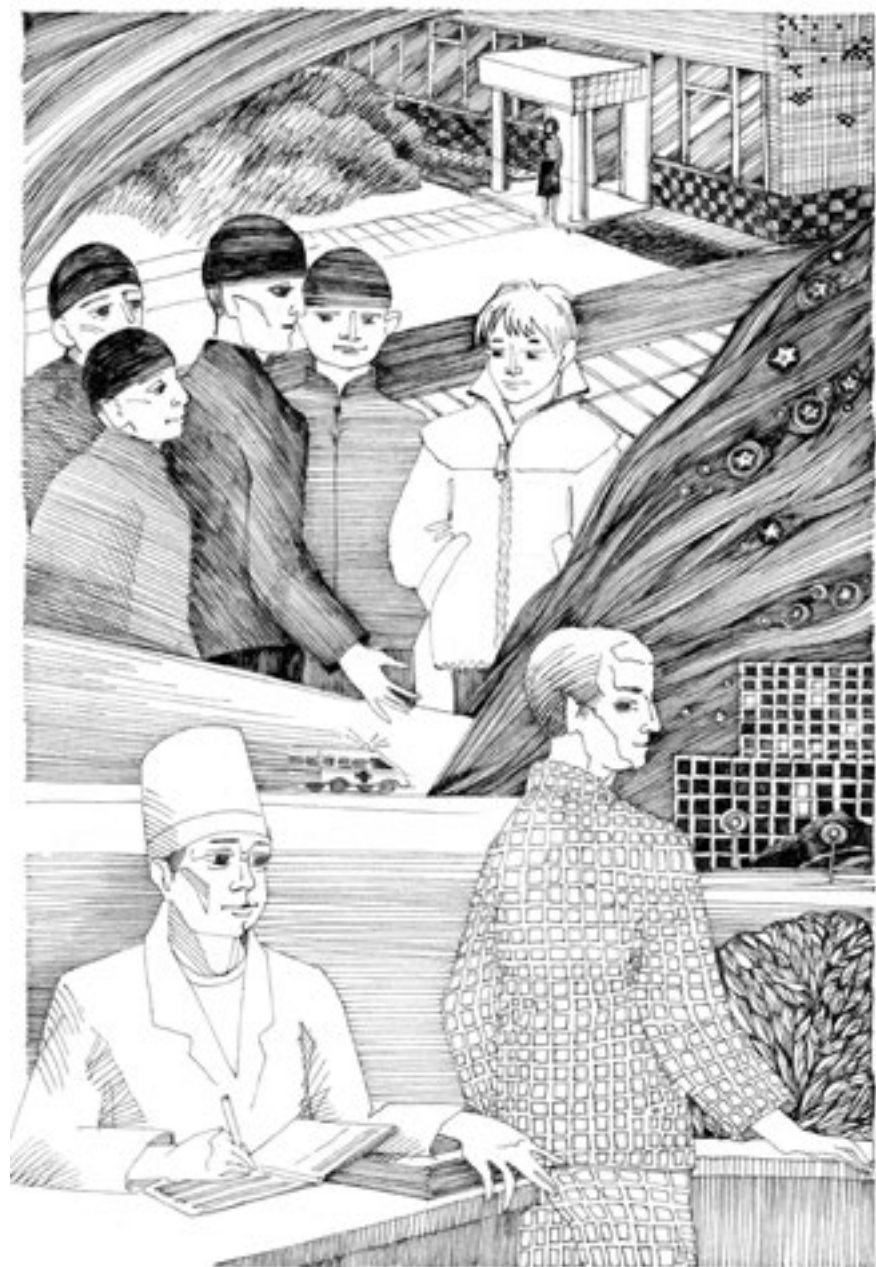
— В нашем спортзале? — удивился Евгений Андреевич.

— Да. Вы сходите, поговорите по-человечески, по душам. Поверьте, это лучшее, что можно сделать.

— Ты уверен?

— Да. И лучше сделать так, чтобы сын об этом не знал.

— Хорошо, — тяжело вздохнул Евгений Андреевич, — я так и поступлю.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Закончился традиционный классный час очередного вечера встречи, выпускники разошлись по школе: кто направился в музей, кто — навестить любимых педагогов-предметников. На свободное общение организаторы праздника отвели сорок пять минут — урок, по окончании которого прозвонит звонок, и все соберутся на первом этаже в столовой на чаепитие. Слава решил на чай не оставаться: веселье, суета его раздражали, ему захотелось побыть одному в тишине, дома. Он ещё не успел привыкнуть к новой жизни «на гражданке» — пока служил, изменились страна, родной город, люди, словно минувшее — сон, а настоящее — бред... Не привык и к службе в милиции, куда пошёл только потому, что выбор перед «войкой» стоял невеликий: либо в «менты», либо в бандиты. «За что воевал?» В сердце — тревога и смута. Больше всего пугала неизвестность завтрашнего дня, ощущение предательства: вернулся домой, но дом — не тот... Парадоксально странно вернуться туда, где ты ещё не был...

После классного часа Слава попрощался с Евгением Андреевичем и, пройдя гулкие полутёмные школьные коридоры и лестницы, оказался у выхода. Задержался, чтобы перекинуться парой дежурных фраз с вахтёршей тётёй Машей. Здесь его и окликнул одноклассник Игорь:

— Слава-авк, ты домой? погоди, я тоже... — Игорь торопился к вахте.

— На чай не остаёшься? — оглянулся Слава.
Одноклассник подошёл.
— Настроения нет... Слушай, ты как? Не поговорили толком...
— Да нормально.
— Так и не женился? Никого не родил?
— Только что об этом с тётёй Машей говорил. Нет.
— А у меня двое. В родную школу привёл, хочу, чтобы у Евгения Андреевича учились.

— Так это твои такие мелкие светленькие клопы? — вмешалась тётя Маша.

— Мои, наверное.

— У Валентины Ивановны?

— У неё.

— Сам ещё недавно такой был... от времечко... — громко, по привычке всё делать шумно, напоказ, вздохнула тётя Маша.

Слава понял: уйти сейчас не удастся — школьному другу, обычно молчаливому, важно выговориться, а значит, кто-то его должен выслушать. «Если не я, то кто же?» Вячеслав знал: Игорь много лет отслужил на космодроме «Байконур», остался без работы — уволен по Указу Горбачёва «О сокращении Вооружённых Сил СССР». Тогда, только в первые два года действия Указа, армия сократилась на пятьсот тысяч военнослужащих, а потом понеслось... Грамотные офицеры, полные сил и готовности служить Отечеству, остались не у дел: в армии не нужны, в мирной жизни — без профессии и опыта трудовой деятельности в гражданской сфере — тоже. Чиновники все, как один, будто насмехаясь, в одну дуду долдонят: «Государству сегодня не по силам обеспечивать выполнение взятых на себя обязательств по социальной защите военнослужащих. Нет средств на достойное денежное довольствие, на строительство жилья и оказание адресной социальной поддержки». Как государство оказалось бессильным, беспомощным, понять трудно. Болезненно переживали бывшие военные и то обстоятельство, что Вооружённые Силы страны были сокращены в одностороннем порядке: Михаил Сергеевич Горбачёв и его окружение почему-то не потребовали взаимного действия со стороны Запада.

Слава снял перчатки, расстегнул куртку с цигейковым воротником, огляделся, куда бы пристроиться, удручённо сказал другу:

— Извини, домой пригласить не могу.

— Я тоже, а в кафе идти не на что, — Игорь смущённо стукнул по карману.

Слава с иронией спросил:

— Стукнул по карману — не звенит?..

— Нет, — серьёзно ответил Игорь, не поняв иронии.

— Ну... давай там, что ль, приземлимся... — Слава махнул рукой в тёмный коридор и обратился к дежурной: — Тётъ Маш, мы в начальном блоке стоим, потолкуем?

— Идите, идите, ребятки, толкуйте, — согласно кивнула она бывшим школьникам, а сама бдительно глянула, нет ли у них в руках чего необходимого.

Уловив её взгляд, Слава широко улыбнулся:

— Да нет у нас ничего, тётъ Маш, давно не маленькие.

Но дежурная на всякий случай предупредила:

— Если курить надумаете, то на улицу. Свет в коридоре включить?

— Не надо, мы недолго, хулиганить не будем, обещаем.

Тётя Маша, бывшая завхоз школы, а ныне пенсионерка, подрабатывает в родных стенах вахтёром и на всех вечерах встречи берёт ответственное дежурство на себя. На предпраздничных планёрках она не просит директора, а будто приказывает: «Я всех этих сорванцов помню, знаю в лицо, могу и паспорт не проверять, так что, Степан Харитоныч, назначайте меня».

Степан Харитонович — крепкий, широколицый, с добрыми карими глазами — оказался тем директором, который прижился в школе надолго и в трудные времена стал для неё ангелом-хранителем. Около десятка лет он знал Марию Васильевну как хорошего ответственного завхоза, и когда ей пришло время уходить на пенсию, он согласился с её просьбой ещё поработать в этой должности, но однажды завхоз сказала: «Уволь, сил моих больше нет». Тогда он предложил ей должность вахтёра, будучи убеждённым, что надёжными специалистами разбрасываться неразумно, тем более в столь смутные времена.

— Я и сам хотел просить тебя подежурить, Мария, — радушно улыбался руководитель, — ты ж у нас первое лицо школы.

— Как это? — не поняла шутки вахтёр.

— А так. Кого входящие видят первым? Тебя.

— Так я и последнее, получается, — засмеялась Мария Васильевна, тряся большим телом, — ну спасибочки, угодил.

— Я комплимент хотел, а ты, как всегда, всё перевернула, — шутливо заметил директор.

Тётя Маша не любила сидеть на вахте, ныне по-модному называемую «ресепшн». «Мало мне простору в этой собачьей конуре! — возмущалась она, когда директор ей делал замечание. — А если хулиган какой? Пока вылезу, он полшколы пробежит, а так мимо меня не пройдёт». — «Мимо тебя, как мимо танка, трудно пройти», — примиряясь с настырностью бывшего завхоза, соглашался руководитель. Тётя Маша всегда садилась

на любимую скамейку у входа, словно на деревенскую завалинку, широко, по-хозяйски расставляла ноги в тёплых «прощайках» для лёгкости шага. Одета в длинный шерстяной сарафан, спину и плечи она покрывала огромной серо-коричневой пуховой шалью...

Одноклассники прошли в тихий коридор, остановились у окна с видом на внутренний школьный двор. Слава присел на широкий подоконник, Игорь тяжело навалился плечом на выступающий угол стены и без обиняков начал с наболевшего:

— Во многом прав Евгений Андреевич. Все говорят, изменился он после того, как в Бога уверовал, а я так чувствую: верен он себе, своим принципам... вечно такие темы вскроет!.. Я-то знаю точно, — не без помощи США было решено, что наш «Буран»¹ и разработанная для него сверхмощная ракета-носитель «Энергия» якобы стали слишком затратными для экономики СССР, — Игорь досадно цокнул языком, на его смуглом лице, выхваченном светом из окна, возбуждённо горели белки выпуклых чёрных глаз. — Когда во время испытаний мы запустили «Энергию» с «Бураном», он был без космонавтов. Понимаешь, Славка? В автоматическом режиме «Буран» сделал два витка вокруг Земли и благополучно приземлился. Этого не умели делать американские «Шаттлы»! Совершенно не умели! Они взлетали только на ручном управлении и приземлялись на ручном. А у нас уже всё автоматизировано. И вдруг всё коту под хвост...

— Значит, американцы боятся?

— Да!.. Они не могут простить нам свой «вьетнамский синдром». Тогда мы нанесли самое сокрушительное военное поражение США за всё время их существования... Но нам нельзя забывать — нельзя! понимаешь?! — что они — единственная страна, которая применила атомное оружие против другого государства, в котором не было атомной бомбы! Где гарантии, что они не захотят повторить этого шага?.. А наша армия, наше самое передовое оружие не позволяли никому вступить с нами в военное противостояние... Мы были первыми в мире, это наши космонавты ставили мировые рекорды, наши автоматические межпланетные станции исследовали Солнечную систему, наш флот, наши корабли в море были везде первыми... — Игорь с каждым предложением, акцентируя слово «наши», всё жёстче сжимал большие кулаки, лицо его становилось всё суровой. — И советская космическая наука намного превосходит американскую... превосходила, — он чуть было не сплюнул на пол, но вовремя сдержался. — Освоение космоса показывало, чья наука больше развита, кто сильнее!.. А наши провели

¹ Космический корабль многоразового использования.

СОИ-1, потом СОИ-2¹ и начали рушить стратегические бомбардировщики... Прекратили строить Красноярскую радиолокационную станцию — торжественно заморозили! — а она на девяносто процентов уже была построена! Благодаря нашей ПВО² можно было бы видеть всю Аляску и легко предупредить любое движение в воздухе... За державу обидно, Славка. Понимаешь, страна раздета догола! Хоть на панель, бл...

— Ты хватанул, — горько поморщился Слава.

Игорь порывисто развёл руки.

— Конечно, тебе об этом никакие СМИ не скажут! А ты факты на линейке нарисуй, как говорит Евгений Андреевич, и подумай. Разве это не планомерное разрушение государства, власть которого продалась?.. Вспомни самое начало 90-х, когда у людей просто изъяли всё, что они накопили за всю жизнь, когда однажды утром объявили, что из обращения изымаются пятидесяти- и сторублёвые купюры? Все!.. Было — бац! — и не стало! Даже не дали людям нормальной возможности поменять их, а то и намеренно «скинув» их в народ из банков... Хм, — соорил злую гримасу Игорь, — никогда не забуду, как мать моя телевизор купила. Инфляция бешеная, а народ в большинстве своём не понимал, что это такое, привыкли жить от получки до получки, всю жизнь коробок спичек стоил одну копейку, а булка чёрного хлеба — шестнадцать... На книжке у матери была тысяча, годы копила. Когда почувяла, что деньги обесцениваются, решила хоть во что-то их вложить. Пошла в сберкассу, сняла кровные, и ей выдали всю сумму — невиданное дело! — пятидесятирублёвыми. Она вечером рассчиталась с мужиком, что помог телевизор достать, ведь в магазинах — ничегошеньки. Мужик приехал вечером, привёз цветной «ящик», взял деньги, а утром на всю страну по этому ящику объявили, что деньги — уже не деньги. Мать тогда плакала: мужика жалела, ей казалось, она его подставила... и от счастья плакала, что успела хоть телевизор купить, на который, получилось, полжизни копила... и осталась на память одна зелёнькая бумажка с Лениным, а на другой день на эту дорогую бумажку даже спичечный коробок нельзя было купить. Сколько пенсионеров, всю жизнь честно трудившихся, пострадало? Копили себе на смерть, на кооперативное жильё детям, копили внукам на свадьбу, а тут — бац! — у разбитого корыта...

¹ СОИ — стратегическая оборонная инициатива, объявленная президентом США Рональдом Рейганом 23 марта 1983 года долгосрочная программа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Основной целью СОИ являлось создание научно-технического задела для разработки широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования, исключающей или ограничивающей возможное поражение наземных и морских целей из космоса. Конечная цель СОИ — завоевание господства в космосе, создание противоракетного «щита» США.

² ПВО — противовоздушная оборона — комплекс мер по обеспечению защиты от средств воздушного нападения противника.

Слава удручённо закивал.

— У меня тётка в деревне, когда сняла всё до копейки, то смогла купить лишь «сникерс», всех сбережений только и хватило на «толстый-толстый слой шоколада»... Ни денег, ни надежды на светлое будущее.

— Вот-вот, сняли с надежды цветные одежды, без одежд надежда не манит, как прежде... Вся страна враз стала нищей. Продажная революция... Понимаешь, невозможно купить все «низы», а «верхи» — легко! Представь: дай сотне-тысяче человек по рублю. Да никто не согласится за такие деньги и пальцем пошевелить. А дай эти же сто тысяч какому-нибудь чинуше... Ну скажи, разве не странное решение о морских границах в Беринговом море принял Шеварднадзе с согласия Горбачёва?

— Чем же оно странное?

— А ты не знаешь?

Слава не успел ничего сказать, Игорь и не ждал ответа.

— Да просто об этом не больно распространялись... Вместо двухсотмильной зоны оставили нам четырнадцать миль. Че-тыр-над-цать!.. Было у нас море и не стало. Наши рыбопромысловые угодья вот так взяли и отдали америкосам. Теперь они нам нашу же селёдочку продают за доллары... Вспомни-ка, минтай никогда за рыбу не держали! Им кошек кормили, коров кормили для повышения надоев, сено-то, хлеб — дорогие, ещё вырастить надо, а рыбы навалом, только лови... А помнишь, Евгений Андреевич ещё в школе на классном часе как-то рассказывал? В 70-х в Челнах много было иностранных специалистов, «КамАЗ» строили. Так вот, у знакомых Евгения Андреевича, у одной заграничной семьи, закончился контракт, и они стали собираться восвояси, а пока тут жили, завели кошку. Куда девать? Конечно, друзьям. Принесли её Череповым и спросили: «Чем кормить будете? Она у нас мясо любит, а у вас в стране с мясом проблемы». Евгений Андреевич ответил: «Рыбой свежей, у нас и речной, и морской полно, минтай дешёвый». — «Как?.. Рыбой?! — удивились гости. — Это же так дорого!» — «Да у нас этот минтай за рыбу не считают, школьники в столовой не едят, им как отходами вся округа кормит собак и кошек...»

— Хорошо помню. Евгений Андреевич много тогда рассказывал про иностранных специалистов, про то, как они удивлялись, что в нашей стране люди понятия не имеют, что такое счётчики на воду и на газ.

— Ну вот, а теперь что? Теперь бездомных собак не кормят, их самих отлавливают и едят...

— Ну...

— Вот тебе и ну, лапти гну... Скажи, разве это не предательство народа?.. И Ельцин перед Западом сделал жест рукой: «Мы выйдем досрочно...» И вывел советские войска из стран Варшавского договора, в чистое поле

вывел и людей, и технику. А НАТО¹ тут как тут — поближе к границам России... Демократия... Растащили страну: «Ешьте суверенитета, сколько хотите...» Были братские народы — теперь от братства и дружбы свободны!.. А-а... — Игорь досадно, словно выдохся, махнул рукой. — Да что там... — он достал из-за пазухи носовой платок, протёр лоб и — неожиданно: — Смотри, снежок пошёл, — у него будто перехватило горло, он откашлялся. — Выйдем на крыльцо, покурим, а потом по домам.

— Не курю, давно бросил.

— Счастливчик.

— Да, счастливчик, — согласился Вячеслав.

— А я в пятом классе, как пришёл в эту школу, так сразу бросил, Евгений Андреевич умел убеждать, — улыбнулся Игорь. — А вот снова... Пошли...

Одноклассники, поблагодарив тётю Машу за приют, вышли на школьное заснеженное крыльцо. Время ещё вечернее, но кругом уже темнота, как ночью. Зима.

Игорь жадно закурил и смущённо сказал:

— Спасибо, что выслушал.

— Не унывай, всё образуется.

— Какой-то философ сказал: прежде чем ополчиться на зло, взвесьте, способны ли вы устранить причины, его породившие... А мы всё чаще, как санитары, убираем только последствия.

— Меня это тоже мучает, — задумчиво сказал Слава.

Одноклассники молча направились к калитке. Миновал ворота, Игорь остановился, будто ещё что-то хотел сказать. Но жадно докурив сигарету, затоптал её в снегу, потерянно улыбнулся.

— Ну, до новых встреч? — протянул широко ладонь.

— Держись, — Слава хлопнул по его руке.

— Ты тоже...

Они разошлись. Вячеслав напоследок оглянулся, ещё раз окинул взглядом школьный двор, освещённый прожектором с крыши: сугробы на газонах — в человеческий рост. Над ними возвышаются берёзы и тополя-великаны. Когда-то школьники их сами высаживали во время субботников, за каждое деревце отчитывались перед Советом пионерской дружины. «Зелёный патруль»² следил, чтобы никто не сломал ни один тоненький саженец; летом поливали, зимой огораживали. И вот — исполины, красавцы... «Тополя, тополя, в город мой влюблённые», — Светка любила эту песню, даже уговорила Раису Матвеевну включить её в их спектакль... Эх, Светка...

¹ НАТО — военно-политический блок, объединяющий большинство стран Европы, США и Канаду, основанный 4 апреля 1949 года в США.

² Всесоюзное движение школьников по охране окружающей среды.

Слава сегодня пришёл в школу намного раньше начала торжественной встречи выпускников, навестил Раису Матвеевну, застал её в классе, — она наводила порядок в шкафу с книгами и пособиями. Увидев бывшего ученика, обрадовалась, засуетилась:

— Ой, а у меня к чаю-то ничегошеньки...

— У меня есть, — он, довольный тем, что может сделать приятное, достал из-за пазухи плитку шоколада «Вдохновение». — Кажется, ваш любимый.

— Ты помнишь? — смутилась учительница. — Теперь наш советский шоколад — дефицит. Спасибо большое, — она прошла в лаборантскую, оттуда крикнула: — А нам сейчас и чайники запретили держать, пожарные штрафами школу со всех сторон обложили, как красными флажками, вымогательство сплошное. Но у меня тут кипятильничек припрятан, так что держи язык за зубами.

— Обижаете... — Слава скинул зимнюю куртку, шапку, шарф, бросил на вторую парту третьего ряда — его место в классе. Присел.

— А вы разве теперь не чаёвничаете после репетиций?.. Как наш театр поживает?

Раиса Матвеевна вынесла две чашки с горячим чаем, поставила на учительский стол, распаковала, разломала шоколад, разложив на фольге.

— Вся жизнь — театр, — она печально покачала головой, — и сюжеты всё библейские, только за каждым углом Иуды. Нет больше кружка. Холодно стало в школе, во всех смыслах холодно, — она села за стол, поёжилась.

— А как же сила литературы, искусства?.. — Вячеслав подошёл к первой парте, что примыкала к учительскому столу.

— Не сыпь соль на рану. Сейчас другая сила, «кто успел, тот и съел», называется. Каждый выживает, как может... Кругом враньё: на одно доброе слово — десять фальшивых... Учителя превращаются в урокодателей, им не до детских душ. Школы выживают, как могут. До чего дошло? Здесь теперь свадьбы гуляют!.. Где?! — Раиса Матвеевна, как на уроке, подняла указательный палец вверх. — В храме наук!.. Маразм. Раньше бесплатные кружки по выходным, а теперь пляски-пьянки, а вы, детки, подвиньтесь, школа деньги зарабатывает! — она эмоционально жестикулировала. — Наши доблестные депутаты пиво признали пищевым продуктом! Ну не идиотизм ли? Скоро в школах детям его начнут продавать — чем больше дураков, тем лучше, рабы нужны... Знаешь, иногда всё бросить хочется, — она устало поднялась и вновь вошла в лаборантскую.

Через открытую дверь Слава наблюдал, как учительница быстрыми привычными движениями убрала небольшой кипятильничек в самый низ

шкафа, за старые книги, достала из какой-то тетради промокашку, выключила свет и закрыла дверь. Раиса Матвеевна — по-прежнему стройная, со вкусом одетая. Вячеслав помнил, как мальчишки-старшеклассники в неё влюблялись, даже посвящали ей свои неумелые стихи. Причёску она не изменила, в пышных, красиво уложенных волосах почти совсем не заметно седины, но... печально опустились уголки губ, не так гордо, как раньше, развёрнуты плечи.

— Не узнаю вас... — тихо сказал Слава, когда она вернулась к столу.

Учительница скупо улыбнулась:

— Ты тоже подросток... Это тебе вместо салфетки, — она заботливо положила к его чашке желтоватую промокашку. — Всё чаще думаю: наверное, зачем-то нам нужны все эти испытания, «продуман распорядок действий, и неотвратим конец пути... я один, всё тонет в фарисействе, жизнь прожить — не поле перейти», — процитировала учительница.

— Пастернак, — то ли спросил, то ли утвердил бывший ученик.

— Молодец, Вячеслав, — лицо Раисы Матвеевны просияло радостью, — вот теперь тебя хвалю я... Ты прости, не обращай внимания на моё настроение, просто выдохлась, авитаминоз, наверное... Садись поближе, рассказывай: как ты? где? как дела?..

Слава замялся. Он не хотел распространяться ни о старой, ни о новой службе. Ещё раз оглядел кабинет литературы, в классе всё — как и прежде: те же портреты писателей на стенах, та же цитата над доской «В человеке должно быть всё прекрасно...» Эти буквы из пенопласта он и Семён вырезали когда-то в кабинете труда. Белые буквы от времени стали серо-жёлтыми.

— Да что обо мне?.. Как вы-то? Как сын, муж?

— Ишь, находчивый! Всё у меня слава Богу, сын большой стал, здесь, в школе учится, муж на частника работает, мебель какую-то делают... А тебя, если не будешь отвечать с места, к доске вызову, — пошутила Раиса Матвеевна и по-учительски внимательно глянула на бывшего ученика.

Слава, по старой ученической привычке, прежде чем отвечать, повторил вопрос:

— Как дела?.. Да пока, если честно, никак, работу ищу, — схитрил он.

— Вот было ли такое в Советском Союзе, чтобы человек без работы жил? — возмутилась учительница. — От каждого по способностям, каждому по труду... Попробуй не устройся больше месяца, если откуда-то уволился, — стаж потеряешь, за тунеядство накажут... А теперь государству плевать: работаешь или нет и на что живёшь... Ну, не будем о грустном, — смутила собственной горячности Раиса Матвеевна. — Скажем так: ты пока отдыхаешь. Уверена, у тебя всё наладится.

— Угу, — он кивнул.

— А отдыхать надо. И не столько от физического труда, сколько от мыслей. Я, к примеру, уже жду не дождусь весенних каникул, а отдохну и — в «вечный бой, покой нам только снится».

Слава вздрогнул. Взглянул, не заметила ли учительница. Нет. Он задумчиво продолжил цитату:

— «Сквозь кровь и пыль... летит, летит степная кобылица и мнёт ковыль».

Раиса Матвеевна негромко хлопнула ладонью по столу, счастливо улыбнулась:

— Дневник на стол, ставлю «отлично»! Знать, всё же не зря ем хлеб, а! — глаза учительницы засияли. — Спасибо, Слава, большое спасибо тебе, душу согрел...

— А ребята-кружковцы навещают вас?.. — вкрадчиво спросил Вячеслав и, спрятав за чашкой глаза, шумно отхлебнул.

Раиса Матвеевна поняла таинственность вопроса. Вдохнула:

— Светлана давно не приходит... и правильно! Чего она тут забыла? Чего ей тут искать?.. Быть может, стыдно смотреть на нашу нищету? Она же теперь, как это говорят, «вся в шоколаде»... — в голосе и жестах учительницы проскользнуло раздражение, но, заметив смущение Вячеслава, она сочувственно сказала: — Забудь. Живи своей жизнью, — отпила из чашки, взяла кусочек шоколада. — М-м, забытый вкус... — помолчала, словно углубилась в воспоминания, потом тихо произнесла: — Князь Мышкин в современном театре не в моде, Славчик...

«Славчик»... Только она так его называла, когда хвалила за выученный урок, когда поощряла удачу в театральных ролях. Тёплая волна благодарности разлилась в его душе.

— Я всё чаще чувствую себя Раскольниковым, — искренне сказал он.

— Упаси тебя Господь! — встревожилась Раиса Матвеевна. — Береги себя, Слава...

— У вас в кабинете и впрямь холодно, — сменил тему гость, побоявшись, что опрометчиво брошенная им фраза потянет за собой вопросы, требующие откровенных ответов. — Окно вон разбито, — он посмотрел на заклеенную тетрадными листами дыру, верхней две дыры в стёклах больших двойных оконных рам.

— Бандитский снаряд, — с иронией пояснила учительница. — В меня метили... Вечером сидела, тетради проверяла. Уронила ручку, наклонилась, и тут — дзынь, бах! — камень на столе... Что самое странное, даже знаю, кто это сделал, но не пойман — не вор. Никогда бы не подумала, что двоечнику может в башку прийти такая месть... А всё — вседозволенность, безнаказанность... богатый папа «отмажет». Видать, не сумела я достучаться до сердца нерадивого ученика, так он решил достучаться до моей головы, но

Бог отвёл, знать, нужна я ещё на этом свете, знать, пригожусь ещё. Именно к этому папаше, как ни в чём не бывало, и обратилась, чтобы стёкла заменил, пообещал на днях сделать... Война, и только.

Слава задумчиво кивнул...

Интересно, за какой такой мир Горбачёв получил Нобелевскую премию мира? Какая такая «шоковая терапия» и свобода торговли Ельцина привели страну к глубочайшему кризису? Идёт передел государственной собственности. Авторитеты в законе навязывают гражданам «закон авторитетов». В городах — от столицы до периферии — организуются бандитские группировки, которые берут под свой контроль коммерческие предприятия, рынки, рестораны и банки. Люди рьяно занялись торгово-закупочной деятельностью, открыли своё частное производство. Предприятия «перестроились» в частные малые компании, многие производства стали успешными. Но возникла сила противостояния — сила бандитов-паразитов: частный бизнес надо «прижать», потому что это — доход. И пока государство попустительствует, организованные группировки взяли ситуацию в свои руки; да и сами группировки разделились на два клана: один из них возглавили силы «снизу» — бандиты; другой — «верхи» — представители государственной власти. И началась война.

Жестокие игры затягивают не только взрослых, но и подростков, и детей. В организованных группировках налаживается чёткое распределение «труда», железная дисциплина, определённая иерархия: лидеры — авторитеты — старшаки — пацаны... В спортзале школы вечерами занимаются молодые бойцы, они должны быть в хорошей физической форме. Никакого алкоголя и курения, ежедневно — продуманная физическая нагрузка с жёсткими спаррингами, боями с оружием. Бойцы нужны, чтобы следить за подопечной территорией города. Многие из «молодых» учатся в этой же школе, многие из «старших» — учились. Вроде неплохое сотрудничество — есть у школы своя защита, но... от кого защищаться в родном районе? От своих же учеников? Получается, что так.

Район разделён на комплексы. Мальчишки разных комплексов — на «конторы» по двадцать-тридцать человек. Конторы находятся под «надзором» организованных группировок «старших».

Сын Евгения Андреевича живёт в одном районе, в школу ходит в другой — там работают мама и папа. Путь от дома до школы и обратно складывается порой непросто: то в своём дворе ревностные подростки проучат за то, что шляется с «чужаками», то в другом районе придерутся, что не имеет права гулять по их территории. Невозможно пройти по улице, чтобы не наткнуться на сборище пацанов.

Виктор задержался в школе, помог маме в кабинете труда передвинуть несколько швейных машинок: мама решила высвободить место в мастерской для электрического оверлока¹. Об этом нужном в швейном деле чуде Татьяна Корнеевна не смела и мечтать, но бывшие ученики преподнесли подарок к Дню учителя. Накануне вечером Татьяна Корнеевна дома за ужином поделилась радостью:

— Надо будет пару машин в классе передвинуть, чтобы отдельный стол поставить для оверлока. Руки так и чешутся его испробовать.

— И я хочу... — отозвался Виктор.

— Что хочешь? — спросила мама.

— Попробовать, как он работает.

— Вот, Танюш, на ловца и зверь бежит, — весело откликнулся отец. — Пусть Виктор тебе и поможет с перестановкой, слава Богу, силён уже. А ты в качестве педагогического поощрения позволь ему опробовать чудо-технику.

— Да я и без педагогического поощрения согласен маме помочь, — обиженно буркнул Витя, — просто не успел предложить...

После того, как из школьного девчоночьего кабинета труда Виктор вынес последний мусор, собранный после перестановки, он с удовольствием сел за оверлок, зарядил три нитки, выбрал несколько ровных лоскутков из маминого хранилища в лаборантской и обработал края ткани.

— Очень даже неплохо получилось, можно как салфетки использовать, — похвалила мама. — Ты молодец. У тебя с малых лет способности к работе, требующей умелой руки. Ты чувствуешь нить... Помнишь, как удачно ты крестиком вышил подушечки для бабы Оли и бабы Кати? Может, после девятого класса тебе в швейное училище поступить? — Татьяна Корнеевна разгладила ткань, провела пальцами по обмётанным краям. — Для первого раза просто отлично.

— Нет уж... девчачья это работа, — испугавшись возможной перспективы, возразил Витя.

— Не обязательно девчачья. Почти все известные модельеры мужчины, есть и прекрасные портные. Раньше эта профессия, как и большинство, была сугубо мужской...

— Нет, — резко сказал Виктор и встал из-за машинки, — не говори никому, что я тут был... Пацаны засмеют.

— Ладно, только ты, если хочешь, всё равно заглядывай, — ласково улыбнулась мама. — Спасибо тебе большое за помощь, — она хотела по-

¹ Вид швейной машины для обмётывания срезов текстильных материалов.

трепать сыну волосы, поцеловать в макушку, но сама себя одёрнула, лишь заботливо подала куртку да погладила его по плечу. Последнее время Витя будто стеснялся принимать ласку, ершился, стал несговорчивым.

— Ну, я пойду, — не услышав мамино «спасибо», деловито сказал Виктор.

— Иди... Папа в церкви, а я ещё немного тут повожусь. Суп в холодильнике, поешь и Друзу покорми, да не забудь с ней погулять.

— Ладно, — бросил сын, закрывая за собой дверь кабинета.

Виктор вышел из школы, с удовольствием вдохнул осеннюю прохладу. Сегодня суббота, самый приятный день недели: можно не учить уроки, вечером спокойно посмотреть телевизор — отец придёт нескоро, а то из-за него никакой фильм по второй программе немотришь, когда на первой «Время». Утром завтра можно подольше поспать, если, конечно, мама с папой не возьмут его с собой на утреннюю службу.

Он миновал двор, усыпанный пожухлой тополиной листвой, но не успел выйти на улицу, как из-за будки теплосети — убежища школьных курильщиков — показались подростки.

— Чё один ходишь? — спросил тот, что выше всех ростом, рука его была в широкой штанине: явно он там играл ножом или кастетом. Остальные шестеро преградили Виктору путь.

— Домой иду... — Витя старался держаться с достоинством, знал: если побегать, то мало не покажется. «Впрочем, — мелькнула мысль, — дорога близко, там хоть и машины, а не так опасно, как во дворе... Но старое кладбище — местечко для тёмных дел — ближе, всего метрах в пяти». Он решил не рисковать.

— С кем живёшь? — грубо спросил высокий.

— С мамой, папой...

— Ты чё, тормоз?!

Компания зашумела: кто-то ехидно засмеялся, кто-то начал передразнивать.

— Лампа¹, — скомандовал первый. Подростки замолчали. Тот, что начал вопрос, продолжил:

— С кем в комплексе живёшь?

— Ни с кем...

Спрашивающий сплюнул и угрожающе подошёл ближе:

— Штатаешься с кем? С «Девятниками» или «Третьяками»?

— Да ни с кем, — уже чуя, что добром встреча не кончится, сказал Виктор и напрягся, приготовившись к неравной схватке. — Я сам по себе.

¹ «Лампа» — на языке подростков команда «тихо». Когда старший говорил «лампа», значит, должно стать так тихо, чтобы все услышали, как гудит лампа дневного света.

— Чё ль, кошак? — ухмыльнулся пацан. — Говори, кого знаешь из вашей конторы?

— Ну, Прыща знаю, — на свой страх и риск назвал Витя кличку парнишки, что жил в их дворе.

— Кого-кого? — скривил рожу старший.

Но тут кто-то из группы тихо бросил:

— Мама¹.

Компания мигом — врассыпную, без суеты, чтобы не привлекать лишнего внимания. Старший пошёл на Виктора, Витя сжал кулаки, но тот, небрежно задев его плечом, лишь прошипел: «Живи пока...» — и ушёл прочь.

Витя оглянулся: от школьной калитки в их сторону направилась женщина в милицеевской форме. Он узнал школьного инспектора — представительницу детской комнаты милиции. «Ну, правильно, сегодня в кабинете директора проводили штаб профилактики». Однажды он на нём уже побывал: разбирали его участие в большой драке, в которой одному пацану руку сломали. Витя отделался устным выговором, на учёт в милиции его не поставили. «Не стоит дожидаться, когда инспекторша пристанет с расспросами», — Витя прибавил шагу и как только свернул за угол дома, дал дёру — на всякий случай.

Сегодня ему повезло — вернулся домой без ранений...

Когда встречалась компания из организованной «конторы», всякое могло быть. Хорошо, если среди пацанов находились те, кто знал, что Витя — сын уважаемого учителя, тогда обходилось без драки. Хотя причиной «военных действий» служила любая мелочь: кто-то чужой задел кого-то локтём, кто-то слово не то сказал — и между разными «конторами» могла начаться жестокая драка. Оружие — кирпичи, монтировки, обрезки арматуры и ножи — было припрятано во дворах, в тайниках, члены группировки об этих местах знали.

Опасно «напороться» на стихийное сборище малолеток, которые ещё ни к какой группировке не примкнули и живут не по «пацановским понятиям»², миром такая встреча заканчивается редко, и, чтобы не устроили тёмную, приходится откупаться. Если гуляешь в чужом районе и наткнулся на «хозяев» — плати, чем можешь: лучше всего деньгами, можно сигаретами или чем покрепче... Как будешь добывать «дань», никому не интересно: хочешь — займи у родителей; хочешь — у одноклассников в раздевалке

¹ «Мама» — предупреждение об опасности: «внимание, милиция».

² Объединяющие группировку идея и свод правил, которые обеспечивают определённую безопасность и готовят подростков выживать в бандитской среде.

карманы проверь; хочешь — из машины соседа магнитолау притарань; а хочешь — подработай на рынке.

Однажды Витя предпринял попытку откупиться водкой, которую утащил у родителей и принёс «требователям» в школу. Вахтёрша досматривать его не стала, поверила сыну уважаемого учителя на слово, что он несёт рубанок в кабинет труда. Пацаны спрятались в туалете, сами выпили и его заставили...

«Дань» собиралась и в организованных группировках, деньги уходили старшим в «общак». Помногу с малолетних членов подчинённой «конторы» не брали — так, по рублю в неделю, чтобы в семье не заметили. Больше приветствовался «честный труд»: провести с каким-нибудь коммерсантом переговоры, чтобы тот за «крышевание»¹ регулярно платил; или подежурить на дворовой стоянке для машин, гарантируя владельцам целостность авто, за что владельцы должны были «благодарить». А если коммерсант или владелец авто не соглашались на сотрудничество, им давалось понять, что худой мир лучше доброй войны. Способы объяснения зависели от сговорчивости должника: ребята «изымали» колёса, аккумуляторы, разбивали стёкла и зеркала автомобиля; у совсем непонятливых клиентов могла исчезнуть машина или сгореть торговый ларёк.

В городе процветал бартер. Почти все жители вынуждены были заниматься торговлей. Зарплату на работе выдавали не деньгами, а в лучшем случае продуктами питания. Люди вышли на улицы, организовали стихийные торговые точки. Кушать хотелось всем, и каждый стремился получить живые деньги или обменять получку на что-то необходимое, а чтобы твой товар заметили, надо было занять выгодное место в рядах... И ребятки быстро сообразили: контроль — дело выгодное. Да и сами торговцы нередко просили какого-нибудь шустрого пацанёнка: «Покарауль тут местечко для меня, чтоб никто не занял. Я заплачу». Тот и рад стараться, дежурить день и ночь. Но кто-то из старших замечал шустрого паренька на рынке и брал под свою опеку, давал другие поручения, а хозяину точки объяснял: «Плати, и ты всегда будешь под охраной».

Карманники в общественных местах — это другая стихия. Там работают «синюшники» — лагерные профессионалы, у них — целая школа напёрсточников, шулеров... Ими разработаны схемы, как завлечь малолеток. Есть и своя иерархия: вор в законе — авторитеты — бригадиры — старшаки... Территория города строго поделена и контролируется. Любой карманник знает, на чей участок пришёл, а чтобы можно было «законно поработать», надо лишь найти «смотрящего» и договориться:

¹ Обеспечение защиты бизнеса, в том числе незаконного, со стороны правоохранительных или криминальных структур за вознаграждение на постоянной основе.

- Я тут у тебя постригу капусту¹?..
- Нет проблем. Можешь на автовокзале, на ЖД, но вот на тот рынок не лезь... А мне в день вот столько отстегнёшь...

Захват сфер влияния привёл к серьёзным конфликтам. Сталкивались разные интересы: или организованные группировки не могли договориться между собой, или не совпадали интересы организованных с неорганизованными, или с теми, кто «в законе». Нередко главари решали проблемы конкуренции самыми жестокими способами. Непослушных, отказавшихся платить «дань», обязательно постигало наказание, которое выполняли обученные члены клана — киллеры.

Город потрясла смерть одного из директоров большого завода: скорее всего, его казнь была показательной. Директора, когда он выехал в своём автомобиле за город, захватили киллеры одной бандитской группировки, но ни под какими жестокими «уговорами» руководитель предприятия не согласился на «дань». Тогда его — ещё живого — замуровали в собственной машине, привязали к ней надутые автомобильные камеры и отбуксировали при помощи моторок на середину Камы, расстреляли камеры и «концы в воду»...

Расправлялись и со своими членами группировки, нарушившими «понятия», и чем серьёзней было нарушение, тем жёстче наказание: пацана-подростка могли пропустить через «коридор» сотоварищей, когда каждый пинал его под зад так, как считал нужным, насколько хватало фантазии; взрослого могли «опустить» и до содомского греха.

Боялись в городе и массовых драк, когда одна «контора» шла на другую «стенка на стенку», порой эти войны заканчивались очень печально: молодые безжалостно калечили друг друга, а то и убивали.

* * *

Слава шёл по заснеженной улице и думал: «Все твои мученья — только малость, если вся в крови земная ось...» Он направился в гости к другу детства, с которым давно не виделся. Илья не пришёл на последний вечер встречи, хотя накануне заверил одноклассников, что обязательно будет. Сегодня у Славы выходной. Утром он позвонил Илье, и тот позвал к себе: жена на работе, сын и дочь не помешают общению.

Илья пригласил гостя на просторную уютную кухню. Когда хозяин ставил на стол нехитрую снедь и чашки с горячим чаем, Слава заметил в движениях друга несвойственную ему неуверенность, всмотрелся в его лицо:

¹ Обирать или зарабатывать деньги (жаргон).

большие карие глаза как-то сузились, а чётко очерченный рот скорбно сжался. Вячеслав не стал торопиться с вопросами, понимая: в спокойной беседе всё само собой проявится...

В тот вечер, когда Илья собирался в школу, в больницу привезли двух подростков, и ему пришлось оперировать обоих. Одного удалось спасти, а другого нет. Тот, что выжил, попал в больницу с ножевым ранением, «скорая» подобрала его на окраине города, у леса, по какому-то странному стечению обстоятельств подросток оказался именно там. После успешной операции с разрешения врачей его навестила милиция.

Слава знал: не так давно в УВД поступила видеозапись, которая была сделана неизвестным в лесу во время тренировки подростков, что состоят в организованной группировке. «Самопальное кино» показало: мальчишки не просто уходят в походы. На природе они участвуют в серьёзных тренингах на выживание, на выносливость, на укрепление командного духа. Решению поставленных задач способствуют тяжёлые физические упражнения, среди которых обязательными являются многочасовые кроссы с камнями в рюкзаках за плечами. Если кто-то из пацанов не выдерживает нагрузки и втихаря избавляется хоть от одного камушка, его наказывают, устраивая испытание в неравной драке: бьют по-настоящему. Тому, кто в беге отстаёт, старшие могут выстрелить в зад из пневматического ружья — помчишься только так! Но если вдруг команда не заметила пропажи бойца — наказывают всех: либо дополнительным кроссом, либо голодом и жаждой, либо «отдыхом», когда вся подростковая группа стоит на поляне и часами держит огромное спиленное дерево: разговаривать, плакать и стонать нельзя, бросить до времени нельзя — винтовка старшего наготове.

Применяются и такие методы воспитания: если кто-то боится крови, то именно его заставляют убивать и разделывать кошек — группа берёт их с собой в поход в качестве живого запаса питания. Также мальчишек обучают захватывать заложников, натаскивают хитростям угона машин, прививают навыки самообороны. Устраивают им и боевые спарринги на ножах, средством защиты служат только фуфайки и умение владеть оружием...

В больничной палате следователь в присутствии врача расспрашивал пострадавшего подростка:

— Скажи, Радик, почему многие твои сверстники считают, что в группировке быть полезно?

— Когда в стране беспредел¹, лучше быть в «конторе», чем с урками², — по-взрослому ответил подросток.

¹ Действия, переходящие всякие рамки писанных и неписанных законов.

² Урка — уголовник, вор.

— И ты тоже так считаешь?
— У меня «тройка» по математике, я плохо считаю, — съехидничал мальчишка.
— Но «контора» и урки, как ты говоришь, нарушают закон. И могут убить не только чужие, но и свои... Ты вот чудом выжил.
— Я упал.
— Как?
— Каком вниз, — дерзил больной. — Нога подвернулась, я и упал.
— Спиной на нож?
— А чё такого? В ножички играл. Всяко упасть можно, кто-то и шею на ровном месте ломает, а кто-то с крыши падает — и ничё...
— Ты прав... А с кем играл?
— С друзьями.
— Как зовут?
— Кого?
— Друзей.
— Дядя, — пацан злорадно ухмыльнулся, — стучать ментам — не по понятиям... Сам упал, никто не виноват.
— Я знаю твоих друзей, они из «Динамиков». И про «Тайфуны»¹ ваши знаю...

Глаза мальчишки недобро сверкнули. Следователь продолжил:

— Даже кличку твою знаю: Карась.

Паренёк нервно дёрнулся. Милиционер надавил:

— Так скажи, Лысый или Мутный тебя?.. А?..

— Не знаю таких, — торопливо выпалил пацан, непроизвольно рванулся и сморщился от боли, у парнишки вырвался короткий стон. Кряхтя, он удобней устроился на подушке, отодвинулся подальше от края кровати, плотней натянул простыню на перебинтованную грудь, будто желая отгородиться от милиционера. — А что я Карась, так это все знают, потому что Карасёв... И про «Динамиков» тоже все — сильная спортивная группа из ДДТ².

— Ну что ж, ладно. Выздоровливай, Радик... Аккуратней дружи с «Динамиками», а то, того и гляди, до смерти продинамят...

Следователь не стал больше давить на больного, понял: мальчишка ничего не скажет. Члены разных подростковых группировок, хоть и объединены старшими, между собой не общаются и знать не знают, кто чем занимается, какие поручения выполняет, чем живёт — продуманная система, у каждой группы свои пароли, свои кодовые слова.

¹ Тренировочные походы в лес.

² ДДТ — Дом детского творчества, расположенный в старой части города Набережные Челны.

Второй подросток пострадал на «стрелке»¹, во время драки кто-то ткнул его в спину шилом...

— «Скорая» привезла его к нам ещё живого, — горестно делился с другом Илья. Он заговорил так тихо, словно сдерживал в себе что-то, что теснило душу, и в то же время несколько торопливо, как будто хотел скорей выговорить и забыть то, что его терзало. — Знаешь, парнишка пытался ещё что-то сказать, но ранение оказалось в сердце... Маленькая, еле заметная дырочка в спине, а человека нет. Пока милиция выясняла, где он живёт, то есть жил, его родители сами пришли в больницу, искали они его. Меня вызвал главврач: «Отведи... покажи... скажи, что можешь...» И я повёл их в морг, включил свет, подошёл... сказал: «Вот»... Мать Александра — так звали парнишку — не решилась взглянуть, осталась в дверях. Отец опознал... чуть в обморок не упал... А что я мог сказать?.. Только пояснить причину смерти. Утешить невозможно! Трагедия... Как хрупка человеческая жизнь, раз — и всё... Так просто!

— Чувствуешь вину? — заглянул в глаза друга Слава.

— Медицина — не Бог, она не всесильна... — ответил Илья и твёрдо добавил: — В моей работе есть только один главный вопрос — к себе: всё ли ты сделал, что мог. И себе же честный на него ответ... Слава, я сделал всё.

— Ты веришь в Бога?

— Да, — кивнул Илья.

— Но ты же хирург.

— И что, хирург — не человек?.. Был такой знаменитый хирург, академик Войно-Ясенецкий. Слышал?

Слава пожал плечами. Илья пояснил:

— Он — лауреат Сталинской премии, был архиепископом, в Симферополе служил в храме. Однажды Сталин его спросил: «Вы хирург, а в Бога верите. Как же так? Вы что, видели в человеке душу?» Академик вместо ответа тоже спросил: «Иосиф Виссарионович, а вы в совесть верите?» — «Ну, в совесть верю», — сказал Сталин. А хирург ему: «А знаете, я совесть тоже не видел...»

— Хорошо сказал... — уважительно кивнул Слава.

— Да уж... Мы всё меньше верим в чудеса. Нас учили, что всё в природе можно объяснить её законами, а то, что непонятно — суеверия... Мол, древние люди не знали причин грома и молнии и молились на них, как на чудо. Потом открыли законы физики, объяснили явления, и чудо якобы исчезло. Но оно осталось! И чем больше законов человек открывает, тем больше вопросов и загадок подбрасывает ему природа... Даже если я и ты знаем, что молния — искровой разряд атмосферного электричества, разве сам за-

¹ Встреча двух группировок, выяснение спорных вопросов, разборка.

кон этого явления — не чудо? Кто его придумал, кто установил? И от моего и твоего знания он не исчезает, не изменяется, и чудесного в нём от того, что мы знаем, не меньше... А сколько парадоксальных природных феноменов не поддаются объяснению? Знаешь, верующий учёный или верующий врач — не нонсенс. Вот неверующий хирург — это опасно! У такого появляется ощущение всесильности. Страшно, когда такой врач определяет судьбу человека, решает, отрезать больному что-то или нет. Решает и не рассчитывает риски, не думает о человеке, а поступает, как удобней ему, не включая свой ленивый мозг... Знаешь, Славка, мне Евгений Андреевич многое помог понять. Мы с ним, бывало, подолгу говорили. Он ведь в нашей больнице, в соседнем отделении лечился. И я в спокойные дежурства частенько его навещал. И он ко мне заходил... Кстати, помнишь нашего «афганца» Лёху? — Илья отодвинул от себя свою так и не опустошённую чашку.

— Конечно, — Слава вспомнил рыжего высокого парнишку: у Лёши в школе была привычка на уроках глядеть в окно, этим он раздражал некоторых, особо строгих, учителей. Слава спросил Илью: — Как он после контузии?.. Тоже что-то не пришёл на вечер.

— Давно нет Лёхи.

— Я не знал, — Слава до боли сжал кулаки. — А как мать его?

— Чуть ли не следом...

— Да-а, — желваки на лице одноклассника нервно заиграли. Вячеслав встал, подошёл к окну, будто хотел найти за окном утешение. Хозяин подогрел остывший чайник.

Февральский ветер гнул макушки деревьев; серое, будто набухшее, небо предвещало метель и скорую оттепель. Голуби большой ватагой слетелись к крышке канализации: кто-то сердобольный рассыпал на тёплой круглой железке крошки и семечки. Свиристелей на деревьях нет, а вчера звонко играли их бубенцы, видать, ветер — помеха для их звучных компаний...

Слава вернулся на место, сказал:

— Помню, как его мать плакала, когда в армию провожала, как счастлива была, что вернулся живой...

— Представь, он, как и Евгений Андреевич, заболел... — пояснил Илья. — Чем больше наблюдаю больных, тем больше уверяюсь: онкозаболевание возникает у человека тогда, когда он что-то или кого-то не может простить, носит в себе обиду, не отпускает, переживает. Думаю, Лёха не смог переключиться после Афгана на мирную жизнь... И вот как получилось: Евгений Андреевич и Лёха в одной палате оказались.

— Надо же...

— Да... Оба прошли курс химиотерапии, но Лёха не справился, будто сдался... Молодой, а не стало. На Евгения Андреевича это произвело силь-

ное впечатление. Я думал: как бы и он не сдался... Он меня как врача о многом пытал, но держался молодцом. Мы не раз вечерами, а то и ночами, когда я дежурил, с ним говорили. Причём больше не о болезни, а о смысле жизни. Никогда не забуду: ночью, как раз после смерти Лёхи, он пришёл ко мне в ординаторскую...

— Не спится? — спросил Илья, когда вошёл Евгений Андреевич. Врач положил медицинскую карту, что была у него в руках, на стопку таких же на столе и поднялся навстречу.

— Да, мысли... Ты сильно занят, Илья?

— Проходите-проходите, присаживайтесь, — Илья указал на диван. — Так о чём мысли?

Евгений Андреевич присел. Вздохнул. Илья сел рядом.

— О жизни думаю, Илюша... она так уязвима... Мы, когда здоровы, не задумываемся над этим. Вот ты врач, хирург, наверное, закалён уже... Прости, но ты режешь человеческую плоть, не раз, наверное, видел смерть. Ты же каждый день воюешь с нею. Здесь, в больнице, я ощутил эту войну: кто кого...

— Евгений Андреевич, я не режу, — Илья улыбнулся, — режут поросят, а я оперирую, лечу людей...

— Да-да, из...

— Не извиняйтесь. Поверьте, я, несмотря на хирургическую закалку, очень хорошо понимаю, о чём вы говорите... А с чего вдруг такие мрачные мысли? Насколько знаю, у вас динамика положительная, есть все шансы на успех.

Евгений Андреевич встал, подошёл к окну, взгляделся в глубокую ночную темноту, помолчал. Илья не торопил его с ответом, он понимал, *что* может твориться в душе человека, ослабшего после жестокого лечения, ставшего сентиментальным больше, чем обычно, потому что обострилась чувствительность не только к собственной боли, но и ко всему, что происходит вокруг... Илья молча ждал. Наконец учитель задумчиво произнёс:

— Об Алексее думаю. Пришёл позавчера на очередную химию. Поговорили, обсудили успехи наши. Он улыбался, красивый, славный парень... А сегодня... вот так — раз — и нет его... Вот только разговаривали, а уже — всё... умолк навсегда...

— Да... Мне тоже страшно и больно... поверьте, к этому не привыкнуть. Говорят, мол, на войне как на войне, однако не привыкается что-то... Но, знаете, срабатывает какая-то защитная реакция, включается осознание, что ты делаешь важное дело. Иначе, наверное, можно просто сойти с ума. А я, как врач, как солдат, разве могу себе это позволить? Я должен сделать

всё. Всё, что могу. И эта защитная реакция, как инстинкт самосохранения, позволяет мобилизоваться, отвлечься от боли, разозлиться, в конце концов, чтобы идти дальше. Вот тут вы правы, тут — как на войне. Ты жив, и у тебя ещё есть шанс самому спастись и спасти других. И тут важно каждый день учиться своему ремеслу, как искусству, чтобы стать мастером, чтобы способности, данные свыше, отдавать людям. Вот этими мыслями я вымещаю страх и боль... А ещё у меня есть большая мечта — создать в нашем городе современную больницу, оборудовать её по последнему слову науки и техники.

Евгений Андреевич оглянулся.

— Ты молодец. Спасибо, Илья... — он вернулся на диван.

Илья внимательно смотрел на учителя, надеясь поймать встречный взгляд, но Евгений Андреевич как будто перенёсся в другое измерение и в этот момент не видел и не слышал ничего вокруг. Он сел на край дивана в «позу кучера»: подался вперёд, опёрся локтями о расставленные колени и, встретившиеся между коленями ладони расслабленно повисли, но голову учитель не опустил. Он смотрел перед собой так, будто вглядывался во что-то, видимое только ему. Дыхание его было ровным, на бледных щеках проступил еле заметный румянец. «Добрый знак», — отметил про себя врач, откинулся на спинку дивана, забросил руки за голову и закрыл глаза.

Из приоткрытой форточки доносился приятный шелест листвы, её тревожил морозящий дождь. Изредка слышался мягкий шум проезжающих мимо больницы автомобилей — они то туда, то сюда пробегали по спящему проспекту. Илье вдруг показалось, что повеяло ветерком, и ветерок принёс собой осеннюю прохладу, дышащую букетом увядших хризантем. Да, знакомый запах: осень пахнет хризантемами... или хризантемы пахнут осенью?.. Больные спят, дай Бог, наберутся сил к утру... Благодатные минуты тишины, наполненной жизнью...

«Не уснул ли учитель?» — он открыл глаза, подался вперёд и тоже упёрся локтями в колени.

Евгений Андреевич не спал. Уловив движение Ильи, он, не поворачиваясь к нему, тихо заговорил, будто вспомнил давний сон:

— Однажды Бог устал от людей. Он спросил у ангелов: куда можно спрятаться так, чтобы люди больше не мешали мне, не докучали. Один ангел ответил: «На самую высокую гору». Другой: «На дно моря». Третий: «На Луну». А самый мудрый ангел сказал Богу: «Спрячься в сердце человеческого — это единственное место, куда люди сами редко заглядывают»... Илья, у тебя большое сердце, и ты в него заглянул. Спасибо тебе... Знаешь, чему я рад? Тому, что понял: важно познать суть жизни, пока здоров, и не надо ничего придумывать, просто возьми и почитай Библию... Но человек

по лениности своей эгоистичен. Когда ему хорошо, он быстро о Боге забывает, а в жизни всё даётся в испытание — и трудности, и радости тоже... Сейчас всем выпало великое испытание — период раздвоя — другого слова найти не могу, — когда у страны сломан хребет, и её раздирают на части. Это тяжелейшее испытание для всех, оно как раковая болезнь у человека... В такой период, ты прав, спасают только дело и вера. Знаешь, у меня тоже есть мечта: хочу создать воскресную школу для детей и взрослых. Ещё многое хочу узнать, многому научиться. Думаю, есть один самый верный способ освоить новые знания — начать преподавать... Если Всевышний дал мне возможность жить, значит, надо что-то делать не ради себя — той биомассы, которой потом не станет и она сгниёт через полгода-год в могиле, а ради других успеть что-то сделать, ради тех, кто продолжит жизнь... ради души...

«Где-то я читал, — думал Слава, возвращаясь от друга, — когда встречаются два человека и между ними происходит откровенный разговор, то их души, если готовы к восприятию, изменяются, как два химических вещества, вошедших в реакцию... Мои близкие друзья Семён и Илья нашли себя в этой жизни, нашли своё дело: один — строитель, другой — врач... И Евгений Андреевич себя нашёл, своим примером помог и ребятам определиться... А что же я?.. Кто я? — злой одинокий волк или идеалист князь Мышкин?.. Что в этой жизни значит сила? — ничего, если нет ума, хоть детская поговорка и утверждает обратное... Что такое ум — работа мозга? — нет — работа души... Вот почему идеалы оказались провальными — потому что мораль сама по себе не спасает: ей нужна умная сила — такая, которую даже смерть не одолеет... И в чём эту силу искать и черпать? — в вере...»

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Татьяна легко встала с постели, распахнула занавески: муж всегда рано ложится спать и плотно зашторивает на ночь окно, но днём ему важно, чтобы светлый день входил в комнату беспрепятственно. Ворвался пучок утренних лучей, упал на подушки. Евгений зажмурил глаза, сладко потянулся. Татьяна по привычке склонилась к герани и фиалкам, понюхала, пощупала землю — влажная.

— Сегодняшнее воскресенье обещает быть ясным... — она посмотрела на небо, затем на газоны под окном, устланные подсыхающей прошлогодней листвой и травой: кое-где пробилась мать-и-мачеха, ещё не видно её зелёных листочков, а уже рассыпались по ржавой земле солнечные звёздочки. — Знаешь, странный сон видела, — задумчиво сказала Татьяна.

— Ты просто волнуешься перед ответственным мероприятием, даже вскочила ни свет ни заря, — не открывая глаз, сонно отозвался муж.

— Конечно, волнуюсь. Можно подумать, ты не волнуешься, — она вернулась к широкой кровати, села на край. — Вставай, жаворонок.

Он открыл глаза, потянулся, но так и не оторвался от подушки, внимательно посмотрел на жену. Острые, словно у подростка, Танины плечи скрывает фланелевая ночная рубашка — её любимая: тёплая, длинная, по белому полю ткани густо разбросаны синие цветочки льна, в тон её глазам...

Волосы — от седины больше светлые, чем тёмные, — мягко очерчивают тонкую шею; глаза влажно блестят. Он спросил:

— Что за сон, мудрая сова?

— Отца видела, — вздохнула Татьяна. — Будто мы с ним бежим за поездом, дорога — сплошной песок, ноги вязнут, я бегу из последних сил, поезд набирает скорость... Я потеряла одну туфлю, но успела вскочить на подножку последнего вагона, с трудом вскарабкалась по ступенькам, оказалась в тамбуре. Смотрю, отец отстаёт... поезд мчит по краю какой-то огромной воронки. Я кричу отцу, чтобы торопился, протянула ему руку, но он вдруг упал и покотился на дно этой воронки, а там — вроде тоже поезд. Вгляделась — вагон, один, словно он когда-то оторвался от состава и свалился в эту воронку... Отец — прямо на него... Папа смотрел на меня с таким отчаяньем, а я ничем не могу помочь. Подумала, верней, почувствовала, как я сильно его люблю и прощаю, только прощение моё опоздало... Поезд уезжает от воронки, отец стоит на коленях... От отчаянья и страха я проснулась, и первая мысль: слава Богу, это только сон. — Татьяна замолчала.

— Странный сон, — согласился Евгений, — давно Корней Корнеевич не звонил. Сейчас ещё слишком рано, а вечером обязательно ему позвоним... Не печалься, Танюша, не верь сну, ложись на милость Божью.

— Ладно, — Татьяна утёрла слезу, — пора собираться в церковь, школу твою открывать.

— Нашу, — поправил Евгений.

Таня улыбнулась.

— Пойду Витю разбужу, — направилась в соседнюю комнату, у двери оглянулась, глаза её уже сияли радостью. — Воистину, пути Господни... Ещё два года назад кто бы мог подумать, что Вите будет так интересно заниматься церковной библиотекой, такую аккуратную картотеку оформил в нашей школе. Видишь, как ответственно, серьёзно подошёл к большому делу? Растёт сын, ума набирается... дай Бог, всё у него будет ладно...

Купол и крыша Свято-Тихоновского храма, похожего на большой длинный молельный дом, отсвечивали сочной небесной синевой, которой, казалось, пропитан и сам воздух. В начале 90-х здание церкви с необычно простой архитектурой возводили сами миряне во главе с отцом Сергием.

Евгений Андреевич пришёл сюда после конфликта с настоятелем храма Космы и Дамиана. Однажды он стал свидетелем нелицеприятной сцены: батюшка Орловской церкви за что-то страшно разгневался на дьякона и во время грубого разговора позволил себе нецензурные слова. Евгений Андреевич воспринял их как пощёчину, несмотря на то, что высказанное к нему не имело отношения. Он считал: настоятель храма — особенный

человек, ближе всех стоящий к Богу. И высказал своё недоверие батюшке, мол, Божий посредник не имеет права выражаться, как сапожник, хотя далеко не каждый сапожник позволит себе такое богохульство. И ушёл из прихода. Как только Татьяна ни уговаривала его простить батюшке выходку, он остался непреклонным.

— А как же заповедь «не суди»? — спросила тогда Татьяна.

— Не могу! — искренне сказал муж. — Умом понимаю, а ничего не могу с собой поделать, просто душу выворачивает, как вспомню.

— А ты не вспоминай.

— Как увижу его — мысленно молиться начинаю, а сам думаю: не могу больше верить этому человеку... Господи, прости меня, грешного.

— Так и верь Богу. Разве ты в церковь идёшь к батюшке? Он просто служитель, работник, обычный человек, которому присущи человеческие слабости... — рассуждала Татьяна. — Ты же знаешь, если жизнь представить как игру в шахматы, где только два цвета мира — чёрный и белый, то мир превратится не в игру жизни, а в войну, где победа и поражение — две стороны одной доски: поверни её, и победа тут же станет поражением. А красок в жизни больше, если видеть её радугой, тогда будут торжествовать не военные правила «выиграть — проиграть», а мирные — «выиграть — выиграть». И это вовсе не ничья, а именно выигрыш, где каждая из сторон, каждый человек приобретает победу, прежде всего, победу над самим собой. Посмотри на ситуацию не в чёрно-белом цвете.

— Права Ольга Петровна, называя тебя философом... Нет, он не обычный человек, — упрямылся муж, — он взял на себя ответственность не только перед людьми, но и перед Богом...

После ухода из Орловской церкви Евгений Андреевич обошёл святые места окрестности, ища нового пристанища, и однажды оказался в Свято-Тихоновском храме — маленьком, скромно приютившемся среди невысоких пятиэтажек на окраине города с историческим именем Сидоровка. Когда он переступил порог храма, ему показалось, что однажды он здесь уже бывал. Но когда?.. Друг ему вспомнился сон, что давно-давно привиделся, после незабываемой бани у Близнецов-неразлучников Ерофея и Дарьи, когда он спал на печи... Да, он видел именно этот зал!.. Чудеса... Евгений Андреевич отстоял службу. Молился вдохновенно. Встал в очередь на исповедь.

Светловолосый батюшка с ясными голубыми глазами строго спросил:

— Откуда вы к нам пришли?

— Челнинский я, из Орловской церкви... — и Евгения словно прорвало, в наклоне, не видя глаз священника, но чувствуя мудрый взор, он истово зашептал, выговаривая всё-всё, что накопилось и тяготило душу, не забыл и о своём «непрощении» отца Орловской церкви.

— На служителя не обижайтесь, — тихо сказал батюшка, — ни на кого не обижайтесь, если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. А сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит... Будем молиться, Господь милостив... Ваше имя?

— Евгений... — он ощутил на голове епитрахилью, и ему стало тепло, душе покойно...

Над головой прозвучало:

— Верую, Господи, и исповедую, яко ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго...

Евгений молча повторял слово в слово: «Молюся убо Тебе: помилуй мя, и прости ми прегрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением. И сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Твоих Таинств, во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь...»

— Причащается раб Божий Евгений...

Евгений пригубил вино — оно ему показалось терпким и горячим, мгновенно разлившим по телу благодать. В ладони легла просфора, как в том далёком сне...

На другой же день Евгений привёл в храм Татьяну и сказал: «Вот где надо быть, здесь такая благодать открывается...» Позже они повенчались, дав обет безбрачия: «Истинная любовь должна быть только духовной...»

Духовную жизнь и служение людям Евгений Андреевич видел в осуществлении мечты — создании воскресной школы. В новом храме он долго присматривался к отцу Сергию и однажды подошёл к нему с предложением построить при церкви школу. Батюшке предложение пришлось по сердцу, но как осилить новое строительство?.. Бог не оставил благие намерения без решения. Место для школы нашлось самое что ни на есть подходящее: во дворе храма стояло старое двухэтажное здание, когда-то в нём жили люди, но со строительством города переселились в новые дома, а старый одноподъездный дом планировался под снос. Его и возродили к жизни, всем приходом, всем миром сделав капитальный ремонт.

За неделю до открытия школы, отслужив пасхальную вечерню, батюшка сказал Евгению Андреевичу:

— Я храм построил, а духовную жизнь будем строить вместе. Христос воскрес!

— Воистину воскрес!..

Набухли почки берёз, раскинувшихся во дворе Свято-Тихоновского храма и приготовившихся к весеннему салюту — только бы продолжались тёплые деньки. Цветы — тюльпаны и нарциссы вдоль дорожек — выбросили окрепшие стрелки листвы и бутонов, ещё немного — и их яркие

маленькие солнца озарят собой округу. Лишь пушистая верба белыми комочками соцветий напоминала о недавних снегах и холодах, но снега безвозвратно переродились в шумный плеск живой воды, а комочки вербы скоро покроет жёлтая пыльца, которую так любят пчёлы.

Евгения Андреевича, Татьяну Корнеевну и Витю ожидала у дверей воскресной школы Марина Александровна — она и другие учителя пришли за Евгением Андреевичем из Орловской церкви в Свято-Тихоновскую. Марина Александровна светилась неподдельной радостью, её яркий павловопосадский платок, приобретённый ею во время поездки с Череповыми в Троице-Сергиеву лавру, сбился с головы, обнажив седые волосы, собранные на затылке в пучок, щёки её горели, видать, от волнения. В руках она держала объёмный пакет. Поздоровавшись с подошедшими, она радостно сообщила:

— Вот, — протянула пакет Евгению Андреевичу, — костюмы русские для нас достала, праздник сегодня будет настоящим. Даже Витеньке рубаха расписная нашлась.

— Вот спасибо! — обрадовался Евгений Андреевич. — А мы с Татьяной пирогов к чаю напекли, — он указал на сумку в руках сына, — всей семьёй старались.

— Всё слава Богу, всё получается как нельзя лучше, — всплеснула руками Марина Александровна.

— Значит, после службы мы с сестрами Еленой и Тамарой в школе столы накроем, — вступила в разговор Татьяна Корнеевна, — пока вы тут игры будете проводить. Так?

— Всё так, — согласился Евгений Андреевич, — в добрый день наша школа открывается. Дай-то Бог...

У ворот храма собралось много прихожан, за воротами — много любопытствующих. В честь Красной Горки, в честь открытия воскресной школы разыгрался большой праздник в церковном дворе. Шумные жизнерадостные игры собрали народ, задорные песни полились по округе. В центр хоровода вышла хороводница в русском костюме, и как заклинание произнесла заветные, издревле известные слова, и все в хороводе подхватили их:

— Здравствуй, красное солнышко! Празднуй, ясное вёдрышко! Из-за горгоры выкатайся, на светел мир воздвуйся, по траве-мураве, по цветикам по лазоревым, подснежникам лучами-очами пробегай, сердце девичье лаской согревай, добрым молодцам в душу загляни, дух из души вынь, в ключ живой воды закинь... Всем скажите, в каждый дом стучите, школа здесь воскресная, люди, приходите...

Евгений Андреевич повёл хоровод, запели взрослые и дети:

— Во поле берёза стояла, во поле кудрявая стояла, люли-люли, стояла...

Закончилась песня, в круг выскочили ребята и девчата ложкари (при церкви с детьми занималась учительница музыки), и зазвенела русская «Калинка»:

*Калинка, калинка, калинка моя!
В саду ягода малинка, малинка моя!
Ах! Под сосною, под зеленою
Спать положите вы меня.
Ай, люли, люли, ай, люли, люли,
Спать положите вы меня...*

Потом хоровод превратился в игру «Третий лишний», а потом в «Ручеёк» — он и привёл играющих к распахнутым дверям воскресной школы.

В просторном зале прихожане и гости расселись за столы. Чаепитие началось с молитвы, которую Евгений Андреевич завершил словами:

— Дай нам смирения, терпения, слёз умиления, силы и радости, Господи, такой, чтобы жить по заповедям твоим; любви такой, как в Троице у вас... нам бы хоть миллионную часть этой любви; и прежде всего, Господи, уповать на тебя Единого...

— Всё вокруг хочет петь и славить Бога, — подхватила Татьяна Корнеевна, — вот так и мы, сколько можем, столько и славим Его.

Евгений Андреевич зажёл свечу и предложил передавать её из рук в руки, при этом каждый пусть говорит о своём, о том, что на душе, за что он благодарит сегодня Бога. Он начал первым:

— Благодарю тебя, Господи, за исполнение моей заветной мечты — сегодня открылась воскресная школа.

— Я благодарю Бога, что перенесла благополучно операцию, — подхватила свечу пожилая женщина.

— Благодарю тебя, Боже, за то, что дочь моя нашла свою любовь, вышла замуж, молю тебя, дай ей сил и здоровья благополучно выносить и родить ребёночка...

Последней свечу взяла Татьяна Корнеевна.

— Благодарю тебя, Господи, за выздоровление Евгения, за посланного нам сына, за данные силы всем нам идти по пути, указанному тобой...

Вечером, когда семья вернулась домой, в квартире раздался тревожный телефонный звонок. Татьяна Корнеевна вздрогнула, выбежала из кухни, — муж и сын смотрели в комнате телевизор, взяла трубку.

— Папа?.. Здравствуй! А мы сегодня собирались тебе звонить... Всё слава Богу, ты как? — она надолго замолчала, внимательно слушая родной голос

на другом конце провода. Евгений Андреевич заметил: ноги жены подкосились, она схватилась за сердце. Он мигом поднёс ей табуретку, усадил, налил в стакан воды и накапал лекарство. Она выпила, не отрывая трубки от уха. Евгений Андреевич шепнул:

— Что случилось?

Татьяна в ответ только покачала головой, из глаз её тихо потекли слёзы.

— Дай мне трубку, — попросил муж.

— Нет, — сдавленно сказала она, позже, ответила отцу: — Конечно, папа... конечно, прощаю, да, если что, приезжай... До свидания, — положила трубку на место, прижала ладошки к глазам и навзрыд заплакала.

— Танюша, родная, что?! Что сказал тебе Корней Корнеевич? — Евгений присел перед женой на корточки. Таня не отрывала от лица ладоней.

Прибежал из комнаты Витя, испуганно спросил:

— Мам, почему ты плачешь?

Вопрос сына заставил Татьяну очнуться. Она обняла обоих за плечи и еле-еле, через горькие всхлипывания, проговорила:

— Беда... большая беда... Без вести пропала наша Надя. Она работала в какой-то частной фирме бухгалтером, уехала с большим контрактом в командировку и... не вернулась...

— Как давно? — спросил Евгений.

— Скоро полгода... Отец до последнего ждал, в милиции давно сказали, поиски прекращают...

— Крепись, родная, — Евгений встал, обнял жену, кивнул сыну: — Витя, кажется чайник закипел...

Виктор ушёл на кухню.

— Это не всё, — тихо проговорила Таня. Евгений напрягся. Таня продолжила: — Отец сказал, что он серьёзно болен... Просил прощения за всё...

* * *

Когда Корней Корнеевич вернулся с Урала, он поехал не в Сыктывкар, не к Ольге Петровне — знал: жена не простит его, он не раз звонил ей, просил прощения, она оставалась непреклонной. Приехал он к дочери. Татьяна, уже прошедшая через горнило страданий, простила отца: он был болен, врачи вынесли ему такой же приговор, как несколько лет назад Евгению. Она приняла и этот крест: до последнего дня ухаживала за отцом. Евгений помогал ей, сочувствуя свёкру в болезни. Корней Корнеевич не справился с недугом, не вынес не только физической боли, но и душевной — гибели средней дочери...

- Незадолго до кончины отца Таня позвонила маме в Сыктывкар.
- Мама, приезжай... Прости его, он давно осознал вину, покаялся...
- Ольга Петровна ответила:
- Передай ему: я его прощаю...

* * *

Настал 2000 год. Новый год открыл новый век. Миллениум. Сколько веков живёт человек на земле, столько он и пытается спастись в подъёмах и спадах, перипетиях жизни; в этих колебаниях путей и времени каждый идёт своей тропой, только двигаться важно навстречу душе, помня: лишь ступни притягиваются к земле, а мысли — к небу.

Накануне Рождества Евгений Андреевич вёл урок в воскресной школе.

- Что такое, по-вашему, красота? — спросил он детей повзрослевших за пять лет, с тех самых пор, как открылась школа. Посыпались ответы:
- Зимний узор на стекле.
- Рождественская нарядная ёлка.
- Цветы весной.
- Лето, солнечные дни...
- Вы всё говорите верно. Есть стихотворение, написанное Николаем Заболоцким и названное им «Некрасивая девочка». Поэт в нём размышляет о красоте человека, и задаёт главный вопрос и себе, и всем нам, читателям: «Так что есть красота и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Ребята, о чём говорит поэт? О какой красоте?

- О душе.

- Совершенно верно. Представьте, когда мы смотримся в зеркало, мы видим своё лицо, а когда мы говорим друг с другом, куда мы смотрим, прежде всего? Правильно, в глаза друг другу. Мы как бы заглядываем в душу. Душа — таинство. Загадка: её нельзя взвесить, её ничем измерить. Она невидима, её нельзя потрогать руками... Мы с вами похожи друг на друга: у каждого две руки, две ноги, голова, но все мы такие разные по характеру, по своей воле, по уму — по всему тому, что принадлежит не телу нашему, а душе. И когда мы говорим о человеке, что он добрый, отзывчивый, мы говорим не о его теле, а о его сути, опять же — душе. В Ветхом завете написано, что Бог сказал: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Только у человека есть ум, свободная воля, память и душевное сердце. Только человек мечтатель-

но заглядывается на небо — это и отличает его от всех живых существ на земле. Человек стал венцом творения, и оказался он между небом и землёю — в центре этого мира. А поскольку человек — центр, значит, у него великое предназначение: одухотворить окружающий его мир.

Но если из души уходит любовь, вера и добро, душа человека умирает, как об этом говорил Иоанн Златоуст: «Люди, не познавшие веры в Бога, подобны останкам мёртвых, одетых в красивые одежды, но не чувствующих этой красоты». Да, можно быть живым человеком при умирающей душе. Но бывает и наоборот: человек может оказаться больным, стоять на краю, у самой смерти, но быть живым душой. И тогда душа помогает выздороветь, помогает любить и радоваться всему вокруг, и человек живёт! Потому что живёт его душа, и неслучайно происходит так: кто живёт для себя, тот тлеет, а кто для других — тот горит, тот творит.

Состояние красоты души делает нашу жизнь или счастливой, или несчастной. Вы знаете такую поговорку: был бы огонёк, мотыльки налетят. Она не просто о проявлении жизни в природе, она и о душе человека, о том огоньке, от которого всем вокруг становится светло и тепло. Этот огонёк и является самой большой ценностью.

А как сохранить здоровье души?.. Один человек спросил однажды у подвижника: «Для чего ты каждый день читаешь священное писание? Ведь ты и вчера его читал, и несколько лет назад». — «Спрошу и я тебя, мой друг, — сказал подвижник, — для чего ты каждый день ешь? Ведь ты и вчера ел, и каждый день ешь вот уже много лет». — «Я ем для того, чтобы жить», — ответил тот. — «И я читаю для того, чтобы жить, потому что чтение даёт силы и жизнь моей душе...»

Душа, как и тело, живёт тем, чем питается. Церкви нашей две тысячи лет, она даёт нам и здоровье, и красоту нашей душе. Жить по Евангелию — это великий труд, подвиг. Вернусь к Николаю Заболоцкому, к его очень простым и верным стихам: «Не позволяй душе лениться, чтоб воду в ступе не толочь, душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!» В канун Рождества всем нам желаю здоровья, чтобы в доме было тепло и светло. Мира всем нам. Помните, без хозяина дом — сирота. А если дать Богу стать хозяином в доме, то в нём будет жить любовь.

Евгений Андреевич последним вышел из школы. Вечерело, но ещё достаточно светло: тихо кружился, безмятежно укрывая землю, белый-белый снег — он отражал ясные синие сумерки. «Нырнуть бы, как мальчишке, в пушистый сугроб!.. А что мне мешает сделать это?»

...Отрадно, любо в ласковый зимний день упасть на чистый, ещё нетронутый снег — он манит, влечёт неодолимо. И ты падаешь, широко раскиды-

ваешь руки и глядишь в небо. Как славно просто лежать — распростёртым, свободным. Просто смотреть, как падают, падают пушистые снежинки: неторопливо, завораживающе. Они летят, не сталкиваясь даже в густом снегопаде, — для каждой есть место в пространстве. И невозможно проследить путь ни одной из них, они появляются, будто ниоткуда, и исчезают в никуда. И, кажется, глаза разбегаются в стремлении охватить необъятный снежный простор: он над тобой, под тобой, всюду. И уже трудно понять, то ли лежишь, то ли летишь...

Начинает слепить белизна, и ты закрываешь глаза. Но сквозь смежённые веки продолжаешь видеть свет. А снежинки всё падают. Падают на лицо, словно лёгкие поцелуи. И тают, тают. И вот по щекам текут снежные слёзы — прохладные, беспечальные.

Если облизнёшь губы, то почувешь — именно почувешь, в этом слове есть что-то изначальное, глубинное, — вкус необычайной свежести: такой не бывает ни в мартовской сосульке, напитавшейся первым солнечным теплом; ни в родниковой воде даже в самый знойный июльский полдень; ни в только что сорванном августовском яблоке; ни в осеннем дожде. Только в снеге! И нахлынет нестерпимое желание пить, пить эту прохладу... И ты пьёшь. И думаешь, что утолишь внезапную жажду. Но это только думается, только кажется — пьёшь-пьёшь и не напиваешься. И вдруг осознаёшь: ею не напьёшься, как, наверное, невозможно напиться настоящей любовью.

Большой.

Вечной.

Просто падающей с неба.

КНИГА ВТОРАЯ
ВРЕМЯ
ИТОГОВ

О ГЛАВНОМ

биография Евгения Андреевича Черепова

согласно документам — трудовой книжке, дипломам, свидетельствам, письмам — и воспоминаниям современников.

Евгений Андреевич Черепов родился **3 декабря 1940** года в городе Харькове Украинской Советской Социалистической Республики.

Оба родителя Евгения имели непосредственное отношение к педагогике, что, несомненно, повлияло на судьбу сына, на выбор им будущей профессии. Отец **Андрей Тимофеевич Черепов** (15.08.1913–25.02.1990) — военнослужащий, выпускник Харьковского военного училища связи (ХВУС), позже переименованного в Харьковское высшее военное авиационное училище радиозлектроники имени Ленинского комсомола Украины. По окончании учёбы А. Т. Черепов преподавал в училище тактику. Но ещё до

Свидетельство о рождении

училища, окончив семилетку, как выпускник-отличник начал трудовую деятельность учителем начальных классов в сельской школе посёлка Ильский Краснодарского края. Окончил педагогические курсы, потом Владикавказский железнодорожный техникум. Отслужил в армии, вернулся в школу. В военное училище его привёл случай. Преподаватели только что открытого ХВУС¹ ездили по городам и сёлам, вербуя будущих курсантов, подыскивая подходящих ребят — здоровых, красивых, имеющих за плечами образование не меньше семи классов. Побывали рекруты и в Ильской школе, что определило дальнейшую судьбу молодого учителя, которого зачислили в военное училище без экзаменов.

Довелось Андрею Тимофеевичу и повоювать: со своими курсантами в составе 3-го Украинского фронта участвовал в освобождении Болгарии, где получил благодарность от командующего, генерал-полковника авиации В. А. Судца.

Военную карьеру Андрей Тимофеевич окончил в звании майора, не дослужив до пенсии всего полгода. В 1961 году попал под сокращение, лишившись очередного заслуженного повышения и хорошей пенсии, которая автоматически сократилась в два раза, — так претворилась в жизнь

Екатерина Михайловна и Андрей Тимофеевич. Геленджик, 1969 год

¹ 14 августа 1937 года Директивой Генерального штаба Красной Армии было положено начало формированию Харьковского военного училища связи.

хрущёвская реформа Вооружённых Сил СССР — одна из самых болезненных в истории российской армии. Это сокращение, когда из армии уходил печально знаменитый «миллион двести», не предполагало реформирования, а было лишь политическим актом. Уволенные офицеры вынуждены были браться за первую попавшуюся «мирную» работу в родных местах.

Мать **Екатерина Михайловна**, в девичестве **Иванова** (19.10.1920–3.11.2014), окончив семилетнюю школу в Абинском районе Краснодарского края, работала пионервожатой. Встретились Андрей и Екатерина в 1937-м: он жил на хуторе Шевченко, она — на хуторе Первомайский, куда он приехал погостить к своему двоюродному брату, который и познакомил молодых. По окончании каникул курсант уехал в училище, а в следующий отпуск вновь приехал в гости, уже в звании младшего лейтенанта.

Екатерина Михайловна летом 2011 года на встрече¹ с учениками Евгения Андреевича вспоминала: «Их готовили к финской войне... Перед долгой разлукой Андрей стал приезжать каждый отпуск, и 9 сентября 1939 года мы поженились. После свадьбы он уехал на войну, я осталась дома, работала в школе, а после финской он забрал меня в Харьков, где мы прожили в общей сложности пятнадцать лет».

После замужества и рождения детей Екатерина Михайловна стала домохозяйкой.

Осенью 1941 года, перед фашистской оккупацией Харькова, семья Череповых вместе с ХВАУС² была эвакуирована в Коканд³.

«Жили в трудных условиях, — рассказала Екатерина Михайловна. — Остановились на квартире в частном доме, где хозяйка, русская — в одном углу комнаты, а мы с маленьким Женей — в другом углу той же комнаты...»

Зима 41-го выдалась очень холодной. Даже в южных городах страны лежал снег. Трудности, холод и голод сплачивали людей — все, от мала

¹ Летом 2011 года оргкомитет 10 «А», подопечного класса Е. А. Черепова (выпуск 1980 года средней школы № 20 города Набережные Челны) приехал в п. Ильский Северского района Краснодарского края для встречи с мамой любимого учителя. Екатерина Михайловна после смерти мужа переехала к дочери, **Тамаре Андреевне Никифоровой**.

² 3 марта 1941 года училище преобразовано в Харьковское военное авиационное училище связи.

³ Согласно книге «Харьковское высшее военное авиационное училище радиоэлектроники имени Ленинского комсомола Украины 1937–1987», выпущенной в Харькове к 50-летию учебного заведения, указание Генерального штаба об эвакуации училища поступило в конце сентября 1941 года. И офицеры, и курсанты училища двинулись на восток походными колоннами пешим порядком. Находясь в 30 километрах от Харькова, училище получило новый приказ об эвакуации по железной дороге, для чего выделялось три эшелона. Последний эшелон прибыл в Ташкент в конце октября 1941 года. А в декабре 1941 года училище перебазировалось в Коканд.

до велика, принимали участие в сборе тёплых вещей и денежных средств для действующей армии, отдавая последнее в надежде на скорейшую победу. В созданных артелях по десять-двенадцать часов работали старики, женщины, подростки: шили, вязали и отправляли на фронт носки, варежки, шарфы. Жизнь Коканда была перестроена на военный лад. На предприятиях, в учебных заведениях шли митинги с призывами: «Отечество в опасности! Всё для фронта, всё для Победы!» Женщины и дети вставали за станки, заменяя тех, кто ушёл воевать.

Екатерина Михайловна, ухаживая за маленьким Женей, выполняла посылную работу на дому: ещё во время эвакуации она поняла, что беременна. **22 мая 1942 года** родилась дочь **Тамара**. Вскоре молодая мать заболела тифом и вместе с дочкой попала в госпиталь. К счастью, болезнь не унесла ничьи жизни, но маленький Женя часто был предоставлен сам себе.

В **1944-м**, после освобождения Украины, семья вернулась в Харьков. Квартира в центре города, в Госпроме, которую перед войной молодожёны делили ещё с одной семьёй и где занимали одну большую комнату, была разрушена — район подвергся массированным бомбардировкам. Андрея Тимофеевича с женой и двумя детьми поселили в одной комнате с другой

*Екатерина Михайловна и Андрей Тимофеевич Череповы
с детьми Женей и Тамарой, примерно 1946 год*

семьей, в коммуналке военного городка на Павловом Поле, куда военное училище перебазировалось ещё осенью 1939 года.

Закончилась война, но лютовал голод 1946–47 годов. По-прежнему было холодно, не хватало одежды. Екатерина Михайловна шила детям нехитрые вещички из «выбывшего из строя» обмундирования мужа (Евгений Андреевич всю жизнь помнил кепку, которую мама сшила ему из папиной пилотки, — она была поистине мальчишеской гордостью!).

Долгое время в Харькове слышались зловещие отголоски войны. Город пережил самую масштабную за всю историю Второй мировой операцию минирования: отступая, войска Красной Армии заминировали предприятия, мосты, что позволило ограничить доступ оккупантам к промышленным и хозяйственным объектам. Но и после освобождения Харькова, когда в город вернулись эвакуированные заводы и люди, и даже после Победы, сапёры ещё долго обезвреживали многие районы.

Из воспоминаний **Тамары Андреевны Никифоровой**, сестры Евгения Андреевича: «Недалеко от нашего дома было здание, огороженное в три ряда колючей проволокой, за которой пролегал ещё не разминированная территория. Всем запрещалось туда ходить. И всё же многие мальчишки поддавались любопытству, пролезали за проволоку. Кому-то везло, находили военные трофеи — снаряды и пули — и играли с ними. А кто-то

Тамара Андреевна Никифорова (Черепова) с мужем Леонидом Борисовичем и дочерью Светланой, примерно 1986 год

Екатерина Михайловна с Евгением и Тамарой, примерно 1953 год

покалечился, кто-то так и не вернулся. Много трагедий произошло. Долго колючую проволоку не убирали... Но были у нас и радости. Помню, запустили трамвай. Наша воинская часть – конечная остановка. Мы по выходным в баню ездили. Вот это был праздник! Ведь дома только корыто, никаких ванн. А ещё отец, когда у него выпадал выходной, нас с Женей возил на прогулки, часто бывали в зоопарке. Отец нам устраивал экскурсии по городу. Помню, большое впечатление произвёл памятник Тарасу Шевченко, который мне показался огромным, – я долго его рассматривала, обходя вокруг».

Позже Женя, уже самостоятельно гуляя по городу, разглядел на памятнике следы от пуль. «Раненым» после войны остался и памятник Гоголю.

В **1948 году** Евгений поступил в одну из школ Харькова. Примечательно, что сначала мальчик пошёл в школу в 47-м, когда ему ещё не исполнилось семи лет. Но проучился только первую четверть: не получалось у него долго сидеть на уроках, мог встать посреди занятия, сказав (а то и заплакав): «По маме соскучился», – и направиться домой.

В школе Евгений отличником не был, хотя учителя его хвалили, отмечая хорошие способности, любознательность и увлечённость чтением. Но если ему что-то не нравилось или казалось неинтересным, то он этому особого

внимания не уделял, делая только самое необходимое. Поэтому в таблице, наряду с «пятёрками», встречались и «тройки».

Тамара Андреевна рассказала: «Дома всегда висела географическая карта, по которой отец нас «гонял», чтобы знали, где какие страны, столицы и города. Папа хорошим топографом был и нас учил работать с картами: наносить значки, зарисовывать местность. Он всегда от нас требовал дисциплины: чтобы уроки — вовремя, с прогулки — вовремя. Часто устраивал нам арифметические игры, и мы с Женей наперегонки решали задачки. Таблицу умножения так же учили — папа и мама вечерами нам покоя не давали. Стоял у нас большой стол посреди комнаты, так Женя с одной стороны уроки свои бормочет, я — с другой. Потом папа проверял и, если что-то не получалось, не очень-то помогал — требовал, чтобы сами справлялись. Родители были строгими с нами, но не помню, чтобы наказывали. Телевизора тогда не знали, зато у нас работал радиоприёмник. Очень любили слушать «Театр у микрофона». С удовольствием слушали художественное чтение. Журналов тогда было не достать, а по радио узнавали о публикациях «Звезды», популярного «Подвига». Всей семьёй, а порой и с соседями, сидели и слушали...»

Евгений с сестрой Тамарой. Харьков, середина 50-х

Книги тоже были большой редкостью, но Андрей Тимофеевич всё же снабжал детей литературой. В старших классах Женя зачитывался «Записками охотника», увлекаясь характерами тургеневских героев, которые чудно переплетались с природой. Интересовало юного читателя и мировоззрение простых людей дореволюционной России, с их добрыми порывами души, верой в Бога. Неслучайно Женя, гуляя по городу, тайно от родителей изредка заходил в Благовещенский кафедральный собор, где во время войны, вопреки многократным попыткам Советов закрыть храм, превратить его в склад или культурное заведение, были возобновлены бого-

служения. И после войны сбор остался действующим.

«Недалеко от нас была небольшая старая церковь, — вспомнила Тамара Андреевна. — Там, рядышком, у Жени школьный друг жил, они тогда учились в пятом-шестом классе. Так Женя не раз хвастался, что они бегают посмотреть, как бабушки молятся... Похоже, тяга к вере у него с детства была, хотя запрещали это, тем более, отец — офицер».

К концу учёбы Евгению пришлось поменять школу — отца перевели по службе в город Кировоград, и **27 июня 1958 года** Женя получил аттестат зрелости Министерства просвещения УССР в Кировоградской школе № 19, где поучился последние два года.

После школы, в **июле 58-го**, Евгений, при поддержке отца, устроился автослесарем в автомастерскую военной части 61824-Д. Оставалось немного времени до призыва в армию, и он решил пока поработать. Когда же призывник прошёл медосмотр, то выяснилось, что у него язва желудка. Медкомиссия Анапского РВК Краснодарского края вынесла вердикт: негоден к службе в мирное время, в военное время годен к нестроевой службе. Евгению выдали «белый билет».

А Андрей Тимофеевич как раз получил известие, что в ближайшем будущем предстоит переезд на новое место службы — в город Геленджик. И тогда на семейном совете встал вопрос, куда выпускнику пойти учиться. Было принято решение: раз уж всем предстоит жить не на Украине, а в России, то и учиться Жене лучше в России.

В **1959 году** Евгений поступил в Усть-Лабинское педагогическое училище Краснодара. В **1961-м**, окончив полный курс по специальности «Преподавание в начальных классах школы», начал работать учителем в Благовещенской семилетней школе № 7 Анапского района Краснодарского края.

Аттестат

Евгений Андреевич с детьми. Лето 1962 или 1963 года

Тамара Андреевна заметила: «У Жени в школе, в Кировограде, был друг-одноклассник, с которым они мечтали стать учителями. Даже собирались поступать учиться вместе. Не знаю, как сложилась судьба того друга, но вот Женя свою мечту осуществил».

В **1960 году**, когда Евгений ещё учился в педучилище, семья переселилась в Геленджик. Через два года молодой педагог приехал к родителям и с **1962 по 1965 год** работал учителем начальных классов в Кабардинской восьмилетней школе № 7 города Геленджика. За три года Евгений Андреевич успел так полюбить своего подопечного, что через сорок пять лет, в 2007 году, они организовали в школе встречу с первым учителем. Многие приехали из разных городов страны, и сам учитель, несмотря на возраст и плохое самочувствие, преодолел ради этой встречи путь в полстраны.

Однако «Кабардинку» Евгений оставил — судьба вела его к новой встрече. В **1965 году** он устроился воспитателем в санаторно-лесную школу комбината «Воркутауголь» Геленджикского района. По счастливой случайности, в этот же год, по окончании Сыктывкарского школьного педагогического училища имени Куратова в санаторно-лесную школу приехала работать учителем начальных классов **Татьяна Корнеевна Харюкова**. Так состоялась судьбоносная встреча Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны.

Немного из истории семьи Татьяны Корнеевны.

Татьяна родилась 8 июля 1945 года в селе Жешарт Усть-Вымского района Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Отец **Корней Корнеевич Виб** (16.08.1918–04.02.1999) — из многодетной семьи немцев, гонимых за веру меннонитов¹, попавших в 1930 году под «красный молох» раскулачивания и сосланных из села Мариенталь Кошкинского района Самарской области в Северный край, в Архангельскую область². В последующие годы многие члены семьи, в том числе и Корней Корнеевич, подверглись депрессиям.

Семейный трудовой уклад и воспитание, тяга Корнея к самообразованию позволили ему, имея за плечами всего четыре класса школы (три из них он проучился на немецком языке), поступить и окончить заочные курсы Народного комиссариата земледелия СССР. В 1937 году Корней Корнеевич окончил отделение счетоводов колхозов, а в 1939-м — отделение инструкторов-бухгалтеров райземотделов. В начале 1940 года как спецпереселенец — без документов, без права передвижения за пределы района, с регулярной явкой в комендатуру НКВД³ — он был переведён инструктором-бухгалтером в один из райцентров Архангельской области. В марте 42-го был призван Няндомским райвоенкоматом, где после моби-

*Таня Харюкова, пос. Жешарт,
1948 год*

¹ Согласно Большой Советской энциклопедии, меннониты — протестантская секта, возникла в XVI веке в Нидерландах как результат вырождения революционного анабаптизма в непротивленческую секту. Название связано с именем Менно Симонса — католического священника. Самыми существенными чертами христианина-меннонита являются смирение, отказ от насилия (даже если оно совершается ради общего блага), нравственное самосовершенствование.

² Сведения из автобиографической книги «Воспоминания» Корнея Корнеевича Виб, написанной им в Набережных Челнах в 1999 году и изданной детьми после смерти отца «самиздатом» в Сыктывкаре в 2002 году. По инициативе Сергея Корнеевича Харюкова публикуется ссылка на ресурс в Интернете, где размещена книга «Воспоминания» К. К. Виб: http://www.rusdeutsch.ru/biblio/files/349_biblio.pdf; и электронный адрес Сергея Корнеевича, читатели могут лично обратиться за книгой его отца: skharyukov@mail.ru

³ Народный комиссариат внутренних дел СССР — центральный орган государственного управления страны по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934–1946 годах. Впоследствии преобразован в МВД СССР.

лизации передан сотруднику НКВД, который сопроводил «новобранца» к новому месту назначения — в Котлас, в трудовую¹ ГУЛага².

Во время Великой Отечественной войны трудовыми становились мобилизованные мужчины и женщины в возрасте 17–50 лет из числа немцев, корейцев и других народов, но всё же большую часть «мобилизованных» составляли российские немцы. Трудовая имела как свои структуры, так и включалась в готовые исправительно-трудовые лагеря, где условия жизни и труда ничем не отличались от присущих тому времени лагерных устоев — рабства. Этот вид «организации труда» просуществовал с 1942 до 1950 года, в этот период большинство трудовых-немцев были переведены в категорию спецпереселенцев, «со-

*Ольга Петровна Харюкова
и Корней Корнеевич Вибе, 1959 год*

сланных навечно». Именно так в мае 42-го Корней Вибе попал этапом из Котласа в Жешартский ОЛП (отдельный лагерный пункт) Севжелдорлага (Северного железнодорожного лагеря). На основе ОЛП в 1944 году была организована Жешартская лесоперевалочная база, куда Корней Корнеевича определили бухгалтером и где он встретился с **Ольгой Петровной Харюковой**, которая тоже работала бухгалтером, была вольнонаёмной.

Ольга Петровна (5.08.1921–1.09.2013) о своей судьбе рассказывать не любила³. Известно, что в восемь лет она осталась сиротой (отец репрессирован, мать погибла в ссылке на Печоре)⁴, жила в деревне Веселая Верхне-Енангского

¹ Трудовая армия — воензированные формирования в Советском Союзе, задействованные для выполнения хозяйственно-экономических и частично управленческих задач в местах своей дислокации.

² Главное управление лагерей и мест заключения — подразделение НКВД СССР, осуществлявшее руководство местами массового принудительного заключения и содержания в 1934–1960 годах.

³ В конце ноября 2012 года я ездила в Сыктывкар для встречи с мамой и родными Татьяны Корнеевны (прим. автора).

⁴ Екатерина Петровна Харюкова (бабушка Татьяны Корнеевны со стороны матери) умерла в 1932 году в ссылке на Печоре от голода и эпидемий, Пётр Лукич Харюков (дед Татьяны Корнеевны со стороны матери) расстрелян 29 сентября 1937 года.

сельсовета Кич-Городецкого района Вологодской области. С самых ранних лет, ещё учась в школе, начала работать в колхозе. Однажды Оля заболела и попала в больницу Вологды. А там один хороший человек, посочувствовав девушке, помог ей сделать справку на паспорт: как известно, в сталинские времена жители деревень и сёл не имели паспортов, дабы трудились, привязанные к земле. Получив документ, Ольга, не раздумывая, поехала к брату Павлу, который после ссылки на Печору жил и работал в пятнадцати-двадцати километрах от Жешарта, в селе Айкино Усть-Вымского района.

Вспоминая свою жизнь, Ольга Петровна проронила: «У меня бумажка была, по которой заучивала биографию. Не дай бог напутать легенду! Так всю жизнь и прожила... Дети не знали, что я прятала документы. Иногда спрашивали, почему у папы фамилия Вибе, а мы Харюковы. Я говорила, что так бывает, вон у Андрея Миронова отец Менакер, а Андрей носит фамилию матери... Да что рассказывать? Лучше бы и не помнить».

В 1944 году Корней Корнеевич и Ольга Петровна соединили свои судьбы. Они воспитали троих детей: Татьяна — старшая, Надежда — 1948 года рождения и Сергей — 1952-го.

Из рассказа Ольги Петровны о Татьяне: «Золотая девочка была. Скромная. Сама доброта. Никогда не говорила, что чем-то недовольна: что ни сделай — всё с благодарностью примет. Семья у нас большая. Таня помогала, чем могла, с удовольствием помогала. Сестру и брата любила, жалела их. Упадёт Серёжа, она первая бежит: «Надо Серёжика на ручки...», — а сама не может поднять: «Мама, возьми Серёжика». А мне всё некогда, работала много. У нас в семье жила старшая сестра мужа Катя¹, одинокая, добрая,

Таня, Серёжа, Надя, 1956 год

¹ Екатерина Корнеевна Вибе, старшая сестра К.К. Вибе (20.07.1910–21.11.1995) сыграла немалую роль в воспитании детей Корнея Корнеевича и Ольги Петровны.

кроткая женщина, труженица великая. Бедная Катюша, сколько она пережила! Она была репрессирована. Когда её освободили после восьми лет лагерей, написала нам письмо: «Что мне делать, куда ехать, как дальше жить?» Я ответила: «Приезжай к нам, только к нам. Вместе будем. Выживем». Катя любила наших детей. И дети её любили... Знаете, голодно было. Носить нечего. Однажды знакомая принесла старую шубу из кенгуру: «Возьми, — говорит, — хоть Танюше перешьшь». И я взяла. Не раз перешивала. Таня в этом кенгуру с первого до последнего класса так и проходила...»

Татьяна росла активной настолько, насколько позволяло больное сердце: врождённый порок давал о себе знать приступами сильнейшей аритмии. В учёбе была усердна, хотя ей не раз приходилось навёрстывать упущенное из-за болезни. Но она не отставала от одноклассников, а во многом, благодаря любви к чтению, целеустремлённости, опережала их. Взаимоотношения со сверстниками складывались непросто, иногда девочке приходилось терпеть нападки ребят, которые, узнав, что Таня по отцу немка, обзывали её фашисткой. А она, не умея драться, умела преданно дружить. И тёплое общение с близкими подругами, несмотря на расстояния и судьбы, сохранялось всю жизнь.

*Галина Николаевна Морозова, Ольга Петровна Харюкова с сыном Сергеем.
Сыктывкар, ноябрь 2012 года*

Из воспоминаний **Галины Николаевны Морозовой**, подруги Татьяны Корнеевны: «После седьмого класса мы поступили в педучилище, в котором образовался русскоязычный курс. Учились четыре года. Помню, конкурс при поступлении большущий был! Приехали девушки со всего Севера — умные, боевые, работоспособные. Всем по 13–14 лет, а уже взрослые, самостоятельные, серьёзно к жизни относились. Учились без «троек», чтобы стипендию получать, потом в институт поступить. Мы, три подруги — Таня, Алёна Забоева и я — очень любили литературу, ни одного занятия не пропускали. Всегда вспоминаю наше училище с благодарностью. Кроме всех важных предметов на факультете будущих учителей начальных классов велись уроки каллиграфии, риторики, труда. Кстати, очень сильные педагоги были по труду, учили нас всяким премудростям работы с нитками, тканью, бумагой, деревом... У Тани — большой талант, она и рисовала хорошо, и стихи прекрасно читала красивым сильным голосом. Я в нашей группе была физоргом. А Таня на физкультуру не ходила, но я даже не догадывалась, что у неё большое сердце: она никогда не жаловалась! Потом только узнала, и то не от неё, а от Алёны... Когда мы окончили училище и разлетелись по разным городам, не теряли друг друга из виду».

Поделится воспоминаниями **Сергей Корнеевич Харюков**, младший брат Татьяны Корнеевны: «Таня — большая умница! А стихи у нас читали все: Таня, Надя и я. И голосом природа нас не обделила. Я тоже в школе читал, без микрофона озвучивая большой зал, и мне казалось, сколько надо громкости, столько и прибавлю. Вот и у Тани, несмотря на большое сердце, голос был сильный. И рисовали мы все трое, хотя отец не рисовал, да и мама, кроме утки и вороны, ничего не могла изобразить (тут Сергей Корнеевич засмеялся, и Ольга Петровна с улыбкой кивнула, подтверждая сказанное — *прим. автора*). Помню, тётя Катя нам перед сном сказки рассказывала и часто читала немецкое Евангелие. И хотя мы выросли в атеистической среде, какой-то трепет в душе — с детства... У нас у всех рано проявилась тяга к чтению. Таня читала запоем, бывало, ночами не спала — она «сова». Знаете, летом у нас на Севере солнце садится в полвторого ночи, чуть прокатится под горизонтом, и в полтретьего уже светло. Таня сядет у окна и читает всю ночь напролёт, лишь утром ляжет спать, когда уже вставать пора... А приступы аритмии у неё иногда бывали такими, что до потери сознания дело доходило. Но Таня цеплялась за жизнь... Когда они с Женей познакомились и он приехал к нам, отец спросил его: мол, не боишься, ведь она в любой момент может умереть. На что получил ответ: «Люблю. Сколько отпущено, столько и будем вместе». А ведь Татьяна даже пыталась убежать от его любви. Но Женька своего добился...»

О тётке Кате «рассказала» сама Татьяна Корнеевна¹

*«Всякое дерево доброе приносит плод добрый,
А худое дерево приносит и плоды худые».*
(Мф 7,17).

Как-то на днях смотрела передачу о Шекспире. Запомнились слова из проповеди его современника, священника (тогда очень известного и почитаемого): когда от берега отпадает один камешек и тонет в море, земли становится меньше. Мы, люди — это одно целое, единый материк. Хорошо одному — всем тоже немножко лучше, несчастен один — и все немножко менее счастливы. Когда звонит колокол, не спрашивайте, кого хоронят. Он звонит и по вас...

Моё первое воспоминание о тётке Кате²

Мы живём в Жешарте, папа, мама и я.

Раньше очень чётко, сейчас уже немножко размыто, но всё равно довольно ясно вижу перед собой эту картину... Полумрак. Мама поддерживает меня за ручки. Перед нами закрытая дверь, сзади окно (даже у меня, маленькой, ощущение тесноты).

Открывается дверь, врываются клубы морозного воздуха, которые, мне кажется, сейчас окутают всех нас. Из них выходит, как из облака, укутанная в толстый жёлто-коричневый клетчатый шерстяной платок с кисточками женщина и тут же опускается передо мной на корточки, откидывает платок и смотрит на меня ласковыми глазами. «Тётя Катя», — говорит мама. «Тётя Катя», — повторяю я. Она, такая морозная, обнимает и целует меня. «Тётя Катя», — повторяю я, мне почему-то радостно и... тепло.

Так это событие и осталось в моей памяти первым воспоминанием о моей второй маме, как первая детская радость и ощущение, что тётя Катя спустилась с облака. Мама потом удивлялась, как я, такая маленькая, могла так ярко помнить его, тем более никогда не отличавшаяся хорошей памятью. А оно запечатлелось не в памяти, а в душе. Думаю, что унесу его с собой «туда», и оно поможет мне найти «там» мою тётю Катю.

¹ Заметку (сведения собирались для составления истории семьи Вибе) предоставил Сергей Корнеевич Харюков.

² Набрано 22 июня 2007 года (примечание С. К. Харюкова).

* * *

Смотрю мамину запись в «амбарной книге»: «Катя приехала в Жешарт 8 ноября 1948 г.». Так, сверим числа. $8.11.1948 - 8.07.1945 = 3 \text{ г. } 4 \text{ мес.}$ Мне было три года четыре месяца.

Надя родилась 28 ноября 1948 года. Значит, тётя Катя приехала, чтобы помочь маме, всем нам. В этом и была наша тётя Катя: она приходила, когда нужна была помощь, и уходила, когда эта помощь нужна была другим. Из маминой «амбарной книги»: «Катя уехала 27 апреля 1955 г. к Эрне»¹. <...>

Последняя встреча

Это было в начале 90-х годов. <...> Папа жил в Перми. <...> Из Братска приезжала тётя Катя. <...> Папа мне позвонил. <...> В Пермь тётя Катя заезжала лишь для того, чтобы увидеться с братом.

Как мне захотелось её увидеть! Я понимала, что вряд ли удастся свидеться в этой жизни ещё раз: <...> тётя Катя не может сейчас заехать к нам, а ей уже больше восьмидесяти лет. Очень трудно было <...> решиться ехать в Пермь. <...> Но я поняла, что не прошу себе, если не увижусь с тётей Катей, моей второй мамой.

Семья Вибе. Стоят: братья Корней, Иван, Андрей; сидят: сёстры Рита, Катя и Эрна. 1981 год

¹ Младшая сестра Корнея Корнеевича Вибе.

Так тётя Катя, сама того не ведая, продолжала воспитывать мой дух<...>.

Виделись мы, наверно, менее суток. По сути, и разговора-то особого по душам не получилось: давно не виделись, скованность, сутолока недолгой встречи... Маленькая, сгорбившаяся, седая, как-то страшно даже было её обнять — вдруг ей будет больно?

Но глаза! Чистые, любящие, всепонимающие и... светлые! Уже приехав домой, вспоминая эту недолгую встречу минута за минутой, я недоумевала: ну почему светлые у тётки Кати глаза?! Они же у неё карие! Выщвели от долгих лет?.. И только долгое время спустя озарило: светлые они были потому, что из них лился свет, неземной свет Христовой любви, который озарял её жизнь, и который она несла всем нам, никогда ничего не навязывая. Она просто сама была христианкой по сути своей и жила по-христиански: любя Бога всем сердцем своим, всей душой своей и любя ближних своих, забывая себя.

<...> Не думала не гадала, но, встретившись, неожиданно для самой себя, заговорила о своём отношении к вере, к Богу, весьма тогда расплывчато. Как-то захотелось быть ближе к ней даже и ценой натяжки: мол, и мы кое-что понимаем-с... И в ответ услышала неожиданно обескураживающее: «Ну, Таня, от Бога ты ещё о-очень далеко...» — сказанное, впрочем, мягким (!) твёрдым (!) голосом.

Я даже растерялась и (тоже осознанное позже) — внутренне «полиняла»: сошла какая-то душевная мишура, в которую я сама себя вырядила.

«И увидели они, что наги...» Больно, неуютно...

...А ночью сквозь дрёму с замиранием сердца увидела коленопреклонённую согбенную фигурку и услышала долгую жаркую молитву о себе и своих близких — исцеляющий елей на ободранную от шелухи душу...

* * *

Настал **декабрь 1965 года**. Чтобы больше зарабатывать, Евгений Андреевич решил освоить профессию строителя и устроился разнорабочим в строительно-монтажное управление Главсочиспецстроя. Получил квалификацию каменщика. Однако душа его тянулась к детям и... к молодой учительнице из Сыктывкара. Поняв это, новоиспечённый строитель решил не испытывать судьбу, и уже в августе следующего года вернулся на должность воспитателя в санаторно-лесную школу, где и проработал до 1968-го.

Но в школе ожидала новая проверка его любви на прочность: в ноябре Татьяна Корнеевна уехала, поступив на очное отделение историко-филологического факультета Коми пединститута в Сыктывкаре. Влюблённый

учитель не мог бросить школу и поехать за беглянкой, и тогда начался период активной переписки, междугородных звонков. Но как только настали летние каникулы, Евгений с первых дней взял отпуск и поехал в Сыктывкар. Этот поступок оказался действенной всех писем и разговоров. И летом 1967 года студентка перевелась на заочное отделение факультета русского языка и литературы Кубанского государственного университета (который окончила в 1972-м) и вернулась в санаторно-лесную школу теперь уже воспитателем.

А **15 июля 1967 года** Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна поженились: в Сыктывкаре зарегистрировали брак, сыграли небольшую свадьбу: родни со стороны невесты, кроме родителей и сестры Нади, не было; и только несколько подруг Татьяны по училищу и институту пришли поздравить одноклассницу. А родные и друзья со стороны жениха ждали новобрачных в Геленджике. И свадьбу повторили в доме родителей Евгения: хотя квартира Череповых оказалась маловата для всех желающих поздравить молодожёнов, гулянье прошло с кубанским размахом.

Примечательно то, что в Сыктывкаре свадьба попала на ленту киноистории страны: в июле 1967 года в городе работала съёмочная группа Центральной студии документальных фильмов, создавая новостной сюжет киножурнала о жизни Севера. И так совпало, что во время росписи Евгения и Татьяны во Дворце бракосочетаний велись съёмки.

Киножурнал, в который попал момент бракосочетания Евгения и Татьяны, крутили перед сеансами художественных фильмов во всех кинотеатрах страны. Довелось его однажды увидеть и молодожёнам. Так что свадьба, можно сказать, приобрела всесоюзный размах.

После свадьбы Евгений и Татьяна стали неразлучны: работали — вместе, отдыхали —

Свадьба. Сыктывкарский загс. 1967 год

вместе. А если и бывали вынужденные недолгие расставания, например, поездки на сессию, то любящую пару снова выручали телефон и телеграф.

Из воспоминаний **Нины Михайловны Наумовой** (в девичестве **Лавриненко**), институтской подруги Татьяны Корнеевны.

«Последние два года, приезжая на сессию в Краснодар, мы вместе снимали квартиру. К старшим курсам мы как родные стали. Таня была ведущей в дружбе, я — ведомой. Она увлекалась стихами, много читала наизусть поэтов-шестидесятников. Песни заучивала, пела хорошо, особенно Окуджаву. Любимым прозаиком был Достоевский, его она считала самым православным русским писателем. Таня порой делилась рассказами о своей семье, которую, чувствовалось, очень любила. Однажды призналась: «В моей жизни два любимых мужчины — муж и отец».

Помню, Таня всегда с собой лекарство носила, у неё бывали сердечные приступы, но она никогда не жаловалась, только присядет так тихонечко, замолчит. Спрошу:

— Тебе плохо?

А она:

— Нет. Ничего страшного, устала немного...

Подруги Нина и Татьяна. 1972 год

О Жене говорила как о сказочном принце. Знаете, как он сделал ей предложение? Залез на высокую геленджикскую гору и белыми камнями, крупными-крупными буквами, выложил её имя. Издалека видно! Их отношения для меня всегда были примером. А как Женя волновался, когда она на сессию уезжала! Помню, жара, экзамен за экзаменом, мозг плавится. Таня хотела сходить на почтаamt заказать переговоры, но что-то помешало, и она отправила телеграмму. Мобильных телефонов тогда не было. И вот представьте картину: зубрим билеты, а к нам каждый час почтальон приходит с посланиями: «Как доехала? Люблю. Целую», «Жду ответа. Люблю. Целую», «Почему молчишь? Жду, люблю, целую»... Похоже, простая телеграмма Тани задержалась. А Женя посылал срочные. Почтальонша тогда сказала: «Ну у тебя и муж! Любит, сразу видно...»

Таня и Женя не могли друг без друга. Они и на работу устраивались так, чтобы в одну школу — вдвоём».

Летом 1968 года Евгений Андреевич был принят преподавателем географии в Краснооктябрьскую восьмилетнюю школу Краснокутского района¹ Саратовской области. И Татьяна Корнеевна в этой же школе была назначена учителем начальных классов. Основной причиной переезда из Геленджика в Краснокутский район послужил настоятельный совет врачей, считавших, что приморский климат пагубно влияет на здоровье Татьяны Корнеевны.

В конце 60-х Евгений Андреевич вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

По примеру и при поддержке любимой он стремился к получению высшего образования и **в 1970 году** поступил на заочное отделение географического факультета Тамбовского государственного педагогического института. В этом же году молодая семья переехала в совхоз «Рекорд» Краснокутского района. Евгений Андреевич был назначен директором Рекордской восьмилетней школы, став первым её руководителем, первым учителем географии, а Татьяна Корнеевна в этой школе вела уроки русского языка и литературы.

Нелегко складывалась жизнь молодой семьи в совхозе. Евгений и Татьяна поселились в небольшом доме, который отапливался углём, но прежде чем затопить печь, надо прежде нарубить мёрзлый уголь, натаскать его. Воду тоже носили вёдрами. Еду готовили в печи и на электроплитке, в совхозе бывали перебои с подачей электричества. Только-только открывшаяся сельская школа разместилась в бывшем жилом двухэтажном здании и тоже отапливалась углём. Евгению Андреевичу, как директору и учителю, не раз приходилось, засучив рукава, до начала занятий «добывать тепло».

¹ Районное отделение народного образования.

Для детей из соседних сёл при школе был открыт интернат. И молодой директор частенько оставался с воспитанниками на ночь. Много душевных сил отнимала борьба за дисциплину в классах: дети, особенно малыши, подросшие на деревенских просторах, плохо говорили по-русски (особенно дети казахской национальности), с трудом привыкали к школьному порядку. Но директор сумел наладить работу коллектива, завоевать авторитет и у педагогов, и у ребят. А Татьяна Корнеевна, кроме школьных уроков, давала ученикам много дополнительных занятий, которые проводила дома.

Из воспоминаний **Екатерины Ивановны Дикун**, учительницы начальных классов Рекордской восьмилетней школы.

«Евгений Андреевич был высококвалифицированным педагогом, требовательным, прежде всего к себе. Общительным. Дети его любили, коллеги уважали. В 1970 году село Рекорд объединило вокруг себя близлежащие деревни и сёла. Много было трудностей в то время. Школа новая, а здание старое. Каждый понедельник к нам приезжали дети из соседних сёл Ильинка и Коммунист, первое время они жили прямо в школе, в специально отведённом для этого классе. Потом открыли интернат в сосед-

Е. А. Черепов с учениками Рекордской школы, начало 70-х

нем одноэтажном здании. В субботу детей увозили домой. Питались дети на базе столовой, которую открыли в совхозе.

Наше село окружает красивый пруд, растёкшийся буквой «у». Школа — на улице Школьной, на берегу пруда. Деревца на берегах растут красивые: дубы, клёны, берёзы, ивы... А кругом — степь.

За первый год развития совхоза построили тридцать каменных домов на Набережной улице, старые деревянные, казалось, навсегда уходили из села. Когда открыли школу, мебели и оборудования катастрофически не хватало. Помню, Евгению Андреевичу приходилось с единственным глобусом и картой ходить по кабинетам, с этажа на этаж. Кабинетной системы, как сейчас, в то время не было. При школе — своя старая котельная, она требовала ремонта. И если вдруг на время отключался свет, то она не работала, и в классах становилось холодно. Совхоз ещё был слаб, не обладал крепкой материальной базой, и Евгений Андреевич отдавал много сил и времени, чтобы выбить для школы и детей всё самое необходимое, даже обычные скакалки и мячи. А как им радовались дети! Тут же выбегали на площадку, играли в футбол и волейбол ...

Да, тяжело было, но помнится только хорошее. Коллектив сплотился, дети — добрые, быстро сдружились. Классы — большие, доходило до двадцати пяти человек. К 1976 году построили новое школьное здание (Евгений Андреевич к тому времени уже уехал из Рекорда), наша школа получила статус средней.

На спортивной площадке возле интерната для учащихся школы совхоза «Рекорд», 70-е

Сейчас деревня, увь, чахнет. В 90-е совхоз расформировали, были открыты фермерские хозяйства, но и они теперь разоряются, осталось немного. Люди уезжают на заработки кто куда. Дороги между сёлами плохие, как в 70-е построили их, ещё при Евгении Андреевиче, так до сих пор не ремонтировались. Если раньше на машине до Красного Кута добирались 40 минут, то теперь полтора часа как минимум...

Учеников в школе тоже стало мало, нет одиннадцатых классов, самое большое количество детей в классе — 10–12 человек. Может, скоро все будут жить только в городах?..»

Из электронного письма **Алефтины Борисовны Дусингалиевой**, нынешнего учителя физики и информатики Рекордской средней школы.

«Здравствуйте! Нашла фото с Е. А. Череповым. Точной даты нет — 1971 или 1972 год. Ученики шестого или седьмого класса с классной руководительницей Натальей Петровной Левадной¹. Фото сделано на фоне школы. Рядом было одноэтажное здание интерната (это здание снесено в 80-е годы), на втором фото его видно.

Очень много интересного узнала об этом человеке. Все, кто помнит Евгения Андреевича и Татьяну Корнеевну, отзываются только положительно, все подчёркивают, какая это была красивая пара! Они, преданные своему делу, были интеллигентами до кончиков ногтей. Евгений Андреевич оказался строгим, но справедливым руководителем. Жили они на Набережной улице, дом сохранился и выглядит, конечно, по-другому. Информацию о современной школе вы можете почерпнуть с нашего сайта <http://rekord.jimdo.com>, им занимаюсь я.

Один из бывших учеников вспомнил, что Татьяна Корнеевна часто повторяла: «Лучше прожить короткую, но яркую жизнь». Все бывшие ученики говорят, что у Черепова не было прозвища, как это часто бывает с учителями, — настолько он был уважаем.

Ольга, у меня просьба: не могли бы вы вкратце рассказать о дальнейшей судьбе наших героев, потому что все спрашивают, их все помнят и очень тепло о них отзываются²».

¹ Смотрите фотографии в цветной вклейке (прим. авт.).

² В ответ, выразив огромнейшую благодарность ученикам Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны, бывшим и настоящим учителям школы, я отправила по электронной почте ссылку на первую мою книгу «Одноклассники. Письма в будущее» http://vk.com/id63139145?w=wall63139145_1216 и уже написанную к тому времени документальную часть второй книги (прим. автора).

Из воспоминаний одной из учениц Евгения Андреевича, жительницы села Рекорд, **Надежды Мухамбетовой (Катаргалиевой)**.

«Однажды на уроке географии в нашем шестом классе Евгений Андреевич рассказывал нам об Африке, о её географическом положении, растительном и животном мире. Упомянул о финиках. Никто из нас тогда о них не слышал и тем более не пробовал. Узнав это, учитель пообещал: «А я привезу вам их!» Мы не поверили. И каково же было наше удивление, когда в один прекрасный день на урок он принёс целую кучу фиников и по горсти раздал каждому. Я тогда, как и все, впервые попробовала их. Где он их взял, не знаю. Но мы потом всем с гордостью рассказывали, что Евгений Андреевич привёз нам финики из Африки. Прошло более сорока лет, а я до сих пор это помню.

Семья Череповых вела аскетичный образ жизни, как рассказывают многие ученики Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны, которые бывали у них дома (ходили на дополнительные занятия), кроме книг ничего и не видели в доме. Книги были везде».

Нина Михайловна вспомнила, как Татьяна Корнеевна описывала жизнь в совхозе.

«Таня мне рассказывала, что до этого они жили в городской квартире, хоть и с родителями Жени, но всё же было комфортно. А тут все проблемы деревенского быта разом навалились. Домик плохонький, в щели дует, тепло не держится. Ничего своего, даже ложки. Но первым делом они купили телевизор, хоть на учительскую зарплату не разбежишься, а без него никак — основной источник информации.

«Трудно, — говорила Таня. — Но всё это уходит на второй план: главное, мы самостоятельны, мы вместе. И в школе — вместе, хотя Жене приходится там целыми днями работать». Он детей старался увлечь, развлечь, в походы с ними ходил. А ей из походов цветы луговые приносил. Она говорила, что букетами весь дом украшали. Даже соседи заходили посмотреть, удивлялись красоте.

Бедно они жили. Ещё ей приходилось для школы делать наглядные пособия, ведь приобрести их негде, рядом никаких центров просвещения. А Таня и по дереву выжигала, и вышивала — на все руки мастерица... Много лет спустя она подарила мне вышивку с сельской церковью, в письме написала: «Чувствуешь, я всё тепло своей души вложила?..» Конечно, я чувствую. В зале картинку повесила. Теперь, как гляну, так подумаю: вот, Танечка, тепло твоей души навсегда со мной.

Она всем, кто был рядом, дарила своё тепло. И Жене всегда помогала. Я уверена, многие его заслуги — это и её заслуги. Сколько она для той сельской школы всего сделала! Да Евгений и сам не раз говорил: «Если бы не Таня...» Он был ей благодарен».

Урок в Рекордской школе ведёт Е. И. Дикун

В октябре 1970 года, к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, Е. А. Черепов награждён медалью «За доблестный труд»¹. И на первую зимнюю сессию новоиспечённый студент и молодой директор поехал с наградой, прикреплённой к пиджаку на левой стороне груди.

А Татьяна Корнеевна после первых двух четвертей учебного года в Рекордской школе по состоянию здоровья была освобождена от работы. Однако она жизни не мыслила без какого-либо дела: полечившись и отдохнув чуть больше полугода, в августе 71-го устроилась заведующей библиотекой совхоза «Рекорд». Казалось бы, попала в родную стихию — к книгам, в которых легко ориентировалась, многие из которых читаны, и не раз, но...

Не хватало общения, детских глаз, того места, которое и работой назвать трудно, потому что именно там, в школе, несмотря ни на какие невзгоды, Татьяна Корнеевна ощущала радость, считая труд учителя своим призванием, реализация которого подогревает интерес к жизни, дарит здоровье. Да и рядом с мужем хотелось быть, помогать ему. И в 1972 году, уйдя в один из августовских дней из библиотеки, в тот же день вернулась в Рекордскую восьмилетку, где, преподавая русский язык и литературу, проработала вместе с Евгением Андреевичем до 1974 года.

¹ Смотри фото цветной вклейки (прим. авт.). Юбилейная медаль «За доблестный труд (За воинскую доблесть)». В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР в ноябре 1969 года. Вручалась награда передовым рабочим, колхозникам, специалистам народного хозяйства, работникам государственных учреждений и общественных организаций, деятелям науки и культуры, показавшим высокие образцы труда.

1974 год стал поворотным в судьбе Евгения и Татьяны Череповых.

Родители Татьяны Корнеевны решили поменять место жительства, перебраться поближе к центру России. Благо после «хрущёвской оттепели» руководство страны отказалось от курса репрессий по отношению к рядовым гражданам: было прекращено небезызвестное «Дело врачей»; начата реабилитация политических заключённых; много наделал шуму, много подарил надежд знаменитый доклад «О культе личности»...

В конце 60-х страна услышала о начавшемся грандиозном строительстве завода и города на реке Каме. Комсомольская стройка привлекла рабочих и специалистов со всех уголков страны. В 1971-м приехал на «КамАЗ», в Набережные Челны, и Корней Корнеевич Вибе, его, как ценного специалиста, перевели главным бухгалтером в «Камснаб» — одну из организаций объединения «Камгэсэнергострой». Довольно быстро получил квартиру и вызвал Ольгу Петровну.

Ольге Петровне, всю жизнь прожившей на Севере, молодой город очень понравился. Но больше всего ей приглянулась камская природа с умеренным климатом, свежим воздухом. И она не могла не подумать о дочери Татьяне, которой врачи советовали жить подальше и от моря, и от северных широт. Тогда Ольга Петровна сказала мужу: «Ты должен сделать всё, чтобы Таня и Женя приехали сюда, здесь для Тани климат подходящий».

Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна, середина 70-х, г. Набережные Челны

Просьба была выполнена. В **августе 1974 года** Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна переехали в Набережные Челны и вместе, в один день, устроились воспитателями в Набережночелнинскую школу-интернат.

Строительство нового города, завода-гиганта диктовало новый ритм жизни, который требовал полной самоотдачи трудящихся — от простого рабочего до руководителя, от молодого комсомольца до первого секретаря горкома партии. В немыслимо короткие сроки прокладывались дороги, возводились заводские корпуса, строились дома, детские сады и школы. Недаром это время вошло яркими строками в историю страны и названо «**трудовым подвигом на Каме**».

И Евгений Андреевич с Татьяной Корнеевной строили новую жизнь, с увлечением трудились. За время работы в интернате Татьяне Корнеевне не раз объявлялись благодарности. Так, в июне 1975 года — за хорошую постановку учебно-воспитательной работы в школе; в декабре — за хорошее проведение внеклассного мероприятия во время семинара директоров школ-интернатов республики...

В **1975 году** Евгений Андреевич окончил институт, получил квалификацию преподавателя географии и стал искать возможность работать по специальности.

Из воспоминаний **Юнны Николаевны Крякушиной**, в 1976–78 годах она была директором средней школы № 20 города Набережные Челны.

«Евгений Андреевич сам пришёл в школу прорваться на работу, без чьей-либо рекомендации. И для человека, ищущего место, он, на мой взгляд, вёл себя неправильно: обычно люди стараются больше рассказать о своих достоинствах и достижениях. А он:

— Говорить о себе ничего не буду...

А глаза ясные, улыбка добрая, мол, услышал, что в школе есть вакансия географа, и пришёл. Я попросила его рассказать о себе. Он:

— Я — учитель географии.

На что я ответила:

— Учителя разные встречаются.

А он:

— Желаете проверить, спросите у Михаила Тимофеевича Кутузова, он меня знает...

Вот и весь разговор. Конечно же, я позвонила Кутузову, у которого работала ещё в начале 70-х в школе № 1, и получила самые хорошие ре-

комендации. И не пожалела, что приняла Черепова на работу. Он быстро завоевал авторитет среди учителей. А женщины его по-хорошему, как коллегу, любили. Он такой человек, который никому ни в чём не отказывал. Например, одна учительница в обычном разговоре между делом посетовала, что ей для оформления кабинета мужские руки нужны. Посетовала да и забыла. А через некоторое время к ней приходит Евгений Андреевич: «Я принёс свои руки. Мужские! Что куда прибить-повесить? Вот даже орудие труда принёс — современный молоток, не первобытный...»

Теперь сказали бы: помоги — оплачу. А тогда на энтузиазме, на добрых дружеских, как говорили, товарищеских, отношениях жили. Ведь он даже не на просьбу откликнулся, а пришёл помочь по случайно услышанной фразе...»

Итак, **в августе 1976 года** Евгений Андреевич был переведён учителем географии в среднюю школу № 20. Татьяна Корнеевна вновь последовала за мужем, но на этот раз не сразу — не было нужной вакансии, и Евгений Андреевич вновь обратился к директору.

Юнна Николаевна в 2012 году об этом вспоминала так.

«На одной из перемен вошёл ко мне в кабинет и говорит:

— Юнна Николаевна, для моей Татьяны места в группе продлённого дня не найдётся? Она хороший работник, литератор.

А тогда детей было много, и групп продлённого дня много, и все переполнены — родители-то «КамАЗ» и город строили. Но я говорю Черепову:

*Юнна Николаевна с выпускниками 1980 года
Сергеем Майоровым и Еленой Чекалкиной, 2012 год*

— Хорошего работника я на предмет возьму, нам нужны хорошие русоветы.

— Извините, на предмет она уже не пойдёт.

— Почему?

— Здоровье у неё не то, а здесь нагрузки...

Татьяна Корнеевна чуть позже него в школу пришла. Работала в группе продлённого дня. Потом выяснилось, что руки у неё золотые, и ей предложили вести уроки труда у малышей в начальной школе. Она согласилась. На работе Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна дополняли друг друга, она ему помогала, он ей. Он для её уроков труда, для рукоделия, чего только из походов с учениками не приносил: шишки, коряги, камушки интересные. Каких только букетов они не делали!

Любви напоказ у них не было, а взаимопонимание исключительное, отношения тонкие, такое не всем дано. Бывало, иду по коридору. Они стоят на переменке, говорят о чём-то. Я с ним уже до этого здоровалась, а с ней нет. Прохожу мимо: «Здравствуйте, Татьяна Корнеевна». И он тут же: «И я тебе, Татьяна, желаю здоровья». Ну как тут не улыбнуться по-доброму...»

Придя в большую школу-новостройку, Евгений Андреевич впервые стал классным руководителем, причём шефство он принял не над четвёртым-пятым классом, а над учениками 7 «А» — своего рода «советским элитным» классом, где, наряду с обычными ребятами из простых семей, учились дети известных в городе руководителей. Этот класс Евгений Андреевич принял из рук завуча школы Анны Павловны Шатровой.

*Анна Павловна Шатрова с
бывшими учениками Рамилем
Якуповым и Сергеем Майоровым.
1 сентября 2011 года*

Вот что об этом поведала **Анна Павловна Шатрова** в 2012 году.

«Евгений Андреевич, казалось, всегда был спокойным, не вспыхнет, не накричит. Как учитель, он не придерживался авторитарного принципа общения, а был по-товарищески близок детям. Ходил с ребятами в походы, которые, несомненно, сближали и классный коллектив, и способствовали укреплению авторитета педагога. Когда я бывала на его уроках, то всегда видела: ребята занимаются с увлечением, легко ориенти-

руются по карте, хорошо знают предмет. И то, что Евгений Андреевич по распоряжению директора взял мой класс, никак не отразилось на наших добрых отношениях. Поначалу он частенько советовался со мной по поводу ребят. А между собой мы, бывало, не раз говорили о художниках, писателях, о музыке, ведь на своих уроках он старался раскрыть ребятам не только географические особенности изучаемых стран, о чём можно прочитать в учебнике, но и культурные. Вообще, коллектив учителей в школе № 20 (особенно тех, что постарше) сильный был. Несмотря на разные трудности, давали детям хорошие знания. И Евгений Андреевич воспитал замечательный дружный класс. Ребята до сих пор дружат, уж больше тридцати лет. Вот и меня не забывают, хотя я давным-давно на пенсии».

Свой первый подопечный класс Евгений Андреевич выпустил в 1980 году (этот класс вошёл в историю школы как дружный 10 «А» — *прим. автора*). Увлечённость учителя любимым предметом позволила сплотить ребят, выстроить такие отношения, которые зиждутся на самых высоких человеческих ценностях: доброте, уважении и любви. Одним из девизов в работе учителя стали слова Льва Толстого: «Для того чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живёт».

Многие выпускники школы № 20, не только подопечного 10 «А», стали настоящими друзьями, а повзрослев — друзьями своего учителя. Ответственность друг за друга сохранилась на всю жизнь.

Ответственность важна не только в дружбе и взаимоотношениях людей, но и в сохранении традиций. Именно об этом и сказал нынешний директор школы № 20 **Александр Петрович Кудряшов**.

«Евгений Андреевич был учителем-исследователем, он увлёк исследовательской работой не один класс учеников, создал уникальный музей. Считаю одной из главных задач школы сохранить его детище не только как память об учителе, но и как уникальный научный объект. Перед музеем открыта мемориальная доска, увековечившая память о легендарном учителе. Музеем официально присвоено его имя, и это заслуженно. Сейчас мы стараемся сделать так, чтобы музей посещало как можно больше детей и взрослых, не только учащихся нашей школы

и их родителей, но и города, и республики. У нас установлен специальный

день, когда все желающие могут прийти на экскурсии, которые проводят ученики, принявшие эстафету от выпускников — поколения 80-х.

Я думаю, наш музей хранит не только уникальные палеонтологические и геологические экспонаты, но в нём ещё живёт дух добра и творчества, которые принёс в школу Евгений Андреевич и его ученики.

Когда я в 2011 году пришёл в эту школу, меня поразила царящая здесь домашняя атмосфера, тёплые взаимоотношения коллег между собой, учителей с детьми, здесь — как в большой семье. Уверен, многие со мной согласятся, что в наше время семейственность в большом коллективе — это редкость. А здесь любой из родителей, любой из учеников в любой день может прийти в кабинет директора со своими вопросами и проблемами, как к близкому человеку. Признаюсь, поначалу для меня, привыкшего к строгости и субординации, это казалось необычным. Но я быстро понял, что такие открытые взаимоотношения нисколько не нарушают дисциплины, что такое доверие очень ценно. Сумели же учителя, мои предшественники, в огромной современной школе сберечь уютное домашнее тепло! Думаю, в этом немалая заслуга и Евгения Андреевича, работавшего здесь, так скажем, не по месту жительства, а по призванию. Вот и нам важно беречь как традицию эту особую атмосферу двадцатой школы для тех, кто придёт сюда работать и учиться после нас».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Некоторые из выпускников школы № 20, кому довелось, или, как они говорят, посчастливилось, пройти через уроки Е. А. Черепова, поделились памятными моментами общения с учителем.

Александр Константинов, выпускник 1980 года:

— Я учился в параллельном классе, в 10 «Б». С Сергеем Майоровым, лидером 10 «А», мы занимались туризмом, ходили в городской туристический клуб. К тому же я был президентом городского интерклуба, ездил в «Артек»¹. Понабрался там анархистских идей, но Евгений Андреевич повлиял на меня, вернув мои мысли в правильное русло. Он умел убеждать. Трудно представить, но все наши двоечники, ребята из дворовых группировок, полубандиты такие, никогда не пропускали географию, никто никогда не мешал Евгению Андреевичу вести

¹ Самый знаменитый пионерский лагерь СССР открыт 16 июня 1925 года. В советские времена путёвка в «Артек» считалась престижной наградой как для детей Союза, так и за рубежом. Путёвками награждались самые лучшие из пионеров: активные участники в делах пионерской дружины, ребята с хорошим поведением и успеваемостью.

занятия, а его уроки всегда были праздником. Учитель умел и пошутить, давая заряд бодрости на целый день, и поругать так, что становилось известно, но не обидно — понимали: заслуженно.

Когда мы окончили школу и пришли на вечер встречи, то почувствовали, что Евгений Андреевич стал по-другому к нам относиться: обращался с каким-то особым уважением, с таким почтением, будто мы стали старше него. Когда он узнал, что я поступил на геологический факультет Казанского университета, был очень удивлён. А ведь я, хоть и не ходил в походы с его классом, так увлёкся геологией, что везде искал образцы минералов. И свой первый образец в минералогическую коллекцию нашёл у дороги в строительном щебне. Что удивительно, это была достаточно редкая порода с Южного Урала — авантюрин! Как выяснил потом, щебень завезли из Жигулёвского карьера.

Евгений Андреевич спросил меня тогда: что же подтолкнуло поступить на геофак, и читал ли я «Занимательную минералогию» академика Ферсмана. И удивился, узнав, что эта книга прочитана мной ещё во втором классе. Он пожелал мне успехов, сказал, чтобы помнил родную школу и не забывал о музее. Я пообещал. И когда учился на третьем курсе, привёз несколько образцов минералов и горных пород в подарок для организованного учителем школьного музея...

В общем, увлечение — на всю жизнь.

Жанна Гергенрейдер, выпускница 1982 года:

— Хотя Евгений Андреевич не был нашим классным руководителем, он ходил с нами в походы. Помню, в седьмом классе пошли в Тарловку¹. Вот там, можно сказать, и решилась моя судьба. Мне было всё интересно! Всё, что рассказывал и показывал учитель. Но больше всего вдохновляли камни. Хотелось найти что-то необычное, то, что редко встречается. С каждым камешком подбегала к нему, расспрашивала, всё искала отпечатки ганоидных рыб. А находила окаменевшие веточки растений, которые будто вросли в известняк, отпечатки листьев. Меня удивляла и восхищала водная рябь на камнях, словно волны морские застыли.

¹ Геологический памятник природы, расположен на правом берегу Камы. В береговом обрыве на протяжении около четырёх километров обнажаются отложения камышлинских слоёв нижеказанского подъяруса верхнего отдела пермской системы, содержащие богатые комплексы остатков беспозвоночных и растений (согласно книге «Геологические памятники природы России» — Карпунин А. М., Мамонов С. В., Мироненко О. А., Соколов А. Р. Санкт-Петербург, 1998).

Мы путешествовали не только по Каме: ездили в Нижний Тагил, на Северный Урал, в Асбест, Миасс, Байкал, Златоуст, Свердловск, Первоуральск. Это не просто романтика, а большая нагрузка и работа. Набирали минералы, по почте отправляли домой, потом приносили в школу. Кроме походов, мы бывали в музеях. Благодаря Евгению Андреевичу многое увидели. До сих пор у меня дома — найденные тогда малахит, пирит, халькопирит. В общем, к концу учёбы я решила стать геологом. Евгений Андреевич сказал, что для девочки это очень серьёзное решение, хотя особо отговаривать не стал. А родители мои категорически против были, мама даже в школу ходила. Но я поступила в Свердловский горный институт, закончила его и до сих пор работаю геологом.

Иван Андреев, выпускник 1982 года:

— Мы, участники географического кружка, которым руководил Евгений Андреевич, много ездили по стране. Незабываемые впечатления! Интересно было прикоснуться к древности, расколов камень, увидеть отпечатки растений и животных. И не только в походах было интересно, даже просто в поезде ехать по стране. Никогда не забуду, как впечатлила всех граница между Азией и Европой. Одно дело — видеть это на карте, и совсем другое — стоять одной ногой в Азии, другой в Европе. Сфотографировались. Такое яркое событие!

*Участники географического кружка
на границе Европы и Азии, начало 80-х*

Я рад, что и моим детям, а у меня их трое, довелось общаться с таким учителем. Старшему, Марселю, повезло, географию в их классе вёл Евгений Андреевич. Младших учили другие, но когда мои Регина и Анюта встречали Евгения Андреевича, то всегда его называли дедушкой Марселя: Евгений Андреевич к нам домой иногда заходил, а к тому времени он уже носил белую бородку. Мои младшие любили его, как родного.

Марсель и Регина закончили школу, Анюта сейчас в седьмом классе. Наверное, моим детям, да и другим, интересно ходить

по школе и осознавать, что здесь же учились их родители, учились у многих тех же учителей, что и они... Мои дети любят кроссворды разгадывать, мы часто это делаем вместе. А любим эту игру потому, что Евгений Андреевич на своих уроках часто устраивал подобные игры-соревнования. И, конечно же, ученики школы № 20 гордятся школьным геологическим музеем¹, ведь он — единственный такой в городе. И мои дети в нём бывали, приводили своих друзей. В школе есть традиция устраивать экскурсии для родителей первоклашек. Новые учителя географии и биологии в музее проводят уроки, ведь там не только камни, есть и уголок природы, где «живут» чучела многих птиц и животных нашего края. Кстати, некоторые чучела сделаны руками Евгения Андреевича.

Рустам Гилязов, выпускник 1984 года:

— В школе гуляли слухи о классе Евгения Андреевича, с которым он ходит в походы, строит музей и географическую площадку², и мы, что учились младше на четыре года, завидовали старшим: у них такой классный (!) классный руководитель. Ведь если однажды почувствуешь себя бойскаутом, преодолевшим трудности походной жизни, переплывшим реку, поднявшимся в горы, то уже всю жизнь этого не забудешь, это даёт внутреннюю свободу, уверенность...

Моё знакомство с Евгением Андреевичем состоялась до того, как я первый раз пришёл на его урок географии. Мне было 12 лет. Отец иногда брал меня с собой на охоту. И вот однажды он подстрелил глухаря. Птица поразила меня красотой, и мне — как представил, что её ощипают и съедят, — стало её жалко. Тогда

¹ В конце 70-х в школе № 20 был создан геологический музей, экспонаты которого собраны учениками во время походов с Е. А. Череповым по родному краю. Музею официально присвоен статус школьного, а Всероссийское общество охраны природы наградило его дипломом I степени. В 2011 году городским управлением издан указ о присвоении музею имени Е. А. Черепова.

² В 1979 году Е. А. Черепов организовал на территории школы строительство географической площадки, имитирующей некоторые экосистемы Земли: леса, горы, озёра. Были сооружены несколько «секторов» — топографический, метеорологический и астрономический, а также геологическая стенка, на которой изображались различные природные явления. В строительстве принимали участие, помогая стройматериалами, городские организации — главные шефы школы — «Камснаб» и «Сельстрой», помогли родители учащихся, но самыми неутомимыми строителями были ученики Евгения Андреевича. Всё это затевалось для того, чтобы учащиеся школы лучше знали географию, астрономию, изучали и любили природу. К сожалению, в 90-е годы площадка была разрушена.

отец сказал, что знает, кому отдать глухаря, чтобы он навсегда остался «живым». И вот ночью, сразу после охоты, мы приехали домой к Евгению Андреевичу, к тому самому классному учителю. Отец отдал ему птицу. А через несколько дней у нас дома появилось чучело глухаря: как живой сидит на ветке — красный гребень, хвост торчком. А ведь сделать чучело очень непросто! Глухарь до сих пор «жив».

Ещё помню, уже в старших классах Евгений Андреевич давал задания — написать рефераты о какой-нибудь стране. Те из ребят, кто брался за эту работу, заранее обеспечивали себя «пятёркой», а то и не одной. Но брались не из-за оценки, а потому что было интересно. Евгений Андреевич так разжигал в нас любопытство, что мы разыскивали журналы «Вокруг света», смотрели по телевизору передачу Юрия Сенкевича «Клуб путешественников»¹, ходили в библиотеку, доставая нужные книги, только чтобы найти как можно больше информации о нужной стране. Я писал о Камбодже. Каким счастьем было найти открытки или фотографии для оформления реферата! На всю жизнь запомнил эту маленькую победу — как приятно было выйти перед классом, чтобы рассказать и показать всё то, что узнал сам.

Ильдар Аглетдинов, выпускник 1981 года:

— Географию поначалу у нас вела Лидия Александровна Адамова, потом на пенсию ушла. Её сменил Евгений Андреевич. Помню, когда пришли первый раз в его кабинет — рты пооткрывали: минералы кругом, карты, шторы на окнах самораздвигающиеся, которые Черепов, оказывается, сам смастерил: покрутит ручку — и в классе полумрак; включит кинопроектор — и увлекательное кино по теме.

А астрономию как интересно вёл! Мы по ночам наблюдали звёзды через настоящий телескоп. Скажите, какой современный учитель будет вести дополнительный урок, да ещё ночью?.. Как мнегодились эти уроки! Умение ориентироваться по звёздам помогало мне в военном училище, тогда у нас не было навигаторов, какими сейчас увлечена молодёжь. У нас — военная топография, надо было «привязаться» к местности, выбрать маршрут,

¹ Советская и российская телевизионная программа, посвящённая популяризации туризма и путешествий. Была в телевизионном эфире с 18 марта 1960 года и сначала носила название «Клуб кинопутешествий». В 1973 году Юрий Александрович Сенкевич — советский и русский учёный-медик и журналист — приглашён на Центральное телевидение в качестве ведущего передачи. С 1991 по 2003 год программа выходила на Первом канале. За это время создано более 2000 выпусков. Передача была занесена в «Книгу рекордов Гиннеса» в связи с тем, что являлась старейшей программой российского телевидения.

рассчитать, сориентироваться ночью... Нам повезло, мы в школе учились на уроках географии и астрономии, на соревнованиях по ориентированию. Спасибо за это учителю.

Евгений Андреевич никогда никому поблажек не делал, в его глазах между учениками не было никакой разницы — сын ли высокопоставленных родителей перед ним или уборщицы, успешный ученик или троечник. Он в каждом видел личность, умел разглядеть талант и подсказать, на что обратить внимание, чтобы развить его. Всегда подчёркивал:

— Вы абсолютно равны. Знание — дело наживное, только не ленись. А если хотите выяснить, кто из вас сильнее, не деритесь, идите на турник и подтянитесь...

Когда мы повзрослели, стали приходиться в школу на вечера встреч, по-няли: у Евгения Андреевича — всегда под рукой телефоны выпускников, он был как справочник, знал о каждом, кто где работает, у кого какие изменения в семье. Ему можно было в любой момент позвонить и спросить чей-то номер, а то и просто поговорить, спросить совета.

Алексей Комиссаров, выпускник 1987 года:

— Евгения Андреевича назначили нашим классным руководителем, когда мы перешли в девятый класс. Начал с того, что обошёл все квартиры учеников. И в дружеской беседе за чашкой чая познакомился с родителями, родными, с обстановкой в доме. Он умело налаживал контакты с родителями. А зная обстановку в семье, делал выводы, искал подходы к каждому ученику индивидуально. Он очень грамотно этим пользовался...

Трудно ему было с нами: мы, ученики времён перестройки, росли бездуховными и безыдейными.

Духовность отчасти подменялась романтикой, которая нас ещё как-то спасала от деградации, ведь впечатления от костра на берегу, песен под гитару, речной глади, первой влюблённости пробуждали в наших душах неясные порывы, будто пытались достучаться до наших сердец, чтобы мы ощутили, осознали, как всё красиво и гармонично создано Богом. Но этого мы не понимали и поэтому ни во что не верили: ни в Бога, ни в светлое будущее коммунизма, а тем более в затеянную Горбачёвым перестройку, которая в итоге вылилась в перекройку нашей Родины...

Евгений Андреевич обладал хорошим, неподдельным качеством — он никогда не унижал нас. Учил думать и принимать самостоятельные решения. Радовался, если кто-то серьёзно занимался спортом. В мальчишках всегда старался

поддержать мужское начало, говоря, что мы — будущие воины, защитники — должны быть сильными и выносливыми. И он всем ребятам нашего класса, невзирая на «шероховатости» в поведении, написал отличные характеристики в военкомат, умело подчеркнув, даже отчасти преувеличив, то хорошее, что видел в каждом. А внеклассные мероприятия, походы, организатором которых он всегда выступал, нас сблизили. И уже к десятому выпускному классу мы жили дружно. Современным педагогам есть чему поучиться у Евгения Андреевича. И дело тут не в интерактивных досках, ноутбуках и других новинках техники. Дело в отношении к работе. Евгений Андреевич любил свою работу.

Искра Булатова, выпускница 1979 года:

— Мы считали Евгения Андреевича не просто учителем: где-то он был нам как папа, где-то — как мама. Мы тянулись к нему, делились секретами... А как он урок вёл, как рассказывал! Мы сидели, открыв рты...

Сама уже 25 лет в школе работаю, английский преподаю, и всегда Евгения Андреевича вспоминаю как пример учителя: голоса не повышал, но дисциплина на уроке — идеальная, а ведь нас сорок с лишним человек в классе! Как выдерживал?.. Бывало и такое, кто-то придёт с невыученным уроком, так он просто скажет «лентяй», но *так* скажет, что в другой раз

стыдно было идти неподготовленным. Я на всю жизнь географию так выучила, что мои ученики иногда удивляются: «Откуда вы это знаете?»

До сих пор у меня перед глазами — его кабинет на втором этаже. Мы туда каждую перемену не шли, а летели, хотя мы не были его подшефным классом.

Ильдар Хайруллин, выпускник 1982 года:

— Евгений Андреевич — мой идеал учителя. Казалось, он наслаждался общением с нами, был просто наш старший товарищ, и в то же время не позволял никакого панибратства — настоящий лидер. В походах учил нас правилам выживания в природе: как развести костёр, как и где правильно поставить палатку, как раздобыть и приготовить еду. Кроме того, давал много знаний о палеонтологии и геологии, чем сам увлекался. Как сказки рассказывал! Помню, Татьяна Корнеевна несколько раз с нами в походы ходила. Она часто дополняла рассказы Евгения Ан-

дреевича, приводила примеры из литературы. Теперь думаю, они многие книги дома вместе читали и обсуждали. Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна для нас были примером общения супругов, когда уважение и неподдельная забота проявляются в каждом движении, в каждом слове.

Эльмира Яковлева, выпускница 1982 года:

— С нашим классом Евгений Андреевич встречался один-два раза в неделю, вёл географию и астрономию. Сейчас модно слово «новатор», вот Евгений Андреевич и был таковым: из обычного предмета (не касаюсь походов, я в них не участвовала) он делал увлекательную дисциплину, влюблял нас в то, чему учил. Сегодня, в XXI веке, его метод, может, и не покажется новаторским, но тогда...

Урок начинался с того, что учитель создавал настроение, «погружал» нас в ту страну, которая изучалась: в её язык, обычаи, культуру, искусство. В его кабинете стоял проигрыватель. Учтя, что в Советском Союзе выбор грампластинок был ограниченным, надо отдать должное тому, что Евгений Андреевич где-то выискивал записи, приносил иногда редкие, очень старые пластинки, которых и в продаже-то не найдёшь. Это было замечательно! Даже не зная языка, нам казалось, что мы понимаем, о чём поётся в песне. А если вдруг звучала знакомая мелодия, популярная, которую слышали по радио или телевидению, то начинало казаться — расстояние до изучаемой страны сокращается.

Необычной была и система оценок. Никто на уроке у нас не отсиживался. Каждый, кто хоть раз с места ответит, дополнит, получал «плюсик», который учитель фиксировал в специальной тетради. Потом определённое количество «плюсиков» превращалось в «пятёрку». Что греха таить, у нас были такие учителя, такие предметы, на которые мы боялись ходить, заранее зная: если ответишь неправильно — можешь и оскорбление от учителя получить. Многие просто «отбывали» эти уроки как наказание. А вот на географию и астрономию всегда шли с радостью, с готовностью к доброму общению, к сотрудничеству, Евгений Андреевич никогда не давил ни характером, ни авторитетом. Я до сих пор помню его занятия, легко ориентируюсь по картам, нахожу любую страну.

Михаил Захваткин, выпускник 1979 года:

— Евгений Андреевич не был нашим классным руководителем. И в походы я не ходил, хотя дружил со многими ребятами из 10 «А». Лишь однажды образовалась сборная команда из старшеклассников, и мы двинулись в сторону Тарловки, переплыв на пароме Каму. Впечатления от похода остались на всю жизнь. Мне тогда показалось, что Евгений Андреевич

не просто по-доброму относится к ребятам, а со всей душой. Он был человеком без суеты, говорил так, что информация сразу воспринималась. А до похода я слышал, что класс Черепова участвует во Всесоюзном движении-экспедиции «Моя Родина — СССР»¹, что Евгений Андреевич со своим учениками организует в школе геологический музей, но особо не задумывался о величине и серьёзности этого дела. В походе понял: учитель и ребята не играют, а сосредоточенно работают. Я увидел, как досконально, с каким увлечением они, будто настоящие геологи и учёные-палеонтологи, добывают, разбивают камни, изучают кости каких-то древних животных. Тогда я узнал, что в камских краях когда-то обитали давно вымершие животные: мамонты, шерстистые носороги, бизоны...

Я понял, насколько затеянное дело велико! И стал к Евгению Андреевичу относиться с особым чувством уважения. Ведь создание музея, походы — не его прямая задача. Ну, учи, давай уроки, как это делали многие, и всё. Живи свою жизнь. Но нет! Он жил делом. И увлекал за собой, как в круговорот, мальчишек и девчонок. И делал это непринуждённо, потому что сам был увлечён.

Виктор Тураев, выпускник 1980 года:

— 10 «А» был среди нас лидером. Между классами шли соревнования, у кого лучше показатели в учёбе, дисциплине, в общественных делах. Мы завидовали «ашникам»: у них классный руководитель — мужчина, они ходят в походы, они живут другой жизнью, настоящей. И мы проявили собственную инициативу, тоже однажды решили пойти в поход, но наша классная Александра Михайловна Щурова не поддержала нас. Тогда мы потянулись к военруку Валерию Владимировичу Вихореву, он стал для нас отдушиной, сплотил хороший отряд (я стал командиром) для смотра-конкурса строя и песни, и мы заняли первое место по школе и в городе. Потом

¹ В рамках Всесоюзной экспедиции проводились региональные экспедиции и походы, в которых принимали участие школьники, занимаясь поисковой работой, изучая историю родного края. Набережночелнинская школа № 20 с приходом в неё увлечённого педагога-географа заявила о своём активном участии во Всесоюзной экспедиции.

Вихорев меня поставил командиром над малышами, я с ними занимался, готовил к смотру...

Мы видели, что Валерий Владимирович и Евгений Андреевич — друзья, поэтому наше соревнование между классами не перерастало в какое-то соперничество. Мы тоже дружили и всегда стремились к общению с Евгением Андреевичем.

Об активной жизненной позиции незаурядного учителя, о его небывалой самоотдаче говорят и записи в трудовой книжке.

В апреле 1977 года Е. А. Черепов награждён грамотой районного отдела народного образования за активную работу по подготовке к смотру художественной самодеятельности. Тогда же последовали благодарности, ещё одна грамота и награда:

- в апреле 77-го — благодарность за оформление кабинета географии;
- в марте 78-го — благодарность за отличную подготовку и проведение открытых уроков в день семинара завучей школ города;
- в октябре 78-го — грамота городского отдела народного образования и профсоюза за достигнутые успехи в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, вручён знак «Победитель социалистического соревнования»¹.

А в мае 1983 года Е. А. Черепов переведён на должность директора средней школы № 20 города Набережные Челны.

По свидетельству учителей — современников Евгения Андреевича, он мечтал внедрить в школьную практику педагогические идеи Василия Александровича Сухомлинского. Но осуществить это на уровне школы и города ему не удалось: то ли не нашёл поддержки коллектива, который непрерывно менялся, — текучка кадров была обусловлена стремительностью роста города и завода-гиганта; то ли воспитательные идеи небольшой Павлышской школы знаменитого педагога не могли соотноситься с масштабностью других, выходящих на первый план, образовательных задач новостройки. Так или иначе, **в июне 1985 года** Евгений Андреевич ушёл с административной работы. А идеи воспитания детей через любовь и равноправную дружбу учителя и ученика, через стремление к прекрасному, оценку только положительных результатов вновь стал успешно реализовывать на своих уроках географии.

¹ Единый общесоюзный знак, учреждённый ЦК КПСС, Советом Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ являлся правительственной наградой, которая вручалась в 1973–1980 годах. Ею награждались лучшие рабочие, колхозники, руководящие и инженерно-технические работники, служащие, мастера, сотрудники научно-исследовательских, проектно-конструкторских и других организаций, добившиеся наиболее высоких трудовых показателей во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Из воспоминаний коллег

Анна Ивановна Мыльникова, учитель русского языка и литературы:

— 1 сентября 1976 года я вышла на работу после декретного отпуска. Тогда и познакомилась с новым географом, который начал вести уроки в моём классе — моём первом выпуске в школе № 20. Евгению Андреевичу дали классное руководство, его ребята были старше моих на год. Наши ученики жили в одном доме — 4/5А. В этом доме жила и я. Представьте, шестнадцать учеников со мной в одном подъезде!

Классы тогда формировали по месту жительства детей: принцип комплектования — по домам. В связи с тем, что город рос не по дням, а по часам, к тому же было постоянное движение — люди приезжали, селились в общежитиях, малосемейках, получали квартиры, переезжали, — учителя два раза в год, перед 1 сентября и после Нового года, вели перепись детей. За каждым учителем закреплялся определённый дом или два, в зависимости от количества квартир и подъездов. И мы ходили, и переписывали, и считали. Школа тогда была переполнена — 2100 учащихся. Занимались в три смены, которые продолжались в группе продлённого дня.

Дети сразу полюбили учителя географии. Евгений Андреевич вообще быстро находил общий язык с детьми. А вот должность директора стала большим испытанием для него. Текучка кадров и учащихся сыграли в этом немалую роль. В первый же год его директорства из школы ушли некоторые учителя, в которых он, может быть, видел поддержку, на которых как-то рассчитывал: кто-то ушёл на стройку за заработком; кто-то поменял место жительства и нашёл работу поближе; а кто-то и из принципа. Что скрывать, не все принимали Черепова как руководителя, хотя он и был первым директором в городе, которого на должность избрал коллектив, а не назначили горком партии и ГУНО¹.

В школу приходило много молодых педагогов, которые нуждались в особом подходе, их самих многому надо было учить. А Евгений Андреевич, на мой взгляд, в чём-то был излишне требователен и принципиален, а в чём-то слишком мягок. Несмотря на то, что у нас с ним иногда бывали «трудовые коллизии», после вступления на должность директора он предложил мне взяться за работу завуча. Поначалу я отказывалась, осознавая нагрузку. Но он настаивал. И я взялась.

¹ Городское управление народного образования.

Последний звонок 10 «Б», 1987 год

Помню такой момент. Сразу после своего назначения он пришёл ко мне в кабинет, сказал:

— Анна Ивановна, простите меня.

Надо заметить, незадолго до этого мы повздорили, он проявил, как мне казалось, излишнюю принципиальность при выведении четвертных оценок моим подопечным. Нет, он не занизил оценки, он просто задержал классный журнал, не выставлял оценки до последнего урока в четверти. Последний урок был завтра, а мне надо было сдавать отчёт сегодня. И я пошла к нему:

— Вы один задерживаете журнал.

— Я выставлю оценки на последнем уроке.

— Но вы же знаете о сроках сдачи отчётов! И детей знаете. Ну *что* может решить один урок?

— Я что, по-вашему, должен оценки придумать? А вдруг ваш Спиридонов так подготовится, что ему «пятёрки» будет мало. Или вовсе проигнорирует. Я за него решить не могу. Я всё сказал! Закройте, пожалуйста, дверь...

Вот, собственно, и весь конфликт. И Евгений Андреевич пришёл просить прощения. Я ему ответила:

— Ваша принципиальность меня иногда восхищает, да и разве можно, работая в школе, держать обиду? Школа — такой концентрат жизни, на все обиды сердца не хватит. А что тогда детям отдавать?.. Сами знаете. Евгений Андреевич, я уж давно забыла...

— А я нет. Мне стыдно, нагрубил, повёл себя, как мальчишка. Анна Ивановна, простите.

— Будет вам... а впрочем, спасибо за эти слова. Я простила вас.

Помню, да и многие это помнят, свой первый педсовет Евгений Андреевич начал с того, что встал перед всем коллективом и сказал так: «Здравствуйте. Прежде чем начать нашу работу, я прошу прощения у тех, кого вольно или невольно обидел. И сам говорю искренне, что ни на кого обиды не держу...»

Таисия Михайловна Поликанова, учитель русского языка и литературы:

— Евгений Андреевич — одержимый учитель. Один из первых в коллективе получил звание методиста. Бредил геологией и географией. Мне казалось, он — учитель из будущего. Генеральная идея его работы с педагогическим коллективом и детьми состояла в том, что в школе должны быть культ Родины, культ матери, культ родного слова. Ему было непросто со своим искренним желанием создать школу будущего. Но он очень этого хотел. Он объездил многих учителей-новаторов. Искал и изучал педагогические новинки, щедро делился знаниями. Работа его увлекала. И, став директором, минуя ступеньку завуча, а значит, не имея никакого опыта административной работы в большой школе, он пытался претворить свои творческие идеи в жизнь. Но единомышленников оказалось мало. И он страдал, хотя всегда по жизни шёл «от полноты стакана», иногда полшутя-полусерьёзно говорил: «Тяжела шапка Мономаха».

Он многое делал для того, чтобы сплотить коллектив. Организовывал выезды за город, по грибы. Обязывал профком, чтобы минимум два раза в год люди отдохнули от школы. Даже коллективные походы в сауну устраивал на День учителя, понимал: неформальное общение сближает, в отдыхе люди раскрываются, происходят откровенные разговоры, рождаются творческие порывы. И это так и было. Но и проблем было много, особенно хозяйственных, они его и поглотили.

Валерий Владимирович Вихорев, преподаватель НВП¹ и физкультуры:

— Евгений Андреевич был легкоранимым человеком, хотя виду иногда не показывал. Болезненно принимал замечания в свой адрес. Он ведь в школе

¹ Начальная военная подготовка — обязательный предмет в советской школе. На уроках НВП изучалось современное оружие, правила оказания первой медицинской помощи, навыки выживания в экстремальных условиях, прививались навыки стрельбы из мелкокалиберной винтовки, умение пользоваться противоголоном и многое другое, что необходимо знать молодому бойцу — защитнику Родины.

и в городе как учитель был на хорошем счету. К нему на уроки за опытом приходили из других школ, даже из близлежащих районов и городов приезжали. Он дорожил своей репутацией.

Жизнь в школе тогда бурно кипела. Мужчин-учителей работало побольше, чем в нынешние времена. Много «мужских» дел мы — Евгений Андреевич, Фарид Мазитович Яруллин (физик), Юрий Михайлович Целиковский (математик), я и другие учителя физкультуры — проводили с ребятами. Это и смотр-конкурс песни и строя; и военная игра «Зарница»; и соревнования по ориентированию; а к 23 февраля — Дню Советской Армии — военные соревнования среди старшеклассников; и кружки спортивные и туристические вели; и тир при участии старшеклассников создали, который был признан лучшим в городе; военный городок на школьной площадке оборудовали; на полевые сборы мальчиков-старшеклассников в Ильбухтино возили, по-настоящему их готовили к службе в армии, работа эта велась по линии горвоенкомата; а какой музей боевой славы создали, я уж не говорю о геологическом. Шефы школы помогали шить красивую форму для ребят. Все эти настоящие мужские игры не только увлекательным времяпрепровождением были, но и дисциплинировали, и воспитывали в ребятах ответственность, и развивали чувство патриотизма.

Юрий Михайлович Целиковский, учитель математики:

— Мы с Евгением Андреевичем быстро сдружались. Внутри школы между классами шли разные соревнования, а наши ребята были активны, на хорошем счету, и соревновались, и дружили. Это нас, классных руководителей, сразу сблизило. Сдружались ещё и потому, что моя супруга работала в медпункте «Камснаба», там же и родители Татьяны Корнеевны. В общем, были темы для разговоров.

Характер у Евгения Андреевича непростой. Он был очень целеустремлённым человеком и довольно честлюбовивым. Если считал, что кто-то из коллег поступил неправильно, мог всё высказать прямо, в лицо, принципиально прекратить общение, ограничиваясь вежливым «здравствуйте». Недолгоблюдали его за это. Но как педагог он всегда пользовался авторитетом.

В дружбе, в работе с ним было надёжно. С любым вопросом обратиться — он так разъяснит, будто по полочкам разложит, потом сам удивляешься, как это раньше не догадался. И комплимент мог сделать, причём так искренне, что душе приятно. Например, заметит: «Юрчик, ты такой молодец, всегда подтянутый, костюм с иголки. Уважаю».

Он и сам очень опрятным был и требовал, как и я, от учеников, чтобы всегда — в чистой рубашке, отутюженном костюме, при галстукe. Мальчишки сопротивлялись, но привыкали. Мы с Череповым своим ребятам доверяли, давали возможность самоуправления. Дети ценили и тоже отвечали доверием.

Антонина Васильевна Лукашевич, учитель русского языка и литературы:

— Евгений Андреевич искренне хотел создать *новую* школу. И когда дал согласие стать директором, зашёл ко мне, я в то время была секретарём партийной организации:

— Антонина Васильевна, поддержите меня, пожалуйста. Мы внедрим систему Сухомлинского.

— А получится? Ведь Сухомлинский свою школу создал на базе сельской, а у нас — городская, к тому же очень большая школа.

— Если коллектив поддержит, то обязательно получится.

Он верил, стремился. Во время директорства часто уходил из школы последним. Строго требовал добросовестности, прилежности от каждого: и от учителей, и от школьников. Как методист, добился многого. Сам легко учился, много ездил, перенимая опыт... Но у него не получилось. И не только потому, что коллектив не поддержал, многие зачитывались книгами Василия Александровича «Сердце отдаю детям», «Сто советов учителю», «Рождение гражданина»... Видимо, не получилось потому, что Евгений Андреевич хотел это сделать быстро. А большой коллектив довольно инертен: когда это каждый себя переломит, перестроит на новый лад? Привычное же проще. Бывали и споры. Некоторым учителям он делал замечания:

— Ваша манера работы авторитарна, а с детьми не всегда так можно, тем более, не всегда и нужно. Учитель не должен подавлять личность ученика.

И получал такие ответы:

— Да если я в каждом буду поддерживать личность, где тогда будет дисциплина? Их сорок два человека в классе! На шею сядут...

— Но ведь на моей не сидят.

— Наверное, работают личные симпатии.

— Так добейтесь этой симпатии, вы же *педагог*.

А другие просто отмалчивались, старались не конфликтовать с ним. А он был настырным.

Татьяна Николаевна Чирскова, учитель начальных классов:

— В школе № 20 я работала с самого начала строительства. С семьёй Череповых сблизилась благодаря Татьяне Корнеевне. Мы с ней подружились, когда она стала вести уроки труда в моём классе. Удивительная женщина, эрудированная, творческая, тонкая и мудрая. И Евгений Андреевич творческий человек. Мне думается, что Татьяна Корнеевна во многом его направляла, как теоретик подсказывала, а он как практик воплощал. Очень она переживала за него, особенно когда он стал директором. Не раз говорила мне: «Он выступает на педсовете, а я каждое слово ловлю, через себя пропускаю». Вечерами дома они обсуждали школьные проблемы, искали пути решений. Он быстро загорался, а она, наверное, более трезво смотрела на многие вещи.

Помню, Евгений Андреевич начал директорство с того, что решил наладить школьный быт: ему казалось, решит хозяйственные проблемы — и у него освободятся руки для творческих задач. Но в школе постоянно что-нибудь страдало: сантехника, мебель, стены, окна, двор... И ему, как любому директору, приходилось отдавать много сил на восстановление и поддержание этого быта. Директор — прежде всего хозяйственник. А Евгений Андреевич — творческая личность. Вот тут-то и произошла несостыковка.

Кроме того, постоянно менялись завучи, ответственные за организацию учебного процесса. Вообще, двадцатой школе как-то не очень везло: каждые два года приходил новый директор, который набирал себе новую команду. Наверное, в этом не школа с её коллективом виновата, а время великой стройки и жёстких темпов.

Анна Павловна Шатрова, учитель русского языка и литературы:

— Мне самой около двух лет довелось побывать в роли директора школы № 20. Долго не соглашалась, но пришлось. Если честно, очень устала. Звонила в городское управление, просила, чтобы нашли замену, чтобы назначили мужчину. Однажды произошёл курьёзный случай. В школе принято было, чтобы дежурные учителя, администраторы каждое утро встречали детей у входа — и приветствие, и контроль. Директор же — вечный дежурный. И вот однажды зашёл незнакомый мужчина. Я его спросила: «Вы кто будете? Куда идёте?» Он назвал имя-отчество, но куда и зачем ему надо, не сообщил. И я его не пустила! А потом выяснилось, что это был представитель Министерства образования, проводилась такая проверка без предупреждения. Меня с должности не сняли...

Как директор Евгений Андреевич был принципиальным, как коммунист — честным. Свято верил в коммунистический идеал, чтит мораль,

которая на самом деле была высокой. Вот только не все коммунисты этому следовали. А Евгений Андреевич следовал. И других за собой вёл, но не все хотели идти. Может, не так свято верили, а может, хотели беспхлопотно жить: куда проще отработать свои часы и со спокойной совестью отправиться домой, а не на партийные собрания, чтобы искать решения вечно кипящих проблем, брать ответственность «за себя и за того парня».

Лариса Григорьевна Лебедева, учитель начальных классов:

— Я с первого дня в школе № 20 и до сих пор, хоть пенсионерка уже.

Когда Евгений Андреевич стал директором, он лишил нас, учителей начальной школы, работы в группе продлённого дня. Принял воспитателей на наши классы. Мы сначала возмущались, ведь такое решение отразилось на нашей зарплате. А Евгений Андреевич говорил: «Подождите, ещё спасибо скажете». И оказался прав. Группы продлённого дня работали до семнадцать-восемнадцать часов. И мы, учителя, со своим классом были в школе с утра до ночи. А когда стали после обеда освобождаться и возвращаться домой, жить стало легче. Если же работали во вторую смену, то с утра столько дома дел переделаешь и со свободной душой в школу.

Директор нам частенько напоминал: «Что в школе торчите? Идите домой, своих детей воспитывайте. А то у учителей самые запущенные дети».

Однажды учителя начальной школы — костяк — решили праздник устроить, а как это организовать и где собраться, не знали. И вдруг Татьяна Корнеевна сказала: «А пойдёте к нам домой. Вот только я Черепова потихоньку подготовлю к этому...» На следующий день мы стоим в коридоре на перемене, говорим о чём-то своём, подходит к нам, улыбаясь во весь рот, Евгений Андреевич: «Та-ак, заговорщики». Мы притихли. А он: «Ну, хорошо, приглашаю в гости. Только, чур, тарелки не бить, на пол не плевать»...

Он очень совестливым человеком был, серьёзно относился к решению школьных вопросов. Сам мог до полуночи в школе находиться: то трубы прорвёт, то ещё какие проблемы возникли. Татьяна Корнеевна говорила по этому поводу: «Я привыкла, что он работой живёт, домой только ночевать приходит». А проблем приходилось решать много. Участие в их решении принимали все: и учителя, и ученики, и родители, и шефы, и даже супруги учителей привлекались, вернее, кто хотел и мог, откликались на школьные беды. Мой муж, например, помогал краску для ремонта доставать. Всё ведь было непросто. Но Евгений Андреевич на педсовете обязательно

поблагодарит, отметит по-доброму. Приятно. Сейчас людям доброты в отношениях не хватает, а уж той открытости души, с какой мы жили, и в поmine, кажется, нет. И есть ли нынче такие учителя, как Татьяна Корнеевна и Евгений Андреевич?..

Елена Юрьевна Бикчантаева, преемница Е. А. Черепова, учитель географии:

— Никогда не забуду первую встречу с ним. Однажды пришёл ко мне на урок: элегантный, седой-седой, с аккуратной, совершенно белой бородой. Дети подумали: наверное, директор какой-нибудь. Насторожились. Встали, как положено, поприветствовали. А он вдруг сказал:

— Здравствуйте. Меня зовут Евгений Андреевич, я бывший учитель географии этой школы. А фамилия моя страшная-престрашная, сейчас вы испугаетесь — Черепов!

На что Максим Усов неожиданно ответил:

— Вовсе и не страшно, не Крюгер же...

Кто-то из детей робко засмеялся, но напряжение возросло. А Евгений Андреевич подошёл к Максиму:

— Уважаю современных детей-эрудитов. Как видишь, руки у меня нормальные, — и протянул ладонь для персонального рукопожатия.

И тут по классу — волна смеха, и напряжённости как не бывало. После урока Евгений Андреевич остался, спросил меня, давно ли работаю, есть ли какие трудности. А у меня как раз были вопросы, касающиеся ориентирования, топографии, ведь раньше, после Ташкентского университета, я жила и работала в Средней Азии, а там климат другой, нет таких лесов, как здесь... И Евгений Андреевич всё понятно объяснил: как строить профиль на бумаге, как находить высокие точки в ориентировании, как расчёты делать. Мне стало легко, а главное, и детям теперь легко объяснять эти темы.

К тридцатилетию школы оргкомитет 10 «А» во главе с Сергеем Майоровым организовал посадку ёлочек на школьной территории. Почётную эту миссию приняли на себя отряд бывшего 10 «А» и мои тимуровцы. Ребята надели нашу форму, вооружились вёдрами и лопатами и торжественно вышли из школы под звуки горна и барабанов. Знаю, Евгений Андреевич был против активной пионерской атрибутики: он нервничал из-за того, что его выпускники организовали всё слишком торжественно. Похоже, он не любил никакой шумихи вокруг дел, даже кому-то сказал тихо (я услышала): «Надо просто посадить деревья. Зачем этот пафос?..» Однако в посадке он

Евгений Андреевич с учениками в походе. Конец 70-х–начало 80-х

с радостью принял участие и по окончании мероприятия встал в общий строй. Под общие аплодисменты представители оргкомитета вручили всем по гвоздике. Я стояла последняя, замыкая линейку своих ребят. И так получилось, мне гвоздики не досталось. Евгений Андреевич заметил это и, пройдя через оба строя, отдал мне свой цветок...

Как вспомню, так думаю: вот и передал эстафету...

О присвоении школьному музею имени Евгения Андреевича Черепова писала корреспондент Дина Неверова в статье «Двойной праздник в школе» челнинской газеты «Новая неделя», № 35 (246) от 2 сентября 2011 года.

День знаний в этом году стал для коллектива средней школы № 20 Набережных Челнов двойным праздником. 1 сентября здесь состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски Евгению Черепову и присвоения школьному геологическому музею его имени.

Евгений Андреевич <...> был Учителем с большой буквы, потрясающим педагогом, умеющим повести за собой детей, открыть перед ними дверцу мудрости. Долгое время Евгений Андреевич и его ученики занимались геологическими раскопками, вели поисковые работы. Собранные их силами экспонаты выставлялись в школьном палеонтологическом музее. На протяжении многих лет Евгений Андреевич был его хранителем и экскурсоводом.

<...> Выпускники 10 «А» 1980 года, классным руководителем которых был Евгений Андреевич, полностью отреставрировали школьный музей, сделав его интереснее и современнее. Они возродили музей к новой жизни, вложив в него не только денежные средства, но и душу. Кроме того, при участии выпускников была создана мемориальная доска Евгению Черепову.

На церемонии её открытия присутствовали выпускники, учителя-ветераны, школьники и их родители. Мероприятие началось с приветственной речи директора школы Александра Петровича Кудряшова:

— Многие поколения учеников знают Евгения Черепова как незаурядную творческую личность, влюблённого в своё дело педагога. Наш палеонтологический музей — творение его рук, — отметил он.

Присоединился к его словам и выпускник 1980 года, председатель ООО «Магнолия-С» Сергей Майоров. Он рассказал гостям, что ученики Евгения Андреевича и после окончания учёбы шли по жизни, опираясь на советы своего мудрого учителя.

Заслуги замечательного учителя, значимость открытия мемориальной доски отметил и депутат городского Совета Владимир Бестолков <...>

Публикация завершается словами благодарности выпускника школы № 20, ныне главного врача БСМП Ильдара Хайруллина, который в конце своей речи поздравил всех с Днём знаний и призвал современных ребят познавать свой край, любить школу и уважать учителей.

Но вернёмся к трудовой книжке Евгения Андреевича.

Снова заслуженные благодарности:

— в октябре 86-го — в связи с празднованием Дня учителя за добросовестное выполнение своих обязанностей;

— в мае 88-го — за активное участие в методической работе.

Большим итогом учительских побед стала правительственная награда — за долголетний добросовестный труд. От имени Верховного Совета СССР Указом Президиума Верховного Совета Татарской АССР от **10 августа**

Сергей Майоров на церемонии открытия мемориальной доски Е. А. Черепову у школьного музея

Удостоверение к медали «Ветеран труда»

1988 года Черепов Евгений Андреевич награждён медалью «Ветеран труда»¹ — одним из высших знаков признания трудовых заслуг. Награда была вручена учителю в родном трудовом коллективе.

* * *

Осень 1988 года стала временем больших перемен в жизни Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны.

Больше двадцати лет они вместе. Оба — педагоги, отдающие время и сердце детям. Но все эти годы Татьяну Корнеевну не покидала мечта растить, воспитывать своего ребёнка. Стать родителями — не это ли главная миссия любящих людей? И если это невозможно осуществить по каким-то жизненным причинам, по медицинским показаниям, то вполне реально стать мамой и папой «чужому» ребёнку. Это важно, чтобы семья стала полной, чтобы всецело радоваться жизни, чтобы было кому отдавать тепло души и рук.

Решение усыновить малыша всегда даётся непросто. Но и когда это решение в семье Череповых уже было принято, на пути к его воплощению вставали различные препоны. Например, в советские времена в детдомах

¹ Медаль «Ветеран труда» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 года, ею награждались трудящиеся за долголетний добросовестный труд в народном хозяйстве, в области науки, культуры, народного образования, здравоохранения, в государственных учреждениях и общественных организациях, а также рабочие, колхозники и служащие в знак признания их трудовых заслуг по достижении трудового стажа, необходимого для назначения пенсии за выслугу лет или по старости.

существовали очереди на усыновление, в которых потенциальные родители — заметьте, не брошенные дети! — стояли годами, и не все дожидались счастливого момента обнять желанного ребёнка. Известен и такой факт. Пройдя через законные процедуры — очередь, медицинские комиссии, обивание порогов детских домов и исполкомов, — Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна получили необходимые документы на удочерение одной девочки, приехали за ребёнком в детдом, а у девочки вдруг объявилась бабушка, которая не позволила оформить опеку чужим людям. Однако ничто не остудило желания потенциальных родителей стать настоящими отцом и матерью, ведь не та мать, что родила, а та, что воспитала...

Из воспоминаний Виктора Черепова, приёмного сына Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны.

— Мне было четыре года, когда пришёл в семью. До этого воспитывался в детдоме города Данкова Липецкой области. От меня никогда не скрывали факта усыновления, да и не такой уж маленький я был, чтобы не понимать происходящего. Хорошо помню, как позвали в кабинет заведующего, сказали: «За тобой мама и папа приехали». Попросили прочитать стишок. Как позже узнал, на тот момент я был единственным ребёнком на усыновление, наверное, в этом есть судьба. Своих физических родителей не знаю, да и мысли никогда не возникало их ис-

кать. В Набережных Челнах стал Череповым, а имя осталось прежним. С первого дня, как только у меня появились мама и папа, мне было всё интересно. Самое первое яркое впечатление — перелёт на самолёте из Москвы в Челны, в аэропорт Бегишево. Какие-то трудности происходили с билетами, и нас с мамой на время определили в комнату матери и ребёнка. Папе пришлось дальше ехать на поезде, а мы — на самолёте. В Челнах нас встретила бабушка Ольга Петровна, мамина мама: как сейчас перед глазами — с огромным букетом.

А потом — новые люди, новая обстановка, необыкновенная забота. Помню и первые покупки для меня: сапожки нарядные с Микки-Маусами и два килограмма конфет. Я их все слопал. В итоге вылез жуткий диатез — вот и первые мамины страхи: «Что мы наделали, неопытные родители!» В новом доме появились новые игрушки, каких я раньше не видел, очень полюбился мне танк. Я всюду, где мог, старался залезть, всё потрогать: неужели это — моё? Наконец-то мне стали отвечать на все мои «почему». Ведь в детдоме (какая-то обида на него осталась) особого внимания на меня никто не об-

рашал. Единственное, что мне там нравилось, — бывать в гараже, помогать (или мешать) шофёру: принеси то, подай это. Может, с тех пор интерес к технике и страсть ко всяким кнопочкам остались навсегда. Научился и сленгу шофёрскому. Мама потом долго отучала.

От детдома страх остался, который помню до сих пор. Нас укладывали спать, и чтобы мы боялись и не бегали, ходила старая уборщица — мне она Бабой-Ягой казалась — и стучала шваброй. Не помню, чтобы нас били, но держали на страхе...

А тут — свобода. Поведение моё, конечно, было далеко не примерным, меня даже прозвали трёхмоторным. Запомнился такой эпизод. Мама пришла за мной в детсад, а воспитательница ей выговаривает: «Таких, как ваш сын,

в тюрьму сажать, а не в садик приводить...» Понимаю, трудно было со мной. Садик я просто ненавидел, он напоминал детдом. Я сбегал. Однажды пожар в песочнице устроил. Мог и на воспитательницу матом. Там, наверное, не знали моей истории. Представляю, каково было маме! Ещё меня часто забирали последним, и вечерами я очень скучал. А если маме удавалось забрать меня днём (наверное, когда у неё уроков не было во вторую смену), такую гордость испытывал: все спать ложатся, а я домой иду.

В садик не сразу устроили, и мама первое время с собой в школу брала, так что со всеми учителями познакомился задолго до того, как пойти учиться. Но в маминой лаборантской не сиделось: то гвозди в пол вобью, то без спросу выйду погулять по коридорам, заглядывая в чужие кабинеты. Учителя не ругали, но мягко выпроваживали.

Я быстро сообразил, что меня любят, и если о чём-то попросить, у меня это появится, во всяком случае, поначалу так и было. Мама старалась

*Татьяна Корнеевна (в парике) и Витя.
Набережные Челны, май 1995 года*

красиво меня одевать. Много шила — и шорты, и курточки, и костюмы на Новый год: то я Шахматный Король, то Петрушка... Себе и папе она тоже шила.

Когда пошёл в школу, особого праздника не испытывал: я там уже всё знаю. Радость была от нового костюма и портфеля. Учёбу начал подготовленным, мама и папа со мной занимались. Их спальня была оклеена плакатами, азбукой, таблицей умножения, висела большая географическая карта, даже таблица Менделеева. Глобус стоял, по которому мы путешествовали. Всё это потом мне пригодилось, зрительная память срабатывала. Таблицу умножения до школы уже неплохо знал, тут инициатором был папа. Он любил вечером после ужина прилечь на кровать, а я с указкой подходил к стене, и мы играли в школу. Мама научила резьбе по дереву, выжиганию, даже крестиком вышивал с увлечением.

Когда учился в младших классах, часто учителей называл не по имени-отчеству, а просто по имени или по фамилии, как родители иногда дома говорили. Мне казалось, что все учителя — мамины и папины друзья. И я, например, мог так поздороваться с Таисией Михайловной: «Здравствуй, Поликанова». Конечно, учителя мне это прощали, а дома попадало.

Болел в детстве часто. Мама до слёз переживала. Врезался в память такой случай. Пошли мы с мамой к врачу, а врач ей довольно грубо: «До чего ж вы, мамаша, ребёнка довели! Рахитик какой-то...» Мама не хотела, наверное, всем объяснять, что это не она довела. Но однажды попросила меня выйти из кабинета, а я заупрямился: «Да скажи, что я не твой!» Мама плакала.

С папой мы много гуляли. Когда я подрос, он брал меня с собой на прогулки в лес, за грибами в Тарловку, Поспелово, учил премудростям походной жизни: как ориентироваться по солнцу и звёздам, когда грибы собирали, показывал, какие съедобные, а какие нет. Учил прислушиваться к лесу, как себя вести, если заблудишься. Собака у нас была, помесь лайки с дворнягой. Сначала думали, Дружок, оказалась Друза. Она с нами везде бегала. Любила с папой гулять.

*Прогулка в любимом парке,
г. Набережные Челны, 1991 год*

Помню, наберём грибов, придём домой уставшие, а их чистить надо, перебирать. Ужасно не любил это! Папа в таких случаях говорил: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Но меня поговорка не убеждала. А мама находила подход:

- Хочешь к бабушке в Геленджик поехать?
- Да, — отвечал, не догадываясь, к чему она клонит.
- Тогда сделай это...

Очень любил я в гости на юг ездить. Бабушка Катя меня баловала пирожками с клубникой, киселём ягодным... Любил я, когда к нам приезжала бабушка Оля. Она такие вкусные горячие завтраки всегда готовила, а у нас не приняты были плотные завтраки. И когда я к ней в гости приезжал, тоже любила угостить чем-нибудь вкусным: пельменями, грибным супом. Для меня было непривычным то, что она по утрам будила меня к завтраку: стругая, не давала долго в постели валяться.

В любых делах я быстро загорался, но быстро и остывал. Теперь понимаю, что такая роскошь — бросить начатое — только в детстве возможна, когда мама и папа рядом. Благодаря их контролю школу окончил без «троек». Машины у нас никогда не было, но меня отправили в автошколу. Папа всегда говорил: «Мужчина должен уметь многое». Отучился и в техникуме по специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматических систем». Думаю, попади я в другие условия, к другим родителям, всё могло бы быть не так. Мне повезло.

Когда стал старше, конечно, иногда возникали конфликты между мной и родителями. Наверное, все через это проходят. Я — не сахар, и у папы характер непростой. Нас всегда мама примиряла. Вообще, они бережно друг к другу относились. Если маме нездоровилось, отец брал заботы на себя, не требовал внимания. Если отец с работы приходил уставшим, то мама мне говорила: «Не шуми, папе выспаться надо». Я понял, так было до меня, так продолжалось и со мной. А мама иногда болела сильно. Мне же поначалу было невдомёк — как это у мамы что-то может болеть: мама же всегда такая живая, ласковая; мама же — она для тебя. Повзрослев, понял...

Казалось, между родителями совсем не было секретов. Прочитанные книги обсуждали вместе, они — учителя, для них естественно такое рассуждение вслух. Почти каждый вечер вместе гуляли. Мама очень любила зиму, может, деревья в инее ей напоминали детство...

Настали переломные 90-е, внёсшие совершенно неожиданные коррективы в реалии страны, в судьбы граждан. Мишенью стремительных перемен стала жизнь поколения советских учителей, в том числе и Евгения Андревича, ещё продолжавшего упорно, честно работать, но уже терявшего

надежду и веру в те светлые идеалы, которые пророчил социалистический строй.

Успехи Евгения Андреевича ещё не раз отмечались как на «высоком уровне», так и в обыденной школьной жизни:

– в декабре 1992 года автоматически присвоена первая квалификационная категория и звание «Учитель-методист» (кстати, Евгений Андреевич первым из учителей школы № 20 получил это звание — *прим. автора*);

– в мае 1995 года по итогам очередной аттестации присвоена высшая квалификационная категория «Ведущий учитель», которая в последующие годы работы продлевалась.

Согласно записи в трудовой книжке, в **августе 1995 года** учитель уволен в связи с выходом на заслуженный отдых, но через год вновь принят учителем географии в родную школу, где и проработал до **14 мая 2003 года**.

Итак, официально выйдя на пенсию, учитель вновь активно работает. В 1999-м ему объявлена благодарность за отличную подготовку и проведение городского семинара учителей географии. А согласно ветеранскому удостоверению, Указом Президента Республики Татарстан от **13 сентября 1999 года** Е. А. Черепову присвоено звание «Ветеран труда»¹.

Несмотря на все награды, отмеченные заслуги, присвоенные звания, Евгений Андреевич по-прежнему продолжает совершенствовать учительское мастерство, поступает на курсы повышения квалификации при Набережночелнинском институте непрерывного педагогического образования, где

Удостоверение «Ветеран труда»

¹ Звание «Ветеран труда» присваивалось лицам, награждённым орденами или медалями, либо удостоенным почётных званий СССР или Российской Федерации, либо награждённым ведомственными знаками отличия в труде и имеющим трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по старости или за выслугу лет; лицам, начавшим трудовую деятельность в несовершеннолетнем возрасте в период Великой Отечественной войны и имеющим трудовой стаж не менее 40 лет для мужчин и 35 лет для женщин.

изучает актуальные проблемы преподавания географии в современных условиях, о чём свидетельствует удостоверение, полученное **29 декабря 2000 года**.

Но личные достижения и успехи учителя в 90-е пришли к нему не *благодаря* жизненным обстоятельствам, а *вопреки*. Политика первого президента СССР М. С. Горбачёва разъединила страну, превратив её в Содружество Независимых Государств (СНГ); а первый президент новой России Б. Н. Ельцин похоронил главного идеолога — партию. Государства нет. Прежних ориентиров и принципов жизни нет. В бесхребетной стране настал период смуты, раздела власти и территорий, войны группировок и народов, терактов, бандитизма, безденежья и, как следствие, голода. Нередки были случаи голодных обмороков у детей в школе. В тот тяжёлый период город Набережные Челны поддержало решение администрации, которое исходило от мэра Рафгата Алтынбаева (на посту — с 1991 по 1999 год): взаиморасчёты между предприятиями-партнёрами осуществлять не денежными средствами (деньги молниеносно обесценивались, да и купить на них было нечего), а товарами. Кто «осознанно» жил в 90-е, тот хорошо помнит этот период бартера. Зарплата выдавалась мороженым минтаем, колбасой, консервами, сахаром, печеньем — это в лучшем случае; в худшем — мылом, одеждой, бытовыми приборами и прочим. Люди обменивались, исходя из нужд, продуктами собственного труда. Известен и такой факт. В Набережных Челнах городская больница № 5 взяла на себя миссию приюта: многие горожане, особенно старики, всеми правдами и неправдами старались лечь в больницу только ради того, чтобы не умереть голодной смертью. Между врачами существовал негласный договор: если на приём приходил такой пациент, его определяли в стационар.

У большинства людей реакция на происходящее была одна — психологический шок. И Евгений Андреевич, свято веривший в коммунистические идеалы, пережил этот момент истории страны как личный крах: учитель оказался на грани...

В 1991 году врачи вынесли Е. А. Черепову смертельный приговор: «возможно, не больше полугода жизни», поставив диагноз «лимфосаркома».

Из воспоминаний Татьяны Корнеевны Череповой¹

«Мы прошли через горнило страданий. Они изменили нас. «Страдания возвышают душу» — на себе испытали истинность этих слов. Женя серьёзно заболел... Это был удар!.. Я не поверила, сходила сама к врачам. Они подтвердили...

¹ Материал собран из писем Татьяны Корнеевны.

Мы независимо друг от друга начали молиться. Так вот молитва (мольба, воззвание!) помогла нам избежать отягчения, мы преодолели ужас перед диагнозом. И здравый рассудок помог нам найти ответ на вопрос, как жить дальше.

Женя поверил в Бога, окрестился, ходит в церковь, молится.

У меня не так всё просто... Что Вселенная разумна, как говорил Циолковский, я верю, я в этом убеждена. Духом святым и воздухом, оказывается, можно быть сытым в буквальном смысле слова. А что такое счастье — пусть каждый для себя решит сам.

Какие плоды мы должны иметь в конце жизни? Достаток? Славу? По Иоанну Богослову это должны быть плоды духа:

- Любовь;
- Радость;
- Мир;
- Долготерпение;
- Благодать;
- Милосердие;
- Кротость;
- Воздержание.

Вряд ли мы сумеем взлелеять эти плоды до их полного созревания, но стремиться их взрастить — вот цель жизни. А получается это, как ни странно, только тогда, когда отдаёшь себя другим, заботишься и любишь не себя, а других, и не только близких».

Вот что поведал **Ильдар Хайруллин**, выпускник 1982 года:

— В то время я работал хирургом в горбольнице № 2. Евгений Андреевич мужественно принял известие о болезни. И хотя он видел, что рядом с ним в палате не все люди, принимающие тяжелейший курс лечения, выживают,

Евгений Андреевич с мамой. Геленджик, 1993 год

он держался на высоте. Когда я дежурил, вечерами приходил ко мне в ординаторскую, мы полночи могли проговорить: не о болезни, а о выборе жизненного пути, о жизненных приоритетах, о том, для чего человек вообще живёт. Он рассказывал о своей семье. Переживал за приёмного сына. Беспокоился о Татьяне Корнеевне, которая в то время тоже лежала в больнице. Мы говорили о том, что человеку важно жить в согласии с совестью, с душой. Ему было важно с чем-то внутри себя определиться. Он не опустил руки перед бедой. Стал искать ответы на мучившие вопросы. Пройдя один курс химиотерапии, другой, возвращался к работе — к любимому делу. Это давало ему силы бороться за жизнь. И он нашёл путь к исцелению: через испытания пришёл к Богу. Делился со мной такими мыслями: «Когда заглянул в пропасть, побывал на грани, пришло осознание, что всё устроено очень просто: умереть просто, даже легко! А если Бог даёт ещё возможность жить, значит, надо что-то делать не ради себя, а ради тех, кто продолжит жизнь. Важно *успеть* сделать главное...»

Евгений Андреевич — конструктивный оптимист, он всегда создавал что-то конкретное, в любых условиях творил, учил. По большому счёту, учить — его миссия. В нём всегда жило духовное начало, творческое, а такие люди, как правило, если не ломают себя, не становятся чиновниками. Может, и слава Богу, что в двадцатой школе он не реализовался как директор. Кто знает, добейся он на этом поприще больших успехов, стань до мозга костей администратором, возможно, потерял бы себя. Не было бы столько ребят, в чьих сердцах он посеял и взрастил зёрна добра, любви к жизни...

Он отрёкся от партии, ведь партия отрелась от народа. Но он не отрёкся от добра, которое проповедовал и в период учительствования в советской школе, и в период служения в воскресной. Много он рассказывал о воскресной школе и радовался тому, что, занимаясь с детьми и взрослыми, учится сам...

Стремление трудиться, отдавать другим лучшее — то, чем богата душа, не позволило учителю и после ухода из школы на заслуженный отдых сидеть сложа руки. Ещё **22 июля 1995 года** при Свято-Тихоновском храме¹ города Набережные Челны, под окормлением настоятеля протоиерея Сергия была открыта воскресная школа для детей и взрослых, где Евгений Андреевич проводил всё свободное время, где им были заложены традиции коллективного, порой театрализованного проведения некоторых церковных праздников, добрых именинных чаепитий. Где при поддержке Татьяны Корнеевны была организована библиотека, собрана группа

¹ Небольшой приходской однопрестольный храм, построенный в городе Набережные Челны в начале 90-х. Настоятелем храма является протоиерей о. Сергей (Козлов).

единомышленников-учителей, которые стали вести в школе занятия, открыли различные кружки. Конечно же, у всех этих направлений активной деятельности была одна основа — духовная, просветительская.

Об этом периоде жизни Евгения Андреевича поделился воспоминаниями настоятель Свято-Тихоновского храма **отец Сергей:**

— Мы познакомились в 1994-м. Это же целая жизнь! Евгений Андреевич пришёл в церковь. А в церковь приходят либо когда сильно хорошо, но это реже, либо когда сильно плохо. И правильно сделал, что пришёл. В миру он жил насыщенной жизнью, в церкви — тоже. С 1995 года начала работать воскресная школа — это его заслуга. За Евгением Андреевичем пришли другие преподаватели. Там все его люди сейчас остались. Так в жизни и бывает — идут за лидером.

В школе занимаются и дети — от дошколят до старшекласников, и взрослые. Евгений Андреевич с Татьяной Корнеевной разработали программы для всех групп. Изучали закон Божий. Организовывали поездки по святым местам. Праздники проводили ярко, интересно. Многие прихожане жертвовали именно на дела Евгения Андреевича, я даже в шутку говорил, что у нас вроде два прихода образовалось. Потянулись люди разной воцерковлённости. Для кого-то занятия в школе приобрели жизненную важность, для кого-то как посещение клуба по интересам, но всех объединило духовное начало.

Евгений Андреевич прижился к нашей церкви, хотя поначалу присматривался ко мне, иногда даже недоверие выказывал. Я понимаю его, священники-то разные в наше время встречаются: когда двадцать лет назад открывали храмы, то набирали кого попало. И это не сработало ни в пользу церкви, ни людей. Безграмотности много было, службы вести не умели. Силы уходили на «ликбез», а духовный потенциал — на второй план. Сейчас вот — от Кирилла воззвание, чтобы священники были образованные, хоть пятьдесят, хоть шестьдесят лет тебе — иди в семинарию. Ведь врача без знаний к телу страшно допустить. А почему к душе без знаний можно? Душа ещё тоньше. А если лидером становится духовно бедный человек, так это страшней, чем ошибка хирурга: там одного загубил, а тут — тысячи, миллионы. Человека лелеять надо, особенно близких своих. Трепетно, ответственно относиться ко всему, к чему прикасаешься. Евгений Андреевич во многом сам искал ответы на свои вопросы. Соблюдал посты, причащался, исповедовался. Признал и меня, что я старше его духовно как священник.

Думаю, у него была борьба двух интеллектов. Нас же объединило общее дело во славу Божию.

Воскресную школу он начал с благоустройства классов и территории: открыли мастерские по переплётному, токарному и художественному делу, резьбы по дереву, музыкальный класс, библиотеку; расписали рыбками бак для воды, что в огороде. Пни все разрисовали, цветы посадили, дорожкам обрамление сделали из поребриков, их Евгений Андреевич сам лил, изготовив формы, оборудовав под это гараж. Он как в обычной школе привык для ребятшек украшать всё, так и сюда то же привнёс. И так сложилось: возведение храма было моей инициативой, а духовную его жизнь мы строили вдвоём, с Божьей помощью.

Интересно устроен человек. Мне вот уже шестьдесят, а я возраста не чувствую. И Евгений Андреевич по духу, по инициативе и по поведению остался в возрасте тридцати-сорока лет. И это хорошо. А значит, и жить надо так, как себя чувствуешь, делать что-то, мечтать. Как в Евангелии: «Толчитесь и отверзнется». А молитва укрепляет на инициативу и подвиги.

Ведь если есть силы, настроение — надо идти, это Ангел-Хранитель подталкивает. Иначе жизнь неинтересна. Кому-то, может, и в радость безделье, но для таких, как Евгений Андреевич, это неприемлемо.

Каждый год ездили к Серафиму Саровскому. Все близлежащие храмы в округе посетили. На службы Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна приходили вместе. Их объединяло дело, как и раньше в школе, так и тут. Фанатиками ни он, ни она не были ни грамма. Я ему предлагал стать диаконом, ведь церкви нужны серьёзные люди, но он отказался. А вере он открылся, и это не бездумное поклонение. Евангелие призывает глазами светлыми на мир смотреть, открытыми, добрыми, и видеть, прежде всего, добро. Евгений Андреевич к это-

*Воспитанницы воскресной школы
в кружке кукольного театра. 2005 год*

Фото из альбома-летописи. 2005 год

му стремился и других в этом за собой вёл, чтобы не чёрный взгляд был, не злой, а светлый, и душа — такая же. Тут взаимосвязано: какая душа, такой и взгляд. К людям должны проявляться беззлобность, терпимость. «Яко дети будьте». Вот ребёнок: упадёт, а через минуту уже забывает и бежит себе дальше. Вот так и взрослым надо. Жизнь красива, Бог вездесущ. Посмотрите, даже старики красивые (если не опошилились), идут — светлые, улыбаются. Не зря говорят «божьи одуванчики». Бывало, и на Евгения Андреевича глянешь, так именно и подумаешь: одуванчик.

Бог наделяет людей талантами, бесталанных нет. Любого ребятёнка возьмите — талант сверкает. А вот терять талант — это грех. Развивать его надо, Бога этим славить. Когда крещу человека, стараюсь донести: ты — личность, индивидуальность. Главный талант в человеке виден. Каждый должен идти данной ему дорогой. И когда человек идёт, то рядом с ним и другие развиваются, растут в своих талантах. Человек становится многогранным, как бриллиант. В жизни всякое бывает, могут разорить, украсть деньги, а вот самого себя у человека украсть трудно, когда он работает над собой, ценности собирает, преумножает то, что дано Богом. И интел-

лект — это божественное начало. Учёные доказали, если мозг работает, он не стареет, он способен к беспрестанному совершенствованию. А если Бог наделил тебя чем-то — ты это и должен отдать миру. По таланту с тебя и спросится. И ничего на блюдечке не даётся, заслужить надо. Главное, созидать, творить, делать дела так, чтобы душа на высоте оставалась. Тогда и тело — аэродром души — поёт. Евгений Андреевич творил, реализовывал призвание.

Из воспоминаний Евгения Андреевича Черепова¹.

«Жизнь в целом-то уже и прошла, осталось ещё немного времени, дал Бог, для осмысления, покаяния, прихода к Всевышнему, ощутить неземное счастье жить под Его руководством. Помню себя молодым, счастливым, добрым и малогрешным, и вот теперь — тяжёлый, гневный, грешный дядя. Господь долго вёл к себе, вразумлял, а я не понимал. В школе занимался дьявольщиной, богоборчеством, на атеистических вечерах разоблачал иконы, которые у меня «плакали» — делал чертовские уловки, чтобы слёзы текли, сатана сильно владел нами, так, что мы этого и не подозревали...

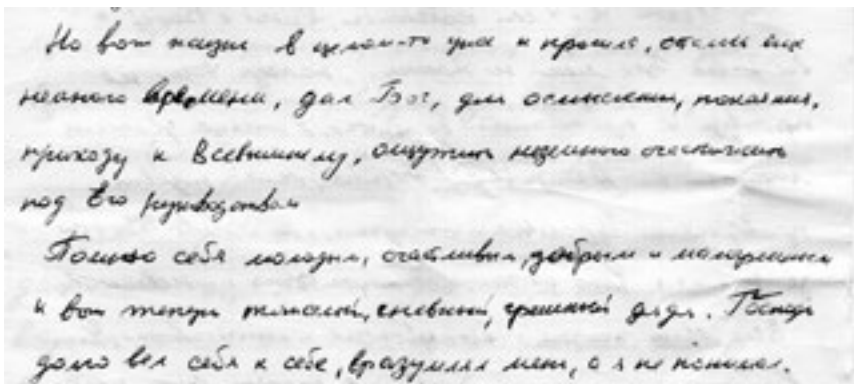
В итоге «достиг много», одни награды чего стоят. Сейчас каково в этих грехах. И только через болезнь ощутил присутствие Бога. Как великий грешник, по-другому я Его ощутить и познать не мог. Сейчас знаю: кто получает болезни и скорби, того Господь любит, очищает, вразумляет.

Почти в 50 лет крестился, вместе с Витей, и всё равно бес меня не покидал, я полгода ходил на проповеди к протестантам-баптистам, два месяца увлекался лекциями по Агни Йоге Рерихов, кстати, недавно православная церковь их отлучила, как и Льва Толстого, за дела их. Если кто их защищает, то это по невежеству. Всю свою жизнь я был убеждён и много говорил: «Верующие люди — тёмные». Но теперь, когда познакомился с трудами великих православных старцев — а они дают глубокие мысли, толкование библейских стихов, — понял, что темны все люди и даже учёные, не знающие православной веры. Недаром когда-то весь мир изумлялся силе духа русского народа, а он был в вере. Сейчас мы наказаны безверием за грехи наши. Но постепенно люди идут в церковь. Их ведёт туда Бог, великие священные таинства Евхаристии²: превращении хлеба в Тело Христово, а вина в Кровь Его; таинство исповеди, покаяния, причащения, бракосочетания, соборования...

Многим людям непонятен наш дорогой, красивый, мудрый старославянский, церковнославянский напевный язык. У нас при церкви открыто

¹ Материал собран из писем Евгения Андреевича.

² Святое Причастие — главное христианское таинство.

Отрывок из письма Евгения Андреевича друзьям

две школы — для взрослых и для детей, ведутся занятия о богослужении, по церковнославянскому языку, церковному пению, катехизису¹ и другие. Да, служба вначале может показаться малопривлекательной, но дайте себе труда почитать православную литературу, выучить хотя бы несколько молитв, которые поют во время богослужения, и вы увидите красоту, силу, благодать нашей веры.

Вы же знаете, что у меня рак, что я уже похоронил многих больных, с которыми лежал в больнице. Меня спасает вера в Бога и то, что я два года подряд еду в Нижегородскую область, в Арзамасский район, в село Дивеево, где находится Дивеевский женский монастырь, в котором — рака с мощами великого преподобного чудотворца Серафима Саровского, угодника Божия, великого молитвенника земли русской. Два раза я приложился к мощам. Врачи удивляются: «Нам бы такие анализы». В Евангелии говорится: по вере человеку воздастся. Да, православным быть тяжело, труд душевный, духовный труд большой, но счастье получаешь неземное (слово подчёркнуто Евгением Андреевичем — прим. авт.). Этого мне не описать. Это надо самому почувствовать.

В общем, времени осталось мало. Надо успеть спасти свои души. Душу надо кормить духовной пищей: молитвы, богослужения в церкви, чтение православной духовной литературы. Как здорово помогают самые короткие молитвы! Только молящийся это может ощутить. Некоторые достигают непрерывной молитвы про себя «Господи, помилуй мя грешного» — спасает от всех напастей...

У меня всё. С Богом и Ангелом-Хранителем».

¹ Наставление, учебник, содержащий основные положения христианского вероучения.

Виктор Черепов, сын Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны, об этом периоде вспоминал так:

— Когда отец серьёзно заболел, я не сразу понял это, мне не говорили, да мне тогда и десяти лет не было. Он держался, виду не показывал, не объяснял ничего. Я даже обижался иногда. Приедем в Геленджик, мне загорать охота, иду по солнечной стороне улицы, а он в тени оставался, иногда переходил на другую сторону. Так и шли в одном направлении, но по разным сторонам улицы. Только потом до меня дошло, в чём дело.

Мама и папа мужественно всё переносили, даже шутили иногда: «Кто когда успеет, тот и поболует». Всегда старались жить так, чтобы болеть некогда было. Помню, отец в больнице полежит, курс химиотерапии примет, очень тяжело он переносил лечение, но как только ему становилось легче — сразу на работу. Болезнь и вера ещё больше сблизили родителей. Они ко всему миру терпимее стали относиться. Особенно папа, мама всегда была терпелива, многое принимала и прощала.

Отец покрестился, и меня вместе с ним крестили. Помню первые ощущения, когда пришёл в Орловскую церковь. Мне казалось, что люди в храме должны быть святыми и только. И с большим разочарованием, даже раздражением сначала принимал тех, кто вёл себя «не так»: кто-то мог выпить, какая-нибудь бабушка-служительница нагрубить. Потом только понял, что в церкви — те же люди, что и везде, и я иду не к ним, а к Богу. И мама с папой, кажется, чем больше принимали несовершенство людей, тем больше укреплялись в вере.

Свято-Тихоновский храм, 1996 год. Виктор Черепов — алтарник

Зато в Сидоровской церкви, когда отец туда пришёл, мне очень понравилась. Появился какой-то интерес. Родители меня к библиотеке привлекли. Я перебирал книги, картотеку вёл. Мама говорила: «Тебе же нравится порядок в бумагах, вот, пожалуйста, сиди, подписывай, раскладывай...» Иногда я во время служб помогал. Мне было любопытно увидеть то, что обычные люди не видят. И никаких внутренних споров не стало. Молитвы до сих пор помню. Как-то само собой получается, если попадаю в церковь или мимо проезжаю, то молитва сама вспоминается. Так мысленно и помолюсь.

И снова из воспоминаний коллег, учеников и их родителей.

Алевтина Александровна Гаврилова, учитель физкультуры и ОБЖ¹:

— В школе № 20 работала с 1982 по 2009 год. Мне кажется, Евгений Андреевич понимал, чувствовал, несмотря на свою коммунистическую убеждённость — в жизни есть что-то такое, что нас ведёт. Болезнь его подтолкнула... Он рассказывал: «Когда заболел, появилась потребность рисовать, и я стал ходить с бумагой и красками, что увижу красивое — рисую. Особенно притягивали храмы. А однажды захотелось зайти вовнутрь этой красоты. Вошёл. Помолился, как мог. Отстоял службу. И вдруг ощутил озноб, покалывание по всему телу. А потом стало легко-легко. Пришёл домой, уснул, как младенец. Проснулся с таким

чувством, что здоров. В другой раз то же самое повторилось. Я понял, Бог указывает дорогу». И он поехал в Москву, приложился к мощам Сергия Радонежского, потом — Серафима Саровского и дал обещание оставшуюся жизнь служить Богу. Он так уверовал, что хотел каждому человеку донести то, что ему самому открылось. Даже Татьяна Корнеевна однажды мне сказала: «Тут я ведома, иду за ним». Она приняла крещение, и они повенчались.

Я бывала у них дома, у нас с Евгением Андреевичем в один день, 3 декабря, день рождения. Да и в любое другое время к ним можно было прийти, я знала: встретят с улыбкой, с такой искренней радостью, будто сто лет не виделись. Евгений Андреевич с шутками всегда. Поговорю с ними, пообщаюсь, и так на душе светло!

Бывало, Евгений Андреевич у церкви встретит мужика какого, что милостыню просит, посмотрит внимательно да скажет: «Понимаю, инвалид бы тут стоял! Неужели ты, здоровый, не можешь себя прокормить? Иди работай. Что стоишь, лентяй?» Он разбирался в людях. Иногда так смо-

¹ Школьный учебный предмет «Основы безопасности жизни».

трел в глаза, что, казалось, насквозь видит. Вроде обычные вопросы задаёт, а в ответах человека слышит больше, чем самому человеку, может, и хотелось бы.

В воскресной школе работал с полной отдачей. Много читал, анализировал, смотрел кассеты, слушал диски и выдавал такой ценный материал, и всегда не скучно, заслушаешься. Так владел словом, такие примеры из жизни святых отцов приводил, что рассеивались все сомнения. Когда я выходила после занятий, испытывала какое-то просветление и убеждённость, что вот только так правильно и надо поступать. И это ощущение надолго оставалось в душе, но потом рассеивалось, заботы и суета делали своё дело. Тогда снова хотелось идти на занятия, чтобы поддерживать этот свет. А стоило войти в храм, так сразу встречала Евгения Андреевича, будто он там постоянно, будто всюду попевал. И теперь, как только переступлю порог, кажется, вот сейчас он выйдет с улыбкой навстречу и просто, искренне скажет: «Как я рад тебя видеть».

В последние годы у Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны стало ярко проявляться аскетическое благочестие. Оно касалось всего: быта, отношений. Запомнился такой момент: Евгений Андреевич раздал людям книги, которые по определению были «не духовны». Татьяна Корнеевна рассталась с любимыми книгами... Зато оба зачитывались трудами Иоанна Златоуста. Даже говорили порой цитатами. Евгений Андреевич как-то признался: «Я погорячусь, а Таня скажет: «Гневные не видят ничего здраво...», и душа на место встанет».

Знаете, на самом деле, вера — не убежище от бед. Господь не любит теплых людей, людей равнодушных. В веру-то по-настоящему не хлипкие люди приходят. Возьмите Серафима Саровского, Брянчанинова — богатыри духа! Я думаю, Евгений Андреевич нашёл в себе эту силу, потому и были ему дарованы почти двадцать лет жизни после смертельного приговора врачей.

Рамиль Якупов, выпускник 1980 года:

— С Евгением Андреевичем у нас более плотное общение началось, когда я сам к вере шёл. У меня много появлялось вопросов, на которые искал ответы. И бывало так, что заходил к бывшему классному руководителю домой на часок и не замечал, как пролетали три-четыре. Мы общались на духовные темы, размышляли о том, как человек воспринимает Бога. Обсуждали евангельские сюжеты...

Может быть, он своим примером и оказал на меня влияние, я не задумывался над этим, совета у него не спрашивал, креститься мне или нет. Принял решение и крестился в 1998-м. А Евгений Андреевич только однажды мне

сказал: «Надо воцерковляться... Ходи в храм и почувствуешь благодать». Вот воцерковление прошло под его влиянием.

Иногда я думал: «Зачем в храм ходить?» А потом понял: чтобы веру свою подтвердить, укрепить, чтобы молиться. А молиться — это труд! И службу отстоять непросто. Иногда казалось, будто кто выталкивает меня из храма. Вот раньше нам говорили, мол, вера — это опиум для народа, что в храм зятанут и уже не выпускают оттуда. На самом деле это всё страхи. Это в секты зятягивают. А церковь... там держаться тяжело, там тебя никто не убеждает и не принуждает. А во время молитвы порой мысли всякие отвлекают, иногда сам себя ловишь: «Ты же молиться пришёл, так о чём думаешь?» Трудная эта работа.

Наверное, закономерно, когда наваливаются проблемы, тогда и обращаешься к Богу. Тогда и молитва идёт. А когда всё хорошо, то и забываешь даже благодарить. Но, что самое интересное, когда я пытался усилия какие-то прилагать, чтобы решить проблемы, когда все мысли мои только ими и были поглощены, они никуда не девались, даже усугублялись. А когда отпустишь мысль, подумаешь о Боге, поблагодаришь — и решения вроде сами собой приходят. Чудо! Всегда надо жить с благодарностью в сердце. Иначе какая-то потребительская вера получается. С благодарностью не только Богу, а вообще жизни, ведь она — чудо, Божий промысел. Когда обретаешь молитвенное состояние, многое совсем в другом свете видишь. Будто прояснение наступает. И даже думаешь, что трудность даётся не зря, а для осмысления...

Ильдар Сафин, выпускник 1980 года:

— В школьные годы каждый учитель-мужчина для нас, мальчишек, был значимым, но к Евгению Андреевичу как-то по-особенному тянулись.

Получилось так, что я с ним чаще стал общаться, когда он уже на пенсию вышел. Встречались и на вечерах выпускников, и по делам. Он никогда не искал в отношениях выгоды. При встречах искренне интересовался, как семья, дети. По его мнению, для любого человека семья должна быть прежде всего. Он любил учеников, не разделяя на своих и чужих.

Удивительно, но помнил, кажется, всех, несмотря

на то, что география и астрономия — не основные предметы, и его уроки в классе были один-два раза в неделю. Конечно, мы по жизни менялись, и нас не всегда было легко узнать, поэтому он спрашивал: «Какого года выпуска?.. А кто в твоём классе учился?.. А! Ильдар! Как же ты вырос...» — а потом и других вспоминал, как по цепочке.

Бывало, увидишь его на улице, обязательно подойдёшь, с радостью, с добрым волнением. А ведь не к каждому учителю захочется вот так взять и перейти на другую сторону улицы, только чтобы поздороваться, особенно если спешишь куда-то. Он всегда искренне, не дежурно интересовался твоей жизнью, и с ним хотелось говорить и делиться своими мыслями. Он всегда находил доброе слово, после которого на душе становилось теплей.

Ильдар Аглетдинов, выпускник 1981 года:

— В трудные 90-е мы помогали школе и учителям чем могли. Что греха таить, собирали элементарные продуктовые наборы и дарили. Вспоминать больно, но это было! На школьные нужды скидывались, доставали краску для обшарпанных стен. Прогнившие полы заменили на наливные. Оборудовали компьютерный класс в бывшем кабинете НВП, ведь уроки НВП теперь, увы, не нужны... Во всём этом принимали участие не только мои одноклассники, а выпускники «нашего поколения», оргкомитет 10 «А»...

Евгений Андреевич иногда обращался с просьбами помочь учителям, чаще — детям наших выпускников. Тогда шли военные действия в Чечне: у кого-то сын служил там, и вдруг пропадали вести о нём, тогда мы помогали разыскивать; у кого-то сын из армии демобилизовался, а вот денег ему не дали — ни боевых, никаких, и мы делали запросы... Не секрет, приходил в город «груз-200»¹. И Евгений Андреевич помогал тем, что обращался к священнику, чтобы похоронили по-христиански, если мальчик из такой семьи. Отец Олег, настоятель храма² в Орловке³, отпевал, знаете, Орловская церковь считается храмом воинской славы. Отец Олег никогда не отказывал: «Дайте только транспорт, приедем, всё сделаем, главное, чтобы мальчик был крещёным, и фамилию с именем скажите...»

¹ Военный термин, обозначающий транспортировку убитого в специальном герметичном контейнере (запаянный цинковый гроб) до места захоронения. Название груз получил по номеру типовой формы документа, сопровождавшего тело, — № 200. По другой версии, термин происходит от того, что в грузовых авиаперевозках расчётная масса оцинкованного гроба с телом составляет приблизительно 200 килограммов. В более широком смысле «двухсотый» — погибший. Название вошло в обиход после войны в Афганистане.

² Приходский храм Космы и Дамиана Московского Патриархата Казанской епархии, является самой старой постройкой (конец XVIII века) Набережных Челнов и включен в список исторических памятников города. Закрытый в 30-е годы XX века, храм в 1990–1992 годах, после передачи его Казанской епархии, был реконструирован.

³ Село Орловка сохранилось как сектор частных построек города Набережные Челны (ныне — коттеджный посёлок), расположено между старой его частью — Комсомольским районом, так называемым посёлком Гидростроителей, и новой — Новым городом, который возводился для строителей и работников «КамАЗа».

И к мулле обращались, если погибший мусульманин. Обычно мулла спрашивал: «Хоть половина тела в этом цинке есть?..»

У татар принято хоронить в саване¹ и обязательно омыwać перед этим (впрочем, у христиан тоже омывають). А тут как омоешь? И тогда мулла говорил: «Милостивый и Милосердный, Всепрощающий, прости нас, в «Сунне Пророка» сказано, что можно и сухим песком²...»

Тяжёлое было время. Но вот для себя Евгений Андреевич никогда ничего не просил, всегда о других беспокоился. У нас даже пароль был, если не сам учитель обращался, а по его рекомендации: «От Евгения Андреевича». Это означало, что дело серьёзное, по пустякам он не будет просить.

Поделюсь такой историей. В 1993-м я попал в больницу. Встретил там Володю Шапошникова, ветерана афганской войны, и Евгения Андреевича, оба онкобольные. Евгений Андреевич держался молодцом. Говорил, что кроме традиционного лечения пробует и народные методы. Пьёт гриб чагу. Рассказывал, как ходил в лес, искал нужный гриб. И тем, как к вере пришёл, тоже поделился. Сказал, она его больше всего поддерживает.

Потом, уже в 2000-х, встретились мы на вечере выпускников. Я его и спросил:

— Чагу до сих пор пьёте?

— Да.

И я тогда выпалил:

— А знаете, ведь на самом деле полезный гриб! Оказывается, на Севере хозяйки солят с ним рыбу, ведь там так много мошкары, что не повесишь её вялиться. Так вот они соль перемешивают с сухим тёртым грибом, и никакой гнус не садится. Ребята приехали с Севера и соль привезли. Вот я её вам передаю.

— Спасибо. Надо же, в первый раз такое слышу, хотя жена у меня северянка.

Он с радостью принял подарок...

На том вечере один подвыпивший выпускник ему сказал:

— Евгений Андреевич, у вас ведь ничегошеньки нет, кроме вашей маленькой двушки. Так и померёте? Другой на вашем месте, имея такие связи, хотя бы дом себе...

— Так и помру, — резко перебил его учитель. — А вы, уж надеюсь, похороните, грузовик найдёте, чтобы отвезти меня на кладбище, могилу выроете. А квартиру я сыну завещаю. С собой туда ничего не заберёшь, так зачем здесь на это своё и чужое время попусту тратить?

¹ Шариат запрещает хоронить умершего в одежде, требуя окутывать его саваном. Саван изготавливается из белого полотна или ситца.

² Сухое омовение — таяммум — это ритуальное очищение без использования воды.

Виктор Тураев, выпускник 1980 года:

— Помню, спустя много лет после окончания школы, в моей жизни был тяжёлый период, когда ничего не получалось, когда казалось, что предали все — и друзья, и родные. Я не находил ответов на собственные вопросы. И вот однажды пошёл прогуляться в парк, решил в одиночестве поразмыслить, сел на скамейку. Задумался. И тут рядом со мной присел Евгений Андреевич, как выяснилось, он каждый вечер — на прогулке. Но мне не очень-то хотелось общаться, поэтому, ответив дежурными фразами на его вопросы, решил уйти. А он спокойно так, мирно спросил:

— Тебя кто обидел?..

Я посмотрел ему в глаза и... выложил всё, что накопело в душе, всю злость свою, отчаянье. Он внимательно выслушал, при этом ни слова сочувствия, которого я так искал. Положил руку мне на колено и снова спокойно, мирно сказал:

— Не требуй от людей больше, чем даёшь сам. Просто посмотри внимательно на себя. Отдавай, что можешь отдать. И не жди ничего в ответ. Знай себя — и будет с тебя.

И в этот момент он вдруг показался мне таким близким, настолько родным, что у меня и злость вся прошла. Я будто выдохнул её, и стало легче.

Эта встреча на всю жизни в моей памяти.

Юрий Павлов, выпускник 1980 года:

— Я лично благодарен Евгению Андреевичу за те знания, которые он дал. Неплохо знаю географию. И если куда-то езжу, вижу новые места, в памяти иногда всплывают именно те образы, которые он сформировал на уроках. Это помогает мне общаться с людьми, уверенно идти по жизни.

В школе Евгений Андреевич зажигал нас энергией, юмором. А потом я его видел уже степенным, он напоминал мудрого старца, хотя глаза по-прежнему улыбались, в них читалось ясное понимание ситуации, казалось, он нашёл главное в жизни, придя к Богу. Не раз повторял при встречах, что материальные достижения, карьерные — это временно, это суета. А человеку важно расти духовно. Что интересно, говорил об этом именно тогда, когда я сам над этим задумывался. Мне тогда было сорок. И пришло ощущение, что в жизни есть нечто большее, чем физическое благополучное существование. Не всё можно купить, важно посвящать себя не только работе, но жить для родных, близких, для других. При этом помня и о себе в том плане, что важно быть с самим собой в ладу, стремиться к таким поступкам, за которые сам себя будешь уважать. И конечно, раскаиваться, если совершил ошибку. Раскаяние — это толчок к новому, к чему-то более высокому в жизни.

В сорок лет я крестился. Посредника между Богом и собой нашёл позже. Думаю, что духовный отец и церковь как посредники должны быть. Перемены в моих взглядах дали импульс к перемене жизни. Я не сменил профессию, просто захотелось жить, если можно так сказать, более праведно.

Александр Цыбульников, выпускник 1980 года:

— В школе мы Евгения Андреевича знали убеждённым атеистом, он свято верил в социалистический строй, в правильность курса коммунистической партии. Потом он пережил сильнейшее разочарование, мы уже были взрослыми, понимали, хотя у многих, его знавших, до сих пор, может быть, в голове не укладывается, как он одним из первых отказался от партбилета. Думаю, это для него было нелегко, но закономерно. Ведь идеология — это когда тебя убеждают, заставляют поверить во что-то. А вот к вере человек приходит сам через осознание себя в этой жизни, или вера приходит к нему через жизнь.

И современную суматошную жизнь Евгений Андреевич не принял — это ещё одно разочарование. Но в отношении к людям, к ценностям жизни у него ничего не изменилось, кроме, пожалуй, одного. Если будучи коммунистом он убеждал нас, своих учеников, в правильности коммунистического курса, пропагандировал партийную идеологию, то, придя к вере, он не

*Заседание членов оргкомитета по изданию книги:
Ильдар Сафин, Александр Цыбульников, автор книги, Сергей Майоров. 2013 год*

агитировал нас, мол, идите и занимайтесь тем, чем занимаюсь я. И когда мы его спрашивали: «Как же так, вы же были таким убеждённым?..» — он отвечал: «Во всём Божий промысел. Простите, я вас учил не тому».

Да, он не скрывал того, что уверовал. При встречах всегда к слову рассказывал притчи, цитировал Библию. Говорил, что бизнес — не главное, гонка за деньгами — суета. Что важно быть с семьёй, с любимыми людьми, отдавать максимум того, что можешь отдать. А мы так устроены, что не всегда осознаём ошибки, а потери осознаём только тогда, когда потеряем. А жизнь без любви превращается в ничто. «Без любви всё — ничто!»

Мне навсегда запомнилась рассказанная им притча о человеке, закончившем земной путь. Когда человек оказался перед Богом и посмотрел сверху на свой путь, то удивился:

— Господи, посмотри, всю дорогу — два следа. Я иду, и ты рядом. А вот в самые тяжёлые жизненные моменты только один след. Тебя не было со мной! Где же ты был, Боже?

И услышал ответ:

— Я нёс тебя на руках.

Сергей Майоров, выпускник 1980 года:

— Евгений Андреевич — мой крёстный отец.

Когда-то я наивно полагал, что могу добиться всего, что важно для успешной жизни. Но смерть отца перевернула мои представления. Я понял, что не всё человеку подвластно, что человек, по сути, слаб. В одну ночь я стал седым. А ведь когда отец попал с пневмонией в больницу, я, казалось, сделал всё возможное, что может сделать сын. И выздоровление его близилось. Но — трагический случай — выскочила маленькая пробочка подключичного катетера. И отец погиб на моих глазах...

Я потерял родного человека. Совершенно не был к этому готов! Планов — громадьё: дом только построили, лодку отец хотел купить... Он вот только-только (!) улыбался, радовался скорой выписке из больницы...

Не буду рассказывать обо всех переживаниях. Зимой 2002 года я решил покреститься. И пришёл к Евгению Андреевичу:

— Вы мой учитель, вы для нас, мальчишек, всегда были как отец. Прошу вас стать моим крёстным.

— Хорошо.

Он ответил так просто, так тепло. Ни о чём не спрашивал. Ни в чём меня не убеждал. Мы пошли в храм, и я покрестился. И потом никогда ничем не упрекал, просто к слову напоминал: «Чаще ходи в храм. Молись. Съезди-ка к мощам Серафима Саровского, приложись...»

Наше общение стало взаимно доверительней.

Когда из жизни уходят родители, близкие люди, начинаешь ощущать какое-то сиротство. Но сквозь его призму вдруг по-новому глубоко осознаёшь те искренние слова, которые когда-то произнёс дорогой человек, которые запали в душу. И хочется достойно пронести однажды выказанное тебе доверие, наполняющее твою собственную жизнь новым смыслом.

Галина Николаевна Майорова, мать Сергея:

— Дети любили Евгения Андреевича. Он же их везде, где только можно, возил, буквально таскал за собой! В Ленинград, в Ульяновск, в Тарловку, в походы чуть ли не каждые каникулы да выходные. Один раз Серёжка такой огромный бивень мамонта домой приволок, я аж испугалась: «Вы что, одурели, зачем такую тяжесть тащили-то?..» А он: «Как зачем? Музей у нас». Вот до сих пор, уж сколько лет: школа, музей, одноклассники. И это хорошо. А что в жизни важнее добрых отношений? Даже мы, родители, в класс как в свою семью шли. Сейчас уж старые, а нет-нет, да и придём в школу: то вечер встречи, то ещё что организуют. И мы вроде молодеем, хотя уходят потихоньку и родители, и учителя...

Помню, когда Васю, мужа моего, похоронили, Евгений Андреевич пошёл ко мне: «Какое спокойное у вас тут, в Большой Шильне¹, кладбище.

Сергей с учителями и мамой Галиной Николаевной Майоровой (третья слева) в школьном музее

¹ Село в Тукаевском районе Республики Татарстан в составе Малошильнинского сельского поселения. Расположено на реке Шильна в восьми километрах к северо-востоку от районного центра города Набережные Челны.

Благодарь, наверное, здесь лежать... Царство небесное... Вот как бывает, я всё себе на смерть приготовил, и костюм, и тапочки, а Бог дал ещё жизни. Когда пошёл второй раз на ВТЭК¹, с меня группу сняли, сказали, здоров, иди работай. Я дал обет...»

Евгений Андреевич молился. На похоронах и на поминках всем раздал листок с молитвой, просил, чтобы читали. Во время похорон он был один, без Татьяны Корнеевны, она потом на поминки с ним приехала. Я их варениками с картошкой накормила. Она сказала: «Сразу чувствуется, не магазинные, с любовью сделанные», — понравились они ей.

Да, у каждого — свой путь. Я тогда и плакать не могла. Всё так неожиданно произошло. А что причитать-привывать? Разве вернёшь? Я за Серёжку переживала, он очень плакал... Вася-то, он же партийный был, не дал сына крестить. Я тоже настоять не могла, не пойду же я против мужа. И мать Васина, Мария Михайловна, тоже сыну ничего не говорила, хотя верующей была, все молитвы знала и всегда читала. А нас-то в своё время от Бога всё отучали: крестик нельзя носить, в школе засмеют, на работе застыдят. А Евгений Андреевич Васю, да и вообще никого, никогда не осуждал. Принимал как есть. Я ему пальто Васиного отдала да рубашку тёплую — Вася-то, как и Евгений Андреевич, стройный был, похожего они телосложения. Он взял с удовольствием: «Буду поминать. Рубашка всегда кстати».

Помню, после крестин приехали к нам Серёжа с Евгением Андреевичем и отец Олег. Вошли в дом, Евгений Андреевич удивился, подшутил над сыном: «Сергей, ты же любишь народ собирать-организовывать, а тут — никого!.. И правильно: крещение — таинство».

Сейчас столько молодых людей в церковь ходят. Как ни приду свечи поставить, так молодёжь встречаю. Думаю, если к Богу лицом повернулись, хуже не будет, может, добро-то среди людей сохранится, а то и прибавится. Не хватает сейчас добра, а от этого — и здоровья, и радости...

Владимир Чахирев, выпускник 1983 года:

— Я родом из Тарловки, хорошо знал места, куда Евгений Андреевич водил в походы ребят, и сам не раз принимал в них участие...

Евгения Андреевича считаю своим Ангелом-Хранителем. Наше общение стало тесней уже после того, как я окончил школу, когда вернулся из армии. Не хочу подробно распространяться о своих проблемах, но на службе получил контузию. Вернувшись, места себе дома поначалу не находил. Меня потянуло в школу, хотелось увидеться с друзьями, с некоторыми учителями. И я пошёл. Встретился с Таисией Михайловной Поликановой, она была

¹ Врачебно-трудовая экспертная комиссия — орган, осуществляющий экспертизу длительной и постоянной (стойкой) утраты трудоспособности.

у нас классным руководителем. Евгений Андреевич приветил меня как родного. Он стал изредка приезжать к нам в гости, иногда с Виктором, приёмным сыном, и с Татьяной Корнеевной. Сблизился с моими родителями. У меня была лодка, и мы нередко плавали вверх по Каме, Евгений Андреевич очень любил природу: приставали к берегу, он гулял, любовался, дышал...

Я поступил в институт, уехал учиться в Казань. Наши встречи стали реже. Но в 1988 году произошёл странный случай. Теперь понимаю — судьбоносный. Я занимался альпинизмом. И мы с институтскими ребятами решили идти в экспедицию на Памир. Перед этим я на каникулах дома гостил. И вот вечером, накануне отъезда, к нам приехал Евгений Андреевич. Мама ему вдруг пожаловалась, что я собираюсь в горы, а она меня не хочет отпускать. Я никак не ожидал, что Евгений Андреевич примет её сторону, начнёт меня отговаривать, ведь он сам где только ни бывал. Но тут!

— Вовка, не ездь, — сказал, будто отрезал.

— Меня ждут! С ребятами договорился...

Тут мама встала передо мной на колени:

— Умоляю, останься, сынок.

Я возмутился:

— Не понимаю, почему я должен оставаться?! Всё решено!

Мама — в слёзы. Я накричал на неё, хотел выйти из комнаты. Евгений Андреевич преградил дорогу:

— Не смей кричать на мать!.. Говорю тебе: никуда не поедешь!

И так на меня глянул... Я опешил:

— Ладно. Будь по-вашему...

А потом иду как-то с Тарловской пристани, меня догоняет на машине Рафа Зарипов, он со мной учился в институте:

— Я за тобой, срочно в Казань ехать надо.

— Что случилось?

— Ребята из вашей экспедиции на Памире под лавину попали, четверо из шестерых погибли...

А в 1994 году я попал в аварию. Никто не думал, что выживу. Около двух месяцев лежал в реанимации. Очнулся, вижу — Евгений Андреевич сидит у кровати, рядом с ним — священник, отец Сергей, который меня сразу спросил:

— Ты крещён?

— Нет.

— Дай слово: выживешь — покрестишься. Я буду молиться о тебе.

Я дал слово. Мне тридцать лет только исполнилось. Жить хотел! Когда меня выписали, первым делом мы с супругой поехали в церковь. Евгений Андреевич стал моим крёстным.

Потом я с семьёй уехал в Кострому. Он сюда в гости приезжал, обошли мы с ним, объездили святые места. Он был очень рад, что увидел старинные храмы, иконы. Помню, говорил: «Почему надо ждать боли, чтобы к Богу обратиться? На самом деле никто не заставит человека верить. Это не в школу ходить. Хотя вера — главная школа жизни. Воистину, век живи — век учись».

Я понял: когда нет здоровья, ничего не надо, ничего полезного сделать нельзя. Многое раньше принимал как должное. А теперь получаю радость от того, что жена и дети рядом, что просто дышу, что утром просыпаюсь и могу заниматься любимым делом.

Евгению Андреевичу никогда не говорил: он обликом похож на Николая Чудотворца. Мне так казалось.

Людмила Павловна Чахирева, мать Владимира:

— Я проработала в Тарловке учителем начальных классов тридцать пять лет. С Евгением Андреевичем познакомилась, когда сын учился в двадцатой школе. Вову и Евгения Андреевича сблизила любовь к природе. Муж Володя сделал деревянную лодку на вёслах, и вот на ней сын с учителем ездили

Людмила Павловна с мужем Александром Павловичем Чахиревым

в Богатый лог, в сторону Менделеевска, образцы там всякие для музея собирали. Думаю, нравилось Евгению Андреевичу бывать у нас в гостях. Мой муж рыбак, так мы частенько к приезду гостя готовили стерляжью уху. Эх, и уважал её Евгений Андреевич!

Я верую с малых лет. Человек сам по себе к вере приходит. В моей жизни так получилось, что ни октябрёнком, ни пионеркой, ни комсомолкой не была. Я 1943 года рождения, жила с родителями в деревне, в Елабужском районе. Одна учительница нас, деревенских, учила. Поначалу не до пионерии было, а когда пришло время вступать в комсомол, я комиссии не смогла ответить ни на один вопрос об истории Коммунистической партии, нам её просто никто не преподавал. И меня не приняли. Особо не печалилась.

С Евгением Андреевичем и Татьяной Корнеевной мы близко сдружились, когда они к вере пришли. Хотя и до этого общение с ними всегда было приятным, от них — одна доброта. Он и она никогда ни на что не жаловались. Мне часто напоминали: «Берегите здоровье. Будьте спокойней. Молитесь...» А я за сына переживала. Он служил в ВВС. Повезли они снаряды в Афганистан. Один снаряд взорвался. Тридцать мальчиков сразу насмерть, а Володю отбросило, рёбра переломало, контузило, месяц в госпитале лежал, не писал мне ничего. А когда уже вернулся из армии, несколько дней из угла в угол ходил, ничего не говорил, не спал по ночам. Евгений Андреевич много за него молился.

Маргарита Владимировна Ивойлова, преподаватель воскресной школы:

— С Евгением Андреевичем мы познакомились в начале 90-х, ещё до того, как в Сидоровке¹ открылся Свято-Тихоновский храм. Я тоже по специальности учитель географии, окончила Московский педагогический институт, но на «КамАЗе» стала строителем. Когда в стране разрешили свободно исповедовать веру, многие потянулись к церкви, и я в их числе. Знаний никаких не было, литературы тоже. Мы просто собирались в храме Космы и Дамиана² в Орловке, который как раз в то время вновь стал действующим. Преподавателей не

было, мы сами готовили сообщения по темам и слушали друг друга. Так

¹ Посёлок в составе Комсомольского района в юго-западной части города Набережные Челны.

² Приходский храм Московского Патриархата Казанской епархии является самой старой постройкой (конец XVIII века) Набережных Челнов и включен в список исторических памятников города. Закрытый в 30-е годы XX века, храм в 1990–1992 годах, после передачи его Казанской епархии, был реконструирован.

занимались года полтора-два, можно сказать, грелись друг возле друга. А потом, помню, на Пасху, в 1995-м, здесь, в Сидоровке, состоялось первое богослужение. Евгению Андреевичу понравился этот храм, при нём мы и остались. А когда организовалась воскресная школа, мы обратились к преподавательской деятельности (вот так Господь удержал меня в педагогах). Преподаватели наши, как мозаика, каждый что-то привносит в общее дело, каждый отдаёт своё умение: Анатолий Наговицын — мастер переплётного дела; Елена Колмогорова прекрасно рисует; Юлия Сазонова сейчас изучает послания Святого апостола Павла, доносит их до наших школьников. А прихожанин Данилко, выросший в спортивной семье, вместе с Евгением Андреевичем обучал детей премудростям походной жизни, иногда выезжали на природу.

В школе занимаются прихожане, их дети и внуки. Со всего города люди приезжали и приезжают. Евгений Андреевич использовал различные интересные формы ведения занятий. Татьяна Корнеевна преподавала бисероплетение, вышивание — сколько иконочек руками детей сделано! Организовала с ребятами небольшой кукольный театр, сами и кукол мастерили. Ставили русские народные сказки, по праздникам представления проводили. И взрослые принимали участие в театрализованных праздниках. Мы даже костюмы русские народные в ателье заказывали.

Есть у нашей школы своя летопись, которую вела и оформляла в больших, ещё советских времён, фотоальбомах Татьяна Корнеевна. Господь столько дал ей сердца и ума! Теперь летопись — история, записанная её рукой. Евгений Андреевич очень заботился о библиотеке, много книг приобретал на пожертвования. А Виктор, приёмный сын, каталог составлял, формуляры заполнял. Он и у алтаря помогал во время служб, любопытно ему всё было. Теперь вырос, другие интересы появились. Трудно сейчас молодёжи...

Евгений Андреевич очень любил, когда дети рисовали после чтения книг. Елена Колмогорова проведёт занятия по Пришвину, а дети потом рисуют свои впечатления. И увлекаются работой, и глаза гореть начинают в творческом порыве. Евгений Андреевич говорил: «Ведь это непросто — нарисовать то, что услышал, тут душу надо выложить».

В последние годы Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна глубоко изучали труды Иоанна Златоуста. Много мудрости черпали и другим доносили. Евгений Андреевич даже в отдельную тетрадь выписывал цитаты, а потом при случае ссылался: «А вот Иоанн Златоуст по этому поводу так говорит...» Прониклись они трудами святого.

А однажды Евгений Андреевич сказал мне: «Не станет меня — ты продолжишь школу...»

Из летописи воскресной школы при Свято-Тихоновском храме (рукопись Татьяны Корнеевны Череповой) 1995–2003 годы

«Вдали от шумного столпотворения большого города, на тихой окраине расположился незаметный маленький храм. Его не так-то просто найти: маковка с православным крестом еле возвышается над ветхими двухэтажными домами, его окружающими. Пятиэтажные новостройки совсем как будто придавили его к земле. И помещается он в выстроенном в один кирпич одноэтажном строении.

Но верующему сердцу всюду видятся небесные знаки... Плывёт затёртый между глыбами-пятиэтажками Ноев ковчег (а ведь первые церкви и строили именно так, в виде ковчега!)... Выходишь на предпоследней остановке автобуса, которая называется «Хлебозавод», и тебя охватывает духмяный аромат свежеспеченного хлеба. Дом хлеба... Так ведь переводится Вифлеем?! Повсюду чуется промысел Божий.

И в храме, на его службах царит своя особая атмосфера: такой он родной, домашний, и тебя окружают родные, близкие люди — братья и сестры. Некоторые из них едут сюда через весь город, потому что именно этот маленький храм стал для них своим.

Полюбили они его ещё и потому, что первыми батюшками в нашем храме стали о. Сергей Козлов, о. Иоанн Кандауров, о. Вячеслав Булыгин. Все трое с музыкальным образованием, умеющие вести службу «велегласно». Слышно и понятно каждое слово, и наша молитва становится соборной.

Жизнь воскресной школы тесно связана с храмом... 24 октября 1994 года открылся наш храм, престол которого освятили в честь патриарха Тихона. А 22 июля 1995 года при нём начала работу воскресная школа под окормлением настоятеля протоиерея Сергея. В здании при церкви были выделены комнаты для занятий двух групп учащихся (взрослой и детской), создана библиотека, приобретены пианино, видеомagneтофон, заказана мебель.

Первыми слушателями стали прихожане храма, первыми преподавателями Черепов Евгений Андреевич, Ивойлова Маргарита Владимировна, Черепова Татьяна Корнеевна. Священное Писание и Священное Предание по толкованиям святых отцов, жития святых, смысл церковных праздников, порядок богослужений и их годовой круг стали предметами нашего изучения. Устраивали чаепития, пели духовные и церковные песнопения.

Постепенно, к осени, сложилась община, и мы смогли начать занятия и в детской группе. Сначала пытались привлечь детей разнообразными

занятиями: рисованием, вышиванием, плетением на коклюшках и дру- гими. Но главное — читали и объясняли детям библейские тексты, осваивали церковнославянский язык, учились молиться, разбирались в устройстве храма и как в нём себя вести, посещали богослужения, учи- лись петь тропари, кондаки, духовные песни, осваивали азы общинного жительствова.

С каждым годом увеличивался приход храма, прибавлялось и слушателей в школе, ими стали прихожане и других храмов. Взрослая группа выросла до 50 человек, детская — немногим более 20. Увеличилось и число помещений: появились музыкальный класс, переплётная мастерская, класс реставрации икон, кукольный театр.

Новые люди помогли расширить спектр занятий: Ухова Тамара Алексан- дровна рассказывает жития святых взрослым и детям, а вместе с Ниной Николаевной Бакировой хлопочет на кухне; Колмогорова Елена Адольфовна, наш библиотекарь, разрабатывает и руководит проведением праздников, занимается с детьми рисованием; Наговицын Анатолий Николаевич учит детей переплётному делу (более 50 книг в нашей библиотеке отреставри- рованы их руками), ведёт занятия по реставрации икон, резьбе по дереву; Шаповалов Алексей Мефодиевич обучает детей игре на русских народных инструментах; Сазонова Юлия Витальевна ведёт занятия для взрослых по толкованию святых отцов книг Евангелия.

Сложилось у нас и свои традиции:

- каждое занятие начинается и заканчивается молитвой;
- соборно молимся о своих ближних во всякой скорби и нужде;
- всей общиной организуем братские трапезы, которые очень помогают сблизиться друг с другом, научиться азам общинного жительствова.

Особо хочется сказать о проведении главных церковных праздников — Рождества, Пасхи, Троицы. Сама подготовка к ним создаёт и во взрослой, и в детской группах радостное праздничное настроение, объединяет и сбли- жает друг с другом. С любовью готовятся самодельные подарки, разучива- ются праздничные тропари, кондаки, готовится угощение.

Взрослые собираются за праздничный стол сразу после богослужения, ещё пропитанные его благодатью. Специально подготовленная праздничная программа, хоровое пение, совместная трапеза, хороводы, игры на воздухе делают этот день незабываемым.

Дети очень любят проживать праздник в семьях: создавать совмест- ные рисунки, отгадывать ребусы и загадки, участвовать в инсценировках, играть и водить хороводы. На Пасху 2002 года детская группа выезжала в окрестности села Тарловка.

Совершаются в нашей школе и совместные паломнические поездки. Летом 2003 года ездили в Серафимо-Дивеевский монастырь¹. А осенью посетили храм Владимирской иконы Богородицы в селе Бетьки², послушали звон уставовленных колоколов. Не раз навещали храм села Костенево³.

Детская группа побывала на святых местах города Елабуги: в женском монастыре⁴, Покровском соборе⁵, Спасском соборе⁶, Никольском храме⁷. И в своём городе совершили паломничество в храм Вознесения⁸. Провели ряд экскурсий в библиотеки, музеи, на выставки.

Примечания автора книги

¹ Православный женский монастырь Нижегородской епархии Русской православной церкви. Расположен в селе Дивеево Нижегородской области. Монастырь возник во второй половине XVIII века, до своего закрытия в 1920-е, как и ныне, был в Нижегородской епархии. Возрождение началось в 1988 году.

² Храм Владимирской иконы Божией Матери, Тукаевский район Татарстана, с. Бетьки, ул. Центральная, д. 50. Храм построен в 1814 году на средства прихожан и освящён в честь Владимирской иконы Божией Матери и великомученика Георгия Победоносца. В советское время храм был закрыт. В 1993 году передан Казанской епархии, с этого времени в нём совершаются богослужения.

³ Церковь Рождества Иоанна Предтечи, Елабужский район Татарстана, с. Костенево, ул. Центральная, д. 25А. Деревянная однопрестольная Иоанно-Предтеченская церковь построена в 1722 году. Церковь была закрыта в конце 1930-х и вновь открыта в 1944 году, до конца 80-х была единственным действующим храмом в северо-восточных районах Татарстана. В церкви имеются иконы из Афин, Греции, Иерусалима; мощи (часть тела) апостола Андрея Первозванного, брата апостола Петра и мученика Трифона, которые лежат в Италии, в Москве и в селе Костенево; а также земля от гроба Господня — подарок из Иерусалима.

⁴ Казанско-Богородицкий женский монастырь, г. Елабуга, ул. Горького, 119. Основан в 1868 году попечением местного купца И. И. Стахеева.

⁵ Покровский собор, г. Елабуга, ул. Б. Покровская, д. 42. Покровская церковь существовала уже в середине XVII века. Позднее рядом была построена церковь во имя Ильи Пророка. В 1798 году Покровская церковь была разобрана из-за ветхости, а в 1799 году на её месте построена каменная часовня, сохранившаяся поныне и являющаяся старейшей постройкой Елабуги.

⁶ Спасский собор, г. Елабуга, ул. Набережная, д. 14. В конце XVI века — деревянная церковь. В 1684 году выстроена каменная церковь с приделом в честь чудотворной Казанской иконы Божией Матери. С 1808 по 1864 год собор неоднократно перестраивался и расширялся.

⁷ Никольский собор, г. Елабуга, ул. Набережная, д. 20. Деревянная Никольская церковь существовала уже в середине XVII века. В XVIII веке была выстроена каменная, рядом — деревянная тёплая Богоявленская церковь. К началу XIX века оба храма обветшали, и в 1808–1818 годах вместо них на средства прихожан был построен однопрестольный каменный храм.

⁸ Свято-Вознесенский собор, г. Набережные Челны, с. Боровецкое, пр. Чулман. В XVII веке на этом месте существовал Казанский Богородицкий монастырь (1640) с Казанской церковью. Сожжён в 1680-х во время башкирского восстания, более не возрождался. Храм основан в первой половине XVII века. Кирпичная церковь построена в русско-византийском стиле в 1872–1889 на средства елабужского купца Д. И. Стахеева. Закрыта в 1930-х, в здании размещалась мельница. Приход в городе вновь создан в 1981 году. В 1988-м в результате активной деятельности прихожан церковь отреставрирована и возвращена верующим.

Взяв на себя добровольное послушание, сёстры Мария Володченко и Лидия Гундарева организовали работу в доме престарелых: оборудовали молитвенную комнату, пригласили отца Вячеслава освятить её. Так начала работу группа «Милосердие». Один раз в неделю собирали верующих для молитвы, душеполезного чтения и духовного пения; немощных навещали в их комнатах. Постепенно группа увеличилась, в неё вошли Ярута Лидия Николаевна, Никанорова Вера Семёновна, Шарыгина Ирина Михайловна, Николаева Юлия Григорьевна, Маргарита Алексеевна¹, Авдулова Лариса Семёновна, Алексеева Нина Егоровна, Бакирова Нина Николаевна, Асылова Галина и другие. В Рождество и на Пасху, отдохнув часок после ночной службы, спешили сёстры с церковными, и своими в придачу, гостинцами к «своим бабушкам», приносили им свечи, святую воду, просфоры, устраивали чаепития. Несколько раз в дом престарелых приходили и дети из детской группы с праздничным концертом, а преподаватели устраивали духовные беседы. Во все посты приглашали священника, который исповедовал, причащал, соборовал. Чутко следили сестры, чтобы не остались их подопечные без церковного окормления и братской помощи во дни болезни и последние дни земного бытия. У смертного одра читали Псалтырь, каноны, затем заказывали панихиды, провожали в последний путь, устраивали поминальные трапезы. Так, за семь лет служения проводили в мир иной четырнадцать человек.

Кроме того, по приглашению не раз ходили в дворовый клуб «Факел» поздравлять с Воскресением Христовым детей-инвалидов, принося им в дар просфоры, пасхальные яйца, выступая перед ними с беседами и концертными номерами. Также группа «Милосердие» навещала детей, приходя с гостинцами, и в День инвалидов.

А ещё в воскресной школе есть комната, куда прихожане приносят одежду, обувь и другие дары. Сёстры группы «Милосердия» распределяют их нуждающимся и нищим, которых по возможности подкармливают, снабжают пищей.

Иногда может показаться, что храм живёт своей жизнью, а воскресная школа — своей. Но взгляды...

Занятия начинаются сразу после литургии, и её дух как бы животворит их, литургическая жизнь продолжается.

...Вот мы обсуждаем проповедь батюшки, смысл воскресного Евангелия. Вот и сам батюшка, о. Сергей, пришёл благословить наши занятия. Вот служитя в храме молебен на начало учебного года. Вот батюшка окропляет святой водой помещение школы, благословляет нас и наши начинания... Вот иподьякон (а затем выпускник Московской духовной семинарии, батюшка,

¹ В рукописи фамилия не указана.

о. Олег) ведёт цикл бесед по истории церкви. Вот о. Сергей, о. Игорь, о. Василий отвечают на вопросы, разъясняют чин службы, правила поведения в храме, организуют помощь храму. Певчие разучивают с нами церковные песнопения к празднику...

Тесно связана с храмом жизнь воскресной школы.

2005 год

Пошло второе десятилетие со дня открытия воскресной школы при Свято-Тихоновской церкви. Много воды утекло за это время в нашей реке Кама... Многие старшие братья и сестры перешли в мир иной, и мы им пропели: «Со святыми упокой...» Окончив духовные семинарии, рукоположены во диаконы и священники некоторые наши ученики, некоторые из них стали монахами. Число прихожан нашей церкви растёт и за счёт выпускников и учащихся воскресной школы.

Мы стараемся сознательно и активно участвовать в жизни нашего православного прихода. А на занятиях продолжаем изучение Священного Писания по толкованиям святых отцов, Священного Предания, церковных и духовных песнопений, знакомимся с новыми книгами, журналами. Совершаем паломничества, участвуем в крестных ходах.

В детских группах продолжают занятия по рукоделиям, где дети обретают терпение, смирение, любовь...»

Татьяна Корнеевна красочно оформила летопись в двух больших фотоальбомах. Расписала каждую страницу, используя старославянские буквы и стилизованный старорусский шрифт. Вклеенные в альбомы фотографии иллюстрируют яркие страницы жизни храма и воскресной школы. На них запечатлены моменты праздников, занятий, трудовых дел, походов. Летописец сопровождала иллюстрации стихотворными строками. Вот некоторые из них:

*Там, где к полю подходит лес,
Собирают цветочки дети –
И спускается к ним с небес
Дивный Ангел, как солнце, светел.
Здесь душе свобода –
Счастлива она,
Что вокруг природа
Господом полна.*

Страница из альбома-летописи воскресной школы, 2005 год

* * *

*Это Русь — душе отрада,
 Это в вечность путь пролёт,
 А на нём — Христовы чада,
 А над ними в небе Бог!¹*

На этом рукопись прерывается. Между листами второго альбома вложены подписанные карандашом, приготовленные для вклейки фотографии, — это будущие страницы летописи. Значит, дело летописца ждёт продолжения.

* * *

В июле 2008 года Татьяну Корнеевну на «скорой» увезли из дома в горбольницу № 5. Врачи сначала определили больную в неврологию, но вскоре она попала в реанимацию с диагнозом «инсульт».

¹ Виктор Афанасьев «Духовная поэзия детям» (прим. авт.).

18 июля 2008 года Татьяны Корнеевны не стало...

Весть о несчастье молниеносно облетела одноклассников 10 «А», выпускников и учителей школы № 20 и настолько потрясла, что многие не помнят, кто кому позвонил и сообщил о случившемся. Ребята, оргкомитет 10 «А», мобилизовались, взяли на себя хлопоты, связанные с похоронами, чутко прислушиваясь к пожеланиям Евгения Андреевича, главной просьбой которого была: «Похороним так, чтобы рядом осталось место для меня...»

Владимир Лебедев, выпускник 1991 года:

— Как врач отделения анестезиологии и реанимации больницы № 5, единственное, чем я мог помочь в той сложной ситуации, прикладывая все усилия для лечения Татьяны Корнеевны, — обеспечить возможность Евгению Андреевичу навещать жену, хотя это, в общем-то, запрещено.

О болезнях говорить не буду. Состояние у неё было тяжёлым. Поступила к нам в сознании, но речь была затруднена. Потом всё осложнилось. Какое-то время она лежала в беспмятстве, перед смертью настало просветление... мы не спасли. Я сам сообщил Евгению Андреевичу, когда он пришёл её навестить. Он заплакал: «Ой, Господи, мы же не готовы...»

Похороны организовал 10 «А» во главе с Сергеем Майоровым. Народу собралось очень много: родные, учителя, ученики и их родители, соседи, знакомые. Все хотели проститься с хорошим человеком. После всего пережитого Евгений Андреевич резко постарел. Поник. Ссутулился. Сдал. Говорил: «Скоро мой черёд». Но говорилось это без капли жалости к себе, только как констатация факта, как само собой разумеющееся.

Моя мама — учительница, с первого дня и по сей день работает в двадцатой школе. Татьяна Корнеевна вела у нас труд в младших классах, Евгений Андреевич в старших — географию. Застал я его на посту директора. Мы как раз учились в четвёртом и пятом классе, и Евгений Андреевич казался нам старшим над всеми учителями, так мы воспринимали. Он не первый, кто быстро ушёл с этого поста. Нам, ученикам, интересно было наблюдать, как учителя каждый раз при смене директора подстраиваются «под новую метлу». И когда Евгений Андреевич покинул пост, никто не удивился — для нашей школы это уже было нормой.

Когда он ушёл в веру, стал более проникательным, что ли: смотрел в глаза так, будто читал человека...

Я думаю, он был счастлив с Татьяной Корнеевной.

Виктор Черепов, сын:

— Когда мама попала в больницу, я не сразу узнал. Жил тогда на квартире, решил стать самостоятельным. Был в командировке. Вернулся, отец

позвонил. Я испугался, поехал тут же в больницу. Мама не вставала. Она почти не могла говорить после инсульта. Я обнял её и заплакал. Она тоже заплакала. Если честно, в тот момент даже и не знаю, кого мне было жалко больше, её или себя. Потом приехал домой, решил на квартиру пока не возвращаться.

Десять дней мама лежала в реанимации, лучше ей не становилось... Когда маму увезли в морг, я был на работе. Папа позвонил и сказал, что она умерла. Я с работы туда. Встретил там Сергея Корнеевича. Он приехал из Сыктывкара, думал, застанет её живой, но не успел.

Первое время — шок. Какое-то странное состояние. Хлопоты не позволяли осознать всё до конца. После похорон я вернулся домой, решил быть с отцом. Ему было очень тяжело. На кладбище он ходил каждый день. Часто я вместе с ним, у меня была служебная машина, иногда её арендовал. Посадили пионы, ёлочку, мама любила ель.

Она мне иногда снится. У меня чувство вины перед ней... Во сне она даёт наставления, будто, как и раньше, переживает обо мне.

Сергей Корнеевич Харюков, брат:

— Таня часто говорила, мол, хоть и пел Высоцкий: «В гости к Богу не бывает опозданий», но человеку важно успеть прийти к нему, именно

Сергей Корнеевич Харюков с женой Ольгой Николаевной

в жизни успеть, а Владимир пел о смерти... Я опоздал проститься с родной душой. Ехал, «гнал коней» в больницу, а попал на похороны. Когда приехал, Жене говорю:

— Пошли к Тане.

А он:

— Она в реанимации, туда не пускают так просто, надо согласовать. После обеда пойдём...

Я не мог сидеть, решил прогуляться по городу. Вдруг звонок:

— Всё... теперь можно идти беспрепятственно к Тане, она умерла.

Мне стало невыносимо больно. Я знал, что она ждала. До приезда звонил из Сыктывкара, когда Женька её навещал, он трубку Тане к уху поднесёт, она говорить не могла, но узнавала, и слёзы текли. И я слышал её...

Отпевали в храме, где воскресная школа — их детище. Знаю, к чему они прикасались — это всегда было с любовью, вдохновенно и серьёзно. И Таню уважали, любили, потому очень много людей пришло проститься.

Нина Михайловна Наумова, подруга Татьяны Корнеевны:

— Через год после смерти Тани Евгений приезжал на родину. Заехал и к нам. Он плохо себя чувствовал, наверное, хотел попрощаться. Несмотря на то, что в нашу станицу (станция Фёдоровская в Краснодарском крае — *прим. автора*) нет прямого транспорта, дорога тяжёлая, он всё же рискнул.

Рассказал, как ему тяжело:

— Как увижу её перед глазами, так иду на могилку. Какой я иногда был невыдержанный... я прожил жизнь со святой женщиной. Мне сказали, она перед смертью успела осенить себя крестным знамением и произнести: «Слава Богу за всё». Спокойно, тихо сказала...

Таня последние два года себя очень плохо чувствовала. И однажды, после Жениного звонка: «Торопись...», я всё бросила и поехала к ним. Была всего пять дней. Мы много говорили о Боге. Таня и Женя словно учителя для меня. Она мне говорила: «Причину бед ищи в себе. Чем лучше человек, тем лучше окружающие его люди. Бойся обидеть человека, бойся ранить его душу. Можно требовать только от себя, а других прощать».

Помню, ехала к ним, просто измотана была делами, заботами о внуках. Села в поезд и уснула. Сутки спала. А когда возвращалась от них, спать не могла. Было состояние переполненности светом. Всё вспоминала и вспоминала наши разговоры, проживала впечатления. А их было много. Мы посетили святые места, съездили в Елабугу, поспорили немного о Цветае-

вой. Евгений Марину не принимал: «Она подвержена страстям, и в стихах эти страсти явны». Правда, говорил это беззлобно, отстранённо. И это не могло омрачить нашего доброго общения.

Единственное, что больно укололо, потрясло потом, когда я уезжала: они провожали меня на вокзале, и в последнюю минуту я вдруг увидела Таню какой-то резко постаревшей. Я заплакала. А она улыбнулась, лицо стало светлым: «Не надо плакать»...

Когда Женя позвонил и сообщил о смерти Тани, на меня будто весь мир обрушился, а я оказалась под его обломками. Если мне было так тяжело, то каково Жене в этой разлуке? Он недолго прожил... Они для меня оба — неземные, люди особого сорта, умевшие бережно нести любовь по жизни, щедро её отдававшие.

Из письма Татьяны Корнеевны Нине Михайловне: *«Ещё раз спасибо тебе большое, что ты к нам приезжала, подарив радость общения и радость ощущения, что единение душ каким было, таким и осталось, хотя прошло так много лет. Они, эти годы, отразились только на наших внешних изменениях. Значит, то единство душ, которое мы ощутили в молодости, осталось неизменным и сейчас. А это значит, это единение уже вне времени и пространства, — не от мира сего, дар от Бога. Спасибо тебе, что ты сохранила его и пронесла через всю жизнь...»*

Маргарита Владимировна Ивойлова, преподаватель воскресной школы:

— Евгений Андреевич очень плох был после смерти Татьяны Корнеевны, ведь они жили в таком тесном единении душевном, словно просли друг в друга: чего у одного не хватало, находилось у другого. А тут будто одна сторона упала. Одиноким он стал. Весь ушёл в воскресную школу. В последний год даже летом, которое выдалось жарким, занятия проводил. Один проводил, несмотря на то, что в больнице лежал, вновь принимал курс химиотерапии. Всё отдавал. Находил в себе силы благоустраивать двор, нашёл семена и посадил цветы, обустроивал печку — зимой школа замерзала. Когда в последний раз лежал в больнице, то запрещал кому-либо приходить к нему. Не хотел, чтобы смотрели на его страдания, чтобы жалели. И надо же было случиться такому совпадению, что Евгений Андреевич умер в день Иоанна Златоуста, которого так почитал и глубоко изучал. А у меня в этот день — 60-летний юбилей. И вижу знак во всём — переданную эстафету. Господь промышляет, объединяя людей. Мы, оставшись без руководителя, идём проторённой им дорогой, ведь мужчина по природе — стратег, а женщина — помощник

ца. И как бы мне хотелось, чтобы школу всё-таки возглавил мужчина. С Евгением Андреевичем мы были как за каменной стеной, как птенчики под сильным крылом заботливого отца. Сейчас мы осиротели, но держимся вместе и продолжаем начатое. Конечно же, мне, конечно же, нам, единомышленникам Евгения Андреевича, беречь традиции нашей воскресной школы.

26 ноября 2010 года Евгений Андреевич умер. Дома. Утром. Виктор ещё не ушёл на работу...

Тамара Александровна Ухова, преподаватель воскресной школы:

— Я работала учителем начальных классов в школе № 1. С Татьяной Корнеевной и Евгением Андреевичем познакомилась в церкви, куда пришла после смерти дочери. Мы — педагоги, это сблизило нас, к тому же я уже была на пенсии, а значит, свободный человек. Господь нас свёл. И так получилось, что после смерти Татьяны Евгений Андреевич несколько раз обратился ко мне за помощью. А вообще он этого очень не любил, всегда боялся быть кому-то обузой, и я знала, если просит, значит, ему крайне тяжело. Помню, спрашивал меня: «Вам после потери дочери сколько времени было невыносимо плохо?» Я честно ему ответила, что до конца боль никогда, наверное, не проходит. Она утихает, превращается в печаль, которая, как тень, сопровождает долгие годы. Конечно же, она светлеет, но я поняла, что для этого ощущения нужна большая мудрость и сила духа. Евгений Андреевич любил природу, искал утешение в ней. Любил гулять, часто спускался к Каме и, если что-то интересное замечал, обязательно звонил и делился. Для него было важно всё, что связано с природой, с сезонными изменениями, он многое подмечал, ему это было не просто интересно, а по-настоящему дорого. Бывало, с такой радостью скажет: «Я сегодня гусей видел» или: «Два снегиря на кормушке сидели, такие вежливые кавалеры, синичку не прогоняли...» Знаю, он всегда делился своими наблюдениями с Татьяной Корнеевной, а когда её не стало, нашёл благодарного слушателя во мне.

После смерти Татьяны он считал дни, как только приближалось восемнадцатое число любого месяца, он говорил: «Завтра восемнадцатое, ещё один месяц разлуки прошёл». Считал и часы, каждый памятный день он уединялся: «Час ухода... я помолюсь за Таню...»

В 2007-м я уехала в Макарьевский район Костромской области. Сейчас живу в родной деревне. Мы здесь, приходом нашим, восстанавливаем церковь Николая Чудотворца.

Супруги Уховы, Тамара Александровна (вторая слева) и Геннадий Иванович с сестрами по вере. Деревня Николо-Макарово Костромской области, 2011 год

После ухода Татьяны Корнеевны я, когда бывала в Костроме, старалась звонить Евгению Андреевичу почаще. Вот и в октябре 2010-го позвонила, спросила:

— Как вы там?

И он ответил:

— Приезжайте, узнаете...

Я подумала: раз так говорит, значит, надо ехать, наверное, не очень хороши его дела. И приехала восемнадцатого октября. В выходные мы с ним пошли в церковь. Он как-то особенно проникновенно молился... Это был последний приход его в церковь и воскресную школу: на другой день, в понедельник он попал в больницу.

Когда его выпишут из больницы, я заранее не знала. Вышла в город по делам. Хорошо, телефон с собой взяла. Евгений Андреевич позвонил:

— Меня выписали. Витя на работе. Вы сможете за мной приехать?

— Конечно.

Тут же, отложив дела, побежала на трамвай, благо была рядом. Приехала в больницу, Евгений Андреевич уже поджидал в фойе. Заметно было — состояние его тяжёлое (хотя виду старался не подавать), но он ослаб, стал плохо слышать.

Вызвала такси. Сели в машину, он сказал:

— Я позвонил маме и Ольге Петровне, сообщил, что меня выписали. Они обе так обрадовались. Знаете, на первом месте у человека должен стоять Бог, на втором — семья, на третьем — работа. Я неправильно жил и тем виноват перед Таней. Приходил из школы, кушал то, что она приготовит, отдыхал и снова готовился к урокам. Она создавала мне условия для успеха, создавала уют. А вчера прошёл ещё один месяц... Господи, прости...

Вошли в подъезд, он не позволил мне взять свою поклажу. Пока поднимались на третий этаж, несколько раз останавливались. Была пятница, я это точно помню, потому что он сказал, что в понедельник ему сдавать анализы, но уже, наверное, сам не сможет никуда пойти.

— Сообщу в больницу, медсестра сама к вам приедет, — успокоила я.
Так и было.

Евгений Андреевич с мамой во дворе дома посёлка Ильский Краснодарского края. 2004 год

В последние дни я часто бывала у Евгения Андреевича, Витя попросил меня по возможности днём находиться у них дома, дал мне ключ от квартиры. 25 ноября я вновь их с Витей навестила. А вечером, когда сдавала дежурство Вите, он вдруг спросил:

— Вы можете завтра приехать пораньше?

Я пообещала, а когда собралась уходить, Евгений Андреевич неожиданно протянул мне десять тысяч рублей.

— Возьмите, Тамара Александровна, как пожертвование на вашу церковь Николая Чудотворца.

Я замаялась. Рядом стоял Витя, и я боялась, что он может не так понять жест отца, и сказала:

— Евгений Андреевич, они вам сейчас пригодятся больше, — я знала, что эти деньги ему то ли ученики его бывшие, то ли ещё кто-то дал. А он строго так, как отрезал:

— Я вам сказал, возьмите!

Это прозвучало как приказ. Я даже вздрогнула, не смогла возразить. Взяла...

На следующее утро Витя позвонил:

— Тамара Александровна, вы можете ещё раньше приехать? Папе совсем плохо.

— Сейчас выхожу.

Не успела выйти, вновь зазвонил телефон, и я услышала подавленный голос Вити:

— Папа умер...

Деньги, что накануне мне дал Евгений Андреевич, я увезла в Кострому, вложила в строительство церкви — выполнила его последнюю волю. В нашей церкви много икон, которые передал в своё время Евгений Андреевич, и книг — они нашли своих читателей. Вот бы он порадовался... Мы создаём альбом истории церкви, там есть слово и о Евгении Андреевиче, и фотографии, и то, что ученики писали о нём в газете. Теперь и здесь, в Костромской области, живёт о нём память.

Виктор Чернявский, выпускник 1980 года:

— Мы с Евгением Андреевичем много беседовали при встречах. Он часто повторял: «Менять мир надо с себя». Некоторые поступки, мысли к нам бумерангом возвращаются, и тогда приходится за них расплачиваться. Поэтому не то что поступать, думать надо светло.

Незадолго до смерти у него было обострение болезни. Он позвонил мне: «Витя, телевизор, который ты принёс, забери, он мне больше не понадобится, лишь место занимает».

Встреча автора с Виктором Чернявским и Сергеем Майоровым – одноклассниками 10 «А» школы № 20, выпускниками 1980-го. Набережные Челны, лето 2012 года

Я приехал днём. Виктор открыл дверь:

— Папа отдыхает, не надо его будить.

А мне так хотелось зайти:

— Может, я пройду к кровати, вдруг у него ещё какая просьба будет?

— Не надо...

А вскоре Евгения Андреевича не стало. Такая досада в душе: не увиделся. Всё время думаю, что дело было не в телевизоре, что он зачем-то звал. Теперь не узнаю, зачем. Его уход — тяжёлая утрата для всех нас, одноклассников. Для меня особенно: он был как отец, с которым я делился своими проблемами, спрашивал совета. А часто — просто поговоришь, и всё в голове на свои места вставало, прояснялось, находились нужные решения. Открыто могу сказать: он был пастырем моей души, ещё со школы. Я уже тогда понял одну вещь: человеку свойственно себя оправдывать. И вот, бывало, пожалуешься ему на какую-то несправедливость, а он метко укажет на твою собственную ошибку, так умело найдёт болевую точку и прожмёт, что и захочешь обидеться, да не обидишься, потому что понимаешь: он прав. Порой

он очень жёстким был в словах, никому не позволял расслабляться и жалеть себя...

Теперь никак в голове не укладывается, что его больше нет. Ни его, ни Татьяны Корнеевны. На кладбище, недалеко от их могилы, лежит моя бабушка, навещаю её, мы с женой каждый раз заходим к ним. Их могилка всегда ухожена, наверное, Виктор следит. Знаю, что и одноклассники сюда приезжают. Мне кажется, все, кто знал Евгения Андреевича и Татьяну Корнеевну, заходят: кто-то по пути, а кто-то специально.

Алексей Комиссаров, выпускник 1987 года:

— Вера зиждется на ощущениях, ведь нет никакой науки, чтобы доказать что-то. Только опыт святых людей показывает многое. Вот и опыт Евгения Андреевича. Он искал исцеления. И однажды в молитве глотнул чистого воздуха и не захотел этот чистый воздух терять. И это не сделка, мол, мне стало легче, я уверую. Какая же это сделка, если человек потом, как бес-сребреник, помогал храму, работал, не щадя себя, в воскресной школе. Он был ищущим человеком.

Да, истово верил в коммунизм. Может, многие и считают его предателем — это на их совести. А посмотрите. Коммунизм — разве это не

Евгений Андреевич в Москве. В 1964 году был награждён экскурсионной поездкой в столицу

вера? Всё содрано с православия. Лучше ничего и нельзя придумать: демонстрации — словно крестные ходы; Маркс, Энгельс, Ленин — чем не коммунистическая троица; книги вождей — как Священное Писание; заповеди — те же, только Бога в моральном кодексе коммунизма не называли. Грешили. А как в то время можно было прийти к Богу, если никакой информации об этом, более того — запреты? А у Евгения Андреевича душа была открыта. Он жизнь воспринимал как верующий человек. И будучи коммунистом, хотел только хорошего и делал хорошее. Почему именно его помнят выпускники двадцатой школы, а некоторых учителей даже имена забыли? Потому что он оставил добрый след в душах. Он — не перевёртыш. Он не предал своих идеалов — раз, и от коммунизма переметнулся в другую веру. Нет! Его путь надо рассматривать в длину. Душа каждого человека ищет, чем жизнь свою наполнить. Нельзя же постоянно пребывать в иллюзиях. Нельзя всю жизнь двигаться по плоскости. Человек — прямоходящий, устремлён в третье измерение, в духовный план, не только же хлебом и зрелищами жив. Духовный мир никто не отменял. И жизнь Евгения Андреевича — прямое доказательство тому. Классическая жизнь человека, пришедшего к Богу.

Я верю, что душа Евгения Андреевича, исполненная искренней веры, душа человека, сотворившего столько добра, отдавшего её «за други своя», не оставлена Богом. **Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего Евгения и сотвори ему вечную память!**

* * *

Слово Евгения Андреевича Черепова

Это «слово» написано Евгением Андреевичем, когда он готовился к родительскому собранию бывших выпускников школы № 20, которое было посвящено 35-летию школы и 30-летию выпуска 10 «А» класса. В феврале 2010 года, на традиционной встрече выпускников, на собрании, организованном Евгением Андреевичем и оргкомитетом 10 «А», присутствовали не только родители, но и дети — выпускники 80-х со своими детьми, учителя и гости вечера.

Произнесённое тогда слово сегодня звучит как исповедь учителя и его обращение к будущим поколениям.

«Здравствуйте, уважаемые, дорогие, родные наши одноклассники — выпускники 1980 года, ваши любимые мамы и папы, незабываемые учителя, гости, друзья класса!

На нашу встречу вас позвали многолетняя дружба, товарищество, любовь. Для одноклассников это одна из многих ежегодных радостных встреч, но она знаменательна юбилейной цифрой — 30 лет со дня выпуска, и, конечно же, большим количеством участников, которые приехали из разных городов России и ближнего зарубежья.

Дорогие родители! Вам уже восьмой десяток лет, эта встреча для вас — итог жизни и вкушение плодов ваших забот, тревог и жертвенной любви к вашим близким.

К сожалению, для многих из нас эта встреча может оказаться прощальной, последней. Более 30 лет назад вы были близки друг к другу, знали хорошо друг друга, работали вместе в классном и школьном родительских комитетах. Вы живо интересовались жизнью ваших детей, старались помочь друг другу, проявить заботу о детях, которым, надо признать, жилось непросто. Не всё получалось гладко. Некоторые вопросы так и не нашли своего решения. Все мы разные, со своими страстями, но никто не был равнодушен, и я, как классный руководитель, ощущал это.

Евгений Андреевич на встрече с учениками в честь 25-летия выпуска 10 «А» класса

Прошло 30 лет. Это немалый срок. Приходит старость и мудрость. За этот период многих уже нет в живых в теле, как родителей, так и учеников, и учителей. Так почтим же память усопших наших близких, дорогих нам людей...

Полтора года как не стало моей любимой жены Татьяны Корнеевны, которая всегда радушно принимала одноклассников у нас дома. В течение 30 лет таких встреч было больше сотни (по несколько раз в год, небольшими группами по пять-двенадцать человек). Я очень благодарен нашему 10 «А» классу. Огромное, сердечное вам спасибо и низкий поклон! Вы помогли мне пережить самые трудные и трагические дни моей жизни. Вы взяли на себя все расходы на погребение и поминальные обеды, освободили на год от квартплаты, да и вообще все эти годы помогли моей семье.

Так вот несколько слов об усопших. Мы помним их не только умом, но и душой. Вспоминаем, когда смотрим на их фотографии, когда прикасаемся к их вещам, одежде, что мы храним. Вспоминаем, когда с любовью и трепетом ухаживаем за их могилками: высаживаем цветы, поливаем, красим оградки...

Душа наша знает, что и они помнят о нас — эту тайну многие знают. Они напоминают о себе в тонком сне. Иногда грустно, молча, иногда радостно, иногда говоря нам что-то. И этого не нужно бояться. Наши усопшие просят нас, чтобы мы о них не забывали. Если очень часто снятся вам или вашим близким, — нужно помолиться о них в церкви, мечети, дома, заказать поминальные службы, вспомнить их добрым словом и оказать милосердие нуждающимся людям.

Связь духовная между живыми и мёртвыми подтверждается многими воспоминаниями. Вот один из примеров (и это духовная реальность). Во время Великой Отечественной войны, вспоминает бывший фронтовик, рота уставших солдат шла на передовую. Командир решил дать роте небольшой отдых, привал с дремотой. Солдаты разместились на окраине леса, кто прилёг, кто сидит. Одному солдату приснилась бабушка, умершая за несколько лет до войны. Во сне бабушка начала настойчиво и тревожно просить: «Федя, уйди с этого места». И так было несколько раз. И Фёдор перешёл на другое место и снова уснул, а проснулся от взрыва, который прогремел на том месте, где он только что спал — разорвалась прилетевшая мина. Неверующий солдат перекрестился, поблагодарил бабушку и всю войну о ней помнил.

Так вот, чтобы лучше помнить о наших усопших, помогает нам в этом знание нашей родословной, разветвлённое древо жизни наших предков и их потомков в лице внуков и правнуков. Пять лет назад на нашем ро-

дательском собрании в честь 25-летия окончания школы вашими детьми была поднята тема «Наше родословие». Знание родословной вашей семьи спланивает всех живущих, помогает обрести уверенность в жизни, даёт пример стойкости, мужества, честности, целомудрия, помощи в беде и радости.

В вашей жизни есть много примеров, когда родственники помогали и помогают друг другу. Вы помните много случаев самоотверженной жизни, жертвенной жизни наших мам, сделавших так, чтобы сохранилась семья, чтобы всем достойно прийти к концу жизни. Большинство родителей — это дети тяжёлого времени Великой Отечественной войны. Вы помните подвиги ваших мам и пап, чтобы вы выжили в то время. И об этом почаще рассказывайте и детям, и внукам, и гостям.

Очень хорошо описана методика составления родословной в книге «Слово о семье Майоровых». Книга у многих есть, там размещены наглядные таблицы установления родства — это плод работы учёных разных эпох. В примечаниях к таблицам даётся краткое описание жизни родственников. Меня поразила пример из этой книги, подвиг женской жизни, никем не замеченный, ничем не отмеченный на земле — это нелёгкая крестьянская жизнь прабабушки Сергея, Татьяны Яковлевны. Она вырастила пятерых сыновей, защитников Родины в годы Великой Отечественной войны, держала хозяйство, девять лет ухаживала за парализованным мужем, прожила сто лет и мирно умерла на руках младшего сына в 1983 году...

После рассказа своим друзьям о необходимости создания родословных многие попытались их создать. Но связи настолько разрушены, что дальше своих дедушек и бабушек никто никого не нашёл. Но есть и положительные примеры. Одна 58-летняя бывшая учительница средней школы № 1, Ухова Тамара Александровна, решила написать своё родословие и начала над этим работать. Она продала свой сад-огород и каждое лето начала ездить в родную разорённую деревню в Костромской области. Стала приглашать к себе на лето своих родственников, выходцев из этой деревни, они устраивали праздники и встречи: то юбилей кого-то из родных, то 300-летие деревни, то установление поклонных крестов в честь погибших воинов на войне. Таким образом, ей удалось не только собрать материал о своих родственниках, но и сплотить около пятидесяти человек, которые дали средства и вложили свой физический труд на постройку деревянной церкви взамен разрушенной. В результате отток населения из этой деревни прекратился, так как людям стало не нужно ездить в райцентр для осуществления своих религиозных потребностей.

Таких примеров за прошедшее пятилетие много. Есть они и у нас в Татарстане. В селе Соколки Мамадышского района население, состоящее из русских и татар, построили мечеть и церковь.

Некоторые родители нашего класса составляют своё родословие и пишут свои воспоминания — приложения к родословию. Например, в этом отношении много работает Василий Григорьевич Чекалкин, упорно собирает материал, как из других мест проживания своих предков, так и от родных современников. Часто воспоминания заканчиваются как бы письмом в будущее, где даются хорошие житейские советы из положительного и отрицательного опыта жизни.

Недавно издана книга «Одноклассники. Письма в будущее». Книга написана о прошедшей незабываемой эпохе нашей страны, в которой был совершён подвиг на Каме — построен красивый город и мощный автозавод, в которой выросли ваши дети. Читатель узнает из книги, чем жили школьники, как учились, как проводили внеучебное время. А они участвовали в общественной и трудовой деятельности, были заняты на субботниках, воскресниках, средниках, в научно-познавательной экспедиции «Моя Родина — СССР», «К тайнам природы». Ходили в походы, проводили интересные тематические классные и школьные вечера, участвовали в движениях «Юные пожарные», «Зелёный патруль», «Юные инспекторы ГАИ», «Юные натуралисты», занимались в спортивных секциях, на летней практике участвовали в строительстве дорог и т.д. Много было интересного и запоминающегося...

Я в том возрасте, когда уже можно подводить итоги, постоянно обдумывая и анализируя прожитые годы. Только выйдя на пенсию, я увидел самую главную мою ошибку, заключающуюся в том, что в своей жизни я на первое место поставил работу, а не семью. Работу я любил, старался трудиться творчески, с интересом. Обществу, руководству, родителям, детям это нравилось. Домой приходил уставший, отдав все силы любимой работе, уже не оставалось душевных сил для жены и сына, которым так не хватало моей любви. И это оскудение любви, порой раздражение и гнев, отразились на взаимоотношениях в нашей семье, ведь без самоотверженной любви в семье несут ущерб все её члены. Но у меня, к сожалению, были закрыты на это глаза до самой смерти моей жены. Теперь же осознаю тяжесть неправильно поставленной жизненной цели, сожалею, каюсь.

Желаю вам всем правильно расставлять жизненные приоритеты и, прежде всего, отдавать любовь. Хочу закончить пожелание словами: дорогие молодые люди, не повторяйте наших ошибок! Итак, на первом

месте — семья, на втором — работа. Если этот порядок соблюсти, то всё получится и в семье, и на работе. И не забывайте каждый день просить друг у друга прощения. Второе моё пожелание тем, кто работает в школе. В школе надо на первое место поставить воспитание высоко-нравственного человека, построенное на принципах вечных моральных ценностей, а на второе — передачу научных знаний. Тогда знания, одухотворённые высокой нравственностью, не принесут человечеству вредных последствий.

Давайте все вместе — и родители, и приглашённые — сегодня выскажем наши пожелания внукам, правнукам и всем, кто будет жить после нас...»

Екатерина Михайловна и Андрей Тимофеевич Череповы. 1939 год

Харьков, июнь 1941 года, перед войной. Жене полгода

Екатерина Михайловна с детьми. Харьков, лето 1951 года

*Андрей Тимофеевич и Екатерина Михайловна с детьми Тamarой и Евгением.
Примерно конец 50-х*

*Ольга Петровна Харюкова, Корней Корнеевич Вибе
с детьми Надеждой, Сергеем и Татьяной. 1958 год*

*Сидят: Ольга Петровна Харюкова, Екатерина Корнеевна Вибе (тётя Катя),
Корней Корнеевич Вибе. Стоят: Надежда и Сергей Харюковы. Примерно 1966 год*

Евгений и Татьяна. Примерно 1967 год

Фотоальбом, подаренный Евгением Татьяне

Свадьба. Сыктывкарский загс. 1967 год

Свадьба. Сыктывкарский загс. 15 июля 1967 года

Евгений Андреевич награждён медалью «За доблестный труд». 1970 год

Педагогический коллектив Рекордской школы. Май 1972 года

*Евгений Андреевич с семиклассниками и их классным руководителем
Натальей Петровной Левадной. Совхоз «Рекорд», 1973 год*

Строительство школы № 20

Чтобы будущие школьники учились на «пятерки», строители закладывали в углах стен школы пятаки

Евгений Андреевич в школе № 20. Набережные Челны, 1976 год

В походе. 1979 год

В походе, у костра 20 лет спустя...

*Евгений Андреевич и Татьяна Корнеевна дома.
Набережные Челны, март 1984 года*

Семья Череповых, 1 февраля 1997 года

Свято-Тихоновская церковь и воскресная школа. 1995 год

*Оформление Т. К. Череповой.
Виктор в библиотеке Свято-Тихоновской церкви. 1996 год*

*Маргарита Владимировна Ивойлова, Евгений Андреевич
и Татьяна Корнеевна Череповы в воскресной школе. 1996 год*

*Преподаватели воскресной школы: Юлия, Маргарита, Евгений, Елена, Тамара.
Праздник Троицы. 2005 год*

Евгений Андреевич с мамой Екатериной Михайловной, сестрой Тamarой и племянницей. Посёлок Ильский Северского района Краснодарского края. 2009 год

*Встреча одноклассников с мамой Евгения Андреевича:
Рамиль Якупов, Елена Ульякина, Леонид Борисович (муж Тamarы Андреевны),
Екатерина Михайловна, Тamarа Андреевна.
Посёлок Ильский Северского района Краснодарского края. Август 2011 года*

1 сентября 2011 г. Школа № 20, присвоение школьному палеонтологическому музею им. Е. А. Черепова.

Стоят слева направо в первом ряду: С. Х. Башкуров – директор школы в период с 1988 по 2008 год; А. П. Шатрова – учитель русского языка и литературы; С. Майоров – выпускник 1980 года; М. Ф. Бурганова – руководитель аппарата Комсомольской префектуры; А. П. Кудряшов – директор школы с 2011 года; Р. Р. Касимова – начальник отдела организационно-педагогического обеспечения и социальной защиты управления образования; И. Хайруллин – выпускник 1982 года.

Во втором ряду: И. Андреев – выпускник 1982 года; Р. Якупов – выпускник 1980 года

Александр Петрович Кудряшов на открытии памятной доски Е. А. Черепова и присвоении школьному музею имени легендарного учителя

*И вновь экскурсию в школьном музее ведёт выпускник 1980 года Сергей Майоров.
1 сентября 2011 года*

Здравствуй, школа № 20! 1 сентября 2011 года

«Я УЗНАЛ, КАК ЛОВИТЬ УХОДЯЩИЕ ТЕНИ...»

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шёл, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли...*

Константин Бальмонт

Дорогие друзья, выражаю искреннюю признательность всем, кто поделился воспоминаниями, принял участие в сборе материала для создания книги.

Сердечно благодарю родных Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны Череповых:

- Екатерину Михайловну Черепову — маму Евгения Андреевича;
- Тамару Андреевну Никифорову — сестру Евгения Андреевича;
- Леонида Борисовича Никифорова — супруга Тамары Андреевны;
- Ольгу Петровну Харюкову — маму Татьяны Корнеевны;
- Сергея Корнеевича Харюкова — брата Татьяны Корнеевны;
- Ольгу Николаевну Харюкову — супругу Сергея Корнеевича;
- Виктора Черепова — сына Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны.

Благодарю подруг Татьяны Корнеевны:

- Галину Николаевну Морозову;
- Нину Михайловну Наумову.

Благодарю коллег Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны, работавших и работающих в средней школе № 20 города Набережные Челны:

- Антонову Валентину Гавриловну;
- Башкурова Салиха Хусяиновича;
- Бикчантаеву Елену Юрьевну;
- Вихорева Валерия Владимировича;
- Гаврилову Алевтину Александровну;
- Гольдфайн Беллу Ароновну;
- Крякушину Юнну Николаевну;
- Кудряшова Александра Петровича;
- Лебедеву Ларису Григорьевну;
- Лукашевич Антонину Васильевну;
- Мыльникову Анну Ивановну;
- Поликанову Таисию Михайловну;
- Целиковского Юрия Михайловича;
- Чирскову Татьяну Николаевну;
- Шатрову Анну Павловну;
- Яруллина Фариды Мазитовича.

Благодарю коллег Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны, работавших с ними, и учеников, учившихся у них в восьмилетней школе совхоза «Рекорд» Краснокутского района Саратовской области; и коллег, работающих сегодня в средней школе села Рекорд:

- Балаклеяеву Нину Васильевну;
- Дикун Екатерину Ивановну;
- Дусингалиеву Алефтину Борисовну;
- Мухамбетову (Катаргалиеву) Надежду;
- Шаломанову Наталью Владимировну.

Благодарю настоятелей Свято-Тихоновского храма и единомышленников Евгения Андреевича и Татьяны Корнеевны по воскресной школе:

- отца Сергия;
- отца Вячеслава;

- Маргариту Владимировну Ивойлову;
- Тамару Александровну Ухову;
- Елену Адольфовну Колмагорову;
- прихожан церкви, слушателей воскресной школы.

Благодарю выпускников разных лет школы № 20 города Набережные Челны:

- Аверьянова Александра;
- Аглетдинова Ильдара;
- Андреева Ивана;
- Булатову Искру;
- Валеева Камиля;
- Гергенрейдер Жанну;
- Гиляева Рустама;
- Гилязова Ильшата;
- Дейнегу Олега;
- Ежкову Аллу;
- Заморского Валерия¹;
- Захваткина Михаила;
- Каримову Элю;
- Комиссарова Алексея;
- Константинова Александра;
- Лебедева Владимира;
- Павлова Юрия;
- Плеханова Станислава;
- Роговского Андрея;
- Сафина Ильдара;
- Тришкина Владимира;
- Тришкина Олега;
- Тураева Виктора;
- Улькину Елену;
- Хайруллина Ильдара;
- Чахирева Владимира;
- Чекалкину Елену;
- Чернявского Виктора;
- Чершинцева Валерия;
- Яковлеву Эльмиру.

¹ Валерий Заморский не является выпускником школы № 20 города Набережные Челны, но является почётным одноклассником 10 «А» выпуска 1980 года, другом класса, создавшим видеофильмы о Е. А. Черепове и его учениках.

Благодарю родителей выпускников школы № 20:

- Галину Николаевну Майорову;
- Маргариту Ионову;
- Александра Павловича Чахирева;
- Людмилу Павловну Чахиреву.

Благодарю тех, кто оказался неравнодушным к созданию книги, дал консультации по различным вопросам:

- Ахмедханова Далгата Ималутдиновича;
- Гладкова Виктора Петровича;
- Дробышевскую Оксану;
- Изумрудова Юрия Александровича;
- Кузьмичёва Юрия;
- Майорову Наталью;
- Маргариту¹ и её сына Дениса;
- Мыздрикову Гюльнар;
- Новикова Валерия;
- Орехову Аллу;
- Павлова Виталия;
- Первову Наталью Ивановну;
- Радостина Юрия Александровича;
- Славянина Виктора Петровича;
- Хамидуллину Веру;
- Шангараева Ильдара;
- Шеянову Елену;
- Шикова Андрея;
- Щербакову Ольгу.

Особая благодарность оргкомитету 10 «А» класса 1980 года выпуска школы № 20 города Набережные Челны и оргкомитету по созданию данной книги, а именно: Сергею Майорову, Рамилю Якупову, Александру Цыбульникову, Рустаму Гилязеву, Ильшату Гилязову, Ильдару Сафину, Виктору Тураеву, Андрею Роговскому.

¹ Маргарита, воспитанница набережночелнинской школы-интерната, попросила не указывать её фамилии.

Сердечно благодарю одноклассников 10 «А» класса 1980 года выпуска школы № 20 города Набережные Челны Рамиля Якупова и Сергея Майорова за организацию поездок в Геленджик и посёлок Ильский Северского района Краснодарского края для встречи с родными Евгения Андреевича Черепова, а также в город Сыктывкар для встречи с родными Татьяны Корнеевны.

Это были поистине вдохновенные дни!

Спасибо!

Ольга Кузьмичева-Дробышевская

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья ПЕРВОВА, член Союза российских писателей
КАССИОПЕЯ СТАЛА БЛИЖЕ

3

*Отец Сергей, настоятель Свято-Тихоновского храма
г. Набережные Челны*

«ПУСКАЙ КНИГА ИДЁТ В МИР»

6

Ольга КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
«НО СЕРДЦЕ ВЕРИТ В ЧУДЕСА...»

8

КНИГА ПЕРВАЯ ВСЁ — НИЧТО! — БЕЗ ЛЮБВИ

I

ЕВГЕНИЙ И ЕГО СЕМЬЯ

15

II

ТАТЬЯНА И ЕЁ СЕМЬЯ

57

III

«ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ СЧАСТЬЯ...»

81

IV
СВАДЬБА

101

V
СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

127

VI
ГОРОД НАДЕЖД

167

VII
ВРЕМЯ УРОКОВ

219

VIII
ВИКТОР

263

IX
ПОДАРОК

291

X
ОКНО

321

XI
ПРОТИВОСТОЯНИЕ

351

XII
ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

375

КНИГА ВТОРАЯ
ВРЕМЯ ИТОГОВ

I
О ГЛАВНОМ
386

II
«Я УЗНАЛ, КАК ЛОВИТЬ
УХОДЯЩИЕ ТЕНИ...»
487

Литературно-художественное издание

О. В. Кузьмичева-Дробышевская

ВСЁ – НИЧТО! – БЕЗ ЛЮБВИ

Корректор Елена Шеянова
Дизайн, вёрстка Виталий Павлов

Подписано в печать 28.04.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 28,93. Тираж 1000. Заказ Н-374.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «ИДЕЛ-ПРЕСС»

420066, РТ, г. Казань, ул. Декабристов, 2

Ольга Кузьмичева-Дробышевская родилась в городе Волжском Волгоградской области. В 70-е с родителями приехала в Набережные Челны, где окончила среднюю школу, училище искусств, педагогический институт (факультет педагогики и психологии). В 2011 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (г. Москва). Член Союза российских писателей. Стихи и проза публиковались в журналах и литературных альманахах «День и ночь» (Красноярск–Москва), «Идель» (Казань), «Армак. Татарстан» (Казань), «Слово Отчее» (Москва), «Точки» (Москва), «Путь мастерства» (Москва), «Енисейский литератор» (Красноярск), «Дагестан» (Махачкала), антологии поэзии «Под небом высоким» (Казань) и др.

Автор двух поэтических сборников, двух художественно-документальных книг. Лауреат Республиканского конкурса Татарстана «Хрустальное перо» (2010), дипломант международного Тютчевского конкурса (2013).

Известна и как исполнительница романсов, песен на свои стихи и стихи российских поэтов, дважды призёр Международного Интернет-конкурса Грушинского фестиваля (2013, 2014), автор трёх песенных альбомов.

Живёт в городе Набережные Челны.